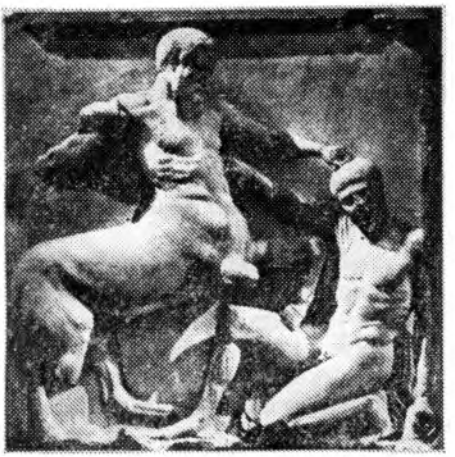
АНТИЧНАЯ ГРЕЦИЯ

ТОМ 2

КРИЗИС ПОЛИСА



Во втором томе «Античной Греции»
анализируется кризис полиса,
дается характеристика межполисных отношений
в IV в. до н. э.,
раскрывается суть позднегреческой тирании,
освещается проблема панэллинизма в политике
IV в. до н. э.,
подробно рассказывается об Афинах
при Александре Македонском и Спарте при
Агисе III.
Завершает том глава,
посвященная греческому искусству
(с древнейших времен до начала эллинизма),
а также справочный материал,
относящийся к обоим томам.

А $\frac{0504010000-311}{042(02)-83}$ 28-83 (кат. III)

© Издательство «Наука», 1983 г.

ГЛАВА 1 ПРОБЛЕМЫ КРИЗИСА ПОЛИСА

В последние десятилетия и в СССР, и за рубежом появился ряд работ, рассматривающих историю древней Греции с конца V в до н. э. под углом зрения «кризиса полиса». Более того, эту формулу стали широко применять к истории греческих городов эллинистического и римского периодов и к самому Риму. Таким образом, явление, характерное для Греции после ее наивысшего расцвета в V в., распространяется на различные территории и хронологические периоды. Это создает впечатление бесконечно затянувшегося процесса, происходящего при несходных исторических условиях. Неудивительно, что в трактовке его нет единообразия, причем разноречивость суждений определяется не только различными исходными позициями исследователей, но и тем конкретным материалом, которым они оперируют. При характеристике греческих полисов эллинистического и римского периодов обязательно подчеркивается фактор прямого подчинения или зависимости от могущественного правителя, включения в состав территориальных государств или взаимосвязей с ними. Рассмотрение кризиса Римской республики в плане кризиса полиса неизбежно связывается с победоносными войнами Рима, созданием могущественной Римской империи, распространением в невиданных прежде размерах рабского труда, разорением италийского крестьянства. В то же время кризис Афинского государства обычно исследуется на фоне тяжкого поражения в Пелопоннесской войне, распада морской державы и естественного ослабления военной мощи Афин. Получается, что из диаметрально противоположных предпосылок выводятся сходные исторические последствия [1].

Нет единства в трактовке кризиса полиса и применительно к самой Греции IV в. до н. э. Чаще всего кризис рассматривается на афинском материале, и нередко вопрос сводится к кризису афинской демократической системы правления, хотя, как известно, кризис полиса в равной мере коснулся государств с разными формами правления — как демократических, так и олигархических.

Исследователи ищут проявление кризиса в самых разных сторонах жизни древнегреческих полисов — в экономике, социальных отношениях, политических институтах, военной организации, идеологии. Такой многосторонний подход в основе своей плодотворен, ибо позволяет увидеть и проследить симптомы болезни под разными углами зрения. Но так как при этом неизбежно концентрируется внимание на одном определенном

[1] Подробнее об этом см.: *Глускина Л. М.* О специфике греческого классического полиса в связи с проблемой его кризиса.— ВДИ, 1973, № 2, с. 27—42.

аспекте, то выделяется и особенно подчеркивается тот или иной симптом или отдельное проявление общего кризиса полиса [2], и картина получается неполной и односторонней.

Ввиду особой роли Афин в истории древней Греции и преобладания среди сохранившихся источников афинского материала естественно, что и о кризисе полиса больше всего говорят применительно к Афинам. Специальному рассмотрению кризис Афинского государства подвергся сравнительно недавно в работе К. Моссе [3]. Автор сам рассматривает свое исследование как постановку (а не решение) проблемы, подчеркивает трудность задачи и предварительный характер предлагаемых ответов на поставленные вопросы. В ряде последующих статей Моссе уточняет и исправляет некоторые из высказанных ею положений, в частности о концентрации земли и разорении аттического крестьянства [4].

В специальном докладе на XIV Международном конгрессе историков в 1975 г. о кризисе афинского полиса в IV в. до н. э. Печирка [5], рассматривая проблему в целом, показал ее сложность, эволюцию в самой постановке, отсутствие единого критерия в подходе исследователей, применение к истории Греции таких моделей, как кризис Римской республики, попытки генерализации скудных литературных свидетельств при недостаточном учете накопившегося за последние десятилетия эпиграфического и археологического материала. Относительно Афин автор справедливо замечает, что одни говорят о кризисе как конце афинской демократии, другие — о конце греческого полиса, хотя и то и другое, правда в изменившихся условиях, сохранялось и после победы Македонии. Признавая несостоятельной так называемую «ортодоксальную модель» кризиса Афин, опирающуюся на два элемента — обезземеливание крестьянства и связанную с ним концентрацию земли,— и теорию о политических партиях в Афинах IV в. до н. э., Печирка предлагает свое понимание развития афинского полиса в IV в. и ставит вопрос, был ли вообще кризис, а если да, то кризис чего.

[2] См., например: Hellenische Poleis. Krise — Wandlung — Wirkung/Hrsg. von E. Ch. Welskopf. B., 1974. Bd. I—IV.

[3] *Mossé Cl.* La fin de la démocratie athénienne. Aspects sociaux et politiques du déclin de la cité grecque au IVe siècle avant J.-C. P., 1962. Хотя книга озаглавлена «Конец афинской демократии», в ней ставятся вопросы и об экономике, и о социальных отношениях, и о политической жизни, и об идеологии. Автор касается проявления кризиса и в других государствах Греции (Спарта, Сиракузы).

[4] *Mossé Cl.* Le statut des paysans en Attique au IVe siècle. Problèmes de la terre en Grèce ancienne. P., 1973, p. 179—186; *Eadem.* Métèques et étrangers à Athènes aux IVe—IIIe siècles avant notre ère. Symposion, 1971.— In: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975, S. 205—213; *Eadem.* Les classes sociales à Athènes au IVe et IIIe siècles avant notre ère. Ordres et Classes.— In: Colloque d'histoire sociale (1967). Paris; La Haye, 1973, p. 23—28; *Eadem.* Les procès politiques et la crise de la démocratie athénienne.— In: Dialogues d'histoire ancienne. P., 1974, I, p. 207—236.

[5] *Pečirka J.* The Crisis of the Athenian Polis in the Fourth Century B. C.— In: XIV International Congress of Historical Sciences. San Francisco, 22—29 Aug., 1975. Расширенный автором текст доклада опубликован: Eirene, 1976, XIV, p. 5—29.

Автор справедливо призывает, исследуя перемены в различных сторонах жизни афинского полиса, определить: влияли ли они на основную структуру в такой мере, что можно говорить о кризисе. Он полагает, что в V в. наблюдалась эволюция афинского полиса, в результате чего экономические, политические принципы, социальная структура, моральные ценности и политические качества переросли полисные рамки. В некотором ограниченном смысле мы вправе говорить о кризисе, а именно о кризисе гражданской общины, социальной структуры, институтов и идеологии полиса. Автор предлагает в этой связи обратить особое внимание на роль неграждан в экономической и социальной жизни полиса.

В то же время Печирка выступает против распространенного мнения, что Афины являются типичным примером эволюции греческого полиса. Афинская «империя» V в. обусловила развитие Афин, в том числе афинской демократии, и определила большие отличия афинского полиса от других. Поэтому пример Афин следует рассматривать как абсолютно уникальный.

Хотя доклад Печирки был посвящен Афинам, он поставил проблему кризиса полиса в более широком плане, и его конечный вывод об уникальности Афин не снимает вопроса о проявлениях кризиса в других греческих государствах.

Естественной, пожалуй, хотя и чрезмерно резкой, реакцией на попытки генерализировать формулу «кризис полиса», на нечеткость и разноголосицу в определении географических и хронологических рамок этого явления, на отсутствие общепринятых представлений о его сути явились высказывания Э. Вилла в его очередном обзоре литературы по истории Греции за 1973—1975 гг.[5а] Автор не отрицает, что Афины и другие греческие государства знали в своей истории критические периоды, но возражает против «двойной деформации» концепции термина, заимствованного, по его словам, из медицины. Кризис распространяют во времени, что превращает его в длительную болезнь; говорят не о кризисе того или иного города, а о кризисе полиса вообще. Кризис полиса рассматривают как период греческой истории, хотя никто не думает это обосновать. Авторы отдельных статей исследуют явления, которые можно назвать «критическими», но они нередко вызваны вполне конкретными причинами, а не кризисом в целом.

Не отрицая возможности говорить о кризисе Афин в IV в., Вилл произвольно приписывает всем историкам-марксистам концепцию связи кризиса с экономическим упадком, обезземелением крестьянства, вытеснением свободного труда рабским, а когда встречает суждения об отсутствии этих феноменов в Афинах IV в., заключает, что этим самым снимается и вопрос о кризисе полиса [6].

Между тем в работах последних десятилетий, основывающихся не на априорных концепциях, а на анализе конкретного материала источников, кризис полиса связывается не с экономическим упадком Греции, а, на-

[5а] *Will Ed.* Histoire grecque. Bulletin historique (1973—1975).— RH, 1977, CCLIV, p. 391—393.

[6] Ibid., p. 392—393. 418—419.

против, с развитием товарно-денежных отношений, межполисных связей, подъемом в целом ряде областей. Никто всерьез не говорит применительно к Греции IV в. и о распространении рабского труда как факторе разорения и обнищания массы свободного населения.

Сама постановка вопроса о кризисе греческого полиса представляется вполне правомерной. Но прежде всего необходимо дать дефиницию, определить хронологические (по возможности, и географические) рамки явления, отделить сущность кризиса от его симптомов и результатов. Разнобой в суждениях по этому вопросу связан в значительной мере с отсутствием четких критериев в подходе исследователей к его рассмотрению. А это, в свою очередь, обусловлено тем, что античные авторы, которые много писали о трудностях, переживавшихся греческими полисами, просто констатируя их или пытаясь найти какой-либо выход, исходили обычно из вполне конкретной ситуации, определившей выделение того или иного аспекта (внутренние или внешнеполитические трудности, падение нравов, коррупция, ослабление патриотизма, контрасты богатства и бедности и др.). Никто из них прямо не говорит о кризисе полиса, хотя постановка этой проблемы является правомерным результатом изучения их высказываний и сообщаемых ими фактов. Здесь имеются в виду прежде всего авторы конца V и IV в., непосредственные свидетели и участники событий и явлений, сотрясавших мир греческих полисов. Те, которые жили и писали после них, сообщают порой новые сведения об этом периоде, не сохранившиеся в современных свидетельствах, но их общие суждения оформлялись уже после македонских, а затем и римских завоеваний, преобразивших средиземноморский мир, и их, естественно, интересуют прежде всего факторы ослабления военной мощи греков и их способности к сопротивлению.

Наша задача — рассмотреть кризис полиса не вообще, вне времени и пространства, а именно кризис классического греческого полиса в IV в. до н. э. Полисы продолжали существовать (и даже вновь возникали) в эллинистический и римский периоды, но, хотя многие структурные элементы их совпадали с полисами периода независимости Греции, привнесено было столько новых обстоятельств и черт, что можно говорить уже об ином качестве. Эти полисы существовали и эволюционировали в рамках более обширных государственных объединений или в прямой зависимости от них, развитие было не спонтанным, а нередко обусловливалось прямым волеизъявлением могущественных правителей или косвенным воздействием более сильных политических организмов.

Прежде чем говорить о кризисе греческого полиса, необходимо выделить те основные черты, которые характеризуют сущность этого полиса. Греческий полис это прежде всего замкнутая гражданская община, наследственная принадлежность к которой дает целый ряд преимуществ [7]. С точки зрения экономической главные из них — исключительное право

[7] Привилегированное положение граждан предполагает существование населения, не включенного в гражданский коллектив. Не говоря уже о рабах, в любом греческом полисе существовала категория типа афинских метеков, удельный вес которой варьировался в зависимости от конкретных условий.

РАНЕНЫЕ АМАЗОНКИ. Статуи работы Фидия и Поликлета. Третья четверть V в. до н. э.

владения землей, с политической — право участия в той или иной степени [8] в обсуждении и решении вопросов внутренней и внешней политики, судах, законодательстве, выборах должностных лиц. Для греческого полиса характерно столь тесное слияние гражданского коллектива с государством, что даже в официальной терминологии обособленное обозначение государства — Афины, Коринф, Фивы и т. д.— существовало только как географическое понятие, а в политическом смысле как в исторических сочинениях, так и в документах фигурируют «афиняне», «коринфяне», «фиванцы». Это связано как с небольшими размерами греческих государств, так и с малочисленным населением, что позволяло осуществлять в той или иной мере прямое народоправство [9].

В классическом греческом полисе не было официального противопоставления городского населения сельскому. У полиса не было эксплуатируемой им хоры, среди граждан были не только землевладельцы, сами не занимавшиеся сельскохозяйственным трудом, но и земледельцы, собственноручно обрабатывавшие свои участки [10]. Исключительное право граждан на земельные владения сочеталось с уважительным отношением к земледельческому труду.

Землевладение в греческом полисе представлено тремя формами — государственные, общественные и частные земли.

Государственное и общественное землевладение нередко рассматривается в литературе под одной рубрикой. Их, разумеется, в отличие от частных земель, объединяет коллективный характер владельца. Но в то время, как государственные земли считались собственностью всего гражданского коллектива, использование их регулировалось законами и находилось под контролем общегосударственных должностных лиц, земли общественные (фил, демов, фратрий, культовых и других сообществ) принадлежали отдельным группам граждан, которые сами определяли условия их использования, и ведали этим локальные магистраты (в Афинах — эпимелеты фил, демархи, фратриархи и т. д.). Более того, споры по поводу общественных земель считались сферой не публичного, а частного права [11].

[8] Мера участия граждан в политической жизни, разумеется, определялась существовавшим в нем политическим строем — демократией, олигархией и промежуточными формами. Но примечательно, что даже при тирании, которая в конце V в. до н. э. вновь появляется на политической арене, органы народного правления привлекаются для решения или утверждения некоторых важных вопросов. См.: *Фролов Э. Д.* Греческие тираны (IV в. до н. э.). Л., 1972, с. 101, 135 сл., 141 сл., 164 сл.; *Он же.* Гражданская община и ее представительные органы в Сиракузах при Дионисии Старшем.— В кн.: Античный мир и археология. Саратов, 1977, вып. 3, с. 63—72.

[9] Существовавшее в любом полисе народное собрание по идее представляло собой весь гражданский коллектив, хотя на практике там далеко не всегда присутствовало большинство граждан. При олигархиях собрание тоже функционировало, хотя его состав и полномочия варьировались в зависимости от обстоятельств.

[10] Любопытен приведенный у Лисия пример живущего в городе афинянина, который ходит оттуда на свой участок и возвращается после заката солнца. Так же поступает и его друг (*Lys.*, I, 11, 13, 20, 22, 39). Ср.: *Xen.* Oec., XI, 14—18. Это, разумеется, не исключает использования и в таких небольших хозяйствах рабского труда.

[11] *Lipsius J. H.* Das attische Recht und Rechtsverfahren. Leipzig, 1915, S. 799.

Ни государственные, ни общественные земли не представляли собой источника сколько-нибудь значительных доходов. Они сдавались в аренду на более или менее длительные сроки (от десяти лет до пожизненной или наследственной аренды) только гражданам, арендная плата шла на покрытие расходов по содержанию святилищ, на празднества, жертвоприношения. Не существовало организованного, приносившего постоянный и значительный доход государственного хозяйства.

Характерно, что конфискованные в результате судебных процессов или других причин земли и другое имущество не оставались в руках государства, а продавались частным лицам. Полис не имел в своем распоряжении хозяйственной организации, которая могла бы обеспечить ему рациональное и выгодное использование конфискованного имущества. Судя по некоторым свидетельствам, цены при продаже конфискованного имущества, несмотря на аукцион, были низкими [12]. Это, возможно, объяснялось некоторым предубеждением против приобретения такого имущества или превышением предложения над спросом.

Любопытное соотношение государственных и частных интересов проявляется в том, что после продажи конфискованного имущества даже государственных должников в первую очередь удовлетворялись претензии к ним частных лиц, а потом уже государства [13].

В период расцвета полиса отсутствие достаточно стабильных источников пополнения государственной казны компенсировалось в некоторой степени готовностью богатых граждан участвовать своими средствами в расходах на общие нужды (литургии, добровольные пожертвования), что опять-таки вытекало из духа коллективизма гражданской общины, ощущения каждым членом своей слитности с ней, несмотря на никогда не исчезавшие внутренние противоречия.

Специфический характер взаимоотношений между полисом и его гражданами проявлялся и в том, что в Греции классического периода отсутствовало прямое налогообложение граждан. Чрезвычайный налог на военные нужды (эйсфора в Афинах) вводился только в случае крайней надобности [14]. Но это была каждый раз единовременная мера, требовавшая специального декрета народного собрания, определявшего и подлежавшую взысканию сумму (см.: Dem., XIV, 26).

Говоря о характерных чертах греческого полиса, необходимо отметить его военную организацию, также тесно связанную с особенностями его структуры. Армия представляла собой прежде всего гражданское ополчение, участие в нем было одновременно и обязанностью, и правом гражданина [15]. Роль тех или иных социальных групп в военных силах госу-

[12] См., например: *Lys.*, XVIII, 16, 20; [*Arist.*] Oec., II, 2, 1346b, 6—8.

[13] См.: *Глускина Л. М.* К вопросу о конфискации имущества в древних Афинах.— В кн.: XXII Герценовские чтения. Истор. науки. М., 1969, с. 192—194.

[14] Согласно Фукидиду (III, 19, 1), эйсфора в Афинах была впервые введена в 428 г. до н. э. Иная трактовка этого свидетельства, предложенная Томсеном (*Thomsen R.* Eisphora. Kobenhavn, 1964), представляется неубедительной. Ср.: *Глускина Л. М.* Разрешены ли загадки афинской эйсфоры? — ВДИ, 1967, № 2, с. 257—265.

[15] Насколько армия чувствовала себя составной частью полисного гражданского коллектива, свидетельствует то, что афиняне, служившие во флоте, который стоял

дарства влияла на их положение в политической жизни и в мирное время [16]. Привлекаемые на военную службу неграждане, как правило, выполняли вспомогательные функции. Правда, в афинском флоте роль метеков была немаловажной, но служившие в сухопутной армии использовались преимущественно для охраны границ Аттики, а к участию в дальних походах привлекались лишь в крайних случаях. То, что в число даруемых метекам привилегий включалось право нести военную службу наравне с афинянами, свидетельствует об отношении к этой службе как к почетному праву гражданина.

Привилегированное положение граждан в сравнении с остальным населением полиса, замкнутые рамки небольших государств, слабо развитое международное право, не гарантировавшее свободы и безопасности человека за пределами его родного города, были основой традиционной идеологии, при которой само собой подразумевалось, что общие интересы полиса сливаются с частными интересами отдельных граждан, а в случае столкновения их имеют бесспорный приоритет [17].

Жизнь гражданина и экономически, и политически определялась его принадлежностью к полису.

Этот суммарный обзор определяющих, на наш взгляд, черт греческого полиса периода его расцвета позволяет более отчетливо поставить вопрос и о его кризисе.

Исчезновение или ослабление этих основных черт является бесспорным свидетельством болезни или кризиса классической полисной структуры. То, что в результате ее полис не исчез, а продолжал существовать в новых исторических условиях, на иной основе [18], подтверждает лишь хорошо известный в истории факт сохранения и использования старых форм в новой социально-политической системе [19].

у Самоса, собрались там на народное собрание с целью противостоять олигархам, захватившим в 411 г. до н. э. власть в Афинах (*Thuc.*, VIII, 76—77).

[16] Недаром античные авторы связывают развитие демократических институтов в Афинах с большой ролью беднейших слоев во флоте, обеспечивавшем внешнеполитическое могущество Афин. См., например: [*Xen.*] Ath. Pol., I, 2; *Arist.* Polit., III, 9, 3, 1274a 11; IV, 4, 1, 1291b 20; V, 3, 5, 1304 a21—24.

[17] Это не исключало личной свободы гражданина, возможности избирать и вести угодный ему образ жизни, о чем столь красноречиво говорит Перикл в приписываемой ему Фукидидом речи (*Thuc.*, II, 37—38, 40).

[18] По поводу формулы «конец полиса» в связи с его кризисом Печирка справедливо замечает, что ни Филипп, ни Александр не воевали против греческих полисов как таковых, а лишь против коалиции греческих полисов, возглавляемых Афинами. Их победа означала конец системы полисов как ведущей силы в греческом мире. Но как социо-экономическая и политическая единица полис продолжает существовать (Eirene, 1976, XIV, p. 6—7).

[19] Например, внутри полисов не только сохранялся унаследованный от прошлого институт фратрий, но он получил новые функции, в частности использовался для сохранения замкнутости гражданского коллектива и борьбы с проникновением в него чужеродных элементов. См.: *Busolt G.* Griechische Staatskunde. München, 1920, I, S. 250—256; *Paoli U. E.* Studi di diritto Attico. Firenze, 1930, p. 216—222; *Глускина Л. М.* Фратрия в структуре дельфийского полиса.— В кн.: XXIX Герценовские чтения. Истор. науки. Л., 1976, с. 102—106.

Что же нового появляется в мире греческих полисов в IV в. до н. э.? К сожалению, при рассмотрении этого вопроса приходится оперировать главным образом наиболее доступным и обильным афинским материалом. Задача заключается в том, чтобы выявить те черты, которые не являются специфически афинскими и могут быть отмечены в других полисах.

Начнем с основного и определяющего признака полиса — взаимосвязанность гражданского статуса с земельным владением. Как уже было сказано, тезис о массовом разорении крестьянства и концентрации земли в руках небольшой кучки богачей в Афинах IV в. подвергается в последние десятилетия основательной критике. Попытки видеть в аттических закладных камнях horoi, которые в сравнительно большом количестве сохранились именно для IV—III вв., свидетельства массовой задолженности землевладельческого населения, приводившей к утере им земли и вынужденному переселению в поисках средств к существованию в город, были убедительно опровергнуты мастерским анализом этих своеобразных источников, проведенным М. Финли [20]. Он пришел к выводу, что землю закладывали не бедняки, остро нуждавшиеся в деньгах, и не предприниматели с целью изыскания средств для их производительного использования. Поводами для займов под ипотеку были литургии и другие возлагаемые государством повинности, неотложная нужда в наличных средствах, например для приданого, выкупа из плена и др. Horoi ведут нас в мир не бедняков, а состоятельных людей.

Поскольку horoi являются единственными сохранившимися документальными источниками о закладе земли в Афинах IV в. и именно они привлекались в доказательство обезземеления и разорения крестьянства, выводы Финли нанесли серьезный удар по этой концепции. Тем не менее заключения только на основании horoi не могут считаться окончательными. Уже не говоря о том, что число сохранившихся horoi составляет ничтожный процент весьма распространенных займов под ипотеку [21], сама практика установления их не была обязательной [22]. Правомерно предположение, что именно в случаях небольших займов, к которым прибегали беднейшие граждане, такие закладные камни не устанавливались. Далее, присутствие камня с соответствующей надписью на заложенном участке

[20] *Finley M. I.* Studies in Land and Credit in Ancient Athens 500—200 B. C. New Brunswick, 1952. Ср.: *Глускина Л. М.* Новые работы по истории земельных отношений и кредита в Аттике.— ВДИ, 1957, № 4, с. 154—167.

[21] К началу 50-х годов, когда были опубликованы исследования Финли, было известно 192 аттических horoi (свидетельств заклада; horoi — межевые знаки, разумеется, не принимаются в расчет) и 22 — с островов (Лемнос, Наксос, Аморгос, Скирос). С тех пор число их значительно пополнилось, но новые надписи не поколебали выводов, сделанных на основе ранее известного материала. Ср.: *Andreyev V. N.* Some Aspects of Agrarian Conditions in Attica in the Fifth to Third Centuries B. C.— Eirene, 1974, XII, p. 11.

[22] Horoi не являлись официально признанным свидетельством заклада. При возникновении судебного конфликта между кредитором и должником решающее значение для определения правоты одной из сторон имело не наличие или отсутствие horoi на заложенном участке, а письменное соглашение о сделке и показания свидетелей. Ср.: *Fine J. V.* Horoi. Studies in Mortgage, Real Security and Land Tenure in Ancient Athens. Princeton, 1951, p. 57 sq.; *Finley M. I.* Studies..., p. 15 sq.

имело смысл только до тех пор, пока не истекал срок уплаты долга и земля оставалась в руках должника [23]. Если же он оказывался несостоятельным и заложенное имущество переходило в руки кредитора или продавалось для возмещения долга, надпись, естественно, уничтожалась.

О существовании проблемы задолженности в Аттике IV в. свидетельствуют литературные источники [24]. Среди людей, страдающих от претензий кредиторов, выступают представители различных социальных слоев и общественного положения — от знаменитого стратега Тимофея до скромного земледельца. Встречаются жалобы на жестокость кредиторов при взимании долгов и процентов, упоминаются факты разорения должников в результате неплатежеспособности. Но среди них мало представителей земледельческого населения, и нет оснований говорить о его массовом разорении вследствие задолженности [25].

Разумеется, размах кредитно-денежных операций, характерных для Аттики IV в., не мог не коснуться всех слоев населения. Состоятельные афиняне, даже имевшие значительные земельные владения, не гнушались давать деньги в рост [26]. Займы, возможно, на более льготных условиях, чем частные лица, предоставляли также демы, фратрии, различные сообщества [27]. Но все это, по-видимому, не имело далеко идущих катастрофических последствий [28]. Мы не слышим применительно к Аттике IV в. требований передела земли и отмены долгов, хотя при афинской демокра-

[23] Надписи на horoi просты: указано, какое имущество заложено, сумма обязательства, характер сделки и имя кредитора. Большинство исследователей считают, что заложенное имущество, как правило, оставалось до истечения срока долга в руках должника. Ср.: *Fine J. V.* Horoi..., p. 61—82; *Finley M. I.* Studies..., p. 10—13, 238.

[24] *Dem.*, XXI, 80; XXVIII, 17—18; XXX, 27; XXXVII, passim; XLII, 29; XLV, 70; XLVII, 49—51; XLIX, passim; LIII, 12—13; *Isae.*, I, 12; II, 28; *Isocr.*, VII, 32—35.

[25] Ксенофонт (Oec., XX, 1, 22—26) говорит о скупке отцом Исхомаха земельных участков, запущенных или по небрежности хозяев, или по недостатку средств у них, но главной причиной бедности и даже задолженности землевладельцев считает отсутствие у них усердия и заботы о хозяйстве. Исократ (VII, 32—35), сетуя на ухудшение отношений между богатыми и бедными гражданами, напоминает о временах, когда богатые за умеренную плату сдавали землю в аренду, снабжали бедняков средствами на торговые или другие предприятия и, помогая им, сами получали доходы от своего имущества. Здесь явно идет речь не только о земледельческом населении. У Демосфена (XLV, 70) говорится о жестокости Стефана при взыскании процентов, о том, что он нескольких людей лишил крова и средств к существованию. Но не похоже, чтобы это были земледельцы. На назойливость кредиторов, осаждавших его дом с требованием уплаты процентов, жалуется Аполлодор, представитель богатой верхушки, привлекавшейся к триерархии ([*Dem.*], L, 61).

[26] При перечне имущества состоятельных афинян, даже представителей землевладельческих групп, обычно упоминаются процентные займы. См., например: *Isae*, VIII, 35; XI, 42; *Dem.*, XXVII, 10; XXXVIII, 7, 11—12; *Aesch.*, I, 97, 100.

[27] См., например: IG, II—III², 2670, 2699—2701, 2719, 2721, 2722, 2743, 2764; Hesp., 1941, X, p. 54, N 18A.

[28] Известно только несколько бесспорных примеров, когда должник лишался дома или земли вследствие претензий кредиторов: *Dem.*, XXXVI, 50; XXXVII, 49; XLV, 70; XLIX, 11; 67 *Isae*, I, 12 (угроза предотвращена).

тической системе правления низы гражданского населения имели возможность говорить о своих нуждах публично [29].

В отличие от Афин в ряде греческих полисов IV в. проблема задолженности принимала столь острый характер, что оказывалось необходимым принятие срочных мер во избежание внутренних смут. К сожалению, свидетельства об этих фактах нередко представляют собой изолированные сообщения, вне исторического контекста, который позволил бы представить ситуацию в полном объеме [30]. Примеры государственного вмешательства в долговые отношения, приведенные во второй книге приписываемого Аристотелю трактата «Экономика», продиктованы, как правило, интересами фиска, а не должников, но тем не менее свидетельствуют об актуальности этой проблемы, и как раз для земледельческого населения. Так, сообщается (1347а 1—4), что в Византии разрешено было метекам, одолжившим деньги под недвижимое имущество, но не имевшим права ἔγκτησις (см. ниже, с. 20), овладеть этим имуществом, уплатив государству сумму, равную трети следуемого им долга. Тем самым метекам-кредиторам давалось право ἔγκτησις, а государство получало за это какую-то сумму денег. Как бы ни относиться к достоверности этого рассказа, здесь подразумевается факт задолженности землевладельцев, не имевших возможности расплатиться с кредиторами и лишавшихся в их пользу своих владений.

Аналогичное положение вырисовывается в свидетельстве об Абидосе (1349а 3—8). Здесь земледельцы, которые были не в состоянии расплатиться со своими кредиторами-метеками и поэтому не могли получить от них новых займов, перестали возделывать землю. Правительство издало декрет, разрешавший кредиторам, которые вновь одолжат деньги землевладельцам, чтобы те возделали свои участки, первыми получить возме-

[29] В отличие от некоторых других греческих полисов в Афинах после Солона неизвестны какие-либо меры по облегчению положения должников. Предложение Тимократа, против которого написана XXIV речь Демосфена (353/2 г.), касалось только государственных должников, и речь шла не об освобождении их от обязательств, а о создании им более благоприятных условий для расплаты (освобождение от тюрьмы под поручительство). В отношения между кредиторами и должниками государство не вмешивалось, закон не ограничивал размера взимавшихся процентов. См.: *Lys.*, X, 16. На практике возможности ростовщических операций были все же ограничены, и обычными и справедливыми считались займы под 12%. См.: *Arist.* Ath. Pol., III, 2; *Dem.*, XXVII, 17, 23, 35; XXVIII, 13. О том, что афинский демос не помышлял в это время о радикальных мерах в долговом вопросе, свидетельствует обязательство, содержавшееся в клятве афинских гелиастов (сохранилась в корпусе речей Демосфена,— XXIV, 149), не допускать передела земли и отмены долгов.

[30] Свидетельства о различных формах государственного вмешательства в отношения между должниками и кредиторами в греческих полисах от VI в. до 80-х годов I в. до н. э. собрал и подверг историческому анализу Д. Ашери (*Asheri D.* Leggi greche sul problema dei debiti.— In: Studi Classici e Orientali. Pisa, 1969). Из 40 отобранных им примеров только 13 относятся к IV в. до н. э. Автор выступает против мнения о распространенности таких радикальных мероприятий, как отмена долгов и передел земли в Греции IV в., показывает ограниченный характер известных нам подобных мер и их обусловленность крайними обстоятельствами, например военной угрозой, осадой. В то же время он показывает несостоятельность утверждений, будто отмена долгов в древности была лишь утопическим требованием радикальных демократов, никогда не осуществлявшимся законодательным путем.

щение от нового урожая. В этом случае метекам право ἔγκτησις не дается, должники тоже от обязательств как будто не освобождаются, получая лишь какую-то отсрочку. Но проблема задолженности землевладельческого населения была столь остра, что автор говорит о каком-то возмущении, предшествовавшем изданию декрета.

По свидетельству Помпея Трога, сохраненному Юстином, в Гераклее Понтийской в 60-е годы IV в. демос требовал отмены долгов и передела земли [31]. Приглашенный в качестве арбитра Клеарх, который воспользовался предоставленными ему полномочиями для установления своей единоличной жестокой тирании, по-видимому, не разрешил этой проблемы, так как спустя примерно 20 лет его сыну Тимофею пришлось вернуться к ней и провести некоторые меры для облегчения положения должников [32].

Во время осады Ольвии полководцем Александра Македонского Зопирионом (331 г.) городу удалось отстоять себя благодаря принятию радикальных мер — освобождению рабов, предоставлению гражданских прав перегринам и отмене долговых обязательств [33].

Об актуальности долговой проблемы в Сиракузах IV в. до н. э. свидетельствуют сообщения о соответствующих мерах, проведенных Дионисием Младшим (60-е годы) и Агафоклом (319/16) [34].

Другие привлекаемые Ашери свидетельства о государственном вмешательстве в долговые отношения в IV в. (об Аркесине, Хиосе, Приене, Тегее) не имеют прямого отношения к задолженности беднейших слоев населения, а продиктованы интересами фиска, необходимостью урегулирования споров по поводу имущества и связанных с ним обязательств возвратившихся изгнанников или жителей объединившихся путем синойкизма городов (Теос и Лебедос) [35].

Характерно, что среди государств, где пришлось в этот период прибегнуть к крайним мерам, не представлены полисы Балканской Греции. Как уже говорилось выше, это не засвидетельствовано и для Афин. Что касается Спарты, то, несмотря на сообщения о резком обострении там внутренних противоречий и разорении многих спартиатов [36], источники подчеркивают стабильность существовавшей там системы и отсутствие радикальных перемен, в частности отмены долгов и передела земли [37]. Единственное сохранившееся свидетельство о законе, регулирующем отношения кредиторов и должников на Балканском полуострове в IV в., относится к Дельфам. Здесь при неизвестных нам обстоятельствах в архонтство Кадиса был принят закон, устанавливавший максимальный процент по займам у частных лиц и ассоциаций различного рода в размере 8,5 или

[31] *Iust.*, XVI, 4;] ср.: *Asheri D.* Leggi greche..., p. 27—28, N X.
[32] Ср.: *Asheri D.* Leggi greche..., p. 35—36, N XV.
[33] *Macrob.* Sat., 1, 11, 33; ср.: *Asheri D.* Leggi greche..., p. 36—37, N XVI.
[34] *Iust.*, XXI, 1, 5; *Diod.*, XIX, 9, 5; ср.: *Asheri D.* Leggi greche..., p. 26—27, N IX; 40—41, N XIX.
[35] *Asheri D.* Leggi greche..., p. 21—22, 33—35, 37—42, N XIV, XVII, XVIII, XX.
[36] *Xen.*, Hell., III, 3, 5—7; *Arist.* Polit., V, 6, 7, 1307a 35—36.
[37] *Isocr.*, XII, 259. С тем большей остротой эти долго накоплявшиеся противоречия проявились в III в. до н. э., во время реформ Агиса и Клеомена. См.: *Plut.* Ag., 8, 1; 9, 1; 13, 2—3; Cleom., 10, 6.

даже 6% [38]. Так как это значительно ниже обычной для Греции того периода 12-процентной ставки, закон явно облегчал положение должников. Но в нем нет речи об отмене долгов и предусмотрены меры как против кредиторов в случае превышения ими законной ставки, так и против должников, уклонявшихся от уплаты долга и процентов по нему. Само издание подобного закона бесспорно свидетельствует об остроте долговой проблемы и попытках найти компромиссное решение.

Рассмотренный материал позволяет прийти к выводу, что, хотя в публицистической и риторической литературе IV в. неоднократно упоминаются радикальные требования отмены долгов, обычно в сочетании с переделом земли [39], реформы такого рода проводились крайне редко и только при особых внутри- или внешнеполитических обстоятельствах.

Правда, включенный в решения Коринфского конгресса, созванного по инициативе Филиппа II после Херонейской битвы, запрет прибегать к противозаконным казням, изгнаниям, конфискации имущества, отмене долгов, переделу земли, освобождению рабов [40] свидетельствует, что определенные круги населения в греческих полисах имели основания опасаться за свои богатства. Но это было далеко не повсеместным, и, по-видимому, проявления всеобщего кризиса полиса в земельных отношениях следует искать не в массовой задолженности земледельческого гражданского населения.

Что касается другой формы обезземеления — продажи участков в результате нужды, конкуренции, давления более состоятельных соседей,— то она опять-таки для Аттики не подтверждается источниками. Правда, объем свидетельств о продаже (как и о закладе) земельных участков резко возрастает начиная с конца V в. Для более раннего периода имеются лишь разрозненные сообщения [41]. Известно, что в Спарте и некоторых других греческих государствах продажа земли была запрещена законом [42]. Относительно Афин таких данных нет, хотя широко распространено мнение, что там так обстояло дело в досолоновский период, а после реформ Солона отчуждение земли было узаконено.

В книге, посвященной исследованию аттических horoi, Файн выдвигает предположение, что земля в Аттике была фактически неотчуждаема вплоть до Пелопоннесской войны, хотя допускает отсутствие законодательных запретов, во всяком случае в V в. Переход к свободному обращению земельных владений произошел, по его мнению, незаметно, в смут-

[38] Надпись впервые издал в 1911 г. Бурге (FD, III, 2, № 2), затем переиздал с подробными комментариями Омолль (BCH, 1926, p. 3—106). Последнее пересмотренное издание текста: *Asheri D.* Leggi greche..., p. 23—25, N VIII. Хотя имя архонта сохранилось в надписи, оно нигде более не встречается, и датировка возможна лишь приблизительно, 390—360 гг.

[39] См.: *Dem.*, XVII, 15; XXIV, 149; *Isocr.*, XII, 259; *Plato.* Resp., VIII, 566 c.; Legg., 684d, 736c; *Arist.* Polit., V, 7, 7, 1309a 14—16.

[40] [*Dem.*], XVII, 15.

[41] *Her.*, VI, 121, 2 (продажа конфискованного имущества изгнанного Писистрата); *Plut.* Them., 18, 5; 25, 3; And., 1, 95; IG, I², 325—333.

[42] *Arist.* Polit., II, 7, 4, 1266b 18—21; II, 12, 7, 1274b 4—5; VI, 4, 5, 1319a 10—11; *Plut.* Lyc., 8.

ные времена войны, и факт перелома не был зафиксирован в источниках [43]. Лишь немногие исследователи, и то с оговорками, поддержали тезис Файна. У большинства это противоречащее ортодоксальным взглядам мнение встретило возражения [44]. Даже немногие известные случаи купли-продажи земли в Аттике до конца V в. показывают возможность такого рода операций. Конфискованное и проданное с аукциона имущество изгнанников, попадая в руки новых владельцев, выходило из сферы семейно-родовой собственности, где традиционные ограничения в полной мере действовали и в IV в. Против дальнейшей перепродажи земель, приобретенных таким способом, никто возражать не мог [45]. Дело не в формальном или фактическом запрете, а в условиях экономического и политического развития Афин до распада Афинской архэ. Но Файн безусловно прав, обратив внимание на недостаточность и неясность свидетельств об обращении земли в Аттике VI—V вв. и на резкий перелом, наметившийся в конце этого периода [46]. Землю продают не только из нужды, но по самым разнообразным мотивам (желание вложить средства более выгодным образом [47], расточительный, не по средствам, образ жизни, стремление обойти законных наследников, попытка утаить от государства размеры своего состояния [47а] и т. п.). Распространение операций с недвижимым имуществом свидетельствует не о каких-либо законодательных переменах, а о глубоких сдвигах в экономической жизни, социальной психологии.

Имеются ли у нас основания полагать, что распространение сделок купли-продажи земли в Аттике IV в. связано было с разорением земледельческого населения и концентрацией земли в руках немногих богачей? К сожалению, характер источников не позволяет дать окончательный ответ на этот вопрос. В Афинах не существовало земельного кадастра, сделки между частными лицами нигде официально не регистрировались, и сохранившиеся сведения о перемещении земельной собственности разрозненны и случайны. Естественно, что в судебных речах афинских орато-

[43] *Fine J. V.* Horoi..., p. 167—208, особенно 167, 178—180. О проблеме отчуждаемости земли в древней Греции см.: *Finley M. I.* The Alienability of Land in Ancient Greece: A Point of View.— Eirene, 1968, VII; *Asheri D.* Distribuzioni di terre nell' antica Grecia. Torino, 1966; *Idem.* Il caso di Aithiops: regola o eccezione? — PP, 1974, CLVII, p. 232—236.

[44] См. нашу рецензию: ВДИ, 1957, № 4, с. 163—164; ср.: *Зельин К. К.* Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э. М., 1964, с. 199 сл., 219 сл.; *French A.* Land Tenure and the Solon Problem.— Historia, 1963; XII, N 2, p. 242—247; *Mossé Cl.* La fin..., p. 45—46; *Austin M., Vidal-Naquet P.* Economies et sociétés en Grèce ancienne. P., 1972, p. 114—115.

[45] Даже в IV в. до н. э. нередко осуждается продажа наследственного земельного участка, в то время как отчуждение благоприобретенных владений рассматривается как нечто вполне обычное. См., например: *Lys.*, VII, 4, 9, 34; XIX, 37; *Isae*, II, 28—29; V, 21—22; VII, 31; XI, 48; *Xen.* Oec., XX, 22—29; [*Dem.*], XLIII, 72.

[46] С некоторыми оговорками можно присоединиться к мнению Файна об отличии Афин IV в. до н. э. от предшествующего периода (*Fine J. V.* Horoi..., p. 207).

[47] См., например: *Xen.* Vect., IV, 5—6.

[47а] В судебных речах подобное обвинение широко используется для очернения противника в глазах судей. См., например: *Lys.*, XX, 23; *Dem.*, V, 8; *Isae*, XI, 47; *Aesch.*, I, 101.

ров больше сведений о состоятельных людях, чем о бедняках. Беднота в последних комедиях Аристофана — это люди, разорившиеся в результате Пелопоннесской войны, а не в силу естественного экономического развития. Документальные же источники — записи полетов о продаже конфискованного имущества и о взыскании однопроцентной пошлины при покупке частными лицами общественных земель — позволяют судить лишь об относительных размерах приобретаемых участков и в какой-то мере об имущественном положении покупателей. Исследования как этих документов, так и свидетельств литературных источников о купле земли привели к выводу, что, несмотря на некоторую тенденцию к концентрации земли, Аттика IV в. представляла собой в основном страну мелкого и среднего землевладения [48].

И тем не менее в земельных отношениях проявляются новые черты, свидетельствующие о том, что поколеблена была материальная основа полисной структуры — связь гражданского полноправия с земельной собственностью. То, что землю продают не только бедняки, но и состоятельные граждане, что, несмотря на общественное осуждение, нередко в оборот пускали и наследственные земельные участки, что земельное владение стало рассматриваться как источник дохода, равнозначный другим, наконец, сама мобильность земельной собственности — легкость ее продажи и купли [49],— все это свидетельствует о ломке, которая неизбежно влекла за собой и другие перемены. Даже среди состоятельных афинян IV в. известны такие, в составе имущества которых не было приносившей доход земли. К их числу, в частности, принадлежал отец Демосфена, оставивший после смерти значительное состояние [50]. Мы сравнительно мало знаем таких примеров опять же в силу специфики источников, которые чаще сохраняют сведения о людях, владевших недвижимым имуществом, так как оно скорее могло быть, например, объектом спора между претендентами на наследство, чем чисто денежные состояния [51].

Но каково бы ни было относительное число не имевших земли граждан, то, что среди них были богатые и влиятельные люди, говорит о глубоких изменениях в полисной структуре и идеологии. В IV в. термин «безземельный» отнюдь не был синонимом бедняка и изгоя. Распространившееся в литературе этого времени противопоставление «видимого» имущества

[48] См.: *Андреев В. Н.* Вопрос о концентрации земли и обезземелении крестьянства в Аттике IV в. до н. э.— Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1958, т. 164; ч. III; *Он же.* Размеры земельных участков в Аттике в IV в. до н. э.— ВДИ, 1959, № 2, с. 121—146; *Andreev V. N.* Some Aspects of Agrarian Conditions..., p. 22—23; *Finley M. I.* Studies..., p. 58; *Mossé Cl.* Le statut des paysans en Attique..., p. 179—186; *Audring G.* Über Grundeigentum und Landwirtschaft in der Krise der athenischen Polis.— HP, I, S. 108—131; *Isager S., Hansen M. H.* Aspects of Athenian Society in the Fourth Century B. C. Odense, 1975, p. 52—53.

[49] При многочисленных упоминаниях о купле земли никогда нет речи о каких-либо связанных с этим затруднениях. См., например: *Lys.*, XIX, 29, 42; *Dem.*, XIII, 30; XXIII, 20; XXXVIII, 7.

[50] *Dem.*, XXVII, 9—11, 50; XXVIII, 18; XXIX, 59.

[51] См., например: *Lys.*, fr. LIV, 79 (Scheibe); *Isae*, VI, 30.

«невидимому» тоже весьма показательно [52]. При этом, как правило, идет речь о богатых людях, а не о бедняках.

Ослабление связи гражданина с земельным владением на территории полиса все же нельзя абсолютизировать. Граждане, не имевшие приносившей доход земли, жили, как правило, в своих домах (а у богатых их бывало и несколько), следовательно, каким-то земельным участком владели [53]. Кроме того, каждый из них был сопричастен к общественному землевладению через свою принадлежность к филе, дему, фратрии.

Грань, отделявшая граждан от неграждан, все же сохранилась. В силу живучести традиционных представлений земельные владения считались свидетельством почтенного социального положения, и именно те, которые стремились его приобрести или закрепить,— нувориши, люди, недавно получившие гражданские права, скупали землю в большом количестве [54]. Но сама легкость, с которой при наличии средств и желания можно было за короткое время скупить много земли, говорит о мобильности земельной собственности, немыслимой для V в.

Брешью в исключительном праве граждан владеть землей и домами на территории полиса является распространившаяся с конца V в. практика предоставления отличившимся какими-либо особыми заслугами метекам и чужеземцам привилегии ἔγκτησις [55]. Она давалась как отдельным лицам, так и целым группам (политическим изгнанникам, активным участникам гражданской борьбы внутри полиса) [56]. Чаще всего привилегия включала

[52] Определение «видимого» и «невидимого» имущества в источниках не отличается определенностью. У лексикографов «видимое» имущество — это земельные владения и дом, а «невидимое» — деньги, утварь, рабы. Но у ораторов под «невидимым» имуществом подразумеваются деньги, особенно отданные взаймы, а все остальное (земля, дома, рабы, скот, утварь) относится к «видимому» имуществу. См., например: *Isae*, VI, 30; VII, 39; VIII, 35; XI, 42; *Dem.*, XXVIII, 3; XXXVIII, 7; [*Dem*]., XLVIII, 12; *Lys.*, XX, 23.

[53] По-видимому, в своем доме жил бедняк-инвалид, получавший пособие от государства, для которого написал речь Лисий (XXIV, 19). Свой дом был у Сократа, все имущество которого оценивалось в пять мин (*Xen.* Oec., II, 3). Упоминаемые в источниках случаи найма домов афинянами (*Xen.* Symp., IV, 4; *Arist.* Ath. Pol., XXXIX, 35; *Lys.*, III, 11) не исключают того, что они имели свои дома в другом месте. Иногда прямо указаны особые обстоятельства найма: желание следить за тем, что происходит в соседнем доме (*Isae*, VI, 39), бегство от назойливого соседа [*Lys.*, fr. I (Scheibe), 611]. Хвастун в «Характерах» Феофраста (XXIII, 9), живя в наемном доме, уверяет, что он — его собственный, унаследованный от отца. По-видимому, не иметь своего дома считалось зазорным.

[54] Так, разбогатевший сын Никофема, сподвижника Конона, Аристофан, имевший вначале только небольшой участок земли, за короткое время приобрел дом и 300 плетров земли на пять с лишком талантов (*Lys.*, XIX, 28, 42). Трапезит Пасион, получив гражданские права, также купил на большую сумму недвижимое имущество, унаследованное затем его сыновьями (*Dem.*, XXXVI, 5; XLV, 28; XLIX, 22; L, 8; LIII, 4).

[55] *Thalheim F.* Enktesis.— RE, 1905, V, Sp. 2584—2585; *Busolt G.* Griechische Staatskunde, I, S. 302.

[56] Так, например, в Афинах 410/9 г. право ἔγκτησις было предоставлено группе метеков, за участие в антиолигархическом заговоре (IG, I², 110). В 338/7 г. группа акарнанских изгнанников получила право приобрести дома в Афинах до их возвращения на родину (IG, II—III², 237).

право приобретения земли и дома, реже только дома. Последнее имело большое значение для изгнанников, нашедших временный приют в дружественном им полисе до первой возможности возвращения в родной город. В Афинах засвидетельствовано предоставление чужеземным купцам права приобрести участки для строительства храмов почитаемым ими богам [57].

Для метеков, занимавшихся преимущественно ремеслами и торговлей, очень важно было иметь собственное помещение для жилья, мастерской, лавки. Право владеть землей позволяло им проникнуть в ранее закрытую для них сферу кредита, связанного с закладом недвижимого имущества, и влиться в ряды землевладельческого населения полиса [58].

Вряд ли случайно, что дарование этой привилегии засвидетельствовано источниками начиная с конца V в., т. е. в период, когда наблюдаются и другие серьезные перемены во внутриполисных отношениях. Как и в других случаях, больше всего свидетельств этого времени сохранилось для Афин [59]. Но есть бесспорные данные о распространении привилегии ἔγκτησις и в других областях Греции. Это явление было повсеместным. В последующий период оно получило широкое распространение, но в эллинистических государствах в связи с иной социально-политической структурой смысл его значительно изменился. В полисах классической Греции дарование гражданских прав никогда не сопровождалось специальным упоминанием о праве ἔγκτησις, поскольку это подразумевалось формулой включения нового гражданина в филу, дем, фратрию [60]. В эллинистический же период эти привилегии даруются параллельно, так как гражданские права уже не включали автоматически права владения землей на территории полиса [61].

Предоставление права ἔγκτησις чужеземцам нарушало исключительное положение граждан относительно земельной собственности и в то же время неразрывно связано было с отчуждаемостью земли. Полученную привилегию можно было реализовать только в том случае, если земля яв-

[57] IG, II—III², 1283: в 429/8 г. до н. э. фракийцам было дано право приобрести земельный участок и построить там храм (предположительно богине Бендис); IG, II—III². 337: в 333/2 г. по просьбе купцов из Кития, поддержанной Ликургом, им разрешалось построить на территории Афин храм Афродите (со ссылкой на данное ранее аналогичное дозволение египтянам построить храм Исиде). Ср.: *Pečirka J.* The Formula for the Grant of Enktesis in Attic Inscriptions. Pr., 1966, p. 59—61, 122—130.

[58] Любопытно, что имущественные интересы несовершеннолетних наследников такого привилегированного метека охранялись так же, как интересы афинских сирот, и, если опекуны сдавали их имущество в аренду, на земле арендатора ставились закладные камни.

[59] Эпиграфические свидетельства о предоставлении права enktesis в Афинах V—II вв. собрал и систематизировал Печирка (*Pečirka J.* The Formula for the Grant...). Из 59 сохранившихся свидетельств 38 падают на IV в.

[60] Ср.: *Paoli U. E.* Studi di diritto..., p. 286.

[61] См.: *Свенцицкая И. С.* К вопросу о гражданских и имущественных правах в эллинистических полисах Малой Азии.— ВДИ, 1966, № 2, с. 46 сл.; *Она же.* Разрушение гражданского коллектива и полисной собственности в провинции Азии.— ВДИ, 1969, № 3, с. 134.

лялась объектом купли-продажи [62]. Распространение привилегий ἔγκτησις, как и мобильность земельных владений, является свидетельством кризиса полиса. Но, как видно из мотивировки почетных декретов, эта привилегия давалась лишь очень богатым метекам, имевшим возможность и желание делать большие траты на общественные нужды. Дарование права ἔγκτησις жителям других государств нередко имело лишь символическое значение и не оказывало сколько-нибудь значительного влияния на имущественные отношения в стране. Это касается и политических изгнанников, чье пребывание в полисе, давшем им приют и право приобрести жилье, было временным.

Между тем существовали и другие каналы для проникновения негражданского населения полиса в сферу земельных отношений.

Характерной для IV в. формой использования частновладельческих земель была сдача их в аренду. Для государственных и общественных земель это, по-видимому, было правилом и в прежние времена. Не исключено, что такая практика применялась иногда и частными землевладельцами. Косвенные свидетельства об этом сохранились относительно афинских клерухий [63]. Но первые упоминания об аренде частных владений в самой Аттике появляются лишь в конце V в. и совпадают по времени с распространением купли-продажи земли. При бесспорном существовании в Афинах IV в. крупных богатых землевладельцев, как представителей старой элиты, так и нуворишей, их владения не были сконцентрированы в виде больших поместий, а рассредоточивались небольшими участками в различных областях Аттики [64]. Это почти исключало возможность непосредственного хозяйствования самого владельца и даже его контроля за деятельностью управляющих из доверенных рабов или вольноотпущенников.

[62] Существует, правда, мнение, что первоначально в Афинах дарование права enktesis сопровождалось предоставлением земельного участка из государственного фонда (*Fine J. V.* Horoi..., p. 204—205). Однако имеющиеся одиночные упоминания об этом (*Her.*, VIII, 11, 3; *Lys.*, VII, 4) не дают оснований для обобщающего вывода. В немногих сохранившихся надписях конца V в. об этой привилегии нет речи об обеспечении ее готовыми земельными владениями. Ср.: *Pečirka J.* Land Tenure and the Development of the Athenian Polis. Studies presented to G. Thomson. Pr., 1963, p. 198—200.

[63] Так, из надписи об афинских клерухах на Саламине, датируемой концом VI в., до н. э., мы узнаем, что им запрещалось сдавать в аренду полученные там земельные наделы (SEG, III, 1 + Hesp., 1938, VII, p. 264). Такой же запрет имеется в надписи IV в. о клерухах на Лемносе со ссылкой на саламинские установления (IG, II—III², 30; SEG, III, 73; X, 1). Ср.: *Лурье С. Я.* Древнейшие аттические надписи. — В кн.: Сб. статей по вспомогательным историческим дисциплинам Института истории Академии наук СССР. М., 1937, с. 79—81. Напротив, сдача наделов в аренду предписывалась клерухам, выведенным в конце VI в. в Халкиду и в 427 г. — в Митилену (*Her.*, V, 74; *Thuc.*, III, 50, 2; *Ael.* V. H., VI, 1). Сами факты запрета или разрешения аренды свидетельствуют о существовании такой формы эксплуатации земли.

[64] Когда в источниках раскрывается состав имущества какого-либо богатого землевладельца, оказывается обычно, что его владения рассредоточены в различных демах Аттики. См., например: *Aesch.*, I, 97, 101; *Isae*, XI, 41—42, 44; *Dem.*, L, 8; *Lys.*, XVII, 5, 8.

Самым действенным способом извлечения доходов из разбросанных земельных владений при сохранении свободы рук для общественной и политической деятельности была сдача их в аренду. В роли арендаторов могли выступать беднейшие граждане [65], но в отличие от аренды общественных земель это не возбранялось также метекам и близким к ним по статусному положению вольноотпущенникам [66]. Судя по тому что граждане-арендаторы почти не упоминаются в сохранившихся текстах и что любая работа, связанная с зависимостью от другого лица по представлениям древних греков считалась унизительной [67], только крайняя нужда могла заставить полноправного афинянина обрабатывать чужую землю. Иное дело — метеки и вольноотпущенники, для которых это было возможностью приобщиться к закрытой для них сфере земледелия [68]. То, что Лисий (VII, 10) упоминает о вольноотпущеннике-арендаторе мимоходом, свидетельствует, что это было довольно обычно. Такое предположение косвенно подтверждается анализом эпиграфических текстов, где указаны профессии метеков и вольноотпущенников. В сильно фрагментированной надписи конца V в., где перечислены метеки и вольноотпущенники, награжденные за участие в борьбе против тирании тридцати, указаны в ряде случаев их профессии. Из 69 сохранившихся обозначений 17 (около 25%) имеют отношение к сельскому хозяйству и земледелию. 10 из них названы γεωργοί, у других более узкая специализация (виноградарь, огородник, растениевод и др.) [69]. Обозначение γεωργός не характерно для рабской профессии. Так называли афинян, которые сами работали в хозяйстве или принимали в нем непосредственное участие [70]. Поскольку указанная в надписи профессия определяла «облик» награжденного, можно полагать, что среди лиц, названных γεωργοί, были не только сельскохозяйственные работники, но и профессиональные арендаторы.

Сведения о профессиях афинских вольноотпущенников имеются и в надписях о посвящении ими серебряных фиал богине Афине, датируемых

[65] Исократ (VII, 32), противопоставляя дурные нравы своего времени прежним, говорит, что некогда состоятельные афиняне помогали бедным согражданам, в частности сдавали им в аренду землю за умеренную плату. Речь датируется серединой IV в. до н. э.

[66] Поскольку аренда частных земель не фиксировалась государственными органами, мы знаем о ней лишь из многочисленных упоминаний в литературных источниках. Они сообщают, как правило, о самом факте сдачи в аренду (в связи с доходами от владений) и соответственно — о владельце земли, а не об арендаторе. Единственное исключение — VII речь Лисия (9—10), где в силу специфики обвинения (вырубка священной маслины) владелец участка должен был привлечь в качестве свидетелей своих арендаторов. Трое из них названы только по имени (без патронимика и демотика), так что статус не поддается определению. Четвертый, которого уже не было в живых к моменту процесса, определен как вольноотпущенник.

[67] См., например: *Xen.* Mem., II, 8, 1—4; *Dem.*, LVII, 34—35, 42, 45; *Isocr.*, XIV, 48.

[68] Если у арендатора были средства, он мог привлечь к обработке участка и рабов.

[69] См.: IG, II—III², 10 + Hesp., 1941, X, N 2, p. 284; ABSA, XLVII, 1952, p. 102 sqq.; ср.: *Глускина Л. М.* Афинские метеки в борьбе за восстановление демократии в конце V в. до н. э.— ВДИ, 1958, № 2, с. 70—89.

[70] См., например: *Aristoph.* Pax, 551; *Lys.*, VII, 11; XX, 33; *Dem.*, XVIII, 41; XIX, 314; XXXV, 32; *Isae*, IX, 28.

30—20-ми годами IV в. Из сохранившихся 153 обозначений профессий 89 относятся к мужчинам, 64 — к женщинам. Среди женских профессий нет ни одной, связанной с сельским хозяйством. Среди мужчин — 11 земледельцев и два виноградаря (ampelourgoi) [71]. Поскольку речь идет о бывших рабах, сумевших выкупиться на свободу, профессии являются показателем тех занятий, которые давали возможность скопить необходимую для этого сумму. Характерно, что 50 из 64 вольноотпущенных занимались обработкой шерсти — по-видимому, достаточно доходным делом. Что касается мужчин, то вряд ли случайно, что среди них большой процент торговцев и квалифицированных ремесленников. Вряд ли могли скопить нужную для освобождения сумму рабы, занятые на повседневных работах в поместьях своих хозяев. Иное дело — квалифицированные сельскохозяйственные работники, подряжавшиеся с согласия своего хозяина исполнять за плату работы у чужих людей [72]. Скопить деньги могли и пользовавшиеся некоторыми льготами рабы, управлявшие хозяйствами своих господ. Специалисты-виноградари высоко ценились, и их услуги хорошо оплачивались [73].

Таким образом, выкупившиеся на свободу сельскохозяйственные рабы были людьми, хорошо владевшими навыками земледельческого труда. Они составляли готовые кадры потенциальных арендаторов, что и отразилось в их профессиональном обозначении — γεωργοί. Наличие вольноотпущенников, занимавшихся преимущественно сельским хозяйством, делало сдачу земли в аренду легко осуществимой, что при разбросанности земельных владений богатых афинян, участии их в других доходных занятиях или общественно-политической деятельности имело немаловажное значение.

Насколько нам известно, аренда в Аттике IV в. не была кабальной, основывалась на свободном соглашении сторон без государственного вмешательства. Для афинских землевладельцев это было средством освободиться от хозяйственных забот, для метеков и вольноотпущенников — формой их вовлечения в сферу самостоятельной производственной деятельности в области земледелия. И тот и другой аспект аренды — показатели кризиса полисной системы. Сдача земли в аренду лицам, не имевшим гражданских прав, не означала, разумеется, отказа граждан от своего исключительного положения в области землевладения. Но сама передача земли для самостоятельного распоряжения ею посторонним людям, без вмешательства в хозяйственный процесс владельца или его доверенного лица, ослабляла исконную связь гражданина с землей [74].

[71] IG, II—III², 1553—1578 + Hesp., 1959, XXVIII, N 2, p. 208—238; 1969, XXXVII, N 3, p. 368—380; ср.: *Глускина Л. М.* Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975, с. 29—32.

[72] О рабах, берущих на себя с санкции их хозяина подряд на сельскохозяйственные работы, упоминает Демосфен (LIII, 21). Ср.: *Хен.* Оес., III, 10 — о подготовке из купленных детьми рабов квалифицированных земледельцев.

[73] Так, в надписи о сдаче в аренду земельного участка демом Эксоны [IG, II—III² 2492-Syll³., 966 (345/4 г.)] предусмотрено регулярное приглашение виноградаря.

[74] Показательна апология земледельческого труда у Ксенофонта (*Хен.* Оес., XV, 4, 12; XVIII, 10; XIX, 17).

ДОРИФОР; ДИАДУМЕН. Статуи работы Поликлета. Третья четверть V в. до н. э.

Социальное положение арендатора, обрабатывавшего самостоятельно или с помощью рабов земельный участок, сближало его с трудившимися по соседству земледельцами-гражданами. Стена, отделявшая их, еще стояла, но в ней уже были значительные бреши.

Эти новые явления в области землевладения и землепользования не могли не сказаться на отношениях между гражданами и государством. Привязанность к земле была одним из важных (хотя и не единственным) факторов преданности полису, ощущения своей неразрывной связи с ним, готовности идти на жертвы во имя общегосударственных интересов. Теперь, когда эта связь ослабевает, иссякает один из источников внутриполисной солидарности. Дело не только в возможности более быстрого обогащения путем вложений средств и сил в другие сферы деятельности [75], но и в изменении социальной психологии. Богатые граждане начинают тяготиться возлагаемыми на них повинностями. В источниках IV в. звучат отражающие эти настроения жалобы на бремя военных налогов и литургий [76] и в то же время упреки в адрес тех, кто всякими правдами и неправдами пытается уклониться от выполнения требований полиса [77]. Разумеется, и в то время было немало афинян, которые выполняли свои обязанности с большим рвением, движимые патриотическими чувствами или честолюбивыми стремлениями [78]. Но то, что это особо фиксировалось и вознаграждалось специальными почестями, достаточно красноречиво говорит о сложившейся ситуации.

Относительно позиции имущих афинян в отношении финансовых требований государства существуют различные мнения. Одни упрекают богатых граждан, что своим нежеланием тратить деньги на общие нужды они привели к гибели Афинское государство [79]. Другие, напротив, обвиняют демократическое правительство в чрезмерных требованиях к богатым, что в конечном счете только вредило интересам казны и государства в целом [80].

[75] Земельная собственность сулила устойчивые и не подверженные риску (за исключением случаев вражеского вторжения) доходы, но они были меньше доходов от процентных ссуд, морской торговли и морских займов, предпринимательской деятельности в области ремесла, рудников.

[76] См., например: *Dem.*, II, 30; XXII, 53; XXIV, 165; [*Dem.*], XLVII, 50, 54; L, 9; *Lys.*, XVIII, 21; XXVIII, 3; *Xen.* Oec., II, 6; Vect., 6, 1; *Isocr.*, VIII, 20, 128; *Arist.* Polit., V, 7, 11, 1309a 14—17.

[77] *Isae*, V, 36—39; *Dem.*, XIV, 25; XXII, 154—155; [*Dem.*], XLII, 3, 31.

[78] Так, новоиспеченный афинский гражданин Аполлодор, сын известного трапезита Пасиона, удостоенного гражданских прав, утверждает (и это, очевидно, верно), что тратил на литургии гораздо больше средств, чем от него требовалось (*Dem.*, XLV, 78; [*Dem.*], L, 8—9, 24—26). Покойный его отец также был весьма щедр к Афинскому государству (*Dem.*, XLV, 85). Да и коренные афиняне считают нужным подчеркивать свои траты на общегосударственные нужды. См.: *Lys.*, VII, 31; XVIII, 7, 21; XIX, 9, 12, 57, 59, 62; XXI, 13; *Xen.* Oec., XI, 10.

[79] *Ste-Croix G. E. M. de.* Demosthenes TIMHMA and the Athenian Eisphora in the Fourth Century B. C.— Classica et Mediaevalia, 1953, XIV, p. 32—33, 69; *Jones A. H. M.* The Athens of Demosthenes. Cambridge, 1952, p. 12.

[80] *Lauffer S.* Zur Finanzpolitik der athenischen Demokratie. Festgabe für Dr. Walter Will. Köln, 1966, S. 115—120; *Idem.* Die Liturgien in der Krisenperiode Athens.—

Проблема государственных финансов в IV в. стояла не только в Афинах. Характерной чертой внутренней жизни греческих полисов того периода являются постоянные финансовые трудности, углубляемые, о чем будет речь дальше, переменами в военной организации. При том, что общий уровень экономической жизни стал значительно выше прежнего и общие размеры богатства не только не уменьшились, а скорее возросли [81], государственная казна почти повсеместно испытывала острую нужду в средствах. Вторая книга приписываемого Аристотелю экономического трактата изобилует примерами изыскиваемых различными полисами мер для пополнения казны. Их географический ареал — от Южного Причерноморья на востоке и Сиракуз на западе, от Фракии на севере до Родоса и Египта на юге, а хронологические рамки — от VII в. до н. э. до предполагаемого времени составления трактата. Но вряд ли случайно, что такого рода сочинение появилось именно в IV в. до н.э. [82] Из перечисляемых автором мероприятий, датируемых издателями IV в., многие связаны с военными нуждами (снаряжение флота, оплата или прокормление воинов и т. п.) [83]. Мы видим, что различные полисы Греции сталкивались в IV в. с теми же проблемами, что и Афины. Государству необходимы деньги, которые там имеются у состоятельных граждан. Красноречиво свидетельствует об этом Демосфен, выступивший в 354 г. в народном собрании с предложением увеличить число афинян, привлекаемых к трирархии, от 1200 до 2000 человек. Он заверяет своих слушателей, что в Афинах достаточно средств для подготовки и ведения войны, но прямо говорит, что эти средства находятся в руках не государства, а богатых граждан, которые пока не склонны тратить их на общее дело, но, когда наступит критический момент, добровольно пожертвуют частью своего состояния ради спасения целого. Оратор призывает афинян не тревожить

HP, I, S. 147—157. В последней статье автор развивает мысль, что демократия, унаследовав аристократическую систему литургий, создала роковую для себя экономическую зависимость от богатых граждан. Это было не столь заметно в период расцвета полиса, но отчетливо проявилось во время кризиса. Отмена литургий в конце IV в. означала, по мнению автора, конец и демократии и полиса. То, что существовало под этим наименованием в эллинистический период, было качественно иным. Лауффер прав, подчеркивая экономическую слабость афинского полиса, отсутствие своей хозяйственной базы. Но он явно преувеличивает роль литургий как фактора падения Афин.

[81] См., например, *Dem.*, I, 19: «... что касается источника денег, то они есть у вас, афиняне, и в большем количестве, чем у кого бы то ни было»; ср.: I, 28. Именно в этот период развиваются виды экономической деятельности, дающие в отличие от земледелия неограниченные возможности обогащения, то, что древние авторы обозначали ἡ χρηματιστική (s. c. τέχνη) в противовес ἡ οἰκονομική, обеспечивавшей лишь необходимые средства к жизни. См.: *Arist.* Polit., I, 8, 9, 1256b.

[82] По мнению исследователей, из трех книг под названием «Экономика», приписываемых Аристотелю, ни одна ему не принадлежит и каждая представляет собой самостоятельное сочинение. Вторую книгу предположительно датируют последней четвертью IV в. Ср.: *Жебелев С. А.* Аристотелева «Экономика».— ВДИ, 1937, № 1, с. 114—125; *Таронян Г. А.*— ВДИ, 1969, № 3, с. 217—242 (перевод и вступительная справка).

[83] См., например: [*Arist.*] Oec., II, 8, 1347b 3—15 (Гераклея Понтийская); II, 10, 1347b 20—30 (Халкедон); II, 16, 1348b. 22—23 (Клазомены); II, 20, 1349a 25—32 (Дионисий Сиракузский); II, 21, 1350a 11—15 (Менда).

пока этих людей [84]. Такая позиция признанного вождя афинской демократии поразительно перекликается с соответствующими советами Аристотеля в «Политике» [85] и лишний раз свидетельствует, что не Афины служили ему образцом при изображении крайней демократии с ее эксцессами, в частности против состоятельных граждан [86].

О дихотомии между сосредоточением богатств в руках отдельных лиц и обеднением государства свидетельствует сочинение Ксенофонта «О доходах», написанное в 355 г., после распада II Афинского союза, когда проблема финансов особенно обострилась [87]. Убеждая афинян в возможности добиться экономического процветания без эксплуатации союзников и новых войн, автор дает ряд практических советов для увеличения государственных доходов. Наряду с мерами по привлечению в Афины метеков и поощрению деятельности купцов и судовладельцев, т. е. активизации морской торговли (II, III, 3—5, 12—13), Ксенофонт рекомендует государству по примеру частных лиц приобрести и сдавать в аренду торговые суда (III, 14) и, скупая большое число рабов, сдавать их внаем предпринимателям, разрабатывавшим Лаврионские серебряные рудники (IV, 17—22) [88]. И наконец, предлагается самому государству через филы принять непосредственное участие в разработке рудников (IV, 30—33) [89].

Здесь явно выделены наиболее перспективные, сулившие большие выгоды источники дохода. Государство прямо призывается пойти на выучку к частным лицам [90]. При этом автор делает оговорку, весьма показательную для взаимоотношений полиса и его граждан: «Не следует опасаться при этом, что государство нанесет ущерб интересам частных лиц или обратно [91].

Насколько нам известно, эти советы Ксенофонта не были претворены в жизнь в современных ему Афинах, хотя некоторые меры были приняты для активизации морской торговли и поощрения деятельности рудничных предпринимателей. Сама постановка в публицистической литературе во-

[84] См.: *Dem.*, XIV, 24—26, 28. Отсюда видно, что демократические деятели в Афинах считались с настроениями состоятельных граждан, не желая обострять отношений между ними и основной массой демоса.

[85] *Arist.* Polit., V, 7, 11, 1309a 14—17: «при демократическом строе следует щадить имущих (граждан)».

[86] Ср.: *Romilly J. de.* Problèmes de la démocratie grecque. P., 1975, p. 122—123.

[87] Ср.: *Фролов Э. Д.* Политические тенденции трактата Ксенофонта «О доходах».— В кн.: Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.; Л., 1963, с. 204—221.

[88] Лаврионские серебряные рудники, бывшие собственностью Афинского государства, сдавались в разработку желающим гражданам на определенные сроки.

[89] В случае удачи разработка рудников сулила большие доходы, хотя эта деятельность сопряжена была и с риском. Но многие афинские рабовладельцы обогащались за счет рудников, не принимая непосредственного участия в организации производственного процесса, а сдавая внаймы другим предпринимателям своих рабов. См.: *Xen.* Vect., IV, 14—16; *Plut.* Nic., 4. Всесторонне исследовал применение рабского труда в Лаврионе Лауффер (*Lauffer S.* Die Bergwerkssklauen von Laureion. Wiesbaden, 1956—1957, I—II).

[90] *Xen.* Vect., IV, 14: «достойно удивления, что город, зная, что многие частные лица обогащаются, используя его достояние, не подражает им». Ср. IV, 17.

[91] *Xen.* Vect., IV, 32.

проса упорядочения афинских финансов весьма симптоматична. Государство, которое беднее своих граждан и призывается следовать их примеру в методах обогащения, в некоторой степени лишается своего ореола. Беднейшим гражданам оно в состоянии помогать меньше, чем они считают себя вправе требовать, к богатым предъявляет бóльшие претензии, чем они склонны выполнять. Выше говорилось об обвинениях в адрес богатых афинян за превращение их имущества из «видимого» «в невидимое» с целью уклонения от финансовых повинностей [92]. Другой формой самоустранения от конкретной литургии, официально признанной законом, была процедура «обмена имуществом» (ἀντίδοσις), при которой намеченный к выполнению литургии афинянин, ссылаясь на свою временную несостоятельность, называл вместо себя другое лицо, а в случае отказа последнего взять на себя литургию ему предлагалось обменять свое имущество на имущество первого кандидата. При невозможности сторон договориться дело передавалось на рассмотрение суда, который определял, кто должен выполнять литургию. Афинская традиция приписывала этот закон, как и многие другие, Солону, но известные нам примеры обращения к этой практике относятся к IV в. до н. э. [93]

В то же время следует отметить, что, несмотря на некоторые проявления недовольства состоятельных афинян, гибкая политика афинской демократии предотвращала открытые конфликты в связи с возлагавшимся на них финансовым бременем. В конце V и в течение IV в. были проведены реформы в области наиболее дорогостоящей литургии — триерархии. Расширено было число привлекаемых к ней афинян, введена была синтриерархия — совместное выполнение литургии двумя лицами, что, естественно, облегчало ее бремя [94].

Что касается чрезвычайного военного налога — эйсфоры, к которому все чаще приходилось прибегать опять же начиная с последней четверти V в., то к нему привлекались не только богатые, но мало-мальски имущие афиняне и метеки. Демосфен в своих выступлениях в экклесии и дикастерии прямо говорит, что народное собрание неохотно соглашается декрети-

[92] Характерно, что эти обвинения носят не официальный характер, а фигурируют в судебных речах, авторы которых не брезговали никакими средствами для очернения противника.

[93] *Arist.* Ath. Pol., LVI, 3; LXI, 1; *Lys.*, IV, 1—2; XXIV, 9; *Dem.*, XX, 40; XXI, 78; XXVIII, 17; *Xen.* Oec., VII, 3. Главным источником об ἀντίδοσις в связи с триерархией является приписываемая Демосфену речь против Фениппа, датируемая примерно 330 г. Истец, исправно до сих пор выполнявший, по его словам, литургии, оказался в затруднительном положении из-за каких-то неприятностей, связанных с его деятельностью в рудниках, и предложил вместо себя владельца большого поместья Фениппа, который пытается уклониться от литургии, ссылась на то, что обременен долгами и поместье заложено кредиторам ([*Dem.*], XLII, 1, 3—5, 18, 21, 23, 27—28). Исход процесса нам неизвестен, но изображенная в речи ситуация показывает, к каким уловкам прибегали афиняне, не желавшие тратить свои средства на общеполисные нужды. Ср.: *Dem.*, XXI, 154—155 — упреки Мидию, что он за свои без малого 50 лет жизни меньше выполнил литургий, чем 32-летний Демосфен.

[94] См.: *Busolt G., Swoboda H.* Griechische Staatskunde, Munchen, 1926, II. S. 1200—1204.

ровать эйсфору [95]. Он неоднократно обращается к своей аудитории как к людям, платящим эйсфору. Перед ним явно была масса налогоплательщиков [96]. Это подтверждается и свидетельством Демосфена о взыскании недоимок по эйсфоре специально созданной около 360 г. по предложению Андротиона комиссией. И небольшие суммы задолженности (ни одна, по словам Демосфена, не превышала мины, а приведенные примеры еще меньше — 34,70 драхм), и красочный рассказ оратора о захваченных в домах должников предметах говорят за то, что они в массе своей люди небогатые [97].

Обременительной — правда, для состоятельных налогоплательщиков — была введенная около 360 г. система проэйсфоры, обязывавшая 300 богатейших членов симморий авансировать налог государству, а затем уже своими силами взыскивать налог с других членов симмории, что не всегда удавалось осуществить [98].

Как ни было велико и неприятно финансовое бремя, возлагавшееся Афинским государством на своих богатых граждан и метеков, дело не доходило до эксцессов, как в некоторых других полисах [99].

Избежали Афины IV в. и прямых столкновений бедных и богатых граждан, несмотря на бесспорно существовавшие здесь контрасты в имущественном положении различных слоев. Оплата должностных лиц, участников народного собрания и судей, раздачи из кассы феорикона, постоянная забота государства о продовольственном снабжении афинян, наконец, возможность даже беднейшим гражданам участвовать через буле, экклесию и дикастерии в решении важнейших вопросов внутренней и внешней политики — все это смягчало остроту социальных противоречий, хотя, разумеется, не снимало их.

О большом значении конфликтов между богатыми и бедными гражданами для внутриполитической жизни греческих полисов IV в. свидетельствует внимание, уделяемое этой проблеме в публицистической и политической литературе. Исократ говорит о противостоянии богатых и бедных в Афинах, сравнивая добрые старые времена с современностью и явно идеализируя прошлое [100]. Он неоднократно упоминает о бедственном по-

[95] *Dem.*, II, 24; XXII, 48—49; XXIV, 161.

[96] *Dem.*, XXII, 50; XXIV, 111, 162, 169, 171; ср.: *Isae*, V, 37. Джонс (*Jones A. H. M.* The Athens of Demosthenes, p. 20—21), полагающий, что эйсфору платили только 6 тыс. из 21 тыс. афинян, объясняет сдержанную позицию экклесии относительно эйсфоры тем, что собрание посещали обычно зажиточные люди.

[97] *Dem.*, XXII, 52—56; ср.: *Глускина Л. М.* Эйсфора в Афинах IV в. до н. э.— ВДИ, 1961, № 2, с. 31—35.

[98] [*Dem.*], L, 9. Авансировавший налог государству Аполлодор не сумел взыскать деньги, так как вынужден был сразу уехать из Афин, а когда вернулся, обнаружил, что на его долю остались лишь несостоятельные люди.

[99] См., например: [*Arist.*] Oec., II, 11, 1347b 31—34 (Кизик); II, 29, 1351b 1—12 (Лампсак); II, 31, 1351b 36—1352a.

[100] *Isocr.*, VII, 31—25: неимущие прежде не завидовали состоятельным людям, богатые граждане помогали бедным. Судьи справедливо рассматривали иски кредиторов к должникам, поэтому богатые охотно одалживали нуждающимся — это было выгодно обеим сторонам. Читателю остается только сделать вывод, что в 50-е годы IV в., когда написана эта речь, в Афинах все обстояло прямо противоположным образом.

ложении многих афинян, но, что весьма для него характерно, порой включает в одну рубрику бедняков, не имеющих средств к существованию, и богатых, изнемогающих под бременем повинностей, литургий и страдающих от плохого к ним отношения сограждан [101].

Однако в Афинах IV в. до н. э. дело не доходило до кровавых столкновений, которые засвидетельствованы в ряде греческих полисов и, естественно, вызывали тревогу и опасения имущих слоев в тех государствах, где этого не было [102]. Далеко не всегда при этом источники позволяют утверждать, что в основе столкновения лежали именно противоречия между бедностью и богатством. Иногда причиной раздора были внешнеполитические события, раскол граждан на сторонников и противников какого-либо другого государства, как, например, в Коринфе в 392 г., когда перебиты были сторонники прекращения ведшейся тогда войны со Спартой, или в Дельфах, где в 60—50-е годы IV в. попеременно подвергались гонениям представители враждовавших между собой политических групп [103]. Борьба в полисах могла происходить и в связи с политическими разногласиями внутри правящей группы, из-за различных позиций по отдельным вопросам внутренней или внешней политики политических лидеров, каждого из которых поддерживали его сторонники.

В Греции IV в. не было политических партий в современном смысле этого слова, одни и те же деятели могли выступать совместно в одной ситуации и бороться друг с другом при иных обстоятельствах [104]. Разумеется, среди них были люди, отличавшиеся бо́льшим или меньшим консерватизмом или, напротив, приверженностью к радикальным мерам, ревностные приверженцы демократического строя и открытые или тайные его противники. Но объединяла их всех, кроме явных авантюристов и честолюбцев, думавших только о личном возвеличении, приверженность к полису, которому они служили в меру своего разумения, сил и способностей. Корень же зла для Аристотеля и особенно для Платона заключался в стремлении к наживе, к чрезмерному обогащению, с одной стороны, и в посягательствах бедноты в лице ее политических руководителей на имущество состоятельных граждан — с другой. Придя к власти, бедняки переобременяют богачей литургиями или прибегают к конфискациям, изгнаниям, а то и казням. Эта политика способствует сплочению богатых

[101] *Isocr.*, VII, 44, 83; VIII, 126, 128, 130—131; XV, 142, 152, 159—160; ср..: *Xen.* Symp., IV, 29—32.

[102] Особенно жестокие внутренние распри засвидетельствованы для этого времени в различных областях Пелопоннеса: в Коринфе (392 г.), Аргосе (371 г.), Сикионе (368 г.); ср.: *Фролов Э. Д.* Греческие тираны (IV в. до н. э.). Л., 1972, с. 181 сл.; *Маринович Л. П.* Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975, с. 185, 220; *Austin M., Vidal-Naquet P.* Economies et sociétés..., p. 39—41.

[103] *Diod.*, XVI, 24, 3; ср.: *Фролов Э. Д.* Греческие тираны..., с. 132, 137.

[104] Так, Демосфен, имевший жестокую стычку с Мидием и написавший речь для судебного процесса против него (XXI), потом по политическим мотивам примирился с ним и отказался от обвинения. Политическими же мотивами было вызвано выступление Демосфена против Аристогитона и Тимократа (XXII, XXIV). Соратники Демосфена в его борьбе против Македонии — Гиперид и Динарх — обрушились на оратора в связи с делом Гарпала. Таких примеров было много в политической жизни Афин и, по-видимому, других греческих государств.

граждан, склоняет их к заговорам. Опасаясь их, народ вручает защиту своих интересов сильному человеку, представляющемуся ревнителем интересов демоса и врагом богачей. В результате возникает тирания, сначала угождающая народу отменой долгов и переделом земли, но затем приводящая к жесточайшему его порабощению (отмена всех демократических свобод, расправа с инакомыслящими, беспрерывные войны, налоги) [105].

Ничуть не лучше и олигархия, при которой имущественный ценз, а не способности человека определяют его положение в обществе и бедные граждане лишены участия в управлении. Народ держится в повиновении страхом, властителям опасно давать ему оружие [106]. Именно с олигархией связано знаменитое высказывание Платона, что в таком государстве нет единства, а существуют как бы два государства, злоумышляющие друг против друга, одно государство бедняков, другое — богачей [107].

В конце концов непомерная роскошь и вызывающее поведение богатых приводят к открытому выступлению бедняков, которые своими силами или с помощью другого государства свергают олигархию и устанавливают демократический строй.

Таким образом, имущественное неравенство внутри гражданского населения полиса, поляризация богатства и бедности и связанные с этим неизбежные конфликты были характерной чертой жизни греческих полисов IV в. Правомерно ли связывать это с распространением рабства и с вытеснением свободного труда трудом рабов?

Что касается сельского хозяйства, то здесь ответ не вызывает затруднений. Мелкий, разрозненный характер земельных владений, специфика преобладавших в Греции культур не создавали предпосылок для применения рабского труда в больших размерах. Мелкие земледельцы сами трудились на своих участках, крупные сдавали их в аренду, а если сами занимались хозяйством, то использовали труд небольшого числа рабов. Характерно, что при перечне имущества состоятельных афинян, владевших землей, рабы, занятые в земледелии, особо не выделены, в то время как это обязательно делается при наличии рабов-ремесленников [108]. В стелах, где зафиксирована продажа конфискованного имущества гермокопидов и учтены даже мелкие предметы домашнего обихода, упоминаются всего 45 рабов, 16 из которых принадлежали метеку Кефисодору. Даже принимая во внимание фрагментарный характер сохранившихся надписей, небольшое число рабов, падающее на группу состоятельных афинян, владевших несколькими земельными участками, весьма показатель-

[105] *Arist.* Polit., II, 12, 1303b 15—16; *Plato.* Resp., IV, 421e 422a: «больше всего следует остерегаться проникновения в полис... богатства и бедности: первое ведет к изнеженности, безделью и стремлению к переворотам, второе — кроме стремления к переворотам — к низости и злодеяниям».

[106] *Plato.* Resp., VIII, 551b, 552b, 552d, 555a, b, 556d, e.

[107] *Plato.* Resp., VIII, 551d.

[108] Особенно ясно это видно в выступлениях Исея, когда речь идет о составе оспариваемого наследственного имущества. См.: *Глускина Л. М.* Имущественные отношения и рабство в Аттике IV в. до н. э. по речам Исея.— В кн.: Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.; Л., 1963, с. 222—238.

но [109]. Рабский труд в сельском хозяйстве Афин и подобных им полисов, разумеется, применялся, у любого мало-мальски состоятельного земледельца было какое-то количество рабов, но нет и речи о вытеснении свободного труда рабским или об их конкуренции.

Лучше, чем в сельском хозяйстве Греции, засвидетельствована роль рабов в различных отраслях ремесла. Известно, что в серебряных рудниках Лавриона работали многие тысячи рабов и в шахтах, и в эргастериях на поверхности земли. Понятие ремесленной мастерской (эргастерия) настолько ассоциировалось с работавшими в ней рабами, что ценность ее и доходность определялись их количеством [110]. Наряду с рабами активное участие в ремесленной деятельности принимали метеки и вольноотпущенники [111]. Но это отнюдь не означает, что граждане были исключены из сферы ремесленного производства и представляли собой паразитирующую люмпенпролетарскую массу. Пренебрежительное отношение к ремесленному труду, выраженное рядом античных авторов, отнюдь не было всеобщим и не характерно для идеологии широких слоев демоса [112].

Афинские источники ничего не говорят о каких бы то ни было фактах ущемления интересов бедных граждан в связи с распространением труда рабов. Трудно себе представить, чтобы Аристофан или ораторы IV в., столь чутко реагировавшие на волнующие проблемы своего времени, прошли мимо такой ситуации, когда полноправный афинский гражданин, нуждающийся в средствах к жизни и готовый заработать их своим трудом, оттесняется на второй план рабом или метеком. Что касается работы по найму у частных лиц, то она в условиях рабовладельческого общества считалась унизительной для достоинства свободного человека и к этому граждане прибегали лишь в самых крайних обстоятельствах.

Меры по привлечению в Афины метеков, которые предлагались, а в ряде случаев и проводились в жизнь, обычно обусловливались (и прямо мотивировались) стремлением повысить уровень развития ремесел и торговли. Ели бы они представляли собой в какой-то мере угрозу имущественным интересам афинских граждан, демократические органы правления смогли бы легко воспротивиться этому.

Наряду с такими чисто негативными доводами, мы располагаем и косвенными, но бесспорными свидетельствами об отсутствии конкуренции труда граждан и неграждан в области государственного строительства. Надписи, фиксирующие платежи различным категориям лиц в связи со строительством Эрехтейона (409—406 гг.) и Элевсиния (329—327 гг.),

[109] См.: *Клячко Н. Б.* Стелы гермокопидов как источник сведений о рабах V в. до н. э.— ВДИ, 1966, № 3, с. 114—127.

[110] См.: *Dem.*, XXVII, 18 — после продажи опекунами оратора половины рабов из оставленного ему в наследство эргастерия доход уменьшился с 30 до 15 мин.

[111] IG, II—III², 10, 1553—1578; Hesp., 1959, XXVIII, p. 208—238; 1961, XXX, p. 247; 1969, XXXVII, p. 368—380; ср.: *Глускина Л. М.* Афинские метеки..., с. 70—89; *Она же.* Вольноотпущенники в экономике Афин IV в. до н. э.— Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1969, т. 307, с. 278—295.

[112] См.: *Доватур А. И.* Политика и Политии Аристотеля. М.; Л., 1965, с. 33, 63, 65; *Бергер А. К.* Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1966, с. 94; *Mossé Cl.* La fin..., p. 81, 161, 236.

отделены промежутком времени примерно в 80 лет. В них содержатся имена работников, подрядчиков и поставщиков с указанием характера выполненной работы и полученной за нее платы. Так как тексты сохранились не полностью, невозможно точно определить число привлеченных к работам лиц, равно как и их распределение по группам (граждане, метеки, рабы, чужеземцы). Приводимые в литературе цифры колеблются в зависимости от принятого метода подсчетов, однако общая тенденция выступает достаточно отчетливо, даже если принять во внимание относительность получаемых результатов. В надписях о строительстве Эрехтейона [113] из 100 с небольшим читающихся имен 47 принадлежат метекам, 20 — рабам. Последние работали вместе со своими хозяевами (гражданами и метеками), выполняя одинаковые с ними операции. Оплата труда (поденная или сдельная) не зависит от статуса работников, она определяется лишь характером или объемом работы.

Аналогичный характер имеют и надписи о строительстве Элевсиния [114]. За истекший период Афинское государство претерпело много испытаний, новые черты появились в социальной и экономической жизни. В какой степени это отразилось на составе работников строительства и других вовлеченных в это предприятие лиц? Мы опять видим преобладание среди них неграждан. Если в строительстве Эрехтейона граждане составляли более 30%, то сейчас их участие ограничивается примерно 20—25%. Не упоминаются рабы частных лиц, трудившиеся вместе со своими хозяевами. Если они и участвовали в работах, то действовали самостоятельно. Новым по сравнению с концом V в. является участие в строительстве государственных рабов (demosioi), которые работали группами под надзором эпистата, получали одежду, обувь и продукты или деньги на питание. Число их с точностью не поддается определению. В одном случае упоминается группа в 17 человек, в другом, судя по закупленной для рабов одежде, их было 28.

Использование на работах государственных рабов воспринимается некоторыми исследователями как частичное претворение в жизнь советов Ксенофонта в его трактате «О доходах» [115]. Однако число привлеченных к строительным работам рабов незначительно и никак не соответствует идее Ксенофонта об использовании больших масс государственных рабов в Лаврионских рудниках. Притом Ксенофонт предлагал сдавать этих рабов внаем частным предпринимателям, что полностью бы избавило го-

[113] IG, I², 373—374; Hesp., 1933, II, N 3, p. 377—379, N 9; 1935, IV, N 2, p. 161, N 19; 1938, VII, N 2, p. 268, N 3; 1940, IX, N 1, p. 102—104, N 19; AJA, 1934, XXXVIII, N 1, p. 67—70; N 2, p. 249—257; ср.: *Randal R. H. Yr.* The Erectheum Workmen.— AJA, 1953, LVII, N 3, p. 199—210.

[114] IG, II—III², 1672—1673; *Clinton K.* Inscriptions from Eleusis.— In: Archaeologike Ephemeris. Athenai, 1972, p. 81—136.

[115] Так полагает, например, Моссе (*Mossé Cl.* La fin..., p. 99—100). Аристотель (Polit., II, 4, 13, 1267b 15—19), разбирая утопический проект Фалея Халкедонского, в частности его предложение, чтобы все ремесленники состояли из государственных рабов, сообщает попутно, что в Афинах это пытался ввести Диофант. К сожалению, об этом нет более подробных сведений. Ср.: *Доватур А. И.* Политика и Политии..., с. 30, 335, примеч. 28.

сударство от забот по их содержанию. Государственные рабы на строительстве Элевсиния снабжались всем необходимым, в счетах фигурируют платежи поставщикам за одежду и обувь, траты на питание и содержание надзирателя. Все это хлопотливое дело и производит впечатление скорее вынужденной меры, чем способа извлечения доходов [116]. О нехватке рабочей силы свидетельствует привлечение наемных работников из Мегар, получавших поденную плату.

Среди работников на строительстве упоминается и группа, очевидно, афинских жителей, тоже оплачивавшихся поденно. В отличие от других работников они не перечисляются поименно, и к ним применяется определение οἰκόσιτοι — «питающийся за свой счет». Последнее как будто свидетельствует, что это люди зависимые. Поскольку они не названы δημόσιοι, то, возможно, это частновладельческие рабы, хотя не исключено, что и эта группа принадлежала государству. В последнем случае они отличались от упоминавшейся выше группы тем, что получали не натуральное довольствие, а деньги, которые могли тратить по своему усмотрению. Если это рабы частных лиц, то они относятся к категории самостоятельно работавших, которые, получая плату, затем рассчитывались со своими хозяевами.

Оплата лиц, занятых на государственном строительстве, как уже говорилось, зависела только от объема и качества работы, а не от социального положения или юридического статуса работника. С экономической точки зрения работодателю — Афинскому государству — был безразличен состав работавших, но существовал и иной аспект — социально-политический: материальное обеспечение свободной бедноты всегда было составной частью политики рабовладельческой демократии. Поэтому абсолютно исключено, чтобы должностные лица, ведавшие строительством, отдавали предпочтение рабам или метекам. Очевидно, число граждан, стремившихся к этим работам, было недостаточно велико. Если в период строительства Эрехтейона это можно было бы объяснить занятостью афинян военной службой (шла Декелейская война), то в 329—327 гг. подобный довод отпадает. Анализ данных о рабочей силе на государственном строительстве показывает, что проблема обеспечения работой беднейших граждан не стояла на повестке дня в Афинах IV в. Это, разумеется, не обязательно распространяется на другие полисы, где, как говорилось уже, засвидетельствованы серьезные выступления бедноты.

Нуждавшиеся в средствах к жизни афинские граждане могли рассчитывать на получение платы за посещение народного собрания и участие в работе дикастериев. Если Аристофан пишет об этом в гротескном плане, то для Исократа это одно из свидетельств глубокого упадка афинской политии [117]. Хотя деньги, получаемые за политическую деятельность, могли

[116] По мнению Клинтона (*Clinton K.* Inscriptions from Eleusis, p. 90), работавшие на строительстве Элевсиния государственные рабы — это постоянный персонал святилища. Когда объем работ увеличился, к ним присоединили еще некоторое число рабов, которые для допуска в святилище должны были пройти инициацию.

[117] *Aristoph.* Vesp., 300—311; Eccles., 380—395; *Isocr.*, VII, 54; VIII, 130; XII, 145.

быть каким-то подспорьем для бедного гражданина, они не давали ему возможности прокормить семью. Плата за присутственный день в суде в течение всего IV в. не превышала трех оболов, за народное собрание платили 1—1,5 драхмы, но оно созывалось лишь три-четыре раза в месяц. Между тем плата квалифицированного работника на государственном строительстве равнялась 2—2,5 драхмы в день, неквалифицированного — 1,5 драхмы [118]. Правда, следует учесть, что и в собрании, и в судах могли участвовать люди, неспособные по состоянию здоровья и возрасту к физическому труду.

Засвидетельствованные источниками активность афинян при жеребьевке в дикастерии и необходимость принятия мер против возможных злоупотреблений [119] могут быть результатом возросшей роли судов в политической жизни Афинского государства [120], но, возможно, и желанием получать полагавшуюся судьям плату. Афинское государство оказывало помощь своим бедным гражданам и по другим каналам [121].

И тем не менее кризис полиса проявляется и в том, что основная масса граждан становится все более равнодушной к проблемам общегосударственного значения, в частности уклоняется от несения военной службы [122]. Источники IV в. преисполнены сетований по этому поводу и с горечью говорят о бедствиях, связанных с широким распространением наемничества [123]. Гражданское ополчение, готовое до последней капли крови сражаться за интересы своего полиса, уступает место наемным профессиональным воинам, верность которых определялась способностью государства оплачивать их услуги. Пополняясь за счет бедняков, искавших возможностей обогащения, политических изгнанников, честолюбивых авантюристов, наемники были порождением процесса разложения полисной структуры и обострения социально-политических противоречий внутри полисов. В то же время сама возможность повсеместного применения наемников вытекала из внешнеполитической обстановки, непрекращающихся воен-

[118] *Arist.* Ath. Pol., XLI, 3; LXII, 2; Polit., IV, 12, 9, 1299b 38—1300a 4; IG, I², 373—374; II—III², 1672.

[119] Чрезвычайно интересный материал о системе пополнения афинских дикастериев в IV в. и их составе дало исследование бронзовых табличек, использовавшихся для жеребьевки. См.: *Kroll J. H.* Athenian Bronze Allotment Plates. Harward, 1972.

[120] Ср.: *Hansen M. H.* The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B. C. and the Public Action against Unconstitutional Proposals. Odense, 1974; *Idem.* Eisangelia. The Sovereignty of the People's court in Athens in the Fourth Century B. C. and the Impeachment of Generals and Politicians. Odense, 1975. Автор, справедливо подчеркивая большую роль народного суда в Афинах IV в., в то же время переоценивает ее, пытаясь доказать, что суверенитет принадлежал не народному собранию, а суду.

[121] См., например: *Arist.* Ath. Pol., XXIV, 3; XLIX, 4; *Dem.*, I, 19—20; III, 31, 33; X, 36, 39, 41; ср.: *Mossé Cl.* La fin..., p. 158—159; *Busolt G., Swoboda H.* Griechische Staatskunde, II, S. 1143.

[122] См., например: *Lys.*, XXXI, 6; *Dem.*, II, 24, 27, 31; III, 30, 33—35; IV, 7; VIII, 21; IX, 73—75; X, 46, *Isocr.*, VIII, 44—48; *Arist.* Polit., IV, 10, 9, 1297 10—12; ср.: *Luccioni J.* Demosthène et le panhellénisme. P., 1961, p. 91; *Romilly J.* Problèmes de la démocratie..., p. 41—42.

[123] Проблема наемничества в связи с кризисом полиса была всесторонне рассмотрена в кн.: *Маринович Л. П.* Греческое наемничество и кризис полиса. М., 1975.

ных столкновений, требовавших хорошо обученных, дисциплинированных и всегда готовых к активным операциям воинов. Отряды таких наемников, возглавлявшихся опытными командирами, представляли собой готовый горючий материал, который самим существованием способствовал порождению новых конфликтов как военного (между различными государствами), так и внутриполитического характера. Использование наемников усугубляло финансовые трудности, и без того терзавшие греческие государства. Оно ставило в трудное положение возглавлявших военные действия стратегов, которым нередко приходилось самостоятельно изыскивать средства для оплаты и содержания подчиненных им людей. Одновременно увеличивавшийся разрыв между армией и гражданским коллективом, неспособность государства обеспечить воинов и полководцев всем необходимым создавали предпосылки для все большей самостоятельности удачливых стратегов, нередко проводивших операции на свой риск и страх. Это способствовало усилению роли отдельных личностей, чувствовавших свою силу и возможность существовать и действовать вне рамок полиса. Наемничество, распространение которого было прямым следствием развивающегося кризиса полиса, в свою очередь являлось фактором, усугублявшим и углублявшим этот кризис.

Далеко не столь повсеместным и распространенным явлением в Греции IV в., как наемничество, но тоже связанным с обострением внутриполитической обстановки в полисах (а иногда и с внешнеполитической ситуацией), была так называемая поздняя, или младшая, тирания. Порождаемая, как правило, конфликтной ситуацией внутри различных групп гражданского населения, она приводит к установлению единоличной диктатуры правителя, выдвинутого вначале одной из борющихся групп, но затем противопоставляющего себя всему гражданскому коллективу [124]. Власть тирана или с самого начала в момент ее захвата, или после утверждения, как правило, связана с использованием наемников. Эти два порождения кризисной ситуации в мире греческих полисов оказываются взаимосвязанными. Тирания IV в., хотя и сохраняет и использует некоторые формы полисной организации, по сути своей враждебна основополагающим принципам полиса. Тираны произвольно распоряжаются земельной собственностью на территории полиса, перераспределяя ее по своему усмотрению, включают новых, чуждых полису людей в состав граждан, предпочитают наемников гражданскому ополчению, вводят налоги, свою власть ставят выше законов и традиций. Нигде так ярко, как в тирании, не проявляется выступающий в период кризиса полиса индивидуализм, когда выдвигается сильная личность, ставящая себя над коллективом и считающая себя вправе диктовать законы обществу [125].

[124] См., например: *Arist.* Polit., V, 4, 4, 1305a 8—10; V, 9, 4, 1313b 16—21; V, 10, 4, 1316b 35—40; *Plato.* Resp., VIII, 562a, 564a, 565a—566a, 567a—e; IX, 577e, 578b; Gorg., 468c—d; *Isocr.*, VIII, 111—112; ср.: *Mossé Cl.* La tyrannie dans la Grèce antique. P., 1969, p. 134—145; *Romilly J.* Problèmes de la démocratie..., p. 129; *Фролов Э. Д.* Греческие тираны..., с. 8—11, 196—198; *Доватур А. И.* Политика и Политии..., с. 287—289.

[125] Ср.: *Фролов Э. Д.* Греческие тираны..., с. 9, 15—18, 46.

Рассмотренные выше разнообразные формы проявления кризиса греческого полиса, в той или иной мере присущие всему греческому миру, не связаны, как мы видели, ни с экономическим упадком, ни с угрожающим для свободного населения распространением рабского труда. Напротив, кризисные явления, начиная с перемен в основополагающих для полиса земельных отношениях, тесно связаны с ростом товарно-денежных отношений, развитием межполисных экономических связей, возросшей ролью хрематистики как средства получения доходов и обогащения. Именно эти процессы способствовали ослаблению тесных уз, соединявших гражданина с его полисом, и создавали предпосылки для противоречий между частными и государственными интересами, столкновений различных социальных групп внутри гражданского коллектива. Параллельно этому и в неразрывной связи с переменами в экономике усиливается роль свободного негражданского населения в хозяйственной и социальной жизни полисов. Особенно заметно это в области кредитно-денежных отношений. Этой проблеме в последние десятилетия посвящен ряд серьезных исследований [126]. Остановимся вкратце на некоторых основных ее аспектах.

Как уже было сказано выше, с конца V в. распространяются займы под ипотеку, засвидетельствованные многочисленными, прежде всего афинскими, документальными источниками. Но была и другая форма процентных займов, а именно — гарантируемых движимым имуществом: кредитование морской торговли производилось под залог перевозимого груза и корабля, займы для внутреннего употребления гарантировались ценными вещами (драгоценностями, золотыми и серебряными кубками), иногда поручительством. В займах второго рода свободно могли участвовать и состоятельные люди, не имевшие гражданских прав. И они этим широко пользовались.

О степени распространения кредитных операций в Афинах IV в. свидетельствуют многочисленные упоминания о процентных ссудах при перечне состояния богатых афинян или указании источника их доходов [127], размах деятельности профессиональных денежных дельцов — трапезитов [128], участие в заемных процентных сделках демов, фратрий, различных культовых ассоциаций [129]. Широко распространенное в литературе мне-

[126] Прежде всего следует отметить упоминавшиеся выше работы Финли. Материал о греческих трапезах начиная с их возникновения и вплоть до римского периода собрал, систематизировал и подверг тщательному анализу Богарт (*Bogaert R.* Les origines antiques de la banque de dépôt. Leiden, 1966; *Idem.* Banques et banquiers dans les cités grecques. Leyde, 1968).

[127] См., например: *Aesch.*, I, 97, 100; *Lys.*, XVII, 2; *Isae*, VIII, 35; XI, 42; *Dem.*, XXVII, 10; XXXVIII, 7, 11—12. Судебным тяжбам по поводу морских займов посвящен ряд речей, принадлежащих или приписывавшихся Демосфену (XXXII—XXXV, LVI).

[128] См.: *Bogaert R.* Banques...; *Глускина Л. М.* О некоторых аспектах кредитно-денежных отношений в Аттике IV в. до н. э.— ВДИ, 1970, № 3, с. 17—43.

[129] См.: *Haussoulier B.* B. La vie municipale en Attique. P., 1884, p. 75; *Finley M. I.* Studies..., p. 76, 92.; *Fine J. V.* Horoi..., p. 12—12, 33—90; *Bogaert R.* Banques..., p. 92 sqq., 294.

ПРОКНА С ИТИСОМ. Статуя работы Алкамена. Третья четверть V в. до н. э.

АФРОДИТА. Статуя работы Каллимаха. Последняя четверть V в. до н. э.

ние о непроизводительном характере займов в Греции IV в.[130] вызывает серьезные сомнения. У нас, правда, очень мало данных о том, на что расходовались занятые деньги, в ряде случаев речь действительно идет о займах для исполнения литургии, военных расходов (стратег Тимофей), выкупа из плена, обеспечения приданого дочери, оплаты похорон и т. д.[131] Но следует учесть чисто случайный характер соответствующих упоминаний в источниках. По большей части это судебные речи по имущественным искам, а здесь априори можно предположить, что дело будет касаться в основном людей состоятельных.

Наряду с этим, однако, имеются бесспорные свидетельства о займах, связанных с производительной деятельностью — на обзаведение предприятием, участие в разработке Лаврионских серебряных рудников, и др.[132]

Афинские граждане, обогащавшиеся благодаря процентным займам для внутриафинского потребления или морской торговли, оказывались втянутыми в сферу деловых отношений, открытую для людей, не имевших гражданских прав[133]. Оформлявшиеся в связи с этим сделки были в IV в. поставлены под особую защиту афинских законов независимо от статуса участвовавших в них сторон. Впервые в судебной практике Афин метек и даже чужеземец оказываются в равном положении с гражданином (если тяжба связана с морским займом)[134]. Таким образом, еще в одной области нарушалось исключительное привилегированное положение граждан. К тому же и здесь возникали новые социальные связи, не обусловленные принадлежностью к гражданскому коллективу[135].

Если в области процентных займов, не связанных с ипотекой, в роли кредиторов выступали в равной мере состоятельные метеки и граждане, то сфера деятельности, предполагавшая профессиональное занятие денежными операциями, оказалась почти целиком в руках метеков и вольноот-

[130] См., например: *Bolkestein H.* Economic Life in Greece's, Golden Age. Leiden, 1958, p. 65, 132; *Andreades A.* Geschichte der griechischen Staatswirtschaft. München, 1931, I, S. 350, Anm. 6; *Heichelheim F.* Wirtschaftsgeschichte des Altertums. Leiden, 1938, S. 357; *Mossé Cl.* La fin..., p. 46; *Bogaert E.* Banques..., p. 356 sqq.

[131] *Dem.*, XXVIII, 17; XL, 52; XLIX, passim; L, 7, 17, 28, 44, 56; LIII, 9, 13; *Lys.*, XIX, 21; *Isae*, VII, 8.

[132] *Dem.*, XXXVII, 4—5; XL, 52; *Lys.*, fr. 1 (Scheibe) = *Athen.*, XIII, 611 sq.; *Hyper.* C. Athen, 9; *Xen.* Mem., II, 7, 11—12; *Arist.* Ath. Pol., LII, 2.

[133] Вопрос о соотношении граждан, метеков и чужеземцев в кредитовании морской торговли и ее осуществлении неоднократно ставился в литературе. Источники не позволяют сделать обоснованных статистических выводов. Рассмотрев имеющиеся по этому вопросу данные в судебных речах, Эрклебен пришел в выводу, что среди лиц, финансировавших морскую торговлю, решительно преобладали афинские граждане, среди судовладельцев и купцов — метеки и чужеземцы. См. *Erxleben E.* Die Rolle der Bevolkerungsklassen im Aussenhandel Athens im 4. Jahrhundert v. u. Z.— HP. I, S. 460—520.

[134] Ср.: *Gernet L.* Droit et société dans la Grèce ancienne. P., 1955, p. 173—200. Об эволюции легального положения ксенов и метеков в греческих полисах см. интересную работу: *Gauthier Ph.* Symbola. Nancy, 1972.

[135] Так, афинянин и метек могли совместно кредитовать какого-либо купца или судовладельца: афинский гражданин выступал в качестве поручителя или посредника при займе ксена или метека. См.: *Dem.*, XXXII, 2, 8; XXXIII, 6, 7; XXXV, 2—3, 6—7; LVI, 1,5.

пущенников. Хорошо известно, какую роль в греческих полисах IV в. стали играть профессиональные денежные дельцы-трапезиты, пускавшие в оборот не только свои средства, но и деньги вкладчиков, проводившие, кроме приема и выдачи вкладов, ряд других операций (хранение ценных вещей и документов, посредничество при оформлении сделок и платежей, выплата по указанию вкладчика определенной суммы третьему лицу, и др.) [136]. Из известных нам по имени 26 афинских трапезитов IV в. только двое, по-видимому, были афинянами, 14 — явно неафинского происхождения, причем 11 из них вольноотпущенники, а один — сын вольноотпущенника [137]. В силу своего статуса трапезиты лишены были возможности одалживать под ипотеку. Не засвидетельствовано также активное участие их в кредитовании морской торговли, что вполне объяснимо, учитывая, что трапезиты имели дело с деньгами вкладчиков, а эти операции были весьма рискованными. Поэтому деятельность трапезитов, кроме таких исключительно богатых людей, как Пасион и Формион, ограничивалась внутриафинскими операциями. Некоторые из них добивались таких успехов в своем деле, что были способны оказывать большие материальные услуги Афинскому государству и удостоены были высшей для метека награды — гражданских прав [138]. Это сразу расширило возможность их деятельности (займы под ипотеку), но такие случаи были, разумеется, единичными. Профессиональное занятие кредитно-денежными операциями, столь важными в экономической жизни полиса, развивалось за пределами гражданского коллектива.

Наряду с увеличением роли свободного негражданского населения в экономической и социальной жизни греческого полиса IV в. следует особо отметить рост числа вольноотпущенников и их удельного веса в различных областях экономики (в земледелии через аренду частновладельческой земли, в трапезах — из доверенных рабов своих владельцев, в некоторых областях ремесла, особенно связанных с обработкой и изготовлением изделий из кожи и шерсти) [139]. Рост числа вольноотпущенников в этот период может быть объяснен распространением такой формы эксплуатации рабов, при которой им предоставлялась некоторая свобода хозяйственной деятельности с обязательством платить господину определенную сумму (так называемая apophora) [140]. При известных благоприятных условиях это давало возможность рабу скопить необходимую для выкупа свободы сумму. Рабовладельца же эта система освобождала от

[136] См.: *Bogaert R.* Banques..., p. 331—375; *Глускина Л. М.* Проблемы..., с. 75—87.

[137] См.: *Глускина Л. М.* О некоторых аспектах..., с. 18—24 (особенно табл. и примеч. к ней).

[138] Нам известны имена четырех таких счастливцев: Пасион, Формион, Эпиген, Конон (*Din.*, I, 43; *Dem.*, XXXVI, 47; LIII, 18).

[139] Подробнее см.: *Глускина Л. М.* Вольноотпущенники в экономике Афин..., с. 278—295; *Она же.* Проблемы..., с. 44—70.

[140] См., например: *Aesch.*, I, 97; *And.*, I, 38; [*Xen.*] Ath. Pol., I, 11; *Teophr.* Char., XXX. О необходимости различать рабов, отданных внаймы, за которых владелец получал поденную плату (misthos), от рабов, которые сами платили хозяину apophora, см.: *Казакевич Э. Л.* Были ли рабами οἱ χωρὶς οἰκοῦντες? — ВДИ, 1960, № 3, с. 23—42.

забот по содержанию раба и от какого бы то ни было участия в производственном процессе.

С другой стороны, такие самостоятельно работавшие рабы могли сближаться с близкими им по роду занятий мелкими свободными ремесленниками и торговцами. Косвенными свидетельствами возникавшей при этом известной социальной солидарности являются, например, история с валяльщиком Панклеоном, красочно описанная Лисием, упоминания о займах (eranoi) в надписях о посвящении фиал, долги ведавшего парфюмерным предприятием раба Мидаса у Гиперида [141].

Прогрессирующая роль свободного негражданского населения в экономической и социальной жизни характерна не только для Афин, но и для других полисов IV в.

Не случайно именно в это время принимаются меры для облегчения различных видов деятельности ксенов и метеков и упорядочения связей граждан различных полисов. Эти явления отражают углубляющийся процесс разрушения традиционной полисной структуры, основанной на замкнутости и обособленности пользующегося исключительными правами гражданского коллектива. Не менее важным аспектом кризиса полиса является эволюция удельного веса метеков и вольноотпущенников в его экономической и социальной жизни. Сложившиеся условия настоятельно требовали уничтожения барьеров, препятствовавших людям, не имевшим гражданских прав, в полной мере участвовать в хозяйственной деятельности. Перемены в земельных отношениях, ослабление связи гражданина с землей уничтожали по сути дела главную преграду на этом пути. Но от создания предпосылок перелома до осуществления его лежал долгий и трудный путь.

Кризис полиса, приведший к ослаблению спаянности коллектива граждан, противопоставивший различные слои гражданского населения не только друг другу, но и государству в целом, четко выявивший разрыв между государственными и частными интересами, возможность обогащения и существования вне узких полисных рамок, не мог быть разрешен ни частичными реформами, ни усилиями теоретиков политической мысли, ни заменившими гражданское ополчение наемными армиями. На смену системе небольших, автаркичных, замкнутых политических образований шла система эллинистических государств.

[141] *Lys.*, XXIII, 9—12; IG, II—III², 1553, 1556—1559, 1566, 1568—1572; *Hyper.* C. Athen., 11. Ср.: *Глускина Л. М.* О правовом положении афинских вольноотпущенников в IV в. до н. э.— ВДИ, 1965, № 1, с. 51—61; *Она же.* Социальный аспект eranos займов в Аттике IV в. до н. э.— ВДИ, 1960, № 1, с. 35—45.

ГЛАВА 2 ДЕЛЬФИЙСКИЙ ПОЛИС В IV В. ДО Н. Э.

(Некоторые аспекты внутриполитической истории)

Почти столетие французскими археологами ведутся систематические раскопки в Дельфах. Эти раскопки позволили уточнить и значительно дополнить известия античных авторов о топографии, архитектуре, внешнеполитических отношениях и внутренней жизни дельфийского святилища и города. Поистине огромный эпиграфический материал открывает новые, ранее неизвестные факты, значение которых в ряде случаев выходит за рамки только дельфийской истории. Еще в 1901 г. известный русский эпиграфист и исследователь дельфийских древностей А. Никитский под впечатлением известий об успехах раскопок в Дельфах писал: «Мы должны общими усилиями исполнять ту подготовительную работу, в результате которой можно предвидеть в будущем такую точную картину дельфийской истории жизни, по крайней мере с середины IV в., какую едва ли когда-нибудь удастся составить для какого бы то ни было другого греческого города, кроме, пожалуй, Афин» [1].

К сожалению, этот оптимистический прогноз пока не подтвердился. Несмотря на появление с тех пор ряда фундаментальных исследований деятельности оракула, Дельфийско-Пилейской амфиктионии, различных аспектов внутридельфийской истории [2], многое еще остается неясным. Знаменательно, что в предисловии к опубликованной в 1963 г. совместной работе двух исследователей дельфийского материала, озаглавленной «Загадки в Дельфах», авторы пишут: «После стольких лет и стольких трудов трех поколений археологов, посвященных руинам великого святилища, создается иногда впечатление, что исследование только начинается, что проблемы вместо того, чтобы разрешаться, все более усложняются» [3].

И действительно, непрекращающийся поток публикаций нового материала порождает трудности в связи с необходимостью отказываться в ряде случаев от давно устоявшихся и поддержанных крупными авторитетами мнений. В то же время налицо бесспорный прогресс в разрешении ранее неясных вопросов и постановке новых проблем. В частности, в работах последних десятилетий уделяется больше внимания различным

[1] *Никитский А. В.* Исследования в области греческих надписей. Юрьев, 1901, XXXIII.

[2] Непрерывно продолжается публикация дельфийских надписей и их исследований в BCH, выходят все новые выпуски серийного издания «Fouilles de Delphes», создана комиссия для подготовки к печати корпуса дельфийских надписей. Уже опубликован первый том, пока, к сожалению, нам недоступный: *Rougemont G.* Lois sacrées et réglements religieux. P., 1977 (Corpus des Inscriptions de Delphes, t. 1).

[3] *Pouilloux J., Roux G.* Enigmes à Delphes. P., 1963, p. 1.

аспектам жизни самого дельфийского полиса, которая меньше интересовала древних авторов, чем деятельность прославленного панэллинского святилища, и поэтому оказалась в античной традиции на втором плане. Именно поэтому, несмотря на достигнутые успехи, восстановить в полном объеме социально-политическую структуру дельфийского полиса, а тем более проследить ее эволюцию, представляется пока невыполнимой задачей. Эпиграфические памятники, составляющие основную массу дельфийских источников, освещают отдельные, вырванные из исторического контекста факты и события и сами по себе, при отсутствии дополняющих их нарративных источников, не позволяют воссоздать общую картину даже для одного какого-либо строго очерченного промежутка времени [4].

Всякий, соприкасавшийся с историей дельфийского оракула и полиса, знает, насколько сложны проблемы дельфийской хронологии. Огромная работа, проделанная учеными XIX и XX вв. для ее восстановления, позволила хотя бы приблизительно очертить рамки и определить последовательность основных событий [5], но и здесь многое еще остается невыясненным.

Основой для датировки надписей, вырезанных некогда на стенах, постаментах памятников и посвящениях, служит наряду с данными самих текстов время строительства соответствующих сооружений или их разрушения. Но это до сих пор является предметом острых дискуссий среди непосредственных участников раскопок. Уточнение дельфийской топографии, новая локализация памятников, на которых начертаны были обнаруженные в дельфийских руинах надписи, нередко ведут к пересмотру принятых ранее датировок. Подвергаются сомнению многие утвердившиеся в науке представления о деятельности самого оракула, процедуре обращения к нему, роли Пифии, оформлении ответов вопрошающим, и т. д.[6]

[4] Например, уникальный по своей компактности и обилию материал дельфийских манумиссий, подвергшийся недавно новому рассмотрению в советской литературе, хотя дает многое для дельфийской хронологии и просопографии и позволяет осветить некоторые аспекты рабства в Дельфах, недостаточен для выяснения социально-экономических отношений внутри дельфийского полиса. К тому же хронологические рамки этих источников ограничены периодом II в. до н. э.— I в. н. э., причем наибольшее число падает на II в. до н. э. См.: *Зельин К. К.* Дельфийские манумиссии как источник по истории рабства в древней Греции.— В кн.: *Зельин К. К., Трофимова М. К.* Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период. М., 1969, 119—187; *Маринович Л. П.* ΠΑΡΑΜΟΝΗ в дельфийских манумиссиях римского времени.— ВДИ, 1971, № 4, с. 27—46; *Она же.* Рабство в провинции Ахайе.— В кн.: *Маринович Л. П., Голубцова Е. С., Шифман И. Ш., Павловская А. И.* Рабство в восточных провинциях Римской империи в I—III вв. М., 1977, с. 22—39, 44—57.

[5] Первые шаги в установлении дельфийской хронологии, сделанные в работах А. Моммзена, Г. Помтова, А. Никитского, были продолжены и завершились созданием общепринятой сейчас схемы, разработанной Ж. До (*Daux G.* Chronologie delphique. P., 1943). Она продолжает, разумеется, уточняться по мере дальнейших публикаций и исследования дельфийского материала. См., например: *Marchetti P.* A propos de l'archonte Delphien de 344/3.— In: Etudes delphiques, 1977, p. 67—89.

[6] См. наш обзор новой литературы о Дельфах: ВДИ, 1961, № 4, 153—162. Общепризнанной лучшей работой о деятельности оракула является исследование Амандри

Постепенно увеличивается интерес и к истории дельфийского полиса. Жизнь дельфийской общины настолько тесно связана была с деятельностью оракула, что очень трудно отделить специфические черты Дельф как священного города от того, что сближает Дельфы с любым другим греческим полисом. Поскольку святилище Аполлона имело общеэллинское значение и связанные с ним вопросы находились в ведении Дельфийско-Пилейской амфиктионии, объединявшей представителей ряда греческих племен [7], дельфийцы не могли самостоятельно распоряжаться храмовым имуществом и священными землями. Это находилось под постоянным и общепризнанным контролем Амфиктионии. Запрет возделывать и застраивать землю, отнятую у Крисы в результате первой Священной войны и объявленную собственностью Аполлона, Артемиды, Латоны и Афины Пронойи [8], распространился на дельфийцев в такой же мере, как и на их соседей, и нарушители в равной степени привлекались амфиктионами к ответственности [9]. Когда Амфиктиония определяла границы священной земли, она имела в виду не только другие полисы, но и сами Дельфы.

Однако наряду с этими священными угодьями, не подвластными контролю дельфийского полиса, существовали земли городские, которыми по обычному греческому праву могли владеть только дельфийские граждане или лица, получившие от полиса право ἔγκτησις. Размеры этих земельных владений и соотношение их со священными трудно поддаются определению. Когда дело касалось пограничных споров с соседними государствами, это различие не имело значения и Дельфы выступали одновременно как защитник своих государственных интересов и как гарант владений Аполлона. Свидетельства источников далеко не всегда позволяют определить, о какой категории земель в каждом конкретном случае идет речь.

Отсутствие достаточно четких формулировок в источниках привело к тому, что иногда смешивают понятия χώρα ἱερά и χώρα τῶν Δελφῶν. О необходимости различать их писал в свое время еще А. Никитский [10].

Из работ, специально посвященных данному вопросу, особый интерес представляет исследование Карштедта, который попытался охарактеризовать дельфийскую территорию и определить примерные границы

(*Amandry P.* La mantique apollinienne à Delphes. Essai sur le fonctionnement de l'oracle. P., 1950), хотя новые данные вносят поправки в ряд высказанных им положений.

[7] То, что в состав амфиктионии входили не государства, а племена (например, два голоса дорийцев делились между обитателями Дориды и дорийскими государствами Пелопоннеса, голоса ионийцев — между Афинами и жителями Эвбеи, и т. д.), свидетельствует о древности этой организации.

[8] *Глускина Л. М.* Дельфы в период первой Священной войны.— ВДИ, 1951, № 2, с. 213—221.

[9] Так, дельфийцы вместе с другими членами Амфиктионии выступили против амфиссян, нарушивших запрет, что привело к четвертой Священной войне 340/39 г. В 125—119 гг. за аналогичный поступок (возделывание и застройка священной земли) привлекается к ответу группа дельфийцев (Syll.^{3}, 826 E—H).

[10] *Никитский А. В.* Исследования..., с. 58—59.

священных и городских земель [11]. Хотя его реконструкция остается гипотетичной, автор все же наметил правильный путь исследования — привлечение топографических и археологических данных.

При невозможности определить даже сколько-нибудь приблизительно размеры городской земли, принадлежавшей дельфийцам, приходится пока довольствоваться констатацией того факта, что в Дельфах наряду со священными угодьями были частные земельные владения, а некоторые наиболее богатые граждане имели по нескольку земельных участков и домов [12]. Существовавшая практика займов под ипотеку [13] с правом изъятия земли у несостоятельного должника свидетельствует, что эти владения могли отчуждаться. Правда, имеющиеся данные относятся уже ко II в. до н. э. К тому же ни для этого, ни для более раннего периодов не засвидетельствованы факты купли-продажи земли в Дельфах. Это, возможно, связано с общим состоянием нашей информации о внутренней жизни дельфийского полиса.

Дельфийцы извлекали доходы как от эксплуатации своих собственных земель, так и от аренды священных угодий [14]. Специфика здесь проявлялась в том, что последние в отличие от общественных земель в других греческих государствах находились под контролем не дельфийского полиса, а Амфиктионии и их удельный вес был, по-видимому, больше обычного [15].

Амфиктиония контролировала все дела имущественного и финансового характера, связанные со святилищем, и организацию Пифийских игр [16]. Но она прямо не вмешивалась не только в чисто внутреннюю жизнь дельфийской общины, но и в повседневную деятельность оракула, в вопросы культового характера.

Все текущие дела святилища находились в ведении дельфийцев, из их числа пополнялся храмовый персонал [17]. Когда в источниках сообщает-

[11] *Kahrstedt U. v.* Delphoi und das heilige Land des Apollo. Studies presented to D. M. Robinson, Washington Univ., 1953, vol. II, p. 749—757.

[12] Это отчетливо выступает в надписях о сдаче в аренду конфискованного имущества дельфийских изгнанников в 360—320-е годы. См.: Syll.^{3}, 175—178. О земледельцах-дельфийцах в III в. до н. э. см.: *Iustin.*, XXIV, 7, 4—5.

[13] См.: Syll.^{3}, 672 — созданный в середине II в. до н. э. из дара Аттала II фонд в 18 тыс. драхм для оплаты учителей, обучавших детей дельфийцев, решено было использовать, одалживая под проценты небольшие суммы, начиная с пяти мин, на пятилетний срок под залог земли. Стоимость заложенного участка должна была вдвое превышать сумму долга. Это предполагает наличие земельных собственников, способных обеспечить свои займы ипотекой.

[14] *Bourguet E.* L'administration financière du sanctuaire pythique. P., 1905, p. 27, 28.

[15] По мере ослабления роли оракула и политических перемен в Балканской Греции объем священных земель сокращался в пользу города. В период империи узаконены были права дельфийцев на священный домен. См.: *Dio Cass.*, LXIII, 14, 2; ср.: *Kahrstedt U. v.* Op. cit., S. 755—756.

[16] Из закона Амфиктионии IV в. до н. э. (Syll.^{3}, 145), где перечислены обязанности гиеромнемонов, видно, что основные их прерогативы — контроль над хозяйством храма и его финансами.

[17] Ср.: *Никитский А. В.* Дельфийские эпиграфические этюды, I—IV. Одесса, 1894/1895, с. 127—211; *Daux G.* Delphes au IIe et I^e siècle depuis l'abaissement de l'Etolie jusqu'à la paix romaine, 191—31 av, J. C. P., 1936, p. 214—215.

ся о попытках воздействовать на Пифию, чтобы получить ответ, угодный вопрошающему, о каких-либо злоупотреблениях или использовании влияния в Дельфах, это связывается не с Амфиктионией, а с деятельностью отдельных дельфийских граждан [18].

В многочисленных почетных декретах дельфийского полиса, эпиграфически засвидетельствованных только начиная с IV в. до н. э., но бесспорно издававшихся и раньше [19], заслуженным чужеземцам в числе прочих привилегий даруется и промантия [20]. При любом толковании этой привилегии [21] тот факт, что ее дарует дельфийский полис, а не Амфиктиония, свидетельствует, что руководство деятельностью оракула находилось в руках дельфийцев.

Это, разумеется, не исключает возможности Амфиктионии влиять на распространявшиеся из Дельф указания и наставления. Недаром в истории Греции засвидетельствована борьба различных государств и политических деятелей за влияние в Дельфах. Однако если учесть, что из ведущих государств Греции Спарта далеко не всегда имела своего представителя в Амфиктионии, а Афины располагали только одним голосом [22], то становится понятным, почему они пытались воздействовать на ее решения через своих сторонников в Дельфах [23]. Вопрос о взаимоотношениях Амфиктионии с Дельфами чрезвычайно сложен и, разумеется, в том или ином плане ставится почти во всех работах, посвященных дельфийской истории. Однако многое остается неясным из-за того, что мы не располагаем достаточной информацией. Так, общеэллинскими празднествами в Дельфах — Пифийскими и учрежденными позднее, в III в. до н. э., Сотериями — ведала Амфиктиония. Но вестников с оповещением об этих праздниках во все концы греческого мира посылали дельфийцы, которые были кровно заинтересованы в как можно большем числе участников. Это увеличивало престиж святилища и города, к тому же праздники служили источником обогащения дельфийцев [24]. Недаром засвидетель-

[18] См., например: *Her.*, I, 51; VI, 66, 125. Желая заручиться благоприятным отношением к себе оракула, Крез шлет щедрые дары не только в святилище, но и самим дельфийцам (*Her.*, I, 54).

[19] Геродот (I, 54) сообщает о почестях и привилегиях, данных Крезу и лидийцам за щедрые дары лидийского царя Дельфам. А. И. Доватур (Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957, с. 28—30) убедительно показал, что Геродот использовал здесь документальный дельфийский источник.

[20] В недавно появившемся интересном исследовании Бувье, который попытался, применяя современные методы статистического подсчета, проследить эволюцию почестей, даровавшихся дельфийцами заслуженным чужеземцам, показано, в частности, что привилегия промантии продолжает фигурировать в дельфийских декретах вплоть до императорского периода. См.: *Bouvier H.* Honneures et récompenses à Delphes.— ZPE, 1978, 30, p. 101—118.

[21] Большинство исследователей понимают эту привилегию как право первоочередного обращения к оракулу.

[22] Из двух голосов дорян в Амфиктионии один принадлежал жителям Пелопоннеса, другой — Дориде; соответственно два голоса ионян делили афиняне и жители Эвбеи.

[23] См.: *Her.*, I, 51; V, 63, 90; VI, 66; VII, 141.

[24] *Глускина Л. М.* Дельфы как экономический центр древней Греции.— Учен. зап. ЛГПИ им. Покровского, 1956, XIII, вып. 2, с. 152—155.

ствованная еще с VI в. до н. э. антидельфийская традиция в Греции зло вышучивает корыстолюбие и алчность дельфийцев и зависимость их благополучия от даров и жертвоприношений паломников и тех, кто обращается к оракулу [25].

Жизнь дельфийского полиса и жизнь святилища неразрывно связаны, и невозможно рассматривать их изолированно друг от друга. И тем не менее в Дельфах можно обнаружить ряд черт, свойственных любому другому греческому полису. По структуре и, насколько можно судить по имеющимся данным, по происхождению Дельфы отличались от столь распространенных на Переднем Востоке, в частности в Малой Азии, гражданско-храмовых общин. Если там они возникали в результате развития сельских общин, концентрировавшихся вокруг местных святилищ [26], то дельфийский полис образовался, отпочковавшись от Фокидского союза, который никогда не отказывался от притязаний на дельфийскую территорию и постоянно угрожал автономии Дельф. К тому же характерно, что в самой дельфийской традиции, отразившейся в гомеровском гимне к Аполлону Пифийскому (206—219)[27] и в независимых от нее источниках [28], сам Аполлон и дельфийцы, во всяком случае жреческая верхушка, рассматриваются как пришельцы извне. Дельфийцы не только не претендовали на автохтонность, но как бы подчеркивали отсутствие исконных связей с той территорией, на которой они жили и где находилось святилище, возможно оправдывая этим свое нежелание подчиняться Фокиде. В отличие от гражданско-храмовых общин Малой Азии, которые обладали значительной земельной территорией, Дельфы, как уже было сказано, не распоряжались священной землей, лучшую часть которой к тому же запрещалось обрабатывать и застраивать [29].

При всем том Дельфы были греческим полисом и в своей социально-политической структуре воспроизводили типичные для любого полиса черты. Прежде всего дельфийцы представляли собой самоуправляющийся гражданский коллектив с исключительными правами граждан на владение землей на дельфийской территории, на участие в политической жизни, занятие храмовых должностей и — в этом дельфийская специфика —

[25] См., например: *Arist.*, fr. 487, 611 (Rose); *Schol.* Aristoph., Vesp., 1446 sq.; Pap. Oxyr., XV (1900), fr. 2; *Lucian.* Phalar., II, 8; ср.: *Глускина Л. М.* Эзоп и антидельфийская оппозиция в Греции VI в. до н. э.— ВДИ, 1954, № 4, с. 150—158.

[26] См.: *Периханян А.* Храмовые объединения Малой Азии и Армении. М., 1959, с. 9, 50, 83, 94—95.

[27] Ср.: *Глускина Л. М.* Политические тенденции Гомеровского гимна к Аполлону Пифийскому.— ВДИ, 1956, № 4, с. 13—24.

[28] См., например: Vita Aesopi, 125—126; ср.: Басни Эзопа/Пер. и коммент. М. Л. Гаспарова. М., 1968, с. 59 (Эзоп упрекает дельфийцев в рабском происхождении: они якобы родились от пленных рабов, которых эллины посылают в дар Аполлону после захвата неприятельского города).

[29] *Aesch.*, III, 108; *Paus.*, X, 37, 5. В схолиях к Аристофану (Vesp., 1446—1448) приводится предание об Эзопе, который, прибыв однажды в Дельфы, стал издеваться над дельфийцами за то, что у них нет земли, от обработки которой они могли бы прокормиться, и что они вынуждены жить за счет жертвоприношений богу. Ср.: *Lucian.* Phalar., II, 8.

на долю доходов, причитавшихся дельфийцам от жертв и приношений паломников и вопрошавших оракул [30].

О политическом строе дельфийского полиса мы располагаем весьма суммарными сведениями [31]. Из некоторых намеков в источниках можно заключить, что Дельфы претерпевали эволюцию, сходную с той, которая известна в других общинах Греции [32]. По мнению А. В. Никитского, политическое развитие Дельф шло по пути постепенного ограничения личной власти путем сокращения ее срока, увеличения числа ἀρχαί и разделения власти. Известная нам из более поздних документов политическая структура дельфийского полиса сложилась уже к середине VI в. до н. э.[33] Правда, теперь, когда масса дельфийского эпиграфического материала чрезвычайно возросла, можно говорить или, по крайней мере, ставить вопрос об эволюции социально-политического строя Дельф. Так, недавно французский исследователь Ватен выдвинул гипотезу, что уже в эллинистическую эпоху в Дельфах существовало деление граждан на две группы, одна из которых занимала привилегированное положение и играла активную роль в политической жизни, а другая пользовалась лишь пассивными политическими правами. Ватен привлекает материал и IV в. до н. э., но сам признает, что он не вписывается в предлагаемую им схему [34].

В интересующий нас период высшим органом власти в Дельфах было народное собрание — агора, включавшее всех дельфийских граждан. Декреты и законы издавались от имени граждан или города. В сохранившихся текстах трех законов, изданных в IV в. до н. э., указано точное число голосов [35]. В других известных нам дельфийских документах начиная, насколько можно судить, с III в. до н. э. применяется формула σὺμ φάφοις ταῖς ἐννόμοις без уточнения числа [36]. По-видимому, собрание считалось правомочным, а его решения законными только при наличии определенного числа участников, т. е. требовался кворум [37].

[30] См.: *Rougemont G.* Les Théores d'Andros à Delphes.— In: Etudes delphiques. Athènes, 1977, p. 37—47; *Никитский А. В.* Исследования..., с. 43—44.

[31] Характеристику дельфийских институтов на основе всего известного в его время материала дал А. В. Никитский (Дельфийские эпиграфические этюды). Ж. До, опираясь главным образом на дельфийские почетные декреты и манумиссии, попытался восстановить функционировавшую в Дельфах эллинистического периода политическую систему (*Daux G.* Delphes..., p. 425—439). О Дельфах императорского периода см.: *Bourguet E.* De rebus delphicis imperatoriae aetatis. P., 1905.

[32] Так, Плутарх (Quaest. Gr., 12), хорошо осведомленный в дельфийской традиции, приводит предание о голоде в Дельфах, когда жители вместе с женами и детьми пришли в качестве молящих к царю, который выдал зерно и бобы только знатным, поскольку на всех бы не хватило. Отсюда можно заключить, что в архаических Дельфах существовала сильная личная власть и знать занимала привилегированное положение.

[33] *Никитский А. В.* Дельфийские эпиграфические этюды, с. 275, 289.

[34] *Vatin C.* Damiourges et epidamiourges à Delphes.— BCH, 1961, LXXXV, p. 236—255; *Idem.* Ordres et classes dans les institutions delphiques.— In: Recherches sur la structure sociale dans l'antiquité classique (Caen, 25—26 avril 1969). P., 1970, p. 259—263.

[35] *Schwyzer.* DGE, N 324; *Guarducci M.* Epigrafia Greca. Roma, 1969, II, p. 63—64.

[36] *Schwyzer.* DGE, N 331, 334.

[37] *Guarducci M.* Epigrafia Greca, II, p. 11, N 3.

В Дельфах засвидетельствовано существование совета — буле и должностных лиц — булевтов. В текстах сохранившихся декретов и законов доримского периода буле не упоминается. Но, поскольку булевты (от одного до пяти) называются в документах наряду с архонтом-эпонимом [38], А. В. Никитский предположил, что так выражалась их роль в подготовке соответствующих решений [39]. Состав совета и способ его пополнения неясны. Одно лицо могло занимать эту должность несколько раз. По-видимому, общее число членов совета равнялось 30, но они делились пополам, 15 булевтов исполняли свою должность в течение полугодия [40]. Упоминаемые в документах наряду с архонтом-эпонимом булевты, вероятно, были председателями совета, возможно и собрания [41]. Архонт-эпоним сменялся ежегодно, нет свидетельств о повторном занятии этой должности одним и тем же лицом.

В дельфийских текстах упоминаются и другие лица, выполнявшие какие-то общественные функции, но пока нет возможности точно очертить круг их обязанностей.

Как и в других греческих полисах, в Дельфах наряду с гражданским населением жили оседлые чужеземцы. В дельфийской литературе их условно называют метеками, хотя у нас нет никаких данных о специальном юридическом оформлении этой категории, подобно тому как это имело место в Афинах [42]. Абсолютная или относительная численность этой группы дельфийского населения неизвестна, но есть все основания полагать, что специфический характер города обусловливал приток не только временных паломников, но и оседлых поселенцев, прежде всего из соседних Локриды и Фокиды. Особенно много чужеземцев, поселившихся в Дельфах, было, по-видимому, в период этолийского владычества. Выходцы из городов — членов Этолийского союза, очевидно, не всегда спрашивали при этом санкции дельфийского полиса. О попытках борьбы с самовольным просачиванием чужеземцев и их притязаниями на привилегии свидетельствуют два документа. В дельфийском декрете 200/199 г. в честь этолийского эпимелета Сатира (FD, III, 1, № 451) он восхваляется за то, что урегулировал споры между дельфийцами и этими поселенцами. В 239 г. до н. э. этоляне — явно по настоянию дельфийцев — издали декрет, запрещавший поселившимся в Дельфах чужеземцам пользоваться ателией, если она не дарована была им дельфийским полисом (Syll.^{3}, 480).

[38] См., например: Syll.^{2}, 140, 1. 4 sq ; ср.: *Schwyzer*, DGE, N 329, 330, 331; SEG, XIV, 393.

[39] *Никитский А. В.* Дельфийские эпиграфические этюды, с. 280—285.

[40] *Flacelière R.* Les Aitoliens à Delphes. P., 1937, p. 30; *Roux G.* Les prytanes de Delphes.— BCH, 1970, XCIV, 1, p. 117—132.

[41] *Daux G.* Delphes..., p. 435.

[42] Не только современные исследователи, но и древние авторы применяют глагол μετοικεῖν к людям, надолго поселившимся на чужбине, не только в Афинах. Так, Ликург, обвиняя Леократа, что тот в трудное для Афин время покинул родной город и жил вначале на Родосе, затем пять лет в Мегаре, в последнем случае употребляет выражение μετοικῶν (*Lyc.* C. Leocr., 21).

В 188 г. до н. э., когда с этолийским господством в Дельфах уже было покончено, Рим в ответ на обращение в сенат дельфийских послов разрешил Дельфам самим определять, кому из поселившихся в городе чужеземцев можно остаться, а кто подлежит выселению. Такие меры определялись, по-видимому, не только ограниченными экономическими возможностями, но и желанием освободиться от ненавистного наследия этолян.

Терпимее относились Дельфы к своим «доморощенным» метекам, в том числе вольноотпущенникам, осевшим в Дельфах на постоянное жительство. Некоторые из них фигурируют в числе получателей привилегий от дельфийского полиса [43]. Встречаются бывшие рабы и среди дельфийских манумиссоров [44].

К сожалению, у нас нет сведений не только о численности и об удельном весе дельфийских метеков, но и об их экономической роли. Можно лишь предполагать, что здесь, как и в других греческих полисах, они преимущественно заняты были в ремесле и торговле. Те данные, которые можно извлечь относительно профессий вольноотпущенников из манумиссий, подтверждают это предположение, но они относятся, как уже было сказано, к более позднему времени.

Косвенным свидетельством о занятиях дельфийских метеков могут служить некоторые из даваемых им за какие-то заслуги привилегий, например освобождение от тех или иных налогов или повинностей. Сохранившиеся данные относятся уже к III в. до н. э., но их отсутствие для более раннего периода может быть лишь проявлением скудости и случайности сохранившейся информации. Вряд ли профессиональные занятия самих дельфийцев сколько-нибудь значительно изменились в сравнении с IV в. до н. э.

Еще меньше известно о рабах в Дельфах IV в. до н. э., кроме, пожалуй, самого факта их существования (см.: Aesch., III, 122).

Таким образом, мы располагаем совершенно недостаточной информацией о внутренней жизни дельфийской общины, возникшей и существовавшей в совершенно особых условиях.

Тем больший интерес представляют немногие достоверные факты, представляющие собой как бы небольшие освещенные островки, которые выступают из общего мрака, скрывающего от нас дельфийскую действительность. Как раз от IV в. до н. э., столь насыщенного событиями, ознаменованного глубокими социально-политическими потрясениями во всем греческом мире, сохранился ряд документов и свидетельств, позволяющих проникнуть в глубь процессов, происходивших в то время в дельфийском полисе. Как мы попытаемся показать, они свидетельствуют, что в городе, тесно связанном со святилищем панэллинского значения и занимавшем

[43] Syll.^{3}, 481 A—B (239 г. до н. э.) — трем лицам даруется ἀτέλεια παντῶν и право ἔγκτησις. Поскольку имена награжденных сопровождаются не патронимиком, а указаны имена их матерей, справедливо предположение, что это люди рабского происхождения. Ср.: *Никитский А. В.* Исследования. ..., с. XXIX—XXX.

[44] См.: *Никитский А. В.* Исследования..., с. XXXI, XLI; *Daux G.* Delphes..., p. 291, 454, 457—461; *Зельин К. К.* Дельфийские манумиссии..., с. 184—186; *Маринович Л. П.* Рабство в провинции Ахайе, с. 28—29.

в силу этого особое положение в греческом мире, наблюдаются в этот критический период греческой истории явления, типичные и для полисов обычного типа.

Одним из документов является надпись с текстом закона, регулирующего долговые отношения. По имени датирующего документ архонта он получил условное наименование «закона Кадиса»[45]. Текст закона был выгравирован на семи колоннах сокровищницы книдян в Дельфах и состоял соответственно из семи столбцов. Из более чем 30 найденных фрагментов восстанавливается первый столбец, т. е. начало, и отдельные куски II, III и VII столбцов. Ряд статей вообще не может быть восстановлен, а то, что читается, далеко не всегда поддается удовлетворительной интерпретации. Все же и при таком состоянии документ заслуживает самого пристального внимания, тем более что основное содержание закона излагается в сохранившемся I столбце.

Как известно, вопрос о долгах был одной из серьезных социальных проблем греческого мира в IV в. до н. э. Однако на фоне постоянных напоминаний античных авторов об угрозе радикальных преобразований в этой области поразительно мало в нашем распоряжении достоверных сведений о реальных фактах. Материал о государственном вмешательстве в отношения между кредиторами и должниками в период от конца VI в. до 86/5 г. до н. э., собранный и подвергнутый тщательному анализу в книге Ашери, показывает, что такого рода меры принимались только в исключительных случаях, при резком обострении внешнеполитической обстановки (прямая военная угроза, осада) или взрыве социально-политической борьбы внутри полиса, приходе к власти тиранов, и т. д. Из 40 приведенных в работе Ашери примеров 15 относятся к IV в. до н. э., но только три из них — к полисам Балканской Греции[46]. Входящий в их число дельфийский закон уникален по своему содержанию и историческому контексту. Насколько нам известно, в Дельфах в тот период не было ни попыток установления тирании, ни осадного положения. Однако напряженная обстановка в Средней и Северной Греции, конфликты в соседней с Дельфами Фессалии, захватнические устремления Ясона, включавшего в свои планы и контроль над святилищем Аполлона, усиление фиванского влияния в Амфиктионии, переход Афин от дружественной

[45] В Дельфах, по-видимому, не принято было указывать имя автора законопроекта или декрета, как делалось в Афинах. Надпись была опубликована еще в 1911 г. Бурге (FD, I, 2, 294), затем ее переиздал, снабдив обстоятельными комментариями, Омолль (*Homolle Th.* La loi de Cadys sur le prêt à interêt. Une Crise sociale et politique à Delphes au IVe siècle.— CGH, 1926, L, p. 3—106). Имя Кадиса не встречается в сохранившихся списках дельфийских архонтов-эпонимов. На основании косвенных признаков (например, лакуны в списках архонтов), палеографических и лингвистических данных Омолль датировал надпись примерно 390—360 гг. Эта датировка сейчас общепринята.

[46] *Asheri D.* Leggi greche sul problema dei debiti.— in: Studi Classici e Orientali. Pisa, 1969, XVIII, p. 23 (VIII), 31 (XIII). Сюда включаются законопроект Тимократа (*Dem.*, XXIV, 39—40), против которого выступил Демосфен, декрет Теген относительно имущества изгнанников, возвратившихся после известного указа Александра от 324 г. (Syll.^{3}, 306), и, наконец, дельфийский закон Кадиса.

поддержки Фив к открытой вражде с ними и союзу со Спартой, установление тирании в Фокиде и ее внешнеполитическая активность — все это неизбежно отражалось на судьбах дельфийского святилища и положении полиса [47]. Известно, что в 60-е годы IV в. до н. э. внутри дельфийской общины происходила борьба, сопровождавшаяся изгнаниями и конфискациями имущества политических противников. Она осложнилась затем в период захвата Фокидой святилища и последовавших за этим событий [48]. Изгнаниям неизбежно должны были предшествовать какие-то конкретные события. К сожалению, о дельфийской στάσις нам известно главным образом из эпиграфических источников, сообщающих лишь об изгнаниях и конфискациях имущества без указания приведших к этому причин. Если бы закон Кадиса удалось датировать более точно, а не рамками трех десятилетий (390—360 гг.), мы смогли бы, возможно, раскрыть еще один аспект этой борьбы и связь его с другими известными нам событиями политического характера. Пока же это не поддается определению, можно лишь говорить, что сама необходимость принять меры по регулированию долговых отношений позволяет предполагать обострение социальных противоречий внутри дельфийского полиса.

Основное содержание закона следующее. В месяце Бисии [49] на полномочном заседании дельфийской ассамблеи 454 голосами [50] было принято решение ограничить впредь процентную ставку по займам как у частных лиц, так и у общественных организаций тремя оболами с мины в месяц. Это вводилось со следующего за принятием закона месяца (Теоксения) и не распространялось на долговые сделки, заключенные ранее этого решения [51]. Подробно перечисляются потенциальные кредиторы — патрии, героиасты, фиасы, «другие сообщества», затем — частные лица: мужчины, женщины, юноши, девушки, рабы, рабыни, метеки и ксены. За нарушения закона кредитор лишался одолженных денег и должен был еще уплатить 50 драхм за каждую мину. При займах до мины сумма штрафа снижалась до 20 драхм.

Нарушителя мог изобличить любой желающий. Он получал за это половину одолженной суммы, вторая половина поступала в казну [52]. Если кредитор оспаривал выдвинутое против него обвинение, совет дол-

[47] Подробная характеристика обстановки в Северной и Средней Греции в это время содержится в кн.: *Фролов Э. Д.* Греческие тираны (IV в. до н. э.). Л., 1972, с. 70—170.

[48] См.: Syll.³, 175—177; *Diod.*, XVI, 24, 3—4.28, 2.

[49] В Дельфах был свой календарь. Бисий соответствовал афинскому Анфестериону и приходился примерно на февраль. Ср.: *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. М., 1975, с. 16—17.

[50] Не совсем ясно, составляли ли 454 участника кворум для пленарного собрания, или эта цифра указывает число голосов, поданных за декрет. В любом случае эта необычная для дельфийских официальных документов подробность свидетельствует о большом значении, которое придавалось принятию закона.

[51] I, 6—8.

[52] Характерно, что взыскивать деньги должен был сам обвинитель (II, 23—24; II—III, 39—40). Здесь выступает типичный для греческой правовой практики принцип self-help.

жен был по жребию назначить 11 судей из 20 кандидатов, выдвинутых обеими сторонами конфликта. В случае уклонения судьи от участия в разбирательстве спора после принесения им присяги на него налагался штраф (50 драхм). Такой же штраф должны были платить члены совета (каждый), если совет не обеспечит организации процесса в течение месяца (II, 25—39).

Предусмотрены аналогичные меры и против лиц, одолживших на противозаконных условиях деньги, принадлежавшие какой-либо ассоциации или патрии (III, 40—43).

В то же время на головы лжесвидетелей и лиц, возбудивших необоснованные обвинения, призывается проклятие Аполлона (V, 5—8). Что же касается недобросовестных должников, пытающихся без оснований отрицать свои обязательства, то они лишаются заклада, имущество их посвящается Аполлону, они караются временной атимией и против них может быть возбужден процесс, как против зачинщиков мятежа (VII, 6—15).

В законе предусматриваются наказания против должностных лиц или рядовых граждан, которые попытаются отменить его установления. Виновные предаются проклятию, подобно людям, стремившимся провести передел земли или полностью отменить долги (VII, 2—6).

Как уже было сказано, текст сохранился плохо, изложенное выше содержание закона передает его лишь частично, местами приблизительно, по дополнениям издателей, главным образом Омолля. Однако и в таком виде он представляет чрезвычайный интерес. Прежде всего перед нами очень редкий для древней Греции пример государственного регулирования процентной ставки. Греческие государства, как правило, не вмешивались в частную экономическую деятельность и свободное предпринимательство. Существовало положение, приписываемое в Аттике Солону, что правомочным считается любой договор, заключенный с согласия обеих сторон (если, разумеется, в нем не было ничего явно противозаконного).

Как уже было сказано, принимавшиеся изредка меры для облегчения положения должников всегда были связаны с особыми трудностями внутри- или внешнеполитического характера. Иногда вводился мораторий по долгам. Очень редко, при глубоких социальных потрясениях и политических переворотах, прибегали к единовременной полной или частичной отмене долгов [53].

Хотя конкретные обстоятельства, приведшие к изданию закона Кадиса, остаются неясными, все же содержание закона и отдельные формулировки в его тексте [54] позволяют думать о неспокойной внутренней обстановке в Дельфах.

Основным нововведением было установление максимальной процентной ставки. Величину ее можно определить лишь приблизительно. В текстах сказано: три обола в месяц. Но дело в том, что наряду с обращавшейся

[53] Так было в Аттике при Солоне, в некоторых городах Южной Италии и Сицилии, при захвате власти тиранами, в Спарте — при Агисе и Клеомене, в Ольвии во время осады города Зопирионом в 331 г. до н. э.

[54] Например, упоминания о стремлении к переделу земли и отмене долгов, о подстрекательстве к мятежу.

в Дельфах эгинской драхмой (1/70 мины) там неоднократно совершались платежи и в более распространенной в Греции аттической монете (драхма = 1/100 мины). Если исходить из эгинской системы, получается ставка 8,57%, если из аттической, она снижается до 6%[55]. В любом случае это ниже обычной в то время в Греции ставки (12%)[56]. Сам факт подобного решения и суровость предусмотренных против его нарушителей мер говорят, что вводились условия, более льготные для должников, чем существовавшие до этого. Закон, правда, не имел обратной силы, существовавшие в момент его принятия долговые обязательства не отменялись. Но, возможно, были несколько смягчены условия взыскания прежних долгов (это как будто прослеживается во фрагментарных текстах плохо читающихся столбцов). Изобличение нарушителей закона дозволялось любому желающему. И раз дело было возбуждено, должностные лица (совет) обязаны были рассмотреть его. То, что предусмотрены специальные меры против нерадивых членов совета и судей, уклоняющихся от выполнения своих функций, позволяет заключить, что не все дельфийцы были заинтересованы в осуществлении принятого решения и, возможно, существовала оппозиция против него.

Очень показателен характер наказания должника за попытку обманным путем уклониться от выполнения платежных обязательств. В то же время как кредитор, повинный в нарушении закона, карается штрафом и несет материальный ущерб, недобросовестный должник не только лишается имущества [57], но и привлекается к суду по процедуре, аналогичной той, которая применялась против сеятелей смут и зачинщиков междоусобиц, и до уплаты долгов лишается гражданского полноправия. В этом различии явственно проступает политический и социальный характер закона. Он был вынужденной уступкой, призванной смягчить социальные противоречия в дельфийской общине, но не являлся результатом победы низших слоев населения или прихода к власти новой политической группировки. Упоминание о смутьянах, способных предложить отмену долгов и передел земли, показывает, что составители закона считали это

[55] Исследователи по-разному определяют введенную в Дельфах процентную ставку. Это зависит от того, из какой денежной системы в Дельфах они исходят и как исчисляют число месяцев в дельфийском календарном году. См.: *Никитский А.* О мине в 70 драхм.— ЖМНП, 1901, I, с. 25—33; *Reinach Th.* Observation sur le système monétaire delphique du IVe siècle.— BCH, 1896, XX p. 251—256; *Homolle Th.* La loi de Cadys..., p. 32—33; *Dunant C., Pouilloux J.* Comptes delphiques à ἀπουσίαι.— BCH, 1952, LXXVI, 1, p. 32—60; *Bogaert R.* Banques et banquiers dans les cités grecques. Leyde, 1968, p. 108—110, 398.

[56] В IV в. до н. э. средняя процентная ставка в Афинах составляла 12% (*Arist.* Ath. Pol., LII, 2), на Делосе — 10% (*Bogaert R.* Op. cit., p. 128, 134, 138).

[57] Если понимать «посвящение имущества должника Аполлону» (VII, 10—11) как полную его экспроприацию, возникает вопрос, каким образом можно было рассчитывать на уплату им впоследствии долга. Характерно, что в законе при этом говорится не об οὐσία или κτήματα, а о χρήματα. Возможно, подразумевалось только движимое имущество или предполагалось, что при благоприятных условиях работоспособный человек в Дельфах мог изыскать нужную для расплаты с кредитором сумму.

тяжким преступлением. Отчетливо выступает компромиссный характер принятых решений.

Интерес представляет перечисленный в надписи состав возможных заимодавцев. Кроме различных сообществ (патрии, героисты, фиасы), граждан, метеков и ксенов, здесь фигурируют женщины и рабы (I, 11—13). Правоспособность женщин была ограничена, и сделки они могли заключать только при участии и с согласия опекуна [58]. Далее предусматриваются меры против нарушителей этой части закона. Омолль высказал предположение, что речь идет об опекуне, злоупотребившем своими правами в ущерб интересам женщины [59]. Но текст в этом месте испорчен, и нет возможности выяснить характер связанных с этим имущественных отношений. К сожалению, не сохранился текст, где говорилось о других неполноправных заимодавцах — рабах и рабынях. По-видимому, это рассматривалось непосредственно вслед за вопросом о заимодавцах-женщинах. Но уже одно то, что в Дельфах IV в. до н. э. рабы могли считаться потенциальными заимодавцами, позволяет предполагать, что там существовала (в числе других) и такая форма эксплуатации, при которой рабам давалась известная хозяйственная самостоятельность, они располагали какими-то средствами и могли сами заключать торговые и денежные сделки [60].

Как было сказано выше, нам неизвестны обстоятельства, приведшие к изданию закона Кадиса. Однако по аналогии с другими греческими государствами, где меры подобного рода принимались только в крайних случаях, можно предположить, что и в Дельфах это было результатом обострения внутренних противоречий, вынудившего имущие слои пойти на какие-то уступки. Упоминание в законе мер, принимаемых против зачинщиков смут и тех, кто пытается произвести передел земли или отмену долгов, свидетельствует, что дельфийский полис в IV в. до н. э. сталкивался с теми же проблемами, что и остальной греческий мир.

Совершенно иной характер имеет другой дельфийский закон, дошедший до нас в надписи, датируемой концом IV в. до н. э. [61] Он касается отношения к родителям. От надписи сохранились начальные 11 строк. Так как во вводной формуле говорится, что дельфийским собранием было решено «начертать текст закона», но не сказано, что он тогда был впервые принят [62], можно предположить, что закон этот существовал и раньше, но по каким-то не указанным в надписи соображениям его сочли необходи-

[58] III, 5—9: при сделках женщин требуется согласие мужа, для вдовы — взрослого сына, в других случаях, очевидно, кого-либо из родственников (последний вариант — дополнение издателей).

[59] *Homolle Th.* La loi de Cadys..., p. 15, 53—60.

[60] Ср.: *Глускина Л. М.* Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975, с. 112—115.

[61] Впервые она была издана в 1943 г. (*Lerat L.* Une loi sur les devoirs des enfants envers leur parents.— Rev. Phil., 1943, 68, p. 62—86). Сохранившийся текст полностью приведен и снабжен кратким комментарием в кн.: *Guarducci M.* Epigrafia Greca, II, p. 62—65.

[62] Ср. вступительную формулу в законе Кадиса: ὁδ' ὁ τεθμὸς [ὁ Γαδὼν ἐν] ἀγορᾶι τελείωι...

ХРАМ АПОЛЛОНА В БАССАХ. Последняя треть V в. до н. э.

мым опубликовать и выставить для всеобщего обозрения [63]. Во вступительной формуле, как и в законе Кадиса, указано число голосов, но на этот раз их 353 (а там было 454). Содержание сохранившейся части закона предельно ясно: «Если кто не будет кормить отца и мать и о нем будет сообщено в совет, пусть совет заключит его в оковы и уведет в темницу, пока не...». На этом текст, к сожалению, обрывается.

Что нам дает этот фрагмент для характеристики внутренней жизни дельфийского полиса? Прежде всего интересно указанное число голосовавших в собрании — оно на 101 меньше, чем при принятии закона Кадиса. Как уже говорилось, последний датируется приблизительно 390—360 гг. Что касается рассматриваемого закона, то его датировка тоже приблизительна, но рамки более узкие — 315—305 гг.[64] В любом случае между

[63] Надпись была вырезана на мраморной стеле, выставленной некогда, предположительно в святилище Аполлона.

[64] В датирующей части надписи нет имени архонта, перечислено только пять имен булевтов. Трое из них (Меланоп, Филит и Гераклий) встречаются в другом дельфий-

обоими решениями прошло по крайней мере несколько десятилетий. Можно ли предполагать, что за истекший период в Дельфах столь значительно уменьшилась численность гражданского населения? Если учесть бурные внешнеполитические события в Греции в период между 360 и 315 гг., в частности фокидскую оккупацию Дельф, это не исключено [65]. Следует учесть и то обстоятельство, что закон, обязывавший детей заботиться о родителях, вряд ли мог быть предметом острых дебатов или вызвать противодействие со стороны какой-либо группы граждан. Он в равной мере касался богатых и бедных и в отличие от закона Кадиса не затрагивал острых социальных проблем. К тому же, поскольку речь шла, по-видимому, не о новом законе, а о начертании уже существовавшего (или недавно принятого?), не столь уж важно было участие в голосовании как можно большего числа дельфийцев [66].

Что касается содержания закона, то он лишь дополняет имеющиеся свидетельства о том большом значении, которое в древней Греции придавалось исполнению сыновнего [67] долга [68]. Заслуживает внимания суровость предусмотренного наказания — наложение оков и заключение в темницу. В Греции, как известно, только в крайних случаях прибегали к лишению гражданина свободы и заключению его в тюрьму.

Нет ничего удивительного, что Дельфы, выступавшие в качестве общеэллинского религиозного центра хранителями традиционных устоев во всей Греции, стремились и у себя их утверждать. Существование подобного закона здесь правомерно. Внимания заслуживает то, что в конце IV в. до н. э. было принято специальное решение о его опубликовании. По-видимому, и Дельфы были затронуты характерным для IV в. до н. э. упадком нравов, ослаблением моральных норм и традиций [69]. Обнаро-

ском тексте вместе с архонтом Гиерондом, год эпонимата которого До относит к периоду примерно 315—305 гг. (*Daux G.* Chronologie delphique, p. 26); ср.: *Guarducci M.* Epigrafia Greca, II, p. 64.

[65] См.: *Diod.*, XVI, 24,3 (расправа Филомела с фракидами); ср.: *Paus.*, III, 10, 3—4 (о неосуществившемся, правда, намерении фокидян истребить все мужское население в Дельфах).

[66] Численность дельфийской гражданской общины нам неизвестна. [Если принять на веру слова Геродота (I, 54), ее выяснил Крез, прежде чем отправить в Дельфы посольство с дарами для каждого дельфийца.] Исследователи определяют ее по-разному: от 700 до 1200 взрослых мужчин в V—IV вв. См.: *Bourguet E.* L'administration financière..., p. 44—45; *Idem.* Les ruines de Delphes. P., 1914, p. 143 sq.; *Glotz G.* Histoire Grecque. P., 1936, t. III, p. 258; *Gauthier Ph.* Symbola. Nancy, 1972, p. 50; *Busolt G., Swoboda H.* Griechische Staatskunde. München, 1926, S. 1299.

[67] И дочернего тоже, разумеется, но ввиду ограниченной правоспособности женщин это не в такой мере фиксируется в источниках. У Платона, правда, предусмотрены наказания и против дурных дочерей (*Legg.*, XI, 932b).

[68] Как свидетельствует Аристотель (Ath. Pol., LV, 3), при докимасии архонтов в Афинах выясняли, исполняет ли кандидат свой долг по отношению к родителям. Любой желающий мог возбудить перед архонтом иск против детей, дурно обращавшихся с родителями, и Аристотель считает нужным отметить, что обвинитель в этом случае был свободен от риска (если его обвинение будет признано необоснованным) понести наказание (Ath. Pol., LVI, 6). Об афинском законе против дурного обращения с родителями упоминает и Лисий (XIII, 91).

[69] Ср.: *Romilly J. de.* Problèmes de la démocratie grecque. P., 1975, p. 85—90, 98 sq.

дование закона, известного нам только частично, может рассматриваться как одна из попыток строгими мерами утвердить традиционные семейные отношения. Семья, как хорошо известно, была основной социальной ячейкой полисной системы [70]. Развитие индивидуализма, уменьшение привязанности к полису сопровождались ослаблением семейных и родственных уз. Меры по утверждению сыновних обязанностей косвенно были направлены и на укрепление традиционного долга перед государством в целом.

Другой документ, изданный одновременно с законом Кадиса или несколько раньше, касается иного аспекта жизни дельфийского полиса. Опубликованная еще в 1895 г. большая надпись дельфийской фратрии Лабиадов продолжает с тех пор переиздаваться и комментироваться [71]. Но, несмотря на усилия многих исследователей, до сих пор многое остается неясным [72]. Надпись была начертана на четырех сторонах колонны и соответственно состоит из четырех частей, обозначаемых А, В, С, Д. Всего сохранилось 215 строк. Начинается она с текста клятвы, которую должны были давать приступавшие к исполнению своих обязанностей таги — по-видимому, основные должностные лица фратрии. Они обязуются исполнять свои функции согласно законам города и Лабиадов (А, 2—4; ср. В, 16—17). Эти законы касаются жертвоприношений в связи с браком, рождением ребенка и представлением сына фратрии. Таги клянутся, что будут взыскивать и правильно сообщать Лабиадам следуемые от членов фратрии суммы, не будут красть и причинять ущерба имуществу Лабиадов (А, 5—11). Из клятвы следует, что таги должны были привести к присяге своих преемников — тагов следующего года. Таким образом, должность тагов была годичной.

Далее следует декрет Лабиадов, принятый на собрании 182 голосами (А, 19—24). Указание числа голосов встречается в сохранившихся дельфийских документах довольно редко — здесь и в упоминавшихся выше дельфийских законах. Очевидно, этим решениям придается большое значение. Тагам запрещается принимать указанные выше жертвы без предварительного одобрения патрии, к которой принадлежал жертво-

[70] Ср.: *Lacey W. K.* The family in Classical Greece. L., 1972, p. 9—10, 15—32, 77—83, 99. По мнению автора, только в Спарте и в идеальном государстве Платона семья не занимала центрального положения (Ibid., p. 176).

[71] После первого издания (*Homolle Th.*— BCH, 1895, XIX, 1, p. 5—69) последовал ряд переизданий с уточнениями предложенных Омоллем чтений или воспроизведением его текста. См., например: SGDI, 2561; Syll.², 438, add., p. 819; *Schwyzer.* DGE, № 323; SEC, XVIII, 204; XXIII, 320; *Bousquet J.*— BCH, 1966, XC, p. 82—92. Сейчас готовится новое, пересмотренное издание для корпуса дельфийских надписей (BCH, 1973, XCVII, 1, p. 75, n. 1).

[72] Среди первых комментаторов нового документа был А. Никитский (Дельфийские Лабиады.— ЖМНП, 1898, январь—февраль, с. 42—89; октябрь, с. 1—48), многие замечания которого были учтены в последующих изданиях. Из последних работ, посвященных Лабиадам, можно назвать: *Roux G.* La consultation solennelle des Labyades à Delphes.— RA, 1973, p. 59—78; *Idem.* Le sens du mot ἐνατός dans le réglement des Labyades à Delphes.— RA, 1975, p. 25—30; *Rougemont G.* L'inscription archaique de Delphes relative à la phratrie des Labyades.— BCH, 1974, XCVIII, p. 147—158.

ватель, причем специально оговорено, что патрия должна решать это в полном составе (А, 24—29). Время, когда таги принимают жертвы, ограничивается только праздником Апелл [73]. За прием в другое время таг карается штрафом.

В то же время указывается обязательность для Лабиадов приносить полагающиеся жертвы. В случае просрочки взимается штраф, а при неуплате его — проценты со следуемой суммы. Далее в плохо сохранившейся части шла, очевидно, речь о возникавших в связи с принесением жертв спорах и разбирательстве их в собрании Лабиадов. При этом устанавливается кворум — не менее 101 человека (В, 9—10).

За неисполнение тагами своих обязанностей или нарушение установленных правил они присуждаются к штрафам размером от 10 до 50 драхм. Член фратрии, незаконно принесший жертву, исключается из Лабиадов и лишается права участия в общих доходах. В надписи упоминаются и судьи, которые как и таги, приводятся к присяге. В случае отказа избранного судьей исполнять свои обязанности он подвергается штрафу (5 драхм) и заменяется другим лицом.

После частей, посвященных жертвам и связанным с ними спорам, следуют положения о похоронах и трапезах. Ограничиваются расходы на погребение и выражение скорби по умершему.

Часть, посвященная трапезам, плохо сохранилась. Из нее явствует, что было 15 установленных трапез, распределявшихся на весь год, и Лабиады должны были предоставлять для них части жертвенных животных [74]. Упоминаются дамиурги, налагавшие вместе с другими Лабиадами штрафы за нарушения, связанные с трапезами, и коллегия пятнадцати — οἱ πεντεκαίδεκα, взыскивавшая эти штрафы [75]. Должностное лицо, пропустившее собрание Лабиадов или нарушившее порядок там, должно было уплатить штраф в размере обола.

Следует отметить, что в надписи нет слова «фратрия», Лабиады называют себя только по имени. Но за то, что это фратрия, говорит следующее: 1) функция приема жертв при браке и рождении детей; 2) деление на патрии; 3) упоминание в числе богов, которыми клянутся, Посейдона Фратрия [76].

[73] Апеллы — дорийский праздник, соответствующий афинским Анатуриям, когда новобрачные представляли фратрии своих жен, отцы — новорожденных детей и сыновей, достигших возраста возмужалости. Ср.: *Deubner L.* Attische Feste. B., 1956, S. 232—234.

[74] Места, где говорится об участии Лабиадов в жертвоприношениях, очень неясны и вызвали противоречивые толкования. Мы не останавливаемся здесь на них, поскольку не этот аспект жизнедеятельности фратрии нас сейчас интересует.

[75] D, 19—21: ... θωεό̣των τοῖ τε δαμιοργοῖ καὶ τοῖ ἄλλοι πάντες Λαβυάδαι, πρασσόντων δὲ τοῖ πεντεκαίδεκα. «Дамиурги» в этом контексте обозначают, скорее всего, не определенных должностных лиц, а вообще членов фратрии, имевших какие-либо общественные обязанности (=ἄρχοντες). Что касается коллегии пятнадцати, то она засвидетельствована еще в одной небольшой надписи Лабиадов, датируемой концом VI в. до н. э. По всей вероятности, эти лица ведали финансовыми делами фратрии.

[76] Ср.: *Никитский А.* Дельфийские Лабиады, с. 1—8; *Guarducci M.* L'istituzione della fratria nella Greca antica e nelle colonie greche d'Italia.— Memoria della R. Acad. Naz.

Нас интересуют прежде всего не те черты, которые характерны для фратрии с изначальных времен, а то новое, что появляется или особо подчеркивается в этот период. Деление на патрии, очевидно, было традиционным. К сожалению, число их неизвестно. Но бесспорно новым или подтверждением вышедшего из употребления института является обязательное предварительное согласие патрии, к которой принадлежал приносивший жертву Лабиад, на принятие ее тагом, что было равнозначно приему ребенка в состав фратрии [77]. О том, что этому нововведению придавалось большое значение, свидетельствует число участвовавших в голосовании Лабиадов. Оно равнялось 182, тогда как для принятия других решений достаточно было кворума в 101 голос.

Смысл этого нововведения не вызывает сомнений — оградить фратрию, eo ipso — гражданский коллектив, от проникновения чужеродных элементов. Примечательно, что примерно в это же время аналогичные меры были приняты в афинской фратрии Демотионидов (Syll.^{3}, 921). При введении детей во фратрию обязательно должны были присутствовать три свидетеля, предварительно выделенные фиасом. Правда, в случае отрицательного решения фиаса можно было апеллировать к фратерам, которые окончательно определяли, включать или не включать во фратрию. В последнем случае полагался штраф 100 драхм в пользу Зевса Фратрия. В то же время фратрия имела право отвергнуть лицо, рекомендованное фиасом, тогда фиасоты тоже платили аналогичный штраф (Syll.^{3}, 921, 1.64—101). У Лабиадов тагам категорически запрещается принимать жертвы без согласия патрии и не предусмотрена возможность апелляции отвергнутого патрией к фратрии в целом. Но так как надпись сохранилась с большими лакунами и специальный ее раздел был посвящен обсуждению в алии Лабиадов вопроса о жертвах, возможно, там шла речь и о спорных случаях.

Можно отметить еще одно отличие: в то время как в надписи Демотионидов упоминаются списки членов фратрии (Syll.^{3}, 921, 19—21) [78], в надписи Лабиадов об этом нет и речи. Но если учесть, что решения афинской фратрии были приняты после Пелопоннесской войны, к тому же центр ее находился в Декелее, пережившей спартанскую оккупацию, становится

d. Lincei, Classe di Scienze morali, storiche e filologiche, serie VI, V. VIII, f. 2. Roma, 1938, p. 64—82.

[77] Ружемон, подвергший в связи с подготовкой им нового издания надписи тщательному рассмотрению все имеющиеся данные, привлек, в частности, ранее неизданный фрагмент, датируемый второй половиной VI в. до н. э., где также упоминаются Лабиады. Сопоставив сохранившиеся там слова с текстом большой надписи IV в. до н. э., он нашел буквальные совпадения с частью, посвященной трапезам (D, 2—25), и пришел к выводу, что это один и тот же текст, скопированный с более древнего оригинала в начале IV в. до н. э. По его мнению, сохранившаяся большая надпись включает несколько документов, различных по содержанию и времени составления. То, что их текст вырезали в IV в. до н. э., свидетельствует, что и более древние из них не утратили к тому времени своего значения. Сравнительно поздним текстом Ружемон (вслед за Омоллем) считает как раз наиболее интересующую нас часть о допуске во фратрию новых членов. См.: *Rougemont G.* L'inscription archaique de Delphes..., p. 147—158.

[78] Списки, ведшиеся в афинских фратриях, неоднократно упоминаются в источниках. См., например: *Dem.*, XXXIX, 4, 21; XLIV, 41; XLIII, 13, 82; *Isae*, VII, 17.

понятным особое внимание к вопросам личного состава фратрии. В условиях войны и оккупации, очевидно, трудно было следить за соблюдением установленных порядков, а впоследствии члены фратрии могли оказаться рассеянными в различных местах. Характерно, что в последней поправке к декрету фратрии предлагается, чтобы за год перед внесением мальчика в списки фратриарху сообщали имя и дем отца, отчество и дем матери, и эти сведения вывешивались для сведения членов фратрии (Syll.^{3}, 921, 114—120). Здесь, таким образом, предполагалась тщательная проверка, соответствовавшая той, которая проводилась в Афинах при внесении в гражданские списки демов.

Хотя в Дельфах не было подобных чрезвычайных обстоятельств, там примерно в то же время — и это тем более примечательно — принимаются сходные меры для пресечения притока во фратрию лиц, не имевших на это права. Таков смысл требований о предварительном голосовании в патрии и строгое ограничение дней, когда принимались соответствующие жертвы. Последнее означало возможность контролировать деятельность тагов. Не случайно донести о нарушении правил мог любой желающий.

В Афинах, как хорошо известно, учет граждан после Клисфена велся по демам. Однако и там при возникновении спора о гражданских правах привлекались свидетельства фратеров, и внесению в списки дема предшествовало введение сына во фратрию.

В небольшом по численности населения дельфийском полисе не засвидетельствовано административно-политическое деление типа афинских демов. Не исключено, что включение в состав фратрии в Дельфах было равнозначно внесению в списки граждан. Соотношение числа голосов в пленарном собрании полиса и пленарном собрании Лабиадов (454 и 182) [79] показывает большой удельный вес этой фратрии в дельфийской гражданской общине. Характерно, что в надписи Лабиадов неоднократны ссылки на законы полиса, иногда в сочетании с законами Лабиадов. Лабиады подвергают временной атимии лиц, не уплативших возложенного на них штрафа, т. е. воспроизводят практику наказания государственных должников в греческом полисе [80].

Мы не знаем, сколько фратрий было в Дельфах. В источниках упоминаются еще Лафриады и Фракиды [81]. Но, во всяком случае, число фратрий было невелико, если на долю одних Лабиадов приходится примерно 40% граждан. Дельфийская фратрия Лабиадов, подобно полису, имеет свои законы, установленный кворум для принятия некоторых решений,

[79] Как уже говорилось 454 голосами был принят в дельфийском народном собрании закон Кадиса. Что касается засвидетельствованной в другом дельфийском законе цифры 353, то это, как мы видели выше, относится к более позднему времени — последнему пятнадцатилетию IV в., тогда как закон Кадиса и надпись Лабиадов датируются началом или, во всяком случае, первой половиной этого столетия.

[80] См., например: *Dem.*, XXII, 34; XXIV, 201; LVIII, 17; LIX, 6. В Дельфах, как мы видели выше, такая мера применялась и против злостных неплательщиков долга частным лицам и ассоциациям.

[81] *Hesych.*, s. v. Λαφριάδαι φρατρία ἐν Δελφοῖς; *Paus.*, VII, 18, 9; X, 6, 4; *Diod.*, XVI, 24: οἱ καλούμενοι Θρακίδαι.

выборных и сменяемых должностных лиц. В надписи афинской фратрии Демотионидов фигурируют жрец, фратриарх и синегоры от «дома декелеян». У Лабиадов перечень более пространный: таги, дамиурги [82], коллегия пятнадцати, судьи, избираемые ad hoc для рассмотрения отдельных спорных вопросов, и пентамарит — лицо, которое (в порядке избрания или добровольно) ведало праздничными трапезами, очевидно, в течение пяти дней [83].

Дельфийская фратрия имеет как будто больше функций, распределяемых между разными лицами, чем афинская. Не исключено, правда, что декрет Демотионидов, специфический по содержанию, не раскрывает всей административной структуры фратрии. Финансовые возможности дельфийской фратрии явно меньше, чем афинской. Налагаемые Лабиадами штрафы колеблются от одного обола (за пропуск должностными лицами собрания или нарушение ими порядка) до 50 драхм [84]. У Демотионидов размер штрафов — от 50 до 1000 драхм (в основном в связи с неправильной рекомендацией или проигранной апелляцией к фратрии) [85]. В обеих фратриях должностные лица подвергаются материальным взысканиям, если не выполняют своих обязанностей.

В надписи Лабиадов ничего не говорится о финансовых делах фратрии. Взыскивавшиеся по разным поводам штрафы, разумеется, пополняли ее казну. Но вряд ли они составляли единственный источник доходов. Упоминаемые в одном случае проценты с неуплаченного в срок штрафа [86] свидетельствуют, что Лабиадам не чужда была практика процентных займов. Тот, кто принес жертву вопреки предписаниям, исключается из фратрии и лишается права пользования ее имуществом (τῶν κοινῶν χρημάτων) и чем-то еще (μηδὲ τῶν θεμάτων) (A, 45—50). Последнее слово вызвало ряд противоречивых толкований. Одни предлагают понимать его как выделение из общественной земли участка для погребений, другие — как общественные деньги, хранящиеся в трапезе или отданные под проценты, третьи — как денежные награды за состязания, четвертые — как что-то, посвящаемое в качестве жертвы богам [87].

Нам представляется, что θέμα в этом контексте скорее выражает понятие, связанное с имуществом. Если χρήματα — это имущество фратрии в денежной форме, то θέματα, возможно, означает запасы для общего пользования во время обязательных и частых трапез (сюда могут входить и какие-либо продукты и жертвенные животные). В целом смысл форму-

[82] Как уже было сказано, это, скорее всего, не обозначение конкретной должности, а общее наименование для должностных лиц фратрии.
[83] *Schwyzer*. DCE, N 323, D. 15; ср.: *Guarducci M.* L'istituzione..., p. 72.
[84] A, 35 (10 драхм), A, 55—56 (20 драхм), B, 29—30 (10 драхм), B, 34—40 (50 драхм), C, 8—9 (5 драхм), C. 28 (50 драхм), D, 25—29 (обол).
[85] Syll.³, 921: 50 драхм (1.54—55); 100 драхм (1.16—24, 90—91, 99—100); 500 драхм (1.49—50), 1000 драхм (1.39—40).
[86] A, 55—56.
[87] См.: *Никитский А.*— ЖМНП, 1898, с. 49—52; Syll.², 438, N 39; *Guarducci M.* L'istituzione..., p. 68.

лы — отлучение виновного от имущества фратрии, в чем бы оно ни состояло [88].

Наряду со строгим и явно усиленным в период издания надписи контролем за приемом новых членов во фратрию интересны предписания относительно погребальных обрядов (С, 19—51). Ограничение ценности вещей, вкладываемых в могилу, 35 драхмами напоминает нам известные для более раннего времени меры по уменьшению роскоши похорон в других греческих полисах [89]. Это явно направлено было против чрезмерных трат состоятельных дельфийцев, вызывавших раздражение менее имущих граждан. Примечательно, что обвиненный в нарушении этих правил освобождался от кары (50 драхм штрафа), если приносил клятву, что не превысил установленного предела (С, 25—29). Здесь правила не столь жесткие, как относительно членства во фратрии.

Запрет оплакивать умершего на улице во время похоронной процессии, требование немедленного удаления после похорон всех посторонних с кладбища, запрет оплакивать во время пребывания на кладбище лиц, ранее умерших, не столько производят впечатление стремления к благолепию (что вполне естественно), а наводят на мысль о боязни беспорядков, о состоянии тревоги. Вспомним, что примерно к этому же времени относится рассмотренный выше закон Кадиса, явно направленный на смягчение социальных противоречий в Дельфах.

Надпись Лабиадов позволяет говорить о проявлениях известной общественной пассивности. При 182 участниках пленарного собрания считается достаточным для решения некоторых спорных вопросов присутствие 101 человека, по-видимому, несколько больше половины членов фратрии. Судья, избранный для разбирательства спорного дела, может отказаться от исполнения своих функций, за что карается штрафом в 5 драхм. Но заставить его нельзя, взамен избирается другой (С, 7—10) [90]. Небезынтересно и включение в присягу тагов обязательства не воровать и не приносить ущерба общественному достоянию с помощью каких бы то ни было уловок.

Большая надпись Лабиадов, начертанная в начале IV в. до н. э., частично, как уже было сказано, воспроизводила более древние установления фратрии. Сам по себе этот факт свидетельствует, что в то время ощущалась необходимость нового утверждения ее институтов. Что касается ее предположительно более поздней части, где приводятся меры, преграждающие незаконное проникновение во фратрию, то сходство с соответствующими мерами афинской фратрии Демотионидов позволяет предполагать общ-

[88] В папирусных текстах эллинистического и римского Египта θέμα обозначает зерно, помещенное частными лицами в государственные хранилища в качестве как бы вклада. Они могли в любое время получить его сами или использовать для платежей государству и другим лицам.

[89] См., например: *Plut.* Sol., 21; *Dem.*, XLIII, 62; *Cic.* De leg., II, 25—26; *Plato.* Legg., XII, 958e—960a; Syll.^{3}, 1218.

[90] А. Никитский (Дельфийские Лабиады, с. 36—38) удачно привлекает в связи с этим суждение Аристотеля (Polit., 1297a, 17—35), что, если богатые подвергаются штрафу за уклонение от участия в суде и от других общественных функций, а бедные — нет, это признак олигархии. У Лабиадов штраф одинаков для всех.

ность процессов, происходивших в этих двух столь непохожих друг на друга греческих полисах.

Три документа, о которых шла речь выше, отражают каждый по-своему какой-либо аспект внутренней жизни дельфийского полиса в IV в. до н. э. вне связи с отношениями Дельф с другими государствами и Амфиктионией. Начиная с конца 60-х годов IV в. до н. э. в Дельфах засвидетельствованы серьезные внутренние распри, которые в научной литературе обычно характеризуются как στάσις. О них мы знаем, к сожалению, только из эпиграфических источников, которые сообщают об отдельных фактах, но не дают возможности восстановить последовательный ход событий. Так, из афинского декрета 363 г. до н. э. (Syll.^{3}, 175) мы узнаем, что группа дельфийских изгнанников во главе с Астикратом получила убежище в Афинах и удостоилась ряда привилегий: Астикрату дарованы были гражданские права и ателия, а десяти его товарищам — исотелия [91]. Афинская надпись является единственным источником об этом факте дельфийской истории. Античные авторы, которые довольно подробно сообщают о кровавой расправе в Дельфах, случившейся в более ранний период [92], ничего не говорят об этом событии IV в. до н. э. Надпись, изданная еще в XIX в., многократно переиздавалась. Заслуга в ее интерпретации принадлежит главным образом Помтову, мнение которого получило широкое признание и прочно вошло в научную литературу [93].

Исходя из политической ситуации того периода, прежде всего из обстановки в Средней Греции, Помтов следующим образом реконструировал ход событий. Фивы, подчинившие себе после битвы при Левктрах как Фессалию, так и Фокиду, заняли доминирующее положение в Пилейско-Дельфийской амфиктионии. Недовольные поведением фокидян, которые неохотно выполняли требования Беотийского союза, Фивы пытались провести через Амфиктионию какие-то антифокидские решения [94]. Существовавшая в Дельфах немногочисленная, но влиятельная профокидская пар-

[91] Надпись составлена из двух найденных на Акрополе фрагментов. В первой части осуждается принятое против Астикрата и его товарищей решение Амфиктионии (изгнать и лишить имущества); далее, по предложению Кратина, изгнанникам даруются соответствующие привилегии и перечисляются их имена.

[92] Наиболее подробно об этих дельфийских событиях сообщает Плутарх (Praec. rei publ. ger., XXXII, 16, 825 B—C), вскользь упоминает Аристотель в «Политике» (V, 3, 3, 1303b 37—38 — 1304a 1—4) и во фрагменте «Дельфийской политии», глухо, без уточнений — Элиан (V. H., XI, 5). Речь идет о распре двух знатных семей, поводом к которой послужило расторжение предполагавшейся брачной сделки. Оскорбленная сторона подстроила обвинение другой в святотатстве, за этим последовала кровавая смута, некоторый период самовластия и беззаконий, с которыми в конце концов справились сами дельфийцы. Датировка описанных событий является спорной. Большинство исследователей относят их к VI в. до н. э., некоторые — к середине V в. до н. э.

[93] *Pomtow H.* Eine delphische στάσις im Jahre 363 v. Chr.— Klio, 1906, S. 89—126; Neues zum delphischen στάσις vom Jahre 363 v. Chr.— Ibid., p. 400—420.

[94] Поводом для таких санкций, по мнению Помтова (S. 94—95) мог быть отказ фокидян поставить войско беотийцам для борьбы против Александра Ферского, союзника Афин, или их нежелание воевать рядом с фессалийцами, исконными противниками Фокиды.

тия во главе с Астикратом попыталась воспротивиться этому. Так как большинство дельфийцев были настроены враждебно в отношении Фокиды, они выступили против Астикрата. Началась смута — στάσις. По настоянию Фив Амфиктиония вмешалась, и на чрезвычайной сессии под председательством фессалийского гиеромнемона группа Астикрата была осуждена и приговорена к изгнанию. Смута прекратилась, и благодарные дельфийцы даровали Фивам привилегию особого рода — право обращаться к оракулу непосредственно после самих дельфийцев (Syll.³, 176).

В 356 г., когда Филомел занял Дельфы, изгнанники вернулись из Афин, но после 346 г. вынуждены были снова покинуть Дельфы. Впоследствии они постепенно стали возвращаться, еще до указа Александра от 324 г. Доказательством присутствия сторонников Астикрата в Дельфах в период третьей Священной войны является упоминание двух из них в дельфийских документах этого периода в качестве должностных лиц [95].

Помтов привлекает наряду с этими надписями материал о сдаче в аренду имущества изгнанников, конфискованного в пользу дельфийского святилища. Сохранившиеся фрагментарные тексты (Syll.³, 178) содержат записи комиссии казначеев, которая ведала, в частности, сдачей в аренду земель и домов, перешедших во владение храма в результате изъятия их у частных лиц. В записях указывается имя арендатора, объект аренды (земля, дом), имя прежнего владельца и сумма (очевидно, годичного взноса) [96]. Надписи эти были вырезаны на стенах, окружавших два небольших храма, по преданию выстроенных на средства, изъятые у нечестивцев — участников кровавой смуты, происходившей в Дельфах в середине VI или в V в. до н. э. Если верить легенде о происхождении храмов, то само местоположение текстов говорит, что они были связаны с имуществом, изъятым в пользу храма за святотатство или другие нечестивые действия. Помтов, лично обследовавший эти надписи, полагает, что обнаружил среди бывших владельцев имущества имя Астикрата, которое встречалось восемь раз, но было намеренно стерто. Если это так, то Астикрат был самым богатым из подвергшихся этой акции дельфийцев. В конце жизни ему самому или его потомкам удалось добиться изъятия его имени из этих малопочетных публикаций.

Среди дельфийских изгнанников этого периода имеются представители и другой политической группы. В дельфийской надписи, датируемой 353 г. до н. э., перечислен ряд лиц, которые изгоняются вместе со своими семьями. К сожалению, сохранился только перечень имен (их всего семь), а прескрипт надписи восстановлен (Syll.³, 177).

Помтов полагает, что эти лица были сторонниками антифокидской группировки Фракидов, уцелевшими во время жестокой расправы Филомела, но впоследствии изгнанными Ономархом, которому пришлось после гибели Филомела столкнуться с сильной оппозицией против продолжения

[95] Аристоксен — архонт 356/5 г., Гегесарх — наопей 354—346 гг. (Syll.², 140. 34, 38, 53, 63).

[96] Списки относятся к 346—324 гг. Не сохранились соответствующие документы 363—356 гг.

активных военных действий даже в самой Фокиде. После разгрома фокидян эти изгнанники, естественно, вернулись в Дельфы. Они активно участвуют в политической, административной и хозяйственной жизни города, занимают должности булевтов, наопеев, арендуют земельные участки, изъятые в пользу храма у других изгнанников.

Реконструкция Помтова дает логичную и последовательно развивающуюся картину событий внутри дельфийского полиса, борьбы двух политических групп — профокидской, возглавляемой Астикратом, и антифокидской, возглавляемой фракидами, судьба которых определялась вмешательством внешних сил. Он мало останавливается на побудительных мотивах присоединения дельфийцев к той или иной группе, но все же объясняет это не столько приверженностью к олигархии или демократии, сколько традиционными связями, основанными на происхождении.

Как и другие комментаторы этих событий, Помтов осторожно замечает, что профокидская группа в Дельфах была в меньшинстве. Но даже и при этой оговорке, как нам представляется, недостаточно принимается во внимание, что активные сторонники Фокиды не могли рассматриваться дельфийцами иначе, как предатели основных интересов дельфийского полиса. Ведь известно, что на всем протяжении засвидетельствованной письменными источниками истории Греции Дельфы неизменно боролись за свое автономное существование против притязаний Фокиды. Никакие родственные связи отдельных дельфийских семей с соседними им фокидянами не могли оправдать в глазах дельфийцев политическую позицию, идущую вразрез с коренными интересами дельфийского полиса. Между тем лица, неизменно рассматриваемые в научной литературе как представители профокидской ориентации [97], занимали высокое положение в Дельфах и до, и после драматических событий третьей Священной войны [98].

Возникает, естественно, вопрос: какие цели ставили эти влиятельные дельфийцы, поддерживая притязания Фокиды, на что рассчитывали в случае потери Дельфами автономии? Если они не были просто подкуплены Фокидой (а состав группы Астикрата и ее последующее участие в политической жизни Дельф говорят против этого), в чем был смысл их активной и устойчивой профокидской позиции? Эти априорные сомнения побуждают вновь обратиться к рассмотрению источников, которые легли в основу столь распространенного в исторической литературе представления о внутренней борьбе в Дельфах IV в. до н. э. Как уже было сказано, основным их них является афинский декрет, изданный осенью 363 г. до н. э. (Syll.^{3}, 175) [99]. В первой его части сообщается, что фессалийский гиеромнемон Андроник вопреки законам Амфиктионов и дельфийским провел решение об изгнании Астикрата и его соратников и изъятии их имущества. Афи-

[97] *Glotz G.* Histoire grecque, t. III, p. 263; *Фролов Э. Д.* Греческие тираны, с. 132.

[98] Так, Астикрат, очевидно, внук изгнанника 363 г., был булевтом в 301 и 295 гг.; Архелай, изгнанник 363 г., был булевтом в 330 г.; Дамотим — из этой же группы — булевт 343/2 г., Менон — притан в 332 г., и т. д. В качестве должностных лиц впоследствии выступают дети и внуки этих лиц.

[99] В архонтство Хариклида, в 30-й день второй притании (начало боэдромиона — сентября).

няне постановили считать обвинения и решения Амфиктионии против Астикрата и его группы недействительными. «Если же кто обвиняет Астикрата и его товарищей в проступках против отдельных дельфийцев или всего гражданского коллектива...» Здесь, к сожалению, текст обрывается, после лакуны читаются отдельные слова и буквы (стки. 29—34), а со строки 35 — обычная для таких декретов клаузула о приглашении Астикрата и его коллег на трапезу в пританей на следующий день.

В дополнение к пробулевме Совета Кратин предложил дать Астикрату и его отпрыскам гражданские права и ателию во время пребывания в Афинах. Изгнанным вместе с ним дается исотелия. Далее следуют десять имен [100].

Из сохранившегося текста неясно, в чем заключалась инкриминируемая изгнанникам вина. Обвинения в каких-то проступках против Амфиктионии отвергаются как необоснованные; что касается прегрешений против дельфийских граждан и полиса в целом, то лакуна, следующая за этими словами, оставляет нас в неизвестности, в чем они заключались.

Во всяком случае, афинский декрет не дает оснований утверждать, что Астикрат активно противился каким-то антифокидским решениям. Поскольку его дело рассматривала Амфиктиония, ясно, что ему инкриминировали проступки против интересов святилища (возможно, имущественного характера) и какие-то — против дельфийцев. Амфиктиония в это время контролировалась Фивами, но по традиции председательствовали фессалийцы. Афины, занимавшие тогда открыто враждебную Беотийскому союзу позицию, и, разумеется, Спарта не участвовали в чрезвычайной сессии, на которой был осужден Астикрат. С Фокидой у Афин существовали традиционные дружеские связи, но они нередко нарушались и в V, и в IV в. Первоначальная поддержка Афинами Беотийского союза, договоры с Ясоном, затем с Александром Ферским не могли не возбудить недовольства Фокиды. К середине 60-х годов IV в. до н. э. ситуация изменилась, но новое сближение не сразу привело к тесным контактам. Напротив, согласно имеющимся свидетельствам, Филомел перед началом третьей Священной войны направился не в Афины, а в Спарту, где вел тайные переговоры с Архидамом и получил от него денежную поддержку для набора наемников (Diod., XVI, 24, 1—2). В Афины же он обратился после захвата Дельф, одновременно с обращением (уже официальным) в Спарту, Фивы и другие значительные государства Греции (Diod., XVI, 27, 3). Только тогда Афины открыто стали на сторону Фокиды. Демосфен в речи о венке (XVIII, 18), правда произнесенной уже в 330 г. до н. э., следующим образом определяет позицию Афин: «Когда началась священная война... мы видели несправедливость действий фокидян, но желали им уцелеть, а любым несчастьям фиванцев готовы были радоваться» [101].

Таким образом, теплый прием, оказанный в 363 г. дельфийским изгнанникам в Афинах, вовсе не обязательно доказывает их профокидскую ориен-

[100] [А]рхедам, [А]ри[ст]оксен, Д[а]мотим, Ника[нд]р, Патро[к]л, Архелай, Менон, Эхе[..к]рат, Ге[гес]арх, Эльпиник.

[101] *Пер. С. И. Радцига.* — В кн.: *Демосфен.* Речи. М., 1954 (с некоторыми исправлениями).

тацию [102]. То, что они вернулись обратно после установления в Дельфах владычества фокидян, вполне могло быть результатом соглашения Афин с Филомелом. Однако не исключена возможность, что это произошло раньше, до 356 г. После битвы при Мантинее, положившей конец успехам Беотийского союза, фессалийцы, не полагаясь более на поддержку Фив в борьбе против притязаний Александра Ферского, обращаются к Афинам. В 361 г. был заключен договор о взаимной помощи в случае нападения третьей стороны и в войне против Александра Ферского. Договор скреплялся клятвами, и пять афинских послов направились в Фессалию, чтобы там принять клятву от соответствующих должностных лиц. Среди последних названы и фессалийские гиеромнемоны (Syll.², 108).

Как уже говорилось выше, фессалийский гиеромнемон по традиции председательствовал на сессиях Амфиктионии, и изгнание группы Астикрата произошло по предложению фессалийца Андроника. Вполне допустимо предположение, что теперь, после сближения Афин с Фессалией и окончательного расторжения договора с Александром Ферским [103], была достигнута договоренность и о возвращении изгнанников 363 г., и к моменту захвата Дельф Филомелом они уже были там.

Диодор, который является основным источником по истории третьей Священной войны и подробно освещает ход событий [104], не упоминает ни о группе Астикрата, ни о каких бы то ни было профокидски настроенных дельфийцах. Argumentum ex silentio не является, разумеется, убедительным доказательством, но игнорировать это молчание тоже не следует. Диодор (XVI, 24, 3—4) сообщает, что Филомел, заняв Дельфы, расправился с противодействовавшими ему Фракидами. Видя, что остальные перепуганы, он стал ободрять их, заявляя, что им не грозит ничего дурного. Через некоторое время, нуждаясь в средствах и еще воздерживаясь от посягательства на священное имущество, Филомел обложил налогом богатых дельфийцев (XVI, 28,2). К этому времени (354 г. до н. э.) Фракиды уже были истреблены, а имущество их конфисковано. Следовательно, речь идет о взыскании средств с других дельфийцев, в том числе, бесспорно, и с таких богатых людей, каким был Астикрат. Здесь, казалось, было уместно упомянуть о профокидской группе в Дельфах, готовой по своей инициативе помочь Филомелу. Об этом, однако, нет ни слова.

Диодор больше ничего не сообщает о взаимоотношениях фокидских тиранов с дельфийским населением. Однако дельфийская надпись, изданная еще в 1899 г. Омоллем и датируемая 353 г. до н. э. (Syll.³, 177),

[102] Еще Помтов поставил совершенно обоснованный вопрос: почему всесильные тогда Фивы, добившись карательных мер против сторонников Фокиды в Дельфах, не провели никаких решений против самих фокидян. Вопрос остался без ответа.

[103] В надписи говорится о разрушении стелы с текстом договора с ним (Syll.², 108, 1.39 sqq.).

[104] Диодор (XVI, 14, 3—5) подробно перечисляет использованные им источники: Каллисфена, написавшего «Историю» в десяти книгах (до Священной войны); Диила афинского, осветившего все события того периода, начиная от Священной войны, в 26 книгах; Демофила, сына историка Эфора, который описал войну, начиная с захвата Дельф Филомелом, в частности поведение фокидских тиранов в Дельфах.

где перечисляется ряд имен с добавлением после большинства из них слов καὶ τὸ γένος, рассматривается всеми исследователями как список дельфийцев, изгнанных Ономархом одновременно с расправой над фокидянами (Diod., XVI, 33,3), противодействовавшими его планам дальнейших активных военных операций. По мнению Помтова, изгнанные в 353 г. дельфийцы были уцелевшими от расправы 356 г. сторонниками Фракидов [105]. Однако и это его суждение представляется недостаточно обоснованным. После гибели Филомела произошел перелом в военных действиях, и обе борющиеся стороны склонны были их прекратить [106]. Ономарх, прибегнув к насилию, а также с помощью подкупа сломил оппозицию среди фокидян и их союзников (Diod., XVI, 33, 2—3). Неудивительно, что в этот критический для себя момент он решил избавиться от некоторых дельфийцев, которые, подобно «добропорядочным» фокидянам, стали тяготиться войной, уже столь дорого стоившей Дельфам (поборы с богатых граждан, расходование священных средств) [107].

Характерно, что имущество этой группы изгнанников не фигурирует в надписях о сдаче в аренду домов и земель, изъятых в пользу храма. Более того, трое из них выступают там в качестве арендаторов [108]. Надписи эти, правда, поздние (после 332 г. до н. э.), но дело, скорее всего, в том, что имущество дельфийцев, изгнанных Ономархом, поступило не в храм, а было использовано фокидским правителем [109].

Рассмотренные свидетельства о внутренней борьбе в Дельфах в 60—40-е годы IV в. до н. э. показывают, как много остается для нас неясного в истории происходивших там столкновений. Во всяком случае, при нынешнем уровне наших знаний гипотеза о существовании в Дельфах в тот период хоть и малочисленной, но влиятельной профокидской группы представляется малообоснованной. Единственные данные о внешнеполитической позиции группы Астикрата говорят о ее проафинской направленности [110]. Не вызывает сомнений заинтересованность Афин, как и других го-

[105] Klio, 1906, S. 122, 416.

[106] Беотяне посылают 5-тысячный отряд Паммена в Малую Азию на помощь сатрапу Артабазу, восставшему против Артаксеркса III (*Diod.*, XVI, 34), фокидяне и их союзники на собрании в Дельфах сталкиваются с мнением в пользу мира. См.: *Diod.*, XVI, 32, 2.

[107] Против мнения о принадлежности дельфийцев, изгнанных Ономархом, к группе Фракидов говорит то, что один из них — Архемахид, сын Дамеи, был булевтом в 354/3 г., т. е. уже при фокидском владычестве в Дельфах (Syll.^{3}, 241,1.38), а другой (если верно дополнение издателей Syll.^{3}, 177, 7) был в числе изгнанников 363 г. т. е. принадлежал к группе Астикрата.

[108] Syll.^{3}, 178, 7, 13, 16: Аристократ, сын Андромаха, Лакон и Симилион, сыновья Пифагора.

[109] Павсаний (III, 103, 4) со ссылкой на Феопомпа сообщает, будто фокидяне хотели убить всех взрослых дельфийцев, город разрушить, а женщин и детей продать в рабство. Помешал этому спартанский царь Архидам. Диодор не приводит этого свидетельства, но и в использованной им традиции Архидам, хотя и осуждается за соучастие в святотатстве, в остальном характеризуется как человек вполне достойный (*Diod.*, XVI, 63, 1).

[110] Ср.: *Pouilloux J.* La reconstruction de temple au IVe siècle et les institutions delphiques.— REA, 1962, LXIV, 3—4, p. 312; Астикрат и его группа изгнаны за верность Афинам.

сударств, претендовавших на ведущее положение в Греции, в своем влиянии в Дельфах. Хотя Демосфен и говорит позднее (сентябрь 346 г. до н. э.), что неразумно воевать против всех из-за «тени в Дельфах» (Dem., V, 25), интерес к панэллинскому святилищу не ослабевает на всем протяжении IV в. Когда стал вопрос о восстановлении разрушенного в 373 г. дельфийского храма, то не только Амфиктиония обязала своих членов вносить определенные фиксированные взносы в течение всего периода строительных работ, но это рассматривалось и на собрании союзников Спарты, и в переписке Афин с Дионисием Сиракузским [111]. Специально созданная международная комиссия наопеев, ведавшая ассигнованиями на строительство, включала в свой состав представителей членов Амфиктионии и Дельф [112]. Так как дельфийские наопеи постоянно находились на месте строительства, а другие приезжали только на время, первые играли в комиссии решающую роль. Наопеи распоряжались большими средствами, что в условиях того времени легко могло приводить к злоупотреблениям и быть одним из источников распрей среди дельфийцев [113].

Внутренняя борьба в Дельфах рассматриваемого периода, насколько позволяют судить сохранившиеся данные, носила как социальный, так и политический характер. Первый аспект борьбы нашел свое отчетливое выражение в законе Кадиса, частично — в установлениях Лабиадов; второй — в изгнаниях, конфискациях имущества, соперничестве за ведущее положение, за должности в полисной и храмовой администрации, что удовлетворяло честолюбивые устремления и давало возможность обогащаться. Разумеется, как в любом государстве в период оккупации, а особенно в таком небольшом и слабом в военном отношении, как Дельфы, всегда находились люди, готовые сотрудничать с власть имущими, и не приходится сомневаться, что во время фокидского владычества в Дельфах были люди, содействовавшие фокидянам или из страха, или в надежде извлечь какие-либо выгоды. Но вряд ли это можно считать политической, уж не говоря партией, а даже группой с определенной и последовательно проводимой политической позицией. После третьей Священной войны в политической жизни Дельф в равной мере участвуют представители обеих групп изгнанников (характеризуемых как про- или антифокидяне) или членов их семей. Небольшая по численности дельфийская гражданская община, по-видимому, временно консолидировалась после перене-

[111] *Xen.* Hell., VI, 4, 2; Syll.^{3}, 159, 9—10; ср.: *Pouilloux J.* La reconstruction..., p. 300—314.

[112] Ср.: *Sordi M.* La fondation des naopes et le renouveau Politique de l'amphictionie au IVe siècle.— BCH, 1957, LXXI, 1, p. 38—75; *Marchetti P.* A propos de l'archonte Delphien de 344/3, p. 67—89; *Idem.* A propos des comptes de Delphes sous les archontats de Theon (324/3) et de Caphis (327/6).— BCH, 1977, CI, 1, p. 133—134.

[113] Так, например, в одном из документов, связанных с деятельностью наопеев, упоминается отставка одного из них, дельфийца Аристагора (см.: Syll.^{3}, 241, 1.5). Причина не указана. Не исключено, что это связано с внутренними распрями в Дельфах. Архонтство Аристоксена, при котором это произошло, датируется по-разному: 356/55 или 351 50 г. до н. э.

сенных ею испытаний. Дальнейшие известия о внутренних конфликтах в Дельфах относятся уже к римскому периоду.

Как неоднократно говорилось выше, при имеющейся у нас информации о внутренней жизни дельфийского полиса не представляется возможным восстановить не только последовательный ход событий, но даже столь важные элементы социально-политической структуры, как стратификация гражданского коллектива, значение и формы эксплуатации рабского труда, удельный вес свободного негражданского населения, административная система, распределение земельных владений и формы землепользования. Скудные данные по каждому из этих вопросов, к тому же рассеянные хронологически, не позволяют делать обобщения и требуют, разумеется, специального рассмотрения.

В нашу задачу входило проследить, насколько позволяют источники, какие процессы происходили в IV в. до н. э. в полисе столь необычного типа, каким были Дельфы. Мы видим, что вопреки неповторимой специфике гражданской общины, теснейшим образом связанной со святилищем панэллинского значения, за влияние в котором шла постоянная борьба, втягивавшая Дельфы во внешнеполитические конфликты, здесь наблюдались те же социально-политические противоречия и стояли те же проблемы (долговой вопрос, ослабление традиционной морали, засорение гражданского коллектива, политическая пассивность, борьба политических группировок, сопровождавшаяся изгнаниями и конфискацией имущества), что и в остальном греческом мире. Проявления этих противоречий в Дельфах осложнялись вмешательством Амфиктионии и соперничеством ведущих государств за влияние в ней. Но в целом рассмотренный материал позволяет, как нам представляется, показать, какими всеобщими для Греции IV в. до н. э. были явления, объединяемые понятием «кризис полиса».

ГЛАВА 3 ПРИНЦИПЫ МЕЖПОЛИСНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГРЕЦИИ КОНЦА V — СЕРЕДИНЫ IV В. ДО Н. Э.

В период с конца V до середины IV в. в Элладе возросла интенсивность внешнеполитических связей полисов. Активная дипломатическая деятельность греческих государств, частые военные столкновения между ними оказали существенное влияние как на характер этих связей, так и на их восприятие и оценку в идеологии.

Обратимся к исторической канве. После того как в греко-персидских войнах полисы отстояли свою независимость, в Греции образовались два крупных военно-политических блока, противостоявших друг другу,— Афинская архэ и Пелопоннесский союз во главе со Спартой. Обострение противоречий между этими альянсами привело к Пелопоннесской войне, которая в общей сложности длилась 27 лет и закончилась в 404 г. поражением Афин. После разгрома Архэ Спарта стремилась к тому, чтобы подчинить своему контролю всю Элладу, уничтожая, где было возможно, демократию и устанавливая олигархию; для укрепления ее власти в полисах были учреждены институты декархов и гармостов, которые контролировали жизнь греческих государств.

Пелопоннесская война усилила контакты между Грецией и Персией, последняя неоднократно вмешивалась в греческие дела, поддерживая то одну, то другую сторону. В обмен на помощь Спарта пообещала царю малоазийские полисы, однако, одержав победу, не спешила с выполнением своих обязательств, что, естественно, вызвало недовольство противной стороны. Вмешательство же Лакедемона в вопрос о персидском престолонаследии испортило отношения настолько, что в 399 г. между Спартой и Персией начались военные действия.

Тем временем в Греции возникли условия для создания антиспартанской коалиции, чему немало способствовала лакедемонская политика, вызвавшая острое недовольство полисов. Объединившиеся государства, получив финансовую помощь от Персии, в 395 г. объявили Спарте войну. Лакедемон оказался вынужден вести борьбу на два фронта, что значительно ослабило его. Спарта пошла на сближение с Персией, обещая ей значительные территориальные уступки, и в 397 г. в Сузах был заключен Анталкидов (или Царский) мир: малоазийские полисы подпадали под власть персидского царя, все остальные греческие города объявлялись свободными и независимыми, Спарта провозглашалась гегемоном Греции, и все союзы, кроме Пелопоннесского, запрещались.

Теперь Спарта могла диктовать Элладе свою волю, опираясь на многосторонний договор, подписанный большинством полисов. Усиление ее

агрессивной политики привело к консолидации противников Лакедемона, возникла новая антиспартанская коалиция, во главе которой стояли оправившиеся после поражения Афины. В 378 г. образовался II Афинский морской союз, число его членов постепенно увеличивалось, а роль в политике все более возрастала. Вскоре он окреп настолько, что вступил в военный конфликт со Спартой. Эта проба сил завершилась в 374 г. мирным договором между Афинами и Лакедемоном, в котором Спарта была вынуждена пойти на уступки и официально признать II Афинский морской союз. В 371 г. при участии Персии было заключено новое соглашение, по которому в Греции опять устанавливалось неустойчивое равновесие.

Между тем на политической арене Эллады появился новый лидер — в активную борьбу со Спартой включились Фивы, ее старый противник. При поддержке Афин они начали военные действия и в битве при Левктрах (371 г.) нанесли Лакедемону сокрушительное поражение. Удар был настолько силен, что привел к распаду Пелопоннесского союза. Спарте грозило полное поражение, но она получила неожиданную поддержку. Стремление Фив стать гегемоном Греции ухудшило их отношения с Афинами и рядом пелопоннесских полисов, вставших на сторону ослабевшего Лакедемона. И хотя в битве при Мантинее (362 г.) фиванцы вновь вышли победителями, измотанные ожесточенными конфликтами, они отказались продолжать борьбу. Таким образом, самым крупным объединением Греции стал II Афинский морской союз.

Афины вскоре вернулись к методам руководства, характерным для периода Архэ, и это вызвало недовольство союзников. Из коалиции вышли сначала наиболее крупные полисы — Византий и Керкира, затем другие, конфликт перерос в Союзническую войну (357—355 гг.), причем противников Афин поддержал персидский царь. В конце концов Афины потерпели поражение, и этот альянс тоже распался.

Этот краткий перечень наиболее значительных войн показывает, что интересующий нас отрезок времени был буквально насыщен военными столкновениями, даже если принять во внимание, что войны не были для Эллады исключительным явлением и в ее истории их насчитывается немало. Начало новому этапу положила Пелопоннесская война, отличающаяся от прежних конфликтов продолжительностью, масштабностью, методами ведения кампании и последствиями, которые она имела для полисов.

Вооруженное столкновение Архэ с Пелопоннесским союзом выявило тенденцию превращения проблемы межполисных отношений в одну из наиболее острых и животрепещущих проблем для греческих государств. Пелопоннесская война разделила всю Элладу на два враждебных лагеря, конфликт стал всеобщим, и борьба велась, по выражению Бенгтсона, комплексными системами альянсов [1]. Соперничество больших коалиций, а не отдельных государств определило основные черты как мирной, так и военной политики. Расширение арены военных действий, увеличение числа противников и союзников сообщали борьбе бо́льшую напряженность.

[1] *Bengston H.* The Greeks and the Persians. L., 1968, p. 216.

ЭРЕХТЕЙОН. Общий вид. Последняя четверть V в. до н. э.

В случае успеха военно-экономический потенциал победителя резко возрастал — достаточно вспомнить пример Спарты.

В столкновениях принимали участие полисы, имеющие разный политический статус и стоявшие на неодинаковом уровне развития. Включение отсталых государств в систему отношений высокоразвитых полисов привело к изменениям в их организации и перемене внешнеполитического статуса. Пелопоннесская война повлияла и на крупные полисы, существенно изменила расстановку сил на политической арене. Она ослабила Афины. После временного подъема, связанного с организацией II Афинского морского союза, город окончательно утратил роль гегемона Эллады. Показательна эволюция Спарты, прошедшей путь от триумфа Анталкидова мира до сокрушительных поражений при Левктрах и Мантинее.

Увеличение числа контактов между полисами, как военных, так и мирных, способствовало становлению и развитию институтов, помогающих общению государств друг с другом, регулирующих их отношения. Ф. Эдкок и Д. Мосли справедливо отметили, что если в ранний период вопрос стоял о регулировании отношений между соседними полисами, то

с появлением крупных альянсов сфера дипломатических действий расширилась, а их процедура усложнилась [2]. В то же время наметилась тенденция к определенной унификации норм общения, причем некоторые давно существовавшие институты приобрели новое значение. Выразительным примером может служить проксения — обычай взаимного гостеприимства: в IV в. она способствовала развитию торговых связей между полисами, а также выполняла политические и дипломатические функции [3].

Развитие федерального движения в Греции, образование таких симполитий, как беотийская, аркадская, фессалийская, фокидская, наличие крупных межполисных объединений, связанных военными, политическими и экономическими интересами, привели к развитию исополитии: полисы осуществляли взаимный обмен гражданскими правами, согласно заключенному договору [4].

Необходимость торговых связей, фиксирования отношений, сложившихся в коалициях, повлекла за собой трансформацию такого древнего обычая, как συμβολαί, т. е. соглашений сначала между частными лицами, потом между государствами. Особенно важную роль они сыграли в союзах, выступая как регулятор связей между партнерами и одновременно как показатель статуса, занимаемого в объединении каждым из них [5].

В IV в. чаще, чем раньше, стали прибегать к арбитражу, хотя в полной мере этот обычай развился в период эллинизма.

Непрерывные войны, создание и распадение коалиций, изменения в политической ориентации полисов, диктуемые зачастую внутренней борьбой в них, требовали определенных правил, упорядочивающих поведение государств и создающих общепринятые формы общения между ними. К таким правилам можно отнести концепцию нейтралитета, развитию которой, несомненно, способствовали прежде всего мелкие и средние полисы в тех случаях, когда хотели уклониться от участия в конфликтах между соседями или государствами-гегемонами [6]. К ней близко примыкает практика частичной военной помощи (ἐπιμαχία) — благодаря ей, констатирует Бикерман, государства могли, не вступая в войну, разрешить проход войск через свою территорию или послать подмогу, формально не участвуя в войне [7].

[2] *Adcock F., Mosley D.* Diplomacy in Ancient Greek. L., 1975, p. 121 sqq.

[3] *Никитина И. П.* Роль проксении в межгосударственных отношениях Древней Греции.— В кн.: Свердловск. юридич. ин-тут. Итоги научно-исследовательской работы за 1973 г. Свердловск, 1975; *Adcock F., Mosley D.* Op. cit., p. 4—5, 142, 160 sqq.; *Gauthier P.* Symbola. Les étrangers et la justice dans les cités greques. Nancy, 1972, p. 19 sqq.; *Perlman S.* A Note of the Political Implications of Proxenia in the Fourth Century B. C.— CQ, 1958, VIII.

[4] *Gauthier P.* Op. cit., p. 348 sq.; *Gawantka W.* Isopolitie. Ein Beitrag zur Geschichte der zwischenstaatlichen Antike. München, 1975.

[5] *Паршиков А. Е.* Организация суда в Афинской державе.— ВДИ, 1974, № 2; *Adcock F., Mosley D.* Op. cit., p. 186 sq.; *Gauthier P.* Op. cit., p. 6 sqq.; *Ste Croix G. E. M. de.* Notes of Jurisdiction in the Athenian Empire.— CQ, 1961, XI; *Ziegler W.* Symbolai und Asylia. Bonn, 1975.

[6] *Adcock F., Mosley D.* Op. cit., p. 132 sqq., 207 sqq.

[7] *Bikerman E.* Remarques sur le droit des gens dans la Grèce classique.— RIDA, 1950, IV, p. 104; *Adcock F., Mosley D.* Op. cit., p. 191.

Широкое распространение получила идея всеобщего мира (κοινὴ εἰρήνη), тесно связанная с проблемами свободы, суверенитета, представлениями о справедливой политике, основанной на отказе от методов экспансии и подавления остальных полисов, с установлением прочного мира в Элладе [8].

В связи с ней встал вопрос о договорах (ἐκεχειρία, σπονδαί, συνθῆκαι), определявших мир или перемирие в войне. Роль договоров чрезвычайно возросла, упрочился их авторитет — часто на нарушение соглашения ссылались как на справедливый и законный повод к началу военной кампании. Важным фактором стали многосторонние договоры, подобные Анталкидову миру, подписанные большинством полисов, прочно закрепляющие на практике и в идеологии сложившуюся расстановку сил, формирующие основные правовые принципы [9].

Более четкую форму стали приобретать представления об основах отношений полисов между собой во время войны и мира. На смену расплывчатым и неопределенным κοινοὶ νόμοι, относящимся к области обычного права [10], пришли довольно ясные, зафиксированные в источниках как многократно повторяющиеся прецеденты условия casus belli, принципы построения и структуры военных союзов (συμμαχία), а также крупных межгосударственных объединений. В последних чрезвычайно остро стоял вопрос об отношениях между главой союза и остальными членами, о правах и обязанностях партнеров по альянсу (casus foederis) [11].

В центре внимания находились также связи крупных коалиций между собой и их позиции по отношению к мелким и средним полисам, не вошедшим в союзы. Ожесточенные споры вызвали концепции свободы (ἐλευθερία) и независимости (αὐτονομία) в их абстрактном виде и практических вариантах. Они были неразрывно связаны с представлением о правильном и неправильном предводительстве, о политике, основанной на справедливости и уважении свободы полисов (εὔνοια, ἐπιμελεία) и ее антиподе (ἀρχή, τύραννις δεσποτεία), т. е. политике, в основе которой лежат сила и заносчивость (κράτος, ὕβρις). Им соответствуют правильные (σοφροσύνη, ἀπραγμασύνη) и неправильные (πολυπραγμασύνη) политические методы [12].

[8] *Гребенский И. В.*, KOINH EIRHNH и федеральное движение в Греции.— В кн.: Из истории античного общества. Горький, 1975, вып. 1; *Adcock F., Mosley D.* Op. cit., p. 150 sq.; *Payrau S.* EIRHNIKA. Considérations sur l'éches de quelques tentatives panhelléniques au IVe siècle avant J.-C.— REA, 1971, LXXIII, p. 45 sqq., 78; *Ryder T. T. B.* Koine eirene. General Peace and Local Independence in Ancient Greece. Oxford, 1965.

[9] *Adcock F., Mosley D.* Op. cit., p. 200 sqq.; *Bikerman E.* Remarques..., p. 101 sqq.; *Idem.* AUTONOMIA. Sur un passage de Thucydide (I, 144, 2).— RIDA, 1958, 3[e] ser., V, p. 332 sqq.

[10] *Phillipson C.* International Law and Custom of Ancient Greece and Rome. L., 1911.

[11] *Гребенский И. В.* Элементы парламентаризма в конституции Второго морского союза.— ВДИ, 1972, № 4; *Паршиков А. Е.* Аристотель (Ath. Pol., 23, 5) и организация Первого Афинского морского союза.— ВДИ, 1971, № 1; *Цинзерлинг Г. Д.* Перерождение Второго Афинского морского союза в Афинскую Архэ IV в. до н. э.— ВДИ, 1972, № 4; *Adcock F., Mosley D.* Op. cit., p. 206 sqq.; *Bikerman E.* Remarques...

[12] *Ehrenberg V.* Polypragmosyne. A Study of Greec Politics.— JHS, 1947, LXVII; *Larsen J. A.* Federation for Peace in Ancient Greec.— Cl Ph., 1944, XXXIX;

В правовых воззрениях стали постепенно выделяться в самостоятельные термины, относящиеся к межполисным отношениям, такие понятия, как «справедливость» (δίκη, δίκαιον) и «единство» (ὁμόνοια) [13].

Мы остановимся лишь на двух вопросах сложной и многогранной проблемы межполисных отношений: на отражении в идеологии междоусобных войн и на эволюции понятий «свобода» и «независимость».

Выше было сказано, какую роль сыграли войны в период, предшествующий потере полисами независимости, и какой отпечаток они наложили на развитие общества. Основное направление исследований здесь шло по линии изучения военных институтов, их влияния на полисную организацию, описания структуры конкретных военно-политических союзов, тех или иных военных действий. Гораздо меньше внимания уделялось воздействию войн на идеологию и политическую мысль Эллады. Между тем в этой области происходили интересные процессы, прямо или опосредованно связанные с развитием межполисных и внутриполисных отношений в процессе военных действий. Особый интерес представляет непосредственное отражение вооруженных конфликтов в политических теориях историков, ораторов, их фиксация в юридических документах — источниках, которые в своей совокупности показывают формирование отношения к межполисным войнам в сознании их современников.

Вопрос о свободе и суверенности был, пожалуй, самым больным вопросом в Элладе IV в., который неизменно вставал при объявлении войны и начале мирных переговоров, при организации союзов и их распадении, в конфликтах полисов между собой и с негреческими государствами. Он неразрывно связан с представлениями о справедливых и несправедливых принципах общения государств, об общегреческом праве и правах союзников в коалиции, с политической пропагандой и, наконец, с самим существованием полиса как определенного типа государственной организации.

Исследование этой темы обычно входит либо в работы, посвященные истории греческого права, либо в труды, отражающие представления о свободе в различных областях идеологии или исследующие конкретные события, при описании которых появляются данные термины. Последние представляют для нашей темы наибольшую ценность, но их удельный вес в общем числе работ очень невелик. Два типа исследований соответствуют двум типам интерпретации межполисного права — общему, абстрактному подходу, основанному на изучении правовых институтов, и локальному, дающему юридическую характеристику конкретных фактов. Нам представляется целесообразным по возможности соединить эти типы и проследить политическое и правовое изменение терминов и их соотношений в за-

North H. Sophrosyne. Self-knowlege and self-restraint in Greek literature. Ithaca, N. Y., 1966, p. 100 sqq.; *Payrau S.* Op. cit., p. 26 sqq.; *Romilly J. de.* Fairness and kindness in Thucydides.— Phoenix, 1974, XXVIII.

[13] *Бергер А. К.* Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1966, с. 277, 283 сл.; *Оранский В. В.* Вопросы права (dikaion, dike) и интереса в эпоху Пелопоннесской войны по Фукидиду.— Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1942, т. XXVIII, вып. 1; *Adcock F., Mosley D.* Op. cit., p. 149 sqq.

ЭРЕХТЕЙОН. Вид с запада.

висимости от отдельных политических событий или их совокупности и конспективно наметить основные вехи их развития.

Начнем с проблемы войн. Как уже отмечалось, межполисные конфликты, порожденные противоречиями внутри греческих государств, постепенно стали оказывать активное влияние на их организацию. Войны, признанные их современниками одной из важных составных частей в жизни греческого общества, постепенно вошли в круг проблем, которые исследовала политическая мысль Эллады. Вооруженные столкновения приняли настолько острый и затяжной характер, что возникла настоятельная потребность описания и объяснения данного феномена. В результате наряду с углубленным изучением внутренних связей в полисе (направление, традиционное для греческой политической теории) все больше внимания стало уделяться связям внешним.

Пелопоннесская война, сыгравшая такую важную роль в истории греческих полисов, стала основной темой «Истории» Фукидида, который впервые показал причины обострения межгосударственных противоречий, принявших форму вооруженного конфликта, ход их развития и итоги борьбы. Этот источник всегда пользовался повышенным вниманием иссле-

дователей, литература о нем чрезвычайно многочисленна, практически нет ни одного аспекта в данном отрезке времени, при изучении которого не обращались бы к Фукидиду. Наше внимание будет сосредоточено прежде всего на характеристике историком военных действий, на их отражении в сознании современников.

Первые же фразы «Истории» объясняют цель ее создания и мотивы, побудившие автора остановиться именно на этом периоде, подчеркивают особое место, занимаемое Пелопоннесской войной в длинной цепи предшествующих военных столкновений. Фукидид полагает, что важность описанных им событий определяется следующими причинами. Во-первых, закономерностью случившегося, так как оба противника готовились к войне. Во-вторых, всеобщностью конфликта, в котором принимали участие все греческие государства. В-третьих, последствиями войны, вызвавшей, как он отмечает (I, 1, 1—2), «величайшее движение среди эллинов и некоторой части варваров да и, можно сказать, среди огромного большинства всех народов» (*пер. Ф. Мищенко*).

Война поражает Фукидида прежде всего своей масштабностью, и он неоднократно подчеркивает это обстоятельство. Описанные историком события разворачиваются на большом пространстве и на протяжении многих лет. Ареной конфликта служит не только Эллада, но и прилегающие к ней территории, война выходит за рамки Греции, и порой важнейшие события происходят в местах, далеко отстоящих от местоположения основных соперников — Афин и Спарты.

Фукидид обращает особое внимание на длительность Пелопоннесской войны. Если важнейшие из предшествовавших ей, греко-персидские войны, в основном были решены двумя морскими и двумя сухопутными сражениями, то эта затянулась надолго (I, 23, 1).

Грандиозности размеров события соответствуют и результаты. Пелопоннесская война, самая важная и достопримечательная (I, 1, 1), вызвала величайшее движение среди эллинов и варваров (I, 1, 2). День ее объявления назван началом великих бедствий (II, 12, 3), причем обострением афино-спартанского конфликта была возбуждена вся Эллада (II, 11, 12). Не было еще примеров взятия и разорения стольких городов, такого количества изгнаний и самоубийств (I, 23, 2). Война сопровождалась ужасными по величине стихийными бедствиями — засухами и землетрясениями, величайшие беды причинили голод и заразные болезни (I, 23, 3). Спартанцы, по Фукидиду, начали военные действия, сознавая, что вступили в столкновение с могущественнейшим государством и должны поэтому выступить в поход с величайшим и доблестнейшим войском (II, 11, 1). Так, собираясь вторгнуться в Аттику, спартанский полководец Архидам подчеркивает, что лакедемоняне еще никогда не собирали таких больших сил (там же).

Пелопоннесская война, подчеркивает историк, еще и уникальна. Ее можно сравнить лишь с греко-персидскими войнами, но те велись против внешнего врага, здесь же идет борьба греков против греков. Неудивительно, что она сопровождается событиями, зачастую происходящими в жизни полисов впервые, причем это относится и к военной, и к полити-

ческой, и к социальной сферам. Фукидид отмечает, что во время этой войны взаимные распри впервые внесли смуту в государственные дела (II, 65, 11). Междоусобная распря на Керкире, которая, по свидетельству автора, потрясла Элладу, показалась грекам тем ужаснее, что она происходила впервые (III, 82, 2). Еще никогда Лакедемон не обнаруживал такой нерешительности в военных предприятиях и не терпел таких неудач (IV, 55, 2; V, 14, 3). И ни одно государство не отправляло в поход такого великолепного и дорогого войска, как Афины в Сицилию (VI, 31, 1); равным образом не было и морского похода, настолько отдаленного от родной земли, как та же сицилийская экспедиция (VI, 32, 6).

Отметив глобальность и уникальность событий, Фукидид останавливается на причинах, которые имели столь далеко идущие последствия. Читатель узнает, что сразу понять их нелегко, так как истинные побуждения государств, политических и военных деятелей оказываются скрытыми и замаскированными официальными заявлениями, поводами и предлогами. Настоящую подоплеку событий автор видит в том, что мощь Афин стала внушать опасение Спарте (I, 23, 6). Он добавляет, что лакедемоняне не начинали военных действий, пока могущество афинян не обозначилось ясно и последние не стали затрагивать спартанских союзников (I, 118, 2). Комментируя сицилийскую катастрофу, Фукидид замечает, что лакедемоняне надеялись, победив афинян, укрепить свое господство над Элладой (VIII, 2, 4).

Эта четкая и ясная характеристика показывает, что автор усматривает источник конфликта прежде всего в политическом соперничестве двух крупнейших полисов Греции, однако вражда оценивается им с точки зрения морали. Эгоистические тенденции Афин и Спарты задают тон всей военной кампании, во многом определяя позицию других государств и побуждения, которыми те руководствуются, присоединяясь к той или другой стороне. По Фукидиду, движущими силами раздоров между полисами оказываются такие негативные моральные факторы, как страх, ненависть, вражда, жажда господства, стремление к наживе. Они присутствуют при объяснении самых разных событий — причин начала войны, ее продолжительности, конкретных военных акций, позиции политических деятелей и полководцев, распрей внутри полисов.

Чувство страха заставляет давних соперников начать войну: у афинян это опасение потерять господство, у спартанцев — страх перед ростом могущества Афин (I, 31, 88, 143). Боязнь побуждает керкирян обратиться за помощью к афинянам (I, 31, 2). Жители Мелоса утверждают, что залог прочности межгосударственных альянсов — страх, и поясняют, что оставались в союзе с Афинами лишь из боязни репрессий в случае разрыва (III, 11, 1; 12, 1). Из страха бóльшая часть пелопоннесских государств в свое время стремилась к союзу с Аргосом (V, 29, 4).

Страху перед более сильным партнером или соперником сопутствуют ненависть и вражда. Так, афинские союзники зачастую тяготятся своим подчиненным положением и ненавидят Афины (II, 65, 4; III, 12, 1). С другой стороны, ненависть к общему врагу, в интерпретации послов Керкиры, может служить стимулом к укреплению и объединению городов (I, 37, 4).

Описывая объединенное союзное войско в сицилийском походе, Фукидид утверждает, что часть государств вступила в него из соображений ненависти и вражды (VII, 5—7, 9—10).

Достаточно часто фигурируют и корыстные побуждения, стремление к выгоде. Сицилиец Гермократ, апеллируя к общепринятому мнению, говорит о желании извлечь выгоду как о прямой цели войны, причем это желание сильнее опасения, что государство могут постичь бедствия в случае поражения (III, 59, 2). Фукидид утверждает, что часть союзников приняла участие в сицилийской авантюре из соображений личной выгоды и корысти (VII, 5 —10). В другом месте он упоминает о нужде афинян в денежных средствах как главной и основной причине сицилийского похода (VII, 28, 4).

Историк полагает, что Афины вмешались в распрю между Керкирой и Коринфом, которая переросла в войну между Афинами и Спартой, вовсе не из соображений справедливости, а из желания ослабить Коринф (I, 44, 2). Равным образом и Спарта руководствовалась в своей политике исключительно прагматическими целями, игнорируя установленные правила общения между полисами. Описывая исключительную жестокость, проявленную ею по отношению к союзным с Афинами Платеям, Фукидид добавляет, что в основе лежало стремление угодить фиванцам. Те были давними врагами платейцев, а Лакедемон рассчитывал на их помощь в войне (III, 68, 4). Очень далеки от справедливости и благородства мотивы, побудившие полисы, сохранявшие прежде нейтралитет, после сицилийской катастрофы выступить на стороне Спарты. Каждый из них полагал, что если бы Афины одержали в Сицилии победу, то напали бы и на него, а также, что последующие военные действия против ослабевших Афин будут кратковременными, поэтому принимать в них участие почетно (VIII, 2, 1).

Схеме взаимоотношений государств вполне соответствует и характеристика отношений внутри полисов, мотивы действий политиков и полководцев. Фукидид обвиняет афинян в том, что они и в других делах, не связанных с войной, под влиянием личного честолюбия и личной корысти действовали во вред себе и союзникам (II, 65, 7). Очень показательны мотивы сицилийского похода: одни из сограждан историка хотели посмотреть остров, другие (их было большинство) рассчитывали на жалованье во время похода и на расширение афинских владений, гарантирующее им это жалованье в дальнейшем (VI, 24, 3).

В таком же духе действуют и отдельные лица. Среди причин, способствовавших заключению перемирия, Фукидид называет смерть Клеона и Брасида, афинского и спартанского полководцев, основных сторонников активных военных действий. Первый опасался, что в мирное время могут быть разоблачены его обман и клевета, а второй делал при помощи войны карьеру, добывая себе успех и почет (V, 16, 1). Низкими побуждениями руководствуется и Алкивиад, ратуя за сицилийский поход, так как надеется в случае победы поправить свои денежные дела и стяжать славу (VI, 15, 2). Правда, встречаются примеры борьбы и за высокие идеалы, но они явно тонут в море эгоистических и корыстных устремлений.

Разительным контрастом выступает в «Истории» противоречие между настоящими причинами распри и их словесным оформлением [14]. Фукидид пишет, что истина была искажена в декларациях враждующих государств: явная на деле, она скрыта на словах (I, 23, 6). Уже сам способ, избранный Спартой для вступления в войну, обнаруживает резкое расхождение между формой и содержанием: война начинается с обмана и лицемерия. Формально Лакедемон заступается за союзников и защищает попранную Афинами справедливость. Спартанцы делают вид, что приняли решение под влиянием речей представителей союзников, на деле же, замечает Фукидид, они руководствовались не столько речами, сколько страхом перед мощью Афин (I, 88). В таком же противоречии с акциями, проводимыми Лакедемоном, находился лозунг освободительной войны, выдвинутый им для оправдания своих действий и привлечения союзников.

Историк показывает, что низменные и корыстные цели ведущих греческих государств, побудившие их начать и в течение 20 с лишним лет продолжать войну, не имеют ничего общего с официальными предлогами к конфликтам. Так, приняв твердое решение воевать с Афинами, пелопоннесцы тем не менее отправляли к ним посольства с жалобами, чтобы в случае отказа иметь более веский повод для войны (I, 126). В том же духе действовали и афиняне. Снаряжая сицилийскую экспедицию, они стремились к установлению власти над островом, но избрали благовидный предлог — помощь сородичам и прежним союзникам. Никий, предупреждая сограждан о трудностях и опасностях подобного похода, прямо называет этот повод ничтожным, хотя и подходящим (VI, 8, 4). Поэтому исход сицилийской экспедиции логически закономерен: Фукидид пишет, что «унизительный конец постиг блестящие приготовления и гордые замыслы, бывшие в начале»; высадившись в Сицилии для порабощения других, войско уходило в страхе, как бы его не постигла та же участь (VII, 75, 7) (*пер. Ф. Мищенко*).

Волна неустойчивости, раздоров, смятения и жестокости, обрушившаяся на Элладу, оказывает у Фукидида влияние на все стороны жизни полисов. В области внешней политики — это война между греческими государствами, давшая достаточно примеров распадения старых связей и образования новых, отступлений от общепринятых правил, случаев вероломства, безжалостности по отношению к пленным, и т. п. В сфере чисто военной — раздоры между союзниками и отсутствие согласованности и единства. Так, историк отмечает, что в сицилийской экспедиции вожди афинского войска постоянно соперничали между собой; распри впервые внесли смуту в государственные дела (II, 65, 11).

Внутренняя жизнь городов нарушается не только непрерывными военными действиями, но и ожесточенной гражданской борьбой. Фукидид, как правило придерживающийся спокойного повествовательного тона,

[14] Это противоречие между делами и словами, заимствованное историком из греческой трагедии, было отнесено к политическим коллизиям — прием, впоследствии получивший широкое распространение в речах политических ораторов, особенно у Исократа и Демосфена.

дает очень экспрессивное, яркое и запоминающееся описание распри между гражданами Керкиры, подчеркивая небывалое озлобление, возникшее там в ходе политических и социальных столкновений. И самое печальное, пишет он, что этот инцидент был лишь началом целой серии внутренних междоусобиц, которые сопровождали Пелопоннесскую войну (II, 82—83).

Анализируя их природу, историк приходит к выводу, что всему виной изменения в психологии людей (III, 82, 2). Вооруженные конфликты, по Фукидиду, воздействуют прежде всего на моральные ценности, которые начинают перестраиваться в соответствии с законами, правилами, обычаями войны; происходит настолько глубокое извращение понятий, что добродетель и порок меняются местами. Рушатся традиционные связи внутри гражданского коллектива, и вот уже родство связывает людей меньше, чем гетерии, взаимное доверие основывается на соучастии в незаконных поступках, процветают подозрительность, вероломство, клятвопреступление (III, 82, 3—8). Действия соперничающих группировок отличают ожесточенность, беспощадность и необузданность страстей, которые потрясают основы государственного порядка (III, 84). Война у Фукидида открывает шлюзы для самых низких и порочных страстей, ибо человеческая природа, которой вообще свойственно стремление к преступлениям, в такие периоды господствует над справедливостью (III, 84, 2).

Этот страстный и напряженный монолог — квинтэссенция отношения Фукидида к межполисным войнам. Одновременно он ясно показывает истоки формирования этого отношения. Характерно, что в источнике, посвященном описанию внешних событий, на первый план, в сущности, выступают события внутренние, так как в конечном счете именно они служат критерием для оценки происходящего. Фукидид отмечает взаимодействие внутренней и внешней политики и устанавливает между ними прямую зависимость. Он склонен искать объяснение и того и другого в сфере моральных ценностей, поэтому при характеристике межполисных конфликтов и военных действий предпочитает пользоваться не политическими, а моральными дефинициями.

Нам представляется, что в данном случае причины подобной интерпретации лежат не только во взглядах самого Фукидида и не только в воздействии на него, как показал еще Корнфорд [15], греческой трагедии с ее ориентацией на внутренний мир человека. Мы сталкиваемся здесь, очевидно, с первыми шагами на пути создания теории межполисных отношений. Причем с самого начала ее отношение к вооруженным столкновениям между греческими государствами было резко отрицательным. Война ассоциировалась с разрухой, несчастьями, насильственными изменениями государственного строя, моральной деградацией индивидов и общества. Одновременно намечается тенденция воспринимать войну как наиболее распространенный вариант межгосударственного общения (I, 2—19).

Ксенофонт, продолживший описание Пелопоннесской и последующих войн, рассматривает военные действия в совершенно ином плане, чем

[15] *Cornford F. M.* Thucydides-Mythistoricus. L., 1913.

КАРИАТИДЫ ПОРТИКА ЭРЕХТЕЙОНА. Последняя четверть V в. до н. э.

Фукидид. Его «Греческая история» содержит гораздо меньше материала, показывающего воздействие междоусобиц на идеологию и психологию современников, однако предоставляет в распоряжение исследователя данные, помогающие понять факторы, которые повлияли на оценку войны в литературе.

Это относится прежде всего к характеристике военных действий и их воздействию на социально-политическую борьбу внутри полисов. Наряду с многочисленными случаями грабежей и предания земли противника огню и мечу Пелопоннесская война, как справедливо отмечает И. А. Шишова, «дает нам достаточно примеров чрезвычайно свирепых расправ с военнопленными-греками, в которых повинны как афиняне, так и спартанцы» [16]. То же самое характерно и для последующих военных действий. Ксенофонт достаточно часто упоминает о разорении и опустошении лакедемонским войском территории полисов, враждебных Лакедемону или чем-либо прогневивших его.

Так, Агис II вторгся в Элиду и двинулся к городу, сжигая и вырубая все вокруг себя (κόπτων καὶ κάκων τὴν χώραν). Аркадяне и ахейцы, воспользовавшись удобным случаем, присоединились к спартанцам и тоже приняли участие в грабежах (Hell., III, 2, 26) [17]. Рассказывая о трагических событиях в Коринфе, когда убитых было столько, что они лежали подобно грудам бревен, зерна, камней, Ксенофонт без тени осуждения поясняет, что спартанцы имели возможность убивать направо и налево, ибо божество предоставило им случай, на который они не могли надеяться (IV, 4, 12).

Усиление жестокости, на что уже обращалось внимание в литературе [18], зачастую вызывалось не столько военными, сколько политическими соображениями. Одной из крайних мер наказания противников было, например, их расселение. Часть спартанских союзников потребовала разрушить Афины (II, 2, 19). Автор «Греческой истории» подчеркивает благородство спартанцев, отклонивших это предложение, но спокойно повествует об участи мантинейцев, расселенных лакедемонянами (V, 2, 7).

Внешняя политика тесно переплеталась с внутренней. Почти в каждом полисе были приверженцы Спарты и Афин, как бы повторяя в миниатюре Элладу, раздираемую политическими противоречиями. Ксенофонт приводит внушительный список государств, в которых произошли вооруженные перевороты. Непрекращающиеся военные действия оказали сильное влияние и на ход восстаний, и на формы, которые они принимали.

Борьба в полисах характеризовалась крайней ожесточенностью. Уже говорилось о кровавом перевороте в Коринфе. Во Флиунте спартанцы, вернув политических изгнанников, разрешили им убить всякого, кого те найдут нужным (V, 3, 25). Порой даже внешние враги, пришедшие на помощь своим сторонникам, оказывались милосерднее, чем сограждане (V, 2, 6; 4).

[16] *Шишова И. А.* Порабощение военнопленных в IV в. до н. э.— В кн.: Рабство на периферии античного мира. Л., 1968, с. 62.
[17] См. также: *Xen.* Hell., IV, 2, 15; 3, 22; 6, 4, 12.
[18] См.: *Шишова И. А.* Указ. соч., с. 65.

Сочетание социально-политической борьбы с военными действиями, воспринятое Фукидидом как нечто новое и неслыханное, у Ксенофонта выступает уже как обычная практика.

В реакции Ксенофонта на происходящие события можно выделить определенный комплекс представлений, связанных с войной полисов друг против друга. Упреки, направленные против врагов Спарты, зачастую базируются на обвинении их в действиях и желаниях, которые ассоциировались в общественном мнении с нарушением этических норм или с политикой, ведущей к дестабилизации полиса в сфере экономики, социальных отношений, идеологии. Можно заметить, что некоторые обвинения связаны с характером военных действий. Например, описывая совещание, на котором решалась судьба пленных афинян, историк называет проявленную теми в свое время жестокость к военнопленным преступлением против эллинов (II, 1, 31—32).

Ксенофонт отмечает случаи отношения к междоусобицам как к братоубийственной войне. Он пишет, что у Агесилая большинство воинов не желали идти походом против греков (IV, 2, 5), что эллины тяготились войной и желали мира (V, 1, 29). Таким образом, этническое самосознание греков могло усиливаться не только в борьбе с внешним врагом, но и при внутренних раздорах.

Если Фукидид объясняет возникновение военных конфликтов политическим соперничеством, которое стимулирует разгул самых низких эгоистических страстей, то Ксенофонт делает упор на другое. Чаще всего он обвиняет противников Лакедемона в том, что они подкуплены. Оказывается, для развязывания войны со Спартой были подкуплены политические деятели в Фивах, Аргосе и Коринфе, они-то и объявлены виновниками новых тяжких бедствий, обрушившихся на Грецию (III, 5, 1—2; IV, 4, 2; V, 2, 35; 4, 20). Есть еще одна причина войн — высокомерие (ὕβρις). Из-за него, например, афиняне обижали жителей мелких городов (III, 2, 10), этим же чувством руководствовались полисы, создавая антиспартанскую коалицию (VII, 1, 23, 24, 27). Стремление сломить высокомерие победителей историк считает достаточным основанием для оправдания карательных акций Лакедемона против Олинфа (V, 3, 8). Таковы основные причины напряженной обстановки в Греции.

Впрочем, в некоторых случаях он находит еще одну причину волнений: стремление к независимости. Так, Ксенофонт признает, что афиняне вступили в борьбу со Спартой не потому что были подкуплены, а потому что не хотели, чтобы ими правили (III, 5, 2). Анализируя причины коринфского погрома (σφραγή), историк вынужден отметить, что его антиспартанская направленность была вызвана боязнью оказаться под властью лакедемонян (IV, 4, 2). В конце своего повествования Ксенофонт описывает борьбу полисов прежде всего как политическое соперничество. Он сообщает, что в битве при Мантинее принимали участие с оружием в руках все греческие государства, так как победитель должен был получить власть над Элладой, и замечает, что в результате ее усилились и путаница, и смятение в Греции (VII, 5, 26—27).

У Ксенофонта в борьбе полисов за гегемонию постоянно фигурирует

персидский царь, который оказывает помощь то Афинам, то Спарте (I, 1, 14; 4, 7; II, 1, 10—14; IV, 1, 32; 2, 1; 8, 1, 7—9; 12, 16; V, 29, 31; VI, 3, 9, 12). Так впервые обозначается еще один важный аспект в межполисных конфликтах — активное вмешательство соседних «варварских» государств в распри греческих городов и ориентация греков на помощь иноземных правителей. Причем эллины уже стали понимать опасность такого положения. Историк, характеризуя позицию Тиссаферна, подчеркивает, что тот старался не допустить чрезмерного усиления того или иного греческого государства, «но все были бессильны из-за междоусобиц» (I, 5, 9).

Для уточнения картины и лучшего понимания некоторых тенденций имеет смысл привлечь данные «Оксиринхского историка», хотя ввиду фрагментарности они могут использоваться лишь как косвенные свидетельства. «Оксиринхский историк», насколько можно судить по отрывкам, склонен приписывать вступление тех или иных государств в войну прежде всего активности политических деятелей и социально-политической борьбе внутри полисов. Он утверждает, что вожди отдельных группировок в Аргосе и Беотии ненавидели лакедемонян за то, что те поддерживали их политических врагов (VII [II], 2, 2). Они хотели возбудить в беотийском народе вражду к Спарте и уничтожить ее власть из опасения, что может одержать верх и погубить их другая группировка, пользующаяся поддержкой лакедемонян (XVIII [XIII], 1). Виновниками войны между беотийцами и фокейцами объявлены некоторые фиванцы (XVI [XI], 3, 1).

В источнике отчетливо звучит мотив низменных и корыстных побуждений политических деятелей, заинтересованных в войне. Некоторые политики в Афинах хотели, по мнению автора, лишить своих сограждан мира и покоя и опутать войной и хлопотами, чтобы иметь возможность поживиться за счет казны. Их единомышленники в Беотии старались вовлечь беотийцев в войну обманным путем (XVIII [XIII], 2). Побуждения такого рода автор считает более важной причиной вражды к Лакедемону, чем персидские сокровища (XVI [XV], 5).

Таким образом, «Оксиринхский историк», подобно Фукидиду и Ксенофонту, подчеркивает тесную связь между внутриполитической и внешнеполитической борьбой греческих полисов. Он обнаруживает несомненное сходство с Фукидидом, усматривая причину войны в жадности и корысти, но в отличие от него меняет местами причину и следствие: не война стимулирует государственные перевороты, а наоборот. И наконец, «Оксиринхский историк» подтверждает широкое распространение версии о том, что враждебность полисов к Лакедемону объяснялась тем, что они были подкуплены персидским царем.

Труды древних историков показали, как зарождался и усиливался интерес греческой политической мысли к военным конфликтам. Это нашло отражение и в речах политических ораторов, особенно таких известных, как Исократ и Демосфен. Однако их подход к проблеме существенно отличается от авторов исторических сочинений. Фукидид, Ксенофонт и «Оксиринхский историк» рисуют сложную картину взаимосвязей греческих государств в процессе войны, политическую организацию межгосу

дарственных альянсов, их сотрудничество и борьбу, связь внешних событий с внутренним положением в городах, создавая широкую панораму жизни своих современников. Ораторы, как правило, посвящают речи конкретным конфликтам и событиям, их интерпретация фактов подчинена ясным и определенным целям: продолжать или нет данные действия и какими именно средствами. Отношение к тем или иным проблемам зависит у них от цели речи и ситуации, сложившейся к моменту ее создания. Тема войны здесь не составляет исключения. Так, Исократ в речи «О мире» мог разразиться страстной тирадой против войны как политики, приносящей вред Афинам и всем остальным полисам, но в «Архидаме» с такой же убежденностью призывал Спарту к продолжению военных действий. Он мотивировал свою позицию тем, что война и мир сами по себе ни добро, ни зло, ибо тот, кто преуспевает, должен стремиться к миру, способствующему сохранению благополучия, а при неудачном стечении обстоятельств государствам рекомендуется воевать (Arch., 44—50).

С другой стороны, стремление воздействовать на сограждан побуждает ораторов обращаться к уже укоренившимся взглядам и представлениям, использовать своего рода клише. Эта специфическая черта ораторского искусства дает возможность определить, какое именно восприятие событий, их интерпретация стали широко распространенными, какие проблемы стояли в центре общественной жизни. Обратимся к речам Демосфена и Исократа и посмотрим, в каком контексте упоминаются полисные конфликты и как они оцениваются.

Первое, что бросается в глаза у Исократа,— частое обращение к военной тематике, разбор истории войн, описание происходящих действий и предсказание тех, которые возможны в будущем. Политические, социальные и экономические процессы, протекавшие в полисах, убеждают его в том, что войны расшатывают и видоизменяют государственную организацию. Почти вся речь «О мире» посвящена анализу влияния войны на структуру полиса — ухудшению экономического положения, изменению образа жизни и обычаев, переменам в политической и социальной сфере (De Pace, 20, 25, 29, 43—55, 88). Оратор, подобно Фукидиду, осуждает войну с точки зрения морали: междоусобицы очернили Афины в глазах эллинов и принесли несчастья городу (De Pace, 19), из-за них все греки находятся в бедственном положении (Phil., 7, 38, 47—55), борьба губит полисы, города становятся военной добычей, их население живет в большем страхе, чем изгнанники (Paneg., 116—168; Phil., 146—148), поэтому можно только мечтать о человеке, способном положить конец всем этим несчастьям (Phil., 50). Война постоянно связывается с такими негативными понятиями, как зло, смятение и смута, опасность, убийство, уничтожение, разрушение. Все замыслы и действия, ведущие к началу или продолжению военных конфликтов, объявляются безрассудством и безумием (De Pace, 7, 17, 41, 58, 85, 121; Phil., 38).

Исократ не ограничивается перечислением ущерба, причиняемого полисам войнами, а исследует и причины, толкнувшие государства к междоусобицам. Он упоминает о стремлении добиться господства как источнике конфликта между Афинами и Спартой (42), о борьбе за справедливость

(Paneg., 183), о лозунге свободы Эллады, под которым официально сражались и Афины, и Спарта (Paneg., 52, 75, 122; Phil., 129; ср.: Lyc. C. Leocr., 47, 107). Тем не менее момент политического соперничества и преданности высоким идеалам отступает у него на задний план и подоплекой вооруженных столкновений оказывается борьба из-за выгоды, пользы, доходов. Исократ объясняет, что все стремятся к пользе и хотят иметь больше других (De Pace, 28), это конечная цель и мирной, и военной политики государства, поэтому в основе внешней политики Афин, их военных действий лежит стремление к выгоде и доходам. Он пишет, что город с жадностью гоняется за всем, что сулит выгоду (De Pace, 7).

Однако практика показала, что преимущества, полученные путем войны, эффективны лишь небольшой отрезок времени (De Pace, 35) и мирная политика зачастую полезнее военной (De Pace, 26). Оратор убежден, что и доходы, и власть надежнее и крепче, когда они получены мирным путем. Он пытается внушить афинянам, что прекратив войну, они получат гегемонию над городами, увеличат свои доходы и будут способствовать возрастанию благосостояния и богатства (De Pace, 20—21, 138).

Позиция, занятая Исократом по отношению к войне, была продиктована конкретными причинами — утратой Афинами прежнего положения лидера Эллады и военными неудачами. В то же время оратор полагает, что его концепция вполне применима и к другим полисам. Он замечает, что от войны равным образом страдают такие разные государства, как Спарта, Аргос, Афины, Фивы (De Pace, 5; Phil., 47—55). Они испытывают несчастья, сходные с афинскими. Война превращается в универсальную причину, так как приводит все государства к одним и тем же следствиям.

У Фукидида изменение существующего порядка связано прежде всего с индивидами и коллективом одного полиса. Исократ раздвигает эти привычные рамки и переносит свой постулат на всю Элладу. Он понимает, что войны определяются политикой уже не одного или двух государств, а целого ряда полисов, что они — закономерное явление его времени. Оратор сталкивается с необходимостью анализа межгосударственных отношений в процессе войн и проводит его при помощи методов и понятий, применяемых для изучения единичного полиса.

Например, именно так им доказывается положение о войнах как символе неустойчивости, нестабильности. Оратор говорит о постоянных переменах в судьбах людей и полисов, когда казавшиеся ничтожными дела изменяются к лучшему, и наоборот (Areopag., 5). Эти изменения в «Ареопагитике» касаются прежде всего государственного строя и нравственности граждан, в речи «О мире» к ним присоединяются сдвиги во внешнеполитическом статусе Афин и Спарты, а в «Филиппе» взлеты и падения в карьере политических деятелей сравниваются с перепадами во внешней политике государств.

Причиной межполисных распрей оказывается все то же стремление к выгоде. Ожесточенная борьба между греками происходит из-за недостатка земли и хлеба, нужда разрушает дружбу, обращает родство во вражду и вовлекает людей в войны и смуты (Paneg., 174). Исократ пишет о войнах, охвативших Элладу, и о причиняемых ею грекам бедах почти в тех же вы-

ражениях, что и о военных конфликтах отдельного полиса. Он также называет их безумием (μανία) (Paneg., 133) и рисует ту же мрачную картину всеобщей анархии и смятения: граждане сражаются друг с другом, борьба за первенство губит полисы, города становятся военной добычей, их население живет в большем страхе, чем изгнанники (Paneg., 116, 168; Phil., 146—148). Предлагая обдумать, как избежать вражды, Исократ указывает, что она возникает из-за малого (Paneg., 133; Phil., 126), в то же время полисы пренебрегают возможностью получить действительно крупную добычу, которая ждет их в Азии, если греки объединятся и покорят ее (Paneg., 133; Phil., 9).

Исократ настойчиво проводил в своих речах идею о том, что мир в Греции может быть установлен лишь путем перенесения войны в Азию (Phil., 9, 126, 141; De Pace, 9; Paneg., 182). Перечисляя многочисленные выгоды такого поворота событий (Phil., 9, 89, 130, 132; ср.: Xen. Hell., VI, 2, 12), он убеждает полисы последовать его совету. Оратор стремится доказать легкость покорения Персии, отмечает моральное превосходство греков над варварами (Phil., 16, 42, 76, 80), низкие моральные качества последних (Phil., 16, 90, 100—101, 137), их неподготовленность к военным действиям (Phil., 90, 125).

В этом аспекте Ксенофонт и Исократ дополняют друг друга. Хотя в «Греческой истории» упор сделан в основном на роли персидского золота в разжигании войн, у Ксенофонта встречается и другая мысль, близкая Исократу, хотя и не оформленная в четкую программу. Он пишет, что ферский тиран Ясон хотел получить средства с народов материка, считая, что персидского царя покорить легче, чем греческие полисы (VI, 1, 12). Ксенофонт также убежден в возможности легкого покорения Персии, населенной толпой рабов, чуждых гражданских добродетелей (III, 4, 19; VI, 1, 12).

В политической пропаганде Персия превратилась в важнейший аргумент при оправдании политики одних полисов и обвинении других. Еще Фукидид показал, что в Пелопоннесской войне афиняне ссылались на греко-персидские войны, чтобы продемонстрировать свое моральное превосходство над Спартой и выступить в роли защитников свобод Греции. Их предки восхвалялись за позицию, занятую при вторжении персов в Элладу, которая противопоставлялась поведению лакедемонян (Thuc., 73,2—74; 144,4). Но, очевидно, афинские недруги использовали в своих контраргументах те же факты, давая им другую интерпретацию. Гермократ Сиракузский бросил афинянам обвинение в том, что те сражались с персами не за свободу эллинов, а за свою независимость (Thuc., VI, 76, 4). Сходный мотив подмены собственными и союзническими интересами дела всех греков звучит и в речи фиванцев, обращенной к жителям Платей, которых упрекают в том, что они воевали с персами не ради эллинов, а в силу своей привязанности к Афинам и солидарности с ними (Thuc., III, 64, 1).

К сожалению, мы не располагаем данными о том, какое место занимали греко-персидские войны в спартанской пропаганде. Можно только предположить, что если они и упоминались, то акцент должен был делаться на

заключительном этапе, когда лакедемоняне вступили в активную борьбу с персами. Зато есть много свидетельств того, что в IV в. охотно вспоминали о доблести предков, подкрепляя ссылками на прошлое борьбу в настоящем. Исократ строит обвинения против Спарты, способствующей, по его мнению, разжиганию братоубийственной войны, на параллелях с поведением лакедемонян по отношению к Персии. Во время греко-персидских войн, пишет он, спартанцы думали только о собственном спасении (Paneg., 93) и если приняли наконец участие в общей борьбе, то сделали это лишь в силу необходимости, а не долга (Paneg, 97), чем существенно отличаются от афинян (Panath, 49—52). Те, напротив, рисковали жизнью не за собственные интересы, а за всю Элладу (Paneg., 75; Phil., 147). Родина оратора восхваляется за то, что дважды освободила Грецию от варваров (Phil., 129) [19].

Более близкие Исократу события подаются в таком же освещении. Он отмечает активное вмешательство Персии в межполисные распри и ее финансовую помощь то одной, то другой из враждующих сторон. Об участии в подобных сделках Афин умалчивается, зато сообщается, что спартанцы заискивали перед персами ради порабощения Эллады (Paneg., 85). Предательство соплеменников иллюстрирует и факт выдачи ионян персам (Paneg., 122). Исократу вторит Демосфен, объясняя ослабление Афин происками персидского царя и лакедемонян (XV, 24).

В речах Исократа нашла отражение также позиция мелких и средних полисов, одинаково страдавших под гнетом и афинского, и спартанского господства. Оратор стремится опровергнуть обвинение в том, что оба полиса под предлогом борьбы с варварами за спасение эллинов лишили греческие города независимости (Panath., 97). Он вынужден признать, что, желая добиться первенства, Афины и Спарта пошли на дружбу с персами (Phil., 42), и замечает, что эллины настолько плохо относились к одному из лакедемонских полководцев, что считали: победа персидского царя над ним избавит их от бедствий (Phil., 95).

У Демосфена отношение к войнам более четкое и дифференцированное, чем у Исократа. Он разделяет все военные конфликты на справедливые и несправедливые. Одни войны, например, ведутся ради защиты своего имущества, земли, чтобы спасти отечество от разорения и уничтожения (I, 5, 15; V, 7; XV, 10, 17). Особенно почетны и благородны, по мнению оратора, те действия, которые предприняты для защиты своих союзников или во имя справедливости. Здесь героями неизменно оказываются афиняне, которые то борются ради пользы других (XVIII, 101), то ради общей пользы (XVIII, 20), то за права греков (ὑπὲρ τῶν Ἑλληνικῶν δικαίων) (II, 24). Афиняне, подчеркивает оратор, всегда с готовностью помогали другим (XVIII, 97, 99, 101, 201, 203), даже тогда, когда сами бывали ослаблены (XVIII, 96).

Правда, вынужден признать Демосфен, Афины далеко не всегда проводили правильную политику и порой бывали склонны начать войну бес-

[19] Ср.: *Lys.*, II, 21—47; XXXIII, 3; *Isocr.* De Pace, 42—43; Areopag., 80; *Dem.*, III, 36; XIV, 3, 36.

славную и разорительную ради малых выгод (V, 5). Такое несоответствие цели и усилий, требующихся для ее осуществления, явно осуждается, как и вообще войны, которые ведутся ради славы или захвата земли; им противопоставлены такие высокие идеалы, как борьба за спасение от уничтожения и рабства (I, 5). Все это подкрепляется общим рассуждением о том, что, когда в основе военных действий лежит стремление к наживе и низость, все расстраивается (II, 9). Ведь невозможно приобрести прочную силу путем обид, клятвопреступлений и лжи. Она может быть основана только на истине и справедливости (II, 10).

Есть разница, замечает оратор, ведется война из-за наживы или в защиту своего достояния (XV, 10). И общественное мнение Эллады оценивает политику ведущих полисов в зависимости от того, хотят ли они сохранить собственную независимость или покорить других, ибо никто не желает, чтобы над ним властвовали. Из этого делается вывод, что залог успешной политики — признание ее справедливости (V, 24). Когда такой принцип нарушен, государство постигает заслуженное наказание, как, например, в случае с Лакедемоном, который стал воевать из-за выгод и нарушил своими корыстными интересами порядок в Элладе (IX, 24).

Интересно замечание Демосфена о делении межполисных конфликтов на войны между демократией и олигархией. Демократические государства воюют друг с другом из-за частных недоразумений, когда полисы не могут разрешить споров из-за земли, границ, в силу соперничества или из-за гегемонии. С олигархами демократы вступают в столкновения из-за государственного устройства и свободы. Все предшествующие авторы скорее отмечали общность низменных и эгоистических побуждений, приведших греческие государства к междоусобным распрям, и одновременно их камуфлирование высокими идеалами. Демосфен разделил военные конфликты на «домашние», возникающие в среде демократов, и «внешние», между демократами и олигархами.

Нетрудно заметить, что экономические и политические мотивы, которыми предшественники Демосфена объясняли все государственные столкновения, у него относятся только к соперничеству демократов, борьба же с олигархами связана с коренным различием в отношении к государственному устройству и свободе. Когда Спарта и Афины провозгласили лозунг свободы и обвиняли друг друга в ее подавлении, они обычно связывали это не с принципами демократического или олигархического строя, а лишь с конкретным полисом или политическим объединением. Здесь же отсутствие свободы в государственном строе, инкриминируемое демократами олигархам, перенесено и на внешнюю политику, отношение к войнам получило ярко выраженную «демократическую» окраску, что, несомненно, связано с общими политическими воззрениями Демосфена как идеолога афинской демократии.

Причины войн у Демосфена примерно те же, что у Исократа — властолюбие, жажда наживы, борьба за родину и свободу, но их соотношение между собой другое. На первый план выдвигаются не экономические выгоды и политическое соперничество, а благородные цели защиты свободы и справедливости, причем зачастую даже не одного полиса, а всей

Эллады. Нет мысли о мире в Греции путем перенесения войны в Азию, превалирует идея объединения и горькие упреки полисам в разобщенности. Демосфен сетует: греческие государства настолько разобщены, что не в состоянии заключить между собой союз взаимопомощи (IX, 28), кругом царят смуты и взаимное недоверие (XIV, 36). Дошло до того, что каждый считает для себя выгодным, когда другой погибает, и никто «не заботится и не принимает мер, чтобы спасти дело греков...» (IX, 29) (*пер. С. И. Радцига*).

Демосфен пишет, что в Пелопоннесской войне господствовали спор и смута (XVIII, 18), упоминает о разногласиях между Афинами и Спартой (III, 24), Спартой и Фивами (XVIII, 188) и общем недоверии полисов к Афинам (V, 17—19; XIX, 12). Ведь никто не хочет, замечает он, ссылаясь на повсеместно распространенную в Греции политику, чтобы «кто-нибудь один победил другого, а потом господствовал над ними самими...» (V, 17) (*пер. С. И. Радцига*).

Возникает закономерный вопрос, чем вызвана такая оценка современника Исократа. Ответ, на наш взгляд, лежит в различной политической ориентации ораторов. Исократ освещает события под влиянием двух основных идей — необходимости восстановления былого могущества Афин и похода на Восток; в конечном счете эти два пункта оказываются взаимосвязанными: Афины должны стать гегемонами Эллады и объединить греков для антиперсидского похода. Перед Демосфеном стояла другая задача — убедить своих соотечественников и остальные греческие полисы в необходимости дать совместный отпор Македонии.

Речь шла об оборонительной, а не наступательной войне, так что, естественно, в формулировании целей и задач на первое место ставилась защита свободы, а не корыстные интересы, что неоднократно подчеркивалось Демосфеном [20]. Поэтому в его речах так остро стоит проблема разобщенности греков в результате междоусобных войн и подчеркивается гибельность их продолжения перед лицом общего для всех врага — македонского царя Филиппа.

В остальном же аргументация Демосфена обнаруживает поразительное сходство с доводами Исократа, только она повернута против Македонии, а не Персии. Это неудивительно, поскольку взгляды ораторов на межполисные конфликты и войны с негреческими государствами восходят, по-видимому, к одним и тем же традициям. Четкая проафинская ориентация Исократа проявляется в том, что он восславляет Афины за благодеяния грекам начиная с греко-персидских войн и видит в них защитника Эллады перед лицом «варварского» мира, только их он считает достойными такой высокой миссии, как объединение греков для похода против персов. Даже в «Панегирике», где формально возглавить поход предложено Спарте и Афинам, видно, что это уступка сложившимся обстоятельствам — симпатии автора по-прежнему на стороне Афин.

[20] *Dem.*, I, 5, 15; VI, 25; VIII, 46, 49, 59, 60—62; IX, 26; X, 25, 61—64; ср.: *Lyc.* C. Leocr., 47.

У Демосфена та же точка зрения: никто, кроме Афин, не может расстроить замыслы Филиппа (I, 26), препятствие в стремлении властвовать над Элладой он видит в них (VI, 17), так как Афины никогда не согласятся и не смогут опуститься до рабского состояния, они сами привыкли властвовать (X, 62). По этой же причине македонский царь, обольстивший и обманувший многие полисы, к Афинам относится иначе (X, 64—65). У Демосфена, подобно Исократу, звучит тема благородства афинян, которые ради собственной выгоды никогда не поступятся справедливостью, общей для всех эллинов (VI, 10; ср. V, 42).

Позиция Афин у оратора резко отличается от политики других ведущих полисов, которые заняты лишь собственными интересами и ради полученных ими ожидаемых выгод готовы предать интересы Эллады. Кругом безлюдье, утверждает Демосфен (III, 27), Афинам не на кого опереться, фиванцы, фокидяне, аргосцы, мессенцы обольщены и подкуплены Филиппом (I, 26; II, 17; V, 20—23; VI, 9—10, 12, 14; VIII, 62—63). Так преломляется в речах Демосфена тенденция объяснять полисные распри вмешательством врагов всей Эллады и подкупом со стороны конкурента ведущих полисов. Только у Исократа и Ксенофонта виновником враждебного отношения к Спарте и Афинам объявлен персидский царь, золото которого оказало магическое действие на расстановку сил в Греции, а Демосфен склонен ответственным за все греческие неурядицы сделать македонского правителя. По его мнению, Филипп сеял вражду между полисами (XVIII, 19), он подстрекал против афинян фиванцев и тех из фессалийцев, которые стремились к выгоде (VI, 18). Враги Афин, в свою очередь, как утверждает оратор, использовали помощь Филиппа в корыстных целях (VI, 7). Демосфен предостерегает предателей: если фиванцы начнут войну с афинянами, то получат лишь бедствия, а блага-ми воспользуется их негреческий союзник (V, 15).

Характеризуя Филиппа, общего врага всех полисов, Демосфен использует тот же набор отрицательных признаков, что и Исократ, хотя эмоциональный накал у него сильнее и личности македонского царя уделено больше внимания, чем персидского. Филипп назван наглецом (I, 23), упоминаются его дерзость и наглость (IV, 3, 9; X, 2). Оратор утверждает, что тот оскорблял афинян (III, 14), питал враждебные замыслы против всех греков (VI, 2, 6), злоумышлял против них (VIII, 3, 35, 39). Македонский царь отличается низкими моральными качествами (VI, 20—23), ему свойственны вероломство и обман (II, 5,8), желание нанести обиду, он клятвопреступник и лжец (II, 10; VII, 10), враг и варвар (III, 16; VIII, 39); в основе его действий лежат стремление к наживе и низость (II, 9; X, 2).

Оратор представляет политику Македонии как покушение на собственность греков. Филипп хочет овладеть афинскими гаванями, триерами и серебряными рудниками (VIII, 45), всем достоянием (IV, 50), причем отчасти ему это уже удалось (III, 16; VII, 10). Он расхититель всей Эллады (VIII, 55). Одновременно указывается на внутреннюю слабость Македонии и дурных советников Филиппа, все они — грабители, льстецы, пьяницы и распутники, под стать своему царю (II, 14—19). Действия

греков квалифицируются как борьба за спасение отечества от рабства и за свободу эллинов (I, 5; VI, 25; VIII, 46, 49, 59, 60—62; IX, 26; X, 25, 61—64; ср.; Lyc. C. Leocr., 47, 60).

Итак, межполисные конфликты оказали заметное влияние на греческую политическую идеологию конца V — середины IV в. до н. э., причем своего рода отправной точкой в развитии взглядов на междоусобицы послужила Пелопоннесская война. Теоретически она могла оцениваться при помощи разработанного аппарата политических дефиниций, используемых при описании полисной структуры и процессов, протекавших внутри государства, довольно расплывчатых представлений о неписанных законах межполисных отношений и представлений о войне с негреческими государствами как нужной и справедливой политике, направленной на защиту и укрепление полиса.

Пелопоннесская война поразила современников своими грандиозными масштабами, ожесточением, продолжительностью, необычностью в расстановке сил. Это чувство удивления и растерянности, эмоциональное восприятие событий видны у такого не склонного к пафосу историка, как Фукидид. Соперничество Афин и Спарты порождено у него низменными эгоистическими побуждениями, которые и задают тон всей военной кампании. Поэтому для Фукидида вполне понятны и закономерны лживость официальных объяснений воюющих сторон, попрание ими привычных норм и обычаев и наказание, постигающее то одного, то другого инициатора войны.

Историк подчеркивает прямую зависимость между нарушением традиционных связей внутри полисного коллектива и межполисными конфликтами. Оценка военных столкновений происходит у него прежде всего с внутриполисных позиций, и в ней Фукидид не столько обращается к политическим дефинициям, сколько к приемам трагедии и софистики. К межполисным войнам у него отношение резко отрицательное, положительный пример греко-персидских войн здесь никак не используется, даже в качестве антитезы. Неписаные законы тоже не оказали заметного воздействия, кроме констатации их нарушения, в дальнейшем развитии идеологических представлений о войне их роль, очевидно, вообще была невелика.

«Греческая история» Ксенофонта, несмотря на тенденциозность, хорошо показывает методы ведения войны, усиление в них жестокости, политические принципы, приводящие государства к войне и определяющие их поведение в столкновениях. Как и Фукидид, автор подчеркивает связь между внутренней и внешней политикой, а также взаимосвязь войны с политической структурой полиса, усиливая ее и проводя четкие параллели между активизацией политической и социальной борьбы внутри государства и увеличением числа и интенсивности военных конфликтов.

«История» Ксенофонта позволяет поставить вопрос о наличии политической пропаганды в военных столкновениях: противникам Спарты приписываются все мыслимые грехи, а ее собственная политика представлена борьбой за справедливость. Лакедемоняне, судя по всему, широ-

НИКА, РАЗВЯЗЫВАЮЩАЯ САНДАЛИЮ. Рельеф балюстрады храма Ники Аптерос. Конец V в. до н. э.

ко использовали модель освободительной войны, выработанную в ходе греко-персидских войн, применяя ее для оценки греческих междоусобиц. Спарта объявила себя защитницей свободы мелких и средних полисов, а Афины — их угнетателями.

Немногие дошедшие до нас фрагменты «Оксиринхского историка» подтверждают осознание греками прямой связи внешнеполитической борьбы с внутриполитической и широкое распространение мнения о Персии как виновнице войн между полисами. Причем на внешнеполитическую арену переносятся довольно распространенные для внутригосударственных распрей обвинения политических деятелей в подкупе и продажности.

Особенности отражения действительности в ораторском искусстве повлияли на усиление эмоциональности в их оценках, возрастание роли моральных критериев. Одновременно уделялось большое внимание воздействию межполисных конфликтов на экономическую, политическую, социальную сферы, на дестабилизацию полисной системы из-за войны.

Исократ разделяет мнение, что подоплека конфликта лежит во внутреннем развитии Греции, а не вмешательстве «варваров». Линия Фукидида продолжается у него и в другом плане — подчеркивается масштабность происходящих событий, столкновение крупных политических блоков, а не отдельных государств. Речь у него зачастую идет уже не о конкретных военных действиях, а о признаках, характерных для межполисных войн вообще, например об их причинах и следствиях.

Внешний фактор у Исократа превращается из причины создавшегося положения в средство его преодоления. Персия из источника агрессии становится объектом завоевания, и мир в Греции, таким образом, устанавливается перенесением войны в Азию, которая должна предоставить в распоряжение эллинов тот самый доход, который служит яблоком раздора и причиной ожесточенных междоусобиц.

В связи с этим большое внимание уделено греко-персидским войнам, которые могут служить образцом политики по отношению к варварам, достойным подражания, и своеобразной лакмусовой бумагой, показывающей истинные достоинства полисов. Позиции, занятые греческими государствами в прошлом, прямо связывались с их поведением в настоящем. Афины, например, объявлялись защитниками эллинов и в греко-персидских войнах, и в межполисных конфликтах, а также наиболее подходящей кандидатурой для предводительства в антиперсидском походе. Спарта, напротив, обвинялась в перманентном предательстве общего дела греков как в прошлом, так и в настоящем.

Демосфен подчеркивает трагическую роль межполисных конфликтов перед лицом общего для всех врага — македонского царя Филиппа. Внешняя линия у него явно превалирует, и перед ней отходят на второй план внутренние причины столкновений. Речь идет не о наиболее выгодных и безопасных способах получения прибыли и наживы, а о сохранении полиса как независимой государственной системы, хотя Демосфен тоже

склонен объяснить вражду между полисами вмешательством внешних врагов, только не персидских, а македонских.

В целом же такие отрицательные черты, как стремление к наживе, к чужому достоянию, совсем недавно звучавшие во взаимных обвинениях полисов, перенесены на Филиппа, который, по мнению оратора, покушается на достояние греков. Очевидно, здесь можно говорить о переплетении и взаимообогащении характеристик внутренних и внешних войн. Если сначала лозунги и интерпретация войн с негреческими государствами оказывали влияние на трактовку межполисных конфликтов, то впоследствии наблюдается обратное: стереотип, выработанный для объяснения внутренних войн, применен как стимул для борьбы с «варварским» государством.

У Исократа и Демосфена существует уже определенный стандарт в восприятии полисных распрей как несчастья не только для отдельных государств, но и для всей Эллады. Кризисные явления в полисе IV в., нарушение привычных норм и образа жизни стали связываться у современников с непрекращающимися в Греции военными столкновениями, на войне как бы замкнулись многие проблемы греческого общества, она стала ассоциироваться со всеми отрицательными явлениями в нем. Неудивительно, что пути выхода из создавшегося положения были намечены чисто военные — завоевательный поход.

Отражение войн в полисной идеологии шло через призму эмоционального восприятия, эта линия была усилена политическими ораторами. В то же время для оценки военных конфликтов был использован аппарат внутриполитической теории, целый ряд оценок и приемов прямо перенесен с внутренних на внешние связи. И наконец, значительное влияние оказала усилившаяся активность соседних с Элладой «варварских» государств — Персии и Македонии. Это видно по четко обозначенной тенденции объяснять причины полисных столкновений вмешательством негреческих государств.

Процессы, протекавшие в Греции в конце V — середине IV в. до н. э., способствовали развитию не только политической теории, но и права, в частности представлений о государственном суверенитете, соотношении между абстрактным правом и конкретными правами отдельных полисов, роли и значении договоров в межполисной жизни. На практике эти две линии были тесно переплетены и взаимно опосредованы, что мы постараемся показать на примере терминов ἐλευθερία и αὐτονομία.

Понятие ἐλευθερία — более емкое и имеет более долгую историю, оно вошло в «золотой фонд» греческой идеологии и включает в себя множество оттенков. Термин «свобода» фигурирует в трудах философов, историков, ораторских речах, произведениях драматургов, эпиграфическом материале, он может приобретать социальное, политическое, этическое значение, характеризовать и внутренний мир человека, и общественный, и политические отношения, может выступать как практическое и абстрактное понятие. В указанный период, когда тема независимости полисов стала одной из самых важных в межгосударственном общении, ἐλευθερία получила широкое распространение в политической теории, правовых нормах и пропаганде.

Понятие «свобода» тесно связано с представлением о феномене греческого полиса как свободном и независимом государстве и относится к числу бесспорных и незыблемых κοινοὶ νόμοι. Трудно проследить истоки и начальные этапы формирования понятия «свобода» [21], определенно одно: оно не могло существовать без антитезы и всегда было связано с понятием несвободы, рабства. Первоначально «элевтерия», очевидно, была лишь социальным термином и применялась для обозначения отношений внутри государства.

Греко-персидские войны четко обозначили новый аспект: «элевтерия» стала характеризовать также и отношения между государствами. Эти войны превратили идею свободы в призыв к консолидации сил для отражения внешней опасности, в принцип, выражавший взгляды греков на специфику их типа организации общества [22]. В данный период «элевтерия» постоянно упоминается как цель освободительной войны и квинтэссенция полисных ценностей, причем речь шла о независимости не только отдельных полисов, но и Эллады в целом [23]. Антитеза ἐλευθερία — δουλεία приобрела тогда новый оттенок, связанный не с индивидуальным, а с государственным статусом, рабство и ассоциирующиеся с ним негативные представления усиливали позитивное значение «свободы».

Победа, одержанная над персами, была чрезвычайно важна не только для всего хода исторического процесса, но и для развития идеологии. В последующие периоды мы постоянно сталкиваемся со ссылками на греко-персидские войны, на их лозунги и поведение отдельных государств при доказательстве теории более позднего времени, особенно в сфере межгосударственного общения. Естественно, что идея свободы, адекватная комплексу воззрений на сущность полиса, имела все предпосылки, чтобы стать в идеологии ведущим принципом.

Направление развития Эллады, тенденция к объединению городов в конкурирующие союзы, непрекращающиеся дебаты об основах взаимоотношений полиса-гегемона с его союзниками, перманентное соперничество военно-политических объединений способствовали тому, что центр тяжести проблемы «элевтерии» переместился с внешней ориентации на внутреннюю и оформился в право полиса на независимость по отношению к остальным греческим государствам. Из представления о свободе стали выделяться хотя и взаимосвязанные, но относительно самостоятельные компоненты, относящиеся к разным областям идеологии. Процесс усложнения понятия и расширения сферы его применения отразился на терминологии — для обозначения свободы и независимости полиса наряду с ἐλευθερία стал шире использоваться термин αὐτονομία.

[21] См. подробную библиографию: *Bikerman E.* Autonomia...; *Guazzoni F.* La liberta nel mondo Greco. Geneva, 1972—1974; *Pohlenz M.* Freedom in Greek life and Thought. Dodrecht, 1960.

[22] *Jamerson M. H.* A Revised Text of the Decree of Themistocles from Troizen.— Hesperia, 1962, XXXI, p. 311; *Tod*, I², N 120; *Herod.*, VII, 102, 135, 139, 147; IX, 72; *Aesch.* Pers., 400; *Pohlenz M.* Op. cit., p. 24.

[23] *Herod.*, VII, 145; VIII, 3, 57, 60, 62, 72—73.

Сущность данных понятий, кардинальных при исследовании идеологии, как ни странно, мало привлекала внимание ученых. Ее коснулся Ж. де Сент Круа в большой статье о характере Архэ в связи с вопросом о статусе афинских союзников. Автор приходит к выводу, что концепция ἐλευθερία в V в. была расплывчатой, а представление об αὐτονομία можно считать более определенным: в него включается право города на самоуправление и суверенные суды. В работе отрицается деление афинских союзников на автономных и подчиненных и утверждается, что подобное деление невозможно проследить ни де-юре, ни де-факто [24].

В отличие от де Сент Круа Э. Бикерман приходит к более обнадеживающим результатам. Анализируя Фукидида, он, хотя и отмечает неточность правовой терминологии источника, все же считает возможным определить ἐλευθερία как концепцию суверенности государства, соответствующую jure naturali (φύσει), и αὐτονομία как понятие суверенности, jure gentium (νόμῳ). Автономию государства, по мнению Бикермана, всегда устанавливают другие полисы, поэтому пользу из αὐτονομία извлекают те из них, которые сделали город автономным, а не он сам. Статус суверенности, продолжает автор, может быть навязан полису. В целом Бикерман приходит к выводу, что задача автономии состояла в возможности выхода за жесткие и зачастую неадекватные существующему положению дел рамки военного сотрудничества, в оформлении захватнической политики юридически [25].

Тезис о различии между ἐλευθερία и αὐτονομία как понятий φύσει и νόμῳ был поддержан С. Пейро, пришедшим к заключению, что ἐλευθερία включает в себя и αὐτονομία. Исследуя межполисные отношения IV в., автор подчеркивает: свобода — это основа суверенного государства, автономия города зависит от желания или инициативы других, она делает государство более могущественным. Пейро обращает особое внимание на роль договоров в формировании αὐτονομία — и считает, что в автономном статусе были заинтересованы прежде всего жители мелких и средних городов, желающие подчиняться собственным законам, а не воле полисов-гегемонов [26].

Источники создают сложную и запутанную картину использования терминов ἐλευθερία и αὐτονομία, которую в целом не может объяснить ни одна из приведенных выше концепций, так как понятия зачастую смешиваются и взаимозамещаются. Например, свобода у Ксенофонта порой эквивалентна автономии [27], у Исократа суверенность города, подкрепленная договором, может называться «элевтерией» (Arch., 51; Plat., 17), нечеткость понятия «элевтерия» у Фукидида уже была отмечена де Сент Круа и Бикерманом [28]. Нередко встречается выражение ἐλευθερία καὶ αὐτο-

[24] *Ste Croix G. E. M. de.* The Character of the Athenian Empire.— Historia, 1954, III, p. 16—21.
[25] *Bikerman E.* Autonomia..., p. 35—36.
[26] *Payrau S.* Eirenica..., p. 35—36.
[27] См. данные, приведенные в работе: *Martin V.* Le traitement de l'histoire diplomatique dans le tradition littéraire du IV siècle avant J.-C.— MH, I, 1944, p. 26.
[28] *Ste Croix G. E. M. de.* Op. cit., p. 20; *Bikerman E.* Autonomia..., p. 343 sq.

НИКИ, ВЕДУЩИЕ ЖЕРТВЕННОГО БЫКА. Рельеф баллюстрады храма Ники Аптерос. Конец V в. до н. э.

νομία, в котором «свобода» и «автономия» фигурируют как два самостоятельных понятия [29].

Постараемся выявить некоторые закономерности в использовании терминов. Начнем с «автономии» — с понятия, выраженного более отчетливо и легче поддающегося классификации. Автономия, как отмечает В. Эренберг, очевидно, детище V в. до н. э. и имеет только одно значение — иметь и пользоваться собственными законами [30].

Αὐτονομία отсутствует в публичных правовых актах V в., а у Геродота встречается в контексте, не имеющем отношения к полисам [31], поэтому самым ранним источником здесь, очевидно, следует считать Фукидида.

В его «Истории» сообщается о делении афинских союзников на три разряда: одни из них автономны, другие должны платить подати, третьи свободны (VI, 85, 2). Подчиненные союзники названы ὑπήκοοι [32], этот тер-

[29] *Tod*, II², N 118, 123—124; *Thuc.*, III, 10, 6; *Xen.* Hell., III, 1, 20; *Isocr.* Paneg., 115, 117; Arch., 64; *Dem.*, VII, 30.
[30] *Ehrenberg V.* Aspects of the Ancient World. N. Y., 1946, p. 88.
[31] *Bikerman E.* Autonomia..., p. 332, 342.
[32] *Thuc.*, I, 53, 3; 117, 3; II, 23, 3; 41, 3; 63, 3; III, 102, 2; 108, 3; VI, 22, 1; 43, 1; 84, 2; VII, 20,2; 63, 3; VIII, 2, 2; 64, 1, 5.

мин заменяется другим лишь в речи Клеона, когда тот говорит, что митиленяне не были порабощены (ἀνδραποδίσαι), подобно остальным союзникам (III, 36, 2). Но данный пассаж не стоит принимать во внимание, ибо из контекста видно, что употребление другого термина вызвано желанием подчеркнуть выгодность статуса Митилены по отношению к другим союзникам, показав тем самым отсутствие серьезных причин для восстания полиса и оттенив его неправомерность.

Фукидид отмечает, что именно ὑπήκοοι платили форос (VI, 85, 2; VII, 28,4; 57,4), у них, как правило, Афины держали гарнизоны и активно вмешивались во внутренние дела. К автономным союзникам относились полисы, не платившие фороса, но поставлявшие корабли (VI, 85,2; VII, 57,4), причем одним из условий дарования автономии Фукидид считает надежность союзников (VIII, 21,1). Очевидно, эти государства были суверенны во внутренних делах и подчинялись Афинам только во внешнеполитических акциях. К числу союзников полностью свободных автор «Истории» относит города, в силу своего местоположения (VI, 85, 2) или других обстоятельств, выступавшие равноправными партнерами; скорее всего, они были полностью суверенны и не входили в состав Архэ.

Приведенные факты противоречат концепции де Сент Круа, отрицающей правовое и фактическое неравенство афинских союзников. У нас не хватает данных для подробной и полной характеристики, но можно с уверенностью говорить о различном положении членов Архэ и де-юре и де-факто [33]. Свидетельства Фукидида подтверждают тезис Бикермана о том, что термин «автономия» имеет оттенок зависимости в тех случаях, когда речь идет об афинских союзниках. Их автономия зависит от воли и желания полиса-гегемона и означает неполную суверенность, так как «автономия» стоит посередине между подчинением и полной независимостью. «Автономия» здесь отражает соотношение сил между двумя государствами, заключившими союз. Одно из них преобладает, но не настолько, чтобы добиться полного подчинения партнера, а военно-экономического потенциала второго недостаточно для сохранения им в союзе полного суверенитета и равноправия.

О спартанских союзниках сведения еще более скудны. Подобно афинским, они не были однородны, что отражалось на взаимоотношениях с главой союза. Члены Пелопоннесского союза делились на группы, поставлявшие флот, конницу и пехоту. На основании данных Фукидида, В. М. Строгецкий приходит к справедливому, на наш взгляд, выводу, что союзники, поставлявшие корабли, наиболее развитые и крупные по-

[33] Градация афинских союзников, степень их подчиненности Афинам прослеживается не только при анализе политической терминологии. Этот вопрос затрагивается во многих работах, связанных с организацией Архэ, историей ее развития. Большую роль здесь сыграли эпиграфические данные. См., например: *Meritt B. D., Wade-Gery H. T., McGregor M. F.* Athenian. Tribute Lists. Cambridge, 1939—1950; *Hopper R. J.* Interstate Juridical Agreements in the Athenian Empire.— JHS, 1943, LXIII.

лисы, должны были находиться в более привилегированном положении [34]. О правовом статусе членов Пелопоннесского союза ничего не сообщается. В. М. Строгецкий считает, что в спартанском объединении «понятие автономии имело вполне реальный смысл» [35]. Нам, однако, кажется, что трудно судить о фактическом положении дел, так как у Фукидида нет ни одного упоминания о свободе или подчиненности спартанских союзников [36].

Априори, исходя из отсутствия данных о юридической градации, можно предположить, что правовой статус полисов, входивших в Пелопоннесский союз, был одинаков. Тогда это означает, что между афинской и спартанской коалициями существовало различие не только в военной, экономической и политической областях, но и в юридической сфере. Более высокий уровень Афин мог проявиться и в ускоренном по сравнению со Спартой развитии правовых норм, и в более адекватном отражении ими действительности. Фактическое неравенство членов Архэ соответствовало их юридическому неравенству, в то время как правовыми аналогиями для иерархии союзников в Пелопоннесском союзе мы не располагаем.

Мы рассмотрели у Фукидида значение термина «автономия», ограниченное рамками союзничества и имеющее оттенок зависимости. Однако в «Истории» легко прослеживается и другая линия, относящаяся к области абстрактного, а не конкретного права [37]. Автономия существовала как opinio juris и теоретически считалась неотъемлемой принадлежностью каждого полиса. Фукидид упоминает, что сначала все члены союза были автономны и совещались на общих собраниях (I, 97, 1). Здесь автономия выступает эквивалентом независимости и не имеет ничего общего со статусом αὐτονόμοι ξύμμαχοι в Архэ. Аналогичное содержание вкладывается в «автономию» на совещании об участи Митилены: разбирается случай, когда свободное государство, принужденное к подчинению силой, стремится обрести независимость (III, 46, 5).

На требование спартанцев предоставить автономию эллинам Перикл отвечает согласием при условии: автономными будут те государства, которые были автономными до союза с Афинами, спартанцы, в свою очередь, сделают союзников автономными (I, 139, 3; III, 140, 3; 144, 2). В данном

[34] *Строгецкий В. М.* Возникновение и структура Пелопоннесского союза.— В кн. Из истории античного общества. Горький, 1975, с. 17.

[35] Там же, с. 16.

[36] Термин «автономия» встречается при вербовке новых союзников в период Пелопоннесской войны, когда спартанцы обещают городам, вступившим в коалицию, сохранение суверенности, а также в мирном соглашении Спарты и Аргоса. Но в приведенных примерах «автономия» не отражает устоявшейся структуры Пелопоннесского союза, а фиксирует изменения, которые произошли в результате военных действий (*Thuc.*, IV, 86, 1; 87, 5; 88, 1; V, 77, 5; 79, 1). Правда, А. К. Бергер (Указ. соч., с. 232) справедливо заметил, что в одном из пассажей (I, 144, 2) Фукидид дает понять, что не считает полисы, входящие в Пелопоннесский союз, независимыми. Но это упоминание, на наш взгляд, недостаточно для каких-либо определенных выводов.

[37] Э. Бикерман отмечает этот аспект автономии, но не развивает его и игнорирует в своих выводах.

пассаже автономия трактуется как полный суверенитет государств, который признан полисами-гегемонами. В таком же значении автономия фигурирует в одном из пунктов Никиева мира: города, вносящие форос, будут автономны [38].

Спартанский полководец Брасид объявляет причиной столкновения Спарты с Афинами желание Лакедемона дать всем автономию. Он клянется соблюдать автономию освобожденных от афинского ига государств, но при условии их союза со Спартой. Несоответствие правовой стороны акции освобождения с фактической мало смущает Брасида, который поясняет, что если какой-нибудь полис не понимает всех выгод такого освобождения, то ради свободы эллинов его следует покорить силой (IV, 86—87). Автономия используется в данном случае как компонент политической пропаганды, удачный лозунг завоевательной войны.

Итак, у Фукидида автономия, во-первых, может быть абстрактным понятием, обозначающим суверенитет государства как неотъемлемое свойство каждого полиса, т. е. автономия выступает в основном как морально-политическая дефиниция; если она и имеет правовой оттенок, то он относится к области абстрактного права, которое трудно четко отделить от философской, этической, политической теорий. Во-вторых, она может использоваться для определения статуса государства на межполисной арене, тогда автономия — независимость полиса, получившая признание полисов-гегемонов или одного из них. И, в-третьих, термин «автономия» применяется для обозначения иерархии в межполисном объединении, фиксируя степень подчиненности одного из членов военно-политического союза по отношению к главе объединения. В двух последних вариантах преобладает уже правовой аспект, отражающий соотношение сил между полисами в рамках Эллады или межполисного альянса.

В IV в. об автономии вспоминают чаще, чем в V в. Она фигурирует в исторических сочинениях, речах ораторов, эпиграфическом материале. Расширение круга источников свидетельствует о повышении интереса к проблеме, о дальнейшем развитии понятия и его проникновения в разные сферы идеологии.

«Греческая история» Ксенофонта знакомит нас с трактовкой термина на заключительном этапе Пелопоннесской войны и после нее. Автор не затрагивает отношений Афин с союзниками и вопрос об αὐτονόμοι ξύμμαχοι. Очевидно, здесь имеет значение не только его проспартанская ориентация, но и то, что в центре внимания межполисной жизни стоял вариант автономии как полной суверенности государства, а не оттенков его подчиненности. Фукидид показывал сложившийся порядок общения полисов в Архэ, недовольство им союзников и процесс распада коалиции. Ксенофонт обращает внимание прежде всего на внешнюю политику Спарты и новую систему связей, складывавшуюся в Греции после разгрома афинской державы.

[38] *Thuc.*, V, 18, 3; 27, 2; 31, 3; 33, 3; 77, 5; 79, 1. Т. Райдер (*Ryder T. T. B.* Koine eirene..., p. 22) отмечает, что, по мнению Фукидида, выплата податей несовместима с автономией.

Сведения Ксенофонта об автономии довольно скудны, если сравнивать с Фукидидом, но не потому, что исчезла острота проблемы, просто автор «Греческой истории» меньше интересуется теорией и больше конкретной историей. Тем не менее в его труде содержатся интересные данные о дальнейшей трансформации понятия.

О возрастании роли принципа автономии в межполисной жизни убедительно свидетельствует Анталкидов мир, который строился на условии автономии всех греческих полисов. Автономия была возведена в ранг основного принципа внешней политики, договор подчеркнул универсальность этого принципа: τὰς δὲ ἄλλας Ἑλληνίδας πόλεις καὶ μικρὰς καὶ μεγάλας αὐτονόμους ἀφεῖναι (Hell., V, 1, 31).

Итак, автономия полисов оказалась зафиксированной в многостороннем договоре, подписанном подавляющим большинством греческих государств, причем были предусмотрены также санкции, направленные против нарушителей соглашения. Автономия, обозначающая государственный суверенитет, и автономия — показатель статуса государства на межполисной арене — сблизились настолько, что стали правовой нормой, относящейся к разряду универсальных. В данном случае наряду с полисами-гегемонами, Афинами и Спартой, ослабленными распрями, в роли гаранта выступил персидский царь.

Показательно, что в праве победу одержала трактовка автономии, принятая мелкими и средними полисами и действовавшая в рамках всей Эллады, а не ее афинский вариант. Однако эта трактовка стала общеобязательной только после того, как была поддержана другим крупным полисом, конкурирующим с Афинами,— Спартой. Лакедемон в борьбе со своим старым врагом преследовал субъективные цели, весьма далекие от заботы о суверенности полисов, но объективно его политика сыграла важную позитивную роль в процессе развития межполисного права, в частности, в становлении понятия о юридической независимости государства.

Договор не только закрепил право каждого государства быть автономным, но и повлиял на фактическое положение дел — многие города получили независимость, хотя и не всегда такую полную, как декларировалось. Характерен пример с Беотией. При заключении мира Фивы хотели принести присягу от имени всех беотийцев, но эта попытка правового закрепления их преобладания в Беотии успеха не имела, им пришлось согласиться на предоставление беотийским полисам автономии (Hell., V, 1, 33—34).

Пелопоннесская война, в которой столкнулись не только военно-политические группировки, но и правовые принципы, сыграла роль катализатора в формировании представления о суверенитете полисов. Поражение Афин в войне было и поражением трактовки автономии, которая имела оттенок зависимости. Однако победа принципа в праве не означала его реализации в конкретной жизни. Политическая обстановка в Греции была такова, что признание автономии полисов в договоре стало юридическим подтверждением и закреплением их раздробленности. Разгромив Архэ, Спарта уничтожила силу, способную противостоять Пелопоннесскому союзу, и облегчила себе завоевание Греции и фактическое уничтожение автономии, которая была ее лозунгом в борьбе с Афинами. Договор-

ная суверенность полисов была выгодна Лакедемону, как превентивная мера против образования любой враждебной ему коалиции [39], ибо все союзы строились на известной степени подчиненности главе объединения. Ксенофонт отмечает, что благодаря Анталкидову миру лакедемоняне получили значительное превосходство (Hell., V, 1, 36).

Практика показала, что Спарта немедленно воспользовалась им. Объявив себя блюстителями мирного договора (προστάται ... τῆς εἰρήνης), спартанцы, ссылаясь на необходимость его реализации, стали проводить активную политику подчинения полисов и наказания ранее отпавших союзников (Hell., V—IV). Свои действия Спарта представляла как борьбу за автономию греческих городов. В «Греческой истории» признается, что автономия беотийских городов была давним желанием Лакедемона, исходившего при этом из стремления ослабить таким путем враждебные ему Фивы. Аналогичные причины побудили спартанцев настоять на том, чтобы Аргос освободил Коринф (Hell., V, 36). Дальнейшая политика Спарты ясно показывает противоречие между юридической нормой и практическими результатами ее реализации. В понятии «автономия» стали совмещаться не только политический и правовой аспекты, но и пропагандистский. Автономия выступила в качестве компонента политической пропаганды, средства для оправдания действий ведущего полиса.

Данный аспект автономии, намеченный еще у Фукидида, удачно использовался Спартой в Коринфской войне. Например, когда элейцы вызвали недовольство лакедемонян заключением союза со спартанскими врагами, принцип автономии был использован в качестве предлога для наказания Элиды. Послы Спарты заявили, что они считают справедливым, чтобы элийцы сделали зависимые от них города автономными, и, когда те отказались, спартанский полководец Агис вторгся в Элиду и разграбил ее (Hell., III, 2, 21—31) [40].

Действия Спарты находились в таком противоречии с провозглашенными ею принципами, что даже Ксенофонт, старательно избегавший упоминаний о враждебном отношении к Лакедемону, вынужден был отметить все возрастающее раздражение полисов. Спарту упрекали в том, что она препятствует автономии полисов и заключает с греческими государствами неравноправные договоры, уничтожающие самостоятельность городов. Основные претензии касались декархий и насаждения олигархии. Противники апеллировали к автономии для усиления тяжести своих обвинений: поскольку зафиксированная в соглашении автономия рассматривалась как обязательный закон, то Лакедемону инкриминировали стремление к беззаконию — нарушению внутриполисных установлений и попранию межгосударственных (Hell., VI, 3, 7—9).

Афины еще в период Коринфской войны сделали вывод из полученного ими жестокого урока и повернули лозунг автономии против Спарты. По свидетельству Ксенофонта, Конон, освобождая города от спартанских

[39] См.: *Ryder T. T. B.* Koine eirene..., p. 14.

[40] На пропаганду автономии как цели войны указывает С. Перлман (*Perlman S.* The Causes and Outbreak of the Corinthian War.— CQ, 1964, XIV, p. 74).

гармостов, уверял жителей, что предоставит им автономию (Hell., IV, 8, 1). Такая практика получила широкое распространение в период, непосредственно предшествующий образованию II Афинского морского союза и в первые годы его существования. Афины оправились от поражения и воспользовались недовольством полисов спартанской политикой для подготовки новой коалиции, направленной против Пелопоннесского союза, активно используя популярность среди греческих государств идеи автономии.

Исократ в «Панегирике» (115, 117) ссылается на противоречие между принципом автономии и политической жизнью Греции во время господства Спарты. Выражая взгляды большинства полисов, он упрекает Лакедемон в том, что практически отсутствует автономия, записанная в договоре, и что настоящее положение далеко от αὐτονομία καὶ ἐλευθερία. Афины активно использовали недовольство полисов спартанской политикой для пропаганды новой коалиции, построенной на основе справедливости и уважения суверенности государств. Автономия, как справедливо замечает Г. Д. Цинзерлинг, в период подготовки II Морского союза стала «средством преодоления раздробленности и орудием объединения» [41].

«Автономия» фигурирует в подготовке новой коалиции и в своем прямом значении, т. е. как правовой статус государства. Договоры, заключенные Афинами с некоторыми полисами, и декрет II Афинского морского союза упоминают автономию в числе условий соглашения (Tod, II², № 118.121; № 121.6; № 123.20; № 124.22). Самый ранний из этих пактов — соглашение с Хиосом — начинается с заверений верности договору, утвержденному царем и полисами (Tod, II², № 118.1—12). Данная преамбула чрезвычайно важна, так как определяет значение автономии межполисного объединения в новом аспекте. Автономия здесь в отличие от системы, принятой в Архэ,— не степень подчиненности партнера, а гарантия его равноправия и независимости по отношению к более сильному полису.

Таким образом, хотя в правовой фразеологии не произошло изменений, содержание термина стало другим, Афинам пришлось юридически закрепить интерпретацию автономии, предложенную полисами, бывшими у них в подчинении. Умудренные горьким опытом сначала афинской, а затем спартанской политики, союзники дважды ввели в декрет II Афинского морского союза оговорку об автономии, ссылаясь на нее как на право любого греческого государства и как на права каждого из полисов, участвующих в договоре (Tod, II², № 123.10, 20). Под автономией союзников подразумевались свобода в выборе государственного устройства и ручательство в его неприкосновенности, а также отказ Афин от взимания податей (Tod, II², № 123.20—23) [42]. Автономия афинских партнеров

[41] *Цинзерлинг Г. Д.* Указ. соч., с. 119.

[42] Мы согласны с мнением Цинзерлинг Г. Д.: стремление к подтверждению автономии было для членов II Афинского морского союза реакцией на утрату ее по мере развития Союза (*Цинзерлинг Г. Д.* Указ. соч., с. 119).

НИКА. Статуя работы Пеония. Ок. 420 г.

отразилась и на структуре коалиции, составе и роли ее руководящего органа [43].

Юридическая гарантия автономии полисам, входящим в коалицию, не помешала Афинам спустя некоторое время начать возрождение традиций Архэ — политики подавления союзников и подчинения их своей воле. Афины, как и Спарта, использовали правовой принцип автономии в политической пропаганде лишь тогда, когда хотели ослабить друг друга [44]. Достигнув цели, они спокойно отбрасывали его. Даже зафиксированная в договорах и уставах коалиций, автономия не имела практической силы, если не поддерживалась политикой одного из крупных государств.

Восставшие союзники начали войну, которая поставила Афины в тяжелое положение. Чтобы выйти из него, город опять обратился к лозунгу автономии. Исократ в речи «О мире» (16), ратуя за скорейшее окончание военных действий, был вынужден признать, что противники Афин имели основания упрекать их в деспотизме и политике вмешательства во внутренние дела. Он призывал полис заключить мир на условии признания автономии эллинов, вывода гарнизонов из чужих городов и сохранения каждым своей территории. При этом оратор ссылался на общепринятое мнение: по справедливости эллины должны быть автономными (67).

Речи Исократа показывают, что к середине IV в. упреки в несоблюдении автономии или использовании ее в корыстных целях стали обычным аргументом в политической публицистике. В «Панегирике» оратор исходит из интересов Афин и адресует свои обвинения Спарте. В речи «О мире» он уже признает, что Афины сами нарушают этот принцип в ущерб союзникам. В «Платейской» речи, написанной от имени жителей Платей, звучит та же аргументация, но направленная против Фив. Платейцы жалуются на то, что прежде фиванцы высказывались за свободу и автономию, а теперь говорят только о выгоде и силе (Plat., 24). Афинам поставлено в вину попустительство Фивам — прикрываясь автономией, они разрешают фиванцам разорять города (Plat., 43). В речи, написанной от имени спартанского царя Архидама, говорится, что отпавшие от Лакедемона государства в Пелопоннесе не улучшили этим своего положения. В числе бед, постигших неверных союзников, упоминается утрата ими автономии (Arch., 64).

Если сравнивать значение «автономии» в V и IV вв., можно заметить различие, которое объясняется разными стадиями развития понятия. У Фукидида отмечены три значения слова «автономия». Одно из них относится к правовым представлениям (автономия — неотъемлемое свойство каждого полиса), а два других — к правовым нормам. Первая норма закрепляет правовое представление, поэтому имеет широкую сферу применения — полисы-гегемоны могут признать автономию любого государства в пределах Эллады. Вторая норма носит локальный характер, она отражает не общее представление, а юридическую структуру Афинской архэ и распространяется лишь на полисы, входящие в данное объединение.

[43] См.: *Гребенский И. Н.* Элементы парламентаризма в конституции Второго морского союза.

[44] См.: *Ryder T. T. B.* Koine eirene..., p. 17.

Источники IV в. показывают, что норма, адекватная правовому представлению, стала универсальной после закрепления ее в договоре, подписанном всеми полисами. Локальная норма, действующая в рамках Архэ и расходящаяся с господствующим правовым принципом, исчезает; мы видим, что юридическое оформление нового Афинского союза полностью подчинено универсальной норме. Унификация трактовок автономии и ее утверждение в виде правовой нормы, обязательной для любого типа межполисных объединений, показывает, что развитие автономии в качестве правового понятия закончилось. Дальнейшая эволюция шла по линии ее использования как компонента политической пропаганды.

С. Пейро совершенно прав, когда указывает на то, что в автономии были заинтересованы прежде всего мелкие и средние полисы [45]. Апелляция к автономии позволяла им ссылаться на законность стремления к суверенитету. Они активно способствовали правовому развитию автономии, надеясь противопоставить этот принцип агрессивным стремлениям крупных городов. Таким образом, мы видим, что борьба между полисами-гегемонами и более мелкими государствами происходила не только в области конкретной политики, но и в сфере идеологии.

Ведущие полисы сумели использовать направленное против них оружие в собственных интересах, сделав автономию лозунгом в борьбе с соперниками и стимулом для привлечения союзников. В первой половине IV в. «автономия», отразившая в праве основной политический принцип полисной организации, стала применяться греческими государствами для оправдания любого рода стремлений и акций: в борьбе за независимость и в действиях, направленных на подчинение, в двусторонних и многосторонних конфликтах, в создании объединений и в их распадении. Автономия занимает важное место в политической пропаганде полисов разной величины и не зависит от того, какого они типа — олигархического или демократического, поэтому, на наш взгляд, нельзя согласиться с тезисом А. К. Бергера, что αὐτονομία καὶ ἐλευθερία обнаруживают связь с олигархической теорией [46].

После завоевания Греции Македония, подобно полисам-гегемонам, обратилась к лозунгу автономии с целью оправдания своей политики и придания ей вида законности. Условия автономии в Коринфской лиге поразному трактуются исследователями. Сошлемся в качестве примера на две последние работы советских историков, посвященных проблеме объединения Эллады под властью македонского царя.

Э. Д. Фролов подчеркивает зависимость полисов от Македонии и считает, что свобода и автономия греческих городов, провозглашенные на Коринфском конгрессе, отличались от свободы и автономии в период независимости Греции, ибо принадлежали к новой политической системе [47]. М. А. Кондратюк акцентирует роль лиги в процессе развития общегрече-

[45] *Payrau S.* Op. cit., p. 36. Ср.: *Ryder T. T. B.* Koine eirene..., p. 12.
[46] *Бергер А. К.* Указ. соч., с. 225, 273.
[47] *Фролов Э. Д.* Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э. и объединение Эллады.— ВДИ, 1974, № 1, с. 54.

ских связей и объединений типа κοινόν и полагает, что автономия сохраняла свое прежнее значение.

Автономия в рамках Коринфской лиги, как показала М. А. Кондратюк, была успешно использована рядом второстепенных полисов для укрепления их внешнеполитического статуса; формальное равенство, направленное против ведущих городов, препятствовало образованию в Элладе союзов типа Афинского или Беотийского [48]. Иными словами, повторился прецедент Анталкидова мира: юридическое закрепление раздробленности полисов проводилось в интересах одного государства.

Однако полного тождества ситуаций в данном случае нет. Анталкидов мир предусматривал только один тип юридических отношений — полисов между собой. Коринфский конгресс предполагает уже два типа таких отношений: правовые связи между принципиально различными государственными системами — Элладой и Македонией — и между однотипными системами, т. е. связи греческих государств друг с другом. Причем оба типа связей обозначены одним и тем же термином «автономия».

Для Коринфской лиги основное значение имела автономия, определяющая связь побежденных полисов с их завоевателем, а не автономия, регулирующая отношения государств, которые де-юре находились в одинаковом положении перед Македонией, даже если де-факто одни из них расширяли свои права по отношению к другим. Поэтому мы полностью разделяем мнение Э. Д. Фролова, что автономия греческих государств в Коринфской лиге изменила свое значение по сравнению с предшествующим периодом, но данный тезис нуждается в конкретизации.

На наш взгляд, примечательно, что Филипп применил для оформления власти над греками их же правовые дефиниции. С одной стороны, это было вызвано желанием придать законность его господству над Элладой, с другой — Македония была вынуждена воспользоваться правовой системой побежденных полисов, т. е. ее собственное право находилось на более низкой ступени развития, и она не могла предложить системы, адекватной сложившейся ситуации.

Македония апеллировала к автономии в качестве сложившейся правовой нормы, но Филипп, сохраняя ее роль и авторитет в межгосударственном общении, изменил содержание нормы. В данном случае не могла использоваться трактовка автономии как полной суверенности полисов, точнее, она существовала, но применялась только для урегулирования отношений покоренных полисов между собой, сменив универсальный характер на локальный. Одновременно локальный аспект понятия, придающий автономии черты подчиненности и зависимости, превратился в универсальную категорию, поэтому автономия полисов в греко-македонском объединении юридически аналогична статусу αὐτόνομοι ξύμμαχοι в Афинской архэ. Очевидно, в первые годы Коринфской лиги Македония использовала в своих интересах несоответствие между устоявшимся отношением к автономии как гарантии независимости и ее новой трактовкой.

[48] *Кондратюк М. А.* Коринфская лига и ее роль в политической жизни Греции 30—20-х гг. IV в. до н. э.— ВДИ, 1977, № 2, с. 31, 42.

Коринфская лига не выдвинула принципиально новых правовых дефиниций, а использовала уже сложившиеся понятия, но частичная рецепция греческого права Македонией привела к существенным изменениям в содержании правовой нормы и, таким образом, к созданию новых категорий. Некоторые из них, в частности «автономия», стали определяющими не только для Коринфской лиги, но и для ряда последующих межгосударственных объединений периода эллинизма.

Как отмечалось выше, автономия относится к более общей проблеме элевтерии и неразрывно связана с ней. В период греко-персидских войн свобода ассоциировалась прежде всего с борьбой против иноземного ига и освободительным движением. Она была сложным комплексом представлений, включавшим в себя свободу граждан каждого отдельного полиса, самого полиса, всех греков и Эллады в целом по отношению к негреческим государствам. Утрата свободы была равноценна полному уничтожению полиса.

Элевтерия продолжала оставаться идеалом полиса и после того, как Греции удалось отстоять независимость. Из речи Перикла видно, что он считает свободу основой существования государства: если Афины спасут свободу, то легко смогут все восстановить (Thuc., II, 62, 3). У Фукидида вопрос о свободе встает в самых драматических ситуациях. Коринфяне убеждают спартанцев начать войну с Афинами во имя свободы эллинов (I, 124, 1). Жители Мелоса завершают напряженный диалог с афинянами отказом подчиниться их власти и объясняют, что будут пытаться спасти свою свободу, хотя и понимают, что эта попытка может стоить им жизни и разрушения города (V, 112, 2).

О свободе часто упоминают при описании событий, связанных с Сицилийской экспедицией. Сиракузяне рассматривают попытку Афин покорить Сицилию как покушение на свободу полисов острова (VI, 40, 2; VII, 68, 3; 82, 1). Они включают свободу в число высших полисных ценностей и идут сражаться за родину, за спасение в настоящем, свободу в будущем (VI, 69, 3).

Из приведенных примеров видно, что свобода связана с самим существованием государства, недаром, как уже было отмечено исследователями [49], свобода противопоставляется рабству, статусу варваров, ниже которого эллин уже не мог опуститься. В межполисных отношениях антитеза ἐλευθερία — δουλεία используется для того, чтобы подчеркнуть остроту конфликта и создать ситуацию, из которой, в сущности, есть только один выход. Так, потеря власти над городами оборачивается у Перикла страшной опасностью для Афин, ибо специфика господства на море такова, что полис, обладающий морским могуществом, уже не может отказаться от него [50]. Всеобщая ненависть, сдерживаемая

[49] *Martin V.* La vie internationale dans la Grèce des cités. P., 1940, p. 76—77; *Ste Croix G. E. M. de.* Op. cit., p. 20.

[50] О возникновении данной теории, ее трактовке Фукидидом и дальнейшем развитии см.: *Warhli F.* Zur politischen Theorie Griechen; Gewaltherrschaft und Hegemonie.— MH, 1965, 25.

страхом перед силой Афин, после их отказа от власти или после каких-либо уступок неизбежно должна привести к уничтожению города — утрате свободы и переходу в рабство (II, 63). Поэтому, по мнению Перикла, позиция Афин в конфликте, начинающем Пелопоннесскую войну, заранее задана, равно как и стратегия в ходе войны.

Примерно ту же мысль, но в другом аспекте развивают коринфяне: поражение в войне с Афинами грозит им полным порабощением (I, 122, 2). Те же коринфяне, доказывая спартанцам необходимость начать войну, приравнивают позицию нейтралитета к действиям, направленным против свободы не только полисов, порабощенных афинянами, но и спартанских союзников, возлагая, таким образом, на Лакедемон ответственность за судьбу всей Эллады (I, 69, 1). Дилемма ἐλευθερία — δουλεία звучит в обращении к войску перед битвой спартанского полководца Брасида: сегодня вы обретете свободу и станете союзниками лакедемонян или сделаетесь рабами афинян (V, 9, 9). Когда Никий раскрывает перед народным собранием трудности задуманного похода в Сицилию, он предупреждает соотечественников о силе потенциального противника и высказывает сомнение в том, чтобы сицилийские города согласились променять свою свободу на афинское господство, причем из контекста видно, что ἀρχή приравнивается им к рабству, а это должно увеличивать сопротивление полисов и ожесточать его (VI, 20, 2).

Л. Пранди убедительно показала, что Спарта эффективно использовала лозунг «свободы» в своей пропаганде, рассматривая Пелопоннесскую войну как освободительную против Архэ, обостряя тем самым конфликт и переводя его на новый, панэллинский уровень. Данные, приводимые автором статьи, свидетельствуют, что этот шаг способствовал популярности политики Лакедемона и нашел отклик в общественном мнении Греции [51].

Как призыв к свободе использовался Спартой на практике, показывает речь Брасида, обращенная к жителям Аканфа (Thuc., IV, 85—87). Спартанский полководец объясняет, что пришел с миссией освобождения и помощи тем, кто порабощен афинянами, и сулит многочисленные блага полисам, переходящим в статус освобожденных. Однако, и это свидетельствует об оказании рядом городов сопротивления, Брасид допускает, что аканфяне захотят сохранить прежнее положение. Он не жалеет красноречия для доказательства ошибочности такой позиции, означающей сопротивление не только собственной свободе, но и свободе других эллинов, которые могут последовать дурному примеру Аканфа. Если доводы разума окажутся бессильными, во имя высшего блага и блага самих аканфян Брасид грозится опустошить их землю и убедить их силой (Thuc., IV, 87, 2).

Лакедемон остался верен лозунгу «свободы» до конца войны, и Ксенофонт торжественно провозгласил день срытия Длинных стен побежденных Афин днем начала свободы Эллады (Hell., II, 2, 73). Однако вскоре

[51] *Prandi L.* La liberazione della Grecia nella propaganda spartana durante la guerra del Peloponneso.— In: I canali della propaganda nel mondo antico. Milano, 1976, p. 72—82.

СТЕЛА ГЕГЕСО. Надгробие из некрополя Керамик в Афинах. Конец V в. до н. э.

греческие города обвинили Спарту в том, что вместо свободы она наложила на них двойное рабство: гармостов и декархов (Hell., III, 5, 13). Афинская пропаганда воспользовалась благоприятной для нее ситуацией. Исократ отметил, что Спарта вступила в войну под лозунгом освобождения эллинов, но ее победа создала положение, очень далекое от свободы (Paneg., 117—121).

Оратор прибегает к антитезе ἐλευθερία — δουλεία, возвращаясь к ее первоначальной интерпретации, т. е. сопоставляя Элладу и негреческие государства. Он пишет, что спартанская политика привела к вмешательству персидского царя в дела эллинов и выдаче ионийцев персам, в то время как предки афинян не заискивали перед варварами в целях порабощения Эллады (Paneg., 85, 119—121). В «Панегирике» титул освободителей Греции отбирается у спартанцев и передается афинянам как жителям полиса, более достойного этого высокого звания, прославленного подвигами в мифические времена и в период греко-персидских войн, когда Афины сражались за свою свободу и свободу других эллинов (Paneg., 52). Эти же мотивы были повторены оратором позже в «Панафинейской речи», но с более резким акцентом. Афиняне именуются здесь спасителями Эллады, издавна ненавидящими варваров [52], одновременно спартанцы обвиняются в предательстве общего дела греков: под лозунгом освобождения эллинов они передали персидскому царю греческие города в Азии, а сами поработили эллинов Греции, закрепив это путем договора с царем (Panath., 52, 102—106).

Исократ интерпретирует политику негреческих государств как угрозу порабощения и уничтожения свободы Эллады, ссылаясь на действия Персии в прошлом. Даже стремясь доказать необходимость покорения Азии греками и преувеличивая для этого персидскую опасность, он не может рассматривать политику царя как угрозу свободе эллинов. Демосфен использует внешнюю ориентацию антитезы в настоящем, повернув ее против другого негреческого государства — Македонии.

Для усиления воздействия на слушателей он делает упор не столько на опасности лишения свободы, сколько на угрозе рабства и подчеркивает, что политика Филиппа направлена на порабощение всей Эллады. Он напоминает, что македонский царь поработил фессалийцев, воюет с олинфянами, борющимися за спасение отечества от уничтожения и рабства и хочет подчинить остальные полисы (Dem., I, 5; II, 8; VIII, 49, 60—62; X, 25, 61—64). Филипп, как и всякий царь и тиран, объявляется врагом свободы, которую он хочет уничтожить (VI, 25; VIII, 60). Афины противопоставлены ему в качестве защитников свободы Эллады, доказавших свое стремление к независимости во время греко-персидских войн и снова вставших на пути иноземных завоевателей (VIII, 59—60; IX, 36; X, 14, 25, 61—62).

Все приведенные примеры показывают, что свобода была адекватна независимости греческого полиса и ее потеря расценивалась как уничтожение государства. Свобода в межполисных отношениях почти всегда

[52] Ср.: *Lys.*, II, 33—34; XXXIII, 6.

связана с военными действиями и фигурирует в ситуациях, имеющих отношение к нападению или защите, причем в источниках встречаются два типа таких ситуаций. К первому относятся войны, которые ведет Эллада или бóльшая часть полисов с негреческими государствами (греко-персидские войны V в. и борьба с Македонией в IV в.). Здесь «свобода» не дифференцирована и, как правило, обозначает свободу не конкретных государств, а полиса как такового или Эллады, системы полисов.

Ко второму типу относятся военные действия между греческими городами, «свобода» тут производная от «свободы» первого типа и построена на смещении ориентации с «варварских» государств на полисы, когда власть одного из них (сначала Афин, а потом Спарты) рассматривается как деспотизм и лишение свободы остальных греческих государств. При этом иногда проводится аналогия с греко-персидскими войнами, например у Исократа, а иногда эксплуатируется уже устоявшаяся система ассоциаций, связанных со «свободой», например в случае, когда Спарта объявила Пелопоннесскую войну войной освободительной.

«Свобода» относится к политическим, военным, философским, но не правовым дефинициям межполисного общения, в то время как «автономия» отражает понятие свободы в сфере права. Поэтому встает закономерный вопрос о соотношении свободы и автономии. Бикерман противопоставляет их как существование предмета jure naturali и jure gentium [53]. Данное определение не вызывает возражений, но не раскрывает сущности понятий, фиксируя лишь их принадлежность к разным сферам идеологии. Нам представляется, что затронутая проблема заслуживает более пристального внимания.

Можно заметить, что представление о свободе государства было примерно одинаково на всех этапах исследуемого периода, «свобода» — понятие стабильное. В противоположность ему «автономия» имела несколько значений. Поэтому важно установить, с каким именно значением автономии соотносилась свобода в тот или иной отрезок времени и в какого рода ситуациях.

У Фукидида автономия и свобода упоминаются в инциденте с Митиленой: послы города жалуются на то, что они свободны и автономны лишь по имени. Диодот, выступая против жестоких репрессий, которые предлагает обрушить на Митилену Клеон, относит ее к числу свободных государств, принужденных к подчинению силой, но стремящихся к независимости (III, 10, 5; 46, 51).

В данном случае мы имеем дело с представлением об автономии как независимости государства. Митиленяне обвиняют афинян вовсе не в нарушении их статуса αὐτονόμοι ξύμμαχοι, они утверждают, что этот конкретный случай — проявление общей политики подавления союзников, и опираются на тот же вариант автономии, что и Спарта, требовавшая от Афин автономии подчиненных им городов. Диодот говорит о свободе и автономии, используя Митилену в качестве предлога, когда решает на теоретическом уровне вопрос о политике Афин по отношению к союзным с ними

[53] *Bikerman E.* Autonomia..., p. 336.

городам, недаром он ссылается на некий абстрактный полис (III, 46, 5). И в том и в другом эпизоде речь идет об автономии как правовом представлении о независимости полиса в сфере межполисного общения, «свобода» употребляется здесь для обозначения общей свободы государства — неотъемлемого компонента его структуры, «автономия» — для ее реализации на межполисной арене.

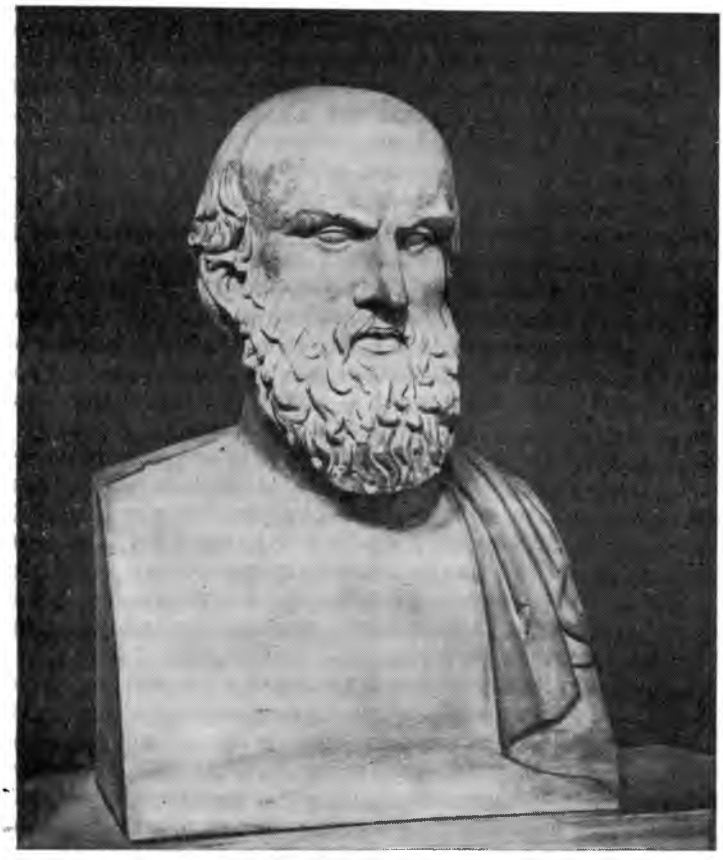
Есть и другой вид соотношения свободы и автономии. А. К. Бергер высказал интересную мысль о том, что правовое подчинение в Архэ не противоречило началу свободы и понятие «свобода» не совпадало с представлением об «автономии» [54]. Нам эта мысль кажется справедливой. Выше было показано, что утрата полисом свободы воспринималась как катастрофа для всего государственного устройства, но когда Фукидид упоминает об автономии афинских союзников в Архэ, имеющей оттенок подчинения, он никогда не ставит под сомнение их существование в качестве самостоятельных полисных систем.

Таким образом, у Фукидида в общей системе межполисных связей свобода воплощается в автономии, а в локальной системе, в одном из союзов, свобода города не означает его внешнеправовой независимости, полис может обладать свободой, которая лишь частично реализована в автономии. В первом случае «свобода» и «автономия» понятия равнозначащие. Совпадают их объемы, так как они обозначают один и тот же объект, но есть разница в содержании, поскольку они фиксируют различные признаки объекта. Политико-философское представление о свободе здесь совпадает с правовым. Во втором случае мы имеем дело с перекрещивающимися понятиями: при различном содержании их объемы совпадают лишь частично. Автономия союзников в Архэ обнаруживает точки соприкосновения со свободой, ибо находится посередине между свободой и подчинением, но в целом значение свободы не совпадает с правовым статусом автономии.

Л. Пранди обращает внимание на сочетание ἐλευθερία καὶ αὐτονομία в политической пропаганде V в. Она приходит к выводу, что лозунг освобождения Греции, выдвинутый Спартой в Пелопоннесской войне, включал в себя и представление об автономии как суверенитете эллинских государств, а свобода всей Греции выступала гарантией автономии [55]. Это тонкое наблюдение показывает, что равнозначность понятий «свобода» и «автономия» с полиса, части системы, переносилась на всю систему — Элладу. Повторяется ситуация с приложением понятия «свобода» к Элладе во время греко-персидских войн, но на более высоком уровне, который проявляется в расчленении первоначальной «свободы» на два взаимосвязанных понятия «свобода» и «автономия».

По источникам IV в. можно проследить дальнейшую трансформацию сочетания ἐλευθερία καὶ αὐτονομία. В Анталкидовом мире закрепляется и становится общеобязательной трактовка автономии, равнозначная свободе. Этот мир подвел итоги «освобождения» Греции Спартой, с ним отпала необходимость апелляции к свободе, поскольку она считалась уже вы-

[54] *Бергер А. К.* Указ. соч., с. 278.
[55] *Prandi L.* Op. cit., p. 93.



ГЕРМА ЭСХИЛА. Начало IV в. до н. э.

полненным условием, подготовившим почву для автономии. Очевидно, именно поэтому свобода не фиксируется в многостороннем договоре и выпадает из поля зрения Ксенофонта, внимание которого сосредоточено на действиях Спарты по установлению автономии в греческих городах.

«Свобода» вновь появляется рядом с «автономией» в период нарастания недовольства политикой Спарты, что создавало благоприятную почву для пропаганды уже собравшихся с силами Афин. Исократ не жалеет черных красок, чтобы живописать состояние полисов, поверивших спартанским обещаниям. Он упрекает Лакедемон в попрании основных принципов греческих государств, нежелании признать их свободу и автономию. Оратор удачно использует метод перенесения связи свободы и автономии на всю Элладу, когда подчеркивает уничтожение Спартой автономии отдельных полисов (одни из городов — в руках тиранов, другие — спартанских гармостов, третьи — опустошены) и одновременно отсутствие свободы всей

Греции — персидский царь руководит делами Эллады, часть полисов находится под властью варваров (Paneg., 117—122).

Афины вспомнили о свободе и автономии, когда им понадобилось наладить отношения со старыми союзниками и завербовать новых. В противовес Анталкидову миру, который обусловливал одну автономию, Афины гарантировали свободу и автономию всем полисам, вступавшим с ними в союз, сначала в серии двухсторонних договоров, а потом — в многостороннем, причем эти понятия употребляются не только как равнозначащие, но и как взаимообусловленные [56].

После декрета II Афинского морского союза «свобода» и «автономия» становятся идиомой в правовых отношениях и политической пропаганде. Например, Исократ от имени спартанского царя Архидама упоминает о каре, постигшей неверных союзников Лакедемона, которые вместо свободы получили ее противоположность, а вместо автономии — беззаконие (Arch., 64).

Поскольку равнозначные понятия могут быть взаимозаменяемыми, иногда вместо «автономии» употреблялась «свобода», чтобы подчеркнуть остроту ситуаций, при которых потеря суверенитета грозила обернуться уничтожением полиса. Исократ в том же «Архидаме» (7, 51) утверждает, что Спарта борется за то, чтобы не выполнять чужих повелений, а это и есть признак независимости (ἐλευθερία), и предупреждает, что государства, желающие быть свободными, должны остерегаться договоров, заключенных по предписанию.

Демосфен полагает, что свобода и автономия — обязательные условия союза полисов с негреческими государствами, делая акцент на том же оттенке свободы, что и Исократ (т. е. свобода от иноземной власти), но обращает его против Македонии, а не Персии (VII, 30, 32). В противоположность Ксенофонту он постоянно упоминает о свободе и редко об автономии, подчеркивая, что свобода — главное условие автономии и ее необходимо сохранить во что бы то ни стало. Очевидно, в проблеме взаимоотношений полисов с негреческими государствами основным условием общения была свобода. При контактах полисов друг с другом употреблялись оба понятия: когда хотели подчеркнуть правовой аспект отношений, предпочитали упоминать об автономии, когда политический и этический,— о свободе.

Вопрос о свободе стоял также в наиболее критических для полиса ситуациях, когда возникала угроза утраты независимости.

После покорения Греции Македонией в рамках греко-македонского объединения изменилось значение «свободы» и «автономии», но принцип связи понятий остался тот же: утрате свободы в прежнем значении соответствовало возвращение к автономии с оттенком подчиненности. Коринфская лига использовала устоявшуюся правовую идиому и более полно, чем Архэ, совместила понятия «свобода» и «автономия», что следует отнести за счет изменившихся исторических условий и более высокого развития политической и правовой мысли IV в. по сравнению с V в.

[56] *Tod*, II², N 118.21; N 121.6; N 123.10, 20; N 124.21—22; ср.: *Andoc.* De Pace, 17.

ГЛАВА 4 МЛАДШАЯ ТИРАНИЯ

КРИЗИС ПОЛИСА И ВОЗРОЖДЕНИЕ ТИРАНИИ

С Пелопоннесской войной мир греческих полисов вступил в полосу длительного и тяжелого кризиса, из которого ему уже не суждено было выйти собственными силами. Конечно, война не была причиной этого кризиса, но она решающим образом ускорила его наступление, развязав действие тех разрушительных сил, энергия которых давно уже накапливалась в недрах древнегреческого общества. В IV в. до н. э. кризис полисной системы стал уже несомненным фактом. Термин στάσις («смута», «восстание») часто встречается в позднеклассический период — от Пелопоннесской войны и до временного объединения Греции под властью македонских царей [1].

Однако содержание исторического процесса не ограничивалось тогда одним лишь разрушением старого полисного строя. Одновременно шли поиски выхода из создавшегося тяжелого положения, опробовались различные варианты дальнейшего развития, и в этих поисках и опытах устанавливались новые истины, которые могли стать исходными моментами в формировании новой общественной системы.

Важное место в ряду этих исторических опытов принадлежит позднеклассической тирании; ее называют поздней, или младшей, тиранией, чтобы отличить от тирании архаического времени, сопутствовавшей рождению греческого полиса [2]. Своеобразный характер и значение этой поздней тирании всецело определяются теми особенными историческими условиями, которые ее породили. Младшая тирания была вызвана к жизни кризисом полиса — это положение признается теперь бесспорным. Однако чтобы осознать по-настоящему эту истину, надо отчетливо представлять себе логику тех социальных процессов, которые обусловили и общий кризис полисной системы, и рождение младшей тирании.

Кризис полиса был прежде всего кризисом гражданского общества. Исходный момент разложения последнего следует искать в сфере социаль-

[1] Этот термин мы находим у древних авторов, которые трактуют события позднеклассического времени,— у современников (Ксенофонт, Исократ, Платон) и позднейших писателей (Диодор, Плутарх). Новейшая историография при рассмотрении греческой истории IV в. до н. э. тоже оперирует понятием «кризис».

[2] Различие впервые было проведено В. Ваксмутом (*Wachsmuth W.* Hellenische Altertumskunde aus dem Gesichtspunkte des Staats. 2. Aufl. Halle, 1846, Bd. 1, S. 537 ff.), а после принятия его Г. Г. Плассом, автором первого капитального труда о греческой тирании (*Plass H. G.* Die Tyrannis in ihren beiden Perioden bei den alten Griechen. Bremen, 1852, I—II), оно стало практически общепринятым. Из ученых нового времени принципиально отрицает различие между старшей и младшей тираниями — по крайней мере применительно к Сицилии — только один Ад. Гольм (*Holm A.* Geschichte Siziliens im Altertum. Leipzig, 1874, Bd. II, S. 428—429).

но-экономической. Прогрессирующее развитие крупнособственнического рабовладельческого хозяйства неуклонно вело к концентрации собственности в руках немногих и к разорению и обнищанию масс свободных граждан. Рост социального неравенства в свою очередь вызывал обострение общественных отношений даже в передовых демократических полисах, где прилагались особенные усилия для поддержания видимого равенства между гражданами. Бьющая в глаза роскошь богачей вызывала зависть и недоброжелательство низов. Растущее раздражение народной массы находило выход в скорых судебных расправах над отдельными богачами, а иногда и в массовых погромах, как было, например, в Аргосе в 370 г. до н. э., когда городская беднота, подстрекаемая демагогами, забила насмерть дубинами до 1200 богатых граждан (Diod., XV, 58).

В этих условиях обнаружилось банкротство полисного государства, чьи возможности были весьма ограничены, а между тем как граждане предъявляли к нему все более повышенные требования, настаивая: бедные — на дальнейшем расширении системы государственного вспомоществования, а богатые — на обеспечении своей собственности и жизни от посягательств со стороны этой бедноты, на наведении в стране твердого порядка. Не будучи в состоянии удовлетворить эти требования, а следовательно, и обеспечить единство и согласие граждан, полисное государство утрачивало исторический смысл. На практике было важно и то, что один и тот же социальный процесс — обнищание народных масс — приводил не только к подрыву традиционной опоры полиса — гражданского ополчения, но и к созданию новой политической силы — наемной армии, которую при случае можно было использовать для ниспровержения существующего строя. И действительно, упадок полисного государства, его неспособность справиться с растущими трудностями и обусловленная этим практика чрезвычайных назначений поощряют инициативу отдельных честолюбцев, которые, опираясь на личных друзей и наемников, начинают все чаще домогаться единоличной власти.

Наметившаяся тенденция к преодолению полиса изнутри дополнялась не менее отчетливой тенденцией к его преодолению и извне. Растущие экономические и политические связи подрывали полисный партикуляризм, и повсюду обнаруживается тяга к объединению, в особенности в рамках отдельных исторических областей (Халкидикский, Фессалийский, Беотийский, Аркадский и другие союзы). Однако развитие это наталкивалось на серьезные препятствия: помимо традиций полисной автономии обнаружилось стремление полисов-гегемонов превращать союзы в собственные державы, а с другой стороны, продолжалось соперничество этих сверхполисов из-за гегемонии в Греции. Все это вело к непрекращающимся междоусобным войнам, которые ослабляли греков и поощряли вмешательство в их дела соседних «варварских» государств — Персии на Востоке и Карфагена на Западе.

Социальный и политический кризис полиса естественно дополнялся кризисом идеологии. Характерной чертой времени была растущая аполитичность, т. е. равнодушие граждан к судьбам своего государства. Рационалистическая критика существующего порядка, начало которой поло-

жили софисты и Сократ, не оставила камня на камне от полисного патриотизма, на смену которому теперь пришли новые настроения и новые идеи. В то время как народная масса все чаще предавалась воспоминаниям или, скорее, мечтам о примитивном уравнительстве, верхушка общества все более пропитывалась индивидуалистическими и космополитическими настроениями. Традиционные политические доктрины, демократические и олигархические в равной степени, оказывались несостоятельными перед лицом новых задач, и, по мере того, как кризис принимал все более затяжную и острую форму, в обществе среди людей различного социального и культурного уровня крепло убеждение, что лишь сильная личность, авторитетный вождь или диктатор, стоящий над гражданским коллективом, сможет найти выход из того тупика, в который зашло полисное государство. В политической литературе, выражавшей запросы полисной элиты, популярными становятся тема и образ сильного правителя (в трактатах Антисфена, Платона и Аристотеля, в речах Исократа, в исторических или мнимоисторических произведениях Ксенофонта).

Поскольку, однако, внутреннее переустройство не мыслилось без переустройства внешнего, наведение порядка внутри отдельных городов — без установления общего мира в Греции и победоносного отражения «варваров», образ сильного правителя приобретал одновременно черты борца за объединение Эллады, руководителя общеэллинской войны против «варваров», черты царя-завоевателя (в особенности у Исократа в речах «Евагор» и «Филипп» и у Ксенофонта в романе «Киропедия»). Так мечты о социальном и политическом переустройстве общества оказались связаны с монархической идеей, а последняя в свою очередь — с идеей панэллинской.

Естественным следствием социального, политического и идеологического кризиса греческого общества в позднеклассический период явилось возрождение тирании. Разложение полисной системы создавало благоприятные условия для действий отдельных честолюбцев, для их выступления против традиционных республиканских порядков и создания режимов личной власти.

Недостатка в таких попытках не было. Характерное для того времени развитие крайнего индивидуализма порождало у сильных и заносчивых людей стремление выйти из-под контроля общества, сбросить подчас действительно тягостную опеку гражданского коллектива и подчинить этот коллектив своей воле. Не человек — обществу, а общество — сильному человеку — такова была здесь исходная аксиома, теоретическое основание которой положили софисты своим учением об относительности закона (νόμος) в сравнении с природою (φύσις) и конечным выводом о безусловном праве сильного от природы человека на первенство и власть над другими.

Это убеждение сильной личности в своем праве на власть не было чем-то сугубо субъективным — оно опиралось на осознание реально существующих возможностей. Ситуация была благоприятна для осуществления самых дерзких замыслов не только потому, что старый порядок был поколеблен непрерывной смутой; важным условием успеха было также наличие необходимых сил, на которые инициатор переворота мог опереться.

Обычно подобный авантюрист действовал в согласии с группой влиятельных друзей, возлагавших на него личные надежды. Затем такой честолюбец старался демагогическими заверениями привлечь на свою сторону массу простого народа, что при легкой возбудимости демоса сделать было не так уж трудно. Наконец, в его распоряжении всегда могло быть достаточное число вооруженных наемников.

Распространение наемничества вообще было одним из важнейших факторов, подготовивших рождение младшей тирании. Именно наемники, которым в отличие от воинов гражданского ополчения менее было свойственно чувство долга перед государством и больше — сознание связи с непосредственным командиром, оказывались чаще всего тем средством, с помощью которого честолюбивый и не слишком лояльно настроенный полководец мог свергнуть свое правительство. При этом очевидно, что так могли поступать не только местные политические деятели, занимавшие высокий военный пост по воле сограждан, но и обычные начальники наемных отрядов, чужаки-профессионалы, пришедшие на службу — часто вместе со своими отрядами — со стороны, так что наемничество и тирания могли быть в этот период взамосвязанными явлениями [3].

Обычно рождение тирании свершалось в обстановке острой внутренней борьбы, стимулированной или осложненной внешними угрозами. В такой момент полисное государство, чувствуя свое бессилие справиться с одновременно обрушившимися на него внутренними и внешними трудностями, нередко прибегало к помощи какого-либо авторитетного политика или полководца и предоставлением ему чрезвычайных полномочий (например, назначение единоличным стратегом-автократором) создавало необходимую легальную предпосылку, подавало повод к установлению режима личной власти [4].

Острые кризисные ситуации в это бурное время возникали во многих греческих городах, и нередко они разрешались именно установлением тирании. Дионисии — отец и сын — в Сиракузах, Ликофрон, Ясон и Александр в Фессалии, Филомел, Ономарх, Фаилл и Фалек в Фокиде, Евфрон в Сикионе, Спартокиды на Боспоре, Клеарх и его преемники в Гераклее Понтийской, Евагор и Никокл на Кипре — вот имена лишь наиболее известных представителей тирании в позднеклассический период. Однако и этого перечня достаточно, чтобы убедиться в том, насколько распространенным явлением оказалась поздняя тирания.

Новейшая научная литература не богата сочинениями о младшей тирании. В зарубежной литературе перечень работ, рассматривающих эту тему в полном объеме, ограничивается буквально тремя-четырьмя названиями. Это второй том упоминавшейся уже обстоятельной, когда-то единственной в своем роде, но теперь сильно устаревшей книги Пласса и соответствующие разделы в энциклопедической статье Т. Леншау [5] и в но-

[3] Ср.: *Berve H.* Die Tyrannis bei den Griechen. München, 1967,Bd. I, S. 214 f., 219, 298, 313, 377; *Mossé C.* La tyrannie dans la Grèce antique. P., 1969, p. 96 sqq.

[4] См.: *Scheele M.* Strategos autokrator. Staatsrechtliche Studien zur griechischen Geschichte des 5. und 4. Jahrhunderts. Leipzig, 1932.

[5] *Lenschau Th.* Tyrannis.— RE, 2 R., 14. Hbbd., Sp. 1834 ff.

РЕЛЬЕФ ФРИЗА МАВЗОЛЕЯ В ГАЛИКАРНАСЕ. Середина IV в. до н. э.

вейших трудах о тирании Г. Берве [6] и К. Моссе [7]. Из двух последних, однако, труд Берве, с характерным для всех работ этого исследователя почти исключительным вниманием к сильной личности, не может удовлетворить своей общей концепцией, а книга Моссе, носящая скорее популярный характер, и вовсе лишена сколько-нибудь оригинальной идеи.

В отечественной литературе до недавнего времени дело обстояло еще хуже: кроме устаревшего труда о ферской тирании С. Абамелек-Лазарева [8], можно было назвать лишь работы, посвященные боспорским Спартокидам (среди них выделяется именно своим вниманием к теме тирании книга Т. В. Блаватской) [9]. Однако история Спартокидов — особый сюжет, разработка которого объясняется тем, что он составляет часть более общей темы — история античного Причерноморья, всегда интенсивно изучавшейся отечественными антиковедами.

В особенности показательно отсутствие сколько-нибудь содержательных обзоров младшей тирании в общих трудах по истории древней Греции, в работах, ставящих целью проследить главные линии социально-политического развития и дать принципиальную оценку историческому опыту

[6] *Berve H.* Die Tyrannis..., Bd. I. S. 207 ff.; Bd. II, S. 630.
[7] *Mossé C.* Op. cit., p. 91 sqq.
[8] *Абамелек-Лазарев С.* Ферейские тираны. СПб., 1880.
[9] *Блаватская Т. В.* Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э. М., 1959. Из прочих трудов, так или иначе затрагивающих тему боспорских Спартокидов, наиболее важны: *Латышев В. В.* Краткий очерк истории Боспорского царства.— В кн.: Латышев В. В. ПОНТИКА. СПб., 1909, с. 72 слл.; *Ростовцев М. И.* Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918, с. 87 слл.; *Жебелев С. А.* Боспорские этюды. 1. Образование Боспорского царства.— В кн.: Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953, с. 166 слл.; *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М., Л., 1949, с. 54 слл.; *Он же.* История античных городов Северного Причерноморья.— В кн.: Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1959, т. 1, с. 102 слл.; *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. Berlin; Amsterdam, 1971; S. 65 ff.

древних греков [10]. Наша цель — возместить этот недостаток, и в своем обзоре мы, по возможности подробно изложив важнейшие исторические факты, попытаемся проанализировать их и сделать общие выводы. Только на основании такого обозрения может быть вынесено суждение о младшей тирании как историческом явлении, о ее роли как в кризисе полиса, так и в предуготовлении таких политических форм, которые пришли на смену классическому полисному государству.

ТИРАНИЯ В БАЛКАНСКОЙ ГРЕЦИИ

В Балканской Греции условия для возрождения тирании в общем возникали повсеместно. Даже в крупных и развитых государствах с укоренившимися полисными традициями в пору сильных потрясений не было недостатка по крайней мере в кандидатах в тираны. В Афинах в конце Пелопоннесской войны Алкивиад был близок к захвату единоличной власти (в 407 г., после своего назначения стратегом-автократором), и если он не отважился на решающий шаг, то объяснялось это, по-видимому, его убеждением в невозможности удержать тираническую власть надолго. То, что не решился сделать Алкивиад, сделали, однако, другие, и дважды в этот период к власти в Афинах приходили антидемократические правительства — Совет четырехсот в 411 и Комиссия тридцати в 404/3 г., которые если и не представляли тиранию в собственном смысле слова, то все же во многом были сходны с нею (в особенности это относится к режиму тридцати) [11].

В Спарте опасным было возвышение победоносного полководца Лисандра, и блюстителям традиционного порядка — царям и эфорам — пришлось вскоре после окончания Пелопоннесской войны принять решительные меры, чтобы пресечь дальнейший рост его личного могущества. Лисандр покорился державной воле полиса, однако другой видный спартиат Клеарх, тоже составивший себе имя во время Пелопоннесской войны, не побоялся бросить вызов своей общине, утвердившись в качестве тирана

[10] Специальная самостоятельная глава о младшей тирании имеется только в кн. Древняя Греция. М., 1956, с. 448—453. Написанная С. А. Жебелевым, она содержит небольшое теоретическое вступление, где возрождение тирании ставится в связь с кризисом полиса и развитием наемничества, и краткую фактическую справку о ряде поздних тираний в Балканской Греции и Малой Азии (сицилийская тирания осталась вне обзора). В составленных К. М. Колобовой и Л. М. Глускиной «Очерках истории древней Греции» (Л., 1958) о возрождении тирании в позднеклассическое время не упоминается вовсе. В университетских учебных пособиях, изданных в 60—70-е годы, о младшей тирании говорится в разделах, посвященных кризису полиса в IV в., в связи с рассказом о развитии наемничества, но эти упоминания предельно кратки, не выходят за рамки общих характеристик и, по существу, лишены самостоятельного значения. Ср.: История древней Греции/Под ред. В. И. Авдиева и Н. Н. Пикуса. М., 1962, с. 316—318 (2-е изд. М., 1972, с. 248—250); *Сергеев В. С.* История древней Греции. 3-е изд. М., 1963, с. 357—358.

[11] О «предтечах» младшей тирании, в частности и об афинских, ср.: *Lenschau Th.* Tyrannis, Sp. 1834; *Berve H.* Die Tyrannis..., Bd. I, S. 207 ff.; Bd. II, S. 630 ff.

в союзном со Спартою Византии. Спартанскому правительству пришлось послать против непокорного полководца целое войско. Вынужденный оставить Византий, Клеарх удалился в Малую Азию и стал вождем одного из наемных отрядов на службе Кира Младшего [12].

В Фивах в конце 80-х годов IV в. утвердилась у власти олигархия, которая, по существу, была такой же корпоративной тиранией, как и правление афинских тридцати. Режим этот, просуществовавший около трех лет (382—379 гг.), был свергнут благодаря энергичному выступлению фиванских демократов во главе с Пелопидом [13].

Если язва тирании затронула, таким образом, даже ведущие полисы Эллады, которые лишь с трудом положили предел нарождавшемуся злу, то тем более широким было распространение этого общественного недуга в других районах и городах Балканской Греции, где полисные, республиканские устои были менее прочными, а давление внешних обстоятельств более сильным. Наиболее значительными и интересными в историческом плане были тирании в Фессалии, Фокиде и в пелопоннесских городах Сикионе и Коринфе.

Оригинальной была ситуация, вызвавшая к жизни фессалийскую тиранию. В классическую эпоху Фессалия, подобно некоторым другим по преимуществу аграрным областям, сильно отставала в своем развитии. В существенных чертах здесь сохранялась примитивная, сложившаяся еще в древнейшую эпоху система общественных отношений. Основную массу свободного населения составляли потоки завоевателей-фессалийцев, покоривших эту область во время великого передвижения племен на рубеже II—I тыс. до н. э. Как и у других народов-завоевателей, сохранявших первобытнообщинный строй, захваченная фессалийцами земля составила собственность всего народа, общий фонд, откуда выделялись наделы-клеры для отдельных родов и семей [14]. Фессалийцы — владельцы клеров образовали привилегированную военно-землевладельческую знать, гражданское сословие в собственном смысле, возвышавшееся над двумя другими группами населения — пенестами и периэками.

Потомки покоренного завоевателями населения пенесты — обрабатывали наделы фессалийцев. Подобно спартанским илотам, они не были собственностью отдельных хозяев, но составляли слой населения, зависимого от общины завоевателей в целом, причем формы этой зависимости регулировались рядом установлений, возможно даже договорного харак-

[12] О возвышении и «падении» Лисандра подробнее см.: *Vischer W.* Alkibiades und Lysandros.— In: Vischer W. Kleine Schriften. Leipzig, 1877, I, S. 87—152; *Kahrstedt U.* Lysandros (I).— RE, Hbbd. 26, Sp. 2503—2506; *Lotze D.* Lysander und der Peloponnesische Krieg. B., 1964; о Клеархе и его правлении в Византии см.: *Lenschau Th.* Klearchos (3).— RE, Hbbd. 21, Sp. 575—577; *Невская В. П.* Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1953, с. 88 слл., 95 сл.

[13] См.: *Лурье С. Я.* Беотийский союз. СПб., 1914, с. 38 сл., 241 сл.; *Plass H. G.* Op. cit., II, S. 67—69; *Berve H.* Die Tyrannis..., Bd. I, S. 229, f.; Bd. II, S. 674.

[14] Первоначальное социально-политическое устройство Фессалии, включавшее разделение страны на клеры, традиция приписывала древнему фессалийскому вождю Алеву Рыжему. См.: *Arist.*, fr. 498 (Rose [3]).

тера [15]. Другую группу неполноправного населения составляли периэки. Это были жители периферийных районов — перребы, магнеты, ахейцы, которые, будучи подчинены фессалийцам, обязаны были платить им дань и поставлять вспомогательные отряды. Однако в отличие от пенестов они оставались свободными людьми, сохраняли свое общинное устройство и известную автономию и даже наравне с самими фессалийцами имели представительство в Дельфийской амфиктионии [16].

В политическом отношении Фессалия представляла собой конгломерат практически независимых общин. В военных целях эти общины объединялись в более крупные союзы — тетрады, а последние — в единый Фессалийский союз во главе с выборным военачальником — тагом [17]. Однако слабое развитие городской жизни и в связи с этим отсутствие такого центра, который мог бы стать носителем прочных объединительных тенденций, обусловили неразвитость и непрочность этого единства, которое после кратковременного периода активности в VI в. в классическую эпоху влачило жалкое существование.

Как ни медленно шел процесс социального развития в Фессалии, все же и здесь в конце концов стали обнаруживаться трещины в традиционном порядке. Решающее значение при этом имели спонтанное расслоение фессалийских общин и связанное с ним формирование настоящих городских центров. Первое обстоятельство имело своим следствием выделение в общинах собственно знати, чья экономическая и политическая мощь основывалась на сохранении преимущественных связей с традиционной родоплеменной структурой: экономическая — на удержании в своих руках клеров, обрабатываемых пенестами, а политическая — на использовании в собственных интересах общинных органов власти. Располагая материальным достатком и поставляя наиболее важный род войска — конницу, это военно-землевладельческое сословие составляло теперь привилегированный слой, противопоставляющий себя остальной массе общинников. Последние стали теперь просто крестьянами; они владели небольшими наделами, которые обрабатывали собственными силами, служили в пехоте и сохраняли свое политическое значение лишь постольку, поскольку составляли окружение знатных родов — Алевадов в Ларриссе, Скопадов в Кранноне, Эхекратидов в Фарсале.

Если, таким образом, в рамках самих общин наметилось образование неполноправного слоя крестьян, то с развитием городов началось формирование слоя свободных людей — ремесленников и торговцев, и вовсе утративших связь с общинами и потому лишенных политических прав. Оба процесса — и разложение общин, и рост городов — создавали объективные предпосылки для развития социальной борьбы. В стране рано

[15] Ср.: *Шмидт Р. В.* Из истории Фессалии.— ИГАИМК. М.; Л., 1934, вып. 101, с. 75 слл.; *Lotze D.* Μεταξὺ ἐλευθέρων καὶ δούλων. Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4. Jahrhundert v. Chr. B., 1959, S. 48—53; *Шишова И. А.* О статусе пенестов.— ВДИ, 1975, № 3, с. 39—57.

[16] *Busolt G.*; *Swoboda H.* Griechische Staatskunde. München, 1926, II, S. 1478 f.

[17] Устройство областных союзов — тетрад — традиция приписывала все тому же Алеву Рыжему. См.: *Arist.*, fr. 497 (Rose [3]).

или поздно должно было начаться движение неравноправной части фессалийского населения вместе с периэками, а при случае также и с пенестами, против засилья родовой знати.

Конечно, не приходится отрицать сильнейшего сходства процессов социального развития в Фессалии V — IV вв. с тем, что было характерно для остальной Греции в архаическую эпоху. Однако, поскольку это развитие не совершалось в полном отрыве от остального греческого мира, оно подверглось воздействию ряда внешних факторов, которое ускорило его и сблизило по характеру происходящего с развитием остальной Греции в позднеклассический период [18]. Среди этих факторов надо отметить прежде всего вмешательство посторонних сил в лице Афин, Спарты, Беотии, македонских царей, которые, откликаясь на призывы враждующих группировок и используя их в собственных интересах, усугубляли и без того сложную политическую ситуацию в Фессалии. При внешнем содействии быстро привилось использование наемников в решении внутренних споров, а знакомство с критическими идеями новейшей философии софистов и Сократа способствовало скорому вызреванию и на фессалийской почве политиков типа Алкивиада или Лисандра.

К концу V столетия острота социально-политических конфликтов в Фессалии достигла предела, и наконец на юго-востоке страны, в Ферах, ситуация разрешилась установлением тирании. Не случайно, что родиной тирании в Фессалии оказались именно Феры. Это был в консервативно-аграрной стране самый развитый в торгово-ремесленном отношении город; этим он в значительной степени был обязан своей близости к морю, к единственной крупной в Фессалии гавани Пагасам. Естественно, что противоречия между неполноправной народной массой и господствующей аристократией, равно как и ожесточение угнетенных пенестов против своих господ, должны были достигнуть здесь наибольшей остроты. Опасная ситуация могла еще усугубляться близостью пограничных периэкских областей, населенных полуавтономными, неспокойными, всегда готовыми подать пример неповиновения общинами магнетов и фтиотидских ахейцев.

Одним из предтеч ферско-фессалийской тирании был, возможно, Прометей, о котором Ксенофонт свидетельствует, что он вместе с Критием, находившимся тогда в Фессалии, готовил демократический переворот и в связи с этим подбивал пенестов к вооруженному выступлению против господ (между 407 и 404 гг.) (Xen. Hell., II, 3, 36) [19]. Однако первым точно засвидетельствованным в традиции тираном Фер является Ликофрон [20]. По

[18] Эта особенность социального развития Фессалии была отмечена уже Плассом (*Plass H. G.* Op. cit., II, S. 5—8, 46 ff.).

[19] Эд. Мейер считает возможным поместить этого Прометея в Феры (*Meyer Ed.* Theopomps Hellenika. Halle, 1909, S. 251); Берве, в свою очередь, предполагает, что истинной целью Прометея, скрытой за, так сказать, официальной демократической программой, могло быть установление именно тиранического режима (*Berve H.* Die Tyrannis..., Bd. I, S. 283).

[20] О Ликофроне, помимо соответствующих разделов в трудах более общего характера, см. еще: *Абамелек-Лазарев С.* Указ. соч., с. 5—7; *Kahrstedt U.* Lykophron (3).— RE, Hbbd. 26, Sp. 2315.

предположению английского исследователя Г. Вестлейка, он был выходцем из плебейского сословия и своим выдвижением мог быть обязан успехам на коммерческом поприще [21]. Очевидно, он относился к числу народных вожаков, и его тирания могла быть итогом местного демократического движения.

Новый режим быстро набирал силы, и в тот момент, когда мы впервые сталкиваемся с Ликофроном (у Ксенофонта, под 404 г.— Hell., II, 3, 4), он уже вел борьбу за первенство и власть во всей Фессалии. Его противниками были знатные фессалийские роды, в особенности Алевады в Лариссе. В борьбе с ними Ликофрон ориентировался на союз со Спартой, которая в свою очередь в ферской тирании мечтала видеть средство давления на строптивую фессалийскую аристократию. Ликофрону не удалось достичь главной цели — установить свой контроль над всей Фессалией. Однако он сумел добиться ослабления противостоявшей ему аристократической коалиции. Его правление продолжалось, возможно, до конца 80-х годов IV в., и он сошел со сцены, обеспечив сохранение власти в Ферах за своим домом.

Новый этап в истории фессалийской тирании связан с именем Ясона, при котором тиранический режим в Ферах достиг наивысшего могущества и стал фактором, оказывавшим решающее влияние на политическое развитие всей Фессалии и весьма существенное — на развитие остальной Греции. Ясон был сыном и политическим преемником Ликофрона, являясь, как и он, носителем авторитарной идеи в своем родном городе и объединительной — во всей Фессалии [22]. Энергичные действия Ясона в Фессалии неизбежно должны были привести его к столкновению с тогдашним общегреческим арбитром — Спартою. В этих условиях правитель Фер проявил большое политическое мастерство. Вступив в союз с враждебными Спарте Фивами и Афинами, он обеспечил себе свободу действий в Фессалии и в конце концов добился объединения всей страны под своей властью. В 374 г. Ясон, оставаясь тираном Фер, был избран фессалийским тагом (Xen. Hell., VI, I, 17—18; Diod., XV, 60, 2).

Вновь созданное Ферско-Фессалийское государство было основано на известном политическом дуализме. В родном городе Ясон правил как неограниченный владыка, не скрывая и не оправдывая свою власть никаким официальным прикрытием. Его опорою здесь были группа преданных друзей и шеститысячное наемное войско (см.: Xen. Hell., VI, 1, 5). При этом, однако, полисная организация Фер не была уничтожена, о чем свидетельствуют существование гражданского ополчения (Ibid., VI,4, 31: упоминается о проведении Ясоном смотра ферской конницы) и продол-

[21] *Westlake H. D.* Thessaly in the Fourth Century B. C. L., 1935, p. 48 ff.

[22] О Ясоне, помимо общих трудов, см.: *Абамелек-Лазарев С.* Указ. соч., с. 8; *Tropea G.* Giasone, il tago della Tessaglia (Estratto della «Rivista di storia antica e scienze affini», anno III, N 2). Messina, 1898; *Stähelin F.* Jason (3).— RE, Hbbd. 17, Sp. 771—777. Относительно высказывавшихся рядом исследователей сомнений насчет прямой родственной связи Ясона с Ликофроном см.: *Фролов Э. Д.* Греческие тираны (IV в. до н. э.). Л., 1972, с. 84 слл.

жавшийся чекан монеты от имени ферян [23]. В остальной Фессалии Ясон выступал как конституционный вождь — таг. Правда, избрание его в фессалийские таги было им же самим искусно подготовлено, однако воссоздание единого Фессалийского союза отвечало интересам всей страны, и население городов в массе своей склонно было поддерживать Ясона. Со своей стороны он выказывал уважение к полисной автономии и старался вовлечь фессалийские города в свою политику в качестве заинтересованных партнеров. В гибком сочетании монархического и державного принципов с полисной автономией, в признании за фессалийскими городами известного значения и роли надо видеть свидетельство большой политической мудрости нового фессалийского правителя.

Усилиями Ясона новое Фессалийское государство скоро превратилось в сильную державу. В его состав, помимо собственно Фессалии, вошли соседние области мараков и долопов, и его влияние распространилось на Эпир и Македонию. Основой его военной мощи было шеститысячное наемное войско самого Ясона и общефессалийское ополчение, насчитывавшее до 20 тыс. гоплитов и 8 тыс. всадников (Xen. Hell., VI, 1, 19). Для содержания этого войска периэкские общины были обложены большой данью. Ясон намерен был также приступить к строительству флота, куда в качестве гребцов он собирался привлечь пенестов (Ibid., VI, 1, 10 sq.).

В дальнейшие планы Ясона входило установление фессалийской гегемонии во всей Греции. Удобной формой достижения такой гегемонии, как правильно оценил Ясон, могло стать восстановление древнейшей руководящей роли фессалийцев в наиболее почтенном религиозно-политическом объединении греков — Дельфийской амфиктионии. По достижении гегемонии в Греции ферский правитель рассчитывал открыть завоевательную кампанию на Востоке, против персов. Однако всем этим планам не суждено было осуществиться: в 370 г., в самый разгар приготовлений к походу в Среднюю Грецию, Ясон пал жертвой заговора небольшой кучки ферских аристократов.

Смерть Ясона не означала конца ферской тирании. Власть унаследовали его братья Полидор и Полифрон. Однако в отличие от Ясона его преемники оказались не на высоте исторических задач. При них происходит постепенный упадок созданного Ясоном Ферско-Фессалийского государства. Причиной этого отчасти была междоусобная борьба за власть, которая разгорелась в правящем семействе. Сначала Полидор пал от руки Полифрона, а затем последний был устранен сыном Полидора Александром, который в свою очередь после 11-летнего правления был убит по наущению собственной жены Фебы (358 г.). Исполнителями заговора и восприемниками власти стали братья Фебы — сыновья Ясона Тисифон,

[23] О ферских монетах см.: *Head B. V.* Historia Numorum. 2nd ed. Oxford, 1911, p. 307, где подчеркнуто отсутствие монет с именем Ясона. Эпиграфический материал, в свою очередь, свидетельствует о сохранении в Ферах и при Ясоне полисных органов власти. См.: *Kirsten E.* Pherai (5).— RE, Suppl. Bd. VII, Sp. 1015 f.

Ликофрон и Пифолай, которым суждено было продержаться в Ферах еще несколько лет (до 353 г.) [24].

Дело в том, что одновременно с вырождением династии шел и другой, более важный процесс — вырождение всей созданной Ясоном политической системы. Правление преемников Ясона являло собою непрерывное усугубление узурпации, непрерывное сползание в сторону откровенной тирании не только в Ферах, но и в остальной Фессалии, что должно было иметь самые пагубные последствия для всего режима. Пробудившиеся к активности силы оппозиции, прежде всего ларисские Алевады, обратились за помощью к соседним державам, которые давно уже с тревогой следили за возвышением ферских правителей и теперь были рады поводу вмешаться в фессалийские дела. Неоднократные македонские и беотийские вторжения привели к тому, что власть Ясонидов была ограничена областью Фер и был учрежден независимый от них союз фессалийских городов. Попытка Ясонидов в этот заключительный период борьбы опереться на поддержку фокидских тиранов успеха не имела, и в 353 г. Филипп Македонский совместно со свободными фессалийцами довершил разгром ферских тиранов. Последние ферские правители Ликофрон и Пифолай должны были удалиться в изгнание в Фокиду, а Феры были включены в состав опекаемого Филиппом II Фессалийского союза (Diod., XVI, 37, 3; 38, 1). Именно Филиппу, опиравшемуся на силы объединенных посредством личной унии Македонии и Фессалии, суждено было стать подлинным преемником Ясона, исполнителем его широких политических планов.

Тесно связанной с заключительным периодом ферско-фессалийской тирании оказалась судьба Фокиды, которая являет собой замечательный пример «национальной» тирании, т. е. тирании, возникшей в условиях и на почве местного, областного политического самоутверждения, с особой силой обнаружившегося к середине IV в. Слишком тесная опека со стороны могущественного соседа — Беотийского союза — вызвала в Фокиде консолидацию местных политических сил, а когда беотийцы для оказания давления на Фокиду прибегли к помощи Дельфийской амфиктионии и добились обвинительного приговора против ряда влиятельных фокидян, дело кончилось взрывом. Фокидяне отвергли ультиматум амфиктионов, избрали своими руководителями вождей «национальной» группировки Филомела и Ономарха (первый стал стратегом-автократором, а второй — его заместителем) и в свою очередь заявили о правах на Дельфийское святилище.

Под руководством Филомела и Ономарха традиционный союз фокидских общин оформился в сильное централизованное государство. Опираясь на сочувствие масс и финансовую помощь Спарты, которая была рада поддержать любого противника ненавистных ей Фив, фокидские правители реорганизовали и укрепили войско, а затем неожиданным налетом захватили Дельфы (356 г.). На это подстрекаемые Фивами амфиктионы ответили объявлением Фокиде Священной войны (так называемая третья

[24] См.: *Westlake H. D.* Op. cit., p. 126 sqq.; *Sordi M.* La lega tessala fino ad Alessandro Magno. Roma, 1958; *Berve H.* Die Tyrannis..., Bd. I, S. 289 ff.; Bd. II, S. 670 ff.

Священная война, 356—346 гг.). Однако реально за беотийцами последовали лишь фессалийцы и некоторые второстепенные общины Средней и Северной Греции, связанные с Беотией союзными отношениями. Такие крупные полисы, как Спарта, Коринф и Афины, не примкнули к священному альянсу и в пику Фивам оказывали поддержку фокидянам. Это, а также решительное обращение на нужды войны сокровищ Дельфийского храма дало возможность Фокидскому государству на протяжении 10 лет выдерживать борьбу с несомненно более сильными противниками.

Более того, после первых неудач в 355 г. фокидяне даже сумели взять инициативу в свои руки. На место погибшего Филомела был избран стратегом-автократором Ономарх, заместителем был назначен его брат Фаилл. Ономарх расправился с возникшей было оппозицией, довел численность фокидской армии до 20 тыс. человек и весной 354 г. перешел в решительное наступление. Союзники беотийцев — локры и дорийцы — были разгромлены, а в самой Беотии Ономарх овладел важным городом Орхоменом. Кроме того, он установил контакт с ферскими тиранами и, поддерживая их, совершенно сковал беотийских союзников — свободные фессалийские города. Последние призвали на помощь македонского царя Филиппа, однако Ономарх, лично явившись в Фессалию, в двух сражениях разбил Филиппа и заставил его ретироваться. Теперь Фессалия оказалась под контролем фокидян, и это вместе с достигнутыми еще весною успехами в Средней Греции превратило Фокидский союз в крупнейшую державу Эллады.

Своими достижениями Фокида, конечно, была обязана тем наемным армиям, которые она получила возможность содержать на счет Дельфийского храма. Вместе с тем большую роль в успехах фокидян сыграла твердая позиция их центральной власти. Все время, пока шла война, во главе Фокидского государства стояли энергичные военные диктаторы. Их власть, по существу, была сродни тиранической: они сами подбирали себе соправителей и преемников из близких друзей (Филомел) или даже родственников (Ономарх); они безжалостно, как истинные тираны расправлялись с оппозицией, бесконтрольно распоряжались конфискованными сокровищами, используя их не на одни только государственные нужды, по своему усмотрению — и часто произволу — направляли внешнюю политику государства; наконец, некоторые из них даже чеканили монету от своего имени [25]. Тем не менее суверенная гражданская община продолжала существовать, и основой власти фокидских диктаторов всегда оставалось утвержденное общиною официальное назначение — должность стратега-автократора [26]. Более того, сама эта власть в принципе всегда была верна первоначальному назначению и свои усилия направляла на защиту общего дела фокидян. Вот почему правильно будет охарактеризо-

[25] См.: *Head B. V.* Historia Nummorum, p. 339 (монеты Ономарха и Фалека).

[26] На это справедливо указал Берве: «Чистыми тиранами четыре фокидских стратега в середине этого столетия не были, сколько бы их ни обозначали таким образом их противники и особенно позднейшие писатели. Должность стратега-автократора ... была основой их почти монархического положения» (*Berve H.* Die Tyrannis..., Bd. I, S. 298).

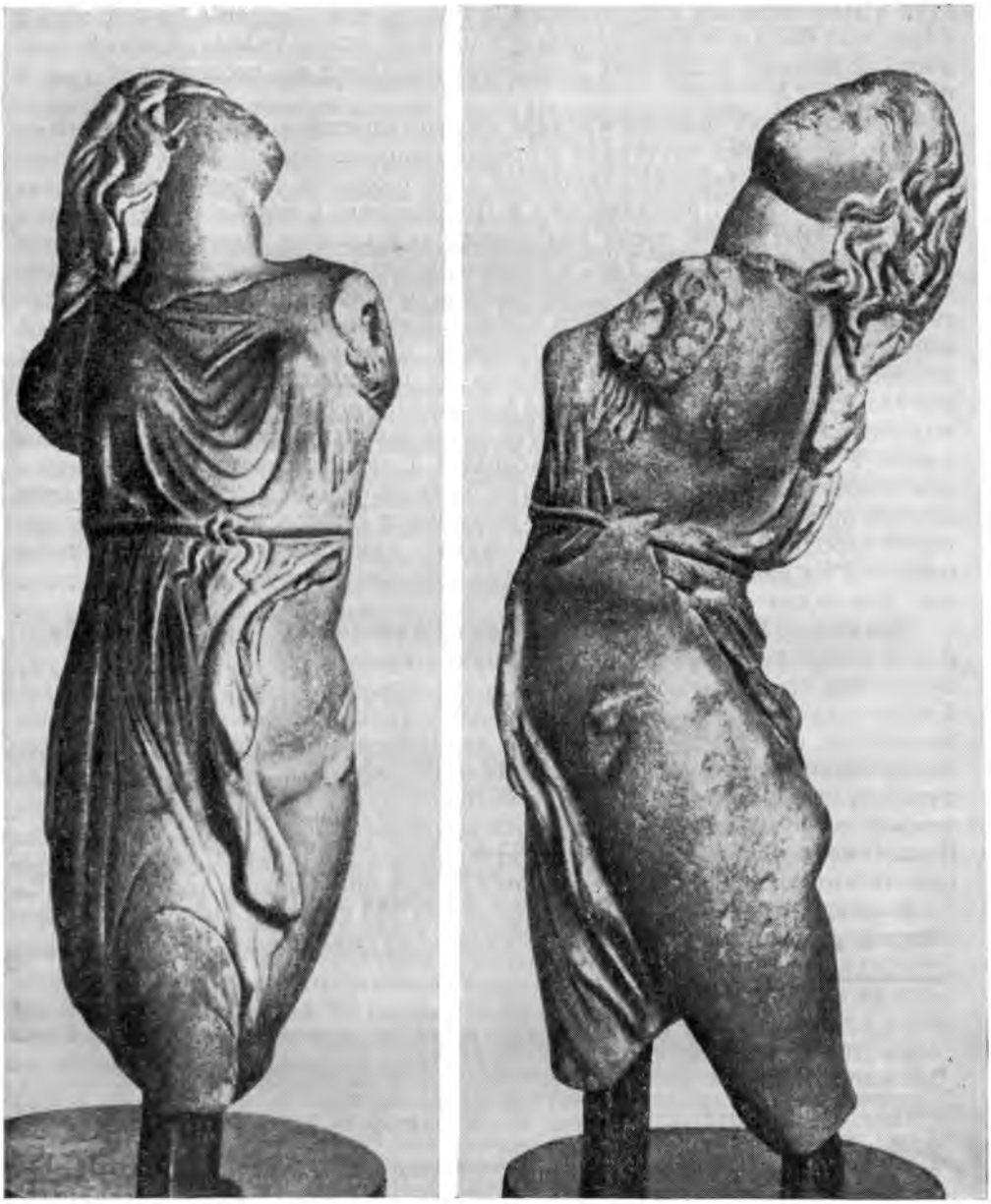
вать власть фокидских стратегов-автократоров как своего рода «национальное» предводительство, как военную диктатуру особого типа,— с сильным тираническим оттенком, но все же отличавшуюся от обычной тирании именно принципиальным, «национальным» характером [27].

Победы Ономарха в 354 г. были кульминацией фокидских успехов. В следующем году фокидяне овладели еще рядом крепостей в Западной Беотии, однако новое вторжение Филиппа в Фессалию заставило их прервать операции против беотийцев. Македонский царь извлек уроки из поражений предыдущего года; за зиму он хорошо подготовился и теперь со всеми силами двинулся навстречу Ономарху в Южную Фессалию. Решающее сражение произошло на Крокусовом поле, у западного побережья Пагасейского залива. Противники имели равное число пехоты — по 20 тыс. человек, однако у Филиппа был шестикратный перевес в кавалерии (3 тыс. македонских и фессалийских всадников против 500 фокидских), и на равнине, где происходил бой, это принесло ему победу. Фокидяне потерпели страшное поражение, среди погибших был и их командующий — Ономарх. Македонский царь, который разыгрывал из себя мстителя за поруганную святыню Аполлона, повелел всех захваченных в плен фокидских воинов — а их было не менее 3 тыс.— утопить в море, как святотатцев, а труп Ономарха распять.

. Это поражение было переломным моментом в истории Фокидской державы. Встретив в лице Филиппа Македонского непреодолимое препятствие и разбившись о него, она никогда уже больше не достигала прежнего могущества и, утратив внешнеполитическую инициативу, стала клониться к упадку. Правда, преемники Ономарха — его брат Фаилл, а затем его сын Фалек — не раз добивались частных успехов и отражали врагов от границ Фокиды, однако превосходство противников постепенно становилось все более очевидным. Длительное напряжение, непрестанные вражеские вторжения истощили силы фокидян, а когда иссякли запасы ценностей в Дельфийской сокровищнице, стало невозможно в прежнем масштабе вербовать наемников.

В 346 г., после заключения принципиального соглашения с Афинами, обеспечившего македонскому царю свободу действий в Средней Греции (так называемый Филократов мир), Филипп начал решительное наступление на фокидян. Одновременно выступили и беотийцы, и перед угрозой неотразимого двойного удара Фалек должен был капитулировать. Он оговорил себе и своим наемникам право свободного ухода, и они удалились в Пелопоннес, оставив Фокиду на расправу победителям. Последние сурово поступили с «нечестивцами»: фокидяне лишились представитель-

[27] О принципиальном характере фокидской тирании верное замечание высказывает Г. Парк, когда пишет, что Ономарх и его преемники «были всего лишь поборниками фокидского национализма с сильной личной заинтересованностью в успехе дела» (*Parke H. W.* Greek Mercenary Soldiers from the Earliest Times to the Battle of Ipsus. Oxford, 1933, p. 136). Однако это замечание у Парка не получило развития и не повлияло на его общую оценку фокидских правителей, в которых он по-прежнему, подобно Плассу, видит воплощение по преимуществу тиранического начала (ср.: Ibid., p. 133; *Plass H. G.* Op. cit., II, S. 71).



МЕНАДА. Статуя работы Скопаса. Первая половина IV в. до н. э.

ства в Дельфийской амфиктионии (их место там получил македонский царь), они были совершенно разоружены и на них была возложена обязанность полностью возместить Дельфийскому храму все похищенные у него ценности.

Фессалийская тирания в начале своего существования, а фокидская — на всем потяжении выступали в ореоле «национального» движения. Примерами обычной тирании, лишенной такого ореола, могут служить авторитарные режимы, рождавшиеся в Пелопоннесе в период смут, которые охватили этот район после крушения спартанского могущества (рубеж 70—60-х годов IV в.) [28]. Так, в Сикионе в 368 г. на волне антиолигархического и антиспартанского движения и при поддержке враждебных Спарте аргивян и аркадян к власти пришел Евфрон [29]. Избранный народным собранием в числе новых пяти стратегов, он первоначально разыгрывал из себя вождя демоса, однако лишь до тех пор, пока не сколотил послушное своей воле наемное войско; на содержание его он употребил средства, вырученные от продажи имущества, конфискованного у богачей-лаконофилов. Раздавив сикионскую олигархию, Евфрон затем обратился и против демократии; коллегия стратегов была разогнана, народное собрание больше не собиралось. Впрочем, в пику знати Евфрон продолжал заигрывать с народной массой и, чтобы расширить круг своих сторонников, даже отпускал на волю и наделял правами гражданства рабов репрессированных аристократов.

Правление Евфрона продолжалось в Сикионе около трех лет, пока наконец аркадяне, не желая долее компрометировать себя связью с тираном, не изгнали его из города (366 г.). Правда, вскоре — еще зимою 366/5 г.— Евфрон сумел вернуться в Сикион и даже вновь утвердился у власти, но ненадолго: в конце 365 г. во время дипломатической поездки в Фивы он был убит сикионскими изгнанниками-аристократами. Его правление, будучи тиранией чистейшей воды, имело, однако, то позитивное значение, что оно сокрушило мощь ранее господствовавшей в Сикионе олигархии. После смерти Евфрона в Сикионе утвердилась демократия, которая чтила память этого тирана, как основателя нового сикионского государства [30].

В соседнем с Сикионом Коринфе около 365 г. также была сделана попытка установить тиранию [31]. Здесь тоже с крушением спартанской супре-

---

[28] О смутах, охвативших Пелопоннес в это время, см., в частности: Isocr., VI, 64 sqq. *Xen.* Hell., VI, 5, 1 sqq.; *Diod.*, XV, 40; 57 sqq.

[29] О тирании Евфрона, помимо соответствующих разделов в общих трудах по истории древней Греции и древнегреческой тирании, ср. еще: *Swoboda H.* Euphron (1).— RE, Hbbd. 11, Sp. 1217—1218; *Meloni P.* La tirannide di Eufrone I in Sicione.— RF, 1951, XXIX, fasc. 1, p. 10—33.

[30] Для оценки политического режима, утвердившегося в Сикионе после смерти Евфрона, ср.: *Geyer F.* Sikyon, Sikyonia (6a. Geschichte).— RE. 2. R., Hbbd. 4, Sp. 2540; *Berve H.* Die Tyrannis..., Bd. I, S. 306 f.

[31] Об этом путче Тимофана известно немногое, поэтому и новейшая литература о нем представлена главным образом небольшими экскурсами в общих трудах по истории Греции и греческой тирании. Специальная статья: *Stier H. E.* Timophanes.— RE, 2. R., Hbbd. 12, Sp. 1307.

матии позиции правящей олигархии были существенно ослаблены. Не получая необходимой поддержки от Спарты, Коринфское государство вынуждено было проявлять чудеса изворотливости, чтобы не быть поглощенным вмешивавшимися теперь в дела Пелопоннеса Фивами или Афинами. Для усиления обороноспособности города было навербовано до 400 наемников и во главе их поставлен знатный гражданин Тимофан. Последний, обуреваемый честолюбием и подстрекаемый влиятельными друзьями и наемниками, решил взять власть в свои руки. Перевороту он старался придать, как и Евфрон в Сикионе, вид народного движения и потому всячески заигрывал с простым народом, раздавал беднякам оружие и привлекал их к себе на службу. С помощью наемников и части демоса ему удалось установить контроль над значительной частью города. Это сопровождалось демонстративным избиением знати, что должно было еще сильнее привлечь симпатии масс на сторону Тимофана. Однако бóльшая часть граждан не дала себя сбить с толку. Приверженцы республиканского строя во главе с братом Тимофана Тимолеонтом организовали контрвыступление, и Тимофан был убит. Устранения вождя оказалось достаточно, чтобы это социальное движение потухло в самом начале [32]. Но если бы этого не случилось, то можно не сомневаться, что коринфяне имели бы у себя такого же тирана, какого за три года до того получили их соседи — сикионцы, а еще раньше — их колонисты-сиракузяне.

ТИРАНИЯ НА ПЕРИФЕРИИ ГРЕЧЕСКОГО МИРА

Жизнь греческих колоний в общем подчинялась тем же законам, что и жизнь их метрополий, и в позднеклассический период эти дочерние поселения также оказались охвачены глубоким социально-политическим кризисом, следствием которого было и здесь повсеместное возникновение авторитарных, тиранических режимов. Все же принципиальное сходство не исключало и известных различий в развитии колоний и метрополий. В греческих колониях с их более подвижной, менее скованной традицией жизнью, с менее устойчивой в силу этого социальной и политической структурой развитие кризисных явлений свершалось даже быстрее, чем в городах Балканской Греции [33]. Велика была при этом стимулирующая роль внешних осложнений: давление «варварской» периферии непрерывно ощущалось греческими поселениями, а в моменты внутренних кризисов это

[32] Успехи Тимофана ограничились избиением ряда знатных граждан и установлением недолгого фактического контроля над некоторыми частями города, в частности над районом агоры (*Diod.*, XVI, 65, 3—4). Большего он не успел совершить — ни радикального преобразования существующей политической и социальной структуры, ни даже, вероятно, полного устранения находившегося у власти олигархического правительства. В результате энергично принятых контрмер узурпатор сам был устранен буквально через несколько дней или недель после первоначального выступления.

[33] Ср.: *Пёльман Р.* Очерк греческой истории и источниковедения. СПб., 1910, с. 258.

давление немедленно превращалось в грозное наступление, что решающим образом ускоряло катастрофу. Это особенное сочетание внутренних и внешних осложнений, нередко выпадавшее на долю периферийных греческих полисов, создавало в высшей степени благоприятные условия для утверждения здесь авторитарных, тиранических или монархических режимов: на периферии греческого мира они возникали быстрее, развивались стремительнее и достигали более полных форм самовыражения, чем в собственно Греции [34].

В качестве характерного примера можно взять Сицилию. Для исторического развития греческих городов Сицилии большое значение имело их вынужденное участие в Пелопоннесской войне в связи с двумя вторжениями афинян (в 427—424 и 415—413 гг.), а затем — возобновление борьбы с карфагенянами. Последние, пользуясь взаимным ослаблением греков, в 409 г. в широких масштабах начали наступление на греческую часть острова и уже в том же году взяли и разрушили два крупных города — Селинунт и Гимеру.

Эти войны решительным образом нарушили стабильность сложившегося к концу второй трети V в. до н. э. положения — в каждом отдельном городе, где полисные, республиканские и демократические, принципы только что обрели известную силу, и в Сицилии в целом, обретшей устойчивость под знаком сиракузской супрематии. В самих Сиракузах затянувшаяся и потребовавшая огромного напряжения сил борьба с Афинами резко стимулировала внутреннее развитие в сторону обострения социальных и политических отношений, что нашло отражение и в столкновениях соответствующих лидеров, в частности близкого к олигархии Гермократа с демагогами Афинагором в 415 г. (Thuc., VI, 32, 3—41, 4) и Диоклом в 413 г. (Diod., XIII, 19, 4 sq.; Plut. Nic., 28), и в окончательном, как казалось, торжестве радикальной демократии, которая после победы над афинянами добилась проведения важных преобразований в государственном строе Сиракуз [35]. На деле,однако, оказалось, что этот успех демократии еще больше обострил социальные отношения, углубил противоречия между консервативными и радикальными группировками, что должно было крайне отрицательно сказаться на полисном единстве.

Вместе с тем войны, поощрив профессионализацию армии, повысив роль военачальников и вызвав к жизни практику чрезвычайных назначений, содействовали развитию и иных опасных для полиса тенденций. И здесь, как и в городах Балканской Греции, неустойчивость социально-политической обстановки развязала инициативу отдельных честолюбивых политиков, готовых — здесь именно больше, чем где-либо в другом

[34] Особая предрасположенность греческих периферийных, и в первую очередь сицилийских, полисов к тирании отмечалась уже в древности, подчеркивается она и в новейшей историографии. См., в частности, для Сицилии: *Thuc.*, VI, 17, 2 sqq.; *Plato*. Ep. VIII, 326 b—d; VIII, 353 a—c; *Diod.*, XIX, 1, 1 sqq. Ср.: *Plass H. G.* Op. cit., II, S. 198; *Holm A.* Op. cit., Bd. II, S. 96; *Berve H.* Die Tyrannis..., Bd. I, S. 220 f.; Bd. II, S. 637.

[35] Реформы Диокла в 412 г. см.: *Arist.* Pol., V, 3, 6, 1304 a 27—29; *Diod.*, XIII, 33,2—3; 34, 6—35, 5.

месте,— в случае конфликта с собственной общиной силой отстоять свое право на первенство. И действительно, когда в 408/7 г. изгнанный незадолго до этого Гермократ попытался насильственным путем добиться возвращения на родину, стало ясно, сколь реальна угроза ниспровержения республики и установления тирании в Сиракузах (см.: Xen. Hell., I, 1, 27—31; Diod., XIII, 63; 75) [36].

Гермократ был осужден на изгнание происками своих политических противников — демократов. Сам он в тот момент находился вместе с отрядом сиракузских кораблей у берегов Малой Азии, воюя на стороне Спарты против афинян. Получив известие о своем осуждении, он навербовал отряд наемников и вместе с ним вернулся в Сицилию. Здесь он пополнил войско гражданами разгромленных карфагенянами городов и на свой страх и риск повел войну с финикийскими колониями в западной части острова. Спекуляциями на патриотических настроениях Гермократу удалось привлечь к себе симпатии народной массы в Сиракузах и даже с помощью друзей добиться устранения вождя радикальной группировки Диокла. Однако значительная часть граждан, напуганная его демагогией, сплотилась вокруг политика консервативного толка Дафнея и решительно воспротивилась возвращению Гермократа. С помощью своих сторонников Гермократу все-таки удалось проникнуть в Сиракузы, однако на городской площади отряд мятежного полководца был встречен вооруженными гражданами и после ожесточенной схватки весь уничтожен.

Мятеж Гермократа окончился провалом, однако это вовсе не означало, что опасность, нависшая над Сиракузской республикой, миновала. Положение оставалось весьма тревожным и в силу напряженности во внутренних отношениях, и ввиду растущей угрозы со стороны карфагенян. Победа над Гермократом усилила влияние консервативной группировки, что должно было вызвать подозрение у пылких приверженцев демократии, которые теперь не без основания могли опасаться олигархического переворота. При этом у демократов не было недостатка в поводах для критики: малоэффективная внешняя политика делала весьма уязвимыми позиции правящей группировки. Когда в 406 г. карфагеняне возобновили наступление и осадили Акрагант, союзному греческому войску так и не удалось отстоять этот крупнейший после Сиракуз город Сицилии. И причиной тому была не столько многочисленность вражеского войска, сколько вялая и небрежная манера ведения войны, которой придерживались греческие стратеги во главе с Дафнеем.

Падение Акраганта повергло в ужас греков Сицилии и вызвало политический кризис в Сиракузах. Инициатором антиправительственного выступления стал молодой военачальник, соратник покойного Гермократа, Дионисий. Поддерживаемый влиятельными друзьями, среди которых были видный аристократ Гиппарин и богач Филист (будущий историк), Дио-

[36] О выступлении Гермократа, помимо экскурсов в трудах более общего характера, см. также: *Lenschau Th.* Hermokrates (1).— RE, Hbbd. 16, Sp. 883—887; *Scheele M.* Strategos autokrator..., S. 31 ff.; *Westlake H. D.* Hermocrates the Syracusan.— BJRL, 1958, XLI, N 1, p. 239—268; *Stroheker K. F.* Dionysios I. Gestalt und Geschichte des Tyrannen von Syrakus. Wiesbaden, 1958, S. 33 ff.

нисий на народном собрании подверг уничтожающей критике действия сиракузских стратегов. При этом, несмотря на молодость (ему было всего 25 лет), он показал себя умелым демагогом. Спекулируя на патриотических настроениях и социальных антипатиях низов, шантажируя их угрозами карфагенского нашествия и олигархического переворота, он увлек за собой большинство народа. Прежние стратеги были до срока отрешены от должности, и на их место были избраны другие вместе с Дионисием. Ловкий демагог сумел вскоре дискредитировать и этих своих коллег и добился для себя назначения стратегом-автократором. Затем с помощью провокации он убедил сограждан предоставить ему личную охрану из 600 воинов. Он сам укомплектовал этот отряд преданными людьми и довел его численность до 1000 человек. Опираясь на друзей, телохранителей и наемников, которых он привлек обещаниями щедрого вознаграждения, поддерживаемый также многочисленными сторонниками среди городских низов, которые ожидали от него радикального переустройства общества, Дионисий прочно утвердился у власти (лето 405 г.). До конца жизни он оставался единоличным правителем Сиракуз и, умирая, завещал власть своему сыну — Дионисию Младшему. Положение Дионисия было основано, безусловно, на подавляющем превосходстве сил, на которые он опирался,— партии «друзей» и войска наемников — над гражданским обществом. Однако его политика не была вовсе беспринципной, и он сумел частичным удовлетворением требований масс и особенно энергичною борьбою с карфагенянами создать себе популярность.

Впрочем, действия Дионисия против карфагенян на первых порах были не более успешными, чем действия свергнутого им республиканского правительства. Под Гелой он потерпел поражение, чем незамедлительно воспользовались принципиальные противники тирании — сиракузские аристократы, которые подняли против Дионисия мятеж. Тиран сумел подавить это восстание, однако продолжать войну с карфагенянами было уже невозможно, и пришлось заключить мир на условиях, которые продиктовала сильнейшая сторона (в конце того же 405 г.).

Этот мир перечеркнул все державные завоевания, достигнутые Сиракузами при старшей тирании и при последующей демократии. Греческие города северо-восточной части Сицилии Леонтины и Мессана, а также, очевидно, Катана и Наксос, равно как и все общины сикулов, стали свободными и независимыми. Размеры Сиракузского государства были ограничены городом Сиракузами и ближайшей примыкающей к нему территорией. Зато резко возросло могущество карфагенян, которые расширили и консолидировали свои владения на западе острова (с этих пор можно говорить о существовании правильно организованной карфагенской провинции в Сицилии) [37] и поставили под свой контроль все греческие города южного и северного побережья — Селинунт, Гимеру (Фермы), Акрагант, Гелу, Камарину. Военный разгром и последующее политическое унижение этих городов означали резкое ослабление греков в Сицилии. Последним оплотом эллинства остались Сиракузы, и было ясно, что исход возоб-

[37] Ср.: *Holm A.* Op. cit., Bd. II, S. 84, 423.

новившегося противоборства карфагенян с греками будет зависеть от способности к сопротивлению именно этого города.

Для Дионисия подготовка к новой войне с карфагенянами стала первоочередной задачей. Ведь он понимал, что только в такой войне может найти оправдание дальнейшее существование основанного им строя. Уже в 404 г., пользуясь внутренними трудностями Карфагена, он начал наступление на независимые сикульские общины и, таким образом, денонсировал соглашение с карфагенянами, на которое он вынужден был пойти в 405 г. (Diod., XIV, 7, 5 sqq.). Новое большое восстание сиракузян на рубеже 404/03 г. прервало начатую кампанию, но лишь на короткое время. Подавив оппозицию, Дионисий немедленно возобновил наступление на сикульские и греческие города Восточной Сицилии и вел его столь успешно, что к 399 г. установил свой контроль над всей этой частью острова (Ibid., XIV, 14—16).

Восстановление сиракузской супрематии в Восточной Сицилии означало создание необходимой политической предпосылки для последующей открытой борьбы с Карфагеном. Одновременно в широких масштабах Дионисием осуществлялась и собственно военная и техническая подготовка к этой борьбе: Сиракузы были обнесены новым кольцом укреплений, было заготовлено большое количество оружия и новых тогда метательных орудий — катапульт, созданы сильный флот (свыше 300 единиц) и многочисленная сухопутная армия (Ibid., XIV, 18; 41 sqq.).

Завершив подготовку, Дионисий в 398 г. начал новую войну с Карфагеном, открыто провозгласив своей целью полное изгнание карфагенян из Сицилии. Эта II Карфагенская война продолжалась до 392 г. Своей цели в полном объеме Дионисий достичь не смог: совершенно изгнать карфагенян с острова ему не удалось. Однако его успехи были значительны и приобретения обширны: его держава простиралась теперь далеко на запад — до Селинунта на южном побережье и Гимеры на северном. Одновременно шло расширение этой державы и за пределами Сицилии, в первую очередь за счет южноиталийских земель. Ведя борьбу с Регием, давнишним врагом сиракузской державы, и с федерацией греков-италиотов, поддержавших Регий, Дионисий сумел в союзе с Локрами и варварами-луканами добиться исключительных успехов. В 388 г. сиракузский тиран нанес италиотам сокрушительное поражение при р. Эллепоре, его власть распространилась теперь на юге Италии вплоть до Скиллетийского перешейка, а в 386 г. был взят наконец и Регий.

Таким образом, к середине 80-х годов IV в. до н. э. на западе Средиземноморья сложилась мощная территориальная держава, раскинувшаяся по обе стороны Мессанского пролива. Создавший эту державу сиракузский тиран не снижал своей политической активности и в последующие годы. Правда, в Сицилии, где он еще дважды воевал против карфагенян, ему не удалось добиться новых успехов. В итоге III Карфагенской войны (382—374 гг.) он даже должен был уступить неприятелю часть своих владений на западе (до линии Гимера—Гераклея Минойская включительно), и последняя, четвертая война, которую он вел с карфагенянами в год своей смерти (367/6 г.) ничего не изменила в этом отношении.

Зато на других направлениях он добился многого. В северных водах его преобладание было безраздельным, о чем свидетельствуют и вывод колоний на побережья и острова Адриатического моря, и глубокое вторжение в Тирренское море, совершенное ради устрашения этрусков (Diod., XV, 14, 3—4; Strabo, V, 2, 8, p. 226). В Южной Италии он расширил свои владения за пределы Скиллетийского перешейка, овладев очень важным Кротоном. Наконец, он осуществлял систематическое вмешательство в дела Балканской Греции, действуя здесь на пользу своей союзницы Спарты, но одновременно имея в виду и собственные державные интересы [38].

Созданная усилиями сиракузского тирана держава была тогда, по справедливой оценке древних, самой мощной в Европе (Diod., XVI, 5, 4; 9, 1; XX, 78, 3). На протяжении нескольких десятилетий это государство играло важную роль в политической жизни античного Средиземноморья, оказывая сильное воздействие на развитие дел на Западе и достаточно ощутимое — на Востоке.

Источником прочности этого государства была в первую очередь инициативная внешняя политика его создателя Дионисия, который сумел органически связать существование основанного им государства с решением большой, жизненно важной для западных греков проблемы отражения карфагенян [39]. Вместе с тем и во внутренней политике сиракузского правителя можно обнаружить ряд конструктивных элементов, которые сообщали устойчивость его державе.

Весьма продуманной была социальная политика Дионисия. После подавления мятежа сиракузских всадников он провел частичный передел собственности: земли и дома мятежных аристократов были конфискованы, лучшие из них тиран подарил своим друзьям и командирам наемных отрядов, а прочие поделил между остальными сиракузскими гражданами и наемниками. При этом состав гражданского общества подвергся существенным изменениям: на место истребленных или изгнанных аристократов пришли так называемые неополиты (буквально: «новограждане») — освобожденные на волю и наделенные правами гражданства рабы репрессированных аристократов (Diod., XIV, 7, 1 sqq.). Проведение этих мероприятий позволило Дионисию сохранить еще на некоторое время маску народного вождя и придать своему перевороту вид социальной «революции». Однако в действительности главным итогом этой «революции» было укрепление основ тирании, которая располагала теперь массою приверженцев и внутри гражданского общества, и за его пределами [40].

Вообще характерной чертой новой государственной системы был дуализм, сосуществование двух различных политических начал — полис-

[38] *Xen.* Hell., V, 1, 25 sqq.; VI, 2, 4; 33—36; VII, 1, 20—22, 28; *Diod.*, XV, 47, 7; 70, 1; *Plut.* Ages., 33.

[39] Ср.: *Stroheker K. F.* Dionysios I. Gestalt und Geschichte des Tyrannen von Syrakus. Wiesbaden, 1958, S. 179—181.

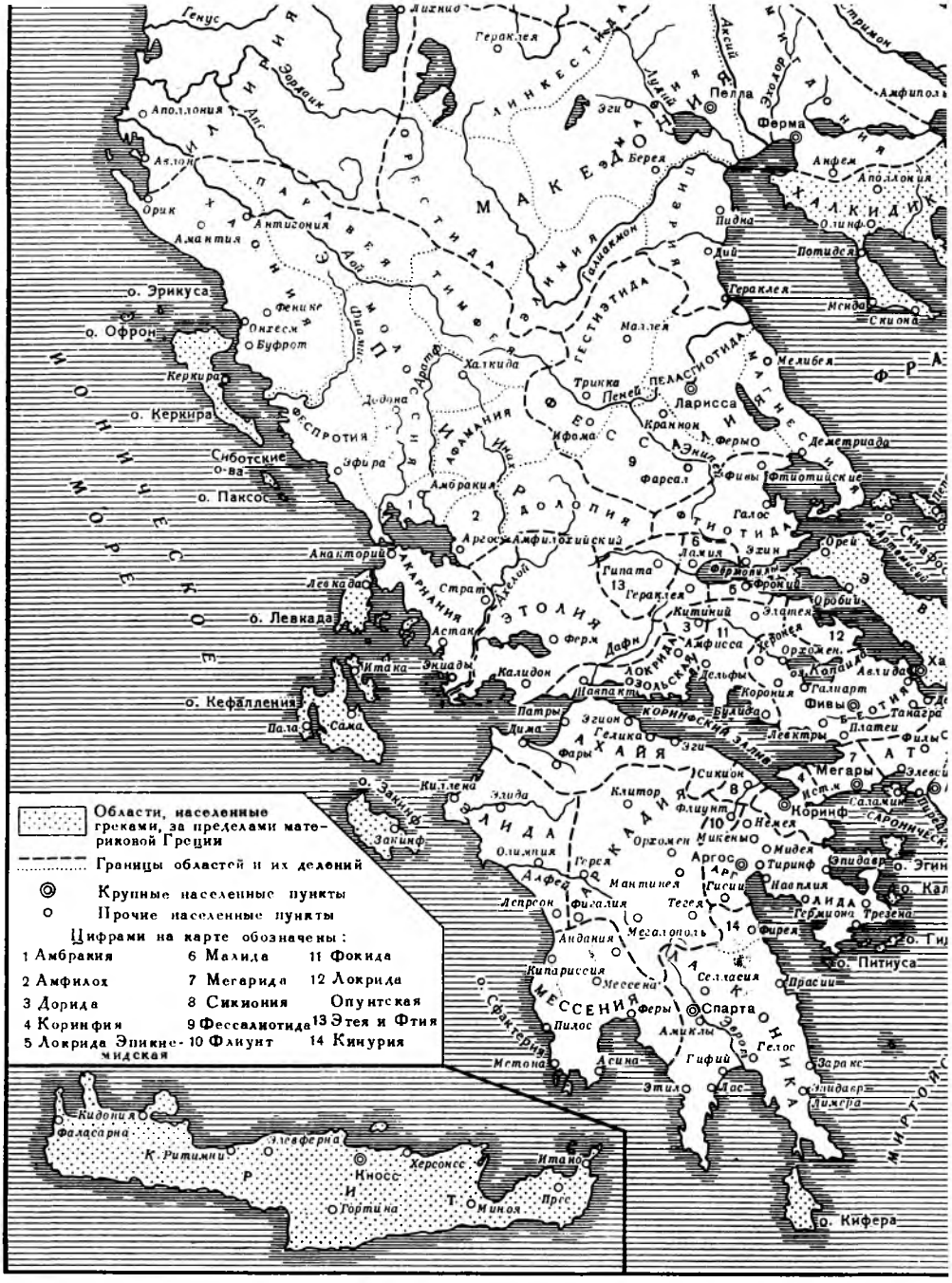
[40] Принципиальное значение этой политики Дионисия впервые было отмечено Плассом (*Plass H. G.* Op. cit., II, S. 211 f., 233); обстоятельный анализ и глубокая оценка ее дана в кн.: *Stroheker K. F.* Op. cit., S. 52 f., 150 ff.; ср. также: *Berve H.* Die Tyrannis..., Bd. I, S. 226, 237 f.; Bd. II, S. 639, 644.

ного и монархического. Двойственностью отличалась уже личная власть Дионисия, ибо она базировалась, с одной стороны, на предоставленных ему однажды общиною полномочиях стратега-автократора, а с другой — на силе его личных друзей и наемников, обеспечивавших ему возможность непрерывной узурпации этих полномочий. Но и более широко — в общей социально-политической организации Сиракуз — можно было наблюдать то же сосуществование противоположных элементов: старое гражданское общество перекрещивалось с новой прослойкой граждан (неополитов) и неграждан (наемников), чье положение политически активных людей определялось сугубо их связью с новым государственным строем; наряду с гражданским ополчением выступила новая наемная армия, а рядом с традиционными представительными органами гражданской общины — народным собранием и выборными магистратами — выросла новая монархическая администрация — совет «друзей» и военно-полицейская бюрократия [41].

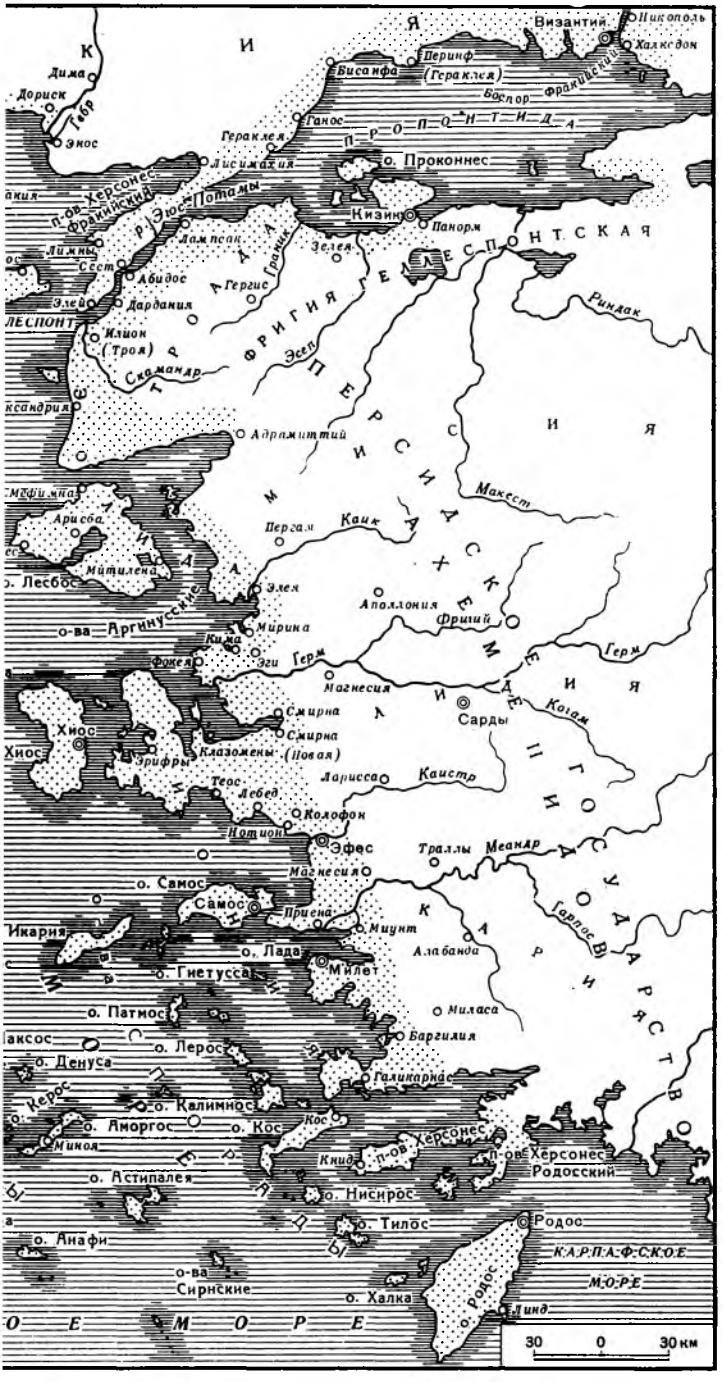
Замечательной особенностью политики Дионисия было его стремление не допустить развития антагонизма между этими, по существу, столь различными элементами, а, наоборот, по возможности сплавить их в рамках непрерывного сотрудничества — прежде всего в борьбе с внешним врагом — в единое неразрывное целое. В умении добиваться этого и заключалась сила Дионисия. При этом надо заметить, что конструктивное сотрудничество монархического порядка и гражданской общины не ограничивалось при Дионисии рамками одного державного полиса Сиракуз. До известной степени по тому же принципу строилась политика Дионисия в отношении всей созданной им новой державы.

В самом деле, все правление Дионисия прошло под знаком борьбы за объединение греческих общин Сицилии и прилегающего района Италии в единое политическое целое, спаянное общим подчинением утвердившемуся в Сиракузах государственному строю и общим же участием в направляемой им войне с карфагенянами. Что Дионисий использовал тенденции панэллинизма в собственных интересах, этого отрицать не приходится. Что при построении новой архэ, в борьбе с карфагенянами и в спорах с отдельными упорно отстаивавшими свое право на автономию греческими общинами ему приходилось опираться на союз с сикулами и италиками,

[41] Ср. свидетельства источников о представительных органах сиракузской общины: о народном собрании — *Diod.*, XIII, 96,3; XIV, 45, 2 sqq.; 64, 5—70,3; [*Arist.*] Oec., II, 2, 20, 1349 a 14—20, 25—28, 33—36; о магистратах традиционного типа — *Plato*. Ep. XIII, 363 c (полианомы); *Polyaen.*, V, 2, 12 (триерархи). Принципиальное подтверждение отмеченному факту (т. е. существованию и при режиме Дионисия полисных органов власти) находим мы и в надписи, содержащей текст договора о союзе между Афинами и Дионисием (IG, II—III², 1, № 105 = Syll.³, I, № 163 = *Tod*, II, № 136). Ср., с другой стороны, свидетельства об элементах новой монархической администрации: о так называемом совете друзей — *Diod.*, XIII, 111,1; XIV, 8,4 sqq., 61,2; об офицерах и чиновниках, чье назначение исходило непосредственно и исключительно от самого Дионисия — *Diod.*, XIV, 48,4; 53,5; 54,4; 60,4 и др. (навархи); XIV, 7,6—7; XV, 14,2 (эпархи); *Plut.* Dion., 11,5; *Diod.*, XIV, 53,5; *Aen. Tact.*, 10, 21—22 (фрурархи); *Plato*. Ep., VII, 329 e (начальники пограничной стражи); *Plut.* Dion., 4,2 (казначеи); *Plut.* De curios., 16, 522 f — 523 a; *Polyaen.*, V, 2, 13 (соглядатаи).



ГРЕЦИЯ V—IV ВВ. ДО Н. Э.


Византий
Никополь
Халкедон
Перинф
(Гераклея)
Бисанфа
Боспор Фракийский
Дима
Дориск
Гебр
Энос
Ганос
Гераклея
Лисимахия
о. Проконнес
Кизик
Панорм
п-ов Херсонес Фракийский
р. Эюс
Потамы
Лампсак
Лимны
Сест
Абидос
Элей
Дардания
Илион (Троя)
Скамандр
Гергис
Граник
Зелея
Эсеп
Риндак
Адрамиттий
Мефимна
Арисба
Митилена
о. Лесбос
Пергам
Каик
Макест
Элея
Аполлония
Фригий
о-ва Аргинусские
Мирина
Кима
Фокея
Эги
Герм
Магнесия
Сарды
Когам
Хиос
Смирна
Клазомены
(Новая)
Эрифры
Теос
Лебед
Ларисса
Каистр
Колофон
Нотион
Эфес
Траллы
Меандр
Магнесия
о. Самос
Самос
Приена
Миунт
Гарпос
Икария
о. Лада
Милет
Алабанда
о. Гиетусса
о. Патмос
Миласа
Баргилия
о. Лерос
о. Денуса
Галикарнас
о. Керос
о. Калимнос
о. Аморгос
о. Кос
Кос
Миноя
Книд
п-ов Херсонес
п-ов Херсонес Родосский
о. Астипалея
о. Нисирос
о. Тилос
Родос
о. Анафи
о-ва Сирнские
о. Халка
о. Родос
Линд
КАРПАФСКОЕ МОРЕ
30 0 30 км

это также вполне понятно. Однако все это не мешает признать созданное им политическое единство государственным образованием по преимуществу греческим.

Во всяком случае, не следует преувеличивать ни степени участия «варваров» в государственном строительстве Дионисия, ни масштабов осуществлявшегося им подавления эллинского элемента. Напротив, при ближайшем рассмотрении обнаруживается важная особенность державной политики Дионисия — безусловное сохранение полиса как основной ячейки созданного им нового территориального единства. Вопреки бытующему мнению о полном подавлении сиракузским тираном общинной организации сицилийских греков [42] факты свидетельствуют, что ведущие полисы державы Дионисия Сиракузы и Локры были укреплены и усилены за счет принудительного синойкизма и расширения территории, что прочие подвластные Дионисию города также сохранили, хотя, разумеется, и в урезанном виде, свой полисный статус (это вытекает из того, что их отношения с Дионисием, по крайней мере формально, строились на договорной основе.— Diod., XIII, 109,1; XIV, 47,4; 55,5; 66, 1—4), а вновь основанные греческие поселения, как правило, организовывались как гражданские общины (это засвидетельствовано для трех из примерно десяти основанных Дионисием греческих поселений) [43]. С известным основанием можно утверждать, что полисы — собственно греческие или эллинизированных сикулов — всегда оставались организационною основою архэ Дионисия [44].

Очевидно также, что именно необходимостью осуществлять достаточно конструктивный диалог с греческими общинами определялись и официальное положение, и титулатура Дионисия: подобно тому как в своем родном городе он официально оставался стратегом-автократором, за пределами Сиракуз, в прочей архэ, он выступал в качестве архонта Сицилии

[42] Это мнение восходит к древним писателям, оценивавшим политическое творчество Дионисия с традиционной полисной точки зрения (*Lys.*, XXXIII, cum argumento; *Isocr.*, IV, 169; *Plato.* Ep. VII, 331 e, 332 c—e, 336 a—d; VIII, 353 e, 357 b). В новое время оно было подхвачено Плассом (*Plass H. G.* Op. cit., II, S. 232 ff.), а затем воспринято и большею частью других исследователей. Исключение составлял лишь К. Ю. Белох, который пытался показать неоднозначность положения подчиненных правителю Сиракуз общин, наличие известных конституционных (договорных) начал в отношениях между Дионисием и членами его архэ и даже конституционность положения самого Дионисия в качестве главы созданного им нового политического единства (*Beloch K. J.* Gr. Gesch.[2] Bd. III, Abt. 1, S. 110 f., 127; Abt. 2, S. 185 ff.). Начатая Белохом аналитическая работа была продолжена К. Ф. Штроекером, который, однако, при вынесении окончательного суждения сделал акцент на отрицательной стороне — на неразрешимости для времени и режима Дионисия проблемы конструктивного взаимодействия центральной монархической власти с массивом подчиненных общин (*Stroheker K. F.* Dionysios I..., S. 168 ff.).

[43] Для Леонтин — *Plut.* Dion., 40,1; для Тиндариды — *Diod.*, XIV, 78,6; для Иссы и ее дочерних колоний — Syll.[3], I, № 141.

[44] Принятие в расчет эллинизированных сикульских общин нам кажется в данном случае вполне справедливым. Эллинизация туземного населения, которая, как считают (*Berve H.* Die Tyrannis..., Bd. I, S. 247; Bd. II, S. 649), именно при Дионисии сделала большие успехи, должна была привести и к постепенной трансформации социально-политического быта местных племен, к усвоению их общинами черт выработанной греками полисной организации.

(Syll. ³, I, № 128, 159, 163), довольствуясь таким же традиционным, неопределенно-общим обозначением своего правительствующего положения, каким пользовались, например, и боспорские Спартокиды в отношении греческих городов своей архэ (КБН, № 6, 10—11, 971—972, 1014—1015, 1037—1040) и какое было вполне под стать положению и титулу фессалийского тага при Ясоне.

Оценивая в целом политическое творчество Дионисия Старшего, созданную его усилиями новую территориальную державу, можно сказать: здесь мы сталкиваемся с особым вариантом совершавшегося повсеместно в греческом мире перехода от собственно полисного государства к государству державно-территориальному. Особенность этого варианта, его отличие от восточно-эллинистических монархий и, наоборот, его сходство с создававшимся Ясоном Ферским Фессалийским государством состоят прежде всего в сравнительно большей прочности и силе полисных традиций. В городах — членах архэ Дионисия — полисная структура была естественной формой организации, унаследованной от предшествующего периода, а не искусственно насажденной сверху. Отсюда— большее политическое значение полисов, с которыми новая авторитарная власть по необходимости должна была вступать во взаимодействие. Отсюда же — устойчивое сохранение важнейших республиканских институтов, равно как и развитие договорных, федеративных начал в державно-территориальном государстве Дионисия. Отсюда, наконец, и меньшая разработанность монархической власти, которая до поры до времени предпочитала довольствоваться фактическим преобладанием и не спешила с окончательным «увенчанием здания».

Ближайшим образом эта особенная ситуация в Сицилии объяснялась тем, что новое государственное образование сложилось здесь не как — или не только как — результат глобального военного подчинения, завоевания чужой территории и порабощения инородного населения. Формирование крупного территориального единства было обусловлено здесь столько же подчинением, сколько и объединением греческих городов перед лицом внешней опасности — наступлением карфагенян. Иными словами, война на греческом Западе играла роль не непосредственно творящего, а скорее стимулирующего фактора.

Как бы там ни было, не подлежит сомнению зависимость военно-политических образований, подобных державе Дионисия или Ясона Ферского, от создавшего их авторитарного режима. При жизни Дионисия Старшего тиранический режим в Сиракузах демонстрировал свою силу, однако после его смерти не замедлили обнаружиться и слабости. Преемник Дионисия Старшего — его сын, распутный и слабовольный Дионисий Младший,— оказался неспособным сохранить наследие отца. Прекращение наступательных войн привело сиракузскую тиранию к утрате той внешней инициативы и силы, без которых такие системы не могут существовать, и вспыхнувшая в этих условиях дворцовая распря оказалась гибельной для всей державы [45].

[45] См.: *Berve H.* Dion. Mainz: Wiesbaden, 1957; *Sprute J.* Dions syrakusanische Politik und die politischen Ideale Platons.— Hermes, 1972, 100, N 3, S. 294—314.

Дионисий Младший был сыном Дионисия Старшего от уроженки Локров Дориды. Но Дионисий Старший имел детей и от другой жены — сиракузянки Аристомахи. Брат Аристомахи Дион был одним из влиятельнейших соратников Дионисия Старшего. Накануне кончины тирана он безуспешно добивался изменения порядка престолонаследия в пользу своих племянников, а затем продолжил свои интриги уже прямо против Дионисия Младшего. С помощью Филиста, принципиального сторонника сильной единоличной власти, Дионисию Младшему удалось на время пресечь происки Диона. Однако, изгнанный из Сицилии (в 366 г.), Дион не успокоился и в 357 г. вернулся обратно с отрядом наемников. Выступив под лозунгом освобождения сицилийских греков от тирании, Дион сумел привлечь на свою сторону целый ряд городов (Акрагант, Гелу, Камарину), да и в самих Сиракузах его поначалу встретили как освободителя. Не сумевший помешать высадке Диона в Сицилии, а затем его вступлению в Сиракузы, Дионисий Младший ограничился обороною сиракузской цитадели Ортигии. В начале следующего года тиран, отчаявшись в возможностях продолжать борьбу, бежал в Локры. Он, правда, оставил на Ортигии гарнизон во главе со своим сыном Аполлократом, однако, предоставленный самому себе, этот гарнизон должен был в конце концов капитулировать (355 г.).

Однако свержение Дионисия Младшего обернулось и для сиракузян, и для остальных сицилийцев худшей стороной. Республиканские традиции в сицилийских городах за полвека непрерывной тирании были сильно ослаблены, и полисы оказались теперь во власти предприимчивых вождей наемных отрядов. В самих Сиракузах заявку на единоличное правление сделал сначала Дион. После недолгого пребывания у власти он был устранен своим соратником афинянином Каллипом, который в свою очередь на короткое время утвердился в Сиракузах (354 г.). Тираны сменяли друг друга с калейдоскопической быстротой, и в этом водовороте еще раз вынырнул на поверхность Дионисий Младший, который в 347 г. вторично овладел Сиракузами.

К этому времени политический хаос в Сицилии достиг своего предела. Мощная территориальная держава, созданная когда-то Дионисием Старшим, распалась. В каждом отдельном городе у власти стоял свой тиран, у которого, однако, сил хватало лишь на подавление местной гражданской оппозиции и на борьбу с соперниками. Страна, лишенная единства, в любой момент могла подвергнуться нападению карфагенян, которые давно уже с пристальным вниманием следили за развитием событий в греческой части острова.

В этих условиях представители республиканской оппозиции в Сиракузах обратились за помощью к своей метрополии — Коринфу. Оттуда в 344 г. на помощь сицилийцам был отправлен Тимолеонт, убежденный республиканец, доказавший свою приверженность полисным принципам выступлением против собственного брата Тимофана, когда тот пытался захватить власть в Коринфе [46]. Явившись в Сицилию с небольшим отря-

[46] О Тимолеонте и его миссии в Сицилии подробнее см.: *Stier H. E.* Timoleon.— RE, 2. R., Hbbd. 11, Sp. 1276—1291; *Westlake H. D.* Timoleon and the Reconstruction

дом наемников, Тимолеонт, действуя необычайно последовательно и энергично, в короткий срок добился исключительных успехов: Сиракузы были освобождены от тирании, древнее республиканское устройство было восстановлено и были приняты меры — в частности, путем приглашения новых колонистов из Греции — к расширению и укреплению сиракузской гражданской общины.

Попытки карфагенян прямой интервенцией помешать возрождению Сиракуз были решительно пресечены. Для продолжения борьбы с Карфагеном был создан союз сицилийских городов. В 341 г. в сражении у р. Кремис союзные греческие войска наголову разгромили большую карфагенскую армию. Мир, заключенный вскоре после этого, подтвердил прежнее разграничение владений карфагенян и греков по линии Гимера—р. Галик — Гераклея Минойская (339 г.).

Покончив с карфагенской опасностью, Тимолеонт вновь обратился против того, что считал главным злом, и завершил искоренение тиранических режимов в остальных сицилийских городах. К 337 г. усилиями Тимолеонта и его соратников мир и порядок в Сицилии были восстановлены повсеместно. Однако достигнуто было по преимуществу внешнее упорядочение; остановить внутренние процессы разложения было невозможно, и спустя короткое время, когда поколение Тимолеонта сошло со сцены, сицилийские города вновь оказались охвачены смутой.

Замечательную параллель к истории как сиракузской, так и ферскофессалийской тирании представляет тирания в Гераклее Понтийской. Основанная около 560 г. до н. э. выходцами из Мегар, Гераклея Понтийская развивалась как характерная дорийская колония. Господствующее положение занимали в городе потомки первоначальных переселенцев, которые поделили окружающие Гераклею плодородные земли на наделы, покорили и обратили в рабов местных варваров-мариандинов и составили мощный слой военно-землевладельческой знати, подобно тому как это было в Спарте или Фессалии. В то же время благодаря обилию сырья и доступности моря в Гераклее интенсивно развивались ремесло и торговля и росло значение связанного с этими занятиями городского демоса. Составлявшие его ремесленники, торговцы, матросы, как правило, принадлежали к позднейшим переселенцам, нередко даже недорийского происхождения. Находясь вне исконной общинной организации, не имея доступа к земле и к управлению государством, эта масса выступала против засилья дорийской знати и требовала полного уравнения в правах всех свободных колонистов [47].

of Syracuse.— CHJ, 1942, VII, p. 73—100; *Idem.* Timoleon and His Relations with Tyrants. Manchester, 1952; *Sordi M.* Timoleonte. Palermo, 1961.

[47] Основные источники для истории социальной борьбы в Гераклее в первые два века ее существования — разрозненные, но очень ценные свидетельства Энея Тактика и Аристотеля (*Aen. Tact.*, 11, 10a — 11; *Arist.* Pol., V, 4, 2, 1304 b 31—34; 5, 2, 1305 b 1—12; 5, 1305 b 33—36; 10, 1306 a 31 — b 2; ср.: *Iustin.*, XVI, 3. 8). Для их оценки и реконструкции главных линий социально-политического развития Гераклеи см.: *Plass H. G.* Op. cit., Bd. I, S. 83 ff., 256 f.; *Apel H.* Die Tyrannis von He-

Однако землевладельческая аристократия, опираясь на монопольное положение в сельском хозяйстве, которое всегда оставалось ведущей отраслью в экономике Гераклеи, а также пользуясь поддержкой персидских царей и сатрапов, с успехом противостояла демократическому натиску. Затянувшаяся сословная борьба так и не разрешилась в Гераклее в классическую эпоху радикальным переустройством, и к середине IV в. до н. э. знать все так же противостояла демосу, как и в конце VI в. При этом в духе времени древний сословный антагонизм принял характер более широкого классового конфликта: борьба землевладельческой знати с городской демократией постепенно трансформировалась в борьбу знатной и богатой верхушки полиса с массой простого народа, страдавшего от безземелья и долгов.

К середине 60-х годов IV в. острота социальных противоречий в Гераклее достигла предела (Iustin., XVI, 4, 1 sqq.). Демос все энергичнее требовал передела земли и ликвидации долгов. Дело шло к открытому столкновению между народом и знатью, и положение последней становилось тем более затруднительным, что движение свободной бедноты грозило сомкнуться с выступлением порабощенных туземцев-мариандинов. Вдобавок, как это было в свое время в Сиракузах, напряженная внутренняя ситуация осложнилась внешними трудностями. Уже давно (может быть, с конца 90-х годов) Гераклея находилась в состоянии войны с Боспором. Порожденная аннексионистскими устремлениями боспорских Спартокидов, в частности их наступлением на союзную с Гераклеей Феодосию, война эта затянулась на долгие годы и, истощив силы участников, со своей стороны содействовала обострению внутренней обстановки в Гераклее [48]. В 60-х годах конфликт с Боспором еще не был разрешен, а между тем к нему грозил добавиться новый, уже на самом азиатском материке, ввиду обнаружившихся стремлений Митридата, сына сатрапа Геллеспонтской Фригии Ариобарзана, сделать Гераклею своим доменом (Iustin., XVI, 4, 7 sqq.; ср. Suidas, s. v. Κλέαρχος).

В этих условиях, чувствуя всю шаткость своего положения, гераклейская олигархия лихорадочно искала поддержки извне и в конце концов не придумала ничего лучше, как призвать на помощь Клеарха, знатного и честолюбивого гераклеота, который незадолго до того за свои опасные происки был изгнан из города и теперь состоял при Митридате в качестве командира одного из наемных отрядов [49–50]. Клеарх, войдя

raklea. Halle, 1910, S. 20 ff.; *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. 2. Aufl. Berlin; Leipzig, 1922, Bd. III, Abt. 1, S. 136 f.

[48] О времени и обстоятельствах конфликта между Гераклеей и Боспором подробнее см.: *Латышев В. В.* ПОНТИКА, с. 74—75, 76—77; *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье, с. 168—170; *Каллистов Д. П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, с. 209 слл.; *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство, с. 58—59; *Burstein S. M.* Outpost of Hellenism. The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley: Los-Angeles; London, 1976, p. 42—45.

[49–50] См. *Diod.*, XV, 81, 5; *Iustin.*, XVI, 4, 4 sqq.; *Memnon*, IX — X, 1, 1; *Aen. Tact.*, 12, 5; *Polyaen.*, II, 30; *Suidas*, s. v. Κλέαρχος. О выступлении Клеарха и установлении тирании в Гераклее Понтийской см. также: *Beloch K. J.* Op. cit., Bd. III, Abt. 1, S. 137 ff.; Abt. 2, S. 94 ff.; *Lenschau Th.* Klearchos (4).— RE, Hbbd. 21, Sp.

в сговор с Митридатом и получив от него необходимое число воинов, не замедлил явиться в город. Он обманул бдительность олигархов, добившись благоприятного для них соглашения с демократической партией. Затем он призвал Митридата, но вместо того, чтобы, согласно уговору, вручить ему город, задержал его вместе со всей свитой и отпустил лишь после того, как тот внес за себя огромный выкуп. Добыв таким образом деньги на содержание наемников и сильно увеличив их число, Клеарх продолжил восхождение к власти. Теперь он разгромил олигархический Совет трехсот и, разыгрывая из себя защитника народных интересов, добился от народа назначения стратегом-автократором (364/3 г.).

Продолжая борьбу с оппозиционно настроенными аристократами, Клеарх избивал их или изгонял из города, а имущество конфисковывал и пускал в передел, содействуя таким образом частичному решению аграрного вопроса. Более того, если верить традиции, он даже освобождал на волю рабов репрессированных аристократов и отдавал им в жены супруг и дочерей их бывших хозяев (Iustin., XVI, 4, 17 sqq.; 5, 1 sqq.). Однако подобные радикальные мероприятия проводились им лишь в первые годы, да и тогда они отнюдь не носили характера широкой «социальной революции», будучи обращены своим острием лишь против части полисной верхушки — враждебной новому режиму аристократии [51]. Утвердившись у власти, Клеарх окончательно сбросил маску и стал править как настоящий тиран, заботясь исключительно о сохранении собственного авторитарного положения и о личной безопасности.

Путь Клеарха к власти — от аристократической гетерии к демагогии, а затем к тирании — разительно напоминает восхождение Дионисия Старшего, которому гераклейский тиран вообще старался подражать во всех своих действиях. Как в Сиракузах при Дионисии, так и в Гераклее при Клеархе полисная организация формально продолжала существовать, однако над ней теперь возвышалась новая авторитарная власть, которая, родившись как будто бы законным путем, в дальнейшем существовала лишь благодаря непрерывной узурпации. Утвердившись в качестве единоличного правителя в общине с сильными аристократическими традициями, Клеарх, естественно, не доверял согражданам и в конце концов разоружил и совершенно распустил гражданское ополчение (Polyaen., II,

577—579; *Lenk B.* Die Tyrannen von Herakleia am Pontos.— WM, 1927, IV, S. 77—83; *Berve H.* Die Tyrannis..., Bd. I, S. 315 ff.; Bd. II, S. 679 ff.; *Burstein S. M.* Op. cit., p. 47 sqq.

[51] Показательно, что Клеарх не посягнул на основу основ консервативной социально-экономической структуры Гераклеи — на статус мариандинов. Нет никаких оснований, по примеру Пласса, под освобожденными на волю рабами, о которых говорит Юстин, понимать именно мариандинов (*Plass H. G.* Op. cit., I, S. 258; ср. также: *Berve H.* Die Tyrannis..., Bd. I, S. 317; *Mossé C.* La tyrannie..., p. 129—130); в массе своей это скорее могли быть рабы обычного типа, лично принадлежавшие репрессированным аристократам. Напротив, то обстоятельство, что Платон и Аристотель, современники Клеарха, в своих более поздних произведениях по-прежнему ссылались на гераклейских мариандинов как на современный пример порабощенного земледельческого населения (*Plato.* Legg., VI, 19, 776 c—d; *Arist.* Pol., VII, 5, 7, 1327 b 7—15), доказывает сохранение гераклейскими тиранами установившейся ранее принципиальной схемы социальных отношений.

30, 3; Isocr. Ep., VII, 9). Он правил, опираясь исключительно на силу. Все же он понимал необходимость известной, хотя бы видимой, легитимизации основанного им режима и вступил на путь, по которому позднее пошли Филипп, Александр и все эллинистические монархи. Он объявил себя сыном Зевса, в торжественных случаях стал появляться на людях в золотом венке и в пышном царском облачении, приказывал нести перед собой золотого орла — символ его божественного происхождения, наконец, дал своему сыну Тимофею дополнительное прозвище «Керавн» (Перун). Все это говорило о сознательном стремлении учредить новый культ правителя и таким образом придать тиранической власти недостающий ей духовный ореол. Действия Клеарха примечательны для суждения о нарождавшихся новых политических тенденциях, однако самому тирану желаемого успеха они не принесли: ни жестким политическим контролем, ни религиозными ухищрениями ему не удалось совершенно обезопасить себя от покушений республиканцев, и на 12-м году правления (352/1 г.) он пал от руки собственного сородича, убежденного противника тирании Хиона [52].

Убийство Клеарха не привело, однако, к ликвидации тирании. Брат покойного Сатир подавил заговор и, жестоко расправившись с его участниками, пресек дальнейшее развитие республиканского движения [53]. В течение семи лет Сатир правил в качестве опекуна своих племянников — сыновей Клеарха, а затем передал власть старшему из них Тимофею. В правление Тимофея (345—337 гг.) тиранический режим в Гераклее смягчается. Объяснялось это не только мягким характером самого Тимофея, но и объективными причинами: оппозиции давно уже не существовало, авторитарный режим в Гераклее приобрел черты традиционного, устоявшегося порядка, и наследники Клеарха и Сатира могли позволить себе либеральное поведение. Из своих средств Тимофей выплатил кредиторам причитавшиеся им с должников суммы, предоставил льготные займы нуждающимся, освободил заключенных и, возможно, даже вернул оружие гражданам.

При брате Тимофея Дионисии (337—305/4 гг.) Гераклейское государство достигает высокой степени процветания и приобретает большой политический вес (Diod., XVI, 88,5; XX, 77,1; Memnon., XI—XII, 4, 1—9). Дионисий умело воспользовался новой международной обстановкой, которая сложилась в результате вторжения Александра Македонского в

[52] До нас дошел сборник из 17 писем, приписываемых этому Хиону, а на самом деле составленных каким-то ученым грамматиком римского времени (как полагают, при Домициане). Автор писем опирается на свидетельства гераклейских историков Нимфида и Мемнона, и некоторые сообщаемые им детали не лишены исторического интереса. Издания этих писем: *Hercher R.* Epistolographi Graeci. P., 1873, p. 194—206; *Düring J.* Chion of Heraclea. A Novel in Letters.— Göteborgs Högskolas Arsskrift, 1951, LVII, H. 5, p. 1—123 (с обширным введением и комментарием).

[53] О преемниках Клеарха и дальнейшей судьбе гераклейской тирании см. также: *Apel H.* Die Tyrannis von Heraclea. Halle, 1910; *Beloch K. J.* Op. cit., Bd. III, Abt. 1, S. 139 f.; Abt. 2, S. 94 ff.; Bd. IV, Abt. 1, 1925, S. 124, 162 f., 214, 233, 244 f.; *Lenk B.* Die Tyrannen von Herakleia am Pontos.— WM, 1928, V, S. 13—21; *Berve H.* Die Tyrannis..., Bd. I, S. 319 ff.; Bd. II, S. 681 f.; *Burstein S. M.* Op. cit., p. 65 ff.

Азию. Крушение Персидской империи и то, что Александр был занят дальнейшими завоеваниями на Востоке, отсутствие в Малой Азии твердого порядка предоставили гераклейскому правителю возможность сильно округлить свои владения за счет соседних земель. В результате Гераклейское государство превратилось в настоящую территориальную державу.

Вообще Дионисий был искусным политиком. При жизни Александра он сумел избежать открытого конфликта с царем-завоевателем, хотя тот не раз грозился покончить с гераклейским тираном. Позднее, при диадохах, Дионисий также умело лавировал и, вовремя примкнув к Антигону Одноглазому, самому сильному из новых властителей в Азии, на долгие годы обеспечил безопасность и устойчивость своему государству. Более того, посредством умелой династической политики он сумел примкнуть к кругу самих могущественных диадохов. Он сам женился на Амастриде, племяннице последнего персидского царя, бывшей ранее замужем за видным полководцем Александра Кратером, а свою дочь он выдал замуж за племянника Антигона, сатрапа Геллеспонтской Фригии Птолемея. Опираясь на эти связи и на реальную силу своего государства, Дионисий чувствовал себя равным прочим диадохам и позднее одновременно с ними припял царский титул (306 г.).

После смерти Дионисия Гераклейским государством управляла в течение некоторого времени его вдова Амастрида (Memnon., XI—XII, 4, 9—10; Diod., XX, 109,6—7). Этой умной и энергичной женщине в течение ряда лет удавалось с помощью той же политики лавирования сохранять независимое положение среди могущественных эллинистических правителей. Амастрида правильно угадала исход великого противоборства между Антигоном и остальными диадохами и, своевременно примкнув к Лисимаху, обеспечила себе место среди победителей. Положение изменилось, лишь когда власть приняли подросшие сыновья Дионисия и Амастриды Клеарх II и Оксатр. Не обладая ни умом, ни тактом своих родителей, новые правители самовластными, тираническими выходками скоро возбудили недовольство народа, а убийством матери, тяготившей их своею опекою, восстановили против себя вдобавок и Лисимаха. Последний явился с войском под Гераклею, под видом старого союзника сумел проникнуть в город и здесь распорядился схватить и казнить братьев-тиранов (288/7 г.).

Лисимах объявил о восстановлении в Гераклее свободы, но фактически удержал город за собой. Позднее он выделил Гераклею в удел своей жене Арсиное, которая управляла городом через наместника кимейца Гераклида, и лишь падение Лисимаха в 281 г. принесло гераклеотам действительное освобождение (Memnon., XI—XII, 7; XIII—XIV, 9—11).

Тирании в Сиракузах и Гераклее Понтийской служат яркими примерами того, как установлением авторитарных режимов преодолевалась кризисная ситуация в периферийных греческих полисах. Более сложными были случаи на Боспоре Киммерийском и на Кипре. Установившиеся здесь еще в V в. режимы личной власти (Спартокидов на Боспоре и Евагора и его преемников на Кипре), хотя и были сродни тирании, особенно по способу установления, все же отличались большей традиционностью,

большей близостью к «правильной» наследственной монархии. Историю этих режимов, разумеется, можно рассматривать и в русле общей греческой истории позднеклассического времени, однако еще больше оснований отнестись к ним как к вехам специфического местного развития. Во всяком случае, историю боспорских Спартокидов гораздо уместнее рассматривать в связи с общей историей античных городов Северного Причерноморья.

ОБЩАЯ ОЦЕНКА МЛАДШЕЙ ТИРАНИИ

Оценивая историческое значение младшей тирании, следует еще раз подчеркнуть ее тесную связь с кризисом полиса. Можно с полным правом утверждать, что решающую роль в возрождении тирании в позднеклассический период сыграла общественная обстановка, смута, вызванная обострением социальных отношений в полисе и усугубленная внешними военно-политическими осложнениями. Во всех известных случаях рождение тиранических режимов было обусловлено острыми конфликтными ситуациями: внутренними, по преимуществу социального характера, как это было в Фессалии; внешними, связанными с ростом регионального самоопределения, как это было в Фокиде; наконец, сочетанием тех и других, как это было в городах Пелопоннеса или, еще более, в периферийных полисах — Сиракузах и Гераклее.

Насколько естественным — в условиях кризиса полисной системы — было возрождение тирании, настолько же чужеродной выглядела сама эта политическая форма с точки зрения полисных установлений и традиций. В самом деле, невозможно доказать, что творцами новых авторитарных режимов были вполне определенные и всегда одни и те же по своей социально-политической характеристике лица, партии и слои населения. История младшей тирании показывает, что ни одна из традиционных политических партий в полисах целенаправленно не подготавливала тиранических режимов — эти режимы возникали в периоды общественной смуты и гражданской депрессии в результате неожиданной комбинации сил, будучи как бы навязаны сложившимися обстоятельствами или внешними причинами. Скажем иначе: у тирании не было определенного творца в смысле устойчивой, давно сложившейся политической партии или социального слоя. Она порождалась обстановкой, демонстрировавшей банкротство традиционных полисных институтов перед трудностями нового времени и создававшей благодаря этому условия для возникновения режимов личной власти.

Сугубая ситуационная обусловленность младшей тирании подсказывает два следующих вывода о характере ее как власти и о ее политическом значении. С одной стороны, очевидно, что тирания как таковая могла быть лишь преходящей, не имеющей прочных корней в обществе властью. Она опиралась не на тот или иной социальный слой и соответствующую ему политическую партию, а на своеобразную временную комбинацию сил, ядром которой была небольшая инициативная группа в лице

самого тирана и его ближайших друзей, группа, располагавшая реальной силой — наемным войском и пользовавшаяся известной поддержкой масс. Не связанная тесно с конкретным социальным слоем (или слоями), функционирующая не в интересах общества, а, так сказать, сама по себе и для себя, такая власть не могла рассчитывать на длительное существование.

Перед носителями новых авторитарных режимов стояла, таким образом, задача хоть сколько-нибудь убедительно обосновать свою власть. Такое обоснование можно было найти только в исполнении, хотя бы частичном, насущных социальных требований или же, что было проще, в осуществлении какой-либо большой внешнеполитической программы, так сказать, общенародного, «национального» масштаба. Обнаруженное отдельными тиранами, например Ясоном Ферским и Дионисием Сиракузским, стремление к реализации такого рода программ, безусловно, сообщало их власти дополнительную устойчивость, но тогда и сама эта власть перерождалась и переставала быть просто тиранией.

С другой стороны, коль скоро тирания порождалась нездоровой общественной ситуацией, а самый характер этой ситуации зависел от места и времени, естественно предположение о многоликости и многозначимости позднеклассической тирании. Как форма власти тирания — вполне определенное, однозначное понятие, однако в конкретных проявлениях своих тирания позднеклассического времени могла быть различной. Она могла быть откровенно беспринципным режимом, как было в случае с Ясонидами и Клеархом Гераклейским; могла рядиться в одежды защитницы дела народа и государства, как, очевидно, было в случае с Евфроном Сикионским и Тимофаном Коринфским; могла быть, наконец, формой действительного «национального» предводительства, как показывает пример Ясона — тага Фессалии или фокидских стратегов-автократоров.

Особым, может быть, наиболее сложным вариантом надо признать выступление Дионисия Старшего, в деятельности которого причудливо сплетались воедино — без видимого перевеса — самые разнообразные моменты: и неукротимое стремление к ничем не ограниченной, именно тиранической власти, и искусная демагогия, направленная на маскировку этого стремления популярными социальными и политическими идеями, и действительная борьба за реализацию этих идей, в особенности идеи защиты интересов сицилийских греков от покушений со стороны карфагенян.

Этой разностью конкретного воплощения обусловливается и особая сложность при оценке исторической роли младшей тирании. Авторитарные режимы позднеклассического времени все были порождены смутным временем, и все являлись своеобразными вариантами преодоления смуты. Однако форма и степень этого преодоления были различны: от элементарного, но бесперспективного «оседлания» этой смуты до поисков — разумеется, под эгидою и в интересах нового режима — позитивной альтернативы прежнему порядку. В этом отношении особенно интересны и плодотворны были опыты построения новой политической системы, осуществленные Ясоном Ферским и Дионисием Сиракузским, фокидскими страте-

гами-автократорами и гераклейскими правителями — преемниками Клеарха. В особенности у первых двух примечательна тенденция к осуществлению конструктивного диалога между гражданской общиной, полисом, и авторитарной, монархической властью в целях построения нового политического единства державно-территориального типа.

Однако как раз названные примеры и свидетельствуют самым убедительным образом об ограниченности политических возможностей младшей тирании. Ни Ясону, ни Дионисию Старшему при всех конструктивных достижениях их державной политики так и не удалось создать монархическую систему такой прочности, чтобы она смогла продолжить полноценное существование и после смерти своего основателя. Сугубая зависимость существования этих режимов от личных качеств их носителей должна указывать на отсутствие более или менее прочного широкого основания. На почве одних лишь греческих полисов с их естественным, традиционным республиканизмом длительное и прочное существование режимов личной власти было невозможно.

Вот почему младшей тирании — сугубо греческому явлению — не суждено было в целом стать конструктивным вариантом преодоления кризиса полиса. Выход мог быть найден лишь путем более широкой комбинации. Предел социальной и политической смуте в Греции был положен внешней силой — македонскими царями, чья власть действительно опиралась на более широкое и достаточно традиционное основание в их собственной стране, а затем и на еще более широкие державные достижения за пределами греко-македонского мира. И хотя установленный македонскими царями порядок оказался явлением достаточно искусственным и эфемерным, его масштабы — и территориальные и временные — далеко превзошли то, что было достигнуто самыми выдающимися представителями младшей тирании.

Соответственно должно быть определено и отношение младшей тирании к эллинистической монархии: известное типологическое сходство не исключает здесь больших различий по существу. В самом деле, во многих отношениях тираны позднеклассического времени, несомненно, были предтечами позднейших владык Греции — македонских и эллинистических царей: в создании сильной единоличной власти, в выработке монархического этикета и культа правителя, в поисках положительного modus vivendi между монархической властью и гражданской общиной, в стремлении выйти за пределы полиса и построить более обширное территориальное единство. Однако в целом, младшая тирания и греко-македонская эллинистическая монархия являют собою два различных исторических типа. В тирании позднеклассического времени надо видеть вариант поиска, который велся по преимуществу на греческой почве и греческими силами. Однако по большому счету этот вариант оказался несостоятельным. Новый вариант — эллинистический — возник благодаря совершенно особой политической ситуации, вызванной державною политикой Македонии, и ни в каком генетическом родстве с тиранией не состоял.

ГЛАВА 5 ПАНЭЛЛИНИЗМ В ПОЛИТИКЕ IV В. ДО Н. Э.

ДОКТРИНА ПАНЭЛЛИНИЗМА

Своеобразным идеологическим эхом того кризиса, который охватил мир греческих полисов в позднеклассический период, явилась доктрина панэллинизма, т. е. убеждение в необходимости покончить с межполисными раздорами, добиться общего мира, объединить Элладу в политическое целое и общими силами всех эллинов осуществить завоевательный поход против варваров.

Хотя окончательное формирование этой доктрины связано с условиями, возникшими в период кризиса классического полиса (IV в.), истоки панэллинизма как особой идеи и политики уходят еще в эпоху ранней классики (первая половина V в.). Тогда, в ходе греко-персидских войн, окончательно утвердился своеобразный полисный строй греков, а одержанная благодаря ему победа в столкновении с персами привела греков к осознанию своего отличия и, более того, превосходства над народами древнего Востока [1].

Великолепными иллюстрациями могут служить отдельные высказывания древней аттической драмы. Уже у Эсхила в «Персах» (472 г.) мы находим яркое подтверждение укоренившегося мнения об отличии и превосходстве политической природы эллинов по сравнению с варварами. Вдова Дария и мать Ксеркса Атосса рассказывает хору персидских старейшин о своем вещем сне — как привиделось ей, будто сын ее Ксеркс пытался надеть ярмо и впрячь в колесницу двух женщин, олицетворявших одна — страну варваров, а другая — Элладу, одна — рабскую покорность, а другая — любовь к свободе:

Сбруе этой радуясь.
Одна из них послушно удила взяла.
Зато другая, взвившись, упряжь конскую
Разорвала руками, вожжи сбросила
И сразу же сломала пополам ярмо

(стих. 192—196. Пер. С. Апта).

Пелопоннесская война, не только обескровившая междоусобной бранью греческие полисы, но и положившая начало новому вмешательству соседних «варварских» государств в греческие дела, дала новый толчок к размышлению над темой о различии эллинов и варваров и историческом предназначении тех и других. При этом, по мере того как становились

[1] Таково общепринятое мнение. Ср.: *Burckhardt J.* Griechische Kulturgeschichte. B., s. a., Bd. 1, S. 294.

очевидными катастрофический характер политических пертурбаций в Греции и реальность персидского (на западе — карфагенского) вмешательства, трактовка традиционной темы эллинов и варваров начинала приобретать все более определенный политический смысл, дополняясь такими чертами, которые очень скоро — в начале следующего столетия — должны были сделать из ряда взаимосвязанных идей форменную доктрину. Первым таким дополнением естественно явилось требование единства эллинов перед лицом враждебных им варваров. С таким именно призывом выступил Аристофан, в пьесе которого «Лисистрата» (412 г.) главная героиня, обращаясь одинаково и к афинянам, и к спартанцам, восклицает:

Как родные, кровные,
Из одного ковша вы возливаете
На алтари, у Фермопил, в Олимпии,
В Пифо, да где еще, не перечесть всего!
И вот, перед лицом враждебных варваров
Поля Эллады вы опустошаете!

(сткк. 1149—1154. Пер. А. Пиотровского).

Затем из старинного убеждения в превосходстве эллинов над варварами был сделан вывод о природной предопределенности: эллинов — властвовать над варварами, а последних — подчиняться эллинам. У Еврипида в «Ифигении в Авлиде» (407—406 гг.) мы находим замечательное выражение этой идеи. Между тем как самим сюжетом своим и характерным пафосом пьеса наводила на мысль о возможности возобновления героического противоборства единой Эллады с заклятым врагом — азиатскими варварами, устами главной героини — готовой принести себя в жертву ради победы над врагом Ифигении — поэт провозглашал принцип, исполненный столь же высокого патриотизма, сколь и самого откровенного и низменного шовинизма. Русский романтизированный перевод И. Анненского именно в силу своего романтизма не передает адекватным образом того простого и четкого, достигающего высочайшей степени обобщенности положения, которое, отражая самую суть античного миропонимания, делает из Еврипида — философа на сцене — прямого предтечу того, кто был философом по преимуществу,— Аристотеля:

Грек цари, а варвар гнися! Неприлично гнуться грекам
Перед варваром на троне. Здесь — свобода, в Трое — рабство!
(βαρβάρων δ' Ἕλληνας ἄρχειν εἰκός, ἀλλ' οὐ βαρβάρους,
μῆτερ, Ἑλλήνων· τὸ μὲν γὰρ δοῦλον, οἵ δ' ἐλεύθεροι)

(сткк. 1400—1401).

Формирование панэллинской доктрины решающим образом было ускорено кризисом, охватившим полисную систему греков на рубеже V—IV вв. Победа Спарты в Пелопоннесской войне обернулась для Греции настоящей трагедией. Противоестественное утверждение проспартанских олигархических режимов в сравнительно развитых, тяготевших ранее к Афинам городах, разрушение крупнейшего политического единства —

Афинского морского союза, который хорошо ли, плохо ли, но удовлетворял потребностям к сближению этих развитых полисов, неспособность консервативной Спарты возместить этот урон,— все это были факторы дестабилизации, содействовавшие усугублению социально-политического хаоса в Греции в позднеклассическое время.

К этим внутренним отрицательным моментам надо добавить еще и внешний — усилившееся в результате Пелопоннесской войны вмешательство в греческие дела соседних государств — Персии на востоке и Карфагена на западе. Противоборствующие социально-политические группировки в отдельных полисах и в еще большей степени соперничающие государства и объединения, призывая на помощь персов или карфагенян и затем оплачивая эту помощь территориальными или политическими уступками, развязали инициативу соседей-«варваров». Персия уже в ходе Пелопоннесской войны благодаря соглашениям со Спартой (412—411 гг.) восстановила утраченные в первой половине V в. позиции в западной, греческой части Малой Азии. Когда же Спарта, переоценив свою силу и возможности, попыталась оспорить эти уступки — сначала, пока шла распря Кира Младшего с его братом Артаксерксом II, различными происками, а затем и прямыми военными действиями (с 400 г.),— персы не только отразили спартанские вторжения в Азии, но и сумели навязать Спарте силами остальных греков войну в самой Греции. В результате Коринфской войны (395—386 гг.), когда против Спарты при поддержке персов выступила целая коалиция греческих полисов (Фивы, Афины, Коринф и Аргос), Спарта лишилась своего монопольного, державного положения в Греции, между тем как персидский царь, продиктовавший борющимся сторонам условия так называемого Царского, или Анталкидова, мира, стал на долгие годы — вплоть до решающих успехов Филиппа II — высшим арбитром в греческих делах. В свою очередь и карфагеняне, пользуясь ослаблением после двух афинских вторжений в конце V в. ведущего полиса Сицилии Сиракуз, попытались подчинить себе греческий Запад; и хотя решающего успеха они не добились — их натиск был остановлен выросшей во время и благодаря этим осложнениям тиранией Дионисия Старшего,— тем не менее их давление на западных греков оставалось весьма ощутимым вплоть до выступления — уже в III в.— римлян.

Конечно, политическую жизнь Эллады в IV в. нельзя однозначно расценивать как состояние хаоса. Естественные процессы экономического роста и обусловленного им экономического и культурного сближения приводили к преодолению узких рамок полисного государства. Это преодоление полиса вовне находило свое выражение в целом ряде характерных явлений. Можно указать на попытки возобновления традиционных военно-политических объединений типа симмахий, как было в случае с Афинским морским союзом (возобновлен на несколько иных началах в 378/7 г.). Затем — на возрождение и пробуждение к активной политической жизни старинных религиозно-политических объединений — амфиктионий. Примером может служить судьба Дельфийской амфиктионии, которой суждено было сыграть важную роль в политической игре Ясона Ферского, фокидских стратегов и, наконец, Филиппа Македонского. Но,

вероятно, самым замечательным было возрождение или создание заново региональных, опиравшихся на племенное родство и соседские связи, союзов — τὰ κοινά. Можно назвать целый ряд таких объединений, проявивших себя именно в позднеклассическое время: Халкидикский союз, сложившийся вокруг Олинфа еще в период Пелопоннесской войны; Фессалийский союз, возобновленный на новой, авторитарной основе Ясоном Ферским, а затем, еще раз, на республиканских началах — освободившимися от опеки Ясонидов фессалийскими городами; Фокидский союз, пробудившийся к жизни — правда, кратковременной — ввиду необходимости для фокидских городов совместными силами противостоять давлению беотийцев; союз этих последних, возрожденный и реконструированный на основе демократической централизации Пелопидом и Эпаминондом наконец, Аркадский союз, созданный при поддержке тех же беотийцев в качестве противовеса Спарте. Во всех этих региональных κοινά примечательным было движение в сторону более или менее конструктивного политического единства (особенно в Беотийском союзе). Впрочем, такого рода тенденцию можно обнаружить даже в некоторых симмахиях традиционного типа (о чем говорит опыт II Афинского морского союза), вследствие чего справедливо говорить о больших успехах федерализма в IV в. [2]

Однако, сколь бы ни были значительны успехи греков в преодолении полисного партикуляризма и обусловленного им политического хаоса, более впечатляющими были проявления именно этого последнего. Полисная автаркия и автономия, равно как и порожденные ими эгоистические традиции внешней политики отдельных полисов, все еще оставались неодолимыми препятствиями на пути к объединению. Возрождение более или менее обширных военно-политических единств приводило к усугублению межполисных коллизий, и если росту той или иной симмахии не клали предел усилия соперничающих с нею полисов или союзов (как было в случаях с Беотийским и Фокидским союзами), то она все равно разваливалась из-за великодержавных устремлений ведущего полиса-гегемона и ответной реакции его «малых» партнеров (практический распад II Афинского союза в результате так называемой Союзнической войны). В свою очередь, амфиктионии нередко становились ареной сведения счетов между отдельными полисами или группами полисов. Примером может служить конфликт между беотийцами и фокидянами, приведший к третьей Священной войне (356—346 гг.). Что же касается региональных объединений, то их федеральные структуры были еще слишком неразвиты и слабы, чтобы претендовать на прочность. Опасности, проистекавшие от великодержавных устремлений ведущих полисов или амбиций соперничающих общин, и здесь были велики. И уж, конечно, не приходилось рассчиты-

[2] Ср.: *Vischer W.* Über die Bildung von Staaten und Bünden oder Centralisation und Föderation in alten Griechenland.— In: Vischer W. Kleine Schriften. Leipzig, 1877, Bd. 1, S. 326 ff.; *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. 2. Aufl. Berlin; Leipzig, 1922, Bd. III, Abt. 1, S. 515 ff.; *Will E., Mossé C., Goukowsky P.* Le monde grec et l'Orient. P., 1975, t. 2, p. 175—185.

вать на дальнейшее естественное объединение этих κοινά в общегреческое единство.

Самое большее, чего удавалось добиться в ту пору совместными и добровольными усилиями всех греков, это провозглашение общего мира (κοινὴ εἰρήνη). И действительно, по примеру и в развитие общего мира, однажды объявленного в Греции благодаря инициативе персидского царя (Царский мир 386 г.), не раз в последующем достигались соглашения о κοινὴ εἰρήνη: в 375/4, 371, 362/1 и, может быть, также 346 гг. Однако дальше провозглашения дело здесь так и не пошло. Не подкрепленные надлежащими политическими гарантиями в виде авторитетной общегреческой организации, способной беречь и охранять однажды добытый мир, соглашения о κοινὴ εἰρήνη так и оставались до времени окончательного торжества Филиппа II лишь прокламациями, отражавшими, помимо непосредственной корыстной заинтересованности инициаторов, лишь известное стремление общества, но не реальную готовность к утверждению такого мира путем отказа от полисной свободы и автономии и создания общегреческого политического единства [3].

Все в целом складывалось в довольно безрадостную картину, и чем дольше затягивалось это бесперспективное состояние политического разброда, чем сильнее ощущалась опасность чужеземного, «варварского» вмешательства, тем более пробивала себе дорогу мысль о необходимости форсированного преодоления этого состояния путем скорейшего, достигнутого даже чрезвычайными мерами замирения и объединения Эллады ради последующего совместного наступления на «варваров». Для IV столетия мы располагаем целым рядом не отдельных, достаточно случайных высказываний, а настоящих разработок панэллинской идеи. На многочисленных примерах мы можем проследить развитие и оформление этой идеи в подлинную политическую доктрину [4].

Первыми здесь должны быть названы ораторы сицилийского происхождения Горгий и Лисий. По-видимому, не случайно важный импульс к развитию панэллинской идеи был дан именно сицилийцами. Бурная сицилийская действительность с рано обострившимися внутренними противоречиями, стимулированными и осложненными внешней опасностью, с напряженным противостоянием эллинов «варварам»-карфагенянам и

[3] О лозунге и движении κοινὴ εἰρήνη в IV в. до н. э. подробнее см.: *Taeger F.* Der Friede von 362/1. Ein Beitrag zur Geschichte der panhellenischen Bewegung im 4. Jahrhundert (Tübinger Beiträge zur Altertumswissenschaft, II). Stuttgart, 1930; *Momigliano A.* La κοινὴ εἰρήνη dal 386 al 338 a. C.— RF, 1934, N. S., vol. XII, fasc. 4, p. 482—514; *Hampl F.* Die griechischen Staatsverträge des 4. Jahrhunderts v. Chr. Geb. Leipzig, 1938; *Ryder T. T. B.* Koine Eirene. General Peace and Local Independence in Ancient Greece. London; Oxford, 1965; *Will E., Mossé G., Goukowsky P.* Op. cit., t. 2, p. 86—96.

[4] О развитии панэллинской идеи в IV в. см. также: *Wendland P.* Beiträge zu athenischer Politik und Publizistik des vierten Jahrhunderts.— NGG, 1910, H. 2, S. 123—182; H. 4, S. 289—323; *Kessler J.* Isokrates und die panhellenische Idee (Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums, Bd. IV, H. 3). Paderborn, 1911; *Wilcken U.* Philipp II. von Makedonien und die panhellenische Idee.— SB Berlin, 1929, N XVIII, S. 291—318; *Dobesch G.* Der panhellenische Gedanke im 4. Jahrhundert v. Chr. und der «Philippos» des Isokrates. Wien, 1968.

угнетающей опекою навязанной обстоятельствами тирании должна была самым естественным образом подводить к мысли о необходимости единения и согласия эллинов ради общего успешного противостояния и «своим» тиранам, и чужеземцам-«варварам». Во всяком случае, первым, кто официально провозгласил и разработал в специальных программных сочинениях панэллинскую идею, был именно сицилиец — уроженец Леонтин Горгий [5]. В глубокой уже старости он выступал в Олимпии на празднествах 392 г. с речью, которая, по общему мнению античности, стала важнейшей в его наследии политического оратора. Ибо, продолжает древний биограф Горгия, «видя, что Эллада враждует, он стал советовать грекам держаться единомыслия, направляя их против варваров и убеждая их, чтобы греческие города сражались не друг с другом, но с землей варваров» (Philostr. Vit. soph., I, 9, 2. *Пер. А. О. Маковельского*).

Те же мысли Горгий развил затем (впрочем, возможно, еще в том же 392 г.) в «Надгробной речи», произнесенной им в Афинах на торжественном погребении воинов, павших в сражениях во время Коринфской войны. Учитывая ситуацию и находя невозможным прямо советовать афинянам, еще охваченным пылом борьбы, отказаться от ведения войны в Элладе, Горгий главную мысль свою о необходимости эллинам покончить с междоусобиями и обратить оружие против «варваров» формулировал косвенным образом, доказывая — несколько вычурно,— что трофеи побед над варварами заслуживают гимнов, трофеи же побед над эллинами — сетования (Ibid.).

Мысли эти, так сказать, носившиеся в воздухе, сразу были подхвачены другими. Сын сиракузянина Кефала афинский метек Лисий также выступил с двумя речами сходного жанра и содержания [6]. В «Надгробной речи», составленной по такому же поводу, что и эпитафий Горгия, но, очевидно, двумя или тремя годами позже, Лисий, вспоминая о героическом прошлом Афин, подчеркивал, что утрата афинянами их гегемонии на море была переменой к худшему для всех эллинов: варвары явились с флотом в Эгейское море, куда им прежде был закрыт доступ, а в греческих городах утвердились тираны (II, 58—60).

Если в этом эпитафии идея боевого единения эллинов против «варваров» и тиранов выражена еще implicite, в виде сожаления об идеализированном прошлом, то в речи, произнесенной Лисием в 388 г. в Олимпии, эта идея сформулирована уже прямо в виде программы на будущее. При этом у Лисия, лично пережившего ужасы тирании в период правления в Афинах тридцати тиранов и потому особенно горестно воспринимавшего

[5] В общей оценке политико-публицистического творчества и датировки отдельных выступлений Горгия мы следуем за К. Ю. Белохом (*Beloch K. J.* Op. cit., Bd. III, Abt. 1, S. 521 f.). Ср. также материалы и комментарии в изданиях: *Маковельский А. О.* Софисты. Баку, 1940, вып. 1, гл. IV, с. 21—47; *Diels H., Kranz W.* Die Fragmente der Vosokratiker, 9. Aufl. B., 1959, Bd. II, Kap. 82 [76], S. 271—307.

[6] Ср. статьи и комментарии С. И. Соболевского в кн.: *Лисий*. Речи. М.; Л., 1933, в частности с. 37 слл., с. 430 слл.; ср. далее: *Ferckel F.* Lysias und Athen. Der Redner und sein Gaststaat. Diss. Würzburg, 1937; *Gigante M.* Il discorso Olimpiaco di Lisia.— In: Studi in onore di Luigi Castiglioni. Firenze, 1960, p. 375 sqq.

угнетение тиранией его древней родины Сиракуз, настойчиво сопоставляются два зла — вторжение в Элладу «варваров» и утверждение в свободных ранее городах тиранов, а отсюда — призыв объединиться для борьбы с этими двумя напастями — против варваров так же, как и против тиранов, против персидского царя Артаксеркса II так же, как и против сиракузского правителя Дионисия. «Поэтому,— заключает оратор,— вам следует прекратить войны между собой, единодушно стремиться к общему спасению, стыдиться прошлого, бояться за будущее, подражать предкам, которые у варваров, желавших завладеть чужой землей, отняли их собственную и, изгнавши тиранов, сделали свободу всеобщим достоянием» (XXXIII, 6. *Пер. С. И. Соболевского*).

Но особенно много для понимания сущности и перспектив развития интересующей нас доктрины дает творчество Исократа, этого, пожалуй, самого выдающегося публициста позднеклассического времени, оратора, развившего особенный жанр письменного, памфлетного красноречия, сосредоточенного преимущественно на идеях морально-политических, среди которых главною, несомненно, была идея панэллинизма [7]. Уже в одной из своих ранних эпидейктических речей «Похвала Елене» (около 384—381 гг.) среди прочих аргументов, которые можно было бы выдвинуть в защиту пресловутой виновницы Троянской войны, Исократ указывает и на такой, напоминающий, как и самый сюжет речи, несомненно заимствованный у Горгия, об идеях знаменитого леонтинца: «Мы по справедливости можем считать Елену также причиной того, что мы не оказались рабами варваров. Легко обнаружить, что именно благодаря Елене эллины смогли прийти к согласию и предприняли совместный поход на варваров. Тогда-то впервые Европа водрузила трофей в честь победы над Азией» (*Isocr.*, X, 67. *Пер. А. И. Зайцева, М. Н. Ботвинника*).

Если в «Похвале Елене» панэллинская идея была высказана лишь в заключение парадоксального софистико-риторического упражнения и, как и у Лисия на первых порах, привязана к прошлому, то в опубликованном несколько позже, в 380 г., «Панегирике» эта идея была уже развита совершенно самостоятельно в качестве актуальной политической программы, ориентированной на настоящее или на самое ближайшее будущее. В речи, которая мыслится произносимой перед большой аудиторией, по всей видимости в Афинах, на каком-то торжественном празднестве, Исократ провозглашает в качестве главнейшей политической задачи достижение согласия между эллинами и осуществление завоевательного похода на Восток.

[7] О публицистическом творчестве Исократа, в частности о развитии им панэллинской идеи, помимо трудов, указанных выше, в примеч. 5, см.: *Боруховичъ В. Г., Фролов Э. Д.* Публицистическая деятельность Исократа.— ВДИ, 1969, № 2, с. 200—220; *Исаева В. И.* Особенности политической публицистики Исократа.— ВДИ, 1978, № 2, с. 59—81; *Scala R. v.* Isokrates und die Geschichtsschreibung.— In: Verhandlungen der 41. Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner in München. Leipzig, 1891, S. 102—121; *Beloch K. J.* Op. cit., Bd. III, Abt. 1, S. 353—356, 466—468, 522—525; *Mathieu G.* Les idées politiques d'Isocrate. P., 1925; *Levi M. A.* Isocrate. Saggio critico. Milano; Varese, 1959; *Bringmann K.* Studien zu den politischen Ideen des Isokrates (Hypomnemata, H. 14). Gottingen, 1965.

В осуществлении этой программы Исократ видит единственное средство спасения, единственный способ преодолеть тот кризис, который охватил Грецию в IV в. Яркими красками живописует оратор различные аспекты этого кризиса: внутренние трудности, обусловленные ростом бедности, порчей отношений между гражданами, опасным развитием наемничества и пиратства, возрождением тирании; политический раскол в Элладе, усугубляющий эти трудности, а кроме того, поощряющий вмешательство варваров в эллинские дела, содействующий установлению персидской опеки над эллинами; наконец, пагубные последствия Царского мира, который, закрепляя власть персидского царя над всей Азией, включая и расположенные там города эллинов, ложится тяжким позором на тех, кто согласился его подписать (см. § 115 слл., 167 слл., 175 слл.).

Завоевательный поход на Восток, полагает Исократ, разрешит все эти проблемы. Он снимет унизительное ярмо Царского мира. Он объединит в общем военном предприятии всех эллинов и таким образом будет содействовать общему согласию и единству. Наконец, перенеся войну в Азию, а богатство Азии в Европу, он освободит эллинов от всех удручающих их сейчас материальных невзгод. «Необходимо,— наставляет оратор,— предпринять этот поход еще при жизни нынешнего поколения, чтобы люди, вместе переносившие бедствия, могли бы воспользоваться и преимуществами, а не провели бы всю остальную жизнь, терпя неудачи. Достаточно уже и того времени, в течение которого каких только ужасов они не изведали! Кроме множества бедствий, существующих на свете в силу человеческой природы, мы сами, помимо неизбежных, изобретаем еще и новые, затевая смуты и междоусобные войны. При этом одни противозаконно погибают у себя на родине, другие блуждают с женами и детьми на чужбине, многие, не имея куска хлеба, вынуждены служить наемниками и умирают, сражаясь против друзей за интересы врагов... Напрасно теперь мы заключаем соглашение о мире: мы не прекращаем войн, а лишь откладываем их и дожидаемся удобного момента, когда сможем нанести друг другу непоправимый вред. Надо отбросить эти коварные помыслы и приступить к тем делам, которые предоставят нам возможность безопасно жить в своих городах и с бóльшим доверием относиться друг к другу. Сказать об этом можно легко и просто: невозможно сохранить прочный мир, пока мы не начнем общими силами войну с варварами и не будет согласия среди эллинов, пока они не научатся извлекать выгоду из одного и того же источника и рисковать своей жизнью в борьбе с одним и тем же врагом. Когда это осуществится, мы избавимся от нужды в куске хлеба, которая разрушает дружбу, обращает родство во вражду, вовлекает всех людей в войны и смуты. Тогда несомненно между нами утвердится согласие и истинное расположение. Ради этого мы должны приложить все усилия, чтобы как можно скорее перенести войну отсюда на материк... Такая война лучше мира, она скорее похожа на священное посольство, чем на поход; она полезна и для тех, кто стремится к мирной жизни, и кто мечтает о войне. Одни могли бы спокойно извлекать пользу из своего добра, другие — приобрести большие богатства за чужой счет» (§ 167—168, 172—174, 182. *Пер. К. М. Колобовой*).

СТАТУЯ МАВСОЛА. Середина IV в. до н. э.

Решение социально-экономических проблем Греции за счет азиатского Востока — это, пожалуй, самый важный пункт в выдвигаемой «Панегириком» программе. Исократ не раз подчеркивает этот момент в качестве главной перспективы, а однажды — правда, в другом контексте, критикуя спартанцев за несправедливый образ действий по отношению к эллинам и указывая им на способы оказать этим эллинам услуги за счет варваров,— он намечает и конкретные формы освоения греками богатств Востока. Спартанцы, сетует оратор, облагают данью островитян, задыхающихся от недостатка земли, «и это в то время, когда жители материка оставляют невозделанной бо́льшую часть страны ввиду исключительного плодородия земли, ибо и с тех полей, которые обрабатываются, извлекаются огромные богатства». Вывод, хотя и не сформулирован прямо, напрашивается сам собой: надо вывести избыточное аграрное население Греции в Азию и таким образом, за счет населения азиатского материка, решить свои трудности. А как же поступить с самим этим населением? Выход указан в этом же контексте, в связи с другим упреком в адрес спартанцев: они принуждают своих соседей жить на положении илотов, «а ведь они могли бы, примирившись с нами, превратить варваров в периэков всей Эллады» (§ 131 слл.).

Эта программа подкрепляется или маскируется надлежащим, вполне в духе античности, идеологическим обоснованием. Слушателям (или читателям) подсказывается идея мести варварам за поруганные еще во время греко-персидских войн эллинские святыни и даже выдвигается тезис о естественной, от природы, вражде эллинов и варваров (см. § 155 слл., 181 слл.).

Разъяснение целей восточного похода и его морально-политическое обоснование дополняются подробным доказательством его реальных возможностей: Персидская держава сильна лишь с виду, опыт многочисленных войн и внутренних смут показывает военную слабость персов, а объясняется это по большому счету ущербностью их общественного строя — деспотизмом, убивающим в населении все доблести свободных людей (см. § 138 слл., 160 слл.).

Но военная возможность — еще не возможность политическая. Кто будет организатором восточного похода? Кому будет принадлежать руководство или, выражаясь языком памфлета, гегемония в этом общеэллинском предприятии? Какая сила в Элладе окажется достаточно авторитетной, чтобы взять на себя эту функцию? Это была проблема в практическом отношении самая трудная, что автор «Панегирика» отлично сознавал и гордился таким пониманием. Признавая во введении, что избранную им тему до него затрагивали и другие, Исократ подчеркивает отличие своего подхода: он указывает не только общую цель, в определении которой у него нет расхождения с другими, но и конкретный путь к ее достижению — установление согласия между ведущими полисами Эллады, Афинами и Спартою, под двойной гегемонией которых только и возможно проведение завоевательного похода на восток (см. § 3 слл., 15 слл.).

Памфлет Исократа был опубликован в тот момент, когда демократическое правительство его родного города изо всех сил трудилось над восстановлением Афинского морского союза, а в перспективе — и афинской гегемонии на море. Однако недавний лидер Греции Спарта, ослабленная, но не сокрушенная Коринфской войной, не утратила полностью своих позиций, тем более что и персы содействовали этому, и все еще оставалась сильнейшей сухопутной державой в Греции. Как афинский патриот, Исократ много красноречия потратил в «Панегирике» на обоснование права Афин на гегемонию в Греции — этому посвящена вся первая и бóльшая часть трактата (§ 19—132). Но, как реалистически мыслящий публицист, он понимал, что никакое общегреческое единство и никакое совместное военное предприятие против персов невозможны без доброго согласия между Афинами и Спартой, которые в тот момент были сильнее других греческих государств и потому были призваны руководить делами в Элладе (ср., помимо введения, § 129 слл.).

Сколь ни был, может быть, оправдан проект Исократа ситуацией конца 80-х годов, ему не суждено было осуществиться. Опыт ближайших двух десятилетий показал, что ведущие полисы Греции не были готовы взять на себя миссию, к исполнению которой их призывал афинский оратор. Правда, Афины возродили свой союз, но очень скоро их великодержавные замашки поставили под вопрос прочность нового здания; Спарта исчерпала последние силы в безуспешных попытках остановить рост фиванского могущества; и все карты окончательно были спутаны возвышением руководимого фиванской демократией Беотийского союза. Перед лицом этого нового соперника Афины, наконец, сблизились со Спартой, но это сближение было продиктовано не заботами об интересах всей Греции, а именно низким соперничеством, которое ввергло страну в состояние беспримерного хаоса и привело к полному истощению противоборствующих сторон.

Разочарование в способностях полисных государств взять на себя исполнение той программы, которую он считал единственным средством национального спасения, заставило Исократа обратиться в ту сторону, откуда только и могла еще прийти помощь,— к тем новым, возникавшим по преимуществу на периферии автократическим системам, которые демонстрировали завидную силу и, казалось, самой судьбой были предназначены для борьбы с «варварами». Обращение это было для Исократа тем естественнее, что он никогда не был поклонником демократии — ни афинской, ни тем более фиванской, а стремительный упадок всех без исключения ведущих полисов Греции заставил его и вовсе усомниться в целесообразности республиканского строя и обратить свои взоры в сторону монархии [8]. Свидетельством этого явилась группа составленных на рубеже 70—60-х годов Кипрских речей — памфлетов, обращенных Исократом к правителю Саламина Кипрского Никоклу, с которым афинского ритора давно уже связывали близкие отношения (Никокл в свое время был

[8] Ср.: *Фролов Э. Д.* Монархическая идея у Исократа.— В кн.: Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1969, вып. 1, с. 3—20; *Kehl H.* Die Monarchie im politischen Denken des Isokrates. Diss. Bonn, 1962.

учеником Исократа). Один из этих памфлетов, «Евагор», посвященный памяти знаменитого отца Никокла, примечателен именно намечающейся связью панэллинских устремлений автора с его монархическими симпатиями. Существенным моментом в прославлении Евагора служит здесь подчеркивание его заслуг перед греками-киприотами, его успехов в борьбе с вечными соперниками греков на Кипре финикийцами и даже с самим персидским царем.

С этих пор Исократ непрестанно пытается заинтересовать сильных греческих властителей своей программой объединения Эллады и наступления на варваров. За Кипрскими речами, где связь панэллинских прожекторов с монархией еще только угадывалась, последовало составленное с вполне определенными намерением послание к сиракузскому тирану Дионисию Старшему (367 г.). Правда, от этого письма сохранилось только начало, и есть даже основания думать, что работа над посланием так и не была завершена ввиду известия о смерти тирана, но и то, что имеется в нашем распоряжении, достаточно красноречиво.

Уже здесь мы находим мысль, навеянную сознанием безуспешности предыдущих обращений к гражданской общине. Всем должно быть ясно, замечает автор письма, что «для лиц, желающих отличиться в красноречии, наиболее походящей аудиторией является праздничное собрание (ведь только там человек сможет раскрыть силу своего искусства перед большим количеством людей); те же лица, которые хотят добиться своей речью чего-либо конкретного, должны обращаться с речами к тому, кто скорее всего сможет воплотить в действительность выдвинутые в данной речи положения» (Ер. I, 6. *Пер. В. Г. Боруховича, Т. В. Прушакевич*). Народная масса глуха к разумным предложениям, имеющим в виду интересы всей Эллады, республиканские должностные лица развращены или скованы в своих действиях мертвым законом, единственная надежда остается на правителей нетрадиционного типа, на властителей, обладающих реальной силой и возможностями для действий,— таково лежащее здесь в основе убеждение, которое будет в полном объеме развито в «Филиппе».

Далее в сохранившейся части письма к Дионисию мы читаем то, что могло бы быть вступлением к изложению панэллинской темы в ее новом варианте, обращенном к монарху. Исократ говорит, что он «вознамерился выступить с советами об общем для всех эллинов благе и спасении (§ 7). Он указывает, что раньше, в пору господства Спарты, сиракузскому правителю «нелегко было бы заняться делами, касающимися нашей земли». Но теперь препятствия в лице Спарты нет, она слишком ослаблена. «А наше государство,— продолжает оратор,— охотно предоставило бы себя в твое распоряжение для совместной борьбы, если ты пожелаешь сделать доброе дело для всей Эллады» (§ 8). О какой «совместной борьбе» идет речь, каким образом Дионисий Старший мог бы сделать «доброе дело для всей Эллады»,— автор не успел этого пояснить, но с большой долей вероятности можно предполагать, что он обращался к Дионисию с предложением взять на себя руководство панэллинскою программою.

Трудно сказать, насколько вариант с Дионисием был в этом плане реален. Ведь даже если бы преждевременная смерть не унесла тирана в мо-

гилу, едва ли ввиду непрерывных войн с карфагенянами у него нашлись бы досуг и возможности для столь энергичного вмешательства в дела Балканской Греции, как того желал Исократ. Вообще в принципе было, по-видимому, бесперспективно связывать выполнение панэллинской программы с тираниями, пусть даже такими своеобразными, каким были кипрская и сицилийская тирании. Режимы эти были достаточно ущербны и сами по себе, а кроме того, слишком скованы непрерывными войнами со своими непосредственными соседями, вольными греческими городами или «варварами», чтобы стать исполнителями общегреческого дела. Больше шансов выступить в этой роли имела окрепшая и выросшая к середине IV в. Македонская монархия, к которой в конце концов Исократ и обратился в составленном в 40-е годы памфлете «Филипп» и примыкающем к нему послании, тоже адресованном царю Филиппу [9].

Исократов «Филипп» замечателен именно тем, что здесь ясно и недвусмысленно исполнение панэллинской программы было связано с монархией. Автор памфлета счел нужным специально обосновать свое обращение к столь необычному, по понятиям полисного грека, адресату, как македонский царь. Он откровенно признается в разочарованиях, постигших его в деле с собственным отечеством, которое осталось глухо к его призывам, и он не делает секрета из тех новых надежд, которые возлагает на македонского царя Филиппа: этот правитель один только и обладает реальными силами и способностями, необходимыми для осуществления его, Исократа, программы (см. § 13 слл., 128 слл.).

Что же касается самой программы, то ее существенными пунктами по-прежнему остаются преодоление царящего в Греции политического разброда, создание общего политического единства и осуществление общими силами завоевательного похода на Восток. Рисуя Филиппу перспективы завоеваний в Азии, Исократ еще раз уточняет конкретные цели предприятия. Это прежде всего колонизация обширных пространств азиатского материка и удаление таким путем из Греции беспокойной, все растущей массы люмпенов и наемников. «Какова же будет твоя слава,— восклицает старый ритор,— если ты осуществишь это на деле и главным образом попытаешься полностью сокрушить это царство или по крайней мере захватить как можно больше земли и занять Азию, как говорят, от Киликии до Синопы; кроме того, основать города на этой территории и поселить там тех, кто скитается теперь за неимением средств к жизни и вредит всем встречным. И если мы не остановим роста их численности (а это мы можем сделать, предоставив им достаточные средства к жизни), то их незаметно для нас станет так много, что они будут нисколько не менее опасны для эллинов, чем для варваров. А мы на это не обращаем никакого внимания и не видим, как растет общая угроза и опасность для всех нас. Поэтому человек с большими замыслами, дружественно настроенный к эллинам и более дальновидный, чем другие, должен, использовав таких людей

[9] Мы имеем в виду адресованное Филиппу письмо II, которое датируется 344/3 г. Сохранившееся в корпусе сочинений Исократа и также адресованное Филиппу письмо III ввиду сомнений, которые вызывает его подлинность (см.: *Münscher K.* Isokrates [2].— RE, Bd. IX, Hbbd. 18, Sp. 2219 f.), здесь в расчет не принимается.

против варваров и отрезав столько земли, сколько я посоветовал выше, избавить бездомных людей от бедствий, которые и сами они испытывают, и другим причиняют, основать для них города, превратить эти города в границу Эллады и оплот для всех нас» (V, 120—122. *Пер. В. Г. Боруховича*).

Как и в «Панегирике», Исократ вновь — и теперь, может быть, с большим на то основанием — настаивает не только на необходимости, но и на возможности осуществления своей программы. В особенности велики его расчеты на того, кого он выставляет в руководители всего дела: в качестве царя, пользующегося унаследованной от предков законной монархической властью, властью, практически неограниченной и чрезвычайно могущественной, Филипп более чем кто-либо другой способен достичь великой цели. Греческие полисы склоняются перед его авторитетом, а слабость персов более чем когда-либо очевидна (см. § 41, 57 слл., 89 слл.). В борьбе с персидским царем, указывает, между прочим, Исократ, Филипп, кроме вооруженной силы, с пользой сможет употребить и политические лозунги, в частности лозунг свободы (ἐλευθερία), который привлечет на его сторону всегда готовых отложиться от своего сюзерена персидских сатрапов, не говоря уже о греческих городах Малой Азии (см. § 104).

В плане разработки панэллинской и монархической идей «Филипп» — итоговое произведение Исократа. Здесь эти идеи — и каждая в отдельности, и своеобразный синтез их — достигают предельной степени развития,— предельной для политической мысли греков классической поры. В самом деле, замечательны не только увлечения Исократа планами объединения Эллады и завоевания Востока, не только те надежды, которые он возлагал в осуществлении этих планов на македонскую монархию, но и те молчаливые или заявленные оговорки, которые должны предупредить против крайних выводов относительно панэллинизма или монархизма даже в случае с Исократом.

Нигде в писаниях Исократа мы не найдем конкретного образа будущего общегреческого политического единства. Оратор ограничивается призывом к согласию и единению греческих государств, но результат этого объединения мыслится весьма туманно, как некое аморфное содружество свободных греческих полисов под патриархальною эгидою македонского монарха. «Что может быть больше такого счастья,— восклицает Исократ, обращаясь к Филиппу,— когда к тебе придут послами от великих государств люди, пользующиеся наибольшим почетом, и ты будешь совещаться с ними об общем спасении, о котором, как станет ясным, никто другой не проявил такой заботы» (V, 69). Это, как кажется, единственный пассаж, где дается характеристика будущего содружества — не как единого территориального государства, построенного на федеративных началах и венчаемого монархическим навершием, а как своего рода необязательной ассамблеи, в которой македонский царь будет совещаться об общеэллинских делах с послами, очевидно, сохраняющих свою независимость крупных полисов [10].

[10] Ср.: *Wilcken U.* Philipp II. von Makedonien und die panhellenische Idee, S. 310 ff.

Что же касается самой македонской монархии, то ей у Исократа отводится роль инициативного начала, объединяющего и направляющего эллинов, но не подавляющего их (см. в особенности V, 15 сл., 144 слл.). Примечательно заключительное увещание, с которым Исократ обращается к царю Филиппу в конце одноименного памфлета. «Я утверждаю,— заявляет оратор царю,— что ты должен быть благодетелем эллинов, царем македонян, повелителем возможно большего числа варваров. Если ты будешь это делать, все будут тебе благодарны: эллины — за услуги, македоняне — если ты будешь править ими как царь, а не как тиран, другие народы — если избавятся благодаря тебе от варварской деспотии и окажутся под покровительством Эллады» (V, 154).

Готовый в теории признать монархию лучшим видом государственного устройства, определенно признавая огромные преимущества сильной Македонии перед разрозненными и слабыми греческими полисами, Исократ все же не мог полностью расстаться с идеей полисной республики как единственно приемлемой формы государства для греков (ср. V, 105 слл.). Признавая невозможным осуществление своей панэллинской программы без помощи македонского царя и потому призывая его вмешаться в греческие дела, он тем не менее подчеркивал необходимость мирного объединения Эллады и стороннему монарху отводил лишь роль инициативного вождя или арбитра, благодетеля эллинов, а не их самовластного царя. Достичь конструктивного взаимодействия столь различных по своей природе элементов, как мир свободных греческих полисов и централизованная македонская монархия, было мечтою греческого писателя, который проникся уже новыми идеями, но не был в состоянии радикально порвать с традиционным полисным образом мышления. Надо ли говорить, сколь иллюзорна была эта надежда и какое горькое разочарование она должна была доставить со временем тому, кто ею тешился? [11]

В произведениях Исократа панэллинская идея достигает наиболее высокой, какая вообще возможна была для греческой публицистики классической поры, степени воплощения. Собственно, на Исократе можно было бы и остановиться, и лишь для полноты изложения, но также и для того, чтобы показать, до какой степени Исократ был не одинок и как сильно подобного же рода идеи занимали умы его современников, мы продолжим обзор «панэллинских» сюжетов в литературе IV в. Великолепную параллель публицистическим выступлениям Исократа составляет творчество Ксенофонта, писателя, который подвизался в различных литературных жанрах, писал мемуары, историю, трактаты на философские, политические и другие специальные темы, но который везде обнаруживал живейший

[11] Неудивительно, что Исократ не смог пережить кровавой битвы при Херонее — битвы, которая показала полную несостоятельность расчетов на мирное объединение Эллады под эгидою македонского царя. По преданию, получив известие об этом сражении, старый ритор покончил с собой, отказавшись принимать пищу (*Dionys. Hal.* Isocr., I; *Ps.-Plut.* Vit. X Or. Isocr., p. 837 e — , 838 b; Incerti auctoris vita Isocr., p. 105 sq. Dind.). Правда, это предание ставится некоторыми исследователями под сомнение, однако, как показал К. Мюншер, скепсис в данном случае неоправдан (см.: *Münscher K.* Isocrates.— In: RE, Bd. IX, Hbbd. 18, Sp. 2219 f.).

интерес к актуальным политическим проблемам [12]. Будучи, как и Исократ, выразителем интересов состоятельной и знатной верхушки греческого общества, Ксенофонт внес крупный вклад в развитие тех двух идей, которые особенно импонировали настроениям полисной элиты,— идеи монархической и идеи панэллинской. Ратуя за создание сильной монархической власти, за объединение Эллады и осуществление совместными силами завоевательного похода на Восток, Ксенофонт выступал таким же духовным предтечею эллинизма, как и его знаменитый соотечественник и современник — афинский ритор.

Как и у позднего Исократа, панэллинская идея у Ксенофонта выступает в синтезе с идеей монархической. Писатель никогда не упускал случая, характеризуя деятельность симпатичных ему сильных греческих правителей, подчеркнуть их заслуги перед панэллинизмом, состояли ли эти заслуги только в намерениях или же успели вылиться в конкретные действия. Так, в «Греческой истории» он с интересом фиксирует панэллинский жест спартанского царя Агесилая, который, отправляясь в 396 г. в Малую Азию в поход против персов, жертвоприношением в Авлиде, как некий новый Агамемнон, пытался придать своей экспедиции общегреческий характер (III, 4, 3—4). Подобно Исократу, проявляет он также большой интерес к деятельности и намерениям Ясона Ферского, в 70-х годах IV в. планировавшего, по завершении объединения Фессалии, добиться руководства в Дельфийской амфиктионии, утвердить свою гегемонию в Элладе и затем сокрушить царство персов (VI, 1,4 слл.; 4, 20 слл.). В небольшом сочинении, посвященном памяти все того же Агесилая, Ксенофонт вновь подчеркивает панэллинские устремления своего покойного покровителя и друга: его решение в 396 г. упредить персидского царя и сделать так, чтобы война велась не для обороны Эллады, а ради завоевания Азии (Ag., I, 8), его старания быть другом эллинов и врагом персов, по возможности щадить своих противников в Элладе, дабы сохранить силы эллинов для борьбы с варварами, и, наоборот, всячески вредить царю персов, поддерживая восстания подчиненных ему народов, мятежные выступления сатрапов и другие смуты в Персидском государстве (Ag., 7,4—7; 8, 3—5).

По существу, во всех этих случаях мы имеем дело с выходами комбинированной монархо-панэллинской идеи, но с особой силой эта идея была развита Ксенофонтом в «Киропедии», большом итоговом произведении, составленном в форме историко-философского романа, повествующего о жизни и делах персидского царя Кира Старшего [13]. Это сочинение —

[12] Для оценки Ксенофонта как политического писателя см. в особенности: *Weil A.* Xènophon et l'avenir du monde gree.— In: Festschrift Th. Gomperz. Wien, 1902, p. 118—121; *Luccioni J.* Les idées politiques et sociales de Xénophon. Gap, 1947; *Idem.* Xénophon et le socratisme (Publications de la Faculté des Lettres d'Alger, t. XXV). P., 1953; *Delebecque E.* Essai sur la vie de Xénophon. P., 1957. Ср. также наши статьи: Ксенофонт и поздняя тирания.— ВДИ, 1969, № 1, с. 110 слл.; Ксенофонт и его «Киропедия».— В кн.: Ксенофонт. Киропедия. М., 1976, с. 243 слл.

[13] Ср.: *Фролов Э. Д.* Ксенофонт и его «Киропедия», с. 256 слл.

своего рода утопия, где жизнь и дела создателя Персидской державы служат условным фоном, создающим для этой утопии иллюзию необходимого расстояния. Главное в «Киропедии» — не история, а созданные воображением автора образы идеального правителя и идеального государства.

Образ Кира у Ксенофонта — своего рода причудливая амальгама, где мы узнаем живые черты различных исторических персонажей, близких автору романа. Среди качеств, которыми Ксенофонт наделяет своего героя, отчетливо проступают чисто спартанские доблесть и дисциплина, роднящие Кира с Агесилаем, мудрость в духе Сократа, умение повелевать в стиле восточного деспота, каким был — или мог стать — Кир Младший. Такой герой мог появиться только в результате особой системы воспитания, якобы искони осуществлявшейся на родине Кира — в Персии. Последняя выступает в изображении Ксенофонта в виде своеобразного патриархального государства, наделенного многими чертами сходства с той идеальной Ликурговой Спартой, образ которой наш автор еще раньше представил в трактате «Лакедемонская полития». Однако при всем сходстве выступает и отличие: идеальная система у персов порождает не только дисциплинированных граждан и мужественных воинов; венцом ее творения оказывается идеальная сверхличность — воитель и монарх, который своею волею расширяет пределы протогосударства и создает новую территориальную державу. Так своеобразно оказываются объединенными у Ксенофонта традиционные для греческих аристократов симпатии к сословно-аристократической конституции Спарты и новые, рождавшиеся в кругах современной Ксенофонту полисной элиты монархические и державные устремления.

Новое государство, возникающее в результате завоеваний Кира, выступает также в виде своего рода амальгамы полиса и империи. Исходное ядро — идеальное протогосударство персов — сохраняется, и в этом надо видеть — со стороны нашего автора — дань уважения прошлым полисным традициям, от которых ни один грек не был свободен. Однако гораздо более впечатляющей оказывается теперь картина новой, созданной на основе этого протогосударства территориальной державы. Идея этой державы принадлежит уже будущему, ее художественным воплощением в «Киропедии» Ксенофонт замечательно предвосхищает действительные свершения века эллинизма.

Показателен уже самый способ образования новой державы. Она создается путем завоевания: народ-воитель, наделенный высшей доблестью, покоряет другие, более слабые народы. Примечательно при этом, что объектом порабощения становятся именно богатые и многолюдные, но слабые в военном отношении государства древнего Востока.

Социально-политическая структура нового государства ярко отражает сословно-аристократические симпатии автора «Киропедии». В основу модели положен спартанский строй, но, разумеется, воспроизведенный на расширенном основании и в несколько модифицированном виде. Стержнем новой социальной структуры являются отношения победителей и побежденных: первые становятся господами, вторые низведены до положения порабощенной массы (VII, 5, 36 и 72). Оставаясь свободными людьми par

excellence, будучи сплочены для защиты своего привилегированного положения в своеобразную корпорацию воинов-аристократов, завоеватели-персы и их союзники противостоят массе покоренного ими населения так же, как спартанцы илотам. Однако сопоставление этого нового господствующего сословия со спартиатами возможно лишь до известной степени. В Спарте аристократы-спартиаты составляли гражданскую общину в собственном смысле слова, где каждый являлся частью суверенного целого. Напротив, новые аристократы в государстве Кира, хотя и сплочены тоже в привилегированное сословие, суверенной общины не составляют. Они группируются вокруг сюзерена-царя и выступают в роли служилой знати того именно типа, который будет характерен для эллинистических государств.

Замечательной в плане предвосхищения эллинизма выглядит у Ксенофонта и политическая надстройка нового общества. Здесь особенно бросаются в глаза черты синкретизма, взаимодействие и взаимопроникновение республиканского и монархического, полисного и державного принципов, что будет так характерно для времени эллинизма. Во главе нового мирового государства стоит монарх-завоеватель, однако на родине его, которая остается интегральной частью его державы, по-прежнему сохраняются авторитетные власти общины (αἱ ἀρχαί). В отношении покоренных народов Кир выступает царем-самодержцем, для персов же он, как и раньше, остается царем-пастырем, который руководит своим народом согласно установленным законам, более того — в соответствии со специальным договором, который по окончании завоевательного похода заключен между Киром и персидскою общиною (Cyrop., VIII, 5, 22—27). Идеальное спартанское установление — возобновляющиеся регулярно договоры спартанских царей с представителями гражданской общины — здесь трансформировано и приспособлено к новой ситуации, возникающей в результате создания монархом-завоевателем мировой империи. В мистифицированном виде Ксенофонтом, таким образом, ставился и по-своему — достаточно наивно, конечно,— решался вопрос большой исторической значимости — о правовых принципах, регулирующих отношения между автономными полисами и монархом — главой державы, куда эти полисы должны были войти.

Суммируя идейное содержание «Киропедии», отметим: в образе Кира Старшего здесь представлена совершенная творческая личность того именно типа, который особенно импонировал настроениям греческой элиты IV в. Этот идеальный герой становится творцом нового миропорядка. В структуре созданного им государства обнаруживается много сходного с идеальной спартанской политией, но ее отличают и принципиально новые качества: аристократическая организация общества сочетается с сильной монархической властью, а самое государство возникает вследствие завоевания народом — носителем высшей доблести прочих стран Востока. Так в форме мнимоисторического романа греческим читателям IV в. была предложена актуальная политическая программа, исполненная такого же звучания, как и выступления Исократа, и в такой же степени — если не глубже — предвосхищавшая свершения наступавшего века эллинизма.

АФРОДИТА КНИДСКАЯ. Голова статуи работы Праксителя. Третья четверть IV в. до н. э.

Вклад политической публицистики в разработку панэллинской доктрины очевиден. Однако подобного рода идеи или созвучные им настроения настолько захватили греческое общество в позднеклассическое время, что даже высокая философия, концентрировавшая свое внимание на более отвлеченных идеалах, не обошла стороной это направление [14]. Для примера сошлемся на Платона, который в центральном своем политическом произведении «Государство» при обсуждении темы войны и военного дела в создававшейся его воображением идеальной системе, естественно, за-

[14] См.: *Pohlenz M.* Staatsgedanke und Staatslehre der Griechen. Leipzig, 1923; *Sinclair T. A.* A History of Greek Political Thought. L., 1951; *Kagan D.* The Great Dailogue. History o' Greek Political Thought from Homer to Polybius. New York; London, 1965.

тронул и злободневную проблему действительности — проблему отношений эллинов друг к другу и их взаимоотношений с варварами. В трактовке им этого сюжета мы узнаем уже знакомые нам мотивы извечной противоположности и вражды эллинов и варваров, естественности войны между ними и противоестественности раздора среди эллинов, необходимости мирного согласия в Элладе. «Мне кажется,— заявляет Сократ у Платона,— что недаром есть два названия — война и раздор (πόλεμός τε καὶ στάσις). Это два разных проявления зависящих от двух видов разногласий. Двумя я считаю их вот почему: одно — среди своих и близких, другое — с чужими, с иноземцами. Вражда между своими была названа раздором, а с чужими — войной... Я утверждаю, что все эллины — близкие друг другу люди и состоят между собою в родстве, а для варваров они — иноземцы и чужаки... Значит, если эллины сражаются с варварами, а варвары — с эллинами, мы скажем, что они воюют, что они по самой своей природе враги и эту их вражду надо назвать войной. Когда же нечто подобное происходит между эллинами, надо сказать, что по природе своей они друзья, но Эллада в этом случае больна и в ней царит междоусобица, и такую вражду следует именовать раздором». Далее следуют указания на губительность этих раздоров — между полисами и внутри отдельных полисов — и призыв к эллинам быть сдержанными в проявлении вражды друг к другу: «пусть не забывают они, что цель — заключение мира: не вечно же им воевать (Resp., V, 16, p. 470 b — e. *Пер. А. Н. Егунова*).

Панэллинская идея, развившаяся в IV в. в настоящую доктрину, включала в себя целый ряд характерных элементов отчасти патриотического, отчасти монархического свойства: требование установления мира и согласия между греками и организации совместными усилиями отпора вмешательству соседних варваров в греческие дела; желание перенести войну в Азию и решить больные проблемы Греции за счет Востока; наконец — это было высказано теми, кто изверился в возможностях полисных республик и склонялся к централизованной монархии,— намерение поручить исполнение этих больших «национальных» задач сильной авторитарной власти, будь то какая-либо из младших греческих тираний или македонская монархия. У различных писателей, развивавших эту идею, на первый план могли выступать различные ее элементы, но общим и решающим, как это видно хотя бы из только что приведенных слов Платона, было убеждение в невозможности далее терпеть существующее положение и стремление так или иначе изменить его. Этому устремлению идеи воплотиться в действительность должна была естественным образом соответствовать и обратная тенденция политиков-практиков использовать популярное представление в своих целях.

ПАНЭЛЛИНИЗМ КАК МОМЕНТ ДЕРЖАВНОЙ ПОЛИТИКИ

Первые попытки использования панэллинских лозунгов в интересах собственной державной политики были предприняты еще в эпоху расцвета полисной жизни ведущими городами-государствами Греции, одинаково претендовавшими на гегемонию, Афинами и Спартой. По свидетельству Плутарха (Per., 17, 1 sqq.), «когда спартанцы стали смотреть с неудовольствием на возвышение Афин, Перикл, желая еще более пробудить народную гордость и внушить гражданам стремление к великим делам, внес в народное собрание предложение о том, чтобы все эллины, где бы они ни жили, в Европе или в Азии, в малых городах и больших, послали на общий съезд в Афины уполномоченных для совещания об эллинских храмах, сожженных варварами, о жертвах, которые они должны были принести за спасение Эллады по обету, данному богам, когда они сражались с варварами, о безопасном для всех плавании по морю и о мире». Предложение было принято, и в различные районы Греции, включая острова и побережье Малой Азии, было направлено до 20 специальных афинских посланцев, которые должны были уговорить греков «прийти в Афины и принять участие в совещаниях о мире и общих действиях Эллады» (Plut. Per., 17, 1 sqq. *Пер. С. И. Соболевского*).

Попытка эта окончилась ничем в первую очередь ввиду решительного противодействия Спарты и дружественных ей пелопоннесских государств, отлично понимавших смысл афинской инициативы. В ту пору — а это происходило, по-видимому, в начале 40-х годов V в., вскоре после заключения Каллиева мира — проведение панэллинского конгресса в Афинах означало бы санкционирование ведущей роли Афин в Греции, а стало быть, и признание общегреческого характера их морской гегемонии. Но хотя это афинское начинание и осталось без последствий, замечательно здесь предвосхищение того, что позднее станет общим приемом для обоснования державных притязаний: ссылка на заботу о мире — вообще или хотя бы ради безопасного плавания по морю; апелляция к общегреческим религиозным чувствам, замешанным на более или менее патриотической закваске; претензия инициативной стороны на то, чтобы быть лучшим исполнителем «национальных» политических и религиозных чаяний [15].

Позднее Спарта перехватила эту пропагандистскую эстафету из рук Афин и в Пелопоннесскую войну вступила под лозунгом предоставления эллинам свободы от афинской тирании, которая-де одна только и является препятствием общему миру. Согласно Фукидиду (I, 139, 3), текст последнего ультиматума, который спартанцы предъявили афинянам, так и гласил: «лакедемоняне желают мира, и он будет, если вы оставите эллинов автономными» (*пер. Ф. Г. Мищенко, С. А. Жебелева*). Насколько эффективным оказалось использование этого пропагандистского хода, сознава-

[15] О времени и смысле затеянной Периклом акции с панэллинским конгрессом подробнее см.: *Miltner F.* Perikles (I).— In: RE, 1937, Bd. XIX, Hbbd. 37, Sp. 763—764; *Martin V.* La vie internationale dans la Grèce des cités. P., 1940, p. 366 sqq.;

ли уже современники. Тот же Фукидид, описывая состояние в Греции накануне войны, отмечал, что «сочувствие эллинов склонялось больше на сторону лакедемонян, в особенности благодаря заявлению их, что они освобождают Элладу (II, 8,4).

Как известно, подобного рода лозунги не помешали Спарте по достижении победы заменить афинскую тиранию своей собственной, причем на пути к этому те, кто выдавал себя за защитников общегреческого дела, не погнушались даже пойти на сделку с персидским царем, признав в обмен на персидскую финансовую помощь власть царя над греческими городами Малой Азии [16]. Когда же спустя несколько лет дело дошло до разрыва между Спартой и Персией, спартанское правительство попыталось придать общегреческий «национальный» характер своей войне с персами в Малой Азии. Согласно уже привлекавшемуся выше свидетельству Ксенофонта в «Греческой истории» (III, 4,3), царь Агесилай перед отплытием в 396 г. в Азию «решил отправиться в Авлиду и принести жертву на том месте, где Агамемнон совершил жертвоприношение перед отплытием в Трою» (*пер. С. Я. Лурье*). И вновь, как когда-то это было с афинской инициативой, примечательно было полное равнодушие, с каким прочие греческие государства, уже познавшие цену спартанской пропаганды, отнеслись к акции Агесилая, а беотийские власти, как об этом рассказывается далее у Ксенофонта (III, 4,4), силою даже воспрепятствовали спартанскому царю довести начатый обряд до конца.

В позднеклассический период на смену старинным, клонившимся к упадку полисным республикам в качестве выразителей идеи панэллинизма явились новые государства, более сильные и энергичные, которые, казалось, самой судьбою были предназначены для такой роли,— развивавшиеся в особенности на периферии греческого мира авторитарные монархические режимы.

Уже Дионисий Старший, готовясь ко второму, решающему столкновению с Карфагеном и стремясь заручиться поддержкой общественного мнения всех греков, в выступлениях перед народным собранием, как свидетельствует Диодор (XIV, 45,2 слл., под 398 г.), призывал сиракузян начать войну с карфагенянами как ввиду общей враждебности этих варваров ко всем эллинам, так и вследствие происков их против сикелиотов. Не преминул он использовать и другой столь же сильный аргумент — необходимость освобождения греческих городов Сицилии из-под варварского ига. Последний мотив был затем использован Дионисием и при предъявлении от имени сиракузской общины ультиматума карфагенянам: Дио-

Merritt B. D., Wade-Gery H. T., McGregor M. F.— ATL, III, p. 279 sqq.; Levi M. A. Plutarco e il V secolo. Milano, 1955, p. 134 sqq., 305 sqq. См. далее: *Dienelt K.* Die Friedenspolitik des Perikles. Wien, 1958; *Raubitschek A. E.* The Peace Policy of Pericles.— AJA, 1966, Jan., vol. 70, N 1, p. 37—41; *Bengtson H.* Griechische Geschichte. 4. Aufl. München, 1969, S. 213; *Will E.* Le monde grec et l'Orient. P., 1972 t. 1, p. 166—167.

[16] Эта сделка была оформлена в трех последовательных договорах, которые спартанцы заключили с персами в 412—411 гг. См.: *Thuc.*, VIII, 17—18, 36—37, 57—58; *Bengtson H.* Die Verträge der griechisch-römi chen Welt von 700. bis 338. v. Chr. (Die Staatsverträge des Altertums, II). München; Berlin, 1962, N 200—202.

нисий извещал карфагенское правительство, что «сиракузяне объявляют карфагенянам войну в случае, если те не освободят порабощенные ими эллинские города (XIV, 46, 5; ср. также: 47, 2). Позднее, уже во время самой войны, Дионисий не уставал подчеркивать «национальный» характер направляемой им борьбы и в этой связи считал своим долгом сурово расправляться с теми греками, которые, изменяя общему делу, оставались на службе у карфагенян. Так, после взятия вражеской крепости Мотии (на западной оконечности острова) оставшиеся в живых «варвары» были проданы Дионисием в рабство, тогда как взятые в плен греческие «союзники» (очевидно, наемники) карфагенян были по его приказу подвергнуты мучительной казни (XVI, 53,4, под 397 г.) [17].

Равным образом большой интерес представляют панэллинская программа и политика Ясона, тирана Фер, в 70-е годы IV в. боровшегося за объединение Фессалии и достижение гегемонии во всей Греции. О его планах нам известно из двух современных и перекликающихся друг с другом источников — Ксенофонта и Исократа. Ксенофонт в «Греческой истории» приводит большую речь фарсальца Полидаманта, ведшего переговоры со Спартой о возможностях совместных действий против ферского тирана (VI, 1,4—16) [18]. Высоко отзываясь об уме и энергии Ясона, Полидамант подробно рассказывает также и о его планах, о которых ферский правитель сам поведал Полидаманту при их личной встрече (§ 8—12). В эти планы входило, во-первых, объединение всей Фессалии в единое государство под властью Ясона; затем подчинение соседних областей, включая Македонию, привлечение Беотии в качестве союзника, нейтрализация Афин и Спарты и достижение таким путем гегемонии в Греции; наконец, военный разгром и подчинение Персии. Обосновывая возможность победоносной войны с Персией, Ясон указывал на те же обстоятельства, на которые обращал внимание и Исократ в «Панегирике»,— на слабость персов, являющих собою толпу рабов, лишенных гражданской доблести, и на удачные уже опыты борьбы с ними греческих наемников Кира Младшего и Агесилая. Рассказу Ксенофонта в части, касающейся персидских прожектов Ясона, вторит и Исократ в поздней своей речи «Филипп». По словам Исократа (V, 119), Ясон достиг большой славы одним только тем, что «распространял слухи, будто собирается переправиться на материк и воевать с царем» (*пер. В. Г. Боруховича*).

Как известно, Ясон Ферский успел выполнить лишь часть обширной программы. Он добился объединения Фессалии под своей властью, и ему действительно удалось поставить под свой контроль соседние греческие

[17] Более подробный разбор и оценку панэллинской политики Дионисия см.: *Stroheker K. F.* Dionysios I. Gestalt und Geschichte des Tyrannen von Syrakus. Wiesbaden, 1958, S. 43 f., 148 f., 179 ff.; *Berve H.* Die Tyrannis bei den Griechen. München, 1967, Bd. I, S. 221, 237, 246 f., 256, 258 ff.; Bd. II, S. 644, 649, 656.

[18] По мнению новейших исследователей, эта излагаемая Ксенофонтом речь в своей основе восходит к действительно сказанному Полидамантом и потому является ценнейшим источником для суждения о реальном положении, политике и планах ферского властителя. См.: *Stählin F.* Jason (3).— RE, Bd. IX, Hbbd. 17, Sp. 773; *Wilcken U.* Zu Jason von Pherai.— Hermes, 1924, Bd. LIX, H. 1, S. 126 f.; *Berve H.* Die Tyrannis..., Bd. II, S. 668.

области — не только малоизвестных мараков и долопов, но и эпиротов и македонян. После Левктр, не допустив завершающего разгрома спартанцев победоносным беотическим ополчением, он выступил с претензией на роль высшего арбитра в Греции и уже готовился к походу в Дельфы, с тем чтобы взять на себя руководство делами храма и председательством в Дельфийской амфиктионии форсировать установление собственной гегемонии в Греции, когда насильственная смерть положила конец его стремительному возвышению (370 г.). Не случись этого, кто знает, как обернулось бы дело, и не суждено ли было фессалийскому народу вместе со своим вождем Ясоном исполнить ту историческую роль, какую позднее сыграли македоняне с царями Филиппом и Александром? [19]

Все же всесторонний учет условий и обстоятельств, в которых происходило развитие тиранических режимов в позднеклассической Греции, заставляет усомниться в возможности реализации панэллинской программы даже такими деятелями, как Ясон Ферский или Дионисий Сиракузский. Как бы ни была оригинальна их политика, каких бы значительных успехов ни добивались они в государственном строительстве и сколь бы ни были подчас ошеломляющими их достижения во внешней сфере, трудной проблемой оставалось для них преодоление пропасти, отделявшей тиранические режимы от гражданских традиций полиса, из недр которого они выросли и на который должны были опираться. Трудная для решения в рамках того естественного политического единства, где рождался данный тиранический режим, эта задача оказывалась во сто крат труднее для решения ее в масштабах большой исторической области, и тем более всей Греции. Ясон погиб при попытке форсировать решение этой задачи. Дионисий Старший был более удачлив, он создал на греческом Западе новую, обширную Сицилийскую державу. Однако его преемник, бесталанный и бесхарактерный Дионисий Младший, не сумел сохранить оставленного ему богатого наследия, и авторитарной власти на западе в лице Агафокла, Пирра и Гиерона II пришлось снова и снова решать все ту же задачу преодоления полиса и построения монархического государства, пока, наконец, Рим включением западных греческих общин в свою державу не положил конец этим местным усилиям. Впрочем, что касается Дионисия Старшего, то его активное вмешательство в дела Балканской Греции было уже постольку исключено, поскольку непрерывные войны с Карфагеном, от которых в первую очередь и зависела судьба его государства, и без того занимали все его силы.

В этих условиях естественным было выступление на первый план новой политической силы — Македонской монархии, которая, включившись в борьбу за гегемонию в Греции, довольно скоро перехватила панэллинское знамя у своих соперников — слабеющих полисных республик и непопулярных тираний. Тяготение к общеэллинскому достаточно рано обнаруживается у македонских царей [20]. Уже Александр I (около 495—

[19] Ср.: *Фролов Э. Д.* Греческие тираны (IV в. до н. э.). Л., 1972, с. 98.

[20] Для истории ранней Македонии, в частности для суждения о греческой политике македонских царей, см.: *Abel O.* Makedonien vor König Philipp. Leipzig, 1847; из более новой литературы см.: *Geyer F.* Makedonien bis zur Thronbesteigung Philipps II.

450/40 гг.) выказал отчетливое стремление приобщиться к кругу религиозно-культурной жизни греков (между прочим — своим участием в Олимпийских празднествах), за что и заслужил в позднейшей традиции прозвище Филэллина. При Архелае I (414/3—400—399 гг.) Македонская монархия не только изъявила претензию стать центром этой культурной жизни (в частности, приглашением ко двору крупнейших деятелей греческой культуры — художника Зевксиса, эпического поэта Херила, драматургов Агафона и Еврипида, философа Сократа и др.), но и сделала первые попытки вмешаться в греческие дела (вторжение в Фессалию на рубеже V—IV вв.). Гибель Архелая и последующие внутренние смуты почти на полстолетия сковали внешнеполитическую инициативу Македонского государства, но, когда при Филиппе II (359—336 гг.) неурядицам наконец был положен предел и государство окончательно консолидировалось в централизованную и военизированную, хотя и не лишенную черт патриархальности монархию, эта инициатива немедленно была возобновлена [21].

Покончив в первые пять лет своего правления с отражением соседних «варварских» племен (разгром иллирийцев в 357 г. и союза — так называемой Северной лиги — иллирийцев, пеонийцев и фракийцев в 355 г.) и в борьбе с Афинами достигнув выхода к морю (занятие Амфиполя в 357, Пидны в 356 и Мефоны в 354 г.), Филипп перешел к активным наступательным операциям, стремясь одновременно расширить пределы своего государства за счет фракийских земель на востоке, покончить с вклинивавшимся в его владения Халкидикским союзом и, наконец, утверждением в Фессалии заложить основу македонского господства в Греции. Последнее направление в македонской внешней политике было безусловно важнейшим, и именно здесь проявилось умение Филиппа II использовать в интересах собственной державной политики популярные греческие идеи и лозунги.

Обращение свободных фессалийских городов к Филиппу II с просьбой оказать им поддержку против ферских тиранов Ясонидов доставило македонскому царю удобный повод для вмешательства в греческие дела. Это вмешательство стало еще более активным, когда ферские тираны, в свою очередь, вступили в альянс с фокидскими стратегами-автократорами. То было время третьей Священной войны (356—346 гг.), в которой против фокидян, аннексировавших храмовый город Дельфы, выступила коалиция общин-амфиктионов под руководством беотийцев и фессалийцев. Приняв сторону последних, Филипп получил возможность действовать как

(Historische Zeitschrift, Beiheft 19). München; Berlin, 1930; *Paribeni R.* Macedonia sino ad Alessandro Magno. Milano, 1947; *Cloché P.* Histoire de la Macédoine jusqu'à l'avénement d'Alexandre le Grand (331 avant J.-C.). P., 1960.

[21] О политике Филиппа II вообще см.: *Momigliano A.* Filippo il Macedone. Saggio sulla storia greca del IV secolo a. C. Firenze, 1934; *Geyer F.* Philippos (7).— RE, Bd. XIX. Hbbd. 38, Sp. 2266—2303; *Cloché P.* Un fondateur d'empire. Philippe II, roi de Macédoine. Saint-Etienne, 1955; *Ellis J. R.* Philip II and Macedonian Imperialism. London; New York, 1976; специально о взаимоотношениях Филиппа с греками в решающий период после Филократова мира см.: *Wüst F. R.* Philipp II. von Makedonien und Griechenland in den Jahren von 346—338 v. Chr. (Münchener Historische Abhandlungen, 1. Reihe, H. 14). München, 1938; об отношениях с Афинами см.:

защитник общеэллинского дела, как борец за освобождение святыни Аполлона из-под власти святотатцев [22].

Неоднократные вторжения Филиппа в Фессалию завершились в конце концов решительным успехом: в 352 г. на Крокусовом поле (к западу от Пагасейского залива) он наголову разгромил войско фокидского стратега-автократора Ономарха. Перед сражением царь, по свидетельству Юстина, «приказал всем своим воинам надеть лавровые венки и вступил в сражение как бы под предводительством самого бога» (Iustin., VIII, 2, 3. *Пер. А. А. Деконского, М. И. Рижского*). Затем, одержав победу, он повелел всех захваченных в плен фокидских воинов, а их было не менее трех тысяч, утопить в море, как святотатцев, а труп павшего в бою Ономарха распял (Diod., XVI, 35, 6; 61, 2). Победа на Крокусовом поле решила судьбу Фессалии: тирания в Ферах пала и вся область, объединенная в единый, радикально реорганизованный союз, вошла — посредством, так сказать, личной унии, ибо македонский царь был провозглашен пожизненным главой этого союза (Diod., XVII, 4, 1; Iustin., XI, 3, 2),— в состав Македонской державы [23].

Обретя новые силы и новые импульсы к захватам, искусно продолжая эксплуатировать однажды удачно найденные политические лозунги, Филипп в последующие годы стремительно продолжал движение к уже определившейся цели — установлению македонской супрематии на всем Балканском полуострове. В 352 г. в ходе успешной военной кампании Филипп расширил македонские владения на Фракийском побережье до Пропонтиды, к 348 г. он завершил покорение Халкидики, а в 346 г. добился очень важного политического соглашения с лидером свободной Эллады Афинами. Заключенный в этом году так называемый Филократов мир не только санкционировал все доселе сделанные Филиппом захваты, но и подготовил — отречением афинян от дружбы со «святотатцами» — последовавшую расправу над Фокидой. Еще в том же году Филипп вместе с фессалийцами и беотийцами вторгся в Фокиду и принудил последнего фокидского стратега-автократора Фалека к капитуляции.

Македонский царь вел борьбу с фокидянами как защитник дела амфиктионов. В соответствии с этой принятой на себя ролью он предоставил решение судьбы побежденных Совету амфиктионов, который теперь после долгого перерыва снова смог собраться в Дельфах. По воле царя и по приговору амфиктионов фокидяне были полностью разоружены, их укрепленные города подлежали срытию, а жители — расселению по деревням.

Philip and Athens/Selected and Introduced by S. Perlman. Cambridge; New York, 1973; с персами — *Kienast D.* Philipp II. von Makedonien und das Reich der Achaimeniden. (Abhandlungen der Marburger gelehrten Gesellschaft, Jg. 1971, № 6). München, 1973.

[22] См.: *Diod.*, XVI, 35, 1 sqq.; под 354 г.; *Polyaen.*, II, 38, 2; IV, 2, 19; *Iustin.*, VIII, 2, 1 sqq.

[23] Об организации Фессалии под властью македонских царей см.: *Busolt G., Swoboda H.* Griechische Staatskunde. München, 1926, Bd. II, S. 1488 f.; *Westlake H. D.* Thessaly in the Fourth Century B. C. L., 1935, p. 196 sqq.; *Sordi M.* La lega tessala fino ad Alessandro Magno. Roma, 1958, p. 261 sqq.

На страну был наложен тяжелый денежный штраф в возмещение убытков, понесенных казною дельфийского храма. Наконец, фокидяне лишались доступа в святилище и участия в Совете амфиктионов. Отобранные у фокидян два голоса, которыми они располагали в Совете амфиктионов, закреплялись за македонским царем, который таким образом официально получал доступ в самое почтенное из всех религиозно-политических объединений в Элладе. Более того, специальным решением на македонского царя вместе с фессалийцами и беотийцами возлагалась впредь забота о подготовке и проведении Пифийских празднеств, что фактически означало закрепление за Филиппом руководящей роли в Амфиктионии. Реорганизация Амфиктионии была увенчана провозглашением общего мира (κοινὴ εἰρήνη), хотя он и имел первоначально силу лишь для членов Амфиктионии [24].

Итогом третьей Священной войны было, таким образом, полное уничтожение опасного смутьяна в Средней Греции — Фокидского государства. Однако выиграли от этого не те, кто с самого начала добивался уничтожения фокидян,— выиграли не беотийцы и не их союзники, а вмешавшийся под конец македонский царь, который теперь крепко стоял в центре Эллады и в любой момент мог обрушиться и на Беотию, и на другие еще независимые общины. Новые военные и политические успехи Филиппа — распространение македонского влияния на Эпир, освоение и преобразование Фракии в настоящую македонскую провинцию, союз с Гермием, правителем города Атарнея в Эолиде, и подготовка, таким образом, плацдарма для вторжения в Азию, нападение на Перинф и каперство в проливах — пробудили наконец от спячки значительную часть греческих полисов, которые сплотились вокруг Афин в антимакедонскую коалицию. А когда Филипп, воспользовавшись новой распрей среди греков (дело амфисских локров), под все тем же предлогом защиты интересов Дельфийской амфиктионии вторгся в Среднюю Грецию, к антимакедонскому союзу примкнули и беотийцы, и дело дошло до открытого фронтального столкновения между Македонией и массою греческих полисов во главе с Афинами и Фивами (Спарта воздержалась от участия в этом выступлении) [25].

Спор был решен в роковом для греков сражении при Херонее (1 сентября 338 г.). Победа македонского царя над союзным греческим войском, ядро которого составляли афиняне и фиванцы, была столь полной, а по-

[24] См.: *Diod.*, XVI, 59,4—60,5; *Paus.*, X, 3; 8,2; 13,6; *Iustin.*, VIII, 5,3 sqq. О реорганизации Дельфийской амфиктионии см.: *Wüst F. R.* Op. cit., S. 18 ff.; для общей оценки ср. также: *Bengtson H.* Griechische Geschichte, S. 318 f.; *Will E., Mossé C., Goukowsky P.* Op. cit., t. 2, p. 53 sq.

[25] Для истории этой последней кампании, помимо соответствующих разделов в общих трудах по истории древней Греции и литературы о Македонии и Филиппе, указанной выше, см.: *Glotz G.* Philippe et la surprise d'Elatée.— BCH, 1909, t. XXXIII, p. 525 sqq.; *Mosley D. J.* Athen's Alliance with Thebes 339 B. C.— Historia, 1971, Bd. XX, H. 4, p. 508—510; *Hammond N. G. L.* The Victory of Macedon at Chaeronea.— In: Hammond N. G. L. Studies in Greek History. Oxford, 1973, p. 534—559. В основу дальнейшего изложения нами положена статья: *Фролов Э. Д.* Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э. и объединение Эллады.— ВДИ, 1974, № 1, с. 45—63.

тери союзников — столь значительными, что ни о каком продолжении борьбы со стороны греков и речи быть не могло. Теперь Филипп был хозяином в Элладе, и он, разумеется, поспешил закрепить результаты военной победы соответствующим политическим урегулированием. При этом, опираясь на авторитет победителя и на реальную силу, он действовал решительно, но гибко, соразмеряя степень давления не только с ближайшими военно-политическими интересами, но и с политическим весом отдельных греческих полисов, а более всего стремясь к тому, чтобы установившаяся де-факто македонская гегемония была надлежащим образом оформлена и закреплена общим политическим соглашением.

На первых порах, однако, Филипп занялся сведением счетов и урегулированием отношений с отдельными греческими государствами — участниками антимакедонской коалиции. С Фивами, которые были сильнейшим форпостом свободных эллинов в Средней Греции и сами претендовали на гегемонию в этом районе, Филипп расправился самым суровым и безжалостным образом. В город был введен македонский гарнизон. Были возвращены изгнанные ранее приверженцы Македонии, из которых теперь были образованы новый правящий совет и суд. Противники Филиппа были подвергнуты наказанию: одних казнили, других отправили в изгнание, имущество тех и других было конфисковано. Фивы оказались, таким образом, под жестким македонским контролем.

Вместе с тем были приняты меры к тому, чтобы на будущее пресечь чрезмерное усиление Фив в Беотийском союзе, а самому этому союзу, который продолжал существовать, создать какой-либо противовес. Первое было достигнуто восстановлением некогда разрушенных фиванцами Орхомена и Платей, второе — возрождением Фокидского союза. Фокидские города стали восстанавливаться еще до Херонейского сражения, одновременно, по-видимому, по инициативе эллинских союзников и Филиппа. Теперь это дело было продолжено и даже облегчено тем, что Филипп сократил ежегодный репарационный взнос фокидян в казну Дельфийского храма с 60 талантов до 10 [26].

Не менее круто обошелся Филипп и с другими общинами Средней Греции и Пелопоннеса, которые имели смелость примкнуть к антимакедонскому лагерю. Эвбейский союз, созданный халкидянами Каллием и Тавросфеном, был уничтожен, в Халкиду был введен македонский гарнизон. Македонские войска заняли также Амбракию и Акрокоринф. Тем более удивительным может показаться снисходительное и даже уважительное отношение македонского царя к Афинам [27].

[26] См.: *Paus.*, IV, 27, 10; IX, 1, 8; 37, 8 (Орхомен и Платеи); X, 3, 3; 33, 8; 36, 3 (фокидские города).

[27] О действиях и распоряжениях Филиппа в отношении городов Средней Греции (кроме Афин) ср.: *Beloch K. J.* Op. cit., Bd. III, Abt. 1, S. 569, 573; *Roebuck C.* The Settlements of Philip II with the Greek States in 338 B. C.— ClPh, 1948, vol. XLIII, N 2, p. 76 sqq., 82 sqq. Относительно судьбы Эвбейского союза мы придерживаемся взгляда А. Шефера и Ф. Р. Вюста (*Schaefer A.* Demosthenes und seine Zeit. 2. Aufl. Leipzig, 1887, Bd. III, S. 38; *Wüst F. R.* Op. cit., S. 174); попытка К. Роубака оспорить этот взгляд не представляется убедительной.

ГЕРМЕС С ДИОНИСОМ. Статуя работы Праксителя. Третья четверть IV в. до н. э.

В самом деле, вопреки ожиданию Филипп не стал спешить с вторжением в Аттику. Македонскому царю, в особенности после опыта с Перинфом и Византием, должны были быть ясны трудности осады такого большого морского города, как Афины, которые все еще сохраняли свою главную силу — флот и были готовы защищаться до последней возможности. С другой стороны, для македонского царя было выгоднее не довершать разгрома Афин и не ожесточать против себя сердца сторонников полисной свободы, а добиться примирения и почетным для Афин соглашением вбить клин в отношения между ними и бывшими их союзниками, обеспечив за собой положение высшего арбитра. Филипп оказался достаточно мудр, чтобы, взвесив все эти соображения, первым протянуть руку к примирению.

В Афинах, где первоначальная отчаянная решимость скоро уступила место более трезвым размышлениям, с пониманием отнеслись к предложениям царя, и вскоре было выработано окончательное соглашение. По условиям договора Афины сохраняли основные свои владения, включая и заморские территории (острова Лемнос, Имброс и Скирос, а также Самос); они сохраняли также протекторат над Делосом, но должны были отказаться от Херсонеса Фракийского, который с тех пор стал македонским владением, и признать роспуск своего морского союза. Зато в качестве своего рода компенсации они получали Ороп — подношение, которое несомненно должно было углубить раскол между афинянами и беотийцами.

Когда афинское народное собрание, у которого в общем не было выбора, утвердило этот договор, македонский царь еще больше подсластил пилюлю: он без выкупа освободил пленных афинян и, более того, в сопровождении почетного эскорта во главе со своим сыном Александром и двумя видными офицерами Антипатром и Алкимахом отправил на родину останки афинских воинов, павших при Херонее. На этот жест царя афиняне должны были ответить любезностью: они почтили македонского царя бронзовой статуей, даровали ему и его сыну права афинского гражданства и предоставили проксению и права гражданства Антипатру и Алкимаху. Стороны с лихвой, таким образом, продемонстрировали свои дружеские чувства, однако то простое обстоятельство, что эта дружба была навязана одним партнером другому, заставляло усомниться в ее прочности [28].

[28] О соглашении Филиппа с Афинами см.: *Beloch K. J.* Op. cit., Bd. III, Abt. 1, S. 569—573; *Roebuck C.* Op. cit., p. 80—82. Неясной остается связь этого договора с вхождением Афин в Коринфскую лигу. Со времен А. Шефера утвердилось мнение, что в договоре Филиппа с Афинами уже содержалось обращенное к Афинам предложение присоединиться к будущему общему союзу (*Schaefer A.* Op. cit., Bd. III, S. 29; *Beloch K. J.* Op. cit., Bd. III, Abt. 1, S. 572; *Roebuck C.* Op. cit., p. 81). Однако, как убедительно показал В. Г. Борухович, источники, привлекаемые для решения этого вопроса (*Ps.-Dem.*, XVII, 30; *Plut.* Phoc., 16, 4—7), не дают оснований для такого заключения. Скорее наоборот: предложение Демада, о котором говорится у Плутарха, могло быть сделано после заключения мира между Филиппом и Афинами, в ответ на новые предложения македонского царя, а оговорка, о которой упоминается у Псевдо-Демосфена, содержалась — тут уже не может быть двух мнений — именно в тексте общего договора, а не в сепаратных соглашениях Филиппа с Афинами. См.: *Борухович В. Г.* Коринфский конгресс 338 г. до н. э. и его решения.— Учен. зап. Горьк. гос. ун-та, 1959, вып. 46, с. 202—204.

Устроив, таким образом, дела в Средней Греции, Филипп перешел с войском в Пелопоннес и здесь также позаботился об упрочении своего влияния. Мегары, Коринф и Ахайя, сдавшиеся победителю, были поставлены под жесткий македонский контроль (в Коринф, как указывалось, был введен македонский гарнизон). С Аргосом, Аркадией, Мессенией и Элидой, которые еще раньше вступили в союз с Филиппом и в последней войне сохраняли дружественный по отношению к Македонии нейтралитет, были укреплены союзнические отношения. Наоборот, против Спарты, которая из неприязни к Фивам не участвовала в антимакедонском выступлении, но теперь не торопилась и с поздравлениями победителю, царь вместе с пелопоннесскими союзниками провел карательную экспедицию. В результате от Спарты были отторгнуты все пограничные области, которые в свое время она захватила у соседей. Аргос теперь получил обратно Кинурию, Тегея и Мегалополь — Скиритиду и земли у истоков Еврота. Мессения — Денталиатиду (на западном склоне Тайгета). Все же, как и в случае с Афинами, царь не пошел на полное уничтожение Спарты и сохранил ее в качестве противовеса и своего рода пугала для прочих пелопоннесских государств — его союзников [29].

Оценивая в целом политику Филиппа после Херонеи, нельзя не признать, что его действия, направленные на создание нового политического порядка, отличались большой продуманностью и гибкостью. Македонский царь, разумеется, делал все возможное для закрепления своей супрематии в Греции, однако он не форсировал события и не пытался, используя военный успех, включить греческие государства в состав Македонской державы. Он не мог не сознавать, что если бы даже в тот момент это и удалось, надолго сохранить такое господство над Грецией — страной многолюдной, экономически и социально более развитой, чем Македония, вдобавок привыкшей жить в условиях политической свободы и независимости,— все равно не удалось бы. Разумнее было попытаться создать такую систему отношений, которая позволяла бы македонскому царю, сохраняя фактическое господство, одновременно выступать в роли и на правах естественного арбитра. Заняв гарнизонами ключевые пункты страны, подавив силою сопротивление одних общин, склонив к соглашению другие, изолировав третьи, а бо́льшую часть привязав к себе посредством личной унии (Фессалия), через Дельфийскую амфиктионию или двусторонними соглашениями, Филипп создал реальные предпосылки для своего выступления в качестве всеобщего высшего устроителя и арбитра.

[29] О политике Филиппа в Пелопоннесе см. также: *Beloch K. J.* Op. cit., Bd. III, Abt. 1, S. 573—575; *Roebuck C.* Op. cit., p. 83 sqq., 91 sq. У последнего специально рассматривается вопрос об участии Коринфской лиги в урегулировании споров между Спартой и пелопоннесскими союзниками Македонии. Дело в том, что и в Пелопоннесе, как и в других случаях, Филипп позаботился о том, чтобы своим действиям придать хотя бы вид законности. Когда была создана Коринфская лига, он передал на рассмотрение объединенных в эту организацию эллинов вопрос о территориальных претензиях пелопоннесских полисов к Спарте. Коринфская лига в лице специально созданного трибунала или непосредственно синедриона расследовала дело и своим постановлением санкционировала фактически уже состоявшееся решение (об этом достаточно формальном участии Коринфской лиги см.: *Polyb.*, IX, 33, 12).

Это положение должно было быть теперь оформлено на всеобщем эллинском конгрессе, который по инициативе Филиппа был созван в Коринфе на исходе осени или в начале зимы 338 г.[30]

Обращаясь к истории самого Коринфского конгресса, необходимо прежде всего подчеркнуть, что его работа носила сложный и длительный характер. Есть все основания считать, что конгресс собирался в два приема, что было две его сессии: первая, учредительная, на которой было оформлено новое политическое единство, и вторая, на которой было принято решение о войне с персами. Впервые это различие этапов было принято во внимание К. Ю. Белохом, затем — на основании тщательного сличения рассказов Диодора и Юстина, наших главных источников по истории конгресса (Diod., XVI, 89; Iustin., IX, 5),— оно было обстоятельно обосновано У. Вилькеном, к мнению которого присоединяются большинство ученых [31].

На первую, учредительную сессию, рассказ о которой содержится у Юстина, съехались по приглашению македонского царя посланцы всех греческих государств. Лишь Спарта, до конца не усмиренная, игнорировала адресованное ко всем эллинам приглашение Филиппа. Съехавшиеся, как правильно подчеркнуто у Вилькена, были именно посланцами (у Юстина в IX, 5, 1 — legati), не членами общего синедриона, который только еще предстояло создать [32]. Официальная программа конгресса была, очевидно, изложена Филиппом заранее в специальном эдикте (διάγραμμα), который был разослан отдельным общинам, а затем оглашен царем при открытии общего собрания. Предположение об издании Филиппом такого эдикта было высказано все тем же Вилькеном, который для суждения о действиях Филиппа в 338 г. привлек свидетельство Диодора о действиях Полисперхонта в 319/8 г. (Diod., XVIII, 55 sq.). Согласно Диодору, чей рассказ основывается на показаниях хорошо осведомленного Гиеронима из Кардии, Полисперхонт, намереваясь произвести пере-

[30] Главным источником для истории Коринфского конгресса 338/7 г. являются краткие, но ценные свидетельства античных авторов — Диодора, Помпея Трога (в переложении Юстина), Плутарха, Арриана. Для реконструкции решений конгресса важна прежде всего найденная на афинском акрополе надпись IG, II—III², 1, № 236 = = Syll.³, 1, № 260 = *Tod*, II, № 177 с текстом, очевидно, составленного для Афин варианта общего договора. Надпись дошла в сильно поврежденном виде; сохранившиеся части ее содержат: фрагмент a — заключительную часть клятвы на верность договору, а фрагмент b — перечень общин, вступивших в союз, с указанием количества голосов, которыми эти общины располагали в общесоюзном совете. Далее, важна сохранившаяся в корпусе речей Демосфена речь «О договоре с Александром» (XVII), автором которой, как считают, был не великий оратор, а кто-то из его современников, тоже, впрочем, принадлежавший к антимакедонской группировке. Упрекая Александра в нарушении договора об общем мире — очевидно, того самого, который он заключил с греками в 336 г. и который в существенных своих частях повторял договор Филиппа,— оратор перелагает или цитирует отдельные статьи этого договора, давая нам, таким образом, возможность восстановить их содержание.

[31] *Beloch K. J.* Griechische Geschichte, 1. Aufl. Strassburg, 1897, Bd. II, S. 572—574, 606; *Wilcken U.* Beiträge zur Geschichte des Korinthischen Bundes.— SB, München, 1917, Abh. 10, S. 4 ff.

[32] *Wilcken U.* Beiträge..., S. 25—26.

устройство политических дел в Греции и восстановить мир и порядок, существовавшие при Филиппе и Александре, начал именно с издания общего эдикта. При этом в прокламации Полисперхонта содержалась прямая ссылка на предшествующие эдикты Филиппа и Александра. Подтверждение своему тезису об издании Филиппом общего эдикта Вилькен находит в рассказе Юстина, согласно которому македонский царь в Коринфе пожаловал грекам мир (Iustin., IX, 5, 2). Хотя Юстин и упрощает дело — процедура принятия решения о мире была в действительности сложнее,— в его рассказе несомненно отразилось знание его прототипа Помпея Трога о царском эдикте [33].

Все сказанное имеет большое значение для сравнительной оценки роли Филиппа и греков в истории Коринфского конгресса. Мы видим, что инициатива здесь полностью принадлежала македонскому царю, который не только созвал конгресс, но и заранее авторитетно определил его программу и решения. Тем не менее нельзя недооценивать того факта, что свою волю царь хотел облечь именно в форму общеэллинских решений. В этом заключалось признание за греками известного политического значения, известной мощи, которая заставляла считаться с ними и обращаться, по крайней мере в известных случаях, не как с подданными, а как с партнерами. Созывом Коринфского конгресса Филипп признавал важность того, чтобы политическое урегулирование, казалось бы уже продиктованное им Элладе, в конечном счете выступило в качестве совместного акта македонского царя и всех эллинов; лишь это, очевидно, могло сообщить новому порядку надлежащую силу и устойчивость.

Первым важным решением Коринфского конгресса было провозглашение общего мира. У Юстина, как мы уже видели, это решение изображается просто как предписание Филиппа. Однако это — упрощение. Инициативная роль царя нашла выражение в предваряющем общеэллинское собрание эдикте, окончательные же решения были приняты самим этим собранием, явились результатом и содержанием общего договора. Поэтому в греческих источниках принятые в Коринфе решения официально обозначаются не как повеления царя Филиппа, но, с одной стороны, как постановления эллинов (τὸ δόγμα или τὰ δόγματα τῶν Ἑλλήνων.— Syll.[3], 1, № 283.13; Arr. Anab., I, 16, 6; III, 23, 8), а с другой — как соглашения эллинов с Филиппом (αἱ συνθῆκαι.— IG², II—III, 1 № 236. 4/5, 15/16, 17/18, по тексту в реконструкции Вилькена; Ps.-Dem., XVII, passim).

Что касается решения о мире, то, согласно тексту официальных документов и судя по восприятию современников, оно составляло главное содержание заключенного в Коринфе договора. Так, в надписи, содержащей афинский вариант общего договора, предмет соглашения определяется кратко ἡ εἰρήνη, возможно также ἡ κοινὴ εἰρήνη (IG², II—III, 1, № 236. 9/10, 13/14, 19/20). Равным образом и у Псевдо-Демосфена предмет общего

[3] *Wilcken U.* Beiträge..., S. 29 ff.; *Idem.* Philipp II. von Makedonien und die panhellenische Idee, S. 299 f.

соглашения обозначается как ἡ κοινὴ εἰρήνη или просто ἡ εἰρήνη (Ps.-Dem., XVII, в частности § 2, 4, 10).

Об отдельных статьях соглашения о мире можно судить отчасти на основании надписи с афинским вариантом общего договора, отчасти же — по речи Псевдо-Демосфена, который специально трактует о нарушении Александром договора о мире. В самом начале этого договора в торжественной форме провозглашались свобода и автономия для всех эллинов. Это видимое сохранение полисного партикуляризма отнюдь не означало признания за греками того права на свободную гражданскую и политическую борьбу, которое доселе считалось их неотъемлемой собственностью. Обладание свободою и автономией было сопряжено для участников договора с принадлежностью к новой политической системе, существенными признаками которой должны были стать прочный мир и твердый порядок.

Действительно, основное содержание договора сводилось к установлению прочного мира — гражданского и политического, в каждом отдельном полисе и в Элладе в целом. Забота о поддержании гражданского мира нашла выражение прежде всего в признании незыблемости тех государственных порядков, которые существовали у участников договора к моменту его заключения. «И я не буду ниспровергать,— гласит соответствующая часть официальной присяги,— ни царской власти Филиппа и его потомков, ни государственных устройств, существовавших у всех участников, когда они приносили клятвы на верность миру» (IG², II—III, 1, № 236. 11—14). При этом бросается в глаза — по крайней мере в изложении Псевдо-Демосфена — выразительное запрещение любых действий, связанных с ломкою общественных отношений, если эти действия противоречили существующей конституции и служили целям переворота. По словам оратора, должностным лицам, призванным стоять на страже общих интересов, вменялось в обязанность «заботиться о том, чтобы в государствах, участниках мирного договора, не применялись ни казни, ни изгнания вопреки установленным в этих государствах законам, ни отобрания в казну имуществ, ни передел земли, ни отмена долгов, ни освобождение рабов в целях государственного переворота» (Ps.-Dem., XVII, 15. *Пер. С. И. Радцига*).

Что все эти запреты, ставившие предел социально-политическим смутам, должны были в конечном счете содействовать благополучию имущих классов, в этом сомневаться не приходится; с этой точки зрения социальный, классовый характер установлений о гражданском мире бесспорен [34]. Однако из этого вовсе не следует, что в самый момент заключения договора эти установления имели в виду прежде всего социальные интересы состоятельных слоев греческого общества. Не следует забывать о том, что Коринфский конгресс был заключительным эпизодом вполне определенной политической борьбы — не социальной революции (или контрреволюции) и положение, которое он должен был оформить, было именно положением политическим, с уже установившимися отношениями господ-

[34] Это было отмечено уже Ю. Керстом. См.: *Kaerst J.* Geschichte des hellenistischen Zeitalters. Leipzig; Berlin, 1901, Bd. 1, S. 208; ср. позднейшее издание: Geschichte des Hellenismus. 3. Aufl. Leipzig; Berlin, 1927, 1, S. 276.

ства и подчинения. С точки зрения главного устроителя Коринфского конгресса — македонского царя Филиппа — было важно прежде всего закрепить достигнутое политическое положение, подтвердить незыблемость македонской супрематии, нерушимость установленных или санкционированных македонским царем порядков. Именно этим, по нашему мнению, объясняется и внимание Коринфского конгресса к вопросу о гражданском мире. Македонским царем двигала здесь не столько забота об интересах собственнических слоев населения — расчет приобрести таким образом симпатии имущей элиты мог играть лишь побочную роль,— сколько естественное стремление утвердить собственную власть и власть дружественных ему режимов в Греции. Отсюда характерная формула официальной присяги, имеющая в виду именно государственные интересы македонских царей и их греческих сателлитов. Отсюда и все те конкретные запреты, о которых говорится у Псевдо-Демосфена: они направлены были прежде всего на предотвращение политических переворотов, а затем, конечно, и социальных преобразований, которые могли быть инспирированы антимакедонскими группировками. С этим же были связаны и настоятельные, возможно, даже не раз повторявшиеся в решениях конгресса требования не допускать возвращения изгнанников, т. е. тех несомненно политических деятелей и групп, которые до этого были противниками Македонии и которые впредь могли стать инициаторами ниспровержения только что установленных порядков (ср. Ps.-Dem., XVII, 3—9; 16—18).

Возвращаясь к содержанию договора о мире, отметим, что его статьями предусматривалось установление в Элладе не только гражданского мира, но и мира политического. Впредь между участниками общего договора запрещались всякие войны, а в случае нарушения этого запрета все участники договора должны были прийти на помощь государству, подвергнувшемуся нападению, и совместными усилиями покарать нарушителя (см. текст официальной присяги, в частности стк. 5 слл. и 17 слл.).

Конечно, одного провозглашения мира и порядка еще было мало для того, чтобы они действительно утвердились в жизни. Необходимо было подвести какое-то реальное основание под это новое здание, и таким основанием стало следующее важное решение конгресса — о заключении военного оборонительного и наступательного союза между эллинами и македонским царем Филиппом. Для суждения о новом союзе решающее значение имеет свидетельство Юстина, который не только рассказывает об организации вооруженных сил, но попутно отмечает и характер этого нового союза (*Iustin.*, IX, 5, 4; auxilia deinde singularum civitatium describuntur, sive adiuvandus ea manu rex oppugnante aliquo foret seu duce illo bellum inferendum). Юстин, правда, не употребляет самого слова «союз», но что такое слово было произнесено на Коринфском конгрессе, что наряду с решением о мире было принято и решение о союзе, доказывается рядом упоминаний в других источниках (Diod., XVI, 89, 3; XVII, 63, 1; Arr. Anab., II, 1, 4, но особенно III, 24, 5, где названы одновременно оба важнейших пункта общего договора — решение о мире и решение о союзе). На основании всех этих материалов, а главным образом ввиду напрашивающейся параллели с эпидаврской надписью SEG, I, № 75,

содержащей текст договора о союзе (συμμαχία) между царями Антигоном и Деметрием и греками (302 г.), Вилькен имел полное право предложить следующее восстановление начальных строк надписи IG², II—III, 1, № 236: Ἐμμενῶ [τῆι συμμαχίαι καὶ οὐ λυσω τὰς σ]υνθήκας τὰ[ς πρ]ὸς Φίλιππον Μακεδόνα] [35].

Союз между греками и Филиппом II был заключен на подчеркнуто равноправных началах, что, между прочим, нашло выражение и в официальном обозначении нового содружества именами двух его главных партнеров — македонского царя и эллинов (ср. позднейшее Ἀλέξανδρος καὶ Ἕλληνες.— OGIS, I, № 8, 6; Arr. Anab., I, 16, 7; II, 2, 2). Суверенные права эллинских союзников были выразительно подчеркнуты не только общей прокламацией о свободе и автономии всех эллинов — участников общего договора, но и специальной оговоркой, содержавшейся по крайней мере в некоторых, частных вариантах договора, о том, что за эллинами сохраняется право самим решать вопрос о своем участии в этом соглашении (Ps.-Dem., XVII, 30). Всем эллинским государствам — участникам договора гарантировалась неприкосновенность их границ (Ibid., 26 sqq.). Специально была оговорена свобода эллинов от уплаты какой-либо подати (Schol. in Dem., XVIII, 89, p. 255, 12 Dind.) и от принятия чужих гарнизонов (Polyb., IV, 25, 7; XVIII, 46, 5), последнее — невзирая на фактическое присутствие македонских гарнизонов в целом ряде греческих городов. Участники договора были обязаны только поставлять в союзное войско свои отряды воинов и кораблей. Размеры этих контингентов были тогда же точно определены в соответствии с возможностями отдельных общин. При этом, по свидетельству Юстина, оказалось, что число воинов от одних только эллинских союзников, без учета собственно македонского войска и отрядов от соседних подчиненных македонскому царю варваров, составило 200 тыс. пехотинцев и 15 тыс. всадников, что, конечно, отражает не реальные силы нового союза, а его потенциальные возможности.

[35] *Wilcken U.* Philipp II. von Makedonien und die panhellenische Idee, S. 302 ff. Вопрос о государственно-правовой основе Коринфской лиги является, безусловно, одним из наиболее сложных. Неудивительно, что конструкция Вилькена — представление о симмахии как организационной основе Коринфского договора и соответствующая интерпретация и восстановление надписи IG, II—III², 1, № 236 — вызвала оживленную дискуссию. В. Шван первым выступил против теории Вилькена. Согласно Швану, следует различать договор об общем мире, который и определил политическую структуру новой Греции, и договор о союзе; афинская надпись IG, II—III², 1, № 236 относится именно к договору о мире. Вслед за Шваном Ф. Шель также высказался за отделение договора о мире от договора о союзе, однако в истолковании афинской надписи Шель вернулся к точке зрения Вилькена: надпись относится к договору о союзе, хотя и включает или повторяет отдельные положения договора о мире. А. Момильяно, в свою очередь, принимая тезис Швана и Шеля о раздельности договоров, надпись IG, II—III², 1, № 236 отнес к договору о мире. Против тезиса о двух различных договорах выступил, однако, Ф. Хампль, согласно которому был лишь один договор — об общем мире. Эти колебания в «уточнении» точки зрения Вилькена по своему показательны. Остроумные в частностях, эти построения неубедительны в основном. Конструкция Вилькена и с общеисторической точки зрения, и ввиду очевидной параллели с эпидаврской надписью продолжает оставаться наиболее убедительной.

АПОЛЛОН БЕЛЬВЕДЕРСКИЙ. Статуя работы Леохара. Середина

Все эти положения не должны затемнять истинной природы и характера нового объединения. Военный союз между греками и Филиппом II был формой, в которой нашло выражение свершившееся еще до Коринфского конгресса объединение Греции под властью македонского царя. И на будущее этот союз должен был служить целям сохранения сложившейся системы отношений. Это его природа и назначение обусловили и своеобразие его организации, состав и полномочия его руководящих органов. Обращение к этой собственно организационной стороне позволит составить более точное представление о сущности нового объединения.

Внешне организация нового союза являла черты дуализма, отражая, таким образом, формальное равноправие вступивших в соглашение сторон: греки были представлены своим общим советом — синедрионом, а Македония — царем, который был провозглашен гегемоном союза.

Самый факт учреждения в Коринфе общего совета засвидетельствован Юстином, который, впрочем, прямолинейно относит эту акцию к числу распоряжений македонского царя (Iustin., IX, 5, 2). Об этом синедрионе говорится уже в тексте официальной присяги, а в последующей традиции упоминания о нем вообще довольно часты.

Синедрион состоял из представителей греческих государств — участников общего договора, причем норма представительства была, очевидно, определена в соответствии с политическим весом и численностью населения, а практически — с размерами контингентов, которые та или иная община (или группа общин) поставляла в общесоюзное войско [36]. Синедрион был учрежден в качестве высшего политического органа объединенных в союз эллинов. Ему вменялось в обязанность следить за сохранностью политического порядка, установленного решениями конгресса, предоставлялось право выносить принципиальные решения, в частности о войне и назначении в этой связи стратега-автократора, и вершить суд во всех спорных делах, касающихся как целых государств-участников договора, так и отдельных граждан.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы как будто бы говорят о том, что синедриону эллинов было уготовано играть важную роль в новом союзе [37]. Однако это скорее внешнее впечатление; при ближайшем рассмотрении оказывается, что значение этого органа было не столь уж велико и что его никак нельзя признать суверенным представителем эллинской нации. Дело в том, что все действия синедриона определялись и направлялись стоящим вне политической организации греков македонским царем. Последний был не только партнером греков по союзу, но и их

[36] О критерии и норме представительства в синедрионе ср.: *Larsen J. A. O.* Representative Government in the Panhellenic Leagues.— ClPh, 1925, vol. XX, N 4, p. 319; *Berve H.* Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. München, 1926, Bd. I, S. 230; *Wilcken U.* Philipp II. von Makedonien und die panhellenische Idee, S. 300; *Schwahn W.* Heeresmatrikel und Landfriede Philipps von Makedonien. Leipzig, 1930, S. 4 f.

[37] Отсюда — та высокая оценка, которую некоторые исследователи склонны были давать возможностям развития федеративного начала в учрежденной Филиппом симмахии. См.: *Kaerst J.* Geschichte des Hellenismus, I³, S. 282 ff.; ср.: *Wilcken U.* Philipp II. von Makedonien und die panhellenische Idee, S. 309.

главой: на Коринфском конгрессе он официально был провозглашен гегемоном союза, главнокомандующим всеми его вооруженными силами на суше и на море. В рассказе Юстина о первой сессии Коринфского конгресса (IX, 5, 4) содержится, правда, лишь косвенное указание на избрание Филиппа гегемоном союза (seu duce illo bellum inferendum), однако нет недостатка и в прямых свидетельствах (Dem., XVIII, 201; Polyb., IX, 33, 7; Plut. Inst. Lac., 42, p. 240a; Schol. in Ael. Aristid. Panath., p. 178, 16, Dind.; ср. также упоминание о гегемоне в тексте официальной присяги — IG², II—III, 1, № 236. 21/22).

Гегемон отнюдь не был только военным главой союза — фактически он осуществлял и политическое руководство. Именно он определял своим эдиктом принципиальное содержание решений, которые предстояло принять синедриону, и ему же, а не самим эллинам принадлежала инициатива созыва этого совета. По крайней мере в двух известных нам случаях, когда синедрион собирался на свои сессии (в 337 и 336 гг.), инициатива каждый раз исходила от македонского царя (Diod., XVI, 89, 2 sq.; XVII, 4, 9). С другой стороны, в решениях Коринфского конгресса было записано, что свои важнейшие функции — надзор за сохранением существующего порядка и применение необходимых санкций к нарушителям договора — синедрион должен осуществлять совместно с гегемоном союза, т. е. македонским царем. По свидетельству Псевдо-Демосфена, в договоре было определено, что заботиться о поддержании гражданского мира должны «члены синедриона и лица, поставленные на страже общего дела» (Ps.-Dem., XVII, 15), где под «лицами, поставленными на страже общего дела», надо понимать, по всей видимости, македонского царя или его представителей. По существу, о том же свидетельствует и текст официальной присяги: «И буду воевать со всяким, нарушающим общий мир, согласно тому, как решит общий синедрион и прикажет гегемон (IG², II—III, 1, № 236. 19—22, с восстановлениями Вилькена).

Правда, как раз последняя фраза может дать повод к заключению о высокой политической роли синедриона, о том, что именно он принимал принципиальные решения, между тем как гегемон лишь руководил их практическим осуществлением [38]. Однако такое заключение будет основываться лишь на формальном анализе фразы, а не на сути дела. По существу же важно то, что только один гегемон — македонский царь — обладал реальной силой для проведения в жизнь любых решений. Это лишало представительный орган греков реального политического значения и низводило его до уровня младшего партнера с совещательным голосом [39].

Таким образом, было бы неверно усматривать в раздельном существовании синедриона эллинов и гегемона какой-то реальный политический дуализм или разделение властей в новом союзе и на этом основании делать

[38] Так именно у Вилькена (*Wilcken U.* Philipp II. von Makedonien und die panhellenische Idee, S. 307 ff.).

[39] Это правильно было отмечено Р. Пёльманом и В. Шваном (*Пёльман Р.* Очерк греческой истории и источниковедения. СПб., 1910, с. 288; *Schwahn W.* Op. cit., S. 49 f.).

вывод о равноправном сотрудничестве двух заключивших его сторон. Разделение властей было здесь видимым, а сотрудничество — фиктивным. Напротив, то обстоятельство, что один из партнеров в новом союзе — именно македонский царь — был одновременно и гегемоном и только он один обладал реальной политической силой, делает это объединение безусловно похожим на прежние симмахии гегемонистского типа [40]. От Пелопоннесского или от Афинских союзов новое объединение отличалось не характером, а количеством вошедших в него общин (почти все, за исключением, кажется, одной Спарты) и более разработанными организационными формами.

Провозглашением общего мира и созданием нового греко-македонского союза была исчерпана повестка первой сессии Коринфского конгресса. Следующая сессия, рассказ о которой содержится у Диодора (XVI, 89, 2 sq.), открылась несколько времени спустя, после того как первые принципиальные решения конгресса были одобрены и ратифицированы участниками договора. По подсчетам Вилькена, новая сессия открылась примерно в начале лета 337 г.; она должна была обсудить вопрос о войне с Персией.

Как убедительно показали Кэрст и Вилькен, война с Персией диктовалась македонскими державными интересами. Захват фракийских земель и выход македонцев на побережье Боспора, Пропонтиды и Геллеспонта привели их в непосредственное соприкосновение с персами, которые должны были с тревогой следить за распространением македонской власти в сторону Азии. Вмешательство персидских сатрапов в войну Филиппа с пропонтидскими греками и помощь, которую они оказали в 340 г. осажденному Перинфу, показали, до какой степени Персия не склонна была ограничиваться ролью стороннего наблюдателя. С другой стороны, создание Филиппом новой эллинской лиги под собственным руководством означало полную ликвидацию существовавшей еще со времени Анталкидова мира политической системы, при которой за персидским царем все время сохранялось значение высшего арбитра и авторитета в Греции. Все это — и обоснование Македонской державы в новых границах, и утверждение македонского царя в качестве нового гегемона Эллады — неизбежно вело к войне с Персией. Лишь победоносная война с этой сверхдержавой могла дать македонскому царю гарантию надежности всех достигнутых успехов [41].

Впрочем, помимо ближайших политических интересов, к войне с Персией могли толкать македонского царя и более общие соображения. Филипп не мог не понимать, что прочное утверждение македонской гегемонии над привыкшими к свободе и независимости эллинами будет невозможно без соответствующего оправдания, например необходимостью выполнения большой «национальной» задачи. Война, большая общая война

[40] На этом совершенно справедливо настаивает В. Эренберг (*Ehrenberg V.* Der Staat der Griechen. Leipzig, 1957, I, S. 85 ff., 111 f.).

[41] Ср.: *Kaerst J.* Geschichte des Hellenismus, I³, S. 269 ff.; *Wilcken U.* Philipp II. von Makedonien und die panhellenische Idee, S. 295 ff.

могла не только дать такое оправдание, но и сообщить новой политической системе мощный импульс, благодаря которому она обрела бы дополнительную прочность и устойчивость. Популярные в Греции идеи панэллинизма подсказывали обращение в ту сторону, куда уже толкали Филиппа державные македонские интересы: такой войной при тогдашних обстоятельствах и состоянии умов могла быть только общая борьба с варварами, отражение их от границ нового греко-македонского единства и организация совместного завоевательного похода на Восток. До Филиппа идею общей борьбы с варварами уже нещадно эксплуатировали Дионисий Старший и Ясон Ферский; македонский царь не мог не быть знаком с их опытом. Впрочем, ко времени Коринфского конгресса он сам уже приобрел большой навык в использовании популярных идей для прикрытия своих державных целей. Так, как мы видели, вмешательство в фессалийские дела он осуществлял под благовидным предлогом защиты свободных эллинов от тирании, а вторжения в Среднюю Грецию проводил, выступая от лица амфиктионов, в качестве мстителя за поруганную святыню Аполлона. Теперь, в Коринфе, он взял на себя новую роль вождя эллинов в борьбе с их заклятым врагом — Персией. Выступить с идеей возобновления такой борьбы было тем естественнее, что само место нового панэллинского конгресса — Коринф — подсказывало сопоставление с временем великого единения эллинов в борьбе с полчищами Ксеркса. Отсюда же, а также, конечно, из практического опыта с Дельфийской амфиктионией заимствована была Филиппом и оригинальная мотивировка новой войны — необходимость отмщения варварам за надругательства над святынями эллинов [42].

Судя по рассказу Диодора, Филипп стал распускать слухи о готовящейся им новой войне с персами еще накануне первой сессии Коринфского конгресса. Именно тогда, стараясь заручиться симпатиями греков, он выдвинул идею этой новой войны и дал ей надлежащее обоснование. На самой первой сессии вопрос о войне с Персией еще не обсуждался. Начинать открытую борьбу с персами до окончательного устроения собственно греческих дел Филиппу, очевидно, не казалось целесообразным. Однако, как выразительно подчеркнуто у Юстина (IX, 5, 5), ни для кого не было тайной, что учреждавшиеся тогда общесоюзные вооруженные силы предназначались именно для борьбы с Персией. Теперь, на второй сессии конгресса, этот вопрос был уже поставлен совершенно официально.

И на сей раз инициатива целиком принадлежала македонскому царю. Заранее соответствующим эдиктом он известил греческие общины о своем

[42] Что мотив отмщения за поруганные святыни был пущен в оборот самим Филиппом и что при этом при выдвижении и обосновании идеи новой войны с персами, как и при учреждении самого нового союза, Филипп мог сознательно играть на параллелях с временем греко-персидских войн,— это предположения У. Вилькена (*Wilcken U.* Philipp II. von Makedonien und die panhellenische Idee, S. 314—316). Что в использовании Филиппом идеи священной войны, идеи войны ради мщения за поруганные святыни, известную роль мог сыграть опыт тех войн, которые он вел под флагом защиты святыни Аполлона в Дельфах,— на это указал еще раньше Ю. Керст (*Kaerst J.* Geschichte des Hellenismus, I³, S. 272).

намерении обсудить с ними вопрос чрезвычайной важности. Когда по переданному таким образом приглашению в Коринф собрались делегаты — теперь это были уже члены синедриона,— они услышали заявление царя о необходимости начать борьбу с персами (Diod., XVI, 89, 3). Заявление это было встречено с одобрением, и, таким образом, вопрос о войне был решен. Затем специальным постановлением конгресс передал македонскому царю для ведения войны чрезвычайные полномочия, избрав его стратегом-автократором (Diod., XVI, 89, 3; Pap. Oxy., I, № 12, col. III. 9—13) [43]. Тогда же, если только это не было сделано еще на первой сессии конгресса, было принято решение, запрещавшее эллинам служить в качестве наемников у варваров (Arr. Anab., I, 16, 6; 29, 6; III, 23, 8; 24, 5). Весной 336 г. первые отряды македонских войск переправились в Малую Азию, и только неожиданная смерть царя Филиппа, заколотого во время празднеств в Эгах его бывшим фаворитом Павсанием, помешала немедленному исполнению принятого Коринфским конгрессом решения.

Политическое творчество Филиппа II — важный момент в истории не только Македонии, но и всей Балканской Греции. Кульминацией этого творчества явилось создание в 338/7 г. Коринфской лиги — нового греко-македонского единства, призванного служить сохранению общего мира и порядка в Греции, нацеленного, далее, на выполнение грандиозной внешнеполитической программы— завоевание персидского Востока. В Коринфской лиге нашли воплощение заветные стремления македонских царей к утверждению в качестве лидеров греческого мира, в ее построении вместе с тем отразилось своеобразие осуществлявшегося под руководством Филиппа II взаимодействия македонской державной политики с обществом греческих полисов. Насколько же конструктивным и плодотворным оказалось это взаимодействие? Ответить на этот вопрос можно, суммируя впечатления от истории Коринфского конгресса.

Для начала надо учесть весьма своеобразный характер ситуации, которая сложилась накануне конгресса. Существенными признаками обстановки были военный разгром Филиппом коалиции свободных эллинов и определение им своих отношений с эллинскими общинами таким образом, что это давало ему возможность и впредь выступать в роли высшего арбитра и авторитета. Иными словами, предыстория Коринфского конгресса характеризуется тем, что македонскому царю фактически уже удалось добиться господства в Греции. Однако отчасти в силу присущего Филиппу политического такта, отчасти же ввиду сохранения некоторыми греческими общинами потенциальной возможности к сопротивлению заключительное устроение политических дел в Греции было осуществлено таким образом, что создавалась предпосылка для оформления этого положения общим, пусть чисто видимым, соглашением.

[43] См.: *Wilcken U.* Beiträge..., S. 27 f. Вслед за Вилькеном признают такое особенное назначение Филиппа в стратеги-автократоры: *Berve H.* Das Alexanderreich..., I, S. 231: *Schwahn H.* Op. cit., S. 56; отрицают: *Scheele M.* Strategos autokrator. Staatsrechtliche Studien zur griechischen Geschichte des 5. und 4. Jahrhunderts. Diss. Leipzig, 1932, S. 12 ff.; *Momigliano A.* La κοινη εἰρήνη..., p. 500, 510 sq.; *Hampl F.* Op. cit., S. 46, 135; ср., однако, контрвозражения Г. Бенгтсона: Die Strategie in der hellenistischen Zeit. München, 1937, Bd. I, S. 3 ff.; Griechische Geschichte, S. 327.

Как бы там ни было, не приходится сомневаться, что инициатива в созыве общеэллинского конгресса целиком принадлежала победителю греков — македонскому царю Филиппу. Но отсюда следует, что и заинтересован в этом конгрессе был более всего он сам. Равным образом решения Коринфского конгресса отчетливо отразили прежде всего македонские интересы. Это очевидно даже в отношении решения о гражданском и политическом мире в Элладе. Интересы состоятельной верхушки греческого общества могли играть здесь лишь побочную роль. И уж совершенно бесспорна преимущественная забота Филиппа о собственных интересах в решении, определившем организацию новой политической системы,— в решении о новой симмахии. Возможно, по замыслу устроителя, эта симмахия должна была будить в греках воспоминания о славном эллинском союзе времен греко-персидских войн, однако по существу эта новая организация не имела ничего общего со свободным союзом эллинов. Она была сродни гегемонистским объединениям типа Афинской или Пелопоннесской архэ или той системе, которая была навязана грекам условиями Анталкидова мира.

Наконец, не может быть поставлена под сомнение важная роль собственно македонских интересов и в тех решениях, которые определили будущую внешнюю политику нового союза. Война с Персией была неизбежна с точки зрения ближайших державных интересов Македонии. Она была необходима македонскому царю и для того, чтобы придать на будущее надлежащую устойчивость созданной им политической системе. При этом естественной была спекуляция царя на панэллинских, шовинистических настроениях греческого общества. Однако реальная политика определялась именно державными интересами Македонии, а не призывами идеологов панэллинизма.

Сказанное подводит к общему — неутешительному с точки зрения панэллинизма — суждению о Коринфском конгрессе 338/7 г. Событию этому должно быть отведено место не столько в истории собственно эллинской, сколько в истории державной македонской политики, последовательным проводником которой — и только ее одной — был царь Филипп. Оформленное решениями Коринфского конгресса объединение Эллады не было результатом внутреннего, спонтанного развития греческой нации. Это объединение было навязано эллинским полисам силой оружия, а затем закреплено мниморавноправным соглашением в Коринфе. Ни о создании единого греко-македонского государства, ни даже о фактическом союзе македонской монархии с состоятельной верхушкой греческого общества говорить не приходится. Результатом политического творчества Филиппа II, частью которого был и Коринфский конгресс 338/7 г., явилось создание симмахии, системы искусственной и эфемерной, не пережившей своего творца [44].

[44] Попытку М. А. Кондратюк (Коринфская лига и ее роль в политической истории Греции 30—20-х годов IV в. до н. э.— ВДИ, 1977, № 2, примеч. 29) оспорить это мнение и доказать известное позитивное значение Коринфской лиги в политической жизни греков нельзя признать удачной. Подчеркивая формальное равенство всех греческих полисов в рамках нового, созданного Филиппом политического единства,

В самом деле, едва весть о смерти Филиппа (336 г.) достигла Греции, как началось всеобщее волнение, и новому македонскому царю Александру пришлось немедленно отправиться в дипломатический вояж по греческим городам для подтверждения своего, унаследованного от Филиппа положения главы греко-македонского союза. Эта миссия имела успех: фессалийцы провозгласили Александра вождем-архонтом своего союза, Дельфийская амфиктиония признала его своим председателем, а в Коринфе на заседании союзного синедриона на него были возложены чрезвычайные полномочия стратега-автократора для ведения войны с Персией [45].

Однако успех был временным: стоило Александру покинуть Грецию и отправиться в поход против северных варваров — фракийцев, трибаллов, гетов, а затем иллирийцев,— как брожение возобновилось, а когда распространился слух о гибели юного царя, вспыхнуло открытое восстание (335 г.). Центром движения стали более всего униженные после Херонеи Фивы. Здесь верх взяла антимакедонская группировка, и фиванцы осадили македонский гарнизон на Кадмее; афиняне, аркадяне и элейцы более или менее открыто солидаризировались с ними. Понадобились стремительное вторжение Александра с войском и суровое наказание Фив, чтобы остановить это опасное для македонцев движение.

Смирившись, афиняне и другие греки приветствовали своего протектора-карателя, однако было ясно, до какой степени шатко возведенное македонскими царями здание и как взрывоопасна ситуация в Элладе. Когда в следующем 334 г. нетерпеливый Александр выступил в поход на Восток, ему пришлось принять меры для обеспечения своего тыла не только от возможных вторжений соседей-«варваров», но и от весьма вероятных антимакедонских выступлений в Греции. Один из лучших македонских полководцев Антипатр был оставлен в качестве наместника Македонии и заместителя царя в Греции с титулом стратега Европы и примерно с четвертью всего македонского войска (12 тыс. пехоты и 1,5 тыс. конницы), чтобы держать под прицелом и соседних варваров, и греков (Diod., XVII, 17, 5; Arr. Anab., I, 11, 3) [46]. Когда в отсутствие Александра в 331 г. в Элладе в очередной раз вспыхнет антимакедонское движение, на этот раз

М. А. Кондратюк делает заключение о снижении роли крупных, некогда ведущих полисов, о соответствующем возрастании значения малых греческих государств и о поддержке ими в силу этого политики Филиппа. Однако приниижение Филиппом ведущих полисов Эллады не означало тем самым усиления роли малых государств, а свидетельствовало лишь о нивелирующей тенденции низвести все греческие города до положения зависимых македонских сателлитов или подданных.

[45] Тогда, же, очевидно, как об этом следует заключить на основании приписываемой Демосфену речи «О договоре с Александром», юным царем было возобновлено в полном объеме заключенное его отцом соглашение с греками. См.: *Wilcken U.* Alexander der Grosse und der Korinthische Bund, S. 97 ff. Является ли, однако, найденная на афинском акрополе надпись IG², II—III, 1, № 329 именно этим договором между Александром и греками о возобновлении Коринфского соглашения, ввиду плохой сохранности надписи остается неясным. Ср.: *Schmitt H. H.* Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 338. bis 200. v. Chr. München, 1969, N 403, S. 7—8; *Seibert J.* Alexander der Grosse (Verträge der Forschung, Bd. X). Darmstadt, 1972, S. 74—77.

[46] Ср. также: *Bengtson H.* Die Strategie..., Bd. I, S. 15 ff.

СТАТУЯ СОФОКЛА. IV в. до н. э.

по инициативе Спарты (выступление царя Агиса III), Антипатр без колебаний применит вооруженную силу для подавления этого движения.

В войну с Персией Александр вступил не только как македонский царь, но и как глава греко-македонского союза, Коринфской лиги, и в этом своем последнем качестве он, конечно, использовал не только панэллинские лозунги, но и силы прикованного к его державной колеснице панэллинского союза. Однако как мало было привлечено этих сил для похода и как мало, стало быть, доверял Александр грекам! Из 200 с лишним тысяч воинов, которые, по подсчетам Юстина, могла выставить объединенная в союз Эллада, в поход с македонским царем выступили всего-навсего 7 тыс. пехотинцев и 600 всадников — против 30 тыс. пехотинцев и 5 тыс. всадников собственно македонского войска (Diod., XVII, 17, 3—4; Arr. Anab., I, 11, 3). И очень может быть, что присутствие достаточно незначительных греческих контингентов в войске царя служило целям не столько военным, сколько политическим — быть заложниками верности своих общин [47]. Правда, македонское войско сопровождал еще довольно сильный греческий флот (до 160 триер), но активной роли в войне этот флот не играл и с окончанием малоазийской кампании 334 г. был отпущен домой.

И в дальнейшем Александр не скупился временами на панэллинские жесты, назначением которых было поддерживать соответствующее настроение у греков, именно — что поход совершается не только в державных интересах Македонии, но и ради всей Эллады. Так, сразу же после переправы через Геллеспонт царь посетил древний Илион, совершил там жертвоприношение в честь богини Афины и возложил венок на могилу Ахилла. После первой большой победы над персами при Гранике он распорядился отправить в Афины в дар богине Афине 300 захваченных у врага комплектов вооружения с характерным посвящением: «Александр, сын Филиппа, и эллины, за исключением лакедемонян, взяли у варваров, населяющих Азию» (Plut. Alex., 16, 17—18; Arr. Anab., I, 16, 7). В то же время он сурово расправился с греческими наемниками, которые служили у персов и попали к нему в плен: обвинив их в измене общеэллинскому делу, он приказал заковать их в цепи и отправить на работы в Македонию (Arr. Anab., I, 16, 6). Наконец, он допустил сожжение царского дворца в древней столице персов Персеполе, оправдывая этот акт вандализма необходимостью отмстить варварам за разрушение ими Афин и сожжение эллинских святынь во время греко-персидских войн.

Однако все это были скорее пропагандистские жесты, реальная же политика македонского царя вся была подчинена целям создания мировой империи, в которой Греции была отведена роль терпимого младшего партнера, необходимого, но ненадежного сателлита, своего рода подсобного резервуара, откуда можно было черпать наемников и колонистов, потребных для завоевания и освоения земель Востока. По существу, уже с первых стадий похода стало ясно, как мало Александра заботили дела и интересы возглавляемого им общеэллинского союза, как мало он воспри-

[47] Ср.: *Wilcken U.* Alexander der Grosse und der Korinthische Bund, S. 104 f.

нимал себя союзным стратегом и как сильно — державным властелином. Завоеванные персидские провинции он ставил под начало собственных сатрапов из числа близких ему македонцев (назначение Каласа наместником Малой Фригии, Асандра — наместником Лидии и Ионии, и т. д.). Равным образом — и это еще более показательно — освобожденные от персидской власти греческие города Малой Азии не были включены в состав эллинского союза, а стали непосредственными подданными македонского царя.

И чем дальше, тем сильнее и откровеннее проступали в действиях Александра замашки державного властелина мира. Уже после победы при Иссе он высказал — в ответе пытавшемуся договориться с ним Дарию — претензию на титул царя Азии (Arr. Anab., II, 14), а после решающего успеха при Гавгамелах и в самом деле был провозглашен царем Азии (Plut. Alex., 34, 1). Он скоро перенял царские инсигнии Ахеменидов и стал насаждать при своем дворе заимствованный у Ахеменидов же монархический этикет. И одновременно с этим, действуя уже не столько в традициях Востока, сколько в русле развившихся у греков в позднеклассическое время представлений, он последовательно работал над созданием собственного культа (провозглашение его сыном Аммона в ливийском оазисе Сива, признание его сыном Зевса ионийскими жрецами Бранхидами в Дидимах и эрифрейской Сивиллою, и пр.).

Это свершавшееся во время похода перерождение македонской монархии не обходилось без недоразумений в отношениях между порывистым и нетерпеливым царем и его воспитанным в патриархальных традициях окружением. Известно, как решительно подавлял Александр голоса протеста, раздававшиеся среди его македонских соратников. Здесь, однако, надо подчеркнуть, что с греками царь склонен был церемониться еще меньше. Доказательство — безжалостная расправа над сопровождавшим его в походе греческим историком Каллисфеном, который согласен был прославлять Александра как борца за общеэллинское дело, но решительно отказался признать проскинесис.

Вообще, сколь бы внешним ни было панэллинское прикрытие восточного похода, в 330 г., после захвата сердца Персидской империи, было покончено и с этим. В Экбатанах греческие контингенты были отпущены домой, и оставшиеся этапы похода — завоевание Восточного Ирана и Западной Индии, экспедиция по Гидаспу и Инду, равно как и продвижения по Центральному и Южному Ирану на обратном пути,— были проделаны Александром вполне однозначно в качестве македонского царя, исключительно по собственной инициативе и собственными силами.

С завершением грандиозных завоеваний на Востоке и созданием небывалой по масштабам мировой империи державная тенденция в политике Александра по отношению к грекам должна была окончательно и безоговорочно возобладать. Когда по возвращении из похода царь направил греческим полисам указы с требованиями возвратить изгнанников и почитать его самого как новоявленное божество, стало очевидно окончательное низведение Эллады до положения подвластной мировому властелину провинции. Ведь требование вернуть изгнанников, какими бы соображениями

оно ни мотивировалось, означало грубое вмешательство македонского царя во внутренние дела Эллады, более того — прямое попрание им возобновленного им же самим Коринфского договора. И если это повеление представляло собой откровенное насилие над греками в области политической, то требование апофеоза, противоречившее вековым традициям и представлениям полисных греков, означало столь же неприкрытое насилие над ними в сфере идеологии.

Коринфское соглашение было навязано грекам в 338/7 г. их победителем царем Филиппом; оно было еще раз принудительным образом возобновлено наследником Филиппа Александром, который окончательно придавил и принизил греческие полисы. Можно ли было ожидать прочности от обусловленных таким соглашением мира и союза? Могло ли греческое общество — в лице своих ораторов, историков и философов, которые ратовали за объединение страны и завоевание совместными силами стран Востока,— испытывать удовлетворение от достигнутого таким образом воплощения в жизнь панэллинских идеалов? Очевидно, что нет, и это было доказано не только антимакедонскими выступлениями после смерти Филиппа в 336 и 335 гг., но и еще больше в 323 г., когда после смерти Александра в Греции немедленно началось новое антимакедонское движение и новый эллинский союз, сплотившийся еще раз вокруг Афин, перечеркнул искусственное построение македонских царей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС ПАНЭЛЛИНИЗМА

Идеология и политика панэллинизма в их взаимосвязи бесспорно представляют одну из характернейших, можно сказать — важнейших, черт исторического развития Греции в век поздней классики и раннего эллинизма. Как явление идеологическое, панэллинизм был порождением чисто греческим; он был своеобразным ответом на кризисную ситуацию IV в., ответом всеобъемлющим, предлагавшим решение как внутренних социально-политических проблем, перед которыми стояло каждое полисное государство, так и трудностей внешнеполитических, связанных с отношениями между греческим миром и варварским окружением. Разработанная мыслителями и писателями позднеклассического периода в форменную доктрину, панэллинская идея предполагала, в частности, установление согласия и мира среди эллинов, объединение доселе враждовавших полисов в союз и проведение общими силами завоевательного похода на Восток в целях устранения раз и навсегда «варварской» опасности и, более того, разрешения за счет азиатских стран своих собственных проблем (предоставление занятия и заработка массам наемников, вывод избыточного аграрного населения на новые земли и достижение таким образом социального мира и благополучия в Элладе).

Вступив во взаимодействие с другой идеей, рождение которой тоже было обусловлено поисками выхода из кризисной ситуации,— идеей монархической,— панэллинская доктрина в конце концов включила в ка-

честве важного элемента мысль о руководящей роли кого-либо из греческих тиранов или, наконец, македонского царя. При этом, однако, идеологи панэллинизма, выросшие на почве полиса и потому не способные порвать с традиционным полисным образом мышления, не уставали подчеркивать, что такому монарху должна быть отведена роль инициативного вождя и благодетеля эллинов, которые и под его началом сохранят свой полисный строй и уклад жизни.

Программа панэллинизма отличалась, таким образом, не только естественным, как могло показаться, решением всех больных проблем в комплексе — внутренних так же, как и внешних, и первых именно посредством вторых,— но и причудливым переплетением безусловно различных устремлений: общегражданских и социально-элитарных, полисно-республиканских и монархических. В этой сложносоставной, амальгамированной природе панэллинизма, несомненно, заключалось известное превосходство его как доктрины над другими, более частными и ограниченными в своих принципиальных установках концепциями. Но в этом же заключалась и радикальная апория панэллинской программы, ставившая под вопрос возможность ее практического осуществления. Проблема состояла именно в том, чтобы соединить трудно- или вообще несоединимое: полисный партикуляризм — с установлением всеобщего твердого порядка, свободу и автономию городских республик — с гегемонией монархического государства. К этому надо добавить зависимость осуществления всей программы от важного внешнего условия — победоносной войны с «варварами». Хотя положение дел в Персии, равно как и опыт некоторых частных авантюр (Десяти тысяч, Агесилая), внушали сильные надежды на успех, риск при глобальном столкновении был велик и удача не могла быть заранее гарантирована.

Как бы там ни было, эту доктрину исповедовали в IV в. многие греки, представители различных социальных слоев и политических группировок, последовательные демократы и патриоты своего полисного отечества так же, как и те, кто симпатизировал аристократии или монархии и был заражен космополитизмом. При желании можно было бы привести примеры панэллинских высказываний даже у такого афинского патриота, каким был Демосфен [48]. Тем не менее фактом является то, что с наибольшей настойчивостью и обстоятельностью панэллинскую идею разрабатывали те, кого можно считать идейными представителями полисной элиты, состоятельной и знатной верхушки греческого общества, менее скованной, в отличие от демократии, представлениями о полисной свободе и независимости, вообще полисным патриотизмом, и более открытой для новых, космополитических и монархических настроений, естественным образом предуготовлявших или смыкавшихся с панэллинизмом. Впрочем, эта

[48] Для суждения о панэллинизме — достаточно проблематичном — Демосфена см.: *Dunkel H. B.* Was Demosthenes a Panhellenist? — ClPh, 1938, XXXIII, p. 291—305; *Jaeger W.* Demosthenes, der Staatsmann und sein Werden. B., 1939; *Luccioni J.* Demosthène et le panhellénisme. P., 1961; *Bockisch G.* Der Panhellenismus bei Isokrates und Demosthenes.— In: Actes de la XIIe Conférence internationale d'études classiques «Eirene» [1972]. Bucure ti; Amsterdam, 1975, S. 239—246.

открытость полисной элиты для новых, шедших вразрез с классическими традициями идей никогда не достигала у людей, выросших на почве полиса, степени абсолюта. Напротив, она уживалась с сохранением ряда старых установок, и вот как раз эта амальгама старого и нового, отразившаяся до известной степени и в доктрине панэллинизма, делала возможным при случае подключение к ней и сугубых, казалось бы, ревнителей полисных традиций.

Но дело не ограничивалось исповеданием и пропагандою идей. В позднеклассический период панэллинизм в силу своей особенной популярности становится своего рода стилем любых действий общегреческого диапазона, атрибутом державной политики любого государства, добивавшегося успеха на общегреческой арене. Уже вождь афинской демократии в V в. Перикл пробовал подкрепить притязания своего полиса на гегемонию в Греции ссылкою на своего рода панэллинскую программу. Позднее эта линия была продолжена Спартою — и в ходе Пелопоннесской войны, и после нее, в трудный период отстаивания уже достигнутого руководящего положения, в борьбе с Персией и поддерживаемыми ею греческими соперниками. С ослаблением ведущих полисов Эллады эстафета панэллинизма была подхвачена молодыми и более сильными автократическими государствами — младшими тираниями и, наконец, Македонской монархией. При этом очевидно, что степень развития панэллинской политики была прямо пропорциональна несвязанности проводившего ее режима полисными традициями. Во всяком случае, носителям авторитарной власти, строителям новых монархических государств удавалось более успешно применить на деле эту программу, чем правительствам старых полисных республик.

От широты использования панэллинизма в державной политике надо, однако, отличать степень его результативности в государственном строительстве. Здесь мы сталкиваемся с видимым парадоксом. Шире всего — в масштабах почти всей Греции и с выработкою впечатляющих внешних форм — политика панэллинизма была использована македонскими царями. Объяснялось это, надо думать, именно их независимостью от полисных традиций, тем, что они при всей родственности их грекам стояли вне их традиционной политической системы и, стало быть, были более свободны в использовании политики нового стиля. Венцом этой политики явились создание Коринфской лиги — структуры более разработанной, чем какая бы то ни была из прежних симмахий,— и организация совместного завоевательного похода на Восток, завершившегося полным покорением Азиатского материка. Однако все эти успехи именно в части, касавшейся греков, были безнадежно скомпрометированы эгоизмом и насилием македонских царей, для которых панэллинизм, как оказалось,был лишь вспомогательным средством, дипломатическим tour de force для достижения собственных державных целей. Та самая несвязанность полисными традициями, которая обусловила широкое использование македонскими царями лозунгов и форм панэллинизма, оказалась и причиной принципиальной внутренней несовместимости македонской монархии с миром греческих полисов,— несовместимости, которая привела к краху все

ТЕАТР В ЭПИДАВРЕ. Вторая половина IV в. до н. э.

воздвигнутое с таким искусством здание, как только ушли из жизни его непосредственные сильные творцы. Парадокс и одновременно трагедия греческой истории состояли в том, что преодолеть укоренившиеся полисные традиции было невозможно, стоя на почве собственно греческой, а достигнутое чужой волей и чужими силами такое преодоление ввиду неизбежного при этом радикального разрыва с полисными принципами, составлявшими основу основ общественной жизни греков, было обречено на скорое крушение,— по крайней мере до вмешательства в греческие дела Рима, и более мощного, и, может быть, более гибкого в своих отношениях с подпавшими под его власть греческими общинами.

ГЛАВА 6 АФИНЫ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ МАКЕДОНСКОМ

История Афин от битвы при Херонее (338 г. до н. э.) до начала Ламийской войны (323 г. до н. э.) не очень богата внешними событиями. Вынужденные вступить в Коринфский союз и признать македонскую гегемонию, Афины тяготились зависимостью. Известие о смерти Филиппа вызвало взрыв радости и оживило надежды на свободу. Однако скоро наступило отрезвление — в Элладе со своей армией появился Александр, и Афинам, подобно остальным полисам, пришлось признать его гегемоном и стратегом-автократором Коринфского союза. Поход Александра на север и слухи о его смерти позволили вновь воспрянуть противникам Македонии, но стремительный приход македонских войск, расправа с Фивами, угроза осады Афин резко изменили настроение демоса. Афины подобострастно поздравляли победителя, который потребовал выдачи наиболее активных врагов Македонии. С большим трудом афинским послам удалось отстоять своих сограждан. Готовясь к походу на Восток, Александр не был заинтересован в обострении отношений с греками, к тому же они были напуганы достаточно.

С этого времени начинается новый этап в политической жизни Афин, период относительного спокойствия. Афины отправляют триеры македонскому царю, шлют ему посольства. Даже во время выступления Агиса, в период наивысших успехов спартанцев, когда, казалось, наступил наконец благоприятный момент для того, чтобы взяться за оружие, Афины сохраняли спокойствие, хотя в экклесии и раздавались призывы поддержать Спарту. Политическая жизнь сосредоточилась на внутренних делах, шли жаркие споры в народном собрании, судебные процессы, из которых наибольшие следы в источниках оставили дело Ктесифонта, или процесс о венке, и дело Гарпала. Прошел и ряд других процессов, в которых вожди различных политических группировок сводили счеты друг с другом.

Положение резко меняется к 324 г. Требование Александра признать его богом и особенно декрет о возвращении изгнанников всколыхнули всю Элладу. Пришедшее вскоре сообщение о смерти царя стало той искрой, которая вызвала взрыв. Греция восстала, и руководящую роль теперь взяли на себя Афины. Ламийская война стала началом бурных военно-политических потрясений.

Итак, от Херонеи до Ламийской войны — 15 лет мира, мира в годы крупнейших событий, изменивших судьбы многих народов. Почему же Афины практически полностью устранились от всяких внешнеполитиче-

ских действий, следствием чего стал своеобразный изоляционизм в этот столь не благоприятствующий изоляционизму период?

Нам представляется, что причины коренятся во внутриполитической ситуации в Афинах того времени. Уже самое общее знакомство с дошедшими до нас источниками приводит к некоторым заключениям, которые кажутся на первый взгляд удивительными. Как будто не было Херонеи, не было Коринфского союза, т. е. тех событий, которые многие современные исследователи считают концом мира свободных полисов [1] (да и сами древние видели в Херонее конец свободы греков) [2]. Жизнь в Афинах на первый взгляд идет по веками проторенному руслу: заседания буле, экклесии, судов, ареопага, свобода слова (такая, что некоторые политические деятели жалуются на ее чрезмерность), совершенно свободное обсуждение самых, казалось бы, предосудительных с точки зрения македонских властей вопросов: как оценивать, например, македонскую политику в прошлом и как вести себя по отношению к Македонии — посылать ли Александру требуемые триеры или не посылать, присоединяться ли к Агису, выступившему против Александра, или сохранять нейтралитет, выдать ли македонскому царю бежавшего с украденными сокровищами казначея Гарпала или предоставить ему убежище, начинать ли военные действия против Македонии, и если начинать, то когда. Македонский царь где-то далеко, затерялся в азиатских просторах, его наместник Антипатр не притесняет Афин, сохраняющих еще свою роль экономического центра Эллады и более чем когда-либо ранее ее интеллектуальной столицы. Да и с военным потенциалом Афин приходится считаться. К тому же Антипатр не всесилен, и даже выступление Агиса поставило под угрозу установленную Филиппом и Александром систему отношений в Элладе. Власть новых владык почти не чувствуется в Афинах, она воспринимается скорее как какая-то внешняя сила, не затронувшая самую суть жизни полиса.

Все эти события нашли отражение в источниках, которые позволяют представить характер политической борьбы в Афинах. И первый вывод, к которому приводит анализ источников,— чрезвычайная дробность политических сил, обилие борющихся группировок. Нет ничего более неправильного, с нашей точки зрения, чем широко бытующий в научной литературе тезис о том, что вся борьба сводилась к соперничеству антимакедонской (патриотической, национальной) и промакедонской (партии мира). Прежде всего возражение вызывает употребление понятия «партия». Для Греции той эпохи правильнее говорить о политических группировках, которые имели мало общего с подлинными политическими партиями. Но главное даже не в этом (вопрос о партиях в конечном итоге нередко является вопросом терминологии, за которым не скрывается сколько-нибудь определенное историческое содержание). Суть в том, что картина, которая вырисовывается при изучении афинского материала, позволяет, как кажется, говорить о сложном спектре и пересечении политически

[1] Ср.: *Gomme A. W.* The End of the City-State.— In: Gomme A. W. Essays in Greek History and Literature. Oxford, 1937, p. 204 sqq.
[2] *Dem.*, XVIII, 65; *Lycurg.* C. Leocr., 50.

сил; борьба отнюдь не сводилась к тому, как относиться к Македонии. Деление всех борющихся сил на промакедонские и антимакедонские, в самой общей форме, возможно, и правильное с точки зрения отношений с Македонией (т. е. только в одном плане), обедняет реальную картину. Действительность была гораздо сложнее. Эту сложность и неоднозначность политических сил и их борьбы мы и попытаемся показать на примере наиболее значительных группировок. Такой подход позволяет не касаться целого ряда фактов политической истории Афин, и мы не будем рассматривать вновь политические процессы, прежде всего процесс о венке и процесс Гарпала, которые стали предметом многочисленных исследований. В этих самых известных судебных процессах расстановка сил проявилась, быть может, и наиболее отчетливо, но вместе с тем более, если можно так сказать, суммарно. Нас же интересуют другие аспекты, другие, может быть, и менее значительные факты и детали, которые позволяют представить более дифференцированную расстановку действующих на политической арене сил.

Яркую картину борьбы политических сил в Афинах дал Демосфен. В речи «О распределении средств» [3] он так описывает состояние дел в Афинах: «И если прежде вы делали взносы по симмориям, то теперь ведете общественные дела по симмориям. Оратор является предводителем, и полководец у него в подчинении, и еще триста человек, готовых кричать ему в лад, вы же, все остальные, распределены кто к одним, кто к другим. В итоге всего этого получается у вас, что такому-то воздвигнута бронзовая статуя, такой-то разбогател,— один или двое; они стоят выше всего государства, а вы, все остальные, сидите как свидетели благополучия этих людей, и ради своей повседневной беспечности уступаете им многообразные и огромные богатства, имеющиеся у вас» [4]. Нет оснований сомневаться в справедливости картины, нарисованной оратором, при всей, очевидно, преувеличенности отдельных утверждений. К ней нужна только одна поправка: Демосфен говорит о «чужих политических симмориях», но и сам он стоял во главе такой же группы и все, что сказано о других, относится и к ней.

Эта «мгновенная фотография» анатомии афинской политической жизни позволяет сделать несколько предварительных выводов, которые, как мы надеемся, подкрепит дальнейший анализ отдельных политических группировок. Прежде всего, крайняя сегментация политической жизни Афин

[3] Правда, в отличие от древних некоторые ученые нового времени высказывали сомнения в подлинности речи, однако с их доводами согласны далеко не все. Но даже если видеть в XIII речи произведение более позднего ритора, несомненно, что он опирался на произведения Демосфена. В частности, в литературе уже отмечалось сходство XIII, 20 с II, 29, а принадлежность II Олинфской речи Демосфену никем не оспаривалась. Об аутентичности и датировке XIII речи ср.: *Blass F.* Die attische Beredsamkeit. 2. Aufl. Leipzig, 1893, III, 1, S. 398—403; *Démosthène.* Harangues. Texte établi et traduit par M. Croiset. P., 1955, t. 1, p. 70—73; *Sealey R.* Dionysius of Halicarnassus and Some Demosthenic Dates.— REG, 1955, LXVIII, N 319—323, p. 104 sqq.; *Idem.* Pseudo-Demosthenes XIII and XXV.— REG, 1967, LXXX, N 379—383, p. 250—253.

[4] *Dem.*, XIII, 20. См.: *Демосфен.* Речи. М., 1954. *Здесь и далее пер. С. И. Радцига.*

того времени, наличие нескольких политических группировок. Далее, определенная степень организованности этих групп. В-третьих, объединение отдельных политических и военных руководителей — демагогов и стратегов. Если в масштабах полиса в целом происходит разобщение политического и военного руководства (что рассматривается как один из признаков кризиса полисной политической структуры) [5], то в рамках этих группировок, отражающих не общеполисные, а более узкие интересы, наоборот, возникают союзы между ораторами и стратегами; последние создают своего рода политическую клиентелу, а ораторы поддерживают их и, в свою очередь, ищут у них поддержки [6]. В-четвертых, определенная степень отчуждения между политическими группами и основной массой афинского гражданства. Наконец, направленность деятельности этих групп на удовлетворение своих частных интересов, в том числе и материальных. При этом, видимо, нужно думать, что речь идет не о вульгарном хищении государственных средств, находящихся в распоряжении магистратов (хотя и это не исключается), а о проведении таких решений, которые выгодны с материальной точки зрения или этим группам в целом, или по крайней мере руководителям и их ближайшему окружению [7].

С определенной степенью уверенности можно выделить следующие пять групп: Ликурга, Демосфена, Гиперида, Эсхина, Фокиона. Конечно, этими группами не исчерпывается политический спектр, были и другие, менее значительные группировки, возможно оказывавшие некоторое влияние на общий ход событий, были также и прямые наемники Македонии типа Демада, были политические деятели, находящиеся, так сказать, «на вторых ролях» при ведущих политиках, и была масса рядовых афинян, на которых пытались воздействовать вожди политических группировок.

Видимо, правильнее всего начать описание отдельных групп с той, которая объединялась вокруг наиболее влиятельной фигуры того времени — Ликурга.

Группировка Ликурга. Ликурга [8] относят к верхушке афинского гражданства [9]. Его непосредственные предки занимали высокие магистратуры в Афинах и были удостоены многих почестей. Можно полагать, что Ликург принадлежал к той части аристократии, которую

[5] *Mossé Cl.* La fin de la démocratie athénienne. Aspects sociaux et politiques du déclin de la cité grecque au IVe siècle avant J.-C. P., 1962, p. 269 sq.

[6] См.: *Маринович Л. П.* Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975, с. 261 и приведенную в примеч. 24 литературу.

[7] *Davies J. K.* Athenian Propertied Families. 600—300 B. C. Oxford, 1971, p. 134.

[8] Основные источники о Ликурге, помимо его собственных речей,— его биография в «Жизнеописании десяти ораторов», ранее ошибочно приписывавшаяся Плутарху, и ряд надписей, среди которых наиболее важен декрет Стратокла. Псевдо-Плутарх, вероятнее всего, восходит к Цецилию (I в. до н. э.), который почерпнул сведения из биографии Ликурга, написанной после его смерти учеником Исократа Филиском и носившей панегирический характер. Помимо надписи (Syll.^{3}, I, 326), декрет Стратокла сохранился в рукописной копии, сделанной сыном Ликурга (*Ps.-Plut.* Vit. X Or., 851 F — 852 E).

[9] *Dürrbach F.* L'orateur Lycurgue. Etude historique et littéraire. P., 1890, p. 7, 78 sq.; *Davies J. K.* Op. cit., p. 348—350.

наиболее ярко представлял Перикл,— аристократии, которой ее происхождение, богатство, связи обеспечивали видное место в афинском демократическом государстве и которая активно отстаивала этот строй. К IV в. до н. э. значение подобных фамилий упало, от кормила государственного правления их оттесняли «нувориши», аристократы все чаще отходили от политики, но определенная часть их оставалась верна традициям V в. до н. э. [10] Ликург был не только знатен, но и богат [11]. Вместе с тем в сообщениях о жизни Ликурга нет никаких указаний на его личные траты в пользу полиса, хотя о пожертвованиях часто рассказывается в биографиях политических деятелей и более раннего, и того времени (например, о Демосфене).

Внешнеполитическая позиция Ликурга весьма отчетлива и определенна: он — бескомпромиссный враг Македонии. В частности, после поражения при Херонее именно по обвинению Ликурга казнили афинского стратега Ласикла, командовавшего в битве. В речи против Леократа Ликург неоднократно возвращается к этому поражению, вспоминая о нем со скорбью и гневом (§ 16, 37—43, 50 и т. д.). «Бедственные события», «случившееся несчастье», «величайшее несчастье», «такие ужасы, и такие опасности, и такой позор» — вот какими словами он определяет свое отношение к Херонее. Для Ликурга только погибшие при Херонее — истинно свободные: «... в них одних только сохранилась свобода Эллады. Ведь когда они расстались с жизнью, была порабощена и Эллада, и вместе с их телами была погребена и свобода остальных эллинов» (§ 50) [12].

Позиция Ликурга оставалась неизменной и в последующие годы. Так, после разрушения Фив Александр потребовал выдачи в числе других антимакедонских деятелей и Ликурга, о чем говорят Диодор (XVII, 15, 1) и Арриан (Anab., I, 10, 4), причем Диодор, сообщая об этом требовании, называет по имени (наряду с Демосфеном) только Ликурга. О том же упоминает и Псевдо-Плутарх (Vit. X Or., 841 E).

Показательно, как преломляются эти события в рукописной копии декрета в честь Ликурга: «...а когда царь Александр, подчинивший себе всю Азию и считавший справедливым публично отдавать распоряжения всем эллинам, потребовал выдачи Ликурга как своего противника, народ не выдал его, несмотря на страх перед Александром» [13]. Здесь очень характерна временна́я аберрация: Александр требует выдачи Ликурга уже после завоевания Азии, т. е. много позднее, чем это произошло в действительности. Подобная ошибка могла появиться только в том случае, если Ликург на протяжении всей своей деятельности после Херонеи стойко сохранял свои антимакедонские убеждения.

Вместе с тем мы совсем ничего не знаем о том, отразилась ли как-нибудь эта позиция на внешнеполитических акциях. В источниках, напри-

[10] *MacKendrick P.* The Athenian Aristocracy: 399 to 31 B. C. Cambridge, Mass., 1969, p. 3 f.
[11] *Ps.-Plut.* Vit. X Or., 842 A — D.
[12] См.: ВДИ, 1962, № 2. *Здесь и далее пер. Т. В. Прушакевич.*
[13] *Ps.-Plut.* Vit. X Or., 852 C -D. См.: ВДИ, 1963, № 1. *Перевод Э. Д. Фролова.*

СТЕЛА ВОИНА. АТТИКА. IV в. до н. э.

мер, нет никаких указаний на активность Ликурга во время выступления Агиса. Очевидно, молчание источников не случайно. Понять причину подобной пассивности Ликурга помогает его речь «Против Леократа». Объясняя, в частности, почему бегство Леократа из города в момент вражеской угрозы может иметь самые тяжелые последствия, оратор проводит различие между городами, попавшими под власть врага, и городами, оставленными населением и разоренными: «Государство, преданное теми, хоть и порабощенное, осталось бы населенным, а покинутое по примеру этого человека могло оказаться необитаемым. К тому же весьма естественно, что тяжелое положение государства может измениться к лучшему, а если оно полностью будет разорено, то тогда вообще лишится всякой надежды. Ибо как живой человек надеется выйти из тяжелого положения, а со смертью погибает все, благодаря чему он мог бы быть счастлив, так случается и с городами: их постигает самое страшное несчастье, когда они подвергаются такому разорению» (§ 60). Далее следуют примеры, подтверждающие эту мысль. Надо думать, что здесь выражена суть внешнеполитической программы Ликурга в годы после Херонеи: покорение города не означает гибели его, нужно только ждать изменения ситуации. В конкретных условиях того времени эта программа означала сохранение мира любой ценой, ибо победа Македонии не означала гибели Афин. Надежда на возрождение еще не утеряна, нужно только дождаться благоприятного поворота событий.

Именно такова была сущность политики Ликурга и его группы в годы царствования Александра, политики сознательного выжидания, политики накопления сил в ожидании перемен. Она имела два аспекта: военно-технический и социальный. Военно-технический — это возрождение и усиление флота [14], завершение строительства доков, постройка верфи, арсенала Филона в Пирее, создание значительных запасов военного и военно-морского снаряжения, усиление городских укреплений и фортов, охраняющих границы Аттики [15]. Все это было осуществлено благодаря тому, что Ликург в течение 12 лет занимал экстраординарную магистратуру [16], позволившую ему значительно повысить доходы полиса и контролировать не только финансовую сторону его жизни.

Стремление возродить полис, возродить старую гражданскую общину и ее традиционные доблести пронизывает все стороны деятельности Ли-

[14] *Ps.-Plut.* Vit. X Or., 852 C; *Hyperid.*, fr. 23. Считают, что при Ликурге флот достиг наибольшей в истории Афин численности, но определяется она по-разному. Из более новой литературы ср.: *Mossé C.* Athens in Decline. 404—86 B. C. London; Boston, 1973, p. 83; *Rougé J.* La marine dans l'antiquité. P., 1975, p. 101 (здесь и далее ссылки на Гиперида и Динарха даются по изданию: Minor Attic Orators/With an English Translation by J. O. Burtt. London; Cambridge, Mass., 1973, vol. II).

[15] *Ps.-Plut.* Vit. X Or., 841 D; 852 C; *Hyperid.*, fr. 23; *Aeschin.*, III, 27—31; Syll., I³, 326; IG, II—III², 1(1), 244; 2(1), 1627. 279 sqq., 397—405, 418—420; 1628. 552—559; 1631. 253—256; *Maier F. G.* Griechische Mauerbauinschriften. Heidelberg, 1959, I, S. 36—48; N 10. См. также: *Mitchel F.* Athens in the Age of Alexander.— Greece and Rome, 1965, XII, N 2, p. 195—197.

[16] Вопрос о названии и характере занимаемой Ликургом должности весьма дискуссионен. См.: *Dürrbach F.* Op. cit., p. 19—21; *Kunst.* Lykurgos.— RE, Hbbd., XXVI, Sp. 2450; *Mitchel F.* Op. cit., p. 194; *Mossé C.* Athens in Decline..., p. 81.

курга. Одно из проявлений этой политики — решительное преследование всех, кто не отвечал, по его понятиям, высоким критериям афинского гражданина. В этом отношении весьма показательна упоминавшаяся уже речь Ликурга против Леократа, бегство которого после Херонеи из Афин интерпретируется оратором как предательство. Интересные результаты дает лексический анализ речи: слово «предательство» (и родственные ему) употреблено 72 раза; второй лейтмотив речи — антитеза первому: патриотическая тема представлена словом «родина» (и родственными ему), которое встречается 61 раз [17].

Другая сторона политики Ликурга проявляется в мерах, направленных против всякого рода злоупотреблений, и в его «законах против роскоши». Эти меры носили не только финансовый и фискальный характер — они имели целью возродить определенное единство гражданского коллектива. Из жизни полиса старательно изгонялось все, что могло напоминать о разнице между богатыми и бедными гражданами. Внешние знаки богатства, дразнящие бедняков, провоцирующие их, осуждались Ликургом (Ps.-Plut. Vit. X Or., 842 A). В этой связи стоят и мероприятия, которые должны были сделать демос соучастником наказания людей, наживших «неправедное богатство». Мы имеем в виду факт, о котором сообщает его биограф,— раздел между гражданами Афин конфискованного имущества некоего Дифила, который разбогател, похитив из серебряных рудников Лавриона опорные столбы. За это по закону полагалась смерть, и Ликург добился осуждения Дифила — видимо, одного из крупнейших предпринимателей, так как стоимость его имущества составляла не меньше 160 талантов, и на каждого гражданина пришлось по 50 драхм [18].

В контексте этой политики следует рассматривать и деятельность Ликурга в религиозной сфере [19]. Возрождались древние культы, восстанавливались храмовые сокровищницы, было завершено строительство храма Аполлона Патрооса на агоре, изготовлены золотые статуи Ники, золотая и серебряная утварь для торжественных процессий, и т. п. При Ликурге издается ряд законов, регулирующих финансовую сторону религиозных празднеств, в частности закон о финансировании Малых Панафинейских игр [20].

Важным направлением в политической деятельности Ликурга, отвечавшим старым Перикловым традициям, является широкое строительство. В Ликее Ликург реконструировал гимнасий, посадил вокруг него деревья

[17] *MacKendrick P.* Op. cit., p. 23.

[18] *Ps.-Plut.* Vit. X Or., 843 D (речь идет, очевидно, о хищнической добыче руды за счет уничтожения опорных столбов, которые оставлялись в породе для крепления, так как район Лавриона был беден лесом). См. также: *Глускина Л. М.* Судебные процессы по делам, связанным с рудниками в Афинах IV в. до н. э.— ВДИ, 1967, № 1, с. 57 сл.

[19] Подробнее см.: *Dürrbach F.* Op. cit., p. 78—102.

[20] *Ps.-Plut.* Vit. X Or., 841 D; 842 A; 852 B; IG, II—III², 1(1), 333; *Thompson H. A.* Buildings on the West Side of the Agora.— Hesperia, 1937, VI, N 1, p. 77—115. Декрет о Малых Панафинеях: IG, II—III²,1(1), 334 (ВДИ, 1963, № 1, с. 207, № 9). Другая часть этой надписи: *Lewis D. M.* Law on the Lesser Panathenaia.— Hesperia, 1959, XXVIII, N 3, p. 239—247.

и соорудил палестру. Он завершил постройку театра Диониса, достроил панафинейский стадион и «[украсил весь] город другими многочисленными [сооружениями]» [21]. Все это отвечало нескольким целям: строились сооружения, функционально необходимые для подъема военной мощи Афин; возводились постройки прокламативно-престижного характера. Немалое значение имели в этом отношении работы на Пниксе, где происходили заседания народного собрания.

Ликург осуществлял меры по развитию торговли и повышению роли Пирейского порта; для охраны торговых путей от пиратов посылались военные эскадры, предпринимались усилия для привлечения иностранных торговцев. Так, в 355/4 г. экклесия по предложению Ликурга приняла решение об отправке триер под командой стратега Диотима «для охраны от пиратов» [22]. Сохранился другой декрет, из которого мы узнаем, что, тоже по предложению Ликурга, купцы из кипрского города Китиона получили в Афинах право владеть участком земли для возведения на нем святилища Афродиты [23]. Ранее такое же право, судя по этой же надписи, получили, очевидно, египетские купцы.

Все эти мероприятия Ликурга, как политические, так и экономические, вдохновлялись его более общими идеями. Уяснить их помогает речь против Леократа. Важнейшим понятием в этой речи является понятие «демократия»: демократия упоминается как существующий в Афинах государственный строй, говорится об угрозе независимости и демократии Афин со стороны Македонии, приводятся некоторые теоретические экскурсы о сущности демократии, даются яркие пассажи относительно тех мер, которые должны способствовать защите демократии.

Во всех этих рассуждениях, однако, можно выделить то специфическое, что позволяет говорить об особенностях понимания демократии Ликургом. В этом отношении очень показательно, как описывает он последствия поражения при Херонее (§ 41 сл.). Самое ужасное для Ликурга — те решения, которые афинский народ, прежде гордившийся своей свободой, вынужден принять в силу сложившихся обстоятельств: «сделать рабов — свободными, чужеземцев — афинянами, лишенных гражданской чести — гражданами». Ясно, что здесь имеются в виду предложения Гиперида. Тот тон, каким говорится о них, то значение, которое придается этим предложениям, убеждают, что для Ликурга принятие их означает конец подлинной афинской демократии. Это, кстати, опровергает высказывавшийся в литературе взгляд о единстве Ликурга и Гиперида (см. ниже).

В связи с этим направлением мысли, возможно, находятся и неоднократные восхваления ареопага, причем характерно, что эти восхваления обращены не в прошлое, как нередко наблюдается в политической мысли IV в. до н. э., а в настоящее: «... вы, единственные из эллинов, имеете

[21] *Ps.-Plut.* Vit. X Or., 841 D; 852 C; *Hyperid.*, fr. 23; *Tod*, II, 198 (ВДИ, 1963, № 1, с. 208, N 12); IG, II—III², 2(1), 1627. 382—384; *Paus.*, I, 29, 16.

[22] IG, II—III², 2(1), 1623. 276—285. Ср.: *Ps.-Plut.* Vit. X Or., 844 A; IG, II—III², 1(1), 414; *Schweigert E.* Greek Inscriptions.— Hesperia, 1940, IX, N 3, p. 340 sq.

[23] *Tod*, II, 189 (ВДИ, 1963, № 1, с. 207, № 10).

прекраснейший пример в лице Совета Ареопага, который настолько превосходит другие судебные органы, что решения его признаются справедливыми даже и самими осужденными» (§ 12). Наконец, в эту общую картину хорошо входит еще одно положение, подробно развиваемое в речи «Против Леократа» (§ 142 сл.),— право на соучастие в демократической форме правления имеют только те, кто участвует в защите города. Рассматривая меры по защите демократии, Ликург особо выделяет роль судов [24].

В политической концепции Ликурга важное место занимали традиционные для афинской демократии идеи о праве Афин на гегемонию над другими полисами и варварами, при этом подчеркивается, что власть Афин — благо для эллинов. Особенно отчетливо эта мысль выражена в «исторической части» речи против Леократа, в рассказе о греко-персидских войнах, о битве при Саламине, когда, по словам Ликурга, афиняне сделали греков свободными вопреки им самим.

Таким образом, можно считать, что группа Ликурга наиболее полно выражала традиционные концепции и ценности афинской демократии [25], прежде всего убеждение в необходимости господства Афин над эллинским миром и их праве на это. Однако трезвая оценка обстановки заставляла группу Ликурга в данной конкретной ситуации занимать выжидательную позицию, накапливая силы. Особое внимание уделялось сохранению и приумножению флота, что соответствовало традициям афинской демократии.

Во внутриполитической сфере эта группа также стояла за сохранение традиционного государственного устройства, причем упор делался на суды, как орган, наиболее эффективный в защите демократического строя. Предпринимались меры по сохранению единства гражданского коллекти-

[24] *Lycurg.* C. Leocr., 3 sq. К. Моссе даже назвала эту мысль «гимном сикофантству». См.: *Mossé C.* Athens in Decline..., p. 82; *Eadem.* La fin de la démocratie..., p. 270.

[25] Социально-политическая позиция Ликурга обрисовывается в литературе довольно однозначно. Отмечая его враждебность к Македонии, историки характеризуют его как умеренного демократа. Разница заключается только в том, что одни больше подчеркивают консерватизм Ликурга, отделяя его от Демосфена как более радикального политика; другие склонны говорить об их общей партийной принадлежности и считать вождями одной партии или одного направления в рядах антимакедонской партии.

Так, Белох полагает, что Ликург был вождем антимакедонско-консервативного направления (*Beloch J.* Die attische Politik seit Perikles. Leipzig, 1884, S. 250 f). К. Моссе видит в Ликурге «умеренного» политика, далекого во внутренней политике от крайних демократов (Демосфена), с которыми во внешней политике его объединяла враждебность к Македонии (*Mossé Cl.* La fin de la démocratie..., p. 293). По мнению Мичела, при Ликурге управление городом находилось в руках консервативной группы, его идеал — умеренная демократия (*Mitchel F.* Op. cit., p. 192, 193). Для Фергюсона, Тарна, Глотца и Коэна Ликург — в общем вождь демократической партии, как и Демосфен; Глотц и Коэн пишут об антимакедонских консерваторах во главе с Ликургом и Демосфеном. Тарн уточняет, что сам Ликург, вероятно, назвал бы себя демократом, но его идеалом была Спарта, а его режим — не особенно демократическим; большинство магистратур при нем занимали зажиточные граждане. См.: *Ferguson W. S.* Hellenistic Athens. L., 1911, p. 7 sq.; *Glotz G., Cohen R.* Alexandre le Grand et la conquête de l'Orient.— In: Glotz G., Roussel P., Cohen R. Alexandre et hellénisation du monde antique. Histoire grecque. 2-me éd. P., 1945, t. IV, pt. 1, p. 198; *Tarn W. W.* Greece: 335 to 321.— CAH, 1927, VI, p. 440.

ва, если не экономического, то хотя бы политического. Много внимания уделялось возрождению и укреплению традиционных ценностей афинской демократии. Основного врага представители этой группировки видели в радикальных демократах. В области экономики в соответствии с традициями афинской демократии поощрялась торговля. Возможно, что представители этой группы с определенным неодобрением относились к деятельности богатых дельцов в Лаврионе [26].

Насколько можно судить, верхушку группы составляли представители старой афинской аристократии, сохранившие и в IV в. до н. э. свое богатство и традиционную приверженность демократическому строю полиса и его ценностям. По крайней мере, таким был Ликург, возглавлявший ее. Тот факт, что его группа фактически руководила внутриполитической жизнью Афин в течение почти всех лет царствования Александра, с 338 до 326 г., по-видимому, дает основание считать, что ее политика отвечала тогда интересам демоса в целом.

Группа Демосфена. Анализ позиции группы Демосфена во многом дает ключ к пониманию процессов, происходивших в политической истории Афин того времени. Некоторые исследователи даже полагают, что вся история Греции в эти годы (в частности, во время спартанского выступления) определялась позицией Демосфена, но это кажется преувеличением. Однако не подлежит сомнению, что позиция Демосфена и его группы имела серьезное значение.

Вместе с тем, как уже отмечалось выше, обычно не проводится различия между группами Демосфена и Ликурга [27] и даже между ними и группой Гиперида (см. ниже), что представляется совершенно неоправданным. Даже то обстоятельство, что имущественное положение вождей этих групп было примерно одинаковым — они принадлежали к «верхушке среднего класса» [28],— не означает, что они должны были проводить одинаковую политику. Их позиция определялась многими факторами, в том числе традиционными связями семей, наконец, самой логикой политической борьбы.

На позицию Демосфена наложила сильнейший отпечаток его непримиримая борьба с Македонией. К тому же постоянные ссылки оратора

[26] Ср., однако: *Глускина Л. М.* Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975, с. 160.

[27] Ученые, которые сводят внутриполитическую борьбу в Афинах к противостоянию двух партий, антимакедонской и промакедонской, естественно, относят Демосфена и Ликурга (как и Гиперида) к антимакедонской. Но и те историки, которые рисуют несколько более сложную картину соотношения сил, тоже объединяют Демосфена и Ликурга в пределах одной партии. См., например: *Ferguson W. S.* Op. cit., p. 7 sq. Глотц и Коэн считают, что после расправы Александра с Фивами Демосфен, отойдя от руководства своей партией, передал ее Ликургу, будучи уверен, что найдет в его лице верного глашатая своих надежд. См.: *Glotz G., Cohen R.* Op. cit., p. 198. Ср.: *Tarn W. W.* Op. cit., p. 440, 450. Тарн отмечает, что после замещения Ликурга Менесехмом в 326 г. до н. э. Демосфен остался один у руководства партией; см., однако: *Beloch J.* Die attische Politik..., S. 249 f.

[28] *Perlman S.* The Politicians in the Athenian Democracy of the Fourth Century B. C.— Athenaeum, 1963, N. S., XLI, fasc. III—IV, p. 327 sqq.; *Mitchel F.* Op. cit., p. 193.

на демократию выработали в современной литературе определенный стереотип: защита Афин от македонской агрессии является защитой афинской демократии.

Однако внимательное изучение речей Демосфена позволяет понять, что позиция прославленного афинского оратора не была столь однозначной. Несомненно, руководящий мотив всей его политической деятельности — вражда к Македонии. Эта вражда обосновывается Демосфеном и теоретическими соображениями. Исходный пункт таков: тирания (а именно такова власть Филиппа) по самой своей природе враждебна демократии. Эта мысль высказывается в I Олинфской речи (I, 5), во II Филиппике (VI, 21) и в речи «О делах в Херсонесе», где, наоборот, говорится уже об опасности демократических государств для тиранов (VIII, 41; то же — X, 13). Для Демосфена царь Македонии и демократия, в первую очередь афинская,— естественные враги, сколько-нибудь длительное сосуществование которых невозможно. Отсюда оратор делает несколько выводов, важнейший из которых касается отношений с другими полисами. Демосфен считает наиболее последовательным и непримиримым врагом Македонии Афины. Показательна его аргументация, имеющая двусторонний характер: объяснение с точки зрения Филиппа (VIII, 60) и с точки зрения афинян («Он знает отлично, что рабами быть вы и не согласитесь, и хоть бы даже согласились, то не сумеете, так как привыкли главенствовать» (Там же).

Афиняне должны выступить организаторами сопротивления всей Эллады и возглавить борьбу с Македонией. К этому призывает их прошлое, они — политические руководители греков, привыкли главенствовать в Элладе (VIII, 60), хотят первенствовать (XIII, 8). В этой борьбе, по словам Демосфена, афиняне готовы сделать всех свободными (X, 14). Он призывает сограждан поступать так, чтобы в них видели «общих заступников свободы всех» (XV, 30). Афиняне всегда стремились к тому, чтобы «спасать притесняемых» (XVI, 14 сл.), и не должны отдавать «никого из более слабых во власть более сильному» (XVI, 32) [29]. Но ныне граждане отступились от того, что завещали предки: «вставать во главе греков и, имея наготове постоянное войско, защищать всех притесняемых» (X, 46). «Наше отечество всегда борется за первенство, за честь и славу», которые у Демосфена отождествляются с общей пользой эллинов (XVIII, 66) [30].

Показательна также трактовка Демосфеном некоторых событий прошлого и особенно его отношение к Периклу, создателю Афинского морского

[29] Все эти призывы к защите слабых и притесняемых следует рассматривать в контексте борьбы с Филиппом. Вместе с тем Демосфен убежден в праве Афин владеть Потидеей, Херсонесом и рядом других городов и земель (ср.: *Бергер А. К.* Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1966, с. 303 сл.).

[30] Вопрос о «панэллинизме» Демосфена решается неоднозначно. Наиболее подробно: *Luccioni J.* Démosthène et le panhellénisme. P., 1961, p. 70 sqq.; ср.: *Dunkel H. B.* Was Demosthenes a Panhellenist?— In: Philip and Athens/Selected and introduced by S. Perlman. Cambridge; New York, 1973, p. 291—305; *Perlman S.* Panhellenism, the Polis and Imperialism.— Historia, 1976, XXV, H. 1, S. 23—25; *Бергер А. К.* Указ. соч., с. 299 слл.

союза. Политический идеал Демосфена — Афины времени Перикла, глава морской державы. Тогда «предки наши... в течение сорока лет правили греками с их собственного согласия» (III, 24; ср. IX, 23).

Однако все попытки возродить гегемонистскую политику Афин в это время терпели крах, что, естественно, заставляло искать причину неудач. Ответ Демосфен дает, противопоставляя славное прошлое безрадостному настоящему. Недовольство существующим положением дел — одна из основных мыслей Демосфена, присутствующая почти в каждой его речи. Тем самым становится ясно, что Демосфен отнюдь не был ярым сторонником тогдашних порядков в Афинах. Что же в современных Афинах не нравилось ему, что отвергалось и к каким чертам прошлого (реального или воображаемого) он апеллировал?

Больше всего Демосфена возмущает отсутствие энергичной практической деятельности. Народ ограничивается выслушиванием речей, принятием псефисм, свои же обязанности по проведению в жизнь решений и — более широко — своего гражданского долга вообще не выполняет (II, 23; III, 14, 34; IV, 2, 13, 30, 45; VI, 3 сл.; VII, 21; IX, 1; X, 75; XIV, 14 сл.). Эта выраженная в общей форме мысль иногда конкретизируется: указывается, что рядовые афиняне не хотят выступать в поход (II, 24; III, 24, 30; IV, 45; VIII, 21), а богатые не хотят делать денежных взносов (II, 24; VIII, 21; XVIII, 102).

Далее, Демосфен отмечает разрыв между государством как коллективом афинских граждан и его руководителями, с одной стороны — полномочными магистратами — стратегами (II, 28 сл.; IV, 47), с другой — ораторами, получившими чрезмерное влияние на массу народного собрания (III, 22 сл., 31; XIII, 20, 31). Ораторы прошлого не заискивали перед народом (III, 24), а были простатами демоса (III, 27).

Наконец, Демосфен указывает на общую моральную деградацию, сказывающуюся, в частности, в том, что отдельные лица, в первую очередь военные и политические руководители, обогащаются, а государство в целом беднеет (III, 25 сл., 31; IX, 39; XIII, 20, 30, 36). Именно это обстоятельство создает благоприятный моральный климат для деятельности Филиппа, подкупающего политических деятелей, чем он губит Элладу.

Отметим, что Демосфен правильно диагностирует некоторые существенные стороны того явления, которое теперь мы называем кризисом полиса. Однако для нас в данном случае важнее другое — его убеждение в необходимости преобразований и высказывающиеся на этот счет соображения. При этом подчеркнем одно обстоятельство — эти преобразования имеют своей целью не создание «идеального полиса», воплотившего некие абстрактные идеи (как у Платона или Аристотеля). У Демосфена речь идет об определенных реформах, необходимых для того, чтобы конкретный полис — его родные Афины — вновь стал могущественным, сокрушил Филиппа и вернул гегемонию над эллинским миром.

Необходимо отметить и второе обстоятельство, тесно связанное с первым. Демосфен был реальным политиком, учитывавшим конкретную обстановку, поэтому в его политических воззрениях можно достаточно отчетливо различить планы конкретных политических реформ, в осуществ-

лении которых Демосфен в принципе был уверен, и те желания (часто достаточно отчетливые), которые были неосуществимы в данной ситуации, и эту их неосуществимость сознавал и сам оратор. Однако, как представляется, следует анализировать и их, поскольку они накладывали определенный отпечаток на всю систему взглядов Демосфена.

По мнению Демосфена, необходима определенная моральная «регенерация» и, как естественное следствие этого, внутреннее единство в полисе. Демосфен провозглашает что-то вроде «национального единства» перед лицом внешней опасности. «В итоге всего у вас и получается, что вы только спорите друг с другом и разбиваетесь на партии, кто стоит за это, кто за другое, а общественное дело идет плохо» (II, 29). Необходимость отложить все внутренние распри до окончания войны с Филиппом — такова одна из основных идей Демосфена, которая в той или иной степени окрашивала весь комплекс его представлений. Мысль об укреплении внутреннего единства полиса многократно высказывается в речах Демосфена, причем пути этого укрепления представлены по-разному. Во II Олинфской речи эта идея высказывается в самой общей форме — автор имеет в виду своего рода возрождение того «идеального» строя, который существовал в эпоху расцвета Афин (II, 31 сл.). Свое конкретное выражение она находит в мыслях о необходимости возрождения ополчения (IV, 19 сл., 47 и др.) [31].

Другой аспект этой идеи — мысль о необходимости прекратить борьбу между богатыми и бедными. Демосфен — противник «эксцессов», связанных с чрезмерными, как он полагает, нападками их друг на друга (X, 36). Нуждающимся он советует «отказаться от того требования, которым недовольны состоятельные» (X, 42). Выступая против конфискации имущества, Демосфен не без иронии замечает, что оратор, предлагающий ее, «становится у вас сейчас же великим, прямо бессмертным по своей неприкосновенности» (X, 44). Завершаются эти рассуждения настоящей защитой богатства и богатых: «Да, граждане афинские, нужно установить между собой справедливые взаимоотношения в государстве — богатые должны иметь уверенность, что у них жизнь вполне обеспечена принадлежащей им собственностью и что им за нее нечего бояться... остальные должны общественное достояние считать общим и иметь в нем свою долю, а частную собственность каждого отдельного лица — достоянием владельца» (X, 45).

Таким образом, пытаясь предстать перед слушателями в роли человека, стоящего равно далеко и от богатых и от бедных, Демосфен все же основной упор делает на защите богатых [32]. В защиту собственности богатых приводится ряд аргументов: богатый лучше управляет своим имуществом, способствует его приумножению, а это выгодно и бедным, ибо в случае крайней опасности оно сможет быть обращено на общую пользу. Эти идеи

[31] Подробнее см.: *Маринович Л. П.* Указ. соч., с. 74—76.

[32] Ср., однако: *Cloché P.* Démosthènes et la fin de la démocratie athénienne. P., 1957, p. 32 sq.; *Jones A.H.M.* Athenian Democracy. Oxford, 1957, p. 35 sq.; *Perlman S.* The Politicians in the Athenian Democracy..., p. 336.

выражены в ряде речей Демосфена. В частности, в речи «О делах в Херсонесе» он решительно обрушивается на всех, посягающих на имущество богачей (VIII, 69). Далее Демосфен подчеркивает, что сам он никогда к подобным мерам не прибегал, хотя это и ставило его в глазах сограждан ниже других ораторов (VIII, 71).

Подобные взгляды были направлены своим острием прежде всего против ораторов радикально-демократического направления. Вместе с тем не исключено, что здесь можно увидеть и определенные различия с Ликургом, в деятельности которого борьба с финансовыми злоупотреблениями богачей (по крайней мере, некоторых групп их) занимала определенное место, хотя, конечно, их не следует преувеличивать (это скорее разные социо-психологические установки).

Еще более отчетливы различия между группами Демосфена и Ликурга в оценке роли судов. Демосфен активно выступает против судебных преследований сограждан, против сикофантов. Если для Ликурга суды — чуть ли не главная опора демократии, то у Демосфена заметно явное неприятие судов: «И к тому же, клянусь Зевсом, граждане афинские, к вам нахлынули еще и другие речи — лживые и весьма вредные для государственного порядка, вроде того, что „в судах для вас спасение!“ и что „голосованием вы должны охранять государственный строй!“» (XIII, 16). Еще более враждебно настроен Демосфен против сикофантов (XXV, 40, 51 сл.). Как отмечается в современной литературе, в такого рода инвективах в адрес сикофантов (и слушающих их членов суда) проглядывает определенная социальная позиция. В частности, по мнению Э. Леви, противоречие между бедными и богатыми «имело тенденцию маскироваться под противоречие между сикофантами и благодетелями города» [33].

Отрицание судов как основы демократии имеет у Демосфена и свою антитезу: не суд, а воины-граждане основа демократии, ее защита и опора (XIII, 16 сл.). Отметим, что, судя по контексту, здесь имеются в виду воины-гоплиты. К этой идее Демосфен возвращается неоднократно. Обращаясь к прошлому, в качестве подлинного демократического деятеля он называет Солона, а законы Солона считает наилучшими (XVIII, 6). Известно, какая острая борьба развернулась в V—IV вв. между различными группировками вокруг фигуры Солона и созданного им государственного строя [34]; для Демосфена — это режим «гоплитской демократии».

Нападки на суд имеют в речах Демосфена далеко не случайный характер. Гелиея благодаря ряду прерогатив оказывалась последней инстанцией в решении законодательных вопросов, тем самым выступая как оплот демократического строя. Во всяком случае, Аристотель связывал

[33] *Levy E.* Athènes devant la défaite de 404. Histoire d'une crise idéologique. P., 1976, p. 255 (со ссылкой как раз на речь Демосфена против Аристогитона).

[34] *Рожицын В. С.* Развитие в греческой политической литературе учения о формах государственного устройства.— В кн.: Сборник статей в честь проф. В. Н. Бузескула. Харьков, 1914, с. 708—711; *Fuks A.* The Ancestral Constitution. L., 1954, p. 14 sqq.; *Ruschenbusch E.* Patrios politeia. Theseus, Drakon, Solon und Kleisthenes in Publizistik und Geschichtsschreibung des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr.— Historia, 1958, VII, H. 4, S. 399—408.

установление демократии в Афинах с введением суда, к которому имели доступ все граждане, а современную ему демократию — с господством суда [35].

В этом же контексте следует рассматривать и противопоставление Демосфеном решения народного собрания закону. Обращаясь в речи против Тимократа к судьям, оратор отмечает, что Афины управляются законами и псефисмами (XXIV, 152). Сила законов — в их соблюдении, они — оплот демократии («закон силен вами, а вы сильны законами».— XXI, 224). Однако если раньше удовлетворялись теми законами, какие есть, и не создавали новых, то иное положение теперь, когда декреты противоречат им (XX, 92). Более того, псефисмы заняли место законов, тогда как они не должны иметь большей власти, чем законы (XXIV, 30). Со страстной защитой законов Демосфен выступает в речах против Лептина и против Мидия [36].

Уже в V в. до н. э. в общественно-политической мысли сложилось определенное представление о «номосе». «Номос» — это не какой-то определенный, конкретный закон, а суверенный принцип порядка и справедливости, который пронизывает все стороны жизни общины и индивида и управляет всей жизнью полиса. Идея «номоса» как некоего божественного принципа всегда имела аристократический оттенок, хотя уже в V в. до н. э. оспаривалась сторонниками демократии, смотревшими на «номос» как на результат своего рода «общественного договора». Акцент на устоявшиеся, традиционные формы общественного бытия, содержащийся в концепции «номоса», явился определенной теоретической базой для противостояния идее суверенитета народного собрания [37].

У Демосфена наблюдается традиционное, восходящее к V в. до н. э. представление о «номосе». Для него νόμος и νόμοι — первооснова бытия полиса; если их устранить, то не только исчезнет полития, но и жизнь людей не будет отличаться от жизни зверей (XXV, 20): «Номос» — это дар богов, но и общее соглашение людей (XXV, 16) [38]. Напротив, например, в III Олинфской речи Демосфен без всякого уважения говорит о «многочисленных псефисмах» афинян, которые те не выполняют, и ядовито замечает, что если бы псефисмы могли «сами осуществить означенное в них», то Филипп «давно бы понес кару уже от одних ваших псефисм» (III, 14).

Таким образом, при всем демократическом характере представления Демосфена о законе и праве есть все же основание предполагать в его общественно-политических взглядах определенный аристократический оттенок, известное противостояние концепции суверенитета экклесии. Подтверждение высказанного предположения мы находим у Аристотеля. Описывая пятый вид демократии, философ указывает, что при ней верховная власть принадлежит не закону, а демосу и решающее значение имеют

[35] *Arist.* Polit., III, 1273b 41 — 1274a 5; Athen. pol., IX, 1.
[36] Подробнее см.: *Romilly J. de.* Problèmes de la démocratie grecque. P., 1975, p. 101—105.
[37] *Will E.* Le monde grec et l'Orient. P., 1972, t. 1. Le Ve siècle, p. 427—429.
[38] Подробнее см.: *Бергер А. К.* Указ. соч., с. 334—340.

псефисмы, а не законы (Polit., IV, 1292a, 5—7). Аристотель столь отрицательно относится к такому строю, что не считает даже возможным причислить его к демократии. Сближение в этом отношении позиций Аристотеля и Демосфена позволяет, как кажется, лучше понять общие идеи последнего: выдвижение на первое место авторитета традиционных, восходящих к Солону установлений, противопоставление их концепции суверенитета народного собрания с его псефисмами указывают на определенное противостояние радикально-демократической теории, обращение к идеям ограниченной демократии.

Показательно и отношение Демосфена к тому или иному происхождению афинского гражданина. Наиболее ярко это проявляется в речи «За Ктесифонта», где Демосфен защищает себя — идеального государственного деятеля — и обличает своего противника Эсхина, выступающего в речи как воплощение зла. Демосфен подчеркивает в своей биографии ряд моментов: он сам и его родственники происходили от лучших людей (XVIII, 10), он ходил в детстве в подобающие школы и имел «в своем распоряжении все, что необходимо человеку, которому не приходится из-за нужды делать ничего унизительного» (257). Но еще более показательно, как Демосфен описывает начало своей взрослой жизни: «... а по выходе из детского возраста я мог вести соответствующий же образ жизни — исполнять хорегии, триерархии, делать взносы» (Там же). Таким образом, с точки зрения Демосфена, подлинный политический деятель должен обладать хорошим происхождением, получить настоящее образование и воспитание и, наконец, быть богатым, принадлежать к имущественной верхушке полиса. Соответственно его антипод Эсхин (в данном случае несущественно, насколько Демосфен верен истине) объявляется лишенным всего этого: у него рабское происхождение, исполненная гнусности юность, он невежда, не получивший в силу своей бедности образования. Социальные симпатии Демосфена здесь выступают довольно отчетливо. Для него настоящий общественный деятель, т. е. человек, участвующий в формировании политики Афин,— это только богатый гражданин, бедность же — нечто позорное, то, что накладывает отпечаток на всю жизнь человека.

Заметим, что уже в древности осознавали эту антидемократическую тенденцию, свойственную Демосфену (Plut. Dem., 7; 26). Рассказывая о деле Антифонта, Плутарх прямо называет Демосфена «крайним сторонником аристократии»: невзирая на то, что экклесией Антифонт был оправдан, Демосфен задержал его и передал суду ареопага, «ни во что не ставя оскорбление, которое наносит этим народу» (Dem., 14).

Во всяком случае, политические противники Демосфена среди других обвинений не оставили без внимания его антидемократические настроения (видя причину именно в его имущественном положении). Так, Динарх, оценивая позицию Демосфена в период выступления Агиса, когда Афины сохранили нейтралитет не без участия Демосфена, утверждает: «Он роскошествовал среди несчастий города. Он на носилках проделывал путь до Пирея и при этом еще поносил злоключения бедняков» [39]. Со злой иронией

[39] *Din.* C. Dem., 35 sq. См.: ВДИ, 1962, № 2. *Пер. Э. Д. Фролова.* Ср.: *Perlman S.* The Politicians in the Athenian Democracy..., p. 336.

ДЕТАЛЬ РОСПИСИ ВАЗЫ РАБОТЫ МИДИЯ. Третья четверть IV в. до н. э.

Динарх (C. Dem., 44) восклицает: «этот демократ» (οὗτος ὁ δημοτικός), а Эсхин прямо называет Демосфена сторонником олигархии, правда, обосновывая это определение весьма длинными рассуждениями, полными злобных нападок на него (III, 168 слл.).

Гиперид, выступая против Демосфена по делу Гарпала, указывает, что он наживается на морских операциях, и дает ссуды под залог кораблей или грузов (C. Dem., col. 17). Это же утверждает и Плутарх (Com. Dem. et Cic., III, 6). Динарх (C. Dem., 111) называет Демосфена «богатейшим человеком в городе», Гиперид ссылается на его «большое богатство» (C. Dem., 22). Вообще современники много говорят как о богатстве Демосфена, так и об его корыстолюбии [40]. Именно по предложению Демосфена были предоставлены гражданские права торговцам Хэрифилу, Фидону, Памфилу и Фидиппиду, трапезитам Эпигену и Конону (Din. C. Dem., 43). По предложению Демосфена ставятся на агоре статуи Перисада, Сатира и Горгиппа (там же). Видимо, можно считать, что и по происхождению, и по богатству, и по связям Демосфен принадлежал к определенному кругу имущественной верхушки полиса, а именно к тому кругу, который занимался торгово-ростовщическими операциями. Отсюда — и личная заинте-

[40] См., например: *Aeschin.*, I, 171 sq.; II, 165 sq.; III, 173, 239; *Din.* C. Dem., 15, 18, 42 sq.; *Hyperid.* C. Dem., 25 e.a. Согласно Дэвису, тщательно изучившему этот вопрос, Демосфен к концу жизни был одним из богатейших граждан Афин. См.: *Davies J. K.* Op. cit., p. 126—135.

ресованность Демосфена в такого рода операциях, в этой сфере деятельности.

Подводя итоги, очевидно, следует сказать, что Демосфен и его группа по своим позициям довольно сильно отличались не только от радикальных демократов, но и от более умеренной группы Ликурга. Политическую концепцию этой группы характеризуют: глубокая неудовлетворенность существующим в Афинах положением, определенная ориентация на прошлое, возможно даже, стремление к более ограниченному демократическому режиму, резкая вражда к радикально-демократическим деятелям. Недовольство Демосфена вызывают суды и меры, направленные против богатства. Богатство для этой группы — главное мерило достоинства гражданина. Очевидно, основу состояния Демосфена и его ближайших друзей составляли торгово-ростовщические операции, которые приносили богатство, относящееся к категории так называемого невидимого имущества, менее связанного с традиционной структурой полиса.

Вместе с тем эта группа решительно настроена против Македонии и готова бороться с ней до конца. Демосфен, во всяком случае, заплатил за свои убеждения жизнью. Естествен вопрос: почему Демосфен и его сторонники были активны на первом этапе борьбы и почему их активность резко пошла на убыль после начала похода Александра? Не подлежит сомнению, что значительную часть царствования Александра Демосфен придерживался выжидательной политики, даже во время выступления Агиса не проявив настоящей активности и согласившись признать Александра богом. Объясняется ли эта позиция теми же соображениями, что и политика Ликурга, или причины были иными?

Нам представляется возможным следующее объяснение. Агрессия Филиппа была первоначально направлена на Фракийский Херсонес, Византий, Перинф, т. е. она непосредственно угрожала перерезать важнейшие торговые пути, связывавшие Афины с Черным морем. Это представляло опасность не только для полиса в целом, но и для деловых интересов круга Демосфена. Узкогрупповые и личные интересы совпадали тогда с интересами основных масс афинского гражданства. Именно поэтому голос Демосфена звучал тогда с такой силой. Однако после 336 г. до н. э. ситуация изменилась. Александр двинулся на Восток, македонское владычество не представлялось смертельно опасным. К тому же именно на эти годы приходится последний экономический подъем Афин [41]. Нам кажется, что выжидательная политика Демосфена, объективно совпадавшая с политикой Ликурга, все же диктовалась несколько иными, менее принципиальными мотивами [42] (во всяком случае, отчасти). Отсутствие непосредственной опасности для полиса, возможность получить прибыль благодаря оживленной экономической активности заставляли людей группы

[41] См., например: *Isager S., Hansen M. H.* Aspects of the Athenian Society in the Fourth Century B. C. Odense, 1975, p. 54 sq.

[42] См.: *Mossé C.* Athens in Decline..., p. 89 sq.; *Eadem.* Les procès politiques et la crise de la démocratie athénienne.— In: Dialogues d'histoire ancienne, 1974. I. p. 228—230.

Демосфена более терпимо относиться к македонской гегемонии. Не отсюда ли прежде всего колебания, компромиссы, уступчивость?

Группа Гиперида. Выявление позиции Гиперида и его сторонников — задача довольно сложная. Помимо того, что свидетельств о его политической деятельности и взглядах гораздо меньше, чем о Ликурге и Демосфене, есть еще одна трудность: и в источниках, и в современной литературе Гиперид обычно находится в тени Демосфена и наиболее отчетливо как самостоятельная политическая фигура выступает только в деле Гарпала, когда борется со своим прежним соратником.

Еще одно замечание: мы считаем возможным использовать для характеристики взглядов Гиперида XVII речь «Корпуса речей» Демосфена. Современные исследователи колеблются относительно ее авторства. Следуя за древними, некоторые считают ее принадлежащей Гипериду, другие — Гегесиппу, обычно же этот вопрос остается открытым. Либаний, например, во введении к XVII речи, основываясь на ее стиле, безоговорочно говорит об авторстве Гиперида, но главное — в этой речи есть достаточно специфические идеи, встречающиеся только в бесспорно Гиперидовых речах (см. ниже).

Гиперид, по всей видимости, принадлежал к верхнему слою афинского гражданства [43]. Во всяком случае, в 340 г. до н. э. он снарядил две триеры (Ps.-Plut. Vit. X Or., 348 F), а в 339 г. исполнял триерархию, одну из самых тяжелых литургий.

В речах Гиперида мы находим мысли, обусловленные его происхождением и имущественным положением. Особенно показательно в этом отношении одно место из его речи «Против Демосфена» (XXIV). Демосфен обвиняется во взяточничестве, и естественно, что Гиперид подчеркивает необходимость бескорыстия для государственного деятеля. Но вместе с тем он утверждает, что не всегда ужасно, когда кто-либо берет деньги, плохо, если их взяли там, где не следовало брать. Это, казалось бы, весьма банальное утверждение приобретает, следовательно, особую значимость в данном контексте.

С подобным подходом к денежным делам хорошо согласуются и другие утверждения, встречающиеся в его речах. Так, в речи в защиту Евксениппа развертывается буквально целая программа защиты богатейших афинских граждан, занятых разработкой Лаврионских рудников. Гиперид с восторгом рассказывает о защите судом имущества Евфикрата (оно составляло более 60 талантов), Филиппа, Навсикла и особенно «Эпикрата из дема Паленны в компании с едва ли не богатейшими в Афинах людьми» [44], которые получили с рудника за три года 300 талантов (33—35). Он указывает, что судьи «обеспечили безопасность имущества этих людей и утвердили дальнейшую разработку ими рудника». Итак, заключает Гиперид гарантия безопасности разработок («которыми раньше пренебрегали из страха») — новые разработки,— «вновь возрастут доходы города» (36).

[43] О происхождении и состоянии Гиперида см.: *Thalheim.* Hypereides.— RE, Bd. IX, Sp. 281; *Davies J. K.* Op. cit., p. 517—519.

[44] См.: ВДИ, 1962, № 1. *Здесь и далее пер. Л. М. Глускиной.*

Одновременно Гиперид поносит «некоторых ораторов», которые, обманув демос, обложили незаконными налогами разрабатывающих рудники (36). Более того, для Гиперида важно, что обеспечение наиболее благоприятных условий для деятельности отдельных предпринимателей, защита их (особенно от конфискаций) должны не только увеличить доходы полиса, но и способствовать единодушию граждан. Мысли Гиперида в сущности оказываются близкими той системе взглядов, которые несколькими десятилетиями ранее развивал Ксенофонт в сочинении «О доходах».

Сказанное Гиперидом в защиту богачей, занятых в Лаврионе, становится особенно понятным, если считать Гиперида, фигурирующего в одной из надписей третьей четверти IV в. до н. э. в качестве арендатора серебряного рудника в Бесе, идентичным нашему оратору (IG, II—III², 2 (1), 1585. 12).

В этом контексте несколько иначе звучат инвективы Гиперида в адрес Демосфена, когда, обвиняя его в присвоении персидского золота и денег Гарпала, Гиперид ставит ему в упрек и то обстоятельство, что Демосфен наживается на морской торговле и дает ссуды под залог кораблей или грузов (C. Dem., 17). Возникает вопрос, нельзя ли все это интерпретировать как свидетельство об определенных противоречиях между теми представителями имущей верхушки полиса, деловые интересы которых в первую очередь были связаны с эксплуатацией Лаврионских рудников, и теми, кто ориентировался в своей деловой активности прежде всего на заморскую торговлю?

Возможно, что позиция тех и других была достаточно обоснована экономически. Как уже отмечалось, в годы царствования Александра экономика Афин переживала недолгий подъем, с чем связаны и замечательные достижения финансовой администрации Ликурга. Это было время роста морской торговли, подъема значения Пирейского порта. Не исключено, что в такой ситуации рост доходов мог в известной мере примирить с властью Александра определенные группы афинской верхушки, благосостояние которой было связано с внешней торговлей. Вместе с тем политика Александра (как и ранее Филиппа) совсем по-иному отразилась на других кругах состоятельных афинян. Как показал З. Лауффер [45], ряд богатых граждан, активно участвовавших в разработке Лаврионских рудников, были решительными противниками Македонии. З. Лауффер объясняет это активной разработкой Филиппом золотых рудников в Пангее (что приводило к постепенному падению стоимости серебра) и трудностями в доставке хлеба из-за политики Филиппа (поскольку сокращение ввоза хлеба создавало затруднения с содержанием многочисленных рабов, используемых в Лаврионе). Эта ситуация должна была стать еще более тяжелой для лаврионских дельцов при Александре [46], особенно после за-

[45] *Lauffer S.* Prosopographische Bemerkungen zu den attischen Grubenpachtlisten.— Historia, 1957, VI, H. 3, S. 287—305. Ср., однако: *Глускина Л. М.* Проблемы социально-экономической истории..., с. 167.

[46] В речи против Фениппа из Демосфенова Корпуса, произнесенной, вероятнее всего, в 328/27 г. до н. э., говорится о тяжелом положении занятых в рудниках (*Ps.-Dem.*, XLII, 3, 21).

хвата им сокровищ персидских царей, когда в оборот оказались пущены огромные массы серебра и золота, что означало новое падение их стоимости. Поэтому можно думать, что экономическая политика македонских царей угрожала подорвать основы благосостояния тех представителей афинской имущественной верхушки, которые активно участвовали в разработке рудников Лавриона.

Таким образом, будет, пожалуй, не слишком рискованным предполагать, что на позицию группы Гиперида влияли ее непосредственные экономические интересы. Если политика группы Ликурга сводилась к выжиданию, что практически означало уступки Александру, если позиция Демосфена изменилась в сторону некоторого соглашательства, то позиция Гиперида оставалась неизменно враждебной к македонянам.

Гиперид заявил о себе как враге Македонии еще при Филиппе. После Херонеи он вместе с Ликургом и Демосфеном принял решительные меры по защите Афин: тогда чинились городские стены, углублялись рвы (Dem., XVIII, 248). В эти тревожные дни, когда со дня на день ожидали появления войск Филиппа, Гиперид предложил те крэйние меры по защите города: предоставление гражданских прав метекам, возвращение изгнанников, освобождение рабов[47],— за которые Аристогитон позднее обвинил его в противозаконности. Сохранился отрывок из его речи против Аристогитона, в котором говорится как раз об этом предложении:«Зачем ты часто спрашиваешь о моем пребывании в должности следующими словами: „Внес ты предложение о предоставлении свободы рабам?". Да, я внес такое предложение. Ради того, чтобы свободным не пришлось испытать рабства. „Внес ты предложение о восстановлении в правах изгнанников?" Внес, ради того, чтобы никто [более] не подвергался изгнанию.— „Разве ты не читал законов, запрещающих это?"... Я не мог [этого сделать]; оружие македонян закрывало от меня буквы этих законов» (fr. 18,1). Как бы то ни было, Гиперид был оправдан (Ps.-Plut. Vit. X Or., 849 A).

И позднее Гиперид оставался самым решительным врагом Македонии. Он возражал против отправки триер Александру[48]. Во время выступления Агиса, в дни, когда в экклесии шли жаркие споры о позиции Афин, Гиперид в речи «О договоре с Александром» [49] изложил настоящую программу действий, вплоть до борьбы с оружием в руках. В дальнейшем, когда разрыв между Гиперидом и Демосфеном стал явным, он обвинил Демосфена в том, что тот противозаконно взял 20 талантов из денег, которые

[47] *Hyperid.* C. Aristogit., fr. 18, 1—3; *Lycurg.* C. Leocr., 41; *Ps.-Plut.* Vit. X Or., 849 A; *Suid.*, s. v. επίτιμων.

[48] *Ps.-Plut.* Vit. X Or., 848 D; *Plut.* Phoc., 21.

[49] По поводу датировки речи единого мнения среди историков нет; более обоснованной кажется точка зрения тех (более многочисленных) ученых, которые связывают речь с бурными дебатами в афинском народном собрании, вызванными выступлением Агиса. Наиболее подробно доводы в пользу этой датировки см.: *Cawkwell G. L.* A Note on Ps. Demosthenes 17.20.— Phoenix, 1961, XV, N 2, p. 74 sq. Ср., однако: *Фролов Э. Д.* Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э. и объединение Эллады.— ВДИ, 1974, № 1, с. 45.

привез Гарпал в Афины, что Демосфен получал взятки и присвоил деньги из Азии, «явственно выступал за Александра», помешал сатрапам отложиться от македонского царя и т. д.[50] Гиперид решительно воспротивился предоставлению Александру божественных почестей, резко порицая Демосфена за его согласие признать македонского царя богом [51]. Именно Гиперид, согласно свидетельству Псевдо-Плутарха (Vit. X Or., 849 F), провел решение о почестях Иолу, «который, как полагали, дал яд Александру».

После смерти Александра Гиперид с новыми силами продолжает борьбу с македонским владычеством. Он становится фактическим руководителем подготовки к войне и, вместе с Леосфеном,— ведущей фигурой в Ламийской войне. Ему было поручено произнести надгробную речь в память афинян, павших в этой войне,— «Эпитафий» (тогда как над павшими в Херонее произносил речь Демосфен). После поражения афинян в Ламийской войне Антипатр потребовал выдачи Гиперида, который вынужден был бежать из Афин. Свидетельства о его смерти противоречивы, но бесспорно одно: и жизнью, и смертью Гиперид доказал силу своей ненависти к македонской власти.

Во взглядах Гиперида есть один аспект, который совершенно отсутствует в воззрениях других противников Македонии. Важно то, что эту мысль мы находим как в собственных речах Гиперида, так и в XVII речи Демосфенова Корпуса (что и служит нам основанием для признания авторства Гиперида).

В речи в защиту Евксениппа, говоря о вмешательстве Александра и Олимпиады в греческие дела, Гиперид так обращается к обвинителю Евксениппа: «Но когда они предъявляют афинскому народу несправедливые и неподобающие требования, вот тогда тебе следовало бы выступить в защиту города и возражать, и спорить с их посланцами, и отправиться на общий совет эллинов, чтобы помочь своему отечеству» (Pro Euxenipp., 20). Общий совет эллинов как основа возможного сопротивления Македонии — вот та оригинальная идея Гиперида, которой нет ни у кого из афинских ораторов. В сущности та же мысль выражена и в речи «О договоре с Александром». Вся речь выдержана в одном ключе: основой нормального существования является договор об общем мире, эллины призываются к борьбе с Александром как нарушителем этого договора. Здесь та же мысль — договор как легальная основа для сопротивления Македонии.

Черты своеобразия обнаруживают и взгляды Гиперида на внутриполитические проблемы. Мы уже отмечали, что после Херонеи именно Гиперид предложил такие крайние меры, как освобождение рабов, дарование гражданских прав метекам и возвращение изгнанников во имя продолжения борьбы с Македонией. Эти меры, хотя они и были порождены крайними обстоятельствами, отражали радикально-демократическую позицию Гиперида. Подчеркнем, что эта позиция не была случайным эпизо-

[50] *Hyperid.* C. Dem., 2, 13, 14, 17, 19, 21, 25.
[51] Ibid., 31; ср.: *Epitaph.*, 21.

дом в его деятельности, она — лишь наиболее яркое выражение его принципов, обусловленное остротой ситуации.

Принципиальное значение в этой связи имеет одно место в речи «В защиту Евксениппа», где Гиперид проводит четкое различие между ораторами и гелиастами, т. е. рядовыми афинянами. В самом таком противопоставлении нет ничего необычного, оно встречается и в других речах Гиперида, да и у иных ораторов, отражая, видимо, просто существующее положение. Гораздо важнее вытекающий из этого вывод: рядовые афиняне не могут вредить городу (Pro Euxenipp., 27). Признавая, таким образом, несовершенство политической структуры афинской демократии своего времени, Гиперид противопоставляет рядовых граждан как своего рода носителей позитивного начала ораторам, которые могут быть как положительными деятелями, так и отрицательными. При этом Гиперид считает, что ораторы, так сказать, положительного толка могут уничтожить «отрицательных» ораторов: «Ораторы подобны змеям: ведь и змеи все вызывают ненависть, но из самих змей одни приносят вред людям, а другие (неядовитые) поедают этих» (C. Demad., fr. 19, 5).

Подобные мысли противоположны, например, взглядам Эсхина, который и в добрую природу людей (включая, естественно, и афинских граждан) не верит, и ораторов в целом склонен оценивать негативно (см. ниже). Вместе с тем Гиперид разделяет в сущности почти всеобщее недовольство строем в Афинах, но это недовольство определяется иными исходными позициями, нежели у Эсхина или Демосфена.

Гиперид дважды развивает одну мысль; в первой речи в защиту Ликофрона он пишет: «Или разве есть в нашем государстве более демократическое установление, чем то, что умеющие выступать с речами решаются помогать гражданам, не способным говорить, когда те подвергаются опасности?» (фр. IV b, 10). Та же мысль звучит в речи «В защиту Евксениппа» (11) — союз и взаимопомощь рядовых афинян и определенной группы ораторов, народных ораторов. Заметим, что именно эта возможность решительно оспаривается Ликургом, как антидемократическая.

Далее, если мы вспомним основное положение, которым определялась внешнеполитическая программа Ликурга,— необходимость выжидания, поскольку полис, находящийся под властью врагов, сохраняет надежду на освобождение и возрождение и только разрушение города кладет конец всяким надеждам, то в этом контексте особое внимание привлечет мысль Гиперида, высказанная им в речи против Филиппида: «Многие города после полного разрушения вновь обретали силу» (фр. XXI, 8). Не следует ли подобные мысли Гиперида рассматривать как полемику внутри антимакедонского лагеря — подчиниться ли македонской власти в надежде на будущее возрождение или можно и нужно в этой борьбе идти до конца, поскольку даже после полного разрушения полис вновь может обрести силы. Ликург не хотел рисковать городом, Гиперид готов идти до конца.

Автор жизнеописания Гиперида отмечает, что Гиперид был в дружеских отношениях с Демосфеном, Ликургом и их сторонниками, но не остался таковым, имея в виду выступление Гиперида в качестве обвинителя

Демосфена по делу Гарпала [52]. Однако этот суд лишь завершил то постепенное расхождение между ними, начало которого восходит к более раннему времени. В этом плане весьма знаменательно, что Плутарх называет Гиперида «неизменным обвинителем» Демосфена наряду не с кем иным, как Эсхином (Dem., 12). Вероятнее всего, пути Гиперида и Демосфена стали расходиться после Херонеи. Причина крылась в различии позиций по ряду вопросов, а основной формой борьбы были политические процессы. Так, известно, что Гиперид защищал Ликофрона, которого обвинил Ликург; та же самая расстановка сил наблюдается и в деле Евксениппа.

Наконец, еще один важный нюанс политической мысли Гиперида отличает его и от Ликурга, и от Демосфена. Те придают большое значение происхождению подзащитных, т. е. в более общей, теоретической форме вопрос о происхождении занимает определенное место в их системе мировоззрения (при всех различиях между ними в других отношениях). У Гиперида мы встречаемся с мыслью, в корне противоположной этим представлениям. В «Эпитафии» он со страстью говорит о том, что афинянам не нужны отдельные родословные. Мысль оратора здесь предельно обнажена — происхождение афинских граждан в целом столь благородно, что какие-либо различия между ними на основании этого признака не могут иметь никакого значения. Это знаменует радикальный разрыв с существовавшей в Афинах системой ценностей, где, несмотря на весь демократизм политической структуры, благородство происхождения всегда оставалось признаком, в какой-то мере определявшим положение человека в обществе.

Те сведения о взглядах и деятельности Гиперида, которые можно извлечь из сохранившихся источников, показывают, что традиционная точка зрения, согласно которой самыми последовательными противниками Македонии выступали наиболее демократические слои греческих государств, в том числе и в Афинах, верна. Но, с другой стороны, именно позиция Гиперида заставляет усомниться в правомерности отождествления радикальной демократии с беднейшими гражданами. Вождь наиболее радикального крыла демократии Афин того времени — богатый человек, деловые интересы связывают его с одним из имущественных слоев Афин, а именно с теми гражданами, которые извлекали свои доходы прежде всего из эксплуатации Лаврионских рудников. Можно предполагать, что причины наиболее последовательной антимакедонской позиции этой группы имеют (во всяком случае, частично) и экономическую подоплеку — снижение эффективности разработки рудников Лавриона в связи с экономической политикой Александра (а еще ранее Филиппа, разрабатывавшего рудники в Пангее).

Итак, нет оснований говорить о какой-то единой антимакедонской партии в Афинах при Александре. Источники свидетельствуют, по крайней мере, о трех политических группах, достаточно сильно различающихся между собой. Эти различия касаются прежде всего оценки состояния Афин, перспектив дальнейшего развития полиса. Но за этими различиями, нахо-

[52] *Ps.-Plut.* Vit. X Or., 848 F.

АПОКСИОМЕН. Статуя работы Лисиппа. Третья четверть IV в. до н. э.

дящимися, так сказать, на поверхности, проглядывают более глубокие расхождения, связанные с отношением к некоторым сторонам политической и социальной структуры полиса. Кроме того, возможно предполагать связи руководителей этих групп с определенными имущественными слоями Афин, которые неизбежно накладывали какой-то отпечаток на их позиции. На этом фоне становятся более ясными нюансы в антимакедонской политике каждой из групп, готовность одних идти до конца в борьбе с Македонией или склонность других к определенным уступкам и компромиссам.

Столь же неоднородными были и ряды сторонников Македонии, тех, кого обычно в литературе называют македонской партией. Уже априори можно предполагать, что, помимо прямых наймитов македонских царей типа Демада, в Афинах действовали политические группы, которые были готовы пойти на блок с Македонией и даже были согласны на определенную степень подчинения ей, исходя из принципиальных соображений.

Группа Эсхина. К числу самих решительных сторонников Македонии историки безоговорочно относят Эсхина, которого, бесспорно, нельзя рассматривать как платного агента Македонии. Во всяком случае, его постоянный противник Демосфен тоже получал деньги из-за рубежа, что, однако, не дает оснований видеть в нем агента Персии (хотя такое мнение высказывалось).

Оценка Эсхина в общем зависит от суждений историков о Демосфене, хотя личность Эсхина и его деятельность и не вызвали такой же обширной литературы, такой страстности и полярности во мнениях, как Демосфен. Ни в общих трудах по истории Греции, ни в специальных исследованиях о Демосфене и Эсхине мы не найдем ничего, подобного тому восхищению, которое вызывала и продолжает вызывать фигура прославленного оратора и борца за свободу греков. Естественно, что у поклонников Филиппа, считающих, что македонский царь смог победить партикуляризм эллинов и объединить полисы, деятельность Эсхина находит полное одобрение. Так, Ю. Белох [53] относит его к числу тех деятелей, патриотизм которых не кончался на границах Аттики.

Сторонники греческой свободы и демократии судили об Эсхине более сурово, однако если одни писали об искренней убежденности Эсхина, то другие не верили в нее, полагая, что Эсхин предал родину. Слова «предатель», «наймит», «взяточник» и т. п. неоднократно прилагались к нему [54]. Однако многие исследователи придерживаются более умеренных взглядов, полагая, что Эсхин был искренне убежден в необходимости для Афин дружеских отношений с Македонией, превосходящей их в военном отношении. Указывается, что получение Эсхином подарков от Филиппа не доказывает его предательства, так как общественное мнение Греции IV в. до н. э. не видело ничего дурного, если политик получал несколько талан-

[53] *Beloch J.* Die attische Politik..., S. 182.

[54] Наиболее решительно: *Радциг С. И.* Демосфен — оратор и политический деятель.— В кн: Демосфен. Речи, с. 422, 480, 484 и др.; *Mossé Cl.* La fin de la démocratie..., p. 296, 446.

тов от иностранца, которому нравилась проводимая им политика; Эсхин был искренен в своих убеждениях, а у Филиппа не было нужды подкупать его — он привязал Эсхина к себе большей силой, чем деньги, ложь и предательство, поддерживая в нем наивную веру в то, что Афины с помощью Филиппа восстановят свое величие [55].

Фигура Эсхина не может вызывать особых симпатий, но историк должен стремиться к объективности. Эсхин не заслуживает таких определений, как предатель или агент. Это был, очевидно, убежденный в своей правоте и искренний в своей убежденности человек (что не исключает и влияния определенных личных моментов, симпатий и антипатий, которых, кстати, не чужд был и Демосфен). Кроме того, в литературе недооценивают и интеллект Эсхина. Конечно, он не принадлежал к числу глубоких умов своего времени, давшего блестящих мыслителей, но вряд ли правомерно всю деятельность Эсхина объяснять только его тщеславием и ограниченностью, и хотя его взгляды не отличаются большой оригинальностью и он не создал цельной политической доктрины, это, во всяком случае, не означает, что они вовсе не заслуживают рассмотрения.

Деятельность Эсхина и его сторонников, бесспорно, определялась достаточно отчетливой системой воззрений, определенное представление о которой можно получить, знакомясь с его речами. Правда, взгляды Эсхина на основные политические проблемы выражаются в них лишь попутно, в нападках на политических противников.

Наиболее кратко и определенно об Эсхине сказал один из его биографов: πολιτευόμενος οὐκ ἀφανῶς ἐκ τῆς ἐναντίας μερίδος τοῖς περὶ Δημοσθένη (Ps.-Plut. Vit. X Or., 840 B), подчеркнув тем самым сразу три важных момента: известность Эсхина, его враждебность Демосфену, связь обоих с определенными группами граждан.

Свидетельства о происхождении и имущественном положении Эсхина не совсем ясны, однако у нас нет оснований верить Демосфену и полагать, что Эсхин был низкого, чуть ли не рабского происхождения. По словам Демосфена, отец Эсхина был рабом и носил колодки и деревянный ошейник, а мать занималась «среди бела дня развратными делами» (XVIII, 129—131). Эти и подобные утверждения содержатся в речи «За Ктесифонта о венке», произнесенной Демосфеном в защиту Ктесифонта, внесшего предложение об увенчании Демосфена и обвиненного Эсхином в противозаконности действия. Обе речи — и Демосфена, и Эсхина — полны злобных и грубых выпадов друг против друга. Как уже отмечалось [56], Демосфен выступал в то время, когда отец Эсхина уже умер, мало кто из слушателей помнил о семье Эсхина, а главное, выступая в суде, Демосфен не боялся возражений со стороны Эсхина и дал волю своему воображению. Во всяком случае, показательно, что за 13 лет до этого процесса, когда Демосфен выступил обвинителем против самого Эсхина и говорил раньше

[55] Из последней литературы см.: *Orban M.* Eschine a-t-il trahi? — Les études classiques, 1976, XLIV, N 4, p. 337—348.

[56] *Adams Ch. D.* Introduction.— In: The Speeches of Aeschines/With an English Translation by Ch. D. Adams. London; Cambridge, Mass., 1948, p. VII sq.

него, в речи «О преступном посольстве», упоминая о бедности Эсхина (XIX, 249) и с иронией отзываясь о его матери, Демосфен ограничивается теми фактами, которые, видимо, и соответствуют действительности. Отец Эсхина был школьным учителем, мать — жрицей какого-то мистического культа (Dem., XIX, 199 sq., 249, 281). Что касается самого Эсхина, то он, естественно, и в речи «О преступном посольстве», и в речи «Против Ктесифонта» всячески восхваляет своего отца и других родственников [57]. Что касается имущественного положения, то родители Эсхина не были богаты (Aeschin., II, 147). В общем, как замечает Псевдо-Плутарх, «ни по происхождению, ни по богатству он не принадлежал к знати» [58].

Первоначально Эсхин выступает как противник Македонии, но со временем меняет свою позицию [59]. В его речах мало прямых восхвалений Филиппа и Александра, однако много всякого рода высказываний, которыми он стремится как-то оправдать действия македонских царей. Показательно его отношение к разрушению Фив Александром. Красочно описывая несчастья города, Эсхин вместе с тем проводит отчетливо одну мысль: в несчастьях Фив виноват не Александр, которого вынудили так поступить, а Демосфен, спровоцировавший его. Подобный прием характерен для Эсхина.

Если говорить о политических взглядах Эсхина, то прежде всего бросается в глаза, что он постоянно подчеркивает свою приверженность демократии. Так, говоря о своем происхождении и родственниках, он перечисляет их заслуги перед демосом. В частности, его отец пострадал при тирании тридцати; он потерял тогда все имущество и был изгнан, но «содействовал восстановлению демократии», а мать, вместе с мужем бежав в Коринф, «пережила с ним все государственные бедствия» [60].

Однако понимание Эсхином демократии отличалось от понимания ее, например, Ликургом или Гиперидом. Отличие от Ликурга (и сходство с Демосфеном) заключается в том, что Эсхин резко выражает недовольство нынешним состоянием демократии в Афинах, подчеркивая, что оно очень отличается от того, что было раньше, и ссылаясь при этом на своего отца, который на досуге часто рассказывал сыну о прошлом (III, 191 sq.). Подобное противопоставление худого настоящего славному прошлому обычно в афинской политической мысли IV в. до н. э., но у Ликурга, например, этого нет, у Эсхина же оно весьма сильно выражено: «Теперь уничтожено все то, что прежде единодушно признавали прекрасным» — в те времена, «когда государство управлялось лучше и имело лучших руководителей» [61].

Есть еще один нюанс, отличающий Эсхина от других современных ему

[57] *Aeschin.*, II, 78, 147—149; III, 191.

[58] *Ps.-Plut.* Vit. X Or., 840 A. О происхождении и состоянии Эсхина см.: *Davies J. K.* Op. cit., p. 544—547 (там же — библиография).

[59] *Ps.-Plut.* Vit. X Or., 840 F; *Aeschin.*, II, 79; ср.: *Dem.*, XIX, 10 sq., 302 sqq., 310 sqq.

[60] *Aeschin.*, II, 78, 147 sq. См.: ВДИ, 1962, № 3. *Здесь и далее пер. Н. И. Новосадского, сверенный К. М. Колобовой.*

[61] *Aeschin.*, III, 3, 154; то же — III, 178. См.: ВДИ, 1962, № 4. *Здесь и далее пер. Л. М. Глускиной.*

политических деятелей: он критикует прошлое — и эта критика весьма показательна. Так, Эсхин обрушивается на вождя радикальной демократии конца Пелопоннесской войны Клеофонта, который, «как говорят, погубил наш город» и которого Эсхин (кстати сказать, несправедливо) обвиняет в рабском происхождении (его многие «помнят с оковами на ногах») и в том, что он противозаконно попал в число граждан [62]. Это уже само по себе весьма знаменательно, но еще важнее, как представляет себе Эсхин демократию, в чем, по его мнению, заключается отличие современного ему строя в Афинах от настоящей демократии, в чем Эсхин видит причину происшедших изменений.

Мысли Эсхина, однако, выражены в такой форме, которая затрудняет понимание данного вопроса, поскольку он противопоставляет истинного приверженца демократии Демосфену (III, 168). Но и сквозь шелуху инвектив вырисовывается все же достаточно отчетливо образ настоящего демократа, как его понимает Эсхин. Его характеризуют следующие качества: «Во-первых, он должен быть человеком хорошего происхождения и со стороны отца, и со стороны матери. Это для того, чтобы он из-за неприятностей, связанных с происхождением, не относился враждебно к законам, охраняющим демократический строй. Во-вторых, у него должны быть предки, совершавшие что-либо хорошее для народа или уж, во всяком случае, не питавшие к народу вражды. Это для того, чтобы он, мстя за неудачи своих предков, не стремился причинить вред нашему государству» (III, 169). Подтекст здесь довольно прозрачен: хорошее происхождение, заслуги перед полисом — все это подразумевает верхний слой афинского гражданства, конечно достаточно широкий, но все же верхний.

«В-третьих,— утверждает Эсхин,— он должен быть рассудительным и скромным в своей повседневной жизни, для того чтобы из-за безудержной расточительности не брать взяток и не действовать вопреки интересам народа» (III, 170). Подобный идеал хозяина, разумно ведущего свое хозяйство, не допускающего расточительности, находится в полном соответствии со старыми полисными традициями.

«В-четвертых,— продолжает Эсхин,— он должен быть благоразумным человеком и искусным оратором. Ибо хорошо, когда рассудительность оратора помогает ему выбирать наилучшие решения, а его образованность и красноречие убеждают слушателей. Если же оба качества не соединены в одном человеке, то благоразумие всегда следует предпочесть красноречию» (III, 170). Здесь тоже имеется в виду представитель верхушки афинского общества, ибо ораторы, как правило, не принадлежали к низам и образование, необходимое для их деятельности, не было доступно широким кругам демоса. Подтверждение мы находим в дальнейшем, когда Эсхин сравнивает эту «идеальную модель» с Демосфеном. У Эсхина возмущение вызывает отнюдь не богатство Демосфена, а то, как бессмысленно он его тратит: «смехотворным образом растратив отцовское наследство», он хотя затем и «извлек из своей политической деятельности огромные день-

[62] *Aeschin.*, II, 76 ; III, 150; *Vanderpool E.* Kleophon.— Hesperia, 1952, XXI, N 2' p. 114 sq.; ВДИ, 1962, № 3, с. 264, примеч. 41.

ги», но «сделал лишь ничтожные сбережения», так как по природе расточителен и ему не хватит никаких богатств (III, 173).

Рассмотрим теперь представления Эсхина о демократии вообще. Свое понимание демократии он излагает довольно подробно дважды — во вводных частях речей «Против Тимарха» и «О венке», и уже одно это показывает (особенно если учесть, что сохранились только три речи Эсхина), какое место в его взглядах занимают развиваемые здесь положения. Эсхин говорит о трех типах государственного устройства: тирании, олигархии, демократии. Основное различие между двумя первыми и демократией он видит в том, что «тирании и олигархии управляются личной волею правителей, а государства с демократическим строем — установленными законами»; «безопасность граждан демократического государства и его политический строй охраняют законы» [63]. Именно законы — подлинная основа демократии. К этой мысли Эсхин обращается неоднократно (III, 2, 6, 36, 233 и др.). Он не верит в добрую природу людей и считает, что человека надо постоянно держать в узде посредством законов: «Ведь именно потому, что люди совершают неподобающие поступки, древние и установили в конце концов свои законы» (I, 13). Однако раньше люди были лучше, чем теперь, и государственный строй более полно отвечал демократическим принципам. Сейчас же, во время Эсхина, демократия находится под угрозой. Причина этого — «страсть к чувственным наслаждениям и постоянная неудовлетворенность» (I, 191). Сила этих стремлений столь велика, что она «пополняет шайки разбойников и поставляет экипажи для пиратских кораблей... побуждает людей резать глотки своим согражданам, прислуживать тиранам и принимать участие в ниспровержении демократии» (там же). Настало такое время, что «люди не считаются ни с позором, ни с наказанием, которому они подвергнутся. Нет, удовольствия, которым они могут предаться в случае успеха,— вот что их прельщает» (там же).

В результате изменяются не только люди — меняется и сам демократический строй: «демократия... уже ускользает от вас» (III, 249), «народное собрание в пренебрежении», «народ же в отчаянии от случившегося, как будто одряхлев или утратив разум, только по имени представляет демократию» (III, 250 сл.). Это происходит потому, что законы оказываются в пренебрежении. И здесь мы подходим к важнейшему в системе взглядов Эсхина вопросу: в чем опасность такого положения? Опасность заключается в том, что в Афинском государстве решения народного собрания стали играть более важную роль, чем традиционные законы. Эта проблема представляется ключевой для Эсхина. «Однако от вас одних зависит теперь, чтобы эти законы были полезными или бесполезными» [64]. Вновь и вновь возвращаясь к мысли об исполнении или неисполнении законов, Эсхин утверждает, что афинские законы — самые лучшие, но на народных собраниях и в заседаниях судов «вы даете увлечь себя в сторону хитростями и похвальбой и позволяете совершаться во время судебных процессов

[63] *Aeschin.*, I, 4 sq. См.: ВДИ, 1962, № 3. *Здесь и далее пер. Э. Д. Фролова.*
[64] *Aeschin.*, I, 36; та же мысль — I, 177.

СТАТУЯ ЮНОШИ С О. АНТИКИФЕРА. Третья четверть IV в. до н. э.

самым страшным злоупотреблениям» (I, 178). В результате «упраздняются законы, рушится демократия» (I, 179). Так Эсхин говорит в речи против Тимарха.

Еще более яркая картина разрушения демократического строя нарисована в начале речи против Ктесифонта, где указывается, что все это происходит потому, что судят не по законам (т. е. не в суде), а на основании псефисм, т. е. решений народного собрания (III, 4). Более всего виновны в этом ораторы типа Демосфена. Оратор в народном собрании — одна из главных мишеней в речах Эсхина. Ораторы хитросплетениями своей мысли и интригами уводят граждан Афин от прямого пути следования законам, заставляют их уступать свою власть немногим, и, «подчиняя себе простых людей и добиваясь для себя самовластия», «считают, что государство является уже не общим, но их личным достоянием»; они-то и «уничтожили судебные разбирательства по законам» (III, 3 сл.).

Эти воззрения Эсхина носят если не прямо олигархический, то близкий к нему характер. Здесь мы сталкиваемся со старой дилеммой политической мысли греков: противопоставлением закона решению народного собрания, псефисме. Как уже указывалось выше, это была в сущности проблема суверенитета народного собрания. И Эсхин отчетливо стоит на позициях отрицания суверенитета экклесии, т. е. оказывается решительным противником наиболее последовательных кругов демократии.

Но он не ограничивается лишь общими теоретическими рассуждениями: в Афинском государстве есть определенная категория людей, наживающихся на войне и вообще на всякого рода обострении обстановки, утверждает Эсхин (II, 161), имея в виду демократических лидеров. Говоря о поборниках мира, он подразумевает в данном случае Филократа и вспоминает процесс против него, когда по обвинению во взяточничестве против Филократа выступил не кто иной, как Гиперид. Война — явная угроза демократии. Эта мысль доказывается обширным историческим экскурсом (II, 172—176), который оратор начинает с греко-персидских войн. По его мнению, история Афин убеждает в том, что война приводила к гибели демократии, мир — к ее укреплению. Что же касается современной ему эпохи, то «демократия расцвела и опять усилилась, но явились самозванные граждане, которые постоянно привлекали к себе нездоровые элементы государства. Своей политикой они вызывали войну за войной... Идею демократии они уважали только в своих льстивых речах, а своими поступками старались нарушить мир, благодаря которому сохраняется демократия, и вызывали войны, вследствие чего демократия ниспровергается» (II, 177).

Сказанное позволяет видеть в Эсхине выразителя определенных тенденций, определенного направления в политической жизни Афин того времени. Политическая мысль Эсхина определялась, видимо, интересами какой-то группы имущественной верхушки афинского полиса. Эта группа в силу неясных нам причин не была заинтересована во внешней экспансии, связанной с демократическим направлением в Афинах, отсюда — ее ставка на мир, что в условиях того времени вело к союзу с Македонией и даже подчинению ей в рамках этого союза. Во внутриполитической сфе-

ре она резко настроена против тех крайних форм, которые демократия приняла в это время, хотя Эсхин свою нелюбовь к демократии обряжает в демократические одежды, выступая защитником «истинной» демократии против существующей. В конкретной ситуации, сложившейся после Херонеи, объективно политика этой группы отчасти совпадала с политикой группы Ликурга; обе они стояли за мир, против активной внешней политики, хотя, очевидно, и по разным причинам.

Группа Фокиона. К сожалению, очень немного можно сказать о Фокионе и его группе. К тому же самые яркие факты, характеризующие позицию Фокиона, относятся к несколько более позднему времени — после окончания Ламийской войны. Однако представляется возможным использовать и их как практическое выражение тех умонастроений, которые сложились уже давно, но смогли найти воплощение только в благоприятный момент, т. е. после победы Македонии, поставившей Афины под ее прямой контроль.

Единственным сколько-нибудь полным источником для понимания взглядов и характера деятельности Фокиона является его биография, написанная Плутархом [65].

Насколько можно представить себе политические воззрения Фокиона, они определялись несколькими моментами. Во внешней политике его позиция заключалась в стремлении не обострять отношения с Македонией, но было бы совершенно неправильно считать, что Фокион исходил из интересов Македонии, а не по-своему понятых интересов афинского полиса. Древние достаточно отчетливо сознавали разницу между Фокионом как государственным деятелем, руководителем определенной политической группы, имеющей свое собственное лицо, и такими прямыми наемниками Македонии, каким стал, например, Демад (Plut. Phoc., 1). Плутарх называет Фокиона «порядочным человеком и государственным мужем» и, объединяя его с Катоном, характеризует таким образом: «Но высокие качества Катона и Фокиона, до последних, самых мелких особенностей, несут один и тот же чекан и образ, свидетельствуют об одних и тех же оттенках характера: в равных пропорциях смешаны в обоих строгость и милосердие, осторожность и мужество, забота о других и личное бесстрашие, одинаково сочетаются отвращение ко всему грязному и горячая преданность справедливости...» (Phoc., 3).

Фокион, насколько мы знаем, всегда старался сохранить мир. В самой общей форме об этом свидетельствует Плутарх: «он постоянно, если стоял у власти, стремился направить государство к миру и покою» (Phoc., 8). Так, как-то он высмеял некоего Полиевкта, когда тот убеждал афинян начать войну против Филиппа (Phoc., 9). Вполне понятна поэтому враж-

[65] Из биографий Плутарха жизнеописание Фокиона является одним из самых сложных с точки зрения исторической достоверности. Именно Плутарху в значительной мере обязана идеализацией и морализирующей тенденцией старая литература о Фокионе. О Плутарховой биографии Фокиона см.: *Gehrke H.-J.* Phokion. Studien zur Erfassung seiner historischen Gestalt. München, 1976, S. 232—236 (там же — библиография). Перевод дается по изд.: *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. М., 1964, т. III.

дебность его отношений с Демосфеном, которого Плутарх называет «одним из его противников на государственном поприще» (Ibid.). Когда афиняне уже начали «открытую борьбу» с Филиппом, он пытался «убедить народ принять предложенное македонским царем перемирие», перед Херонеей решительно противился военным действиям и «считал нужным подчиниться всем требованиям Филиппа» (Phoc., 16). Показательно и отношение Фокиона к вступлению Афин в Коринфский союз, когда вопреки предложению Демада он советовал выждать, «пока не станет известно, какие условия предложит Филипп грекам» (Ibid.).

После смерти Филиппа Фокион возражал Демосфену, организовывавшему силы сопротивления Македонии, и соглашался на выдачу десяти руководителей антимакедонского лагеря по требованию Александра после разрушения им Фив в 335 г. до н. э., за что Ликург осыпал его в экклесии «хулой и упреками» (Phoc., 9, 17). Фокион советовал афинянам выполнить волю Александра, когда македонский царь потребовал прислать ему триеры (Phoc., 21), а после смерти Александра, «видя, что народ склонен к мятежу и перевороту, пытался утихомирить сограждан», «до крайности» был недоволен Леосфеном, готовившим силы для войны с Македонией, и всячески противился этой войне (Phoc., 22 sq.).

Приведенные факты показывают, что это была вполне сознательная политика, последовательно проводимая Фокионом. Стремясь любой ценой не обострять отношений ни с кем, и прежде всего с Македонией, Фокион, очевидно, исходил из соотношения сил, как он их оценивал. Доказательства этому мы находим все в той же Плутарховой биографии Фокиона. Рассказывая о том, как афиняне желали решить пограничный спор с беотийцами не судом, а войной, Плутарх пишет, что «Фокион советовал им состязаться словами, в которых они сильнее, а не оружием, в котором сила не на их стороне» (Phoc., 9). И второй факт, быть может, еще более показательный: после смерти Александра, когда в Афинах шли активные приготовления к войне и многие восхищались силой набранного войска, Фокион выступил против войны на том основании, что больше у города «нет ни денег, ни кораблей, ни гоплитов» (Phoc., 23). Поддержку своей политике он находил в прошлом, когда предки, «то начальствуя, то подчиняясь, но одинаково хорошо исполняя и то и другое, спасли и свой город, и всю Грецию» (Phoc., 16).

Страх, что борьба с Македонией приведет его родной город к гибели, наложил отпечаток на всю политическую деятельность Фокиона. Это отчетливо проявилось, например, в поведении Фокиона во время фиванских событий. Когда македонское войско еще подходило к Фивам, Фокион, по словам Плутарха, сказал Демосфену, осыпавшему бранью Александра: «Или, может, ты хочешь, раз уж поблизости пылает такой громадный пожар, поджечь заодно и наш город? Но я ради того и принял должность стратега, чтобы не дать этим людям погибнуть». В разгар споров в экклесии, вызванных требованием Александра выдать ему его противников, Фокион поднялся с места, поставил рядом с собой одного из друзей, которого сильнее всех любил, и сказал, указывая на него: «До такой крайности довели глупцы и негодяи наш город, что если кто потребует

выдать даже его, Никокла, я посоветую выдать, ибо и сам я счел бы для себя счастьем, если бы мог умереть ради вас всех» (Phoc., 17).

Вместе с тем, когда Фокиону как стратегу приходилось командовать войсками полиса, он вел военные действия энергично и часто весьма успешно. Фокион, в частности, отличился на Эвбее, именно его руководству приписывался успех в 340 г. до н. э. в Византии и Перинфе (Phoc., 12—14). Источники Плутарха согласно сообщают, что он занимал должность стратега 45 раз (Phoc., 8).

Еще один аспект внешнеполитической программы Фокиона — стремление перенести македонскую агрессию на Восток. Возможно, испытывая влияние идей Исократа [66], Фокион чисто прагматически подходил к проблеме. Во всяком случае, характер сообщения Плутарха склоняет к такому толкованию его мыслей. Говоря о переговорах Фокиона с Александром, Плутарх передает такой совет Фокиона: «Советовал же он положить войне конец, если Александр жаждет мира, или же увести ее из греческих пределов и взвалить на плечи варварам, если он стремится к славе» (Phoc., 17).

Во внутриафинской политической жизни позиция Фокиона тоже достаточно определенна. Бесспорно, он был весьма далек от настоящего демократизма. То большое внимание, которое уделяет Плутарх противоречиям между Фокионом и афинским демосом (хотя иногда и описывает их в утрированной форме), ясно свидетельствует об антидемократизме Фокиона: «Фокион беспрерывно перечил афинянам, никогда ни в чем не угождал им ни словом, ни делом» (Phoc., 8). Отметим, что не кто иной как Гиперид обвинял Фокиона во взяточничестве, написав против него речь, и хотя иск, очевидно, был несправедлив и суд оправдал Фокиона [67], важно другое — кто именно поставил под сомнение честность Фокиона, возбудив против него судебный процесс.

Логическое завершение эта антидемократическая позиция нашла в правлении Фокиона после поражения греков в Ламийской войне, когда была проведена важнейшая реформа, в результате которой беднейшая часть афинских граждан лишилась своих прав [68]. Хотя изменение государственного устройства было проведено по настоянию Антипатра, потребовавшего восстановления строя предков, что понималось как введение имущественного ценза (Phoc., 27), реформа отвечала, несомненно, и настроениям Фокиона. Во всяком случае, и он и его политические друзья, участвовавшие в переговорах о мире (за исключением философа Ксенократа) нашли условия Антипатра «мягкими и остались довольными» (Phoc., 27). Фокион, настаивавший на некотором изменении условий мирного договора (он просил не вводить гарнизона в Афины), относительно данного требования протестов не заявлял. Может быть, изменение конститу-

[66] См.: *Gehrke H.-J.* Op. cit., S. 26, 222.
[67] *Ps.-Plut.* Vit. X Or., 850 B; ср.: *Plut.* Phoc., 4.
[68] Источники дают разное число их (см.: *Plut.* Phoc., 28; *Diod.*, XVIII, 18,5). Здесь не место касаться сложного вопроса о политическом строе Афин при Фокионе. Из последней литературы см.: *Mossé C.* Athens in Decline..., p. 99 f.; *Gehrke H.-J.* Op. cit., S. 92—97.

ции, с точки зрения Фокиона, и было чересчур радикальным, но то, что оно шло в одном русле с его взглядами, несомненно.

Более сложен вопрос о том, интересы каких социальных слоев гражданства выражал Фокион. Рассказывая о том, что происходило в Афинах после Херонеи, Плутарх противопоставляет «смутьянов и бунтовщиков» «лучшим гражданам», которые испугались, что стратегом станет Харидем, но так как их поддержал Совет Ареопага, то с большим трудом им «удалось убедить афинян вверить судьбу государства Фокиону» (Phoc., 16). Во время суда над Фокионом «лучшие из граждан» «закрыли лица, поникли головами и заплакали», а когда один из них выступил в защиту Фокиона и его друзей, «толпа» заревела от возмущения, раздались крики, что надо побить камнями «приверженцев олигархии и врагов демократии» (Phoc., 34). О казни Фокиона скорбели «всадники» (Phoc., 37).

Итак, согласно Плутарху, сторонники Фокиона — «лучшие граждане», враги же характеризуют Фокиона и его друзей как олигархов и противников демоса. Трудно сказать, насколько точна социальная терминология Плутарха. В конечном итоге она зависит от его источников, но они не всегда даже указаны. В самой общей форме ясно, что Фокиона поддерживала какая-то часть собственников, причем отнюдь не демократического толка. Однако приведенные данные Плутарха столь общи, что на основе их одних сделать более определенные выводы нельзя. Но есть еще одна возможность выявить более точно тот слой граждан, на который ориентировался в своей деятельности Фокион и интересы которого он выражал. С нашей точки зрения, это — выяснение того идеала государственного деятеля, которому хотел следовать Фокион.

В образе жизни, одежде, соблюдении традиционных норм поведения он стремился подражать древним. Проявлялось это и в подчеркнутой бедности домашней обстановки, гордости своей бедностью, нападках на роскошь (Phoc., 4, 18—20, 30). Фокион многократно отказывался от подарков Александра и Антипатра (Phoc., 18, 30). Показательно также его стремление воспитывать сына в соответствии со спартанскими принципами, в которых, судя по Плутарху, его привлекала прежде всего строгость (Phoc., 20).

И в своей государственной деятельности Фокион стремился следовать примерам прошлого. Это было время, когда «вершители общественных дел», говоря словами Плутарха, «словно по жребию разделили между собою поприща военное и гражданское», время четкого отделения стратегов как военных руководителей от ораторов как руководителей политических, и деятельность Фокиона была, видимо, и в этом отношении настолько тогда уже необычна, что Плутарх (а вернее, его современный Фокиону источник) специально отметил, что «Фокион желал усвоить сам и возродить к жизни обычаи и правила Перикла, Аристида, Солона, считая их совершенными, поскольку этими правилами охватывались обе стороны государственной жизни» [69].

[69] *Plut.* Phoc., 7; ср.: *Perlman S.* The Politicians in the Athenian Democracy..., p. 352; *Idem.* Political Leadership in Athens in the Fourth Century B. C.— PP, 1967, fasc. CXIV, p. 170.

Таким образом, можно с полным основанием говорить о цельности натуры Фокиона — человека и государственного деятеля, ориентировавшегося на традиционную, но уже частично отжившую или, вернее, отживавшую систему ценностей.

Но у Плутарха есть еще два замечания, позволяющие уточнить картину. Отказываясь от подарков Александра, Фокион указывает, в частности, на то, что он не сумеет воспользоваться царскими деньгами и они будут лежать у него «без всякого проку» (Phoc., 18). В условиях Афин того времени с их высоким уровнем развития товарно-денежных отношений, широкими возможностями использовать деньги для торговли, ростовщичества, разработок Лаврионских рудников такой ответ свидетельствует о социально-психологическом стереотипе, ориентированном на определенную систему ценностей — систему традиционных представлений сельского хозяина, крестьянина, менее, чем другие слои афинского общества, связанного с рынком. Уже после окончания Ламийской войны и установления нового государственного строя Фокион «беспокойным, бунтарям, которым уже само отстранение от власти, от шумной деятельности, сильно поубавило пыла, советовал побольше сидеть в деревне и целиком отдаться сельским работам» (Phoc., 29). Этот совет тоже весьма красноречив — он выражает традиционные представления античного мира о земледелии как наиболее достойном гражданина занятии, как той физической и моральной школе, которая способствует выработке единственно правильного взгляда на мир и жизнь.

Подводя итоги, выскажем в самой гипотетической форме предположение, что в своей деятельности Фокион ориентировался прежде всего на средних земельных собственников Аттики [70]. Возможно, это отчасти объясняется и «средним» происхождением Фокиона [71]. Это предположение можно подкрепить еще одним соображением. В последнее время в литературе все больше укрепляется мысль о том, что в IV в. до н. э. (вопреки тому, что писали ранее) не происходило массового обезземеливания крестьян [72]. Хотя при этом, как обычно бывает при опровержении устоявшегося мнения, несколько, по-видимому, преувеличивают стабильность земельных отношений в Аттике, в целом новая картина несомненно более верно отражает действительность, чем господствовавшие ранее взгляды. Кроме того, следует учесть, что в 30-е годы IV в. до н. э. аттическое земледелие переживало кратковременный подъем, вызванный в значительной мере трудностями с доставкой зерновых в Грецию. Этот подъем должен был благоприятно сказаться на состоянии крестьян, увеличить их благо-

[70] См.: *Mossé Cl.* La fin de la démocratie..., p. 290.
[71] *Plut.* Phoc., 4; ср.: *Davies J. K.* Op. cit., p. 559; *Gehrke H.-J.* Op. cit., S. 1 ff.
[72] *Finley M. I.* Studies in Land and Credit in Ancient Athens, 500—200 B. C. The Horos-Inscriptions. New Brunswick, 1952; *Андреев В. Н.* Вопрос о концентрации земли и обезземелении крестьянства в Аттике в IV в. до н. э.— Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Ист.-филол. ф-т, 1958, т. 164, ч. III, с. 59—88; *Глускина Л. М.* О специфике греческого классического полиса в связи с проблемой его кризиса.— ВДИ, 1973, № 2, с. 28.

состояние (во всяком случае, более богатой их части) [73], а вместе с этим и их чувство уверенности в себе, уважения к своим традиционным ценностям. Не исключено, что Фокион ориентировался именно на этот слой афинского гражданства и его взгляды отвечали их интересам и настроениям: ограниченность права гражданства, т. е. цензовая конституция, неприязнь к богачам, особенно городским богатеям — носителям совершенно иных социально-психологических настроений, желание ограничить заморскую политическую активность, которая мало могла дать крестьянину, стремление к миру, который способствует развитию сельского хозяйства. Вместе с тем неприязнь к низам городского гражданства, тем, кого обычно называют «корабельная чернь», могла привлекать к группе Фокиона симпатии и богатых землевладельцев типа Фениппа, которые в трудные годы наживались на спекуляции хлебом и зерном.

Рассмотрение взглядов промакедонских группировок в Афинах приводит нас в сущности к тем же самым выводам, что и анализ позиций антимакедонских группировок: нет никаких оснований считать, что в Афинах того времени действовала единая македонская партия. Существовал блок различных сил, включавший как прямых наймитов Филиппа и Александра, так и политические группы, которые в силу тех или иных причин считали, что борьба с Македонией пагубна для их полиса, что настоятельная жизненная необходимость требует, чтобы Афины прекратили активную внешнюю политику и следовали в фарватере политики македонской. Вместе с тем в некоторых вопросах позиции промакедонских и антимакедонских группировок оказывались близкими.

Все это помогает, как кажется, правильнее представить характер политического развития Афин в годы от битвы при Херонее до Ламийской войны. Если мы освободимся от миража противостояния двух партий и будем рассматривать ход политического развития как в известной мере результат сложного взаимодействия различных сил в каждом конкретном случае, то такой подход, видимо, отразит реальность более адекватно, чем упрощенная схема борьбы антимакедонской и промакедонской партий.

Попытаемся сопоставить сделанные конкретные наблюдения и выводы с результатами, которые были достигнуты учеными, изучавшими характер политической борьбы в Афинах.

В освещении этой проблемы в течение долгого времени господствовали модернистские взгляды. Например, политическую борьбу в Аттике времени Солона анализировали с точки зрения борьбы трех классов, выразителями интересов которых считали три партии: педиеев, паралиев и диакриев. Классы (и соответствующие им партии) рассматривались в контексте социального развития, удивительно напоминавшего социальное развитие Европы при переходе от средневековья к новому времени [74].

[73] В речи против Фениппа Демосфенова Корпуса говорится о богачах, которые производят много зерна и вина и продают их втрое дороже, чем раньше (*Ps.-Dem.*, XLII, 31; ср. XLII, 21). См. также: *Mossé C.* Athens in Decline..., p. 94 f.; *Démosthène.* Plaidoyers civils/ Texte établi et traduit par L. Gernet. P., 1957, t. II, p. 77.

[74] Подробнее см.: *Зельин К. К.* Борьба политических группировок в Аттике в VI веке до н. э. М., 1964, с. 7—16.

Политическое развитие Поздней Римской республики тоже изучали прежде всего как противоборство двух партий (оптиматов и популяров) чуть ли не современного типа [75].

Интересующий нас период не избежал общей участи. Политическая борьба в Афинах того времени рассматривалась главным образом под углом зрения противоборства двух партий — промакедонской и антимакедонской, причем, как уточнил Белох, за антагонизмом этих партий скрывался «антагонизм между собственниками и неимущими» [76]. Правда, Белох сам вынужден был признать, что реальная картина более сложна, чем предложенная им схема, и говорил о четырех «партийных оттенках» (Parteischattierungen): македонско-консервативном (во главе с Фокионом), македонско-радикальном (Демад), антимакедонско-консервативном (Ликург), антимакедонско-радикальном (Демосфен). Белох создал концепцию «компромиссного правительства», которое управляло Афинами в результате соглашения между партиями.

Идею Белоха о компромиссном правительстве, которое находилось в Афинах у власти до процесса Гарпала, принял Фергюсон [77]. Для него — это коалиционное правительство, в котором объединились аристократы и демократы; но затем у Фергюсона появляется еще одна группа — радикалы, которые подняли народ против Демосфена. Тарн [78] предполагает наличие четырех партий: олигархов (под руководством Фокиона), партии умеренных собственников, во главе которых стоял Демад; радикалов (с вождем Гиперидом) и самой важной из них — демократической партии, объединявшей и богатых, и бедных. Тарн также пишет о коалиционном правительстве, которое (правда, с перерывами) управляло Афинами с 338 по 324 г. и в котором объединились все партии, кроме радикалов. Глотц и Коен [79] рисуют картину расстановки сил, сходную со схемой Белоха: большинство аристократов и буржуазии были связаны с Македонией, защитницей установленного порядка; большинство демократов и пролетариев были враждебны им. В Афинах действовали четыре партии: промакедонские и антимакедонские консерваторы, промакедонские и антимакедонские демократы. В общем, если (как оговариваются Глотц и Коен) не бояться грубого анахронизма, ситуацию можно обобщить в таких терминах: подчинение было принято правыми и крайними левыми, выдержка или борьба — правым центром, левыми оппортунистами и левыми радикалами. На базе известного соглашения всех сил создалось переходное правительство.

Во всех перечисленных трудах, отмеченных явной печатью модернизма, не учитывается в должной мере специфика политической организации афинского демократического полиса — политическая борьба и система

[75] Подробнее см.: *Утченко С. Л.* Юлий Цезарь. М., 1976, с. 48—50.
[76] *Beloch J.* Op. cit., S. 248—250; *Idem.* Griechische Geschichte. 2. Aufl. Berlin; Leipzig, 1925, IV, 1, S. 52—54.
[77] *Ferguson W. S.* Op. cit., p. 7 sq., 11—14.
[78] *Tarn W. W.* Op. cit., p. 440, 445 sq., 448—450.
[79] *Glotz G., Cohen R.* Alexandre le Grand et la conquête..., p. 196—198, 206—209, 212, 217.

управления рассматриваются по образу и подобию буржуазной парламентарной республики, откуда и идет идея компромиссного, коалиционного, переходного правительства. Политические партии считаются прямыми выразителями интересов определенных классов, при этом классы лишены всякой специфической характеристики и определяются как «богатые» и «бедные», а поскольку источники не позволяют сводить все к борьбе двух партий, то внутри партий появляются различные крылья и оттенки.

Упрощенно-модернизаторский подход, уподобление в той или иной степени афинской рабовладельческой республики буржуазным парламентарным республикам, классов античного общества — классам общества капиталистического, форм политической борьбы, характерных для полиса,— формам политической борьбы, свойственным современному буржуазному обществу, вызвали естественную реакцию, выразившуюся в появлении ряда работ, авторы которых стоят на подчеркнуто «демодернизаторских» позициях. Характерно, что подобная реакция наблюдается при исследовании политической борьбы и политических «партий» в различные периоды античности. Так, в изучении политической борьбы в Аттике времени Солона реакцией на модернизаторские построения стала статья Сили «Регионализм в архаических Афинах» [80]. По мнению Сили, «в истории политической борьбы в архаических Афинах ничего нельзя объяснить классовыми интересами и классовой борьбой — желанным ключом является понятие регионализма, т. е. борьба местных интересов» [81]. Аналогичный подход к политической борьбе и политическим «партиям» наблюдается в изучении времени конца Римской республики [82].

В том же самом направлении в западной литературе настоящего времени идет и пересмотр проблемы политической борьбы и политических «партий» в Афинах IV в. до н. э. Наиболее показательны и важны работы уже упомянутого Сили [83] и Перлмана [84]. Суть их взглядов заключается в следующем. Опираясь на выводы ряда ученых, прежде всего Джонса в его «Афинской демократии», они считают, что основу демократического режима Афин, стабильного по своему характеру, составляли большинство граждан — класс средних собственников. В Афинах имелось небольшое число очень богатых людей и небольшое число бедных, но они играли незначительную роль, подавляемые массой «среднего класса». Но и богатые собственники — промышленники, торговцы, денежные люди — были заинтересованы в демократии, так как одной из основ ее внешней политики было сохранение влияния Афин на греческий мир, которое открывало им рынки. Конституционно крайняя, по своей социальной структуре афинская демократия была умеренной. Умеренность составляла и ос-

[80] *Sealey R.* Regionalism in Archaic Athens.— Historia, 1960, IX, H. 2, p. 155—180.
[81] *Зельин К. К.* Указ. соч., с. 29.
[82] См.: *Утченко С. Л.* Указ. соч., с. 50.
[83] *Sealey R.* Athens after the Social War.— JHS, 1955, LXXV, p. 74—81; *Idem.* Callistratos of Aphidna and His Contemporaries.— Historia, 1956, V, N 2, p. 178—203.
[84] *Perlman S.* The Politicians in the Athenian Democracy..., p. 327—355; *Idem.* The Causes and the Outbreak of the Corinthian War.— CQ, 1964, XIV, N. S., N 1, p. 64—81; *Idem.* Political Leadership..., p. 161—176.

нову, руководящий принцип политики ее вождей. Политические группы (factions) в Афинах IV в. до н. э. не являлись политическими партиями с противоположными социально-экономическими программами (в современном смысле этого слова). Лидеры этих групп не принадлежали к различным социальным классам, но были все выходцами из «среднего» или «высшего среднего класса», и борьба между ними не вызывалась какими-либо глубокими, принципиальными расхождениями в решении основных социальных и экономических проблем, они не придерживались на этот счет различных мнений, и их речи свидетельствуют, что они не старались осуществить широкие социальные и экономические изменения. Взаимные конфликты между лидерами и возглавляемыми ими группами порождались различным отношением к частным вопросам внутренней и внешней политики. Политическая борьба не была проявлением глубоких идеологических расхождений, и принадлежность к той или иной группе объяснялась не социальными принципами, а лишь личными связями.

Еще несколько слов о взглядах Перлмана. В двух статьях о политиках и политическом руководстве в Афинах IV в. до н. э. Перлман рассматривает широкий круг вопросов: выделение политиков из массы граждан (экклесии), интересы которых эти политики выражали; термины, обозначающие политиков; вопрос о логографах; изменение характера политических лидеров (ораторы заменяют стратегов); деятельность политиков в народном собрании, суде, посольствах; увеличение значения магистратур экономического характера, прежде всего должностей, связанных с управлением финансами, и др. Однако, к сожалению, Перлман почти ничего не пишет конкретно о политических группах. Говоря об изменениях в официальном статусе руководителей государства, он в качестве примера ссылается на Евбула и Фокиона, преуменьшая, как нам представляется, роль последнего как политика и видя в нем преимущественно стратега, зависевшего от других лиц — Евбула, Демосфена. Единственная политическая группа, о которой очень бегло в качестве примера говорит Перлман,— группа Мидия [85].

Таким образом, в работах Сили и Перлмана перед нами достаточно определенная концепция, разительно напоминающая те концепции, которые ныне выдвигаются для объяснения политической борьбы в Аттике при Солоне или в Риме в годы Поздней Республики. Советские историки уже указывали на методологическую несостоятельность подобных воззрений: С. Л. Утченко [86] — в связи с взглядами Мейера на характер политической борьбы в позднереспубликанском Риме, К. К. Зельин [87] — по поводу точки зрения Сили на политическую борьбу в Аттике VI в. до н. э., причем К. К. Зельин отмечал, что Сили в равной мере неправ в отношении и VI в. до н. э., и V—IV вв. до н. э., которые он характеризует как по существу однотипные.

[85] *Perlman S.* The Politicians in the Athenian Democracy..., p. 351 f.

[86] *Утченко С. Л.* Указ. соч., с. 50.

[87] *Зельин К. К.* Указ. соч., с. 29—32. См. также: *Ducrey P.*— REG, 1969, LXXXII, N 389—390, p. 182 (П. Дюкре критикует Сили, в частности за преувеличение значения регионализма как фактора, определяющего политическую борьбу).

Взгляды Сили и Перлмана принял Я. Печирка [88], считающий, что только благодаря их работам был наконец выявлен подлинный характер политических групп в Афинах эпохи кризиса. Однако далее Печирка пишет, что существовала и социальная дифференциация и каждый социальный слой имел свои социально-экономические и идеологические взгляды и позиции. Но отношения между ними не вылились в классическую форму, которую они приняли в новое время,— форму партий с их классовыми пристрастиями. Соглашаясь, таким образом, с личностным характером политических группировок в Афинах IV в. до н. э. и отрицая в них какое-либо социальное содержание, Печирка считает, что формы борьбы, вызванные социальной дифференциацией, следует еще исследовать, справедливо замечая, что вооруженных выступлений Афины в IV в. до н. э. не знали.

Бесспорно, в статьях Сили и Перлмана есть определенные позитивные стороны (как и отдельные интересные наблюдения): отрицание модернизаторского подхода к проблеме политических группировок, отказ от рассмотрения их по аналогии с современными политическими партиями, внимание к специфике общественной структуры Афин IV в. до н. э., выявление значения личных связей. Однако их концепция не может удовлетворить своей основной установкой — отказом видеть связь политических группировок с определенными слоями афинского гражданства, а в их борьбе — проявление переживаемого полисом кризиса, вызванного глубокими изменениями в социально-экономических отношениях. Как совершенно справедливо заметил К. К. Зельин [89], «личное или локальное соперничество могло играть известную роль в этой борьбе, но сводить целиком к этому моменту сложную историю политического развития Афин невозможно». И у Перлмана, и особенно у Сили заметно упрощенное представление о взаимозависимости между классом и политической партией, выражающей его интересы, тогда как даже в современном капиталистическом обществе с его предельно ясной (по сравнению с более ранними формациями) классовой структурой, наблюдается многообразие партий или группировок-фракций внутри партии, выражающих не только чисто классовые позиции, но и позиции определенных слоев внутри отдельных классов.

В современной литературе, как советской, так и зарубежной [90], все большее признание получает мысль о сложности социальной структуры рабовладельческого общества, наличии в каждом конкретном обществе ряда социальных слоев. Не является исключением и афинское общество. Позиция Сили и Перлмана представляется ложной в своих исходных посылках, поскольку они по-существу рассматривают афинских граждан как нечто единое в социальном отношении. Однако гражданство Афин не

[88] *Pečirka J.* The Crisis of the Athenian Polis in the Fourth Century B. C.— Eirene, 1976, XIV, p. 15—18.

[89] *Зельин К. К.* Указ. соч., с. 31.

[90] *Утченко С. Л., Дьяконов И. М.* Социальная стратификация древнего общества.— В кн.: XIII Международный конгресс исторических наук. Москва, 16—23 августа 1970 г. М., 1970; *Finley M. I.* The Ancient Economy. Berkeley; Los Angeles, 1973.

ГОЛОВА АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО ИЗ ПЕРГАМА.
Работа Лисиппа. Третья четверть IV в. до н. э.

составляло единого класса, ибо включало как крупных рабовладельцев, так и мелких непосредственных производителей.

Отметим, что нам кажется неоправданным и мнение Перлмана относительно того, что разделяло отдельные политические группы. Он считает, что расхождения касались мелких вопросов, что в этих конфликтах не чувствуется больших принципиальных проблем. Однако эти «мелкие» расхождения имели под собой неизмеримо более важную основу — отношение к Македонии, т. е. вопрос о жизни или смерти афинского полиса как самостоятельного государства. Можно ли это расхождение считать мелким? Перлман утверждает, что конфликты во внутренней политике также носили второстепенный характер. Но разве предложение Гиперида о массовом освобождении рабов в самом крупном и мощном полисе Эллады не касалось социальных отношений? Конечно, предложение Гиперида носило столь же исключительный характер, как исключительны были и

обстоятельства, его породившие. Правда, можно возразить и сказать то, что говорит и Перлман, повторяя слова, которые вынужден был произнести Гиперид в свое оправдание: «Не я предложил эту псефисму, а Херонейская битва» (C. Aristogit., fr. 18, 2). Но мы в свою очередь можем возразить, что, во-первых, это предложение все-таки было сделано и, во-вторых, внес его не кто иной, как именно Гиперид. Конечно, не следует приписывать вождям политических группировок стремление к осуществлению широких социальных и экономических преобразований, имеющих далеко идущие последствия (и в этом отношении Перлман прав). Нельзя, однако, согласиться с тем, что эта борьба носила личный характер, как считают Перлман и Сили, по словам которого, «афинская общественная жизнь была сценой личной и семейной вражды» [91].

Говоря о новых исследованиях, следует назвать еще две работы — книгу К. Пекорелла Лонго о «гетериях» и политических группах в Афинах IV в. до н. э. [92] и статью К. Моссе о политических процессах и кризисе афинской демократии [93].

Пекорелла Лонго указывает, что в V в. до н. э. активную роль в политической борьбе играли гетерии. Под гетериями в то время понималось объединение некоторого числа людей, часто ровесников, принадлежащих к одному классу или социальному слою и связанных общей идеологией и интересами. Ассоциация создавалась для достижения определенных целей (политических, общественных или юридических) и носила постоянный характер. Гетерия, как правило, была тайной, так как ее цели часто противоречили законам.

В IV в. до н. э. гетерии прекратили политическую борьбу, трансформировавшись в общества по совместным действиям в судебных процессах. Политики IV в. до н. э. продолжали объединяться в ассоциации для достижения определенных целей, но эти ассоциации теперь уже не именуются гетериями, так как они перестают быть организациями людей одного поколения, одинакового воспитания и общественного положения. Кроме того, эти группы от старых гетерий отличает отсутствие секретности.

Несомненно, что всякий политик, пользовавшийся известным влиянием, был окружен группой лиц, поддерживавших его и разделявших его взгляды. Состав этих групп весьма различен. В ближайшем окружении лидера находились люди, связанные с ним общностью происхождения, воспитания и (что особенно важно) общностью интересов (возрастное соответствие является здесь второстепенным условием). Эта категория может быть определена как «гетеры-друзья». Другой слой людей, входивших в такую политическую группу,— люди, которые окружали лидеров политических групп в расчете на определенные материальные выгоды. Эту категорию Пекорелла Лонго называет «гетерами-клиентами». Часто этот слой граждан включал в себя продажных политических поденщиков.

[91] *Sealey R.* Athens after the Social War..., p. 81.
[92] *Pecorella Lougo C h.* «Eterie» e gruppi politici nell Atene del IV sec. a. C. Firenze, 1971.
[93] *Mossê C.* Les procès politiques..., p. 207—236.

Обязанностью «гетеров-друзей» и «гетеров-клиентов» было по мере необходимости помогать своему патрону, защищая его во всевозможных процессах и выступая вместо него с обвинениями политических противников или предложениями, внесение которых в случае провала могло повредить патрону. Заметна достаточно отчетливая тенденция к расширению состава политических групп. Обстановка в Афинах была такова, что любой гражданин в самый неожиданный для себя момент мог стать жертвой обвинения. Гражданин, отказавшийся присоединиться к той или иной «партии», рисковал остаться в одиночестве, таившем в себе губительные последствия. Чтобы обеспечить себе относительную безопасность, следовало примкнуть к какой-либо из группировок демократического или олигархического толка. Существование такого рода политических групп, их всепроникающий, оказывающий повседневное влияние на общественную и частную жизнь граждан характер, по мнению Пекорелла Лонго, являются одной из характерных особенностей самого существования афинского полиса.

Мы согласны с выводами Пекорелла Лонго в том, что касается внутренней организации политических групп, их состава и различных категорий людей, объединявшихся в эти группы. Уделяя большое место рассмотрению отдельных политических групп, она посвящает отдельные главы группам филомакедонской партии (Мидий, Евбул, Эсхин), Демосфену (его отношениям с Тимархом, сотрудничеству с радикалами в 346—343 гг., друзьям Демосфена — Аристиону и Аристарху, взаимоотношениям Демосфена с лицами, замешанными в деле Гарпала), Фокиону и его «гетерам». Наши расхождения с Пекорелла Лонго касаются главным образом природы и характера этих политических групп.

Последняя по времени известная нам работа о политической борьбе в Афинах во второй половине IV в. до н. э. — упомянутая статья Моссе о политических процессах. Цель Моссе, если сформулировать вкратце,— показать развитие противоречий в гражданском коллективе и рост политической индифферентности демоса. До определенного предела Моссе согласна с Сили (о статьях Перлмана она не упоминает). Она считает несомненным, что политическая мысль в IV в. все более превращается в дело профессионалов, которые часто личные раздоры ставят выше интересов полиса, ловко определяя решения народного собрания, тогда как демос все больше отходит от политики и не озабочен ничем, кроме обеспечения своего существования. В этом смысле, по мнению Моссе, Сили имел основания поставить на первый план конфликты политических группировок (но региональные связи, как замечает Моссе, в IV в. до н. э. становятся почти иллюзорными). Моссе с одобрением отзывается о труде Пекорелла Лонго, которая в результате тщательного анализа источников показала, что каждый влиятельный политический деятель был окружен клиентелой друзей и наемников. Эта личная клиентела и состояние определяли ту роль, которую тот или иной политик играл в народном собрании и суде. Но, как подчеркивает Моссе, политическую борьбу во второй половине IV в. до н. э. нельзя сводить главным образом к борьбе группировок. Политические процессы последнего периода истории неза-

висимых Афин свидетельствуют о новой исторической ситуации. Антагонизм между сторонниками и противниками Македонии только частично перекрывал антагонизм между «пацифистами» и «империалистами», между умеренными и демократами, между богатыми и бедными, который господствовал в первой половине IV в. до н. э.

В этом утверждении Моссе привлекает стремление подчеркнуть сложность политической борьбы, выйти за рамки личных отношений, указать на несовпадение делений граждан с точки зрения классовой, сословной, «партийной» (хотя Моссе и не пользуется этими понятиями). Однако из анализа политических процессов, результатом которого является приведенное заключение, все-таки остается неясным, что именно имеет в виду автор конкретно.

Исследователи в общем согласны с тем, что экономический фактор в Афинах IV в. до н. э. начинает играть бо́льшую по сравнению с предыдущим временем роль [94]. Источники, как мы пытались показать, свидетельствуют о связи по крайней мере некоторых из политических групп с определенными кругами граждан: группы Ликурга — со старой, «традиционалистской» аристократией Афин, основу богатства и влияния которой составляла земля, группы Демосфена — с торгово-ростовщическими кругами, группы Гиперида — с предпринимателями, наживавшимися на эксплуатации Лаврионских рудников, группы Фокиона — видимо, с какими-то кругами землевладельцев. Экономические факторы выступают в качестве определенной подоплеки политической борьбы. Каждая политическая группа стремится проводить свою политическую линию, ориентируясь на то, какие выгоды именно ей может и должна она принести или чем грозит политика противников ее интересам. Жестокая борьба с Македонией, когда ее агрессия угрожает торговым связям Афин с севером, и готовность к компромиссам с ней, когда македонская агрессия перемещается на Восток, а Пирей возрождается,— такова политика группы Демосфена. Непримиримость группы Гиперида прекрасно объясняется угрозой ее благосостоянию экономической политики как Филиппа, так и Александра. Несколько сложнее выявить позиции различных категорий землевладельцев в условиях последнего краткого подъема аттического сельского хозяйства — здесь проявляется и стремление одних к прекращению всякого рода внешнеполитической активности, в конечном счете пагубной для сельского хозяйства, и мечты других о возрождении былой мощи Афин и их гегемонии, но в будущем, когда обстановка окажется более благоприятной.

Напомним об обвинениях Эсхина в адрес владельцев оружейных мастерских и торговцев оружием — они разжигают войну, потому что это им выгодно. Такого рода аргументы при всей их заостренности должны были производить впечатление, поскольку аудитория, граждане, сами

[94] *Ehrenberg V.* The People of Aristophanes. A Sociology of Old Attic Comedy. Cambridge, Mass., 1951, p. 360 sq.; *Perlman S.* Political Leadership..., p. 176; *MacKendrick P.* Op. cit., p. 3 sq. *Mossé C.* Les procès politiques..., p. 221; *Pečirka J.* Op. cit., p. 21.

отчетливо сознавали связь политики и непосредственных экономических интересов.

Конечно, сказанное выглядит слишком схематично, и эту систему связей нельзя понимать упрощенно как простую готовность пожертвовать интересами государства ради своих корыстных интересов. А именно так упрощенно иногда объясняли позицию «промакедонской партии» — богачи предали и продали родину Македонии, защищая свои классовые интересы. Но, как писал Диодор (XVIII, 10,1), узнав о смерти Александра, собственники (οἱ κτηματικοί) советовали сохранять спокойствие, демагоги же возбуждали народ и призывали его к войне.

Суть, однако, в ином — в том, что политику полиса рассматривали сквозь призму своих экономических интересов, в, возможно, не всегда осознанном стремлении направить общую политику гражданской общины так, чтобы она лучше отвечала интересам определенной группы граждан. В конечном счете эта система воззрений знаменует разложение полисного мировоззрения. Интересы полиса как целого отступают на второй план перед интересами определенной группы граждан.

Вместе с тем можно указать и на некоторые особенности политических групп Афин в целом и их роль в политической борьбе.

Первая черта — большая дробность политических сил. Мы выявили пять политических групп, к ним следует добавить еще и прямых сторонников Македонии, группировавшихся вокруг Демада. Наконец, бесспорно наличие более мелких групп. Ушло в прошлое классическое противостояние олигархов и демократов, политическая ситуация определяется теперь более сложным процессом борьбы, соглашений и равновесия целого ряда политических групп. В такой ситуации разгром одних политических сил другими достаточно редок, и изменение направления политики полиса действительно не означает крушения какой-то из этих группировок, противницы нового направления политики. На протяжении исследуемого периода мы, во всяком случае, видим в сущности только один пример — устранение группы Эсхина. Подобные явления, конечно, были редки, но редкость их определялась совершенно иными причинами, чем полагает Сили. По-видимому, за каждой из политических групп, как мы пытались показать, стояли определенные круги граждан полиса, а разгром той или иной политической группы немыслим без уничтожения ее основы — соответствующей части гражданства, что в условиях Афин того времени вряд ли было возможным. Показательно, что в эти годы исчезает с политической сцены именно группа Эсхина, относительно социально-экономической основы которой мы не нашли никаких указаний в источниках (в отличие от всех остальных групп). Это наводит на предположение, что она, возможно, действительно была лишена какой-либо прочной основы в соответствующем слое гражданства, в силу чего представляла более эфемерное образование, скорее выражающее настроения отдельных представителей различных групп гражданства.

Вторая черта указанных политических групп, обусловленная тем, что они возникли и действовали в рамках гражданской общины, заключается в том, что они не могли выражать «твердую классовую позицию». Включая

представителей двух классов — рабовладельцев и мелких производителей, они противостояли классу рабов, их объединяла также общая принадлежность к гражданской общине, что противополагало их не только рабам, но и метекам.

Далее, и собственно классовые различия между крупными землевладельцами и рабовладельцами, с одной стороны, и мелкими крестьянами и ремесленниками, являвшимися мелкими собственниками и одновременно непосредственными производителями,— с другой, разбивали единство гражданского коллектива. Эти общие для всех античных государств отношения, перекрещивание классовой и сословной структуры общества еще более усложняли характер политических групп.

Наконец, следует помнить о своеобразии экономической жизни в Афинах — наличии определенных противоречий внутри самой верхушки полиса, обусловленных разными источниками богатства тех или иных кругов этой имущественной верхушки.

Таким образом, та социально-экономическая основа, которая определяла структуру и характер политических групп в Афинах, характеризуется большой сложностью. Действуют факторы, способствующие объединению различных политических групп, и факторы, разъединяющие их, силы центробежные и центростремительные. Результат, к которому приводит нас анализ характера политических групп, находится в согласии с этой картиной: в позиции каждой политической группы есть определенные элементы, сближающие ее с другими группами, и есть элементы, отделяющие ее от них. Нет твердо очерченных границ, до конца отсекающих одну группу от другой, поскольку в позиции каждой из них есть что-то, что роднит ее с другой. Например, как мы уже отмечали, с точки зрения отношения к существующей политической системе расстановка сил следующая: положительно к ней относится группа Ликурга; в сущности отрицательно — все остальные. Но с точки зрения взаимоотношений с Македонией картина иная — за выжидательную политику стоят группы Ликурга и Демосфена, за решительную борьбу — группа Гиперида, следовать в фарватере македонской политики готова группа Эсхина, поддерживающая Филиппа, а затем Александра; еще одно направление представляет группа Фокиона.

Подобные примеры сложного взаимоотношения можно умножить, но и сказанного достаточно, чтобы считать, что именно в этом и заключается особенность политических групп, существовавших в греческом полисе поры его кризиса: на место достаточно четко очерченных противостоящих друг другу олигархов и демократов приходят политические группы, выражающие очень дробные экономические и политические интересы различных кругов внутри гражданского коллектива. Изучение этих групп показывает, что нарушается ранее обычная расстановка сил: демократия, как правило, была связана с более бедными слоями гражданства, олигархия— с более состоятельными [95]. В период кризиса полиса картина усложняется: группа Ликурга, представителя старой землевладельческой

[95] Ср.: *Mossé Cl.* La fin de la démocratie..., p. 288 sqq.

ДЕМОСФЕН. Статуя работы Полиевкта. III в. до н. э.

аристократии, стоит за сохранение традиционных демократических установлений Афин, представители богатейших предпринимателей Лавриона (группа Гиперида) в минуту крайней опасности становятся на позиции радикальной демократии, в то время как лично бедный Фокион проводит олигархическую реорганизацию полиса.

В заключение одна оговорка: экономическая позиция оказывала определяющее влияние на политику отдельных групп, на политические воззрения их лидеров, но мы далеки от того, чтобы все сводить к ней; это было бы упрощением и вело бы к вульгаризации. На их воззрения, как и на политическую практику, несомненно, влияли и иные факторы: традиции, происхождение, личные связи и др. Бесспорно, что позиция, например, Ликурга во многом определялась не только чисто экономическими соображениями, но и традиционными воззрениями той части афинской аристократии, которая привыкла занимать важнейшее место в полисе, в той или иной степени повторяя курс Перикла или, во всяком случае, стремясь к этому.

ГЛАВА 7 СПАРТА ВРЕМЕНИ АГИСА III

Самым важным в истории Спарты третьей четверти IV в. до н. э. является выступление во главе с царем Агисом против Македонии. Нельзя сказать, что ученые обошли его вниманием, но оно обычно рассматривалось в рамках истории Греции или Александра, а не как факт собственно истории Спарты.

Об Агисе, естественно, пишут, с той или иной степенью подробности, в трудах общего характера [1]. В литературе об Александре война Антипатра с Агисом никогда не занимала большого места, отступая на задний план перед яркой личностью и блестящими успехами македонского царя. Даже в ряде последних работ, в которых явно наметился поворот к более объективному исследованию процессов, происходивших в годы правления Александра, и вследствие этого большее внимание уделяется изучению сопротивления ему, война Спарты с Македонией, как правило, излагается кратко, без каких-либо попыток анализа. Наиболее показательна в этом отношении работа П. Бриана [2], который в главе «Сопротивление завоеванию» две страницы уделил описанию того, что происходило в Греции во время греко-македонского похода на Восток, отметив, что «восстание Агиса... несомненно на много месяцев затормозило движение армии в Азию» [3].

Но, как ни странно, движение Агиса не заняло должного места и в работах, специально посвященных Спарте. В некоторых из них трактуются другие сюжеты, и, например, К. М. Т. Чраймз [4] или Х. Мичелл [5] вообще ничего не говорят о Спарте периода Александра Македонского. В книге А. Г. М. Джонса [6], последовательно излагающей историю Спарты со времени Мессенской войны, Агису уделено 12 строк, в небольшой работе У. Г. Форреста [7] — четыре строчки, а у Э. Кавеньяка [8] — и того меньше. Даже в фундаментальном труде П. Оливы [9] этому периоду отведена половина страницы.

[1] Из более новой литературы см., например: *Bengtson H.* Griechische Geschichte. 4. Aufl. München, 1969, S. 356; *Will E., Mossé C., Goukowsky P.* Le monde grec et l'Orient. P., 1975, t. II. Le IVe siècle et l'époque hellénistique, p. 262—264, 268, 275. См. также: *Hofstetter J.* Die Griechen in Persien. Prosopographie der Griechen im Persischen Reich vor Alexander. B., 1978, S. 5 sq., s. v. Agis.

[2] *Briant P.* Alexandre le Grand. P., 1974 (рец.: ВДИ, 1977, N 1, с. 237—241).

[3] Ibid., p. 55.

[4] *Chrimes K. M. T.* Ancient Sparta. A Re-Examination of the Evidence. Manchester, 1952.

[5] *Michell H.* Sparta. Cambridge 1952.

[6] *Jones A. H. M.* Sparta. Oxford, 1967, p. 150.

[7] *Forrest W. G.* A History of Sparta. 950—192 B. C. L., 1968, p. 140.

[8] *Cavaignac E.* Sparta. P., 1948, p. 181.

[9] *Oliva P.* Sparta and Her Social Problems. Pr., 1971, p. 197.

Единственная (известная нам) специальная работа, посвященная истории Спарты при Агисе III,— это статья Э. Бэдиана [10]. В центре ее — личность Агиса, который идеализируется (своего рода современная реакция на характерную для историографии прошлого идеализацию Александра). В противовес спартанскому царю очерняется Демосфен — именно его автор считает ответственным за поражение спартанцев, несколько наивно полагая, что одного слова оратора оказалось бы достаточно, чтобы поднять Афины на борьбу с Македонией. Э. Бэдиан не учитывает всей сложности политической обстановки в Афинах, игнорирует прямые указания источников на утрату Демосфеном в эти годы былого ведущего положения в политической жизни города (Plut., Dem., XXIV), не анализирует состава союзников Лакедемона и причин их союза со Спартой.

Можно назвать еще три статьи, носящие, правда, более частный характер. А. Б. Босворт [11] рассматривает период подготовки к войне, Э. Н. Борза [12] — ее конец. Но эти работы, как и небольшая статья Р. А. Лока [13], посвящены преимущественно хронологии — одному из самых запутанных для данного отрезка истории Спарты вопросов.

В советской литературе выступления Агиса по существу касались двое исследователей, но в разной связи — А. С. Шофман и М. А. Кондратюк. В большой работе А. С. Шофмана [14] о восточной политике Александра привлекает подход к интересующему нас вопросу: выступление под руководством Агиса рассматривается как часть широкого антимакедонского движения в ареале Средиземноморья. Но в борьбе, которая развертывалась в Элладе, автор видит только противоборство свободолюбивых греков и деспотической власти Македонии, причем масштабы этого противоборства, на наш взгляд, преувеличены. Отсюда и утверждения вроде: «Пламя восстания вспыхнуло уже и в Средней Греции и за Фермопилами» (с. 436); Мегалополь «один из всех пелопоннесских городов не принимал участия в антимакедонском восстании» [15]. А. С. Шофман отвергает свидетельства источников о численности войск, участвовавших в битве при Мегалополе, на том основании, что «вряд ли можно было рискнуть выступить против вольнолюбивых греков силами самих греков-союзников» [16].

В статье М. А. Кондратюк о Коринфской лиге [17], помимо тех выводов, к которым она приходит, выясняя роль этой общегреческой организации

[10] *Badian E.* Agis III.— Hermes, 1967, 95, H. 2, S. 170—192.
[11] *Bosworth A. B.* The Mission of Amphoterus and the Outbreak of Agis' War.— Phoenix, 1975, XXIX, N 1, p. 27—43.
[12] *Borza E. N.* The End of Agis Revolt.— ClPh., 1971, LXVI, N 4, p. 230—235.
[13] *Lock R. A.* The Date of Agis III's War in Greece.— Antichton, 1972, 6, p. 10—27.
[14] *Шофман А. С.* Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976, с. 404—444; ср.: *Он же.* Первый этап антимакедонского движения периода восточных походов Александра Македонского.— ВДИ, 1973, № 4, с. 117—136.
[15] Там же, с. 436. Кстати, представляется неправомерным определение движения Агиса как «восстания», которое нередко встречается в литературе, в том числе в названных книгах П. Брюана, А. С. Шофмана, в статье М. А. Кондратюк (см. примеч. 17).
[16] *Шофман А. С.* Восточная политика..., с. 439.
[17] *Кондратюк М. А.* Коринфская лига и ее роль в политической истории Греции 30—20-х гг. IV в. до н. э.— ВДИ, 1977, № 2, с. 25—42.

в политической истории Греции 30—20-х годов, заслуживает внимания анализ позиции греческих государств во время выступления Спарты, который помогает уяснить взаимоотношения греков с Македонией и межполисные отношения в рамках Коринфского союза.

При изучении движения Агиса, как представляется, следует учитывать два взаимопересекающихся аспекта. Один из них — диахронический (своего рода вертикаль): выступление Агиса как определенный этап в истории Спарты, неразрывно связанный с ее предшествующей и последующей историей. Второй — синхронный (своего рода горизонталь): состояние Эллады в целом в данный конкретный период. Без анализа их, как кажется, невозможно правильное истолкование изучаемого исторического явления.

Спарта представляет собой хотя и не уникальный, но достаточно специфический тип полиса [18]. Специфику его общественной, политической и военной структуры определяет сочетание признаков, каждый из которых в отдельности встречается в ряде полисов (зависимость типа илотии, строго соблюдавшаяся система перехода из одного возрастного «класса» в другой, практика сисситий). Оригинальность Спарты заключается, очевидно, в соединении всех этих элементов в единую жесткую систему. Элементом, определяющим весь характер этой системы, является власть над илотами [19]. В современной литературе наибольшее признание находит концепция, согласно которой основные особенности спартанского строя были порождены борьбой за окончательное покорение Мессении и необходимостью сохранения господства над илотами, в первую очередь мессенскими илотами [20]. Даже создание Пелопоннесского союза объясняют прежде всего необходимостью обеспечения гарантий со стороны союзников на случай восстания илотов [21]. Поэтому утрата Мессении в результате битвы при Левктрах знаменовала важнейший рубеж в спартанской истории, М. Финли [22] даже полагает, что Спарта после этого стала совершенно иным государством. Утверждение Финли, по-видимому, все-таки чересчур категорично, но не подлежит сомнению, что это событие потрясло всю структуру Спартанского государства. П. Олива справедливо критикует тех исследователей [23], которые в падении власти лакедемонян над Мессенией видят позитивный для Спарты факт, считая, что Спарта теперь избавилась от постоянной угрозы со стороны илотов Мессении. Он подчеркивает [24], что основу Спартанского государства составляла собственность на землю, обрабатываемую илотами, и потеря значительной части этого фундамента привела к тому, что Спарта утрачивает свое значение.

[18] См.: *Андреев Ю. В.* Спарта как тип полиса.— Вестник ЛГУ, 1973, № 8, с. 48 слл. См. также гл. 6 первого тома настоящего издания.
[19] *Finley M. I.* Sparta.— In: Finley M. I. The Use and Abuse of History. L., 1975, p. 161—177.
[20] *Finley M. I.* Op. cit., p. 176; *Oliva P.* Op. cit., p. 122.
[21] *Ste. Croix G. E. M. de.* The Origins of the Peloponnesian War. L., 1972, p. 96—98.
[22] *Finley M. I.* Op. cit., p. 161.
[23] *Grundy G. B.* The Population and Policy of Sparta in the Fifth Century.— JHS, 1908, 28, p. 95; ср.: *Ehrenberg.* Sparta.— RE, 2. R., 1929, Hbbd. VI, Sp. 1412.
[24] *Oliva P.* Op. cit., p. 196.

Следует согласиться с этим выводом — действительно, оказались подорваны сами основы существования спартанской социальной структуры, что должно было сказаться на ходе всех процессов, протекавших в обществе. Представляется необходимым, однако, ввести это явление в общие рамки проблемы кризиса полиса. Общепринятым сейчас можно считать мнение о локальных вариантах этого кризиса, обусловленных особенностями отдельных полисов [25]. В Спарте этот кризис нашел свое выражение, в частности и в утрате Мессении. Естественной реакцией Спарты, всего гражданского коллектива стало стремление к восстановлению status quo. Спарта долго не признавала независимости Мессении и вообще всех изменений, происшедших в Пелопоннесе, она практически не прекращала военных столкновений на границе с Мессенией [26].

Таким образом, с точки зрения диахронического подхода рассматриваемые события приходятся на тот период истории Спарты, начальный пункт которого отмечен битвой при Левктрах; тень этого сражения падает на все последующее, определяя основные цели спартанской политики, вытекающие из самой структуры ее общества: необходимость восстановить прямое господство над Мессенией и обеспечить преобладающее положение Спарты в Пелопоннесе.

Второй план — Спарта в рамках истории времени Александра. Политическая обстановка в Элладе в те годы определялась прежде всего тем, что значительная часть полисов оказалась включена в Коринфский союз. Многие вопросы, связанные с его составом, структурой и деятельностью, получили весьма различную интерпретацию в новое время, однако в интересующих нас аспектах можно опираться на позитивные результаты, достигнутые в итоге многолетних усилий ученых. Сошлемся поэтому только на две работы, хотя и не однозначные в ряде положений, но в определенном смысле итоговые — статьи Э. Д. Фролова [27] и М. А. Кондратюк [28].

Коринфский союз, как известно, возник в результате победы Филиппа над греками при Херонее. Однако прежде, чем собрать заседание конгресса, Филипп сумел определенным образом урегулировать отношения в Греции (что отчасти облегчило проведение угодных ему решений на самом конгрессе). Не говоря о всех мерах по урегулированию, отметим только то, что касалось Спарты. Против Спарты, которая, правда, не участвовала в войне с Македонией, предпринимается карательная экспедиция. Помимо македонских сил, в ней участвуют пелопоннесские союзники Филиппа — Аргос, Аркадия, Мессения, Элида. Македонский царь возвращает им земли, некогда захваченные Спартой: Аргосу — Кинурию, Тегее

[25] См.: *Глускина Л. М.* О специфике греческого классического полиса в связи с проблемой его кризиса.— ВДИ, 1973, № 2, с. 27 слл.; *Pečirka J.* The Crisis of the Athenian Polis in the Fourth Century B. C.— Eirene, 1976, XIV, p. 5 sqq.

[26] *Oliva P.* Op cit., p. 196; *Aymard A.* Le monde grec au temps de Philipp II de Macédoine et d'Alexandre le Grand (359—323 av. J.-C.). P., 1976, p. 12.

[27] *Фролов Э. Д.* Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э. и объединение Эллады.— ВДИ, 1974, № 1, с. 45 слл. См. также гл. 5 данного тома.

[28] См. выше, примеч. 17.

и Мегалополю — Скиритиду и земли у истоков Еврота, Мессении — Денталиатиду [29]. Спарта тем самым лишалась большей части периэкских территорий и была сведена до собственно Лаконии [30].

В решениях Коринфского конгресса отчетливо видно стремление обеспечить интересы Македонии. По своей форме лига, созданная на этом конгрессе, представляла симмахию, т. е. военный союз, но одним из основных ее принципов был принцип «общего мира». Коринфская лига связывала не только македонского царя с Грецией, но и полисы между собой. Если не создание, то, во всяком случае, функционирование этой общегреческой организации стало возможным не только благодаря силе македонского оружия, но и потому, что Македония имела своих сторонников. В ее существовании, помимо олигархов, по-видимому, были заинтересованы и некоторые полисы, особенно мелкие государства Эллады, которым гарантировалась «свобода и автономия» [31].

Спарта, остававшаяся вне рамок Коринфского союза, тем самым противостояла (по крайней мере формально) подавляющему большинству греческих государств Балканского полуострова. Ее ближайшие соседи в результате вмешательства Филиппа получили земли, некогда захваченные Спартой, что было утверждено Коринфским союзом [32]. Следовательно, для Спарты в ее стремлении восстановить свои позиции неизбежным было столкновение не только с Македонией как гарантом договора, но и с рядом полисов, в силу тех или иных причин заинтересованных в сохранении лиги.

Приведем в этой связи любопытное рассуждение Полибия (XVIII, 14) [33]. Возражая Демосфену, историк оправдывает тех политических деятелей Пелопоннеса, которые призвали Филиппа: Демосфен не прав, обвиняя их в предательстве, так как они соблюдали выгоды родины, «добыли обратно поля и города, отнятые лакедемонянами в счастливые для них дни у мессенян, мегалопольцев, тегеян, аргивян» [34], а причиной их поведения послужила опасность со стороны Спарты.

Обратимся более конкретно к истории Спарты. То было время правления царя Агиса III, который пришел к власти в 338 г. до н. э. после смерти

[29] Подробнее см.: *Roebuck C. A.* A History of Messenia from 369 to 146 B. C. Chicago, 1941, p. 53 sqq.; *Idem.* The Settlements of Philip II with the Greek States in 338 B. C.— ClPh, 1948, XLIII, N 2, p. 84 sqq.; *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. L. e. a., 1969, p. 407 sq.; *Фролов Э. Д.* Указ. соч., с. 51.

[30] *Aymard A.* Op. cit., p. 182.

[31] *Кондратюк М. А.* Указ. соч., с. 25 слл.

[32] Ср.: *Roebuck C. A.* History of Messenia..., p. 53—57; *Treves P.* The Problem of a History of Messenia.— JHS, 1944, LXIV, p. 105 sq.; *Roebuck C.* The Settlements of Philip..., p. 74, 89, 91 sq.; *Ryder T. T. B.* Koine Eirene. General Peace and Local Independence in Ancient Greece. Oxford, 1965, p. 104.

[33] См.: *Polyb.*, XVIII, 14, 7. Суждение Полибия, сохранившего иную, чем в проафинских источниках, традицию,— звук «неафинского колокола» (по выражению Эмара),— вызвало довольно оживленную дискуссию. Ср.: *Aymard A.*— In: RH, 1938, CLXXXIII, N 1, p. 79; *Cloché P.*— In: RH, 1939, CLXXXV, N 1, p. 216; *Cloché P.* A propos d'un chapitre de Polybe.— AC, 1939, 8, fasc. 2, p. 361 sqq.; *Walbank F. W.* Alcaeus of Messene, Philip V, and Rome.— CQ, 1943, XXXVII, N 1, 2, p. 8 sq.; *Idem.* A Historical Commentary on Polybius. Oxford, 1967, vol. II, p. 568.

[34] *Полибий.* Всеобщая история. М., 1895, т. 2. *Пер. Ф. Г. Мищенко.*

своего отца Архидама, погибшего в битве с луканами (он был нанят тарентийцами для войны с этим италийским племенем). Битва произошла в тот же день, что и сражение при Херонее [35]. В самой Херонейской битве спартанское войско не участвовало. Некоторые современные исследователи, например В. Тарн [36], преклоняющиеся перед Александром, обвиняют спартанцев в предательстве «общего эллинского дела». Бэдиан [37] решительно возражает Тарну, приводя следующие аргументы: во-первых, присутствие нескольких сотен спартанцев ничего не изменило бы в ходе сражения — ведь не смог выдержать удара македонских воинов даже «священный лох» фиванцев. Далее, Агис не был вправе вмешиваться в борьбу, поскольку был не царем, а только регентом в отсутствие царя и принять такое ответственное решение, естественно, не мог. Наконец, глупо упрекать и Агиса, и Архидама за то, что они предвидели, чем кончится сражение. Надеяться на победу над македонянами мог политик Демосфен, но не солдаты Архидам и Агис. К этим аргументам, видимо, можно добавить еще один — постоянные антифиванские тенденции политики Спарты, которые столь явно обнаруживались после Левктр и Мантинеи.

Тем не менее даже это неучастие не спасло Спарту от потери части территории. Современные историки в общем единодушны относительно того, почему Филипп допустил сохранение Спартой полной независимости и ее неучастие в Коринфском договоре [38]: Спарта должна была играть роль внешней угрозы для членов союза, заставляющей их держаться вместе. Определенные резоны для такого объяснения несомненно есть. Сокращение спартанской территории в пользу ее непосредственных соседей было санкционировано Филиппом и Коринфским конгрессом. Единый фронт этих государств, заинтересованных в противостоянии попыткам Спарты вернуть утраченные земли, цементировался именно Коринфской лигой. Кроме того, Спарта по-прежнему отказывалась признать независимость Мессении, для которой участие в Коринфском союзе также служило определенной гарантией против поползновений Спарты.

Но отношение Филиппа к Спарте определялось, по-видимому, и иными соображениями. Применить крайние формы принуждения, сокрушить Спарту представляло для Филиппа определенную опасность в момент создания Коринфского союза, когда македонский царь выступал в роли выразителя интересов эллинов, организатора «всеобщего мира». Сочетать эту позицию с беспощадными мерами по отношению к полису, не принявшему участия в войне с Македонией и сохранившему в ней нейтралитет, было бы весьма трудно. Правда, судя по всему, Филиппа вряд ли это бы смутило и остановило, но тогда это для него было и невыгодно: Спарта никакой серьезной реальной угрозы еще не представляла [39].

[35] *Diod.*, XVI, 63, 1—2; 88, 3—4.
[36] *Tarn W. W.* Alexander the Great. Cambridge, 1948, vol. 1, p. 52.
[37] *Badian E.* Agis III, p. 171 sq.
[38] Ibid., p. 172; *Фролов Э. Д.* Указ. соч., с. 51; *Aymard A.* Op. cit., p. 182; *Кондратюк М. А.* Указ. соч., с. 29.
[39] См.: *Forrest W. G.* Op. cit., p. 139; *Ellis J. R.* Philip II and Macedonian Imperialism. L., 1976, p. 298, n. 125; *Кондратюк М. А.* Указ. соч., с. 29.

В начале царствования Александра Спарта не проявляла никакой внешнеполитической активности. Однако вряд ли верно считать (как Бэдиан) [40], что эти годы были настолько глухими в ее истории, что Спарта вообще не упоминается в источниках. Арриан (Anab., I, 1, 2), рассказывая о первых шагах Александра после воцарения, сообщает, что македонский царь отправился в Пелопоннес, где «созвал на собрание эллинов, живущих в Пелопоннесе, и обратился к ним с просьбой вручить ему командование походом против персов, которое они уже предоставили Филиппу. Просьбу его удовлетворили все, кроме лакедемонян, которые ответили, что им от отцов завещано не идти следом за другими, а быть предводителями» [41].

Вопрос о том, какую роль сыграл этот конгресс, возобновлял ли он договор Филиппа с греками или нет, провозгласил ли он Александра гегемоном или гегемоном и, одновременно, стратегом-автократором, для нас не так важен [42], важно другое: созывая конгресс, Александр обращается и к Лакедемону, собственно говоря, приглашая его вступить в Коринфскую лигу. Ответ спартанцев весьма показателен: они строго следуют политике, которую выработали ранее. Отказ от вступления в лигу означал тем самым отказ формально признать независимость Мессении и утрату пограничных земель. Более того, открыто провозглашается традиционная политика — стремление к гегемонии. Как уже отмечалось, в сущности это были два аспекта единой политики.

Подобно Филиппу, Александр также не пошел на открытую войну, очевидно, имея в виду роль Спарты как внешнего фактора, способствовавшего укреплению союза, и формальную безупречность поведения Спарты, не дававшей никаких поводов для применения к ней санкций. Александр был вынужден сохранить в Пелопоннесе сложившееся положение, хотя, по свидетельству Арриана (I, 7, 4), считал спартанцев «давно уже отпавшими в мыслях». Его политика отчасти напоминала политику по отношению к Афинам после разгрома Фив: Александр хотел мира в тылу, готовясь к походу на Восток (I, 10, 6), и именно поэтому не наказал Афины, хотя они и были явно виновны (I, 10, 5); Спарту же и винить было не в чем.

Спарта не принимала участия в дальнейших событиях, связанных с походом Александра на север, восстанием Фив и их разрушением по решению синедриона. Здесь, по-видимому, не последнюю роль сыграли старые антифиванские настроения спартанцев.

Неизвестно, когда именно Агис начал готовиться к войне с Македонией — это время можно определить лишь в широких пределах: от высадки Александра в Малой Азии до битвы при Иссе (весна 334 — осень 333 г.). Возможно, подготовка была связана с успешными действиями персидского флота под командованием Мемнона в 333 г., когда персы вновь

[40] *Badian E.* Agis III, p. 172.
[41] *Арриан.* Поход Александра. М.; Л., 1962. *Пер. М. Е. Сергеенко.*
[42] Изложение основных точек зрения см.: *Seibert J.* Alexander der Grosse. Darmstadt, 1972, S. 74—77.

захватили ряд островов и прибрежных городов. Положение Александра усугубилось также роспуском союзного флота (мы не касаемся причин этого действия македонского царя, вызвавшего различные объяснения как у древних авторов, так и ученых нового времени).

О некоторых моментах подготовки дает представление сообщение Арриана (II, 13, 4—6) о том, что незадолго до битвы при Иссе царь Агис отправился на о. Сифнос к Фарнабазу и Автофрадату «с просьбой дать ему для войны денег и как можно больше морской и сухопутной силы для отправки с ним в Пелопоннес». Это — первая известная нам [43] антимакедонская акция Спарты: Агис открыто выступает как союзник персов. Но свидетельство Арриана важно и в другом отношении, так как показывает сферу интересов Спарты. Речь идет не о войне спартанцев в союзе с Персией против Александра в Эгеиде, а о действиях в Пелопоннесе, т. е. там, где лежали непосредственные интересы Спарты.

Несмотря на поражение персов при Иссе, Агис получил от них 30 талантов и 10 триер [44], которые были посланы под командованием Гиппия к Тенару, где находился брат спартанского царя Агесилай. Гиппий получил приказ передать Агесилаю, «чтобы он полностью выплатил жалованье матросам и как можно скорее отплыл на Крит, чтобы уладить тамошние дела» (Arr. Anab., II, 13,6) [45]. Неясно, какие именно матросы имеются в виду: те ли, которые были на полученных судах, или матросы других судов, которые уже, очевидно, находились у Тенара — главной морской базы Лакедемона, ожидая денег и подкрепления, видимо, для похода на Крит [46].

Поражение при Иссе, как ни странно, в какой-то мере даже способствовало усилению позиций Агиса, так как часть наемников, находившихся на службе у персов и уцелевших после битвы, оказались у Агиса — их было восемь тысяч [47].

Как недавно показал П. Бриан [48], во время осады Александром Тира (январь — август 332 г.) развернулось опасное для Македонии контрна-

[43] Видимо, в этой связи следует рассматривать и отправку к «великому царю» Эфикла, который вместе с другими эллинскими послами, прибывшими к Дарию, после Исса попал в плен к Александру. Неясно, в каком отношении находится посылка Эфикла с поездкой Агиса и что было раньше (ср.: *Badian E.* Op. cit., p. 176 sq.). Во всяком случае, показательна ремарка Арриана: «Эфикл, лакедемонянин, был представителем города, открыто враждебного в то время Александру» (II, 15, 5). Для подобного утверждения, очевидно, нужны были иные основания, чем неучастие Спарты в Коринфском союзе. Следовательно, антимакедонская деятельность в период после Исса приобрела уже достаточно явный характер, что и понятно, так как Агис приплыл на Сифнос до этого сражения. Правда, замечание Арриана, писавшего много позже, можно объяснить ретроспективным взглядом человека, который знает о том, что произошло впоследствии.

[44] *Arr.*, II, 13, 6; ср.: *Diod.*, XVII, 48, 1; *Arr.*, II, 14, 6.

[45] Ср.: *Badian E.* Agis III, p. 175—177; *Bosworth A. B.* The Mission of Amphoterus..., p. 29.

[46] Ср.: *Parke H. W.* Greek Mercenary Soldiers from the Earliest Times to the Battle of Ipsus. Oxford, 1933, p. 200.

[47] *Diod.*, XVII, 48, 1; *Curt.*, IV, 1, 39.

[48] *Briant P.* Antigone le Borgne. P., 1973, p. 53 sqq.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ. Деталь рельефа так называемого Саркофага Александра. III в. до н. э.

ступление в Малой Азии. Не входя в детали, отметим только, что момент для высадки на Крит Агис выбрал весьма удачно.

Закономерен вопрос, почему Спарта направила свою активность в сторону Крита? В литературе давали разные объяснения [49]. Бэдиан [50], в частности, считает, что Крит мог стать серьезным источником пополнения

[49] *Hamilton J. R.* Alexander the Great. Pittsburgh, 1974, p. 70; *Van Effenterre H.* La Crête et le monde grec de Platon à Polybe. P., 1948, p. 246 sq.; *Parke H. W.* Op. cit., p. 200 sq.; *Ehrenberg.* Op. cit., col. 1418; *Niese B.* Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Gotha, 1893, T. 1, S. 103—105; *Шофман А. С.* Восточная политика..., с. 425 сл. Крит не был столь однозначно враждебен Македонии, как считает А. С. Шофман, по мнению которого, остров «видел в восточных завоеваниях Александра ущемление своих собственных интересов, в первую очередь экономических». Обстановка на Крите была сложнее, и ряд городов занимал промакедонскую позицию.

[50] *Badian E.* Agis III, p. 177.

армии Агиса наемниками [51]. Действительно, в армии Александра критяне не были многочисленны [52], рынок наемной военной силы был здесь еще не исчерпан в отличие от других районов Греции, где активно действовали как македонские, так и персидские вербовщики. Следовательно, целью похода Агиса на Крит можно считать стремление приобрести наемников для дальнейшей войны. Бэдиан, видимо, отчасти прав, хотя, казалось бы, проще было бы и Агису послать сюда вербовщиков. Возможно, однако, что спартанский царь преследовал и другую цель, испытывая нужду в деньгах. Содержание наемников требовало значительных средств, и персидской помощи было недостаточно. В течение IV в. до н. э. греческий мир осознал, что одно из правил финансирования войн заключается в том, что война должна кормить себя сама, особенно когда воюют наемниками [53].

Наконец, следует иметь в виду еще одно соображение — может быть, основное. Диодор, очень кратко сообщая о деятельности Агиса на Крите, обрисовывает ее так, как если бы спартанский царь воевал ради персов: Агис, «захватив большинство городов, принудил их принять персидскую сторону» (XVII, 48, 2). Не была ли критская кампания условием той помощи, которую оказали Спарте персы [54],— условием, к тому же, совпадавшим с интересами самого Агиса? Во всяком случае, Диодор как будто ставит в прямую связь получение Агисом денег и судов от персов, его отплытие на Крит и принуждение большинства тамошних городов «принять персидскую сторону». Подтверждает это предположение и сообщение Арриана о просьбе Агиса к персам дать ему деньги и военную силу «для отправки с ним в Пелопоннес» (II, 13, 4). Возможный вывод: первоначально, до поездки на Сифнос и переговоров с персами, Агис не думал о Крите.

Ход военных действий на Крите освещен источниками очень слабо. Курций Руф указывает, что «критяне, примыкавшие то к одной, то к другой стороне, захватывались то спартанскими войсками, то македонскими» [55]. Он же сообщает, что «во многих местах остров подвергался осаде персидских и спартанских войск» (IV, 8, 15); следовательно, на Крите одновременно воевали и какие-то персидские силы. Александр в свою очередь посылает эскадру под командованием Амфотера. Исходя из сведений Курция (IV, 8, 15) и Арриана (III, 6, 3), точно определить время отправления флота не удается: где-то в промежутке между падением Тира и битвой при Арбелах (август 332 — октябрь 331 г.). Однако в сообщениях этих авторов есть весьма существенное различие: у Курция говорится о посылке эскад-

[51] О Крите как одном из источников наемной силы см.: *Van Effenterre H.* Op. cit., p. 173 sqq.; *Launey M.* Recherches sur les armées hellénistiques. P., 1949, vol. 1, p. 248 sqq.; *Willetts B. F.* Aristocratic Society in Ancient Crete. L., 1955, p. 211 sqq.; *Idem.* Ancient Crete. A Social History from Early Times until the Roman Occupation. London; Toronto, 1965, p. 145 sqq.

[52] *Parke H. W.* Op. cit., p. 186 sqq.; *Griffith G. T.* The Mercenaries of the Hellenistic World. Cambridge, 1935, p. 15; *Launey M.* Op. cit., vol. 1, p. 248.

[53] *Маринович Л. П.* Греческое наемничество IV в. до. н. э. и кризис полиса. М., 1975, с. 162 (и приведенная в примеч. 128 литература).

[54] См.: *Bosworth A. B.* The Mission of Amphoterus..., p. 32 sq.

[55] *Curt.*, IV, 1, 40. См.: *Квинт Курций Руф.* История Александра Македонского. М., 1963. *Пер. под ред. В. С. Соколова.*

ры для освобождения Крита, согласно же Арриану, Александр, когда пришло известие о волнениях в Пелопоннесе, отправил туда Амфотера «помочь тем пелопоннесцам, которые во время войны с персами остались верны ему и не послушались лакедемонян». Видимо, речь здесь идет о двух разных событиях [56], т. е. о двукратной посылке Александром эскадры, причем в первый раз именно на Крит. Итоги критской кампании определенным образом подводит Диодор, который, ничего не говоря о ходе военных действий, отмечает, что Агис взял «большинство городов» (см. выше).

Военные успехи, очевидно, принесли добычу, которая помогла Агису в дальнейшем содержать значительное число наемников, а также, видимо, способствовали увеличению сил за счет критских наемников [57] и, возможно, контингентов некоторых из городов, которые он захватил.

Готовясь к войне, Агис обратился «к эллинам с призывом единодушно отстаивать свободу» [58]. Какой же отклик нашел этот призыв? Диодор (XVII, 62, 7—8) так пишет о союзниках Спарты: «Большинство пелопоннесцев и еще кое-кто согласились воевать и внесли имена своих городов в списки союзников. В зависимости от своих возможностей каждый город выставил в качестве солдат цвет своей молодежи; всей пехоты было не меньше 20 тысяч, а конницы около 2 тысяч. Во главе стояли лакедемоняне; они выступили всем народом на войну за всех». У Помпея Трога выступление приобретает чуть ли не всеэллинский характер: «Дело в том, что после отбытия Александра почти вся Греция взялась за оружие, чтобы вернуть себе свободу по примеру лакедемонян» [59].

Однако более внимательное прочтение источников заставляет усомниться в столь широком участии греков. Еще до критской кампании у Агиса было 8 тыс. наемников, а в ходе военных действий число их, видимо, увеличилось. Сказанное подтверждается Динархом, согласно которому в армии Агиса было 10 тыс. наемников (I, 34). Следовательно, из общего

[56] *Badian E.* Agis III, p. 181; ср.; *Tarn W. W.* Op. cit., vol. 1, p. 42; *Hauben H.* The Command Structure in Alexander's Mediterranean Fleets.— Ancient Society, 1972, 3, p. 57 sq.; *Hamilton J. R.* Alexander..., p. 78; *Шофман А. С.* Восточная политика..., с. 428, 435. Иначе — *Bosworth A. B.* The Mission of Amphoterus..., p. 27—43. По его мнению, можно говорить только об одной экспедиции Амфотера — на Крит, которую Александр отправил еще до начала военных действий, в то время, когда Спарта набирала силы в Пелопоннесе и помогала персам на Крите. В статье Босворта привлекает широкий исторический фон, сделан ряд интересных наблюдений. Любопытно его соображение о понятии «Пелопоннес», которое автор высказывает, пытаясь согласовать свидетельства Курция и Арриана, ограничивающего деятельность Амфотера Пелопоннесом и ничего не говорящего о Крите. Обращаясь к Страбону и приписываемому Скилаку из Карианда «Периплу» IV в. до н. э., Босворт считает, что название «Пелопоннес» у Арриана можно истолковать в более широком смысле, как территорию к югу от Истма, включая Крит. Однако весь контекст Арриана, как нам кажется, исключает такое толкование (к тому же следует учесть, что и «География» Страбона, и «Перипл» — это географические сочинения), и в целом система аргументации Босворта представляется менее убедительной, чем выдвинутое ранее толкование.

[57] См.: *Diod.*, XVII, 48, 1; *Curt.*, IV, 1, 39; *Din.*, I, 34.

[58] *Diod.*, XVII, 62, 6. См.: *Арриан.* Поход Александра. *Здесь и далее пер. М. Е. Сергеенко.*

[59] *Iustin.*, XII, 1, 6. См.: ВДИ, 1954, № 3. *Пер. А. А. Деконского и М. И. Рижского.*

числа 22 тыс. воинов не менее 10 тыс. составляли наемники. Кроме того, в состав армии входило ополчение Спарты [60]: численность его, к сожалению, неизвестна, но, во всяком случае, не меньше нескольких тысяч человек [61]. Таким образом, на долю союзников, которые, правда, выставили (по словам Диодора) только «цвет своей молодежи», приходится не более 7—10 тыс.[62] Современники описываемых событий Эсхин и Динарх дают возможность уточнить состав союзников Агиса. Они называют элейцев (о них сообщают и Эсхин, и Динарх), ахейцев (тоже оба автора, но с одной оговоркой: Динарх говорит об ахейцах вообще, а Эсхин уточняет, что все ахейцы, кроме пелленцев), всю Аркадию, кроме Мегалополя (только Эсхин) [63]. О каких-то волнениях у фессалийцев и перребов упоминает Эсхин (III, 167), хотя, по всей видимости, они не оказали какого-либо влияния на развитие событий.

Как видим, сведения Эсхина и Динарха не расходятся, но Эсхин более точен. Считают, и не без оснований, что Динарх в речи против Демосфена аргументацию для своих обвинений знаменитого оратора широко черпал из речи Эсхина против Ктесифонта, по существу также направленной против Демосфена. Однако у Динарха, очевидно, были и другие источники сведений о том, что произошло лишь несколько лет тому назад. Во всяком случае, не у Эсхина он почерпнул данные о численности наемников Агиса, и у нас нет оснований их отвергать, как ни риторичен контекст (Din., I, 34).

В одном из поздних источников мы также находим более конкретные сведения о спартанских союзниках. Курций, рассказывая о последствиях разгрома армии Агиса, говорит о мерах, которые были приняты по отношению к побежденным: Тегее, ахейцам, элейцам; Мегалополь же был на стороне Македонии (VI, 1, 20).

Сопоставим свидетельства современников и поздних авторов. Полное совпадение наблюдается в отношении ахейцев. Некоторых пояснений требует вопрос об элейцах. Дело в том, что соответствующее место Курция испорчено, и мы следуем обычному толкованию: Achaei et Elei [64]. Несколько сложнее — с Аркадией, о которой упоминает только Эсхин, тогда как Курций называет лишь Тегею. Но Тегея составляла часть Ар-

[60] *Din.*, I, 34; *Diod.*, XVII, 62, 6.

[61] По мнению А. Эмара, число полноправных граждан в это время не превышало 15 тыс. человек (*Aymard A.* Op. cit., p. 13).

[62] Текст Диодора (XVII, 62, 7—8) дает возможность и другой интерпретации, а именно: 22 тыс.— только союзники или союзники и лакедемоняне (без наемников). В литературе текст Диодора толкуется по-разному, например: *Niese B.* Op. cit., S. 106; *Parke H. W.* Op. cit., p. 201; *Tarn W. W.* Op. cit., vol. 1, p. 52; *Шофман А. С.* Восточная политика..., с. 436 (22 тыс. человек); иначе — *Badian E.* Op. cit., p. 182 (22 тыс. + 8 тыс. или 10 тыс. наемников); *Hamilton J. R.* Alexander..., p. 78 (свыше 30 тыс.); *Jones A. H. M.* Op. cit., p. 150 (32 тыс.).

[63] *Aeschin.*, III, 165; *Din.*, I, 34. Как справедливо заметила М. А. Кондратюк, исходя из контекста Эсхина, он должен был дать полный перечень городов, вместе с тем вряд ли что-либо преувеличив (*Кондратюк М. А.* Указ. соч., с. 35).

[64] *Quinte-Curce.* Histoires/Texte établi et trad. par H. Bardon. P., 1947, t. 1; *Quintus Curtius*/ With an English Translation by J. C. Rolfe. Cambridge, Mass.; L., 1956, vol. II.

кадии, и вполне возможно, что такая аберрация произошла потому, что из полисов Аркадии она была самой активной в движении Агиса.

Таким образом, можно с большой долей уверенности утверждать, что выступление не было общегреческим и носило более локальный, пелопоннесский характер [65]. Хотя и есть свидетельство о каких-то волнениях фессалийцев и перребов, однако никаких сведений об участии их в военных действиях и связях с Агисом нет. В движении Агиса участвовали не все области и Пелопоннеса. Об этом прямо пишет Арриан (III, 6, 3), сообщая, что Амфотера Александр послал на помощь «тем пелопоннесцам, которые ... остались верны ему и не послушались лакедемонян» [66].

Военные действия в собственно Греции начались, вероятнее всего, весной 331 г. до н. э.[67] Антипатр в это время оказался в очень затруднитель-

[65] Ср.: *Шофман А. С.* Восточная политика..., с. 436 (см. также выше). Не понятно, почему захват Этолией акарнанского городка Эниады в 330 г. до н. э. (*Plut.* Alex., 49) надо, по его мнению, связывать с выступлением Агиса. Босворт, рассмотревший весь комплекс этолийско-македонских отношений и отметивший постоянную враждебность Этолии к Македонии, вместе с тем подчеркнул, что движение Агиса — это единственная антимакедонская акция, в которой этолийцы не участвовали. См.: *Bosworth A. B.* Early Relations between Aetolia and Macedon.— AJAH, 1976, I, N 3, p. 164—175. См. также: *Hamilton J. R.* Plutarch, Alexander: a Commentary. Oxford, 1969, ad XLIX.

[66] См.: *Borza E. N.* The End of Agis' Revolt, p. 230, n. 3; *Wirth G.* Alexander zwischen Gaugamela und Persepolis.— Historia, 1971, XX, H. 5—6, S. 627, Anm. 55; *Bosworth A. B.* The Mission of Amphoterus..., p. 28.

[67] Относительно хронологии событий в литературе нет единой точки зрения из-за противоречий в источниках. В общем все разнообразие мнений можно свести к двум основным: война продолжалась с весны 331 г. до н. э. до осени того же года; война началась в конце лета 331 г. и закончилась незадолго до смерти Дария (лето 330 г.). Как видим, наиболее спорен вопрос о времени битвы при Мегалополе, завершившей военные действия. Бэдиан, в своей статье об Агисе уделивший, как уже отмечалось, большое место выяснению хронологии, разделяет мнение многих ученых, которые, следуя Курцию (VI, 1, 21), считают, что битва при Мегалополе произошла до сражения при Арбелах (октябрь 331 г. до н. э.) (*Badian E.* Agis III, p. 190—192). Его аргументация не убедила Коквелла, выступившего в пользу более поздней даты (*Cawkwell G. L.* The Crowning of Demosthenes.— CQ, 1969, N 1, XIX, N. S., p. 170—173). Напротив, Борза и Вирт приняли, с некоторыми модификациями, выводы Бэдиана (*Borza E. N.* The End of Agis' Revolt, p. 230—235; *Idem.* Fire from Heaven: Alexander at Persepolis.— ClPh, 1972, LXVII, N 4, p. 239; *Wirth G.* Op. cit., S. 617—632). Как показывает эта полемика, при современном состоянии источников вопрос о времени битвы при Мегалополе вряд ли может быть решен окончательно. Обе датировки имеют своих сторонников и противников, и новые доводы в пользу одной из них вызывают контраргументы. В 1972 г. Лок, пересмотрев еще раз источники, отказался установить точную дату битвы при Мегалополе; можно только сказать, что вероятней всего, она произошла в промежутке между ноябрем 331 и апрелем 330 г. до н. э. Что касается других событий, то Лок распределяет их хронологически следующим образом: Агис вернулся с Крита в конце 332, зимой 332/1 г. он обращается за помощью к другим греческим государствам. Мемнон поднял восстание весной 331 г., Агис отправил свои силы против Коррага в конце апреля или начале мая того же года. Александр узнает о выступлении Агиса в июне 331 г. до н. э.; сбор новых сил занимает у него не менее четырех месяцев (*Lock R. A.* Op. cit., p. 10—27). Но и после статьи Лока полемика не прекратилась, о чем свидетельствует статья Босворта о миссии Амфотера. По мнению Босворта, возможный срок для начала Мегалопольской кампании — лето 331 г. до н. э., битва же при Мегалополе произошла весной 330 г. до н. э. Ср.: *Will F., Mossé C., Goukowsky P.* Op. cit., p. 275.

ном положении: к северу от Македонии вновь возродилась фракийская угроза, на этот раз она предстала в лице Мемнона, бывшего правителя Александра во Фракии. Располагая собственными силами и сумев поднять местное население, он «открыто готовился к войне» с Антипатром (Diod., XVI, 62, 5). В литературе обсуждался вопрос о том, координировались ли действия Агиса и Мемнона. Состояние источников не позволяет дать положительный ответ на этот вопрос [68], но, во всяком случае, несомненно одно: выступление Мемнона оказалось весьма кстати для Агиса.

Видимо, к весне 331 г. до н. э. относится вторая экспедиция Амфотера, которого Александр, узнав о событиях в Пелопоннесе, отправил туда [69].

Обратимся к ходу событий. Агис с ополчением спартанцев и наемниками нанес поражение македонскому войску под командой Коррага (Aeschin., III, 165). Этот успех привел к тому, что к Спарте присоединились некоторые полисы Пелопоннеса. Свидетельство Эсхина недвусмысленно: греки «перешли на их (лакедемонян.— *Л. М.*) сторону» только после победы над Коррагом.

Хотя источники, относящиеся к рассматриваемому периоду истории Греции (кроме Афин), скудны, попытаемся выявить те причины, которые побудили полисы взяться за оружие для борьбы против Македонии.

В Ахайе постоянно были сильны антимакедонские настроения. Ахейцы принимали участие в битве при Херонее, после чего должны были сдаться на милость победителя [70]. Дальнейшее развитие событий определялось стремлением Филиппа привязать к себе этих новоприобретенных союзников [71], для чего он передал ахейцам Навпакт, ранее обещанный Этолии. В ответ этолийцы решили силой овладеть городом, считая его законной наградой за союз с Филиппом, что вызвало резкую реакцию со стороны македонского царя. Навпакт был возвращен ахейцам, а Этолийский союз в наказание распущен.

Как представляется, Босворт преувеличивает верность ахейцев Македонии. Он подчеркивает, что ахейцы не принимали участия в «агитации» 336—335 гг. и сохранили нейтралитет в Ламийской войне. С некоторым недоумением Босворт пишет о «единственной аберрации» — участии в войне Агиса, полагая, что причиной такой позиции Ахайи послужила возможность территориальных приобретений за счет Аркадии. Подобное решение проблемы вряд ли верно. Прежде всего Аркадия (за исключением Мегалополя) также была на стороне Спарты, поэтому мысль о территориальных приобретениях за ее счет кажется маловероятной. Кроме того, Босворт не учитывает внутреннего состояния Ахейского союза, в то время

[68] См.: *Badian E.* Agis III, p. 180; *Lock R. A.* Op. cit., p. 27, n. 52; *Hamilton J. R.* Alexander..., p. 78; *Briant P.* Alexander..., p. 54; *Шофман А. С.* Восточная политика..., с. 428, 435.

[69] *Arr.*, III, 6, 3. О дискуссионности вопроса см. выше. См. также: *Lock R. A.* Op. cit., p. 27.

[70] *Ael.* Var. Hist., VI, 1; см.: *Schaefer A.* Demosthenes und seine Zeit. Leipzig, 1887, Bd. III, S. 40 f.; *Roebuck C.* The Settlements of Philip..., p. 73 sqq.; *Bosworth A. B.* Early Relations..., p. 171.

[71] Весь комплекс этих взаимоотношений недавно заново рассмотрел Босворт, которому мы и следуем (*Bosworth A. B.* Early Relations..., p. 171 sqq.).

как ключ к решению вопроса лежит, видимо, именно здесь. Согласно свидетельству Полибия (II, 41, 6), ахейцы «старались постоянно удерживать власть в руках народа». Обращает на себя внимание глагол «старались» (ἐπειρῶν.ο) — следовательно, имелись определенные силы, которые противостояли этому. Более ясно ситуацию обрисовывают иные источники, которые показывают, что в одном из важнейших городов Ахейского союза — Пеллене — при поддержке Александра была свергнута демократия и установлена тирания. Автор XVII речи Демосфенова корпуса видит в этом один из самых ярких примеров нарушения принципов «общего мира» (XVII, 10). Большинство граждан Пеллены, по его словам, были изгнаны, их имущество отдано рабам, а борец Херон поставлен тираном. Свидетельство оратора подтверждается Павсанием, согласно которому, Херон «разрушил государственный строй» в Пеллене, став «тираном своей родины» благодаря Филиппу, сыну Александра [72].

Очевидно, Македония и после Херонеи и передачи Навпакта ахейцам, и после Коринфского конгресса, санкционировавшего территориальные изменения, все же не была уверена в лояльности этого союзника. Александр принял некоторые меры для нейтрализации ахейцев, поставив у власти в Пеллене своего ставленника — тирана (подражая и в этом отношении своему отцу). Эта мера отчасти оправдала себя, поскольку в момент выступления Агиса Пеллена осталась верной Македонии, но, с другой стороны, возможно, именно вмешательство царя толкнуло ахейцев к Агису.

Сложной была обстановка и в Аркадии. Как известно, в 371 г. до н. э. организовался Аркадский союз, но уже в первой половине 370 г. внутри него возникло антифедералистское движение, в котором активное участие принимала Тегея. Создание Мегалополя как центра союза обострило внутренние противоречия. Под влиянием Эпаминонда были приняты решения, которые обеспечивали Мегалополю такое же преобладание в Аркадском союзе, каким пользовались Фивы в Беотийском [73]. В частности, в общеаркадском совете мегалопольцы имели 10 голосов из 50, в то время как большинство городов — по 5 голосов [74]. В первой половине 362 г. Аркадский союз распался, причем северная часть Аркадии (с центром в Мантинее) сохранила федеративное устройство, на юге же (Мегалополь, Тегея и др.) каждый из полисов пользовался полной независимостью.

Связи между Македонией и Мегалополем устанавливаются по крайней мере с 356 г., и город становится главным средоточием промакедонских сил в Аркадии. В значительной мере его стремление опереться на Македонию (как ранее на Фивы) объясняется страхом перед соседней Спартой [75]. В Херонейской битве аркадяне не участвовали. Во время урегу-

[72] *Paus.*, VII, 27, 7; ср.: *Athen.*, XI, 509 b; *Walbank F. W.* A Historical Commentary on Polybius. Oxford, 1957, I, p. 230.
[73] *Dušanić S.* Arkadski savez IV veka. Beograd, 1970, s. 294.
[74] *Larsen J. A. O.* Representative Government in Greek and Roman History. Berkeley; Los Angeles, 1966, p. 73.
[75] *Dušanić A.* Op. cit., s. 307—310.

лирования отношений в Пелопоннесе, предпринятого Филиппом после Херонеи, Мегалополь и Тегея, как уже отмечалось, расширили свои территории за счет Спарты. Видимо, в это время с помощью Филиппа Аркадский союз возрождается [76].

Когда Фивы выступили против Александра, аркадяне откликнулись на призыв фиванцев, но войско аркадян дошло только до Истма. То, что произошло далее, Динарх описывает следующим образом: стратег аркадского войска Астил, будучи человеком продажным, потребовал десять талантов за помощь Фивам. Фиванские послы, зная, что Демосфен получил деньги от персидского царя, умоляли его дать им десять талантов для спасения их города. Однако Демосфен в силу своего корыстолюбия послам отказал и тем самым предопределил гибель Фив, поскольку «другие» дали эти деньги, чтобы аркадяне вернулись домой (Din., I, 20—21). Конечно, в обвинительной речи возможны определенные искажения фактов (особенно тех, о которых не было широко известно, таких, например, как тайная передача денег). Представляется не очень убедительным и обвинение Астила в продажности. Довольно трудно допустить, чтобы стратег Аркадского союза мог совершенно бесконтрольно, целиком на свой страх и риск принимать столь ответственное решение. Кроме того, как справедливо заметил Душанич [77], попытка получить деньги могла не иметь ничего общего с подкупом, а быть обычной просьбой о помощи.

По-видимому, события, связанные с колебаниями в позиции аркадян,— остановка у Истма, требование денег, возвращение, казнь тех, «кто поднял» аркадян на помощь Фивам (Arr., I, 10,1),— возможно истолковать с точки зрения внутренней борьбы в союзе [78]. Как и раньше, в Аркадском союзе основная борьба шла между северным полисами (во главе с Мантинеей) и Мегалополем. Во всяком случае, в момент выступления Агиса очевидно, что основная масса аркадян — на стороне Спарты, Мегалополь — на стороне Македонии. И позднее, в годы Хремонидовой войны (266—263 гг.), силы распределялись аналогично: на стороне Спарты выступали Элида, ахейские города и Аркадия (за исключением Мегалополя)[79]. Уже отмечалось, что этот город с самого основания союза стремился занять господствующее положение в нем (Paus., VIII, 27, 5—7). Видимо, в период возрождения союза по инициативе Македонии Мегалополь усилил свои притязания, опираясь на связи с македонским царем, Филиппу же было выгодно иметь такого союзника внутри союза. С другой стороны, остальные полисы стремились противостоять чрезмерно усилившемуся с македонской помощью Мегалополю. Таким образом, можно полагать, что вовлечение в борьбу Аркадии было связано в значительной мере с внутренними конфликтами в союзе. Столкновение Тегеи с Мегалополем было, очевидно, вызвано также спорами из-за раздела тех земель, которые выделил им Филипп из отторгнутых у Спарты пограничных районов. По-

[76] Ibid., s. 311.
[77] Ibid., s. 313.
[78] *Кондратюк М. А. Указ. соч., с. 32.*
[79] *Oliva P.* Op. cit., p. 207.

скольку больше всего от этой акции выиграл Мегалополь, то естественна его ориентация на Македонию и столь же естественно, что внутренние раздоры в союзе в условиях спартанского выступления приобрели форму междоусобной войны, причем Спарта смогла в своих интересах использовать некоторые полисы, входившие в союз.

Менее ясна ситуация с Элидой. В походе 338 г. до н. э. против Спарты элейцы участия не принимали. Во время восстания Фив в Элиде происходили какие-то события, которые могут быть поняты также как свидетельство острой внутренней борьбы. Арриан (I, 10, 1) сообщает, что после разрушения Фив «элейцы вернули обратно своих изгнанников, так как они были друзьями Александру». По-видимому, и здесь вступление в войну на стороне Спарты диктовалось внутренними противоречиями.

Итак, во-первых, в выступлении Агиса принимали участие только полисы Пелопоннеса, да и то не всего; во-вторых, их вовлечение в эту борьбу явилось в определенной мере результатом внутренних противоречий, корни которых отчасти лежали в прошлом, но усугублялись политикой Македонии. Сколько-нибудь серьезно за пределы Пелопоннеса это движение не вышло. В Афинах хотя и наблюдались некоторые волнения (возможный отклик их — XVII речь Демосфенова корпуса), однако движение Агиса не нашло здесь серьезной поддержки. Бэдиан [80] считает, что все объяснялось только личной позицией Демосфена [81], который не забыл нежелания Спарты сражаться на стороне афинско-фиванских сил при Херонее и потому отказался поддержать ее сейчас. Подобное объяснение вряд ли справедливо. Как уже отмечалось, Демосфен в политической жизни Афин не играл столь большой роли, как полагает Бэдиан, и обстановка здесь была гораздо сложнее [82]

После разгрома Коррага и присоединения ряда пелопоннесских полисов к Агису положение Антипатра осложнилось. На севере ему попрежнему приходилось вести военные действия с Мемноном, на юге вырастала другая опасность. К счастью для Антипатра Агис занялся осадой Мегалополя, что дало Антипатру время для подготовки контрудара. Но, с другой стороны, необходимость для Агиса осады Мегалополя также очевидна, и дело заключалось не столько в военных соображениях, сколько в политических. Мегалополь — это в значительной мере та причина, которая толкнула к Агису аркадские полисы и, по-видимому, та цена, которую они требовали за свое участие. Политика диктовала стратегию, и в самом способе ведения войны отразились некоторые особенности той политической ситуации, которая эту войну породила.

Прежде всего Антипатр постарался как можно скорее покончить с делами на севере. Видимо, условия соглашения с Мемноном были неблагоприятны для македонян: Антипатр «закончил войну во Фракии, как смог» (Diod., XVII, 63, 1), но спартанская угроза представлялась более серьезной, поэтому Антипатру пришлось уступить. Двинувшись

[80] *Badian E.* Agis III, p. 182.

[81] Ср.: *Cloché P.* Démosthènes et la fin de la démocratie athénienne. P., 1957, p. 219—222; *Cawkwell G. L.* Op. cit., p. 173 sqq.

[82] См. выше, гл. 6.

в Пелопоннес «со всем войском» (судя по контексту, очевидно, с тем, которое ему оставил Александр), он обратился к членам Коринфской лиги за помощью, согласно договору. К сожалению, источники ничего не говорят ни о составе, ни о численности тех сил, которые выделили греки, определяя их суммарно как «союзники». Однако известно, что после присоединения их у Антипатра оказалось не менее 40 тыс. человек [83]. Весьма примечательно замечание Эсхина (III, 165), что собирал их Антипатр «долгое время»,— по-видимому, греческие полисы не торопились выполнять свой «союзнический долг» (возможно, что слова Эсхина подразумевают также трудности с набором наемников).

Мы знаем, что, отправляясь в Азию, Александр оставил в Греции под командой Антипатра 12 тыс. пехоты и 1500 всадников (Diod., XVII, 17, 5). Вряд ли войско Антипатра возросло за прошедшие годы, в обстановке, когда он должен был постоянно заботиться о пополнениях для Александра. Все это позволяет считать, что союзники численно превышали собственно македонские силы. Несомненно (как и у Агиса), у Антипатра были и наемники, без которых в то время уже не мыслилась никакая война, однако об их численности нет никаких сведений. Высказывалось мнение [84], что наемники составляли значительную часть армии Антипатра, причем на том основании, что он получил от Александра большую сумму денег для борьбы с Агисом [85]. Однако тут мы вступаем в область чистых предположений, так как не знаем, как эти деньги были реализованы (не знаем даже, строго говоря, были ли они отосланы Антипатру и получены им, хотя для сомнений нет оснований). В источниках вообще не упоминается ни о каких наемниках у Антипатра: Диодор (XVII, 63, 1) говорит только об эллинах-союзниках, Эсхин (III, 165) — о сборе войска, употребляя нейтральный глагол συνάγειν. Далее, деньги Антипатру нужны были для оплаты не только наемников (в том числе и давно служивших у него), но и союзников. Наконец, трудно допустить, что Антипатру удалось собрать значительное число наемников, учитывая общее состояние рынка в те годы [86].

[83] *Diod.*, XVII, 63, 1; ср.: *Шофман А. С.* Восточная политика..., с. 438 сл.

[84] *Parke H. W.* Op. cit., p. 201 sq.; *Jaschinski S.* Alexander und Griechenland unter dem Eindruck der Flucht des Harpalos. Bonn, 1981, S. 89; ср.; *Кондратюк М. А.* Указ. соч., с. 36.

[85] Находясь в Сузах, Александр поручил Менету, гипарху Сирии, Финикии и Киликии, доставить к морю около 3 тыс. талантов серебра, чтобы отослать из них Антипатру «столько, сколько Антипатру потребуется для войны с лакедемонянами» (*Arr.*, III, 16, 9—10). О дате см.: *Badian E.* Agis III, p. 188; *Lock R. A.* Op. cit., p. 18, 27; *Bosworth A. B.* The Mission of Amphoterus..., p. 35). Размер суммы, которую Александр приказал доставить Менету, «фантастический», по выражению Бэдиана, свидетельствует о том, какую серьезную опасность видел македонский царь в выступлении Агиса. См. также: *Borza E. N.* Fire from Heaven..., p. 239—242; *Idem.* Alexander's Communications.— In: Ancient Macedonia. Thessaloniki, 1977, II, p. 298.

[86] Не менее 8 тыс. наемников из Пелопоннеса получил Александр в числе других воинов, посланных ему в качестве подкреплений на различных этапах восточного похода (*Arr.*, II, 20, 5; *Diod.*, XVII, 65, 1; *Curt.*, V, 1, 41).

Решительная битва произошла у Мегалополя. Неполное, но красочное описание ее сохранилось у Курция; в других источниках о ней либо только упоминается, либо говорится очень кратко [87]. Диодор (XVII, 63, 2), в частности, сообщает, что первыми не выдержали натиска врагов союзники Спарты, и только после этого было сломлено сопротивление лакедемонян. Курций (VI, 1, 1—16) описывает в сущности только заключительную фазу боя, подчеркивая его ожесточенность: «на памяти людей не было более отчаянного сражения». Источники единодушно отмечают отважное поведение Агиса и его героическую гибель [88]. Обе стороны понесли значительные потери, у пелопоннесцев пало 5300 человек, у Антипатра, по одним сведениям,— 3500 (Diod., XVII, 63, 3), по другим,—«не больше тысячи, но почти никто не вернулся в лагерь без ран» [89].

Поражение спартанцев и их союзников означало полное прекращение сопротивления. О судьбе побежденных сообщает Диодор (XVII, 73, 5) и Курций (VI, 1, 19—20), в сведениях которых при общности в главном есть и некоторые различия [90]. Оба историка согласны, что вопрос о Спарте обсуждался на общем собрании эллинов — членов Коринфского союза и что постановили предоставить решение его Александру. Однако если Диодор пишет, что разбитые в сражении лакедемоняне были вынуждены отправить посольство к Антипатру, а тот велел им обратиться к общему собранию эллинов, заседавшему в Коринфе, то, по словам Курция, Антипатр сам собрал совет греков, от которого спартанцы не добились ничего, кроме разрешения отправить послов к царю. У Диодора есть еще весьма важная деталь: при обсуждении судьбы Спарты «много речей было сказано за и против». А это заставляет думать, что среди делегатов синедриона были и сторонники спартанцев, представители полисов, не решившихся выступить открыто с оружием в руках. Антипатр взял заложниками 50 виднейших спартанцев (тоже сведения Диодора). Из сообщения Курция известно, кроме того, что жители Тегеи получили прощение (кроме зачинщиков), а ахейцы и элейцы [91] должны были заплатить Мегалополю штраф в 120 талантов.

[87] У Арриана нет описания конца войны. Высказывалось предположение, что это объясняется незавершенностью труда Каллисфена (*Bosworth A. B.* Arrian and the Alexander Vulgate.— In: Alexandre le Grand. Image et réalité/ Entretiens préparés par E. Badian. Genève, 1976, p. 41).

[88] *Curt.*, VI, 1, 3—4, 13—15; *Iustin.*, XII, 1, 9—11.

[89] *Curt.*, VI, 1, 16. Юстин отмечает только большие потери: «много народу пало с той и другой стороны» (*Iustin.*, XII, 1, 8).

[90] Исследователи единодушны в признании большого сходства между XVII книгой Диодора и трудом Курция Руфа, объясняя его их общим источником, но высказывают различные мнения о том, считать ли этот источник основным и отождествлять ли его с Клитархом. Библиография этого вопроса включает многие работы, из последней литературы см.: *Bosworth A. B.* Arrian..., p. 1—33; *Hamilton J. R.* Cleitarchus and Diodorus 17.— In: Greece and Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory/Ed. by K. H. Kinzl. B., 1977, p. 126—146; *Badian E.* Alexander the Great, 1948—67.— In: The Classical World Bibliography of Greek and Roman History, with a New Introduction by W. Donlan. New York; London, 1978, p. 198.

[91] См.: *Bosworth A. B.* Early Relations..., p. 179, n. 62 (об испорченности текста Курция Руфа); см. также выше.

Таким образом, Антипатр, видимо, действовал по примеру Александра после взятия Фив. Принцип политики был тот же самый: укрепить союз общностью судеб, общностью принятых решений по отношению к побежденным (и общностью ответственности).

В источниках нет прямых указаний на решение Александра относительно Спарты, но, по-видимому, верна мысль Оливы [92] о том, что в результате поражения Спарта оказалась вынуждена признать независимость Мессении. Вопрос о вхождении Спарты в Коринфский союз на основании косвенных данных решается по-разному, но большинством ученых — положительно [93].

К каким выводам приводит анализ рассмотренных событий? Для Спарты поражение Агиса означало конец определенного исторического периода. Вся ее политика после Левктр и Мантинеи определялась стремлением восстановить господство над Мессенией и контроль над Пелопоннесом; это были две взаимозависимые цели. Кризис полиса IV в. до н. э. применительно к Спарте нашел свое выражение, в частности, в утрате власти над мессенскими илотами, что подрывало базис существования Спартанского государства в его традиционной форме. В невозможности достигнуть этой цели, в новых условиях ставшей утопической, спартанцы убедились самым жестким образом.

Однако признание независимости Мессении означало для Спарты не отказ от старых целей, а только невозможность достижения их прежними, традиционными, чисто военно-политическими средствами. Политика Агиса свидетельствовала о столкновении старых методов с новой действительностью. Уже к началу IV в. до н. э. выявилась невозможность для отдельно взятого полиса достигнуть сколько-нибудь серьезного преобладания в Элладе, тем более это стало невозможно ко времени создания державы Александра. Об эту новую историческую реальность разбились мечты Агиса и спартанцев о былом величии. Источники подчеркивают, что спартанцы вышли в поход «всем народом». И это знаменательно. Спартанское общество, несмотря на те противоречия, которые уже тогда раздирали «общину равных», еще питало надежду на возвращение старых счастливых времен, времен господства над Мессенией, над ее илотами. Поражение Агиса стало своего рода поворотным моментом в истории Спарты, оно усугубило кризис спартанского полиса и в некоторых отношениях явилось предпосылкой той внутренней борьбы, которая потрясла эллинистическую Спарту.

Выступление греков под руководством спартанца Агиса предстает перед нами как сложное явление, в котором переплетались различные цели и задачи. Несомненно, это было антимакедонское движение, которое началось и проходило под лозунгами борьбы греков за свою свободу

[92] *Oliva P.* Op. cit., p. 197.

[93] См., например: *Meyer E.* Alexander der Grosse und die absolute Monarchie.— Kleine Schriften. Halle, 1910, S. 330 f.; *Tarn W. W.* Op. cit., vol. 1, p. 53; *Roebuck C.* The Settlements..., p. 91; *Hamilton J. R.* Alexander..., p. 87; ср.: *Ehrenberg.* Op. cit., col. 1419.

и независимость. Именно так оно запечатлелось в исторической традиции [94]. Однако свободолюбивые призывы Агиса не нашли отклика в Северной и Средней Греции, во всяком случае, никакой военной поддержки они ему не оказали. Эта антимакедонская борьба ограничилась рамками Пелопоннеса. Причины участия в этом выступлении ряда пелопоннесских городов были локальными, кроющимися в особенностях их развития и в особенностях сложившейся обстановки. Движение Агиса давало им возможность решать свои проблемы. Каждая из борющихся сил пользовалась лозунгами свободы и автономии, но каждый участник этой борьбы (помимо общего для всех) вкладывал в них и свое содержание. Для Спарты в те годы свобода означала свободу стремления к гегемонии в Пелопоннесе, для аркадских городов — возможность сохранить свое существование, отстояв его от поползновений Мегалополя, поддерживаемого Македонией; для Ахайи — сохранить демократический строй и избавиться от навязываемых ей силой тиранов.

Ограниченность целей, обусловленность выступления локальными причинами, отсутствие программы, которая объединила бы все или большинство греческих государств (и невозможность таковой в условиях мира полисов),— все это привело к тому, что выступление не вышло за пределы Пелопоннеса. Да и в самом Пелопоннесе часть полисов не поддержала Спарту. Слишком сильны были межполисные противоречия, чтобы можно было создать общий фронт греческих государств против Македонии.

В целом же движение Агиса представляет одно из наиболее ярких и типичных явлений переходного периода, когда полис, сохраняя еще свою жизнеспособность, должен был учиться приспосабливаться к новой обстановке. Выступление Агиса — один из примеров конфликта сходящего с исторической арены мира независимых полисов с новым нарождающимся миром больших «территориальных» эллинистических монархий.

[94] *Diod.*, XVII, 62, 7; *Iustin.*, XII, 1, 6.

ГЛАВА 8 ГРЕЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

Из богатейшего культурного наследства, оставленного нам древними греками, едва ли не самым ценным является их искусство. Со времен Возрождения оно служит образцом для европейских художников; в известной мере можно утверждать, что вся последующая европейская культура, и искусство в частности, основана на достижениях античной культуры.

Античное искусство прошло долгий путь развития, переживая периоды высокого расцвета, сменяющиеся временным упадком. Первый период расцвета относится, несомненно, к эпохе бронзы. Искусство эгейского мира, прежде всего искусство Крита и Микен, не уступает по уровню своего развития современному ему искусству древнего Востока. Наивысший же расцвет искусства Греции падает на I тысячелетие до н. э., охватывая эпохи архаики (VII—VI вв.) и классики (V—IV вв.). В эпоху эллинизма греческое искусство выходит далеко за пределы собственно Греции, подчиняет своему влиянию все Средиземноморье и, обогатясь традициями восточного искусства, вступает в новый этап развития — эллинистический. Все эти большие периоды развития греческого искусства имеют самостоятельную ценность, но в то же время они тесно связаны между собой, и каждый последующий этап базируется на достижениях предшествующего.

ИСКУССТВО НЕОЛИТА И РАННЕЙ БРОНЗЫ

Человек появился на территории Греции еще в эпоху палеолита, но о художественной деятельности его в этом районе мы можем судить лишь начиная с неолита. В эту эпоху складываются некоторые особенности художественного творчества жителей Греции, которые получат дальнейшее развитие в последующие периоды. Но уже тогда прослеживаются четкие различия между отдельными территориями Эллады.

Наиболее развитым земледельческим районом Греции времени неолита была Фессалия. Видимо, именно здесь зародилось керамическое искусство — древнейшее из прикладных искусств, созданных человеком. В Сескло, одном из центров неолитической Фессалии, найдены образцы примитивных лепных, еще не подвергавшихся обжигу сосудов. Обжиг керамики был освоен быстро, так же как обычай украшать эти простые по форме сосуды орнаментом в виде ломаных линий, треугольников, ромбов, процарапанных или нанесенных краской на поверхность вазы.

В неолитической керамике материковой Греции при всем разнообразии вариантов преобладали росписи темной или красной краской по фону глины или по светлой обмазке.

В Фессалии же появляются первые примитивные постройки типа мегарона — прямоугольные в плане, с открытым портиком с передней стороны, которые в дальнейшем будут играть столь важную роль в архитектуре эгейского мира и последующего периода. Древнейший из известных нам мегаронов открыт в Фессалии. Подобные постройки, относящиеся ко времени среднего неолита, возводились из сырцового кирпича на фундаменте из мелкого камня.

В эту же эпоху появляются и первые образцы мелкой пластики, — статуэтки, преимущественно женские, изготовлявшиеся в основном из глины. Они олицетворяли Великую мать — божество плодородия. Лучший образец найден в неолитическом поселении в Лерне (Арголида). При всей примитивности статуэтки из Лерны она отличается большой выразительностью пластических форм, характерным для ранних стадий искусства наивным реализмом.

Своеобразные черты характеризуют искусство неолитического Крита. Наряду с прямоугольными в плане домами из сырцового кирпича в неолитическом поселении в Кноссе были открыты дома, построенные из обожженного кирпича. В керамике Крита распространены росписи светлой краской по темному фону, а также вазы с гравированным орнаментом, затертым белой пастой. Художники неолитического Крита умели обращаться и с твердыми материалами. Об этом свидетельствует найденная в Кноссе статуэтка, изображающая стоящего обнаженного мужчину. Статуэтка искусно выточена из мрамора в технике, предвосхищающей кикладских идолов эпохи бронзы.

Период халколита, охватывающий в Греции конец IV — начало III тысячелетия до н. э.,— время расцвета расписной керамики. Формы ее становятся более четкими и разнообразными, роспись — более сложной. Особенно популярны мотивы шахматного орнамента, меандра и разнообразные варианты спиралей. Лучшие образцы таких сосудов происходят из поселения Димини в Фессалии, остававшейся по-прежнему наиболее развитой территорией материковой Греции. Поселение в Димини — сложное по плану, окружено стенами, расположенными несколькими рядами вокруг внутреннего двора, на котором, помимо небольших жилых хижин, была найдена обширная постройка мегаронного типа. Аналогичные сооружения, открытые в других поселениях времени халколита, свидетельствуют, что мегарон прочно вошел в быт жителей Греции.

С началом периода бронзы новые районы выдвигаются на первый план, оттесняя земледельческую Фессалию, где долго сохраняются пережитки неолитической культуры. Передовыми центрами ранней бронзы были Троада в северо-восточной части Эгейского моря и Кикладские острова. Этому способствовало их удачное расположение на путях, связывающих Грецию со странами Малой Азии.

Троя — не единственный и не самый крупный центр культуры, носящей ее имя. Однако этот легендарный город исследован много лучше

более крупных поселений на островах Лесбос и Лемнос. Многослойное Троянское городище на холме Гиссарлык возникло в первой половине III тысячелетия до н. э. Уже небольшое поселение Трои I было окружено оборонительными стенами. Техника их кладки — из крупных необработанных плит камня — значительный шаг вперед по сравнению с сооружениями неолита и халколита. Еще совершеннее стены Трои II — города второй половины III тысячелетия. Широкие в основании и сужающиеся кверху стены из рваного камня были облицованы каменным панцирем и увенчаны стеной из сырцового кирпича. Мощенный каменными плитами пандус вел к воротам крепости. Внутри нее находились постройки мегаронного типа, образующие комплекс дворца правителя, и более скромные жилые дома.

Аналогичные дома с одним или несколькими помещениями, открывающимися во внутренние дворики, образовывали городские кварталы поселения, открытого на Лемносе, в Полиохни. Дома были снабжены водостоками, некоторые имели ванны. Намечена довольно правильная планировка города, разделенного на кварталы сетью мощеных улочек, что свидетельствует о высоком для ранней бронзы развитии городской архитектуры Троады.

Развита была в Троаде и обработка металлов, о чем свидетельствуют найденные в Трое и Полиохни клады. Золотые украшения — серьги, подвески, диадемы — изготовлены из вырезанных или выбитых из тонкого золотого листа фигурок, соединенных тонкими цепочками. Вазы из золота, серебра, меди, оружие — бронзовые наконечники копий, кинжалы, топоры — сделаны в технике выколачивания. Особенно хорош своими лаконичными плавными формами, гармонирующими с материалом, сосуд с двумя сливами — так называемый соусник, выкованный из листового золота. Высокого совершенства достигало в Троаде и искусство обработки камня, сохранившее и развившее достижения предшествующего периода. Характерен декор ритуальных топоров из полированного камня — в виде цепочек рельефных бусин, воспроизводящих декор металлических изделий: явление, типичное для периода, когда металл начинает вытеснять камень. Эта тенденция — в более дешевом материале воспроизводить форму и украшения изделий из более дорогого материала — особенно четко проявляется в керамике. Так, для Трои типичны двуручные глиняные кубки, повторяющие форму сосудов, сделанных из серебра, также найденных в этом районе.

В то же время из глины изготовлялись и вполне своеобразные сосуды — так называемые лицевые урны. Схематически исполненные с помощью рельефных налепов черты человеческого лица украшали цилиндрическое тулово или крышку этих своеобразных ваз, имевших, несомненно, магическое, апотропеистическое назначение.

Троянские города были разрушены в конце III тысячелетия до н. э. в результате какого-то стихийного бедствия. Хотя в возродившихся через некоторое время поселениях II тысячелетия нет признаков смены культуры, они имеют гораздо более скромный характер. Ведущую роль в культуре Эгейского бассейна во II тысячелетии Троада утрачивает.

Другим значительным центром культуры III тысячелетия в Восточном Средиземноморье были Кикладские острова. Правда, обнаруженные здесь остатки поселений значительно уступают троянским по размерам и характеру укреплений. Жилища, состоявшие из нескольких помещений, располагавшихся вокруг открытых дворов, строились из каменных плит — материала, в изобилии встречающегося на островах. Ими же выложены погребения — ямы прямоугольной или круглой в плане формы; последние, возможно, явились зародышами позднейших толосовых гробниц. Но наиболее яркими образцами каменной культуры Киклад являются так называемые кикладские идолы — фигурки, клавшиеся в могилы в виде погребальных приношений. Выточенные из мрамора — этим материалом богаты острова,— эти фигурки имеют разные размеры — от нескольких сантиметров до метра и более в высоту. Почти все они изображают обнаженную женскую фигуру, стоящую со скрещенными на груди руками; голова закинута назад, как бы обращена вверх, на плоском овале лица выделяется треугольный выступ носа. Детали исполнялись краской. Эти идолы изображают, несомненно, богиню плодородия. Менее ясны немногочисленные изображения музыкантов — флейтистов и арфистов. Лучшая из них, статуэтка арфиста, происходит из погребения на о. Керос. Несмотря на присущую ей, как и всем кикладским идолам, сознательную геометризацию форм, связанную с их материалом, эта статуэтка обладает большой выразительностью.

О высокой технике обработки камня на Кикладах свидетельствуют и многочисленные происходящие отсюда вазы из алебастра, мрамора,

КИКЛАДСКИЙ ИДОЛ. III тыс. до н. э.

серпантина. В простых, округлой формы чашах и мисках превосходно выявлены особенности материала. Наряду с ними распространены другие изделия из камня, такие, как шкатулки с крышками, украшенными рельефным спиралевидным орнаментом; в них чувствуется определенное воздействие изделий из металла. Аналогичный декор украшал и глиняные вазы, в том числе специфически кикладские изделия — плоские овальной формы сосуды с невысокой закраиной, так называемые кикладские сковороды. Несомненно ритуальное назначение этих сосудов, на что указывают появляющиеся среди украшающих их спиралей изображения женских половых органов, а также схематические изображения кораблей. Мотив спирали, широко распространенный в искусстве бронзового века во всем Эгейском мире, возможно, связан с идеей бесконечного движения в природе, в частности движения морских волн. Однако точный смысл и генезис этого орнамента до сих пор не выявлены.

С Кикладами III тысячелетия до н. э. тесно связан остров Крит. Среди критских памятников того времени встречаются близкие кикладским изделия. Так, здесь широкое распространение получили сосуды с длинными носиками — сливами, воспроизводившие металлические образцы,— подобные вазы были популярны и на Кикладах. Изготовлялись они как из камня, так и из глины. Среди многочисленных вариантов критской керамики периода ранней бронзы следует отметить вазы стиля Василики, роспись которых — в виде многоцветных пятен — воспроизводит узоры изделий из пестрых камней. Большой выразительностью отличаются фигурки животных, вырезанные на каменных печатях,— подобные изображения свидетельствуют о том, что в основе их лежат живые наблюдения окружающего мира.

В архитектурных сооружениях критян этого времени можно видеть прообразы последующего высокого расцвета эгейской архитектуры II тысячелетия до н. э. Жилища представляют собой конгломерат произвольно соединенных небольших помещений (жилой дом в поселении Василики); из них, возможно, развились критские дворцы-лабиринты. Обнаруженные в долине Мессары круглые в плане погребальные сооружения, перекрытые ложными сводами, по существу могут считаться примитивными толосами.

Искусство материковой Греции III тысячелетия мало известно. Открытие укрепленного поселения в Лерне свидетельствует, что и здесь общество эпохи ранней бронзы достигло высокого уровня развития. Поселение в Лерне возникло еще в первой половине III тысячелетия. Оно окружено стенами из двух рядов кладки, с помещениями между ними; стены были укреплены башнями. Под защитой стен было сооружено обширное здание мегаронного типа; в последние столетия III тысячелетия на его месте было воздвигнуто другое здание аналогичного типа, но более сложной планировки, с узкими коридорами, обрамляющими центральное помещение. Здание это, построенное из сырцового кирпича на каменном фундаменте, было крыто глиняной черепицей, что говорит о достаточно высоком развитии архитектуры. Дом с черепицей был, очевидно, жилищем местного правителя.

КИКЛАДСКИЙ РИТУАЛЬНЫЙ СОСУД С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КОРАБЛЯ. III тыс. до н. э.

О материальном достатке и имущественной дифференциации населения свидетельствуют найденные в Лерне оттиски печатей — знаки личной собственности — с геометрическими орнаментами и очень условно исполненными изображениями животных. Керамика материковой Греции этого периода отмечена стремлением воспроизводить металлические образцы с их четкими, чеканными формами.

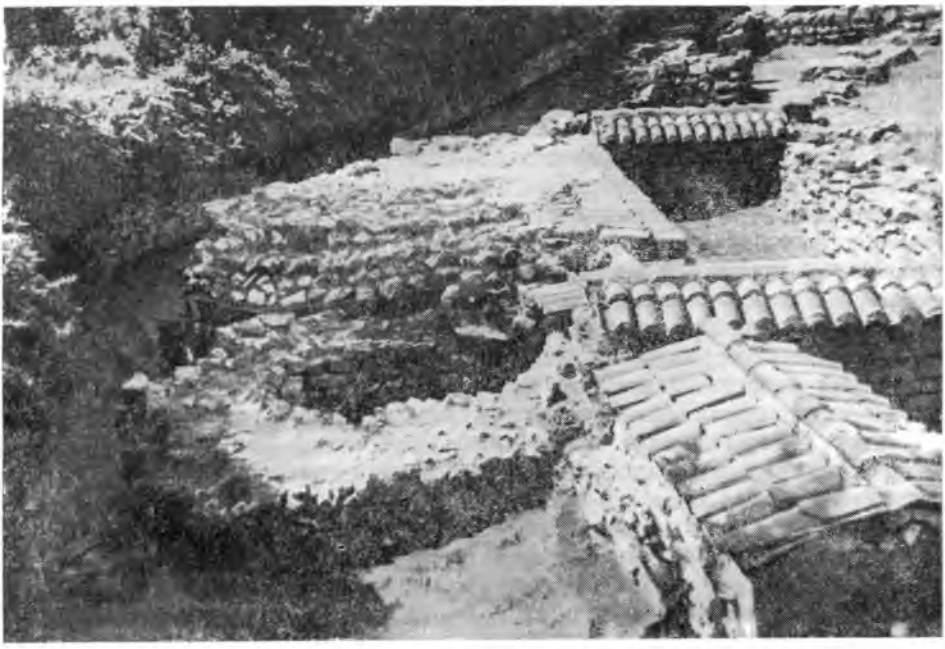
ИСКУССТВО ЭГЕЙСКОГО МИРА II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

Поселение в Лерне и другие центры материковой Греции раннего бронзового века были разрушены в конце III тысячелетия, как считают, пришедшими с севера племенами, в которых можно видеть племена греко-

язычных ахейцев. В начале II тысячелетия Греция переживает период упадка. На Крите же, не испытавшем таких потрясений, развитие культуры III тысячелетия привело к расцвету острова, ставшего центром морской державы, господствовавшей в Эгейском бассейне. Очевидно, Крит в этот период представлял собой союз нескольких государств, может быть, объединенных под главенством Кносса, крупнейшего центра Крита. Здесь и в других критских центрах, из которых нам известны Фест, Маллия и Като Закро, на рубеже II тысячелетия возникают так называемые Старые дворцы, являвшиеся резиденциями правителей. Эти дворцы погибли около 1700 г. до н. э., видимо, в результате какой-то геологической катастрофы. Никакими изменениями в культуре эта катастрофа не сопровождалась. Период Новых дворцов, воздвигнутых на руинах Старых, является дальнейшим развитием, на более высоком уровне, культуры предшествующего времени. Архитектура дворцов не претерпела никаких принципиальных изменений, сохранившиеся части Старых дворцов вошли как составная часть в структуру Новых, что позволяет рассматривать дошедшие до нас памятники как единое целое.

Критская архитектура не знала столь жестких правил и законов, как, например, архитектура древнего Египта, но все же нельзя отрицать наличие в ней определенных закономерностей. Особенно четко это прослеживается именно в дворцовой архитектуре. Центром критского дворца всегда являлся обширный прямоугольный двор, вокруг которого в несколько этажей располагались различные помещения, соединенные многочисленными переходами и лестницами. Определенные части дворца были отведены для жилых комнат и парадных зал. Склады для припасов, мастерские и другие подсобные помещения располагались на периферии дворца. Дворцы всегда имели несколько входов, причем, судя по сохранившимся руинам, фасады зданий не акцентировались, входы нередко старались скрыть за выступами стен. Эта архитектура была обращена не к внешней среде, а вовнутрь. Внутреннее оформление отличается большим разнообразием. Помещения освещались своеобразными устройствами, так называемыми световыми колодцами — узкими двориками, пронизывавшими все этажи сверху донизу. Вокруг двориков шли обычно лестницы, опиравшиеся на колонны. Критские колонны своеобразны — их стволы расширяются не книзу, а кверху, к капители, представляющей собой валикообразное утолщение. Колонны, сделанные из стволов деревьев, перевернутых нижней частью вверх (что, возможно, определяло их форму), опирались на каменные основания и расписывались. Форма колонн, лишенная массивной устойчивости египетских пилонов или греческих колонн, отличалась динамичностью. Хотя критские архитекторы и знали парное расположение колонн и столбов, они предпочитали располагать отдельные колонны в центре дверных проемов, по оси, что также лишало их постройки строгой уравновешенности. В целом критская архитектура характеризуется живописностью построения, бесконечной сменой видов и планов. Постройки свободного располагаются на склонах холмов, естественно и тесно сливаются с окружающим пейзажем.

Наиболее полное представление об архитектуре Крита дает дворец



УКРЕПЛЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ В ЛЕРНЕ. XXIII в. до н. э.

в Кноссе, частично восстановленный открывшим его А. Эвансом. Северный вход вел в обширный зал, разделенный на три нефа двумя рядами столбов. Узкий проход соединял его с центральным двором. С западной стороны двора расположены официальные помещения, в том числе «тронный зал» и «капелла»,— очевидно, культовые помещения, где происходили какие-то религиозные церемонии. Широкий коридор, параллельный двору, отделял эти помещения от длинных и узких кладовых, занимавших всю западную часть дворца. Припасы хранились в прямоугольных, выложенных камнем ямах и больших глиняных пифосах. К парадным помещениям, находившимся на втором этаже, вели широкие лестницы со двора и из вестибюля, длинным коридором связанного с юго-западным входом во дворец. В восточной половине дворца, в нижних этажах, врезанных в склон холма, располагались жилые комнаты, благодаря этому укрытые от летнего зноя и зимних холодов. В северо-восточной части находились различные мастерские.

Обязательной принадлежностью дворцов являются зрелищные площадки — мощенные плитами дворы, обрамленные каменными лестницами, на ступенях которых располагались зрители. Обычно они помещались в северо-западной, как в Кноссе, или западной, как в Фесте, частях дворца. Зрелищная площадка в Фесте, восходящая еще к периоду Старых дворцов, сохранилась особенно хорошо. Очевидно, именно здесь происхо-

дили ритуальные игры с быками, известные по изображениям на критских фресках.

Следует отметить высокий уровень санитарного устройства дворцов, имевших специальные ванные помещения, развитую канализационную систему и водопроводы, доставлявшие питьевую воду.

Дворцы Крита, построенные по единым принципам, имели и свои индивидуальные особенности. Так, в Фесте и Маллии внутренние дворы имели с одной или двух сторон крытые портики, поддерживаемые колоннами. Эта идея, плодотворная в условиях жаркого климата, получит дальнейшее развитие в греческой архитектуре. Особенностью этих двух дворцов является отсутствие в них фресковых росписей — загадка, до сих пор не имеющая удовлетворительного объяснения. Можно отметить и другие особенности, например круглые ямы-хранилища в Маллии или зал с большим бассейном в Като Закро.

Помимо дворцов, на Крите открыт целый ряд построек меньшего масштаба, в которых видят загородные резиденции правителей (вилла в Агиа Триаде) или жилища богатых жителей острова. В основе их архитектуры лежит тот же принцип живописной планировки, хотя они не имеют центральных дворов, являвшихся, очевидно, особенностью именно дворцовых построек.

Тот же принцип свойствен и планировке критских городов, из которых лучше всего исследована Гурния. Кварталы жилых домов, обычно двухэтажных, с небольшими комнатами, разделенные мощеными улочками, расположены вокруг центральной площади, что напоминает расположение дворцовых помещений вокруг внутреннего двора.

Неотъемлемой частью внутреннего убранства Кносского дворца являются фресковые росписи. Вопрос о зарождении и развитии этого вида искусства еще во многом неясен. Стены Старых дворцов окрашивались однотонно, преимущественно в красный цвет. Фрески появляются лишь в Новых дворцах. Самая ранняя кносская фреска —«Собиратель шафрана»— датируется XVII в. до н. э. В ней фресковое искусство минойцев предстает уже в развитом виде, как по технике, так и по стилю исполнения. «Собиратель шафрана»— часть фриза небольшого размера, украшавшего одно из помещений дворца. Фигура юноши, рвущего цветы, сохранилась неполностью, пропорции ее неправильны, но движение передано исключительно живо. Растения окружают фигуру снизу и сверху — сад показан как бы в плане (типичный прием критских живописцев).

Более поздние росписи Кносса, времени расцвета Новых дворцов, изображают преимущественно сцены из жизни дворца — это живые образы придворных дам (особенно выразительна одна из них, названная Парижанкой), танцовщиц, многофигурные миниатюрные фрески, представляющие какие-то торжественные церемонии. Широко распространены были пейзажные фрески, лучше всего сохранившиеся в Царской вилле в Агиа Триаде: среди разноцветных скал, поросших растениями, прячутся птицы, охотятся хищные животные. Удивительно верно переданы их позы и движения; не впадая в натурализм, художники Крита преодолевают свойственную более ранней фреске «Собиратель шафрана» условную сти-

лизацию в передаче живой природы, сохраняя свойственную ей высокую декоративность. К лучшим образцам критской стенописи относятся также прекрасная фреска с лилиями из виллы в Амнисосе близ Кносса и фреска с дельфинами из Кносского дворца. Близость к живой природе, использование ее образов без буквального копирования, характерные для всего критского искусства, в фресковых росписях проявляются особенно ярко. Несомненно, такому органичному восприятию окружающей среды способствовало отсутствие на Крите сковывающего догматизма религиозных верований, свойственное странам Древнего Востока. Недаром Крит не знал монументальных храмовых сооружений и колоссальных статуй богов.

В более поздних фресках Кносса, относящихся к XV в., нарастают элементы стандартизации, повторяются одни и те же приемы — это чувствуется уже в изображениях фрески «Процессии», украшающей юго-западный коридор. Изображены, видимо, данники, несущие дары царю или божеству. Ритмическое повторение нескольких сотен фигур, различающихся лишь деталями одежды или предметами, которые они несут, придает этой монументальной фреске, частично восстановленной Эвансом, известную монотонность. То же ощущается во фресках «Игры с быком» — сценах ритуальных акробатических упражнений юношей и девушек на несущемся галопом быке, образующих длинный фриз. Несмотря на передачу стремительного движения, фигуры кажутся как бы застывшими в сложных позах, повторяющихся от одной картины к другой. Завершением развития критской живописи является самая поздняя фреска Кносса, украшающая «Тронный зал»,— грифоны, симметрично лежащие по сторонам трона в строго геральдических позах. Живая естественность фресок периода расцвета здесь уступает место чисто декоративным тенденциям.

Но в лучших произведениях позднего периода сохраняются традиции критской живописи, примером чего является саркофаг из Агиа Триады, датируемый примерно 1400 г. до н. э. Изображенные на нем сцены заупокойных церемоний, несмотря на плоскостной, линейно-контурный стиль исполнения, полны живых деталей, движение фигур передано верно, сохранен богатый колорит, в котором преобладают теплые, желто-красные тона.

С монументальной живописью Крита тесно связана его вазопись. Ко времени Старых дворцов относится керамика стиля Камарес (названная по пещере, где были найдены первые ее образцы). Можно проследить генетические связи этой керамики с вазами III тысячелетия до н. э., хотя она далеко продвинулась и по технике исполнения, и по великолепному декору. В конце III тысячелетия критские гончары освоили гончарный круг, что заметно улучшило керамическую технику. Вазы стиля Камарес бесконечно разнообразны по формам и размерам — от миниатюрных тонкостенных чашечек (так называемых яичных скорлупок) до монументальных пифосов. Кувшины с длинными носиками, миски, тарелки, вазы для фруктов, чаши на низких и высоких ножках покрыты красочной росписью, исполненной светлыми красками по темному фону или белой и черной — по красному. В основе орнаментов лежат растительные мотивы,

претворенные фантазией художника в сложный, стилизованный декор. Нередко в него включаются и реалистические изображения — рыбы или цветы (на вазах из Старого дворца в Фесте).

Вазы стиля Камарес, по времени предшествующие развитию критской фресковой живописи, могли оказать известное воздействие на ее становление. В ранних фресках использован тот же прием росписи светлыми красками по темному фону. В дальнейшем вазопись развивается под несомненным воздействием монументальной живописи. К периоду расцвета критской вазописи относятся разнообразные вазы, украшенные растительными мотивами: цветы (лилии и тюльпаны), пальмы, папирус и просто мелколиственная трава удачно используются для декора, исполняемого темной краской по светлому фону. Во второй половине XVI в. до н. э. появляются вазы с росписью, заимствованной из мира морской фауны. Особенно выразительны осьминоги, как бы оплетающие щупальцами сосуды округлых форм. Изображения эти вполне реалистичны, но вазописцы, не забывая об их декоративном назначении, сохраняют элемент легкой стилизации и всегда тесно связывают роспись с формой вазы.

Не менее высоко развиты были и другие виды прикладного искусства. Крит не знал монументальной скульптуры, но статуэтки и рельефы небольшого размера получили широкое распространение. В тайнике близ святилища в Кносском дворце был найден ряд изделий из фаянса, в том числе две статуэтки, изображающие богинь или жриц со священными змеями. Правильные пропорции фигур, выразительные жесты, детально переданные одежды дополнены яркой расцветкой. В том же материале исполнены рельефные пластины с изображениями козы с козлятами и коровы с теленком; позы и движения животных выглядят исключительно естественно.

Наиболее совершенными образцами критской скульптуры являются каменные вазы-ритоны в виде голов быка и львицы; в них снова поражает великолепное знание живых существ. Интересны также рельефные вазы из стеатита, особенно ваза из Агиа Триады с изображением шествия сборщиков урожая, сопровождаемых певцами и музыкантами. Движения и лица фигур переданы с подлинным реализмом.

Немногочисленные дошедшие до нас изделия из металла свидетельствуют, что и в этой области критские мастера достигли высокого уровня. Лучшие образцы творчества критских торевтов происходят не с острова, а из материковой Греции. Таковы найденные в толосе в Вафио близ Спарты два золотых кубка XV в. до н. э. На одном из них изображена сцена ловли в сети диких быков, на другом — приручение пойманных животных. Сюжеты типично критские; стилистически рельефы кубков близки фрескам Кносса и по трактовке животных, и по передаче окружающего их пейзажа.

Высокого развития на Крите достигло искусство глиптики. Резные печати, знак личной собственности или высокого общественного положения владельцев, делались из полудрагоценных камней и золота. Преобладали овальные и миндалевидные печати с изображениями животных, столь же выразительно переданных, как на фресках и рельефах. Особенно ин-

ВАЗА СТИЛЯ КАМАРЕС. XVIII в. до н. э.

тересны золотые перстни с изображениями культовых сцен. На более поздних печатях преобладают геральдические композиции.

Критское искусство не ограничивалось пределами острова. Памятники его открыты на многих островах Эгейского моря — Мелосе, Родосе и др. Недавние раскопки на о. Фера (Санторин), близ селения Акротири, открыли город, погребенный под мощным слоем пепла при извержении вулкана. Найдены двух- и трехэтажные дома, стоявшие вдоль мощенных камнем улиц. Дома построены из прямоугольных блоков туфа, двери и окна обрамлены тщательно вытесанными из камня притолками и рамами. Крыши домов, вероятно, были плоскими и служили террасами.

Самым ценным результатом раскопок в Акротири является открытие большого числа великолепных фресковых росписей, украшавших стены домов. Живопись или покрывала стены от пола до потолка, или тянулась узким фризом по их середине — приемы, известные по росписям Крита. Лучшие из фресок отличаются исключительной выразительностью исполнения, смелым, свободным и живым рисунком. С подлинно реалистической силой изображены, например, белые антилопы, украшавшие одно из помещений большого здания дворцового типа. Грациозные тела жи-

вотных уверенно очерчены широким черным контуром. Столь же естественно найденное рядом с ними изображение двух боксирующих мальчиков, исполненное с полным знанием анатомии детского тела. Чрезвычайно жизнерадостна по решению фреска «Весна», украшающая совсем небольшую комнату: на разноцветных, причудливых очертаний скалах растут красные лилии, между их изгибающимися, как бы под дуновением ветра, стеблями порхают ласточки. На других фресках растения исполнены более строго, подчеркнуто симметрично, акцентирован их декоративный характер (фреска «Морские лилии»).

Особенно интересны — и по художественным приемам, и, главное, по тематике — миниатюрные фрески, открытые в одном из помещений Западного дома. В одной части длинного фриза, опоясывавшего стены, изображена река, видимая в плане сверху,— прием, известный по фрескам Крита. Детально переданы растущие по ее берегам пальмы и кусты, населенные различными животными и птицами. Далее представлены сцены морского сражения и войско, высаживающееся на берег. Основная часть фриза посвящена изображению кораблей, плывущих по морю, между гористыми островами, на берегах которых расположены обнесенные стенами города. Небольшие размеры росписи не мешают тщательности исполнения деталей, живой передаче человеческих фигур в движении. Сюжеты этих росписей, возможно отражающие реальные события истории Эгейского мира, еще нуждаются в интерпретации.

Фрески Феры по стилю близки критским, но отличаются рядом своеобразных приемов, что позволяет утверждать, что на острове существовала самостоятельная художественная школа. Это подтверждают и памятники вазописи, происходящие из раскопок Акротири. Наряду с керамикой, привезенной с Крита, здесь найдены вазы местного производства, характеризующиеся собственной тематикой и особым исполнением росписей, например сосуды с изображениями птиц, ларнаки с фигурами животных, переданными лаконичным и уверенным контурным рисунком.

Находки на Фере впервые в значительном масштабе показали характер искусства периферии минойского мира, не столь блестящего, как искусство критских дворцов, но еще более живого и непосредственного в своей близости к окружающему миру.

С колоссальным извержением вулкана Санторин около середины II тысячелетия до н. э., от которого погибло поселение близ Акротири, связывают и конец расцвета культуры критских дворцов. Последующий период истории и искусства Крита во многом неясен. После гибели критских дворцов в середине XV в. до н. э. жизнь продолжалась лишь в Кноссе, что связано с подчинением Крита в какой-то форме власти микенской Греции, к которой перешла роль гегемона в бассейне Эгейского моря. Искусство Крита этого времени характеризуется несомненным упадком, нарастанием элементов схематизма и условности.

Культура материковой Греции начала II тысячелетия до н. э. значительно уступала критской по уровню развития. Многие поселения III тысячелетия были заброшены, в других, как, например, в Лерне, жизнь продолжалась, но была гораздо более скромной. Типичным поселением

БОГИНЯ СО ЗМЕЯМИ. Статуэтка из Кносса. Конец XVII в. до н. э.

этого времени является Дорион IV в Мессении. Окружающие его стены по масштабу и простоте устройства несравнимы со стенами Лерны. В центре поселения находился пятикомнатный дом — жилище родового вождя. Жилые дома, небольшие, с неправильными четырехугольными помещениями, строились экономно, имели смежные стены. Распространяются дома абсидальные и овальные в плане; умерших хоронят рядом с жилищами, в простых, выложенных камнем ямах. Все эти новые черты связываются с новым населением, появившимся в Греции в конце предшествующего периода,— ахейцами. Видимо, с ними связан и новый тип керамики — монохромные полированные сосуды серого или черного цвета, так называемые минийские. Они отличаются четкими формами, хорошим качеством исполнения, по виду напоминают каменные или металлические вазы. Наряду с ними существовали и сосуды с росписью матовой темной краской в виде кругов, ромбов и треугольников, соединенных в полосы или свободно расположенных в верхней части сосудов.

Искусство Греции этого периода известно далеко недостаточно, мы не можем проследить все этапы его развития, приведшего к расцвету XVII—XVI вв. до н. э., известному по находкам из шахтовых гробниц Микен. Микены в XVII в. играли ведущую роль среди других поселений Пелопоннеса; хотя следов раннего городища почти не сохранилось, известно, что здесь существовал укрепленный акрополь с дворцом правителя. Погребали жителей этого дворца в шахтовых гробницах, представлявших собой большие, глубиной 3—5 метров, ямы, тщательно облицованные каменной кладкой и перекрытые каменными плитами.

В Микенах открыты две группы шахтовых гробниц, обнесенных круглыми каменными оградами. Ранняя группа — круг Б — расположена за пределами акрополя. Древнейшие могилы этого круга, датирующиеся XVII в., меньше по размерам, ближе к прообразам, ящичным погребениям, имеют скромный погребальный инвентарь. Погребения XVI в. богаче, в них открыты золотые украшения, бусы, бронзовые мечи. Среди находок следует отметить такие высокохудожественные произведения, как чаша из горного хрусталя с ручкой в виде головы утки; тулово сосуда воспроизводит тело птицы, длинный слив — ее хвост. Большой интерес представляет также гемма из аметиста с вырезанным на ней профилем бородатого человека, наделенным явно индивидуальными чертами. Склонность к передаче конкретных изображений человеческого лица, очевидно вызванная какими-то погребальными обрядами, выразилась в своеобразном, встреченном из всех центров микенской Греции лишь в Микенах обычае покрывать лицо умершего металлической маской. Одна маска, сделанная из электра, найдена в позднем погребении круга Б. На овальном листе металла рельефно обозначены черты человеческого лица, выполненные весьма схематично. Над могилами круга Б стояли каменные плиты с рельефными изображениями, преимущественно сцен охоты. Эти примитивные рельефы — древнейшие образцы самобытной каменной скульптуры Греции.

Аналогичные стелы стояли и над могилами второго круга гробниц, открытого Шлиманом,— круга А. Возникновение этого нового погребаль-

ВАЗА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СБОРЩИКОВ УРОЖАЯ ИЗ АГИА ТРИАДЫ.
XVI в. до н. э.

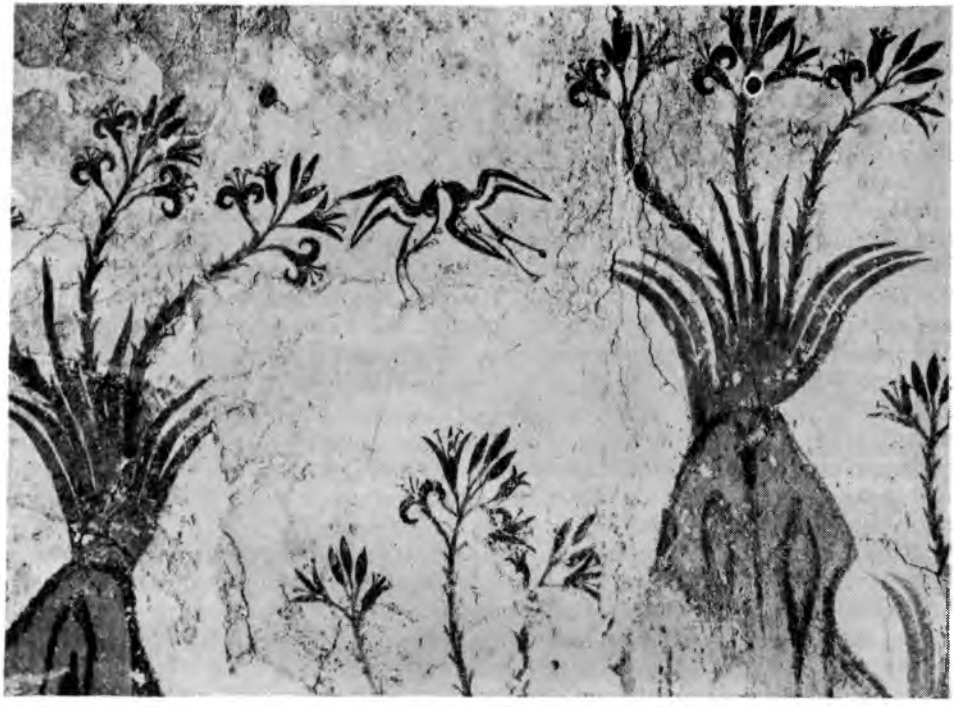
ного комплекса в XVI в. до н. э., когда еще функционировал круг Б, было вызвано какими-то изменениями в жизни Микен, возможно сменой правящей династии. Могилы круга А по устройству сходны с предыдущими, но значительно больше по размерам и несравненно богаче по погребальному инвентарю. В них найдены золотые, серебряные и бронзовые вазы, бронзовые мечи с золотыми рукоятями, инкрустированные кинжалы, золотые погребальные маски, бесконечное количество золотых украшений. Среди находок высокими художественными достоинствами выделяются произведения критских мастеров. Таковы два ритона — золотой в виде головы льва и серебряный с золотыми деталями в виде головы быка. Последний по форме и характеру передачи облика животного особенно близок критским каменным скульптурным ритонам. Несомненно критского производства инкрустированные кинжалы, хотя на Крите аналогичных памятников не найдено. Возможно, они были сделаны по специальному заказу, как парадное оружие, символ власти правителей Микен. Такие же кинжалы найдены и в других царских погребениях микенской Греции; так, два великолепных кинжала происходят из толоса в Мирсинохори, близ Пилоса. Декор кинжалов выполнен в технике инкрустации из золота, серебра и черни на узких бронзовых пластинках, вставленных в углубления, вырезанные на клинках. На самом большом кинжале из Микен представлена сцена охоты на львов, на двух

кинжалах — из Микен и Мирсинохори—изображены хищники, охотящиеся на птиц, по сюжету и стилю близкие критским фрескам; морские моллюски на втором кинжале из Мирсинохори аналогичны декору критских ваз «морского стиля». Техника инкрустации металлом по металлу, являющаяся изобретением критских художников, была воспринята микенскими торевтами и встречается в более упрощенном виде в декоре золотых и серебряных ваз.

Вероятно, критские мастера исполнили также золотые кольца-печати, найденные в погребениях круга А. Они близки аналогичным изделиям, происходящим с Крита, но сюжеты, вырезанные на них,— сцена сражения на одном кольце, сцена охоты — на другом,— местные, микенские. Возможно, и печати были изготовлены критскими мастерами по заказу микенских правителей.

Наиболее многочисленные находки круга А — вазы, золотые украшения и оружие. Это, несомненно, изделия местных, микенских мастеров, но в ряде случаев можно говорить о прямом подражании критским образцам. Таковы, например, золотые рельефные пластины, украшавшие деревянную шкатулку. На них изображены львы, преследующие козлов и оленей; мотив охотящегося хищника хорошо известен в критском искусстве. Микенский мастер, несомненно, знал критские памятники, но, воспроизводя животных, прыгающих среди скал и деревьев, он дал их стилизованно, распластанно, в неестественных поворотах, а окружающие растения превратил в орнаментальные фигуры. Точно так же трактованы многочисленные рельефные бляшки в виде бабочек, осьминогов, фигурок людей. Строго симметричен орнамент золотой рукояти меча, украшенной спиралями и завершающейся двумя звериными головами. Мотив спирали популярен в микенском искусстве, он украшает и металлические вазы, и золотой нагрудник, встречается на каменных стелах.

Специфически микенские произведения, не имеющие аналогий в искусстве Крита,— погребальные маски, закрывавшие лица умерших. В погребениях круга А было найдено пять золотых масок. Две из них, видимо более ранние, близки маске из круга Б — они сравнительно небольшие, исполнены в плоском рельефе. Значительно индивидуальнее две другие маски, бóльшие по размеру, выпуклые, с круглыми глазами. Пятая, «маска Агамемнона», самая поздняя и совершенная из всех, исполнена наиболее тщательно и выразительно. Вряд ли в этих масках можно видеть «древнейшие греческие портреты», как считают некоторые исследователи. Видимо, это — типовые изображения, убедительно, но обобщенно передающие тип сурового микенца, воина-вождя. Обычай закрывать лица умерших правителей золотыми масками известен только по находкам в шахтовых гробницах. Позже он, видимо, не практикуется. До сих пор не решен вопрос о его происхождении. В современном Микенам мире погребальные маски существовали лишь в древнем Египте. О связях Крита с Египтом хорошо известно и по находкам египетских памятников на Крите, и по изображениям критян на египетских фресках в фиванских гробницах. Однако аналогичными данными о прямых связях с Египтом Микен этого времени мы не располагаем. Среди находок из



ФРЕСКА «ВЕСНА» ИЗ РАСКОПОК В АКРОТИРИ НА О. ФЕРЕ. XVI в. до н. э.

шахтовых гробниц нет египетских изделий, и говорить о заимствовании этого обычая из Египта нет никаких оснований.

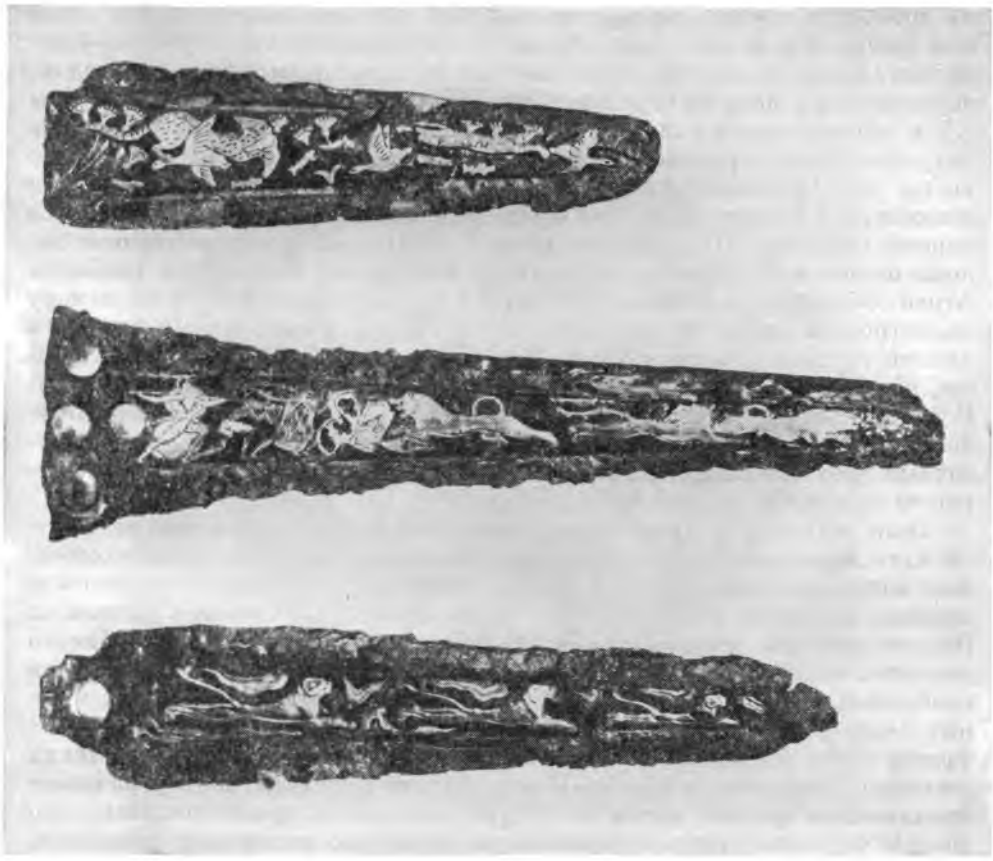
Столь богатых находок, как памятники, происходящие из шахтовых гробниц, от последующего времени не сохранилось. Представление о дальнейшем развитии микенского искусства дает керамика. Из погребений XV в. до н. э. происходят вазы так называемого дворцового стиля. Это название они получили по находкам такой же керамики в позднейших слоях дворца в Кноссе времени подчинения его микенскому господству. Роспись этих сосудов, преимущественно стройных амфор с тремя ручками, представляет собой стилизованные и упрощенные, превращающиеся в орнамент живые мотивы критской вазописи эпохи расцвета — изображения растений, морских моллюсков, осьминогов. Наряду с подобными вазами в микенской Греции существуют и более скромные по декору так называемые эфирейские кубки, украшенные изображениями розетты или стилизованного цветка; форма их восходит к минийской керамике начала тысячелетия.

Период расцвета микенской культуры, охватывающий XIV—XIII вв., характеризуется прежде всего грандиозными архитектурными сооружениями. Наилучшее представление об архитектуре того времени, носящей

ярко выраженный крепостной характер, дает Тиринф — крепость, расположенная на скалистом холме близ Арголидского залива. Окружающие ее мощные стены, достигающие толщины в четыре с половиной метра, состоят из двух панцирей, сложенных из огромных, грубо обработанных камней; пространство между панцирями заполнено бутом. В некоторых местах стены расширяются, в их толще устроены проходы с казематами для хранения припасов. Строго продумана оборона крепостных ворот: широкий входной проем открывается в проход, обрамленный стенами и прегражденный еще двумя расположенными друг за другом воротами. Враги, проникшие в этот проход, оказывались под ударами находившихся на стенах защитников крепости. Проход подводил к внешнему двору, на который выходили пропилеи дворца. За ними находился обширный внутренний двор с дворцовыми сооружениями, центр которых образовывали два мегарона. С западной стороны крепости находился второй, тайный выход: узкая, высеченная в скале лестница, переходящая в сводчатый проход. С севера к акрополю примыкала территория укрепленного стенами нижнего города, служившая убежищем для населения в случае нападения врагов; здесь открыт подземный проход к источнику, снабжавшему водой осажденных.

По аналогичным принципам построены оборонительные сооружения Микен. Подход к главным воротам фланкирован крепостной стеной и выступающим бастионом, что обеспечивало их защиту. Ворота — шириной более трех метров — перекрыты громадным каменным блоком. Для облегчения его тяжести в кладке стены над ним оставлен пустой треугольник, заложенный каменной плитой,— прием, характерный для микенской архитектуры. С внешней стороны на этой плите изображены в рельефе два льва, стоящие в геральдических позах по сторонам алтаря с колонной. Поэтому ворота Микен называются Львиными. Как и в Тиринфе, в Микенах существует второй, запасной выход и подземный источник, к которому ведет подземная, высеченная в скале лестница. В пределы стен акрополя, воздвигнутых в XIV или начале XIII в., был включен круг гробниц А, окруженный каменной стеной и, очевидно, почитавшийся как священное место. В центре акрополя располагался дворец микенских царей, окруженный домами микенской знати. Многокомнатные жилища горожан были открыты и за пределами акрополя.

Из микенских дворцов лучше всего сохранился дворец в Пилосе (юго-западная Мессения), обнаруженный в результате раскопок 50-х годов. Первоначально был сооружен (в начале XIII в. до н. э.) малый дворец, позже построен большой дворец, включивший малый как западное крыло. Строгая продуманность почти симметричного плана, центром которого является мегарон с круглым очагом в середине,— отличительная черта микенской архитектуры. Мегарону всегда предшествует вестибюль — продромос — и открытый двухколонный портик, выходивший во внутренний двор. В Пилосе по сторонам мегарона расположены коридоры с выходящими в них помещениями кладовых, в которых сохранились большие пифосы для хранения припасов. Жилые комнаты дворца, находящиеся в восточной его части, группируются вокруг второго, меньшего по раз-



КИНЖАЛЫ С ИНКРУСТАЦИЕЙ ИЗ ГРОБНИЦ «КРУГА А» В МИКЕНАХ. XVI в. до н. э.

мерам мегарона. Среди них есть благоустроенная ванная комната. Жилые и парадные помещения находились, вероятно, и на втором этаже дворца. В изолированной камере у входа был найден дворцовый архив — несколько тысяч табличек с надписями линейного письма Б, послужившие основным материалом для его дешифровки.

В Микенах и Тиринфе дворцы сохранились много хуже, но ясно прослеживается тот же план, в основе которого лежит мегарон, служивший местом официальных собраний и культовых церемоний. Симметричная центрическая планировка микенской архитектуры принципиально отличается от живописной архитектуры Крита и восходит к более ранним мегаронным постройкам Греции.

Своеобразна и погребальная архитектура Микен. Шахтовые гробницы в XV в. до н. э. уступили место камерным гробницам, состоявшим

из дромоса и камеры, прямоугольной или круглой, высеченной в скале или вырытой в земле. Для царских погребений служили толосы — монументальные постройки, круглые в плане, перекрытые ложным сводом, образованным напуском рядов горизонтальной кладки. Первые толосы XV в. обнаружены в районе Пилоса. Вопрос о происхождении этого типа погребального сооружения до сих пор не решен окончательно. Скорее всего, они развились из камерных гробниц. Могло сыграть роль и знакомство с ранними толосами Крита, позднейшие из которых датируются первой половиной II тысячелетия до н. э. Наиболее величественные толосы открыты в Микенах, лучший из них — так называемая гробница Атрея. Облицованный камнем открытый дромос ведет в круглую камеру диаметром около 15 метров, перекрытую сводом, образованным напуском камней горизонтальной кладки. Выступы камней были тщательно стесаны, свод имел улевидную форму, был украшен бронзовыми розеттами. В центральную камеру открывалась боковая, служившая местом погребения. Вход в толос устроен по принципу Львиных ворот — с разгрузочным треугольником над массивной притолкой. Фасад толоса был украшен рельефной каменной облицовкой.

Если микенская архитектура принципиально отличается от критской, то микенская монументальная живопись развивалась под несомненным влиянием Крита. Некоторые из фресок, украшавших микенские дворцы, являются прямыми копиями критских. В Тиринфе, Фивах и Пилосе найдены остатки изображений женщин, несущих дары, близко напоминающие «Процессии» Кносса. На фресках в Тиринфе встречаются изображения игр с быками. Но доминируют в микенских фресках местные темы — военные сцены, изображения охоты. Рисунок микенских фресок более статичен, отсутствуют живость и выразительность критских росписей. Например, в фреске «Игры с быком» тело животного утрачивает естественные формы, пятна на шкуре становятся орнаментальным узором. Можно проследить определенную эволюцию микенской стенописи. Показательно сравнение двух фрагментов, найденных в Микенах. На более раннем, датирующемся, вероятно, началом XIII в., изображена женщина с украшениями в руках. Рисунок отличается большой тонкостью исполнения, образ, несомненно, индивидуален. Другой фрагмент, более поздний, из так называемого Дома цитадели, с изображением богини с колосьями в руках, грубее и проще по рисунку, с исполненным подчеркнуто темной линией контуром.

Интересные образцы фресок позднего времени дал дворец в Пилосе. Фриз, украшавший мегарон, включает изображение сидящего на скале музыканта с лирой в руках. Его высокая фигура с непропорционально маленькой головой, в длинных, скрывающих тело одеждах застыла в напряженной позе. Тот же фриз включает большие изображения льва и грифона, напоминающие роспись «Тронного зала» Кносского дворца. Хорош фрагмент с изображением летящих птиц голубого цвета — здесь видно стремление к декоративности, хотя и в ущерб правдивости исполнения.

Та же эволюция прослеживается в мелкой пластике. Исключительным совершенством отличается миниатюрная группа из слоновой кости,

ПОГРЕБАЛЬНАЯ МАСКА ИЗ ГРОБНИЦ «КРУГА А» В МИКЕНАХ. XVI в. до н. э.

изображающая божественного младенца и двух кормилиц. Возможно, это произведение, датирующееся XIV в. до н. э., является критской работой, на что указывает, в частности, детальная передача типично критской одежды женщин. Образцом творчества микенских мастеров служит рельефная пластина — инкрустация мебели — с изображением двух сфинксов в геральдических позах, напоминающих рельеф Львиных ворот. Строгая симметрия и графичность рисунка характеризуют эту тонко исполненную пластину.

В отличие от критского микенское искусство знало скульптуру крупных размеров. Правда, каменной скульптуры, кроме монументального рельефа Львиных ворот, почти не сохранилось, но большие, в натуральную величину глиняные статуи найдены в микенском святилище в Агиа Ирини на о. Кеос. Эти статуи выполнены примитивно, обобщенно, но пропорции тела переданы правильно; детали, видимо, были исполнены краской. Суще-

ствовали и более совершенные скульптуры, как показывает происходящая из Микен голова из стука, сохранившая роспись: черной краской окрашены миндалевидные глаза, брови, волосы, красной — рот, лента на лбу, розетты на щеках и подбородке. Тип лица, узкого, с прямым носом и маленьким ртом,— тот же, что на статуях из Агиа Ирини; голова из Микен, вероятно, принадлежала аналогичной скульптуре.

Широко распространены были в Микенах глиняные статуэтки идолообразного типа, с руками в виде выступов и клювообразными носами, украшенные скромной росписью. Для позднего периода искусства Крита характерны появляющиеся здесь, очевидно под микенским влиянием, глиняные статуэтки, иногда довольно большого размера, в позе молящихся — с поднятыми вверх или прижатыми к груди руками. Тело их, цилиндрической формы, сделано на гончарном круге, голова и руки лепные.

Наиболее интересные образцы прикладного искусства микенской Греции дает вазопись. В XIV—XIII вв. до н. э. продолжали существовать вазы, в росписи которых во все более упрощенном виде использовались восходящие к Криту мотивы растительного орнамента и морской фауны. Наряду с ними распространяются новые, специфически микенские сюжеты — изображения воинов, колесницы, фигуры быков. Из Микен происходит кратер XIII в., украшенный изображениями идущих воинов. Контурный рисунок этих фигур наивен, неправилен по пропорциям, но характерно стремление точно воспроизвести все детали вооружения. Роспись построена на ритмическом повторении одинаковых фигур, ясна ее стилистическая близость с современными ей фресками. Микенская вазопись позднего времени была распространена во всем Восточном Средиземноморье, где существовали микенские поселения. Интересные образцы ее происходят с о. Кипр; здесь особенно популярны были вазы с изображениями воинов на колесницах и с фигурами быков. Росписи эти, сочетающие контурные рисунки с орнаментальной трактовкой живых существ, очень декоративны. Аналогичные черты прослеживаются и в поздней вазописи Крита, где излюбленными сюжетами росписей были изображения птиц, обычно летящих. Их контурные фигуры как бы растворяются среди густого орнамента, в котором с трудом можно узнать первоначальные растительные прообразы. Встречаются в росписи поздних ваз и фигуры осьминогов, окончательно превратившиеся в орнаменты.

Высокий расцвет микенской культуры обрывается внезапно, около 1200 г. до н. э. Дорийское завоевание положило конец процветанию микенских городов, павших под ударами завоевателей, несмотря на свои мощные укрепления, обновленные и достроенные в Микенах, Тиринфе и ряде других микенских центров в конце XIII в. Большинство этих центров было разрушено и сожжено в начале XII в. В цитадели Микен жизнь продолжалась какое-то время, но была чрезвычайно скромной. Отсюда из слоев XII в. происходит керамика, являющаяся последними следами микенской цивилизации. Скромные, украшенные волнистыми и S-образными линиями вазы соседствуют с сосудами, украшенными примитивно исполненными фигурками птиц, в которых чувствуются

БОЖЕСТВЕННЫЙ МЛАДЕНЕЦ С ДВУМЯ КОРМИЛИЦАМИ.
Миниатюрная скульптурная группа из Микен. XIV в. до н. э.

отзвуки искусства предшествующего периода. Окончательно жизнь в Микенах прекратилась в конце XII в. до н. э.

Краткий обзор искусства Эгейского мира показывает все его богатство и своеобразие. В то же время перед исследователями этого искусства неизбежно встают многочисленные вопросы, которые на уровне современных знаний не могут быть полностью разрешены. Мы еще недостаточно знаем самую историю эгейского общества, наши представления о нем базируются прежде всего на его материальных памятниках, лишь в слабой степени дополняемых полумифическими сведениями, сохраненными античными авторами. Лишь дешифровка линейного письма Б прояснила вопрос об этническом происхождении носителей микенской культуры и позволила сделать некоторые конкретные выводы об их социальном устройстве. Относительно общества Крита мы лишены и этих сведений — линейное письмо А и более раннее иероглифическое все еще остаются за-

гадкой. Пока трудно достоверно определить, какие именно стороны жизни Крита способствовали созданию его столь высоко развитого и столь самобытного искусства, заметно выделяющегося среди современных ему культур древнего Востока. Мы можем лишь констатировать уникальный характер этого искусства, несмотря на ряд отдельных точек соприкосновения с искусством окружающих стран, неизбежных при наличии ясно зафиксированных связей Крита и с древним Египтом, и со странами Передней Азии. Но определить конкретные причины того, почему на Крите создалось именно такое, светское по своему существу, искусство, не скованное деспотическими рамками религиозных верований, глубоко чувствующее и верно воспроизводящее окружающий мир, в том числе и человека, действующего в этом мире, мы не можем.

Точно так же не вполне ясны причины быстрой и неожиданной гибели высокой культуры Крита. Очевидно, что имела место какая-то внешняя катастрофа, но какая именно — естественная или принесенная людьми? Могло ли послужить такой причиной колоссальное извержение вулкана Санторин? Или все дело в последующем завоевании Крита микенцами? Памятники археологические и художественные свидетельствуют, что последние столетия II тысячелетия до н. э. Крит был — в какой именно форме, можно лишь гадать — подчинен микенской Греции и переживал длительный период упадка.

Искусство и культура микенской Греции ставят не менее важные и пока не решенные до конца вопросы, хотя, казалось бы, мы и знаем о ней больше, чем о Крите. Но открытие Вентриса не прояснило некоторых проблем, касающихся эволюции ее искусства. Действительно, почему изобразительное искусство Микен демонстрирует столь явное стремление к упрощению, схематизации и геометризации форм, прослеживающееся и в монументальной живописи, и особенно в вазописи? Результат ли это постепенной утраты того могучего импульса, который дало искусству Микен в начале его пути знакомство с более развитым искусством Крита, или, что правдоподобнее, причины именно такого пути развития коренятся в каких-то внутренних особенностях микенской культуры? И другой вопрос: почему высокоразвитая микенская культура не сумела пережить первые же удары появившихся на земле Эллады дорийских племен?

Так или иначе, достигшее высокого расцвета искусство Эгейского мира дало замечательные памятники, поражающие своим совершенством и своеобразием. Это искусство не уступает по своему значению современному ему древневосточному искусству, хотя глубоко отличается самыми принципами своими и от монументально-иератической архитектуры и скульптуры древнего Египта, и от декоративно-изысканного искусства Ассиро-Вавилонии. Это искусство развивалось вполне самостоятельно и явилось первым поднявшимся до столь большой художественной высоты искусством на территории Европы. Хотя дорийское нашествие в значительной мере уничтожило памятники искусства Крита и Микен, но полностью стереть его следы оно не смогло. Многие достижения этого искусства в той или иной степени нашли отражение в искусстве Греции I тысячелетия до н. э.

ИСКУССТВО ГЕОМЕТРИЧЕСКОГО СТИЛЯ

Период, последовавший за падением ахейских государств, часто называют «темными веками». История этого периода мало известна. На смену раннеклассовому обществу ахейской Греции пришло общество, стоявшее на стадии родового строя, принесенного племенами дорийских греков. Этот несомненный шаг назад в общественном развитии не замедлил проявиться во всех областях культуры.

Жизнь сосредоточилась в основном в сельских поселениях, следов которых почти не сохранилось; лишь немногие города пережили нашествие, как, например, Афины, небольшая крепость микенского периода, ставшая местом убежища для части спасшихся от разгрома ахейцев. Достижения ахейской Греции не могли быть забыты сразу и полностью. Величавые руины Микен и Тиринфа вызывали удивление и порождали различные сказания. Не могли быть целиком уничтожены и хранившиеся в них богатства. Несомненно, современники Гомера знали материальную культуру своих предшественников — иначе нельзя объяснить точное совпадение его описаний оружия и утвари греков с находками микенских памятников, сделанными археологами. Но эти знания не могли быть использованы новыми жителями Греции в их повседневной практике. Их скромные поселения не нуждались в мощных укреплениях, в них не было места роскошным царским дворцам. Вместе с монументальной архитектурой микенцев была забыта и монументальная живопись. Жители селений, ведшие суровую и бедную жизнь земледельцев, не имели драгоценных украшений и роскошной золотой и серебряной посуды; прерванные связи с другими странами лишили Грецию притока этих ценных материалов. Бронзовое оружие было вытеснено более совершенным железным. Лишь изделия из глины, легкодоступного материала, продолжали существовать; в этой области были сохранены такие достижения микенцев, как изготовление сосудов на гончарном круге, обжиг их в специальных печах и роспись темной блестящей краской. Правда, техника ваз ухудшается, формы становятся вялыми, нечеткими; исчезают сосуды, подражающие металлическим образцам. Вазопись первой половины XI в. до н. э., так называемая субмикенская, является прямым продолжением позднемикенской вазописи XII в. Господствуют сосуды округлых форм, лишенные четких очертаний, декор их состоит в основном из горизонтальных и волнистых линий, фризов концентрических полукругов и заштрихованных треугольников.

В сменяющей субмикенскую протогеометрической керамике (вторая половина XI—X в.) сохраняются те же формы — преимущественно амфоры и чаши с горизонтальными ручками — и те же мотивы росписи. Но формы становятся более четкими, определенными, роспись — графически ясной. Наиболее существенным отличием этой керамики от предшествующей является важное техническое нововведение — изобретение циркуля, которым теперь исполняются концентрические круги и полукруги. В дальнейшем наблюдается постепенное усложнение геометрического орнамента, обогащение его новыми мотивами. В вазописи геометрического

стиля — конец X—VIII в.— распространяются различные виды меандра, кресты, сочетающиеся с прежним орнаментом концентрических кругов. Первоначально орнаменту отводилась верхняя, наиболее заметная часть сосуда, остальная его поверхность окрашивалась сплошь лаком — это характерно для ваз конца X — начала IX в. Но уже в IX в. геометрический орнамент распространяется на всю поверхность вазы; для ваз развитого геометрического стиля характерна роспись из чередующихся широких и узких фризов, заполненных различными орнаментальными мотивами, начинающаяся над ножкой и кончающаяся у края венчика. Следует подчеркнуть высокую тектоничность этих росписей. Греческие вазописцы вновь овладевают утраченным в какой-то мере в «темный» период мастерством декора — роспись тесно связана с формой сосуда, подчеркивает вертикальные и горизонтальные членения вазы; наиболее широкие фризы с самыми значительными изображениями помещаются на наиболее заметных частях сосуда — плечиках, тулове, что, в свою очередь, выделяет их из общего декора.

Геометрический стиль, характеризующий искусство целого периода в развитии греческого общества,— сложное явление, во многом еще не разгаданное современными исследователями. В его орнаментах нельзя видеть лишь декор сосуда — в них заложен более глубокий смысл, отражающий религиозно-магическое мировоззрение, свойственное обществу, находящемуся на стадии родового строя, уже вступившего в период разложения. В этих строгих, линейно-геометрических мотивах можно видеть попытку осмысления всего многообразия окружающего человека мира и в то же время желание воздействовать на этот мир, оградить человека и его творения от всех непонятных, неподвластных ему, часто прямо враждебных явлений природы путем воздействия на них с помощью определенных, строго установленных знаков-символов, имевших глубокое, не всегда для нас ясное значение.

Наивысшим расцветом и в то же время финалом геометрического стиля является вазопись VIII в. до н. э. Наиболее совершенные ее образцы происходят из Дипилонского некрополя в Афинах. Большие (высотой до полутора метров) амфоры и кратеры служили надгробными памятниками (так называемые дипилонские вазы), меньшего размера вазы — погребальными дарами. В их декоре, состоящем из пропорционально чередующихся фризов, заполненных постепенно усложняющимся орнаментом (преимущественно меандр) законы геометрического стиля выявлены полностью. В то же время именно в этих вазах впервые в чисто орнаментальный декор вводятся новые сюжеты — изображения животных и человека. Они не смешиваются с орнаментом, а выделяются в отдельный фриз или клеймо в центре вазы. Сюжеты — сцены оплакивания умершего, состязания колесниц на погребальных играх — определены назначением этих сосудов. Изредка появляются мифологические сюжеты — отплытие героев на корабле или сцены поединка. Фигуры людей и животных как бы составлены из геометрических фигур — круглая голова, треугольный торс. Очевидно, в подобных фигурах отражаются те же законы первобытно-магического мышления, что и в орнаментах.

ВАЗЫ ГЕОМЕТРИЧЕСКОГО СТИЛЯ ИЗ НЕКРОПОЛЯ КЕРАМИК В АФИНАХ. VIII в. до н. э.

Но самый факт появления сюжетных изображений свидетельствует о пробуждении интереса к отображению в искусстве реального окружающего мира. Это — новое явление, ставшее возможным лишь на новом этапе в развитии общества; при всей «геометричности» этих изображений они знаменуют начало распада геометрического стиля.

В том, что именно в Аттике геометрическая вазопись достигла вершины своего развития, сыграл роль, очевидно, тот факт, что ей не пришлось преодолевать последствия дорийских разрушений. В других районах Греции геометрическая вазопись проходит тот же путь развития, что в Аттике. Хотя другие школы вазописи и не знали столь великолепных сосудов, как дипилонские, каждая из школ создает своеобразные вариан-

ты геометрического стиля. В аргосских вазах изображения людей и животных заполняют большие прямоугольные поля среди геометрического орнамента. На островах Эгейского моря, в частности на Мелосе, в росписях ваз господствовал орнамент, изображениям живых существ отводились маленькие клейма. На Крите вплоть до VII в. до н. э. в вазописи чувствуются отзвуки эгейского искусства, геометрический стиль здесь не был развит так, как на материке.

Геометрический стиль, сложившийся в вазописи, распространился и на другие виды прикладного искусства, прежде всего на мелкую пластику. Многочисленные бронзовые, цельнолитые фигурки животных, главным образом коней, служившие вотивными дарами, кажутся получившими объем фигурками, нарисованными на вазах: два треугольника — грудь и круп — соединены стержнем — торсом, ноги — палочки, пластина — шея и цилиндрическая голова.

Глиняные статуэтки животных отличаются от бронзовых мягкостью и обобщенностью форм — следствие их пластического материала. Но суть их та же — геометризация живых форм, что подчеркивается орнаментальной росписью.

В VIII в. до н. э., в период позднего геометрического стиля, наблюдается значительное расширение репертуара прикладного искусства. Распространяются бронзовые статуэтки людей, преимущественно воинов. Более сложные композиции в скульптуре редки. Уникальная группа — человек и кентавр (Геракл, борющийся с кентавром?): человеческая фигура построена по тем же законам сопоставления геометризированных объемов, кентавр представляет собой механическое соединение фигуры человека и крупа лошади. Бронзовые сосуды, например котлы-треножники, украшались по краям скульптурными фигурками животных. Существуют аналогичные, несомненно, подражающие им сосуды из глины. Известны фибулы с пластинчатыми приемниками, украшенными гравированными фигурами, по стилю близкими изображениям вазописи. Из погребений дипилонского некрополя второй половины VIII в. до н. э. происходят золотые украшения — полосы-повязки с рельефным декором в виде орнамента и фигур людей и животных.

Архитектура геометрического времени известна плохо. Немногочисленные открытые в Афинах, Асине и других местах жилища были скромными постройками, прямоугольными, овальными или абсидальными в плане. В это время возникли и первые храмовые постройки. К IX в. до н. э. восходит древнейший храм Геры в Перахоре, близ Коринфа; сохранившаяся часть каменного фундамента свидетельствует, что он имел абсидальный план. О внешнем виде таких построек дает представление глиняная модель из Перахоры, воспроизводящая абсидальное здание с помещением, перекрытым двускатной кровлей, и с двухколонным портиком с фасада.

Наряду с абсидальными существовали и прямоугольные храмовые сооружения. В Дреросе на Крите открыто здание с портиком, опиравшимся на две двойные колонны, с очагом или алтарем в центре. Храмик такого типа воспроизводит глиняная модель из Герайона в Аргосе. Ясна прямая

КРАТЕР С О. МЕЛОС С ИЗОБРАЖЕНИЕМ АПОЛЛОНА И АРТЕМИДЫ.
VII в. до н. э.

связь подобных зданий с мегаронами микенского времени. Многие ранние храмы возникали на месте микенских дворцов. Так, в Тиринфе, на руинах мегарона был построен храм Геры, имевший вид, судя по фундаментам, вытянутого в длину прямоугольника. Храм Б в Фермосе (Этолия) и храм Геры на Самосе имели аналогичные планы. Внутреннее помещение было разделено на два нефа центральным рядом столбов или колонн, что облегчало перекрытие помещения, которому с фасада предшествовал открытый портик. Во втором строительном периоде храм Геры на Самосе был окружен деревянными столбами — прообразом позднейшей колоннады. В VII в. храм геометрического времени был заменен новым зданием с более регулярной колоннадой. В целом можно сказать, что в эпоху геометрики был известен самый простой тип греческого храма — храм в антах, т. е. с открытым портиком перед внутренним помещением — целлой, непосредственно восходящий к мегарону II тысячелетия, и зарождается храм типа периптера — с целлой, окруженной колоннадой со всех сторон. Но сложение основных типов греческих храмов, выработка ордерной системы архитектуры относятся к последующему периоду.

АРХАИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

Геометрический стиль достиг наивысшего расцвета в VIII в. до н. э., когда породившее его общество родового строя находилось уже на стадии разложения. Становление нового, классового общества, зародившегося в недрах родового, охватывает последующий двухвековой период.

VII—VI вв.— время сложения полисной системы организации греческого общества, сопровождающееся изменениями всего мировоззрения этого общества, всех сторон его культуры. Это время зарождения греческой философии; первые шаги делают историческая и географическая науки, развивается техника. Важные изменения происходят в литературе — новые тенденции, свойственные эпохе, выражаются в создании лирической поэзии, воспроизводящей, в отличие от эпоса, события настоящего времени, чувства реальных людей. Эпос, сложившийся в предшествующую эпоху, сохраняет большое значение как память о героизированном прошлом, становится неисчерпаемым источником тем изобразительного искусства. Колоссальные изменения, происходящие в жизни Греции этого времени, находят отражение в искусстве. Освободившийся от оков родового строя человек по-новому воспринимает окружающую действительность, стремится возможно более правдиво отразить ее в своем творчестве.

Геометрический стиль, созданный человеком родового общества, не соответствовал новым требованиям и задачам, вставшим перед искусством. Едва достигнув вершины развития, он уже исчерпал свои возможности. В искусстве Греции на рубеже VIII и VII вв. происходит коренной перелом, оно вступает на новую дорогу, хотя старые традиции не исчезают сразу, но преодолеваются в результате длительной борьбы.

Искусство Греции VII—VI вв. называется архаическим. Это условное название, возникшее в XIX в., не отражает содержания искусства того времени, но тем не менее оно прочно вошло в научный обиход.

ГЛИНЯНАЯ МОДЕЛЬ ХРАМА ИЗ АРГОСА. Начало VII в. до н. э.

В искусстве греческой архаики различаются два периода, примерно совпадающие с VII и VI вв. Первый — период становления нового искусства, время поисков и завоеваний во всех его областях; второй — совершенствование найденного, завершение поисков и в то же время зарождение внутри архаического искусства того нового, что приведет уже в V в. до н. э. к вершине искусства древней Греции, к классике.

В VII в. до н. э. ведущей областью греческого искусства остается вазопись, как наиболее мобильный вид творчества, быстро откликающийся на все новое. Вазопись VII в. обычно называют ориентализирующей, т. е. подражающей Востоку. Название это возникло в конце XIX в., когда переход от геометрии к архаике объясняли прямым влиянием искусства стран Востока, с которыми Греция вошла в соприкосновение еще в VIII в. до н. э., с началом Великой колонизации. Разумеется, нельзя объяснять развитие искусства только влиянием извне. Соприкосновение греков с окружающими их странами Средиземноморья и восприятие ими

более развитого в тот период древневосточного искусства стало возможным лишь на определенном этапе становления классового общества в Греции. Переход от геометрического искусства к архаическому явился следствием развития самого греческого общества как творца этого искусства.

Становление ориентализирующего стиля хорошо прослеживается в аттической вазописи. На вазах рубежа VIII и VII вв. можно видеть постепенное смягчение угловатых контуров геометрических фигур, «оживление» их, приближение — еще очень неполное — к более естественным формам. Одновременно происходит трансформация орнамента — отказ от линейных геометрических мотивов в пользу растительного декора; многочисленные розетты, гирлянды, криволинейные завитки и листья заполняют не только отведенные им фризы, но и фон между фигурами. «Боязнь пустоты», желание закрыть росписью всю поверхность сосуда — отзвук более раннего отношения к орнаменту как магическому средству борьбы с враждебными человеку силами.

Аттическая вазопись к середине VII в. до н. э. достигает большого прогресса в изображении человеческих фигур. Распространяются росписи на мифологические темы, что, несомненно, связано с развитием эпоса. Один из ярких их образцов — амфора из Элевсина с изображением Горгон, преследующих Персея, на тулове и сцены ослепления Полифема Одиссеем на горле (середина VII в.). Рисунок стал мягче и выразительней, сплошной силуэт частично заменен контуром, сочный орнамент плетенки, завитков и розетт дополняет роспись.

Близка к аттической островная вазопись. Большие сосуды, происходящие с о. Мелос, украшались крупными по размеру клеймами с мифологическими изображениями, например амфора с Аполлоном и Артемидой. Пышный орнамент заполняет фон между фигурами, доминирующими в росписи. В самой композиции, в трактовке фигур с их острыми профилями и столбообразными телами чувствуется обращение к традициям монументальной живописи и вазописи Микен. Несомненно, микенские памятники были знакомы художникам VII в. и в новых условиях могли сыграть роль образцов для их творчества.

Для искусства VII в. характерно большое число локальных школ, которые при единой общей направленности четко отличаются в деталях. Если аттическая и островная вазопись тяготеют к сюжетным росписям, то в вазописи Восточной Греции, так называемой родосско-ионийской, доминируют росписи в виде фризов, заполненных фигурами животных и мифологических существ. Высокая декоративность этих росписей, основанных на сочном пятне силуэта, очерченного мягкими, округлыми контурами, окруженного заполнительным орнаментом, усиливается богатой полихромией; двухцветная гамма геометрической вазописи (темный лак и красноватый или желтоватый цвет глины) теперь дополняется накладными красками — белой и пурпуром.

В Пелопоннесе центром вазописи в VII в. был Коринф. В коринфской вазописи второй половины VII в. доминируют фризообразные росписи с фигурами животных, по принципам своим сходные с родосско-ионийскими, но отличающиеся большей сочностью и мягкостью рисунка.

VII в. до н. э. в греческом искусстве, как и в других областях жизни греческого общества, — время революционных преобразований, отказ от норм и законов периода геометрики, время активных поисков новых форм, выражающих стремления и требования формирующегося нового классового общества. В области архитектуры VII в. — время создания ордера и основного типа греческого храма — периптера. В изобразительном искусстве новые черты проявились раньше всего в вазописи. Но главным его достижением было возникновение и развитие монументальной скульптуры. Больших статуй эпохи геометрики мы не знаем. Можно предположить, что уже тогда существовали идолообразные изображения богов из дерева — так называемые ксоаны. О внешнем виде таких ксоанов говорит описание статуи Аполлона в Амиклах (близ Спарты) у Павсания (III, 19, 2): «Если не считать того, что эта статуя имеет лицо, ступни ног и кисти рук, то все остальное подобно медной колонне». Некоторое представление о ксоанах дают статуэтки из слоновой кости, найденные близ Дипилона в Афинах.

В VII в. появляются первые большие скульптуры из камня, сначала из мягкого, легко поддающегося обработке известняка. В силу присущей культовым изображениям консервативности, стремлению к повторению старых, освященных традицией и верой форм древнейшие каменные статуи сохраняют геометрические формы ксоанов. Такова статуя Артемиды из святилища на о. Делос (середина VII в.), плоская, напоминающая де-

АРТЕМИДА. Статуя с о. Делос. Середина VII в. до н. э.

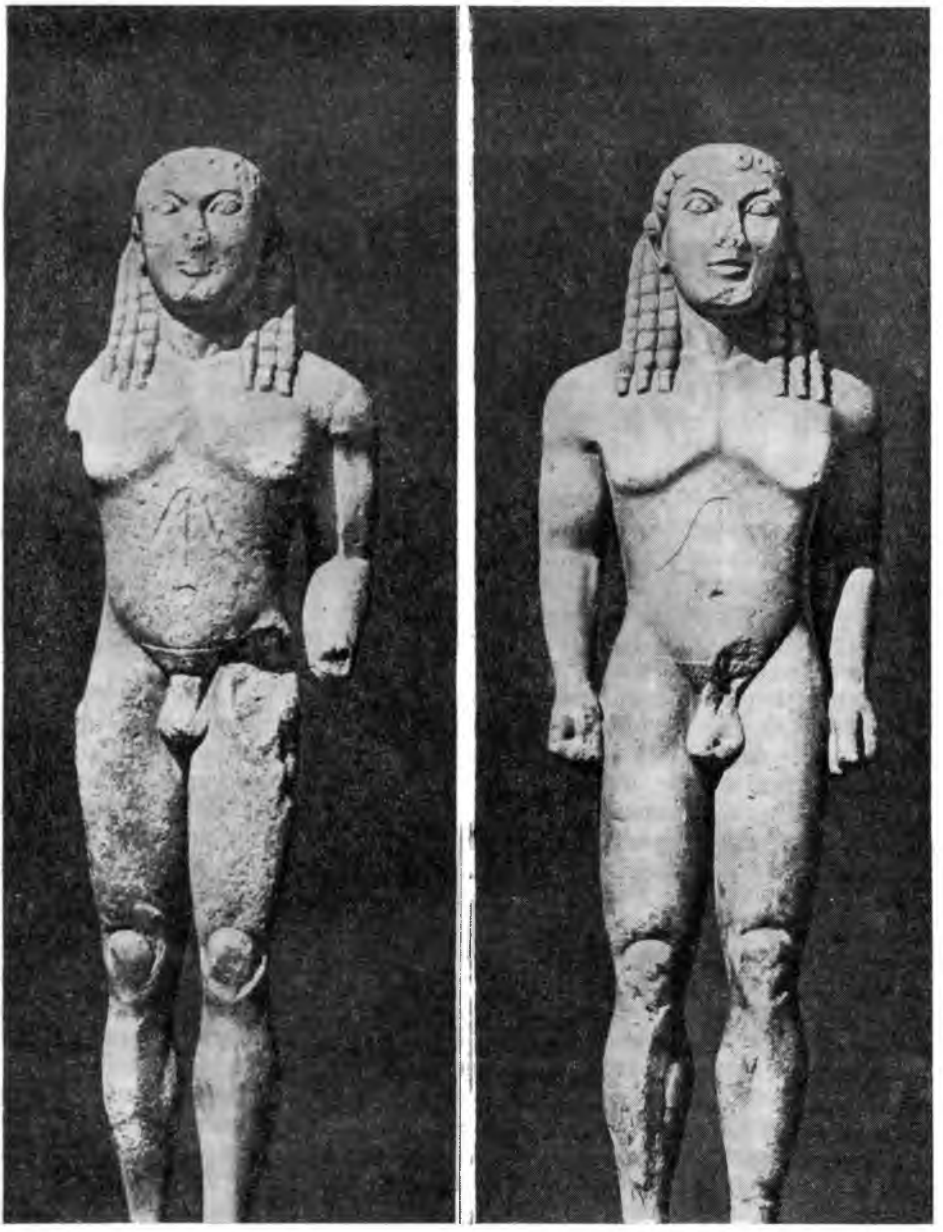
ревянную доску. Подчеркнутая фасадность, нерасчлененность фигуры с прижатыми к бокам руками сочетаются с более тщательно исполненной головой. Детали, несомненно, обозначались красками.

Если в статуе Артемиды Делосской и немногих сохранившихся близких ей скульптурах сильны традиции предшествующего периода, то в складывающемся в рассматриваемый период новом типе статуи — изображении обнаженного юноши-куроса — находят прямое отражение изменившиеся условия жизни греческого общества и новой его организации — полисной системы. Лишь в полисе мог родиться героизированный образ юного атлета, физически закаленного защитника города-государства. Спортивные состязания в Греции имели общенародное значение. В образе атлета-победителя воплощались лучшие черты гражданина полиса, он являлся идеалом, достойным подражания. Не случайно в этом образе греки представляли себе и богов, и мифических героев. Статуи куросов служили и культовыми изображениями, и надгробными памятниками, и вотивными приношениями в святилища.

Греческие скульпторы впервые в истории поставили и осуществили задачу изобразить идеально-прекрасное обнаженное человеческое тело. В этом уже на раннем этапе проявляется гуманизм греческого искусства, сочетающийся с его реалистической направленностью, в этом — глубокое отличие греческого искусства от искусства стран древнего Востока.

Древнейшие сохранившиеся каменные статуи куросов относятся к концу VII — началу VI в. Локальные художественные школы Греции различно решали этот образ. Скульптор пелопоннесской школы Полимед из Аргоса создал две статуи братьев-атлетов, Клеобиса и Битона, для святилища Аполлона в Дельфах, где они и были найдены при раскопках. В массивных, коренастых фигурах с широкими плечами и мускулистыми руками подчеркнута физическая сила. Изображая похожие на шарниры колени, скульптор старался передать способность этих фигур к движению. Но в целом статуи решены очень обобщенно, тела не детализированы. Свойственная им четырехфасадность, характерная для раннеархаических скульптур, связана с техникой их изготовления: наметив на каменном блоке контуры фигуры спереди, с боков и сзади, скульпторы обрабатывали блок с четырех сторон.

В произведениях аттических мастеров этого времени (статуи куросов с мыса Сунион в Национальном музее в Афинах, статуя куроса в Музее Метрополитен) передача грубой физической силы смягчена, тела более стройны и пропорциональны при сохранении строгой тектоничности и фронтальности построения. Характерны удлиненные лица с большими выпуклыми глазами (голова из Дипилона). Ионийским статуям куросов (курос с о. Феры) свойственны мягкость, вялость форм, в них нет крепости и силы пелопоннесских скульптур. Для ранних куросов характерна разномасштабность. Наряду со статуями натуральной величины существовали колоссальные, более трех метров высоты. Возможно, в этом могло сказаться воздействие монументальной египетской скульптуры, с которой были хорошо знакомы греческие мастера.



КЛЕОБИС И БИТОН. Статуи куросов из Дельф. Работа Полимеда. Ок. 600 г. до н. э.

Проблема связи греческой архаической скульптуры с египетской и роли последней в формировании греческой пластики, в частности в выработке образа куроса, длительное время вызывала споры среди исследователей. Внешнее сходство, существующее между статуями куросов и прямо стоящими египетскими скульптурами, конечно, не может служить доказательством того, что греческие скульпторы создавали свои произведения под влиянием египетских прообразов. Суть тех и других принципиально различна, что проявляется яснее всего в отношении к изображению обнаженного человеческого тела: египетские художники скрывают наготу, греческие смело ее подчеркивают, следуя сложившемуся в эпоху архаики принципу своих эстетических воззрений — прекрасному, совершенному внешне человеческому телу соответствует столь же совершенное, гармонически уравновешенное внутреннее содержание.

VII век — время сложения ордерной архитектуры, тесно связанной с ростом полисов. Сведения о ранних греческих храмах неполны. В Фермосе здание Б геометрического времени в последней четверти VII в. было заменено третьим по счету храмом с целлой в виде сильно вытянутого прямоугольника, окруженной колоннадой, очевидно, деревянной, с пятью колоннами на торцевых и пятнадцатью — на длинных сторонах. Храм был украшен триглифно-метопным фризом, также деревянным; метопы представляли собой терракотовые плиты. Часть их сохранилась до наших дней; по стилю и технике исполнения они близки вазовой живописи. Сюжеты — не связанные между собой изображения — сидящие женщины, охотник и т. д.

Храм в Фермосе свидетельствует, что дорический ордер зародился в деревянной архитектуре. Древнейшая каменная дорическая колонна, принадлежавшая храму Афины конца VII в. в Мармарии, в Дельфах, воспроизводит легкие и стройные пропорции деревянных колонн. Но окончательное оформление дорический ордер получил уже в камне, в первых каменных храмах, возникших в конце VII — начале VI в. Классический пример замены деревянных колонн первоначального периптера каменными дает храм Геры в Олимпии конца VII в.

Ордерная система, являющаяся основой греческой архитектуры,— величайшее завоевание греков. Колонны знали и египтяне, и другие народы древности, но лишь греки выработали уже в ранний период своей цивилизации строгую, основанную на продуманном пропорциональном соотношении частей здания систему. В этом проявились свойственное им чувство меры, любовь к уравновешенной симметрии форм.

Дорический ордер, древнейший из греческих ордеров, был распространен в материковой Греции и в западных колониях — Сицилии и Великой Греции. Новый материал — камень, обычно известняк,— определяет новые пропорции каменных храмов — они становятся более приземистыми, колонны — более массивными, не столь высокими; переход к каменным блокам перекрытий требует ставить колонны более тесно. Образцы такой тяжеловесной архитектуры дают храмы первой половины VI в. в Сицилии (Селинунт) и Пестуме (храм Геры I). Ордер здесь уже вполне разработан. Дорическая колонна не имеет базы, ствол ее, сужи-

МЕДУЗА ГОРГОНА. Фигура в центре фронтона храма Артемиды на о. Коркира. Начало VI в. до н. э.

вающийся кверху, покрыт желобками — каннелюрами, подчеркивающими ее вертикальную направленность. Капитель простых очертаний состоит из круглой подушки — эхина и квадратной плиты — абаки. Колонны несут антаблемент, состоящий из гладкой балки — архитрава и фриза, разделенного на вертикальные прямоугольники — триглифы и квадратные — метопы. Завершается антаблемент профилированным карнизом. Двускатная кровля храма на торцовых сторонах образует пологие треугольники — фронтоны. Метопы и фронтоны, как правило, украшались декором, первоначально живописным, позже — скульптурным. В период становления ордерной архитектуры многие архаические храмы были лишены — полностью или частично — декора.

Несколько позже дорического развивается второй ордер греческой архитектуры — ионийский, возникший в богатых торговых городах Ионии. Он отличался от дорического большей стройностью пропорций, легкостью и нарядностью. Ионийская колонна тоньше и относительно выше дорической, что подчеркивается ее каннелюрами, между которыми оставлены узкие дорожки. Колонна стоит на сложно профилированной базе, увенчана капителью в виде двух круто закручивающихся волют, великолепно передающей упругую силу колонны, несущей антаблемент. По-

следний кажется легче дорического благодаря большей расчлененности: архитрав разделен на три горизонтальных уступа, фриз украшен сплошной линией рельефа. Памятников ионийского ордера эпохи архаики почти не сохранилось; по незначительным остаткам реконструируется облик таких монументальных сооружений, как храмы Артемиды в Эфесе и Геры на Самосе. Ионийская архитектура, как и скульптура, тяготела к гигантским масштабам; наряду с классическим периптером ионийские архитекторы создают диптер — здание, окруженное двойной колоннадой.

Распространение каменной архитектуры сопровождается развитием скульптурного декора. Около 600 г. до н. э. датируется один из древнейших сохранившихся рельефных фронтонов, принадлежавший храму Артемиды в Коркире (о. Корфу). В центре фронтона помещена фигура мифического чудовища Медузы Горгоны. Она изображена в позе так называемого коленопреклоненного бега, с согнутыми ногами и расставленными руками, что несколько напоминает знак свастики; эта условная поза должна была передавать движение полета. Близ нее — порожденные ею существа Хрисоар и Пегас. Центральная группа фланкирована фигурами лежащих пантер, в углах фронтона представлены боги, сражающиеся с гигантами. Отсутствие единой темы, декоративно-симметричное решение композиции, плоскостный рельеф — особенности ранних греческих фронтонов.

О развитии фронтонных композиций в VI в. дают представление фронтоны ранних храмов афинского Акрополя. Они дошли в обломках, реконструкция их недостоверна, но общая линия развития ясна: объединение фронтонных скульптур единой тематикой, переход от барельефа к горельефу, а затем к круглой скульптуре, что повышает декоративную выразительность фронтонов. Небольшой, плоскостно-графический рельефный фронтон начала VI в. с изображением Геракла, сражающегося с Гидрой, уже объединен единым сюжетом. Большой фронтон первого храма Афины, датируемый около 570 г. до н. э., разделен на две половины: в левой был изображен Геракл, борющийся с Тритоном, в правой — Зевс, сражающийся с трехтелым чудовищем Тифоном; фигура Зевса не сохранилась; три полуфигуры Тифона объединены переплетающимися змеиными хвостами, удачно заполняющими угол фронтона. Наивная выразительность трех лиц чудовища, исполненного уже почти в круглой скульптуре, повышается хорошо сохранившейся полихромией.

В первой половине VI в. развиваются и рельефные метопные композиции. Известны метопы храмов Селинунта: метопа храма малых метоп с изображением похищения Европы, метопы храма С — Геракл и карлики, Персей и Медуза. Фигуры рельефов фронтальны, распластаны, движения их угловаты, скованы, плотно заполняют прямоугольное поле метопы. Привлекательна плавная, уверенная линия контура, очерчивающая, например, фигуру Европы на быке. Плоский рельеф получается путем углубления фона между фигурами. О технике исполнения ранних рельефов дают представление неоконченные рельефы сокровищницы святилища Геры в устье р. Силарис (Селы) близ Пестума.

Таким образом, ко второй четверти VI в. завершаются многие процессы, характеризующие первый этап развития архаического искусства; был создан новый тип греческого храма — периптер, разработаны в основных чертах системы дорического и ионического ордеров и скульптурного декора храма; создан основной образ греческой архаической скульптуры — статуя куроса. Существенные изменения в этот период произошли и в вазописи — завершилось сложение чернофигурного стиля.

Роспись черным силуэтом по фону глины появилась в греческой вазописи по существу еще в эпоху геометрического стиля. В вазописи VII в. в угоду стремлению к большей декоративности наряду с широким употреблением накладных красок сплошной силуэт нередко сменяется контурным рисунком.

Распространение в вазописи сюжетных композиций, отражающее общее направление греческого искусства, вызывает необходимость выработки нового стиля росписей. Для более ясного выявления сюжета росписи необходим отказ от густого заполнительного орнамента. Фигуры людей должны стать более четкими, ввиду чего возрождается сплошной силуэт с внутренним рисунком, исполненным процарапанными линиями и дополненным белой краской и пурпуром. Так происходит переход от ориентализирующего стиля к чернофигурному.

Не все школы греческой вазописи проделали этот путь. Родосско-ионийская вазопись и сменившая ее в VI в. керамика так называемого стиля Фикеллура остались верны росписям предшествующего периода, в которых господствовали орнаментальные мотивы и фризы животных, а силуэтная техника сочеталась с контурной. Коринфская вазопись лишь на позднем этапе своего развития — во второй четверти VI в. — создает произведения чернофигурного стиля — большие вазы с многофигурными композициями на мифологические темы, в которых еще сохраняются пестрота колорита, приверженность к фризообразному декору.

В VI в. появляется ряд новых школ вазописи, работающих уже в чернофигурном стиле,— Клазоменская (в северо-восточной части Малой Азии), Лаконская и т. д. Но ни в одной из них становление чернофигурного стиля не прослеживается столь четко и он не достигает такого развития, как в Аттике.

То, что именно Аттика в VI в. выступила как передовой центр развития искусства, не вызывает удивления, принимая во внимание особенности ее исторического развития — законы Солона, завершившие в начале VI в. первый период формирования полиса, тирания Писистрата — время высокого развития аттической архаической культуры.

Уже в конце VII в. появляются вазы, подобные большой амфоре с изображением Геракла, сражающегося с кентавром Нессом (Нетосом в аттической транскрипции), на горле и Горгонами на тулове. Роспись ее уже приближается к чернофигурной, крупные фигуры выделяются на фоне мелкого заполнительного орнамента, утрачивающего свою роль, преодолена скованность и угловатость вазописи VII в., выразительно показано стремительное движение нападающего Геракла и умоляющий жест кентавра. Появление пояснительных надписей около фигур героев — следствие интереса к мифологическим сюжетам.

Аттическая вазопись первой трети VI в. характеризуется все более четким проявлением черт чернофигурного стиля. Завершается этот процесс в творчестве крупнейшего аттического вазописца второй четверти VI в. Клития, работавшего в мастерской гончара Эрготима. Ими был создан большой кратер, называемый вазой Франсуа. От старых приемов здесь сохранились фризообразная система росписи и фигуры животных в нижнем фризе. Другие фризы заполнены изображениями на мифологические темы — в VI в. мифология прочно стала источником сюжетов изобразительного творчества греков. Росписи вазы Франсуа связаны с мифами о Троянской войне и об аттическом герое Тесее. Полностью исчез заполнительный орнамент — в какой-то мере его заменяют надписи с именами изображенных. Росписи Клития отличаются удивительным чувством ритма, сочетанием декоративности с монументальностью; очевидно, образцами для вазописца послужили не дошедшие до нас монументальные фрески.

В дальнейшем чернофигурная вазопись переходит к изображениям в прямоугольных клеймах на тулове, что больше подходит для многофигурных сюжетных сцен. Фризы сохраняются на второстепенных частях ваз и на сосудах типа киликов, где это диктуется самой формой сосуда.

В искусстве середины и второй половины VI в. до н. э. (период зрелой архаики) получают дальнейшее развитие черты, оформившиеся в предшествующий период. Совершенствуется архитектурное решение периптериального храма и его скульптурного декора, разрабатываются принципы архитектурного ансамбля. Расширяется репертуар статуарной скульптуры, в которой рядом с образом куроса важное место занимает изображение задрапированной девушки — коры. Существенные изменения происходят в рельефной скульптуре и вазописи.

Греческому искусству полисного периода изначально присуще стремление приблизиться к жизни, правдиво передавать ее явления, и прежде всего — человека и его действия. Правдоподобие, доходящее — в более поздний период — до иллюзорности,— идеал, к которому стремились греческие художники. Отсюда и раскраска скульптур, воспроизводящая живые краски человеческого тела, и инкрустированные глаза бронзовых статуй. Но в то же время нет и речи о каком-либо натурализме.

Изобразительное искусство греков призвано было передавать явления возвышенные, типические, служащие идеалом и образцом для подражания. Прекрасным для греков было соразмерное, уравновешенное, гармоничное явление. Не индивидуальный, но типический образ лежал в основе творений художников эпохи архаики. При этом большую роль играло следование традициям, освященным временем и религиозными представлениями. Именно поэтому столь долго сохраняется в греческой скульптуре сложившийся еще в ранней архаике образ спокойно стоящей фигуры. Собственно, этот образ, видоизменяясь в соответствии с стилистическим развитием, остается основой творчества греческих скульпторов на всех этапах существования их искусства.

В VI в. тип куроса остается ведущим. Фигура стоящего обнаженного юноши с опущенными руками, слегка выдвинутой вперед левой и отставленной назад правой ногой без видимых изменений сохраняется до конца

архаического периода, но в то же время происходят существенные перемены в трактовке его лица и тела. К середине VI в. относится статуя Аполлона из Тенеи, хранящаяся в Глиптотеке Мюнхена. Его поза так же напряженно-фронтальна, как и у куросов начала века, тело трактовано так же обобщенно, хотя значительно мягче и правильнее по пропорциям; исчезла четырехфасадность, торс стал округлым, движение рук, слегка согнутых в локтях, более естественно. Главное же изменение — в лице куроса, озаренном радостной улыбкой; скульптор достиг этого, слегка приподняв уголки губ,— условный прием, свидетельствующий о желании оживить неподвижное изображение. Эта улыбка, получившая название архаической, озаряет лица различных статуй того периода, сообщая им черты родственного сходства.

Около трех десятилетий отделяют от Аполлона Тенейского статую куроса, найденную в Анависсосе (Аттика), стоявшую на могиле воина Кройса. Поза та же, но как будто живой силой налилось тело, детальнее и правильнее моделируется мускулатура, лицо Кройса, обрамленное симметричными завитками волос, исполнено живого выражения, и улыбка его — не условно-схематичная, а живая, выражающая радость уверенного в себе, сильного человека. Это — изображение реального гражданина-воина, предшественника тех защитников Аттики, которые несколько десятилетий позже отстоят ее свободу в борьбе с персами.

И наконец, в начале последней четверти VI в. до н. э. происходит важное нововведение — скульптор нарушает неподвижность фигуры куроса, придавая движение его рукам. Об этом свидетельствует самая ранняя из дошедших до нас больших бронзовых скульптур — статуя куроса, найденная в 1959 г. в Пирее, изображающая бога Аполлона. В слегка согнутых и выдвинутых вперед руках он держал лук и, вероятно, чашу (предметы эти не сохранились), и это, еще робкое, движение придало новое качество традиционному образу.

Ряд новых типов, генетически связанных с образом куроса, обогащают репертуар архаической скульптуры VI в. Возмужавшим атлетом кажется афинский гражданин Ромб (или Комб), принесший на своих плечах в дар богине Афине теленка. Так он изображен в небольшой вотивной статуе второй четверти VI в., стоявшей на Акрополе в Афинах. Это едва ли не первое в греческой скульптуре изображение рядового горожанина, конечно, не является портретом в нашем смысле слова. Позой, фронтальной и неподвижной, Мосхофор («несущий теленка») идентичен куросам, его обнаженное тело не скрывает легкая треугольная накидка. Лаконично и обобщенно переданы безвольное тело и симпатичная морда теленка, лежащего на его плечах; скульптору удалось передать наиболее характерные особенности животного, оно выразительнее и живее человека. Лицо Мосхофора озаряет архаическая улыбка; взгляд оживляли инкрустированные цветным камнем глаза. Хотя формально статуя Мосхофора считается одной из первых групп в греческой пластике, фигура животного здесь полностью подчинена фигуре человека.

Аналогичным образом сочетаются изображения человека и коня в появляющихся в это время статуях всадников. С Акрополя происходит ста-

МОСХОФОР. Статуя с Афинского акрополя. Ок. 560 г. до н. э.

КОРА. Статуя с Афинского акрополя. Ок. 525 г. до н. э.

туя так называемого всадника Рампин (по имени нашедшего его голову), победителя в конных состязаниях. Лошадь сохранилась плохо, в фигуре всадника поражает противоречие между обобщенно трактованным торсом и детально исполненной головой, с мягко моделированным лицом, традиционной улыбкой и орнаментально переданными волосами.

Круглая скульптура изображала спокойно стоящую или сидящую человеческую фигуру. Движение передавалось в вазописи (и, конечно, в утраченной для нас живописи) и в рельефе. Попытку изобразить движущуюся фигуру в скульптуре связывают с именем скульптора Архерма с Хиоса, работавшего около середины VI в. В святилище Аполлона на Делосе была найдена статуя богини победы Ники, видимо, его работы. Архерм перенес в круглую скульптуру разработанную в вазописи и рельефе

КОРА В ПЕПЛОСЕ. Статуя с Афинского акрополя.
Ок. 530 г. до н. э.

схему коленопреклоненного бега. Фигура Ники как бы разделена на две части — голова и торс даны неподвижно, в фас, рукам и ногам придано движение бега, что в данном случае должно было передать движение летящей фигуры. Очевидно, греческие скульпторы сами ощутили неудачу этой первой попытки передачи в скульптуре движения — других статуй такого рода в архаике мы почти не знаем. Более удачные опыты сделаны в мелкой пластике. В бронзовых статуэтках того времени встречается довольно уверенная передача движения бега — такова, например, фигурка бегуньи из Лаконии. Подобные статуэтки исполнялись путем сплошной отливки в технике «потерянного воска» — этой техникой греческие мастера овладели еще в VII в. Бронза наряду с мрамором становится излюбленным материалом греческих скульпторов.

Наиболее популярным образом круглой скульптуры наряду с куросами в VI в. была статуя коры — девушки, задрапированной в одежды. Женские статуи были известны еще в VII в. Изображения девушек в пышных узорчатых одеждах получили особенную популярность в богатых торговых центрах Ионии, во второй половине VI в. они распространились в Аттике. Находки на афинском Акрополе дают наиболее полное представление о развитии этого образа.

Одна из самых ранних акропольских кор — так называемая Кора в пеплосе (около 530 г. до н. э.). Эта удивительно привлекательная тонкостью исполнения и чистотой образа статуя частично сохранила полихромию. Округлое лицо с полными щеками и чуть улыбающимся ртом — аттического типа, оно близко статуе всадника Рамнин; статую Коры в пеплосе считают поздним произведением того же художника.

В последней трети VI в. Аттика послужила местом убежища для ионийских скульпторов, покинувших малоазийские города, захваченные персами. Их творениями являются многие из акропольских статуй кор, видимо изображавших жриц Афины. Произведения ионийских мастеров отличались от статуи Коры в пеплосе богатством пышных одежд ионийского хитона, поверх которого накинут пеплос. Характерный пример — небольшая статуя Коры, датирующаяся около 525 г. до н. э. Тонкая нижняя одежда, лежащая мелкими узорчатыми складочками, контрастирует с тяжелыми складками плотного пеплоса, создающими богатую ритмическую игру линий. Красиво бездумное лицо с застывшей улыбкой. Скульптора привлекала задача создания нарядного, декоративного произведения. Отсюда — обилие полихромии, скрывающей фактуру мрамора,— прием, который обычно использовался лишь в скульптурах из известняка. Аналогичным образом трактованы и другие ионийские коры с афинского Акрополя. Различные по размерам, они привлекают мастерством исполнения, тонкостью моделировки, удивительным изяществом, орнаментально-узорчатой трактовкой волос и одежд, хотя не обладают той живостью в передаче образа, какой была отмечена статуя Коры в пеплосе.

Новые черты, отражающие эволюцию позднеархаического искусства, видны в датирующейся самым концом VI в. статуе коры № 674. По позе, одежде, сложной прическе она полностью примыкает к более ранним статуям. Но одежде не уделено прежнего внимания, она спадает скучными параллельными складками. Акцентирует скульптор в этой статуе лицо коры. Чуть склоненное, с большими, полузакрытыми тяжелыми веками глазами, оно овеяно какой-то грустной задумчивостью. Исчезла традиционная условная улыбка. Впервые в этой статуе можно отметить какое-то индивидуальное, не сходное с другими скульптурами выражение.

Значительный прогресс отмечается во второй половине VI в. в рельефной скульптуре. Около 525 г. датируются рельефы сокровищницы сифнийцев в святилище Аполлона в Дельфах. Постройка ионийского ордера, со статуями кариатид, заменившими колонны, была украшена рельефным фризом, который тянулся сплошной лентой по всем четырем сторонам здания. Тема рельефов — борьба олимпийский богов с гигантами; сложные картины битвы полны движения и массы выразительных деталей. Боги

и гиганты изображены в виде греческих воинов-гоплитов. Скульптор передает стремительные движения сражающихся, широкий шаг наступающих, правильно изображается бег; условная схема коленопреклоненного бега уже преодолена, но движение передается еще не вполне свободно и естественно; овладев изображением нескольких поз, художник повторяет их, что создает ритмическое чередование контуров и повышает декоративный эффект фриза. Реалистичны детали, найденные скульпторами,— разнообразные позы павших, животные, принимающие участие в сражении. В передаче наблюдений, почерпнутых в живой действительности, художники еще не преодолели сковывающей их творчество условности архаического искусства.

Новый шаг в развитии рельефа демонстрирует база статуи конца VI в., найденная в кладке городской стены Фемистокла в Афинах. Прямоугольный блок базы с трех сторон украшен рельефами, изображающими афинских юношей в палестре. Скульптор ставит задачу правильно передать сложные движения, изобразить фигуры атлетов в разных ракурсах — в профиль, в полоборота, в фас, со спины. Тщательно, рельефным рисунком передается мускулатура. Это стремление к излишней подробности, чрезмерная старательность в исполнении свидетельствуют о том, что условность архаического искусства преодолена еще не полностью, хотя все предпосылки для этого уже налицо.

Процессы, характеризующие развитие скульптуры, с неменьшей остротой прослеживаются в вазописи. Аттическая вазопись достигает во второй половине VI в. вершины своего развития. Третья четверть века — расцвет чернофигурного стиля, время работы самого значительного его представителя — Эксекия. Ему принадлежит большая амфора с изображением играющих в кости Ахилла и Аякса. Их крупные фигуры четко выделяются на фоне, который не закрывают тонко исполненные буквы надписей. Но, акцентируя сюжетную сторону росписи, Эксекий не забывает об основном ее назначении — служить украшением вазы. Изображения удивительно удачно связаны с мягкими, округлыми очертаниями амфоры. Тонко продумано композиционное решение. Роспись при всей ее декоративности лишена пестроты более ранних ваз, сдержанно применены дополнительные краски. Те же особенности отмечаются и в другом известном произведении Эксекия — килике с изображением плывущего на корабле Диониса.

Наряду с Эксекием в третьей четверти VI в. в Афинах работало немало талантливых вазописцев и гончаров. Одни из них известны по имени, написанному на вазах, другие получили в современной науке условные имена. Для афинской жизни того времени характерно, что среди вазописцев были и свободные граждане, и метеки, и, очевидно, рабы. Так, вазописец Амасис происходил, судя по имени, из Египта. Росписи его ваз, не менее декоративные, чем у Эксекия, отличаются некоторой тяжеловесностью пропорций, несколько более архаичными приемами рисунка.

Большого совершенства достигла миниатюрная живопись, применявшаяся в декоре небольших сосудов типа киликов. Их фризы украшались несколькими фигурками людей и животных. Крупнейшим мастером этого

удивительно тонкого стиля, получившего название «мелкофигурного», был Тлесон.

Усиление реалистических тенденций в искусстве конца архаической эпохи в вазописи ввиду ее специфики приводит к важному техническому нововведению. Чернофигурная силуэтная техника ограничивала возможности реалистической передачи человеческого тела, его движения. Для преодоления этой ограниченности аттические вазописцы отказываются от чернофигурной техники и изобретают новую, прямо ей противоположную — краснофигурную. Фигурные изображения остаются в цвете глины, а черным лаком покрывается фон между ними. Краснофигурные изображения более четко выделяются на поверхности сосуда, светлый силуэт позволяет подробнее и правильнее передавать детали, мускулатуру, сложные позы и движения человеческих фигур. Это важное изобретение, открывшее перед вазописью пути дальнейшего развития, было сделано в Афинах около 530 г. до н. э. в мастерской гончара Андокида. Имя вазописца, его сделавшего, неизвестно,— его называют условно мастером Андокида. И до сих пор ученые спорят — был ли это тот же мастер, что расписывал чернофигурные вазы Андокида, или другой, работавший только в новоизобретенной технике. Известен ряд ваз, преимущественно больших амфор, с подписью Андокида-горшечника; одни расписаны в чернофигурной технике, на других — аналогичные композиции, главным образом на мифологические сюжеты, исполнены в новой, краснофигурной технике. Любопытны вазы, соединяющие обе техники — на одной стороне рисунок чернофигурный, на другой — краснофигурный. Такова амфора в Мюнхене с изображением пирующего Геракла. Композиционно и стилистически изображения обеих сторон сходны, как негатив с позитивом. Художник, создавший новую технику, еще не выработал нового стиля исполнения, ей соответствующего. Первые краснофигурные росписи столь же плоскостны, графичны и декоративно-узорчаты, что и чернофигурные. Но возможности краснофигурной техники выявляются очень быстро. На Луврской амфоре Андокида с краснофигурным изображением Геракла, похищающего Кербера, по сравнению с аналогичным чернофигурным изображением на амфоре Андокида в собрании ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве фигур меньше, но зато они стали крупнее, вазописец отказался от ряда второстепенных деталей, что позволило ему выразительнее исполнить главного героя.

В конце VI в. наблюдается параллельное существование чернофигурных и краснофигурных ваз, причем чернофигурные постепенно становятся более скромными и простыми по декору. В V в. в этой технике расписываются только небольшие лекифчики и килики. Краснофигурный же стиль на первых порах своего существования привлекал внимание крупнейших вазописцев того времени, и ранние краснофигурные вазы по праву относятся к шедеврам аттической вазописи. Лучшим краснофигурным мастером конца VI в. является Евфроний, расписывавший и вазы большого размера, и небольшие килики. На наиболее известной своей вазе, недавно найденном большом кратере, хранящемся в Музее Метрополитен, он изобразил сцену погребения Гипносом и Танатосом тела Сарпедона,

царя Ликии, союзника Приама, убитого Патроклом. Близка стилистически и композиционно этому кратеру другая ваза Евфрония с изображением борьбы Геракла с Антеем. Реалистично даны фигуры героев в сильном движении, в сложных ракурсах. В обрисовке человеческих тел эти вазы прямо перекликаются с такими произведениями, как рельефы базы на стене Фемистокла.

Евфроний тонко чувствовал задачи росписи сосудов. Так, на его килике с изображением всадника мастерски решена трудная задача заполнения изображением круглого клейма на дне вазы.

Рядом с Евфронием работали другие крупные мастера раннего краснофигурного стиля. Его соперником выступал мастер Евфимид. В его росписях сильные фигуры воинов и других персонажей показаны в смелых, неожиданных ракурсах, хотя ему недостает элегантности и красоты рисунков Евфрония.

В заключение следует остановиться на достижениях архитектуры. К концу VI в. вырабатываются принципы греческого архитектурного ансамбля, примером которого является Дельфийское святилище, почитавшееся во всех уголках античного мира. Крупнейшие греческие полисы и иноземные государства считали необходимым почтить дарами это святилище с знаменитым оракулом Аполлона и сооружали для хранения этих даров сокровищницы типа сокровищницы сифнийцев.

Дельфийское святилище расположено на склоне Парнасских гор, над глубокой долиной, близ ущелья с Кастальским источником. Зигзагами поднимается вверх по склону горы священная дорога, обрамленная небольшими зданиями сокровищниц. Архитектура ансамбля Дельфийского святилища удивительно гармонично объединена с окружающей его природой, не противопоставлена ей, не господствует над ней, но представляет с ней единое целое. Живописное, асимметричное расположение и гармоничное! сочетание с окружающим ландшафтом — особенности греческих архитектурных ансамблей, сложившиеся в архаическую эпоху. Священная дорога выходит на площадь перед храмом Аполлона, возвышающимся на искусственно расширенной и укрепленной великолепной полигональной стеной террасе. Храм построен из местного плотного известняка, колонны покрыты светлой штукатуркой. План его — сильно вытянутый прямоугольник, с шестью колоннами на фасадах и пятнадцатью на длинных сторонах — еще архаичен по пропорциям. Храм Аполлона в Дельфах близок несколько более раннему храму того же бога в Коринфе. Считают, что они были построены одним архитектором. Пропорции коринфского периптера — столь же вытянутые, его тяжелые, монолитные колонны не имеют энтасиса, невысокие, сильно вынесенные капители кажутся как бы придавленными тяжестью архитрава. Вероятно, такой же была колоннада Дельфийского храма (сохранившиеся колонны восточного фасада относятся к более поздней его перестройке). К концу периода архаики полностью завершилось создание основного типа греческого храма — периптера, но еще не были выработаны окончательные, ставшие классическими его пропорции, равно как не было найдено и оптимальное соотношение компонентов ордерной системы.

Скульптурный декор храма Аполлона в Дельфах сочетал черты старого и нового. Изображения восточного фронтона были исполнены из мрамора и представляли собой круглые скульптуры — новая черта, отмечающаяся и в других храмах конца VI в., в частности в акропольском храме Афины времени Писистратидов. В то же время в дельфийском фронтоне нет еще единства сюжета: центральные изображения — квадрига Аполлона с фигурами самого бога, Артемиды и Лето — фланкированы стоящими фигурами, а углы фронтона заполнены группами львов, терзающих ланей.

Таким образом, во всех областях изобразительного искусства и архитектуры к концу эпохи архаики можно констатировать наличие существенных изменений, свидетельствующих об исканиях греческих художников, тесно связанных с изменением и развитием самого греческого общества, стоявшего на пороге нового этапа своего существования — формирования демократического рабовладельческого полиса.

ИСКУССТВО РАННЕЙ КЛАССИКИ

Греческое искусство первой половины V в. до н. э. представляет собой весьма своеобразное явление. Завершается становление демократического рабовладельческого полиса. Борьба с персами, вызвавшая небывалый подъем всех сил народа, отстаивавшего свою независимость, стимулировала этот процесс. Греко-персидские войны придали эпохе характер героический, отразившийся и в искусстве. Если архаическое искусство неразрывно связано было с возникновением полисной системы, то классическое искусство V в. соответствовало периоду расцвета этой формы общественного бытия, искусство же поздней классики, IV в. до н. э., отразило начало упадка, разложения полисной системы.

Искусство от начала до середины V в. принято называть раннеклассическим. В греческом искусстве, освободившемся от жестких рамок архаики, идут широкие поиски новых тем и новых решений. На смену господствовавшим в скульптуре предшествующего периода типам куроса и коры приходит большее разнообразие образов: скульптура берется за изображение человеческой фигуры в сложном движении. Завершается сложение классического типа периптериального храма и его скульптурного декора. Больших высот достигает монументальная живопись. Интересные решения разнообразных сюжетов предлагают мелкая пластика и вазопись. Это период интенсивного развития различных школ и направлений в греческом искусстве.

В это время в художественном творчестве греков наблюдается сложная картина сосуществования разнородных произведений, поисков нового, не всегда сразу завершающихся удачей, причем явление это наблюдается во всех областях искусства.

Между искусством эпохи архаики и классическим искусством V в. нет резкой грани, что вполне естественно,— то и другое являются разными этапами единого процесса — становления и развития искусства грече-

ского полиса. Эстетические требования, предъявляемые обществом к художественным произведениям, не претерпели принципиальных изменений на рубеже архаики и классики: по-прежнему основной темой изобразительного искусства остается образ идеального, образцового гражданина полиса, его доблестного защитника, но теперь этот образ, созданный еще в архаическую эпоху, получает гораздо более глубокое и совершенное воплощение, совершенствуется как в смысле чисто формального исполнения, так и в отношении внутреннего содержания, приобретает неизвестное ранее разнообразие типов и форм, что отражает в определенной степени расширение социальной базы искусства, его демократизацию.

Рубежом VI—V вв. датируется храм Афины Афайи на о. Эгина, который и по архитектуре, и по скульптурному декору стоит на стыке двух эпох — архаической и классической. Расположенный на высоком холме, господствующем над побережьем, этот храм еще раз демонстрирует удивительное мастерство греческих архитекторов в соотнесении архитектурных сооружений с окружающей природой. Дорический периптер — храм Афины Афайи — имеет иные пропорции, чем Дельфийский храм — число колонн на его длинных сторонах лишь в два раза больше колонн фасада (6 и 12). Это ближе к тому соотношению, которое установится в классическом периптере, и свидетельствует о поисках новых пропорций. Внутреннее устройство храма также приближается к классическому типу — два ряда двухэтажной колоннады делят целлу храма на три нефа, из которых средний вдвое шире боковых. Чисто классическое и членение внутреннего пространства на пронаос, целлу и опистодом.

Интересен скульптурный декор Эгинского храма. Сохранились остатки трех фронтонов; восточный фронтон храма примерно через два десятилетия после своего создания по каким-то причинам был заменен новым. От первого восточного фронтона осталось очень мало, но сохранились западный фронтон времени основания храма (510—500 гг.) и второй восточный, относящийся к 490—480 гг. Скульптуры фронтонов, найденные в 1811 г., были реставрированы Торвальдсеном. До сих пор вызывает споры их реконструкция. Тема фронтонов — борьба греков с троянцами; на восточном изображен первый поход греков против Трои, в котором принял участие Геракл; на западном — война, воспетая Гомером. В центре западного фронтона высится фигура богини Афины, покровительницы греков; у ее ног — павший, которого она прикрывает своим щитом. С обеих сторон к нему устремляются друзья и враги; фигуры их повторяют друг друга в зеркальном отражении, это «хватающие» воины, замахивающиеся копьем и коленопреклоненные, с луками и копьями. В углах фронтона помещены полулежащие фигуры раненых. Композиция построена на строгом равновесии и зеркальной симметрии, нарушаемой лишь второстепенными деталями. Скульптуры фронтона круглые, но соединены с фоном перемычками. Странное сочетание движения и неподвижности поражает в «эгинетах». Фронтальная фигура Афины позой, одеждой, легкой улыбкой на лице похожа на архаических кор. Воины по ее сторонам как бы застыли в разнообразных, сложных позах. Тела их переданы более жестко и обобщенно, чем исполненное жизненной силы мускулистое тело

куроса из Анависоса. Эта напряженность особенно ощущается в фигурах раненых: неестественно изогнувшись в неудобном положении, они сохраняют условную улыбку на лице.

Более поздний, восточный фронтон Эгинского храма построен по той же схеме, что и западный; в центре стоит Афина, а по сторонам ее располагаются две группы сражающихся, в углах — фигуры раненых. Достаточно сравнить последних с аналогичными изображениями раннего фронтона, чтобы ощутить тот путь, который прошла греческая скульптура за те годы, что их разделяют. Фигура раненого на восточном фронтоне—в свободном, естественном повороте. Обессилевший воин опирается на щит и правую руку; нарушена фронтальность — лицо обращено не к зрителю, а вниз, к земле. Еще чувствуется скованность в передаче торса, еще недостаточно разработана мускулатура и неподвижно лицо, но уже правильно и жизненно-убедительно передано движение тела.

В статуарной скульптуре первых двух десятилетий V в. сохраняются традиционные образы куроса и коры, но они претерпевают принципиальные изменения. Новые черты ясно видны в последней из длинного ряда акропольских кор статуе, являющейся, согласно надписи, даром Евтидики. Поза традиционная, но художник уже совсем не обращает внимания на детали, одежда для него — не игра узорчатых складок, а лишь оболочка крепкого и сильного тела; волнистые пряди волос — обрамление широкого полного лица, с прямым профилем, прямо посаженными глазами и плотно сжатым ртом. Это новый тип лица, характерный для аттической скульптуры V в. Вероятно, тот же мастер изготовил и очень похожую на кору Евтидики голову юноши, найденную также на Акрополе и принадлежавшую статуе куроса. Характерны тяжелые, падающие на лоб волосы юноши, заплетенные в косичку,— новая мода, появившаяся еще в конце VI в.; прямо смотрят обрамленные широкими валиками век глаза, губы плотно сжаты, что придает лицу скорбно-задумчивое выражение. Голова слегка наклонена вправо, чем нарушена привычная фронтальность.

О том, какой вид могла иметь эта статуя, позволяет судить найденная на Акрополе небольшая, в половину натуры, фигура мальчика, тоже датирующаяся примерно 480 г. до н. э. На основании стилистического анализа ее считают ранним произведением аттического скульптора Крития. В этой скульптуре нет и следа напряженной неподвижности архаических куросов. Широкие плечи и грудь подчеркивают силу юноши, пропорционально развита мускулатура живота и бедер, показанная жизненно верно, но без детализации. Великолепно моделирована спина, убедительна естественная поза спокойно стоящей фигуры, опирающейся на выпрямленную левую ногу, с чуть согнутой правой. Это произведение уже можно назвать раннеклассическим.

Еще ярче, чем в традиционных образах, особенности раннеклассического искусства, естественно, проявляются в принципиально новых произведениях, самая возможность возникновения которых связана с изменениями в общественной жизни полиса. Таким произведением является группа Тираноубийц работы аттических скульпторов Крития и Несиота, воздвигнутая в честь афинских граждан, Гармодия и Аристогитона, убив-

ших в 514 г. до н. э. афинского тирана Гиппарха, что послужило началом борьбы афинян с тиранией Писистратидов; после свержения ее жители полиса воздвигли почетную скульптуру в честь героев. Это первое в истории греческого искусства произведение, прославлявшее действие общественно-политического характера, было исполнено афинским скульптором конца VI в. Антенором. Оно было увезено в качестве трофея персами при взятии ими Афин. Группа Крития и Несиота должна была его заменить и, очевидно, в какой-то мере его повторила. Гармодий и Аристогитон изображены в момент нападения на тирана, в стремительном броске вперед. Позы обоих героев повторяют друг друга в зеркальном отражении, что создает ритмическое единство этой первой подлинно групповой скульптуры. Напряженно выпрямленные торсы героев, героически обнаженные, еще по-архаически скованны, но движение показано более реалистично. Героический сюжет группы характерен для Аттики этого периода.

Тираноубийцы — первое произведение, с которым мы вынуждены знакомиться не по оригиналам (которые были из бронзы), а по мраморным римским копиям. Лишь немногие подлинные произведения греческой классики дошли до нас; представление о них дают часто несовершенные, выполненные в другом материале воспроизведения римского времени. Архаическую скульптуру мы изучаем только по подлинным памятникам, так как специфический характер ее не допускает копирования: скульптор позднего времени не в состоянии воспроизвести утонченно-изящный и наивный архаический оригинал, у него получается не копия, а стилизованное подражание. В римскую эпоху, когда интенсивно копировались греческие оригиналы, не существовало буквальных копий архаических произведений, но получила развитие архаизирующая скульптура.

К числу немногих оригинальных скульптур ранней классики относится статуя Дельфийского возницы, найденная при раскопках в Дельфах в 1896 г. Она была частью группы, изображавшей победителя в состязаниях, стоявшего на запряженной квадригой колеснице. От коней и колесницы сохранились незначительные остатки, фигура же возницы дошла полностью. Юноша, одетый в длинный, до пят хитон возницы, стоит спокойно и твердо, немного повернувшись вправо. В вытянутых руках он держал вожжи. Строго и сосредоточенно его лицо, которому удивительно живое выражение придают инкрустированные глаза. На коротких волосах — повязка победителя. Со спокойной позой юноши прекрасно гармонирует трактовка его одежды — тяжелые складки пеплоса, напоминающие каннелюры дорической колонны.

Дельфийский возница — статуя, великолепно передающая особенности стиля ранней классики: свободу в передаче фигуры в покое, преодоление напряжения архаических фигур, возвышенное спокойствие на лице, лишенном индивидуальных черт, идеально-прекрасном, лице героя-победителя. И наряду с этой отвлеченностью образа — появление таких натуралистических деталей, как вздувшиеся вены на твердо сжимающей вожжи руке и прочно поставленных босых ногах. Такая склонность к натурализму — следствие стремлений к возможно более живому и приближенному к действительности изображению человека.

Автор Дельфийского возницы неизвестен. Одно время его имя связывали с именем Пифагора Регийского — скульптора, о котором известно по рассказам Плиния, но эта гипотеза не получила подтверждения, хотя связь статуи Дельфийского возницы с западной школой греческой пластики очень убедительна.

К тому же времени относится и другое известное произведение — большой монолитный блок, с трех сторон украшенный рельефами (верх передней стороны не сохранился, боковые стороны вверху скошены). Назначение блока до сих пор не установлено; высокое качество его рельефов позволяет относить его к лучшим образцам раннеклассического искусства. На передней стороне изображена сцена рождения из пены морской Афродиты. Богине, приподнявшейся над водой, помогают склоняющиеся к ней с двух сторон нимфы. Тонкие, как бы пропитанные влагой одежды не скрывают прекрасные женские тела. Особенно хороша голова богини, обращенная вверх, с массой струящихся волос. Примечательны фигуры боковых рельефов. На правом изображена закутанная в плащ женщина перед курильницей, на левом — обнаженная девушка-флейтистка, сидящая в свободной позе. Считают, что это — жрицы Афродиты, олицетворяющие два аспекта культа богини любви и красоты. Искания новой эпохи ярко проявляются в этих рельефах, прежде всего в изображении нагого женского тела — первом в греческом монументальном искусстве. Исполнение еще несовершенно, есть некоторые анатомические неправильности, но образы поэтичны и выразительны, композиция строго продумана и уравновешена, особенно в центральном рельефе, построенном на сочетании движения, направленного вверх, и падающих вниз, как бы стекающих с тела складок одежды.

Эти два произведения знаменуют искания и достижения эпохи в изображении спокойно стоящей фигуры и в рельефе. Наиболее ярким выражением того нового, что создала эпоха ранней классики, является великолепная статуя бога моря Посейдона, найденная в море у мыса Артемисион. Это один из самых замечательных греческих бронзовых оригиналов, сохранившихся до наших дней. Бог моря представлен наступающим на врага; занеся трезубец откинутой назад правой рукой, он указывает вперед простертой левой рукой. Статуя, являвшаяся, вероятно, частью группы, потрясает мощью и величием. Могучее обнаженное тело Посейдона передано с полным знанием анатомии, но без излишней детализации. Художник вполне овладел передачей движения: по существу это первое в греческой круглой скульптуре изображение, в котором движение передано так убедительно и верно. Лицо бога, безупречно красивое, суровое, но спокойное, передает облик олимпийца, каким его представляли греки. Стремительное движение тела не отразилось на этом величавом лице, не разметало симметрично лежащие завитки волос и бороды. Инкрустированные глаза, ныне утраченные, должны были повышать эмоциональное воздействие этого образа.

Статую Посейдона пытались связать с именами греческих скульпторов первой половины V в., известными по сообщениям античных авторов,— Агелада, Каламиса или Ората. Но эти атрибуции остаются гипотетичными.

ХРАМ ГЕРЫ II В ПЕСТУМЕ. Ок. 460 г. до н. э.

Датируется статуя Посейдона приблизительно 460 г. до н. э., она современна одному из крупнейших памятников греческого искусства первой половины V в.— храму Зевса в Олимпии.

Олимпийский храм и по своей архитектуре, и по скульптурному декору стоит на рубеже ранней и зрелой классики, подобно тому как Эгинский храм — на рубеже архаики и классики.

Храм Зевса в Олимпии, построенный в 470—456 гг. архитектором Либоном из Элиды, является дорическим периптером, выполненным в установившихся классических пропорциях. Удачно включенный в ансамбль крупнейшего греческого святилища, он стал его логическим центром, отделив сооружения архаического периода, группировавшиеся вокруг древнего храма Геры, от построек более позднего времени. Храм Зевса был разрушен землетрясением, и хотя его руины производят сильное впечатление, трудно по ним представить внешний вид этого храма.

Наилучшим образцом дорического периптера того же времени является храм Геры II (ранее условно называвшийся храмом Посейдона) в святилище Геры в Пестуме (древняя Посейдония). Он был построен около 460 г. до н. э.; как и в храме Зевса, у него классическое соотношение числа колонн фасада — шесть — и боковых сторон — тринадцать, т. е. удвоенное число колонн фасада плюс еще одна. Хорошо сохранились колоннада храма, стоявшая на трехступенчатом основании, его антаблемент и фронтоны. Колонны храма Геры, как и Олимпийского храма, по про-

порциям, по отношению диаметра к высоте, по форме капителей приближаются к классическим нормам. Стволы колонн имеют легкую кривизну на $^1/_3$ высоты — энтасис — прием, который, нарушая линейную прямизну ствола, придавал колонне силу и упругость. Внутри храма сохранилась двухъярусная колоннада, делившая целлу на три нефа. В эпистодоме стояли колонны ионийского ордера — сохранилась великолепная сочная ионийская капитель. Это — едва ли не первая в истории греческой архитектуры попытка сочетания в одном здании двух разных ордеров. Храм Геры в Пестуме не имел скульптурного декора. Представление о скульптурном убранстве греческих храмов ранней классики дают восстановленные из многочисленных обломков фронтоны и метопы храма Зевса Олимпийского.

Авторы фронтонных композиций храма Зевса неизвестны. Павсаний называет имя Алкамена, но этот ученик Фидия, работавший во второй половине V в., вряд ли участвовал в создании фронтонов храма Зевса. Не решен вопрос и о том, один или разные скульпторы исполнили восточный и западный фронтоны и метопы. Различие между ними вполне убедительно объясняется различием тематики, а стилистическое единство их велико.

На восточном фронтоне храма был изображен миф о конном состязании между Пелопсом и Эномаем, в поэтической форме утверждавший идею неизбежности божественного предопределения в судьбе человека. Представлен момент перед началом состязания; рядом с Эномаем стоит его жена, Стеропа, с Пелопсом — Гипподамия; готовы их колесницы, близ них сидят конюхи, слуги и прорицатели; в углах фронтонов — лежащие фигуры, олицетворяющие реки Кладей и Алфей. Действующие лица ожидают решения своей судьбы от незримо присутствующего среди них Зевса, чья фигура возвышается в центре фронтона. Композиция построена на строгом равновесии масс, но здесь нет зеркальной симметрии фронтонов Эгинского храма. Торжественный строй пяти главных вертикально стоящих фигур в центре фронтона перекликался с ритмом дорической колоннады здания.

В отличие от статичного восточного фронтона западный построен на бурном движении. Сюжет его — борьба лапифов с кентаврами — выражал идею победы людей над темными силами природы при покровительстве богов. Как и на восточном фронтоне, в центре возвышается величавая фигура бога Аполлона, чье покровительство обеспечило лапифам победу. Он стоит неподвижно, властно вытянув правую руку. По сторонам развертываются сцены схватки: кентавры, хватающие девушек, и лапифы, их защищающие. Мастерски переданы сложные движения, выразительные жесты сражающихся, иногда вульгарно-жестокие (кентавр впивается зубами в руку лапифа, другой тащит девушку за волосы). Реконструкция фронтона вызывает споры — фигуры героев битвы, Тесея и Перифоя, помещают то рядом с Аполлоном, то на расстоянии от него. Но принцип композиции тот же, что и на восточном фронтоне,— строгая уравновешенность без строгой симметрии. Сложная многофигурная группа умело введена в рамки пологого треугольника. Углы заполнены лежащими фи-

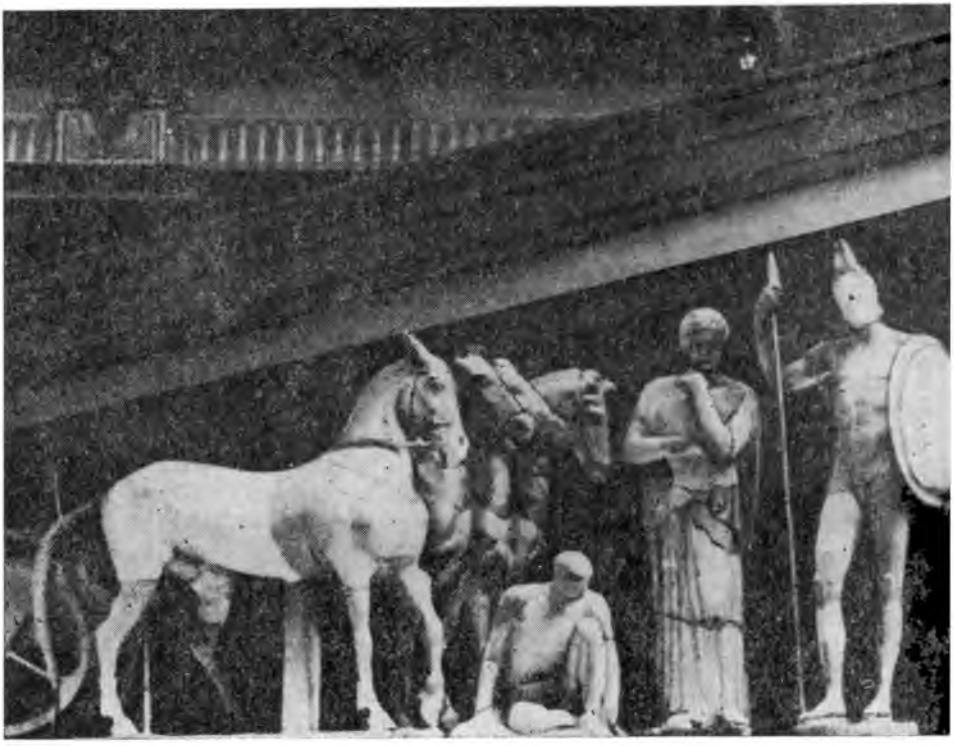
гурами — изображениями старух, матерей кентавров, с некрасивыми морщинистыми лицами, пристально следящих за схваткой.

Создатели фронтонов храма в Олимпии овладели композиционным мастерством, они смогли изображать человека в покое и в движении, хотя при этом сохранялась еще излишняя скованность в трактовке обнаженного тела. Научились они передавать и эмоции — чувства злобы, тревоги, но наделяли ими лишь низших существ — кентавров, тогда как люди, подобно богам, в самые напряженные моменты сохраняли спокойствие.

Метопы наружного фриза олимпийского храма не имели скульптурного декора; рельефами были украшены метопы фриза над фасадами целлы по шесть с каждой стороны. На них были изображены двенадцать подвигов Геракла. Сохранились метопы не полностью. Наблюдается два приема композиционного решения: или, при спокойной трактовке сюжета, композиция строится на двух-трех вертикальных фигурах (например, метопа с изображением Геракла и Атланта), или, при передаче бурного действия, — на перекрещивающихся диагоналях (метопа с Гераклом, укрощающим критского быка). Считают, что метопы возникли раньше фронтонов. В трактовке человеческих фигур заметна несколько бо́льшая напряженность, но движение передано не менее выразительно. Светло и лирично исполнен образ Афины, покровительницы героя, мужественно и сильно — самого Геракла.

Картина, аналогичная развитию скульптуры, наблюдается и в вазописи первой половины V в. Являясь прямым продолжением раннего краснофигурного стиля, вазопись начала века не должна была столь мучительно преодолевать традиции архаического стиля: в вазописи он практически ушел вместе с чернофигурным стилем. Чернофигурные росписи начала V в. все больше ограничивались однообразным декором на небольших вазах, часто ремесленных по уровню. Краснофигурная вазопись в это время достигает полного расцвета, работают крупные мастерские, объединяющие мастеров различных направлений. Один из наиболее значительных вазописцев того времени, мастер Клеофрад, ученик Евфимида, примыкает к предшествующему периоду. Крепкие, массивные фигуры атлетов и мифологических героев, тщательная передача мускулатуры, сложные ракурсы, сочетающиеся с дробной, архаически-узорчатой трактовкой пышных одежд, характерны для его росписей. Смелы по вольным сюжетам и по передаче активного движения росписи мастера Брига, охотнее всего расписывавшего килики; особенно любил он сцены с изображением танцующих участников празднеств. В трактовке одежды — параллельными складками — улавливается сходство с поздними статуями кор.

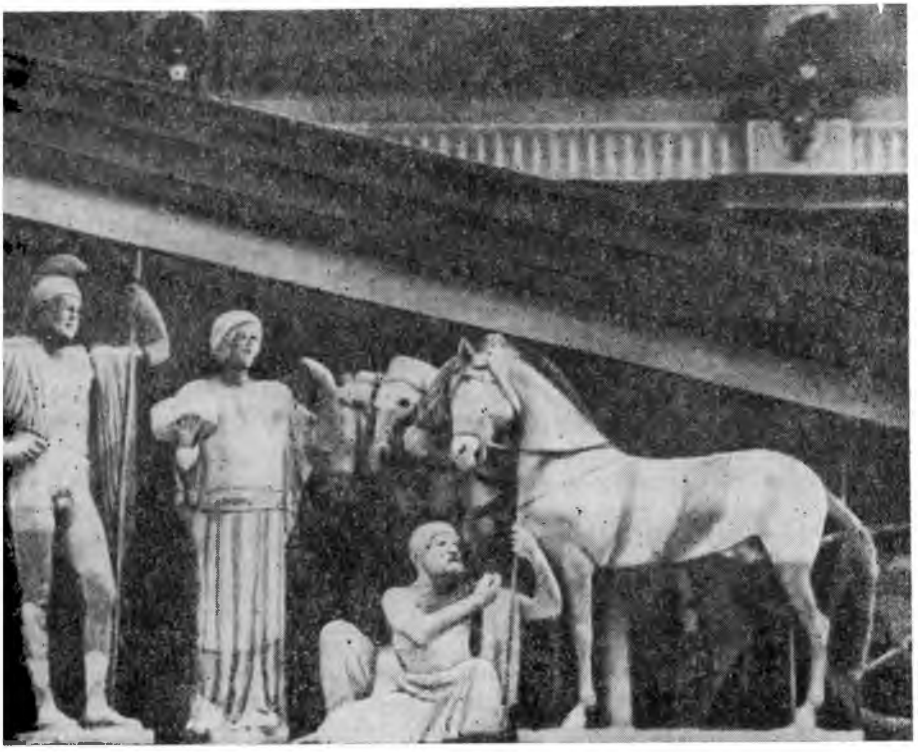
Крупнейший вазописец того времени Дурис наряду с мифологическими сюжетами охотно обращался к сценам из повседневной жизни. В ранних своих работах он выказывал склонность к известной архаизации в передаче изысканно-узорчатой одежды, обнаруживал особую любовь к орнаменту (килик с изображением Одиссея, передающего Неоптолему оружие Ахилла). На кратере в Лувре представлены сцены из школьной жизни: юноша учится игре на лире, мальчик стоит перед учителем, который держит в руках свиток, рядом сидит педагог; на другой стороне вазы пока-



ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ВОСТОЧНОГО ФРОНТОНА ХРАМА ЗЕВСА В ОЛИМПИИ. Ок. 460 г. до н. э.

зано обучение письму и пению. Эти живые сценки исполнены свободно и выразительно, художника не смущают сложные ракурсы, например изображение фигур в фас, он любовно передает различные бытовые детали. Во всех росписях Дуриса проявляется удивительное мастерство в решении композиционных задач.

На вторую четверть V в. приходится расцвет не только скульптуры, но и живописи. Это время деятельности крупнейшего греческого живописца — Полигнота. Его прославленные в древности произведения, наиболее значительные из которых находились в Дельфах и в Афинах, не дошли до нас, и судить о них можно лишь по описаниям античных авторов и по современным им вазовым росписям, на которые монументальная живопись оказывала сильное влияние. Но если в эпоху архаики между живописью и вазописью не было значительного стилистического разрыва, то теперь живопись, как и все искусство эпохи классики, ставит задачи, далекие от декоративного назначения вазописи: все более жизненное и реалистическое изображение людей и их действий, а в связи с этим — передача



объема и пространства. Полигнот, судя по описаниям Плиния и Павсания, стремясь показать людей в пространстве, располагал фигуры заднего плана над передними, частично скрывая их за неровностями почвы. Представление об этом приеме дает произведение близкого Полигноту вазописца — большой кратер в Лувре с изображением на одной стороне мифа об Аргонавтах, на другой — о гибели Ниобид. Многочисленные фигуры росписи помещены друг над другом, некоторые полускрыты за кривыми линиями, обозначающими холмики.

Недавнее открытие в Пестуме познакомило нас с подлинным, хотя и не первоклассным памятником греческой живописи первой половины V в. В 1969 г. здесь была открыта гробница в виде каменного ящика, по погребальному материалу датируемая около 480 г. С внутренней стороны стенки ее и плоская плита, служившая крышкой, были покрыты росписью. На боковых плитах изображены традиционные для подобных росписей сцены погребального пиршества: возлежащие на клине зрелые мужи и юноши с чашами или музыкальными инструментами в руках, слуги, виночерпий, музыканты. Композиционно в этой развертывающейся по плоскости стенок гробницы росписи нет ничего нового, контурный рисунок фигур, представляющих заполненные краской силуэты, также восходит к архаическим приемам. Но удивительна по выразительности

передача эмоционального состояния персонажей: один из пирующих в экстазе вслушивается в звуки музыки, другой поглощен созерцанием своего юного любимца. При сохранении традиционных поз движения переданы правильно и свободно, что тоже отражает новый этап развития греческого искусства. Новые тенденции особенно ярко проявились в в росписи плиты перекрытия, на которой изображен юноша, прыгающий в море с вышки (отсюда условное название этой гробницы —«гробница ныряльщика»). Сюжет этот редок, но не уникален — аналогичные изображения встречаются в вазовых росписях, а также в росписи этрусской гробницы «Охота и рыбная ловля». Содержание пестумской фрески неясно — это может быть и чисто бытовая сцена, и воспроизведение какого-то ритуального обряда. Но самая попытка изобразить человека среди окружающей его природы (море, дерево на берегу), в активном движении, вполне правильно воспроизведенном, а также передача его эмоционального состояния новы для греческого искусства и знаменуют новые устремления эпохи.

ИСКУССТВО ВЫСОКОЙ КЛАССИКИ

Деление классического искусства на периоды в значительной мере условно; резкой грани между ними, во всяком случае, нет. Высокий расцвет искусства второй половины V в. до н. э. был подготовлен и обусловлен всем ходом развития греческого общества и его искусства в предшествующий период. То, что наиболее ярко этот расцвет проявился в аттическом искусстве, естественно ввиду совершенно особенного положения, которое заняла эта маленькая область Эллады в рассматриваемый период, когда Афины стали подлинным центром культуры всей Греции.

Из трех крупнейших греческих скульпторов V в., Мирона, Фидия и Поликлета, традиционно считающихся представителями искусства высокой классики, первый, работавший во второй четверти и середине V в., стоит ближе к искусству предшествующего периода. В его творчестве находят завершение искания мастеров первой половины века. О Мироне, как и о большинстве художников классической Греции, мы знаем по сообщениям античных авторов и по римским копиям его произведений. Он работал в основном в бронзе, главной темой его творчества были изображения атлетов-победителей в состязаниях.

Прославленным его произведением является статуя Дискобола, сохранившаяся в нескольких копиях. Атлет представлен в самый напряженный момент состязаний — когда он приготовился метнуть диск. Впервые в греческом искусстве здесь решена задача передачи моментального перехода от одного движения к другому, полностью преодолено то ощущение статики в движении, которое присутствовало еще в статуе Посейдона из Артемисиона и в западном фронтоне Олимпийского храма. С превосходным знанием анатомии передано напряжение атлета, вздувшиеся мускулы его рук и ног, изогнутый торс. Удивительно красив силуэт этой скульптуры, напоминающий натянутый лук. Фигура Дискобола не пред-

полагает кругового обхода, она рассчитана на вид спереди, когда особенно ясно ощущается напряжение всех сил атлета, и сбоку, когда поражает неустойчивое равновесие фигуры, что передает мгновенность изображенного действия. Характерно, что столь выразительно изображенное движение никак не отражено в лице атлета. Черты правильного красивого лица неподвижны, аккуратными завитками лежат на голове пряди волос. Сочетание стремительного движения тела и возвышенно спокойного лица отражает свойственное этому периоду стремление воплотить в изображении атлета-победителя идеал «прекрасного и доблестного» гражданина демократического полиса.

Вторая сохранившаяся в копиях работа Мирона — упомянутая Павсанием группа Афины и Марсия, стоявшая на Акрополе. Сюжет ее — миф об изобретении флейты богиней Афиной. Мирон изобразил кульминационный момент: Афина, бросив флейты, уходит, оборачиваясь, чтобы произнести проклятие тому, кто возьмет их. Силен подкрадывается, чтобы подобрать брошенное, но, страшась проклятия, отшатывается, готовый отскочить назад. Афина спокойна, в ее фигуре нет ничего напряженного, лишь поворот головы и жест руки выдают ее чувства, но лицо безмятежно. Поза Силена еще более неустойчиво-мгновенна, чем поза Дискобола. Жадное желание и испуг отражаются в его звероподобном лице, контрастирующем с возвышенным обликом Афины, так же как искаженные лица кентавров олимпийского фронтона противопоставлялись благородным лицам эллинов. Считалось, что в образе Афины Мирон хотел выразить превосходство афинян над их соседями и врагами, беотийцами, почитателями Марсия.

В творчестве Мирона завершаются искания античной скульптуры, стремившейся к реалистической передаче движения человеческого тела. В то же время Мирон еще не овладел искусством воплощения возвышенных эмоций, созвучных эпохе расцвета демократического полиса.

Достигнуть вершины классического искусства, создать величайшие творения греческой классики суждено было крупнейшему скульптору Греции — Фидию. Фидий начал работать во второй четверти V в., когда его родной город Афины занял ведущее место в жизни Греции, возглавив Морской союз. Как и Мирон, Фидий начал свою деятельность в атмосфере высокого духовного подъема, охватившего всю Грецию после победы над персами. В творчестве Мирона этот подъем отразился в создании идеального образа атлета-победителя. Фидий прославился как творец скульптур, изображающих богов, прежде всего Афину и Зевса, покровительству которых, согласно верованиям греков, они были обязаны победой над врагами. Ранние произведения Фидия — группа аттических героев в Дельфах, статуи Афины в Платеях и Аполлона Парнопея (изгоняющего саранчу) на Акрополе в Афинах — известны по упоминаниям древних авторов. Римской копией последнего произведения большинство исследователей считает статую Аполлона в музее Касселя. Эта скульптура, изображающая бога спокойно стоящим в величавой позе, отличается свободным и мягким исполнением обнаженного тела и прекрасной головы, обрамленной длинными кудрявыми волосами. Замечательная находка

двух подлинных бронзовых статуй воинов в море близ Риачче (Южная Италия) в 1972 г., возможно, знакомит нас с более ранним творением Фидия. Предполагают, что эти статуи, изображающие обнаженных воинов, стоящих со щитами и копьями в руках (оружие не сохранилось), могли принадлежать к дельфийской группе, запечатлевшей героя сражения при Марафоне Мильтиада между Афиной и Аполлоном, в окружении героев-эпонимов Аттики. По позам, трактовке тела, исполнению лица и волос статуи из Риачче близки Аполлону Кассельскому, хотя и отличаются большей сдержанностью и строгостью трактовки, и, очевидно, относятся к несколько более раннему времени. Фигуры воинов исполнены силы, красоты и благородства и являются прекрасными образцами раннеклассической скульптуры.

В 60-х годах V в. Фидию, уже широко известному мастеру, было поручено создание — на средства от марафонской добычи — колоссальной статуи Афины Промахос (Воительницы), поставленной в центре Акрополя. Достоверных копий этой скульптуры не сохранилось; судя по изображению на афинской монете, богиня была представлена стоящей, в длинных одеждах, в шлеме на голове, с копьем и щитом в руках. Описания подчеркивают ее воинственный, устрашающий вид. Вероятно, Афина Промахос выглядела столь же грозной, как современная ей статуя Посейдона с мыса Артемисион. Такой образ Афины был созвучен настроениям афинян времени греко-персидских войн и вполне уместен на Акрополе, еще лежавшем в руинах после разгрома его персами.

В статуе Афины Лемнии (созданной по заказу афинских колонистов с Лемноса) Фидий отразил настроения наступившего на земле Эллады мира. Эта бронзовая статуя известна по мраморным копиям римского времени. Богиня изображена провозвестницей мира, она безоружна, в протянутой вперед руке держит шлем. Фидий великолепно передал спокойно-величавый облик богини: красота этой статуи вызывала восторженные отзывы и современников, и потомков.

Афина Лемния была исполнена Фидием около середины V в., а в 449 г. афинское народное собрание по предложению Перикла утвердило проект строительства на Акрополе новых храмов взамен разрушенных персами. В разработке этого проекта, который призван был запечатлеть могущество и богатство Афин, приняли участие крупнейшие зодчие Греции. Руководителем же проекта стал Фидий, за которым прочно утвердилась слава одного из лучших художников Греции.

Осуществление плана строительства на Акрополе заняло всю вторую половину V в., но, несмотря на это, ансамбль Акрополя поражает своим единством, продуманностью и цельностью. Храм богини Афины, Парфенон, был сооружен в 447—437 гг. архитекторами Иктином и Калликратом. В 437—432 гг. архитектор Мнесикл возвел парадный вход на Акрополь — Пропилеи. В 427—424 гг. был построен маленький храм Ники у Пропилей, в 421—405 гг. завершено строительство Эрехтейона. Памятники афинского Акрополя, хотя и сильно пострадавшие от времени и людской деятельности, дают великолепное представление о совершенстве греческой архитектуры.

АФИНА ЛЕМНИЯ. Статуя работы Фидия. Третья четверть V в. до н. э.

Дорога, поднимавшаяся по западному склону Акрополя к Пропилеям, огибала пиргос — башню, на которой стоит легкий изящный храмик Ники. С ним контрастирует мощная дорическая колоннада Пропилей, стоящая на высоких ступенях по, иума. Широкий центральный проход, через который шла священная дорога, обрамлен боковыми, более узкими проходами для пешеходов; их разделяют два ряда стройных ионийских колонн, поддерживавших перекрытие. Западному фасаду соответствует восточный шестиколонный портик Пропилей, выходящий на площадь Акрополя.

Дорический фриз и фронтоны Пропилей не имели скульптурного декора.

Центральное здание Пропилей обрамлено боковыми крыльями. Северное — знаменитая Пинакотека, в которой хранились картины крупнейших греческих художников, в том числе Полигнота. Она состоит из прямоугольного помещения и трехколонного портика перед ним. Южное крыло представляет только один портик. Меньшие размеры дорических колонн боковых портиков подчеркивали величественный характер центральной колоннады Пропилей.

Асимметричный план Пропилей объясняется наличием храма Афины-Ники, проект которого был утвержден еще в 449 г. Мнесикл и автор храма Ники Калликрат, мастерски решили сложную задачу сочетания этих двух зданий так, что они гармонически уравновешивают друг друга. Храм был посвящен Афине, слившейся с образом богини Победы — Ники; поскольку статуя богини была лишена традиционных крыльев — в знак того, что победа навсегда останется в Афинах,—ее стали называть Никой Аптерос — Бескрылой. Миниатюрный по размерам (площадь внутреннего помещения — 4,19 × 3,78 м.), храм амфипростильного типа с четырехколонными портиками на фасадах построен в ионийском ордере. Монолитные колонны стройных пропорций с красивой формы капителями и сплошной фриз, рельефы которого изображали борьбу греков с персами, украшают этот храм, отличающийся удивительной целостностью и изяществом.

Главным зданием Акрополя был храм Афины-Девы — Парфенон. Храм сдвинут к югу от центральной оси, идущей от Пропилей, так как здесь находились руины архаического храма, и место, считавшееся священным, было оставлено свободным. Благодаря такому расположению Парфенон не подавляет своей массой остальные постройки, но гармонично сочетается с ними.

Парфенон — один из самых крупных храмов Греции. Его основание занимает площадь в 31 × 70 м. Он имеет на фасадах 8 и на длинных сторонах 17 колонн — классическое соотношение соблюдено. С фасадов ряд колонн удвоен благодаря обрамляющим центральное помещение портикам. Использованы все выработанные архитекторами классического времени приемы: легкая курватура верхней ступени стилобата, увеличение диаметра угловых колонн, энтасис — припухлость ствола колонны; эти приемы призваны исправить ошибки человеческого глаза в восприятии идеально прямых линий, которые на расстоянии кажутся вогнутыми.

Благодаря этому классические греческие храмы представляются идеально пропорциональными.

Внутри целла Парфенона разделена на наос, где находилась статуя Афины, и опистодом, где хранилась государственная казна; это помещение называлось первоначально Парфенон (от Парфенос — дева) — позже название распространилось на весь храм.

В архитектуру и декор Парфенона введены новые, обогатившие их детали. Снаружи здание, типичный дорический периптер, было украшено вторым, ионийским фризом, сплошной лентой шедшим по верху стен целлы. В опистодоме перекрытие поддерживали четыре ионийские колонны. Своеобразно внутреннее членение наоса: двухъярусная дорическая колоннада обходила помещение с трех сторон. Внесение в строгий дорический ордер ионийских элементов обогатило архитектуру Парфенона, вошло в практику аттических архитекторов и было применено также в Пропилеях.

Главное украшение Парфенона — его замечательный скульптурный декор; в этом храме особенно ярко проявился синтез архитектуры и скульптуры, являющийся одним из главных достижений греческого искусства. Единство и продуманность скульптурного декора Парфенона говорят о существовании общего проекта, создателем которого был Фидий; исполнителей его замысла было несколько, в метопах и фризе Парфенона различают руки разных мастеров.

На фронтонах изображены мифы, имевшие важнейшее значение для Афин: на восточном — рождение богини Афины, на западном — ее спор с Посейдоном за власть над Аттикой. Фронтоны были повреждены в византийское время, при перестройке Парфенона в христианский храм, и еще больше при взрыве во время осады венецианцами Акрополя, превращенного турками в крепость. Некоторое представление об их первоначальном виде позволяют получить воспроизведения на позднейших рельефах и вазах, а также рисунки французского художника XVII в., видевшего храм до его разрушения.

В решении фронтонных композиций Парфенона Фидий выступает талантливым новатором. Он отказывается от традиционного решения — с одной главной фигурой в центре — и строит центр на двух главных фигурах. На восточном фронтоне в центре находились теперь не сохранившиеся фигуры Зевса и Афины, только что появившейся на свет из его головы перед глазами изумленных олимпийцев. В углах фронтона Фидий поместил изображения поднимающегося из волн Мирового океана бога Солнца — Гелиоса и спускающейся в океан богини ночи — Нюкс. Этим он показал всю вселенную — от востока до запада. Вестница богов Ирида спешит разнести по свету весть о рождении Афины. Эта весть еще не достигла самого края земли; близ коней Гелиоса видна лежащая в свободной и ленивой позе фигура юного Диониса — олицетворение безмятежного покоя. В противоположном углу фронтона ему соответствует группа из двух фигур, сидящей и полулежащей,— это богини Афродита и мать ее Диона. Рядом — третья фигура — Лето или Деметра. Афродита еще лежит спокойно в нежных объятиях Дионы. Но уже настороженно вы-

прямилась, как бы прислушиваясь, Лето. Исключительно мастерство, с которым в мраморе переданы стремительные и спокойные, естественные и живые движения и позы, тонкие, как бы струящиеся ткани прозрачных одежд, мягко обрисовывающих прекрасные женские тела.

Западный фронтон, сохранившийся хуже восточного, был построен на основе того же композиционного приема: в центре находились две могучие фигуры Афины и Посейдона (от них дошли лишь обломки торсов), их фланкировали квадриги, затем располагались изображения местных аттических богов и героев. Фигуры их, отнюдь не симметричные, тем не менее прекрасно уравновешивали друг друга, создавая свободную гармоничную композицию. В дошедших до нас обломках обнаженных торсов и задрапированных фигур чувствуется большая сила и мастерство исполнения. В работе над фронтонами Фидий, несомненно, принимал самое непосредственное участие.

На метопах дорического фриза были изображены гигантомахия, кентавромахия, битва греков с троянцами. Хорошо сохранились метопы южной стороны с кентавромахией. На каждой плите представлены две фигуры — Лапифа и кентавра. Человек то выступает победителем, то, напрягая все силы, борется с кентавром, то, побежденный, лежит под ногами скачущего чудовища. Одни плиты исполнены с большим мастерством, на других движения переданы несколько угловато, скованно. Очевидно, сказалась работа разных мастеров, исполнителей замысла Фидия. Но на всех метопах превосходно решена композиция, варьирующаяся с бесконечным разнообразием.

Завершает скульптурный декор Парфенона ионический фриз, или зофор. На нем представлено торжественное шествие афинского народа на Акрополь в день праздника Великих Панафиней. Действие начинается на западной стороне храма, где афинские юноши готовятся к участию в процессии; на южной и северной сторонах разворачивается сама процессия: скачут всадники, едут колесницы, идут юноши и девушки с дарами богине, служители ведут жертвенных животных. Во главе процессии — старейшины города и жрицы богини Афины. Прекрасно передан ритм движения, быстрый вначале, где изображены всадники, и все более замедляющийся к восточной части фриза. В центре восточного фриза изображена кульминационная сцена — передача жрецам священного пеплоса для древней статуи Афины. Центральная группа фланкирована фигурами олимпийских богов, незримо присутствующих на празднике Афины. Боги сидят в свободных позах, непринужденно беседуя друг с другом. Принцип исокефалии, по которому в рельефе головы стоящих и сидящих фигур располагались на одном уровне, позволил изобразить олимпийцев так, чтобы они оказались более крупными, чем простые смертные.

Фриз Парфенона — одна из вершин классического искусства. При всем его композиционном единстве он поражает своим разнообразием. Из более чем 500 фигур ни одна не повторяет другую. С удивительным мастерством переданы полные естественности и свободы движения людей и животных, лежащие красивыми складками одежды. В то же время нигде

СКУЛЬПТУРЫ ВОСТОЧНОГО ФРОНТОНА ПАРФЕНОНА.
Третья четверть V в. до н. э.

не нарушена плоскость украшаемой рельефом стены, движение разворачивается вдоль нее, подчиняется ей и укрепляет ее, создавая нерушимое единство скульптурного декора и архитектуры.

В скульптурном декоре Парфенона Фидий показал весь мир древних греков — людей, создателей храма Афины, легендарную историю их героических предков и их богов-покровителей. Величие своего родного города — Афин — Фидий воплотил в статуе Афины-Девы, созданной им для Парфенона и посвященной в 438 г. до н. э. Она погибла в годы раннего средневековья. Некоторое представление о ней, помимо описаний древних авторов, дают несколько поздних копий, но, разумеется, они не в состоянии передать великолепие этой колоссальной (высотой 12 м) статуи, выполненной в хрисоэлефантинной технике; обнаженные части тела богини были сделаны из слоновой кости, одежда и вооружение — из чеканных золотых листов, укрепленных на деревянной основе.

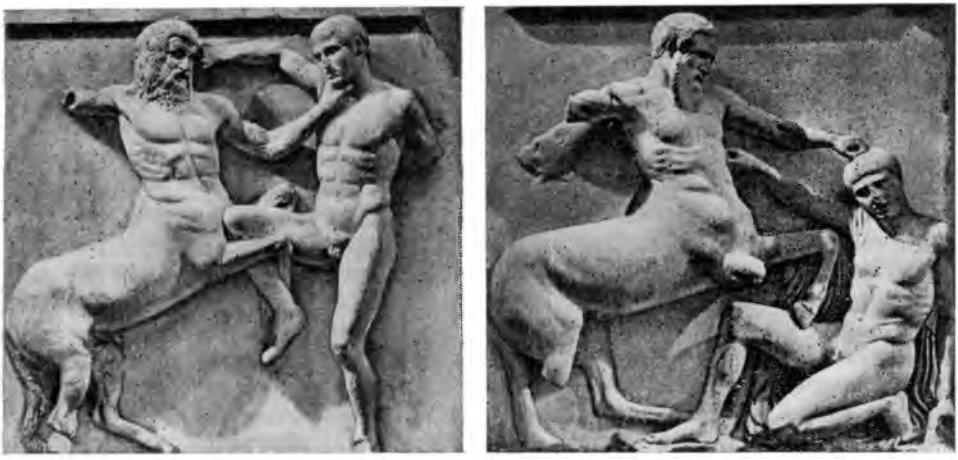
Фидий изобразил Афину стоящей в горделиво-торжественной позе, ее голова увенчана богато украшенным шлемом, эгида с головой Горгоны закрывала грудь; в правой, протянутой вперед руке богиня держала фи-

гуру Ники, левой рукой опиралась о щит, у ее ног извивалась змея — воплощение Эрехфея. На постаменте статуи запечатлена была сцена рождения Пандоры. На щите Афины, пяти метров в диаметре, в рельефе была представлена битва греков под предводительством Тесея с амазонками. Среди сражавшихся Фидий изобразил самого себя в виде старика, поднявшего над головой камень, а фигуре Тесея придал черты своего друга, вождя афинской демократии Перикла. Нужно было обладать незаурядным мужеством и гордостью своим искусством, чтобы решиться на такой шаг — поместить свой портрет (первый автопортрет, известный нам в истории греческого искусства) на священном изваянии божества. В статуе Афины Парфенос скульптор воплотил новый образ богини, в котором мощь защитницы эллинов слилась с величавым спокойствием богини мудрости.

Величайшим творением Фидия являлась, по мнению самих греков, статуя Зевса, исполненная им для храма в Олимпии. Недаром ее причисляли к семи чудесам света. До сих пор не решен вопрос о времени ее создания — до работ на Акрополе или после. Большинство античных авторов свидетельствуют в пользу ранней даты. Они рассказывают, что вскоре после окончания статуи Афины Фидий был обвинен в святотатстве за помещение портретных изображений на щите богини и погиб в тюрьме в Афинах в 431 г. В противовес этому писатель IV в. до н. э. Филохор сообщает, что Фидий бежал из Афин в Элиду, где и исполнил статую Зевса. Это указание на позднюю дату олимпийской статуи как будто подтверждается находками в мастерской Фидия, открытой раскопками в Олимпии, в частности чернолаковой чашей с надписью: «Я принадлежу Фидию», датирующейся 30-ми годами V в. Однако не все исследователи принимают позднюю дату.

Независимо от времени создания статуя Зевса — наивысшее достижение художника. Павсаний оставил подробнейшее описание этой четырнадцатиметровой хрисоэлефантинной скульптуры, подтверждаемое ее изображениями на монетах Элиды. Зевс был представлен сидящим на троне, в правой руке он держал фигуру Ники, в левой — скипетр с орлом. Голову бога увенчивал венок из оливковых ветвей, торс его был обнажен, колени закрыты плащом. Воспроизведением головы Зевса считается мраморная голова из Кирены, часть акролитной статуи II в. н. э., восходящей к олимпийскому оригиналу. Прекрасное лицо бога исполнено величайшего спокойствия, взгляд его добр и благостен. Эта голова вполне соответствует свидетельству Диона Хрисостома, который описывал Зевса Олимпийского как бога кроткого и величавого и утверждал, что перед этой скульптурой забывается все ужасное и тяжелое. Впервые в греческом искусстве был создан образ милостивого бога — и этот образ оказал влияние на мировоззрение эллинов, на их представление о своем верховном божестве. Недаром Фидия называли «творцом богов».

Творчество Фидия явилось вершиной греческого классического искусства, но оно не исчерпывало все его достижения. Другая задача этого искусства — создание идеального образа гражданина полиса — проявилась в творчестве современника Фидия — Поликлета из Аргоса.



МЕТОПЫ ПАРФЕНОНА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КЕНТАВРОМАХИИ.
Третья четверть V в. до н. э.

Он главным образом исполнял статуи атлетов — победителей в соревнованиях. Но в отличие от Мирона его не интересовало изображение активного движения. Он поставил задачу выработать строгий математический закон, по которому строится человеческая фигура. Его деятельность можно сравнить с разработкой математических пропорций ордерной системы, построенной на принципе золотого сечения. Поликлет написал трактат под названием «Канон», где излагал свои математические изыскания. По расчетам скульптора, голова должна составлять 1/7 роста человека, лицо и кисти рук — 1/10, ступня — 1/6. По этим законам построена знаменитая статуя Поликлета Дорифор (Копьеносец), которую греки также считали каноном и которая служила образцом скульпторам последующих поколений. Эта бронзовая статуя юноши с копьем на левом плече, известная по мраморным копиям, была исполнена между 450 и 440 гг. Атлет изображен стоящим, он опирается на выпрямленную правую ногу, левая касается земли только пальцами. Соответственно правое бедро выше левого, правое плечо опущено, левое, на котором лежит тяжелое копье, поднято. Такой прием перекрестного сочетания опущенных и поднятых частей тела, называемый хиазмом, широко применялся Поликлетом. Благодаря этому его фигуры полностью освободились от остатков скованности и застылости, ощущавшихся еще в скульптурах второй четверти V в. Статуя Дорифора абсолютно свободна по построению, в ней с предельной выразительностью переданы не только красота и сила атлетического тела, но и его способность к немедленному движению. Дорифор Поликлета — воплощение физически и духовно совершенного человека — идеал калокагатии классической эпохи.

Творчество Поликлета не отличается разнообразием. Почти все известные в поздних копиях его произведения изображают атлетов после

одержанной ими победы. К позднему периоду его деятельности относится статуя Диадумена — юноши, завязывающего на голове победную повязку. Позой, разработкой обнаженной фигуры, приемом хиазма он напоминает Дорифора. Но пропорции стали легче, все тело юноши стройнее и изящнее. В этой эволюции видят воздействие аттического искусства — известно, что в конце жизни Поликлет работал в Афинах.

Современники, высоко ценившие творчество Фидия, считали, что в изображении человека первенство принадлежит Поликлету. Об этом свидетельствует рассказ Плиния о конкурсе на создание статуи раненой амазонки для храма Артемиды в Эфесе. В конкурсе участвовали Фидий, Поликлет, Кресилай и Фрадмон, судьями выступили сами участники, признавшие лучшей статую Поликлета; Фидию досталось второе место. Статуи амазонок сохранились в копиях. Фидию приписывают фигуру, опирающуюся о копье, Поликлету — стоящую с поднятой над головой правой рукой. В построении этой последней скульптуры, известной по копии Капитолийского музея, ощущается то живое и уравновешенное движение, которое хорошо умел передать в спокойно стоящей фигуре Поликлет.

Три крупнейших мастера V в. до н. э.— Мирон, Фидий и Поликлет — своим творчеством выполнили те задачи, которые стояли перед искусством их времени: был создан новый облик божества, выработан героический образ гражданина полиса, изображаемого и в активном движении, и в состоянии покоя. С последним образом тесно связан портрет Перикла работы скульптора Кресилая Кидонского, один из немногих дошедших до нас портретов классической эпохи. Вождь афинской демократии представлен в шлеме, как стратег; облик его явно идеализирован, но некоторые индивидуальные черты скульптор все же передал, например удлиненную форму его головы, видимую в прорезях шлема. Подобные портреты близки идеальным изображениям атлетов-победителей.

Искусство высокой классики не исчерпывается деятельностью Фидия и Поликлета. Сохранилось подлинное произведение Алкамена, ученика Фидия,— статуя Прокны с Итисом, найденная на Акрополе, там, где ее видел Павсаний. Сильно поврежденная, она ясно показывает близость Алкамена к его учителю в трактовке величаво-спокойной, задрапированной в длинные одежды женской фигуры. Маленькая фигурка ребенка у ее колен не нарушает ее строгой замкнутости.

Дальнейшим развитием тех новых приемов, которые нашли выражение в скульптурах Парфенона, в частности в статуях Афродиты и Дионы восточного фронтона, является статуя Афродиты в Лувре, в которой видят копию произведения другого ученика Фидия — Каллимаха.

Деятельность Фидия и Поликлета, их современников и учеников явилась выражением общественного и культурного расцвета греческих демократических полисов. Расцвет этот был не долговременным. Уже в последней четверти V в. начинают проявляться симптомы кризиса рабовладельческой полисной системы. Пелопоннесская война положила конец процветанию Афин. Изменения, происшедшие в жизни и идеологии греческого общества на рубеже V и IV вв., не могли не отразиться и на

его искусстве. Конец V в.— время интенсивных поисков новых форм, нового стиля, соответствующего тем задачам, которые ставила жизнь перед искусством. В архитектуре происходит знаменательное событие: к двум веками существовавшим ордерам — дорическому и ионийскому — присоединяется третий — коринфский. По существу он является вариантом ионийского, но отличается более утонченными и изысканными пропорциями и, главное, формой капители колонны, представляющей собой пышный букет листьев и завитков аканфа, из которого выходят небольшие волюты. Впервые коринфский ордер был применен в храме Аполлона в Бассах, в Фигалии, построенном архитектором Иктином на рубеже третьей и четвертой четвертей V в. Храм, дорический периптер, внутри решен необычно: ионийские колонны, поставленные вдоль стен, были соединены с ними перемычками. Таким образом, вместо обычного трехнефного членения образовалось единое внутреннее пространство, усложненное боковыми нишами. В глубине целлы между рядами ионийских колонн стояла колонна с коринфской капителью, перед которой, видимо, располагалась культовая статуя. Ионийский скульптурный фриз опоясывал целлу с внутренней стороны, что также явилось необычным нововведением. Сюжет фриза — амазономахия и кентавромахия. Популярные в искусстве V в. темы решены динамично, фигуры даны в резких напряженных движениях; группы построены на пересечении диагональных линий, смело применены необычные ракурсы, обнаженные фигуры выделяются на фоне развевающихся одежд. Динамизм благодаря высокому рельефу усиливается резкой светотенью.

Новые поиски в области архитектуры проявляются в решении Эрехтейона, второго храма, построенного на афинском Акрополе в 421—405 гг. Этот храм должен был служить местом хранения главной святыни Акрополя — древней статуи Афины, деревянного ксоана, по преданию, упавшего некогда с неба. В нем же находилось святилище Посейдона, над тем местом, где он, по мифу, во время спора с Афиной извлек из скалы источник соленой воды; здесь же было третье святилище, посвященное Эрехтею—Эрихтонию, легендарному царю Афин. Такое назначение Эрехтейона определило его уникальный план. Это единственное в греческой классической архитектуре абсолютно асимметричное здание. Вытянутый прямоугольник имеет три входа. С востока расположен легкий шестиколонный портик ионийского ордера, ведущий в святилище Афины. Вход в святилище Посейдона, находящийся с севера,— глубокий портик, с четырьмя колоннами по фасаду и двумя — по сторонам; колонны большего размера, чем на восточном портике, но выдержаны в тех же пропорциях.

Третий, южный вход в Эрехтейон решен наиболее оригинально: колонны в нем заменены шестью фигурами девушек-кариатид, поставленными на высокий подиум. Кариатиды Эрехтейона являются наиболее совершенным воплощением этого хорошо известного в греческой архитектуре мотива. Глубокий портик (четыре фигуры по фасаду, две — с боков) четко выделяется на фоне гладкой стены храма. Сильные и величавые фигуры кариатид, достигающие 2,3 м высоты, стоят в спокойных позах

и, кажется, легко несут тяжесть опирающегося на их головы антаблемента. Вертикальные складки дорийских пеплосов, напоминающие каннелюры колонн, подчеркивают связь этих фигур с архитектурой.

Уникален по тонкости и изяществу орнаментальный декор Эрехтейона и его фриз, состоявший из беломраморных рельефов, укрепленных на фоне из сине-черного известняка. Позолота и роспись усиливали этот необычный колористический эффект. Все здание в целом знаменует появление новых тенденций в архитектуре конца V в. В то же время оно великолепно сочетается с Парфеноном, дополняя и уравновешивая его строгую дорическую колоннаду в едином гармоничном ансамбле.

Образцом нового стиля, развивающегося в скульптуре, являются рельефы балюстрады храма Ники Аптерос, поставленной вокруг него в конце V в. в честь победы Алкивиада над пелопоннесцами. Тема рельефов — празднование победы: крылатые Ники в присутствии богини Афины сооружают трофеи, ведут жертвенных животных. Эти изображения поражают динамизмом, мастерски переданной игрой развевающихся складок одежды, подчеркнутой светотенью; трактовка тел, вырисовывающихся под складками одежд, напоминает статую Афродиты Каллимаха.

Те же принципы отмечаются и в других скульптурах конца V в. Трудную задачу — правдоподобно передать движение полета — убедительно решил скульптор Пеоний. Статуя Ники, спускающейся с небес, чтобы увенчать победителя, была поставлена им около 420 г. в Олимпии, близ восточного фасада храма Зевса, на высоком девятиметровом постаменте. Пеоний изобразил богиню стремительно слетающей вниз, ее одежды, развевающиеся от сильного движения, обрисовывают ее тело, за спиной у нее были теперь не сохранившиеся раскинутые в стороны крылья. Поднятая на большую высоту, видимая на фоне неба, фигура Ники действительно производила впечатление летящей.

Если в названных памятниках конца V в. проявляются тенденции более активной передачи движения, создания динамичных композиций, то в произведениях иного рода — надгробных стелах — отражаются иные настроения греческого общества. Рельефные надгробия, получившие в этот период широкое распространение, строились по одному типу: обычно изображали умерших в кругу близких, за любимыми занятиями или в момент последнего прощания. Одно из наиболее известных — надгробие Гегесо, дочери Проксена, найденное на афинском Керамике, датирующееся около 400 г. На прямоугольной плите, обрамленной пилястрами с фронтоном, изображена молодая женщина, сидящая в кресле, перед ней — юная служанка, держащая шкатулку с драгоценностями. Общий характер рельефа, спокойные движения фигур восходят к фризу Парфенона, но богатая игра складок одежды ближе к рельефам балюстрады храма Ники. Спокойной и сдержанной грустью веет от этого рельефа. Впервые в греческом искусстве передаются интимные чувства рядового человека. Именно эти черты станут доминирующими в искусстве IV в. до н. э.

ИСКУССТВО ПОЗДНЕЙ КЛАССИКИ

Для искусства IV в. до н. э., называемого периодом поздней классики, характерна утрата пафоса общественных, гражданских интересов, перенос центра тяжести в сферу личной жизни человека. Новый мир человеческих чувств и ощущений открыло искусство этого времени, и распространило его не только на изображения людей, но и на образы богов.

Изменение внутреннего содержания искусства, отражающее изменения во всей жизни греческого общества IV в., связанные с нарастающим кризисом полисной системы, не было сопряжено с каким-то резким переломом— оно затрагивало творчество греческих художников нового периода постепенно, исподволь. В их произведениях долгое время сохраняются образы и типы, созданные искусством высокой классики, и лишь под воздействием крупнейших, передовых мастеров, таких, как Скопас и Пракситель, изменения, связанные с содержанием произведений искусства, проявляются в их внешнем облике. Поэтому, хотя по сути перелом между искусством высокой и поздней классики более глубок, чем между архаикой и классикой, внешне эти периоды греческого искусства более тесно связаны между собой.

Первым художником, в творчестве которого обнаружились новые черты, был Скопас. Родом с Пароса, он работал в различных районах Греции в 380—330 гг. Наиболее значительное его произведение — фронтонные скульптуры храма Афины Алеи в Тегее (Пелопоннес), сохранившиеся во фрагментах. Сюжет их — миф о Троянской войне. Головы воинов, сильно поврежденные, исполнены драматизма и передают напряжение и ярость боя. Выразительна голова раненого: на его лице с глубоко посаженными затененными глазами и слегка приоткрытым ртом глубокое страдание и боль. Впервые в греческом искусстве находят столь убедительное выражение подобные чувства.

В знаменитой статуе Менады, известной по уменьшенной копии римского времени, Скопас с исключительной силой показал бурное, стремительное движение несущейся в неистовой пляске спутницы Диониса. Эту фигуру с откинутой назад головой, изогнутым в сложном повороте полуобнаженным телом полностью можно рассмотреть лишь с разных точек зрения. Отказ от фронтальности, требование кругового обхода скульптуры — завоевание пластики IV в.

Вместе со скульпторами Бриаксидом, Тимофеем и Леохаром Скопас участвовал в работе над мавзолеем в Галикарнассе, усыпальницей царя Карии Мавсола, воздвигнутой около середины IV в. Реконструкция этого колоссального сооружения до сих пор вызывает споры исследователей. Рельефный фриз с изображением амазономахии украшал цоколь мавзолея. Среди сохранившихся плит различается работа всех четырех скульпторов. Выделяется часть фриза, созданная Скопасом: стремительные движения, резкие повороты, смелые ракурсы и развевающиеся одежды роднят ее со статуей неистовой Менады. Композиция строится на повторяющихся диагоналях; фигуры уже не подчиняются плоскости фона рельефа, но вырываются из этой плоскости, нарушают ее. В этом фризе по-

лучают дальнейшее развитие тенденции, проявляющиеся в храме Аполлона в Бассах. При этом качественно новой становится взаимосвязь между архитектурой и скульптурным декором, получающим бо́льшую самостоятельность, при усилении живописности архитектурного сооружения в целом.

Среди скульптур Мавзолея выделяется колоссальная (высота 3 м) портретная статуя, в которой видят изображение Мавсола. Он представлен стоящим, плащ пышными складками окутывает его фигуру; правой рукой он опирался о скипетр. Торжественная поза, ранее присущая лишь изображениям богов, подчеркивает высокий ранг правителя. Голова статуи Мавсола — один из наиболее выразительных портретов IV в., когда эта область искусства получила особенное развитие. Лицо, обрамленное длинными волосами и короткой бородой, индивидуально: широкий овал, подчеркнутые скулы, глубоко посаженные глаза, красиво очерченный рот. Переданы этнические особенности изображенного, равно как сила и надменность властителя. Большинство исследователей считают эту выразительную скульптуру произведением Бриаксида, исполнившего также рельефы фриза северной стороны Мавзолея.

В творчестве Скопаса и близких ему художников по-новому трактуются изображения людей, впервые воспроизводятся их эмоции, акцентируется передача активного действия. Создать новый, адекватный требованиям времени образ божества стало задачей знаменитого афинского скульптора Праксителя, работавшего в середине IV в. Из многочисленных его произведений наиболее прославлена была статуя Афродиты, находившаяся в городе Книде. Впервые в греческом искусстве богиня любви и красоты была изображена обнаженной, стоящей в свободной позе, сбросив одежды перед купанием. Прекрасное тело богини являлось олицетворением женской красоты; удивительно привлекательно было ее лицо с классически правильными чертами и мечтательным взглядом томных глаз. Пракситель изобразил богиню в облике прекрасной, но вполне земной женщины; его современники утверждали, что моделью ему послужила его возлюбленная, красавица Фрина. Такое очеловечивание божества, утрачивающего неземное величие, свойственное богам Фидия, но зато становящегося ближе и понятнее людям,— характерное явление в искусстве IV в. Статуя Афродиты Книдской, которую Плиний назвал величайшим произведением греческого искусства, вызвала многочисленные воспроизведения и подражания, но ни одно из них не передает обаяния утраченного оригинала.

Новые черты, характеризующие искусство Праксителя, еще ярче проявляются в статуе Гермеса с младенцем Дионисом, хранившейся в храме Геры в Олимпии. Найденную при раскопках в храме статую долго считали подлинным произведением Праксителя, теперь же большинство исследователей сходятся на том, что это — превосходная копия эллинистического времени, близко передающая оригинал. Сюжет скульптуры — миф о рождении Диониса, которого отец его Зевс приказал Гермесу отнести на воспитание к нифмам. Скульптор изобразил отдых в пути; Гермес стоит, опираясь о ствол дерева, левой рукой поддерживает маленького

Диониса, в правой, поднятой руке его была гроздь винограда, которой он забавлял малыша. Великолепно переданы художником ленивая грация непринужденной позы Гермеса и естественное движение тянущегося к забавной игрушке ребенка. Пропорционально развитое, красивое тело Гермеса лишено атлетической мощи скульптур V в., новые критерии божественности утвердились в искусстве. Привлекательно лицо Гермеса, его задумчивый, овеянный легкой грустью взгляд. Праксителю, работавший в мраморе, прекрасно использовал особенности этого материала, позволяющего передавать мягкие переходы, тонкую игру светотени, придающую поверхности скульптуры трепетность живого тела. Легкая полировка, покрытие поверхности мрамора воском и умеренное применение красок усиливали это впечатление.

Новые тенденции не сразу охватили все греческое искусство. В середине IV в. рядом с новаторами работали художники, придерживавшиеся старых традиций. Скульптор Леохар создал бронзовую статую Аполлона; мраморная копия ее, найденная в XV в. в руинах античной виллы близ Рима, известна как статуя Аполлона Бельведерского (по месту ее хранения в Бельведере Ватиканского дворца). Аполлон изображен после победы над Пифоном в величественной позе, с гордо повернутой головой; в вытянутой руке он держал лук. Складки плаща, живописно перекинутого через руку, оттеняют красоту обнаженного тела. В изображении божества Леохар следует традициям V в., но утрачивает героический пафос, одушевлявший творения Фидия и придававший им истинное величие. Аполлон Бельведерский внешне эффектен и холодно-красив, хотя несомненно мастерство Леохара в смелом и свободном построении фигуры.

Новые требования и задачи, соответствующие эпохе кризиса классического полиса, находят свое выражение во всех областях культуры и искусства. Отказ от возвышенных идеалов гражданственности, перенос центра тяжести на повседневную жизнь в области архитектуры привели к сокращению строительства храмов и более интенсивному гражданскому строительству. В IV в. получает дальнейшее развитие возникшая еще в предыдущее столетие система правильной, основанной на пересечении прямых улиц планировки городов, связанная с именем архитектора Гипподама Милетского. Впервые она была применена при строительстве Пирея, гавани Афин.

Наиболее популярным видом архитектурного сооружения в IV в. становятся театры, самым совершенным образцом которых является театр в Эпидавре, построенный архитектором Поликлетом Младшим в третьей четверти IV в. Греческие театры устраивались на склонах холмов, в которых высекались или укладывались из каменных плит поднимающиеся амфитеатром скамьи для зрителей. Скамьи охватывали полукругом орхестру; невысокая стена скены замыкала сооружение. Такая простая, казалось бы, форма театра обеспечивала идеальную акустику, необходимую для того, чтобы все зрители, которых даже в небольших театрах набиралось по несколько тысяч человек, могли слышать все, происходящее на площадке скены и на орхестре.

Помимо монументальных сооружений, в архитектуре IV в. распространены небольшие постройки, например памятники, поставленные в честь какого-либо события. Примером их является памятник в Афинах, поставленный в 335 г. до н. э. богатым гражданином Лисикратом в честь победы на дионисийских празднествах хора, созданного на его средства. Этот памятник является пышно оформленным постаментом для награды победителей — бронзового треножника. Цилиндрическая ротонда украшена шестью полуколоннами коринфского ордера и фризом с изображением эпизодов из мифов о Дионисе. Скульптурный букет из листьев аканфа, увенчивающий мраморную кровлю, поддерживал треножник. Легкий, стройный, изящный по пропорциям памятник является типичным образцом камерной архитектуры IV в.

Искусство IV в. отличается разнообразием форм и видов. О развитии монументальной живописи мы узнаем главным образом из рассказов античных авторов. Она стремилась к все более реалистическому, доходящему до иллюзорности воспроизведению окружающей действительности. Среди завоеваний ее — применение светотеневой моделировки для передачи на плоскости объема тела, попытки изображения не только физического, но и духовного состояния человека. От произведений крупнейших художников конца V—IV в.— Зевксиса, Паррасия, Апеллеса — не сохранилось ничего. Известное представление о живописи поздней классики дают многоцветные мозаики второй половины IV в., открытые в Пелле, столице Македонии. Одна из них изображает Диониса, грациозно сидящего на прыгающей пантере, на других мозаиках представлены сцены охоты на льва, на оленя. Животные смело показаны в трехчетвертных поворотах, фигуры охотников стремительными позами напоминают воинов галикарнасского фриза. Искусно переданы тени на фигурах, складки плащей.

Вазопись, тщетно пытавшаяся следовать достижениям монументальной живописи, постепенно утрачивает свои декоративные качества. В конце V в. вазописец Мидий и его ближайшие преемники создавали сосуды, украшенные многофигурными композициями на мифологические сюжеты; в них еще сохраняется мастерство декора вазы, нарушаемое стремлением передать бурное движение и ракурсы изображаемых фигур. В IV в., идя по этому пути, вазопись окончательно теряет свое значение, уступая место сосудам, сплошь покрытым черным лаком, или рельефным вазам, имитирующим дорогую посуду из ценных металлов.

Высокого развития в IV в. достигает торевтика, в частности изготовление ювелирных украшений. Наиболее совершенные образцы этого вида греческого искусства происходят из городов Северного Причерноморья и курганных погребений скифской знати. Исключительной тонкостью исполнения отличаются происходящие из Феодосии золотые серьги аттической работы IV в.; к диску с розеттой прикреплен полумесяц с подвесками; на нем помещено скульптурное изображение Ники на квадриге высотой 12 мм. Греческие ювелиры знали и умело применяли такие технические приемы, как филигрань, зернь.

В IV в. наступает новый расцвет распространенного в Греции вида

прикладного искусства — терракоты. Глиняные, обожженные в гончарных печах и покрытые росписью статуэтки существовали в Греции на всем протяжении ее истории. Для этих простых по своим средствам и дешевых изделий характерно тяготение к самостоятельной тематике. В Беотии, славившейся своими терракотами, еще в начале V в. существовали фигурки и группы, изображавшие чисто бытовые сюжеты: женщина, пекущая хлеб, парикмахер, стригущий клиента, и т. п. При известной примитивности они отличаются большой выразительностью. Во второй половине IV в. появляется новый тип терракотовых статуэток: изящные фигурки, изображающие преимущественно девушек и детей, служившие украшениями жилищ, а также погребальными приношениями. Такие статуэтки, называемые танагрскими (по месту их изготовления в Танагре, в Беотии), великолепно выражают свойственное искусству IV в. стремление к изображению явлений и образов повседневной жизни. Расцвет танагрских статуэток относится к следующему столетию.

Завершением искусства поздней классики является эпоха Александра Македонского, открывающая в то же время новый этап в истории всего греческого общества — эллинистический. На рубеж этих двух больших периодов приходится творчество крупнейшего художника второй половины IV в. Лисиппа, придворного скульптора Александра. Античные авторы отмечали необычайную плодовитость этого мастера, создававшего произведения самого разного характера — от многофигурных групп, прославляющих подвиги Александра, и колоссальных по размерам статуй богов и героев до изображений атлетов-победителей. Образцом последних является статуя Апоксиомена (юноши, счищающего с себя скребком пыль после состязаний), известная по мраморной римской копии, воспроизводящей бронзовый оригинал. Сюжет своим бытовым характером отличается от героически возвышенных образов атлетов V в. Апоксиомен стоит, опираясь на левую ногу; правая слегка согнута и отставлена в сторону, правая рука вытянута вперед, в левой он держал стригель. Неустойчивость расслабленной ноги подчеркивается движением рук, поворотом головы, изгибом торса. На лице атлета видны следы усталости, не показывавшейся скульпторами предшествующего периода. Статуя Апоксиомена отличается от атлетов Поликлета более удлиненными и стройными пропорциями, голова его составляет $^1/_8$ высоты тела. Для полного представления об этой скульптуре надо обойти ее кругом, и с каждой новой точки зрения меняется впечатление от ее облика. Лисипп создал новый тип атлета, по его представлению, более отвечавший действительности. Для его скульптур с их подвижностью и неустойчивым равновесием особенно подходила бронза. Это хорошо ощущается на примере подлинной бронзовой статуи второй половины IV в. «Юноша из Антикиферы», найденной в море близ о. Антикифера, среди остатков погибшего корабля. Вероятно, статуя изображала атлета, играющего в мяч, или Париса с яблоком в руке. В трактовке сильного атлетического тела ощущаются известные традиции искусства Поликлета, но поза статуи, жест, исполнение головы и округлого лица близки скульптурам Лисиппа, к кругу которого принадлежал автор этой скульптуры.

Помимо Апоксиомена до нас дошли в позднейших копиях и другие произведения Лисиппа, показывающие диапазон его творчества. Многократно он обращался к изображению Геракла, представляя его то юным атлетом (группа Геракл и киренейская лань), то могучим бородатым мужем (Геракл и немейский лев).

Как придворный скульптор, Лисипп создал ряд изображений Александра Македонского. К одному из них восходит голова Александра из Пергама. Образ великого завоевателя, несомненно идеализированный, исполнен патетики — во взгляде, устремленном вверх, в слегка приоткрытом рте, в то же время в нем ощущается некоторая грусть и усталость, утомление подвигами. Эти противоречивые черты, не свойственные цельному и единому в своих формах искусству классики, предвосхищают искусство последующего, эллинистического периода. В развитии этого искусства традиции лисипповского творчества наряду с праксителевской школой сыграют важную роль. Эпохой Александра Македонского завершается период поздней классики.

Греческое искусство создало непреходящие художественные ценности, оказало огромное влияние на все последующее развитие европейского искусства и продолжает и в наши дни доставлять высокое эстетическое наслаждение.

БИБЛИОГРАФИЯ

ТОМ I

ВВЕДЕНИЕ

Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1976.

Глускина Л. М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975.

Кошеленко Г. А. Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н. э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н. э.— ВДИ, 1972, № 1.

Маяк И. Л. Проблема генезиса римского полиса.— ВДИ, 1976, № 4.

Маринович Л. П. Греческое наемничество и кризис полиса. М., 1975.

Asheri D. Distribuzione di terre nell'antica Grecia. Torino, 1966.

Austin M., Vidal-Naquet P. Economies et sociétés en Grèce ancienne. P., 1972.

Finley M. I. The Ancient Economy. Berkley; Los Angeles, 1973.

Finley M. I. The Ancient City: From Fustel de Coulanges to Max Weber and Beyond.— Comparative Studies in Society and History, 1977, vol. 19, N 3.

Golubtsova E. S., Kusishin V. I., Staerman E. M. Types of Community in the Ancient World. San Francisco, 1975.

Hammond M. The City in the Ancient World. Cambridge, 1972.

Heichelheim F. An Ancient Economic History. Leiden, 1958. Vol. 1.

Lacey W. K. The Family in Classical Greece. Ithaca, 1968.

Luce J. V. The Polis in Homer and Hesiod. Dublin, 1978.

Meiggs R. The Athenian Empire. Oxford, 1972.

Pečirka J. The Crisis of Athenian Polis in the Fourth Century. B. C.— Eirene, 1976, XIV.

Roussel D. Tribu et cité. P., 1976.

Starr Ch. The Economic and Social Growth of Early Greece. 800—500 B. C. N. Y., 1977.

Welles Ch. The Greek City.— In: Study in onore di Aristide Calderoni e Roberto Paribendi. Milano, 1956, vol. 1.

Whitehead D. The Ideology of the Athenian Metic. Cambridge, 1977.

ГЛАВА 1

Блаватская Т. В. Ахейская Греция. М. 1966.

Грацианский Н. П. Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. М., 1960.

Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства/Пер. и комм. под ред. И. М. Дьяконова.— ВДИ, 1952, № 3.

Ленцман Я. А. Рабство в Микенской и Гомеровской Греции. М., 1963.

Лурье С. Я. Язык и культура Микенской Греции. М.; Л., 1957.

Acta Mycenaea. Salamanca, 1972. Vol. 1.

Atti e memorie del I° congresso internazionale di micenologia. Roma, 1968.

Bennett E. The Landholders of Pylos.— AJA, 1956, 60.

Brown W. Land Tenure in Mycenaean Pylos.— Historia, 1956, V.

Chadwick J. The Mycenaean World. Cambridge, 1976.

Deger-Jalkotzy S. The Women of py An 607.— Minos, 1973, 13.

Deroy L., Gérard M. Le cadastre mycénien de Pylos. Roma, 1965.

Lejeune M. Textes mycéniens relatifs aux esclaves.— Historia, 1959, VIII.

Lejeune M. Le damos dans la société mycénienne.— REG, 1965, 78.

Lejeune M. Essais de philologie mycénienne, XIV.— Revue de philologie, 1974, 48, N 2.

Palmer L. R. The Interpretation of Mycenaean Greek Texts. Oxford, 1969.

Proceedings of the Cambridge Colloquium on Mycenaean Studies/Ed. by L. R. Palmer, J. Chadwick. Cambridge, 1966.

The Pylos Tablets: Textes of the Inscriptions found 1939—1954/Ed. by E. L. Bennett with a Foreword by C. Blegen. Princeton, 1955; *Bennett E., Olivier J.-P.* The Pylos Tablets Transcribed. Part 1. Texts and Notes. Roma, 1973.

Studia Mycenaea. Salamanca, 1972. Vol. 1.

Ventris M., Chadwick J. The Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, 1973.

ГЛАВА 2

Гордезиани Р. В. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978.
Ленцман Я. А. Рабство в Микенской и Гомеровской Греции. М., 1963.
Blegen C., Rawson M. The Palace of Nestor at Pylos I. Princeton, 1916.
Carpenter R. Discontinuity in Greek Civilisation. Cambridge, 1966.
Courbin P. La céramique géometrique de l'Argolide. P., 1966.
Desborough V. Protogeometric Pottery. Oxford, 1962.
Desborough V. The Last Mycenaeans and their Successors. Oxford, 1964.
Finley M. Early Greece. The Bronze and Archaic Ages. L., 1970.
Hood S. The Minoans. Crete in Bronze Age. L., 1974.
Hope-Simpson R. A Gazetteer and Atlas of Mycenaean Cities.— BICS, 1965, Suppl. 16.
Kelly Th. A History of Argos to 500 B. C. Minneapolis, 1978.
Mylonas G. Mycenae and Mycenaean Age. Princeton, 1966.
Page D. History and the Homeric Iliad. Berkeley, 1959.
Palmer L. The Interpretation of Mycenaean Greek Texts. Oxford, 1969.
Snodgrass A. The Dark Age of Greece: An Archaeological Survey of the Eleventh to the Eighth Centuries B. C. Edinbourgh, 1971.
Starr Ch. The Origins of Greek Civilisation, 1100—650 B. C. N. Y., 1961.
Starr Ch. The Economic and Social Growth of Early Greece. 800—500 B. C. N. Y., 1977.
Valmin M. Etudes topographiques sur la Messenia ancienne. Lund, 1930.
Valmin M. The Swedish Messenia Expedition. Lund, 1938.
Vermeule E. Greece in the Bronze Age. Chicago, 1964.
Webster T. From Mycenae to Homer. N. Y., 1959.
Willetts R. The Civilisation of Ancient Crete. Cambridge, 1978.

ГЛАВА 3

Доватур А. И. Политика и Политии Аристотеля. М.; Л., 1965.
Зельин К. К. Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э. М., 1964.
Andrewes A. The Greek Tyrants. N. Y., 1963.
Bérard J. La colonisation grecque de l'Italie méridionale et dela Sicile dans l'antiquité. P., 1957.
Boardman J. The Greeks Overseas. Harmondsworth, 1973.
Chevallier R. Cité territoire.— In: Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. B., 1974, Bd. II, H. 1, S. 666—687.
Dunbabin T. J. The Western Greeks. Oxford, 1948.
Economies et sociétés en Grèce ancienne. (Périodes archaique et classique)/Textes choisis et préséntes par M. Austin, P. Vidal-Naquet. P., 1972.
Ehrenberg V. Polis und Imperium. Zürich; Stuttgart, 1965.
Finley M. I. Early Greece. The Bronze and Archaic Ages. L., 1970.
Glotz G. La cité grecque. P., 1928.
Hignett Ch. A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century. Oxford, 1952.
Jeffery L. H. Archaic Greece. The City-States c. 700—500 B. C. L., 1976.
Mazzarino S. Fra Oriente e Occidente: Ricerche de storia greca arcaica. Firenze, 1947.
L'origini dello stato nella Grecia antica. Roma, 1975.
Origins of the State. Philadelphia, 1978.
Problemi della Grecia archaica.— Parola del passato, 1973, 28.
Starr Ch. The Economic and Social Growth of Early Greece. 800—500 B. C. N. Y., 1977.
Will E. Korinthiaka. P., 1955.

ГЛАВА 4

Cartledge P. Sparta and Laconia: A Regional History of 1300—362 B. C. L., 1979.
Chrimes K. M. T. Ancient Sparta. Manchester, 1952.
Ehrenberg V. Neugründer des Staates. München, 1925.
Finley M. I. Sparta: The Use and Abuse of History. N. Y., 1975.
Gilbert G. Studien zur altspartanischen Geschichte. Göttingen, 1872.
Grote G. A History of Greece. L., 1869. Vol. II.
Huxley G. L. Early Sparta. L., 1962.
Jannet C. Les institutions sociales et le droit civil à Sparte. P., 1880.
Jones A. H. M. Sparta. Oxford, 1967.
Kahrstedt U. Griechische Staatsrecht. Göttingen, 1922. Bd. 1.

Kiechle F. Lakonien und Sparta. München; Berlin, 1963.
Meyer E. Lykurgos von Sparta: Forschungen zur alten Geschichte. Halle, 1892. Bd. 1.
Michell H. Sparta. Cambridge, 1952.
Müller K. O. Die Dorier. Breslau, 1824. Bd. 1, 2.
Nilsson M. P. Die Grundlagen des spartanischen Lebens (1912). Opuscula selecta. Lund, 1952. T. II.
Oliva P. Sparta and Her Social Problems. Pr., 1971.
Ollier F. Le mirage spartiate. P., 1933—1943. T. I, II.
Pöhlmann R. von. Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt. München, 1912. Bd. 1.
Tigerstedt E. N. The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Stockholm, 1965—1974. Vol. 1, 2.
Toynbee A. Some Problems of Greek History. L., 1969.

ГЛАВА 5

Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А., Кругликова И. Т. Полис и миграция греков. В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья, Цхалтубо, 1977. Тбилиси, 1979.
Кошеленко Г. А. Полис и город: к постановке проблемы.— ВДИ, 1980, № 1.
Bailey B. L. The Exportation of Attic Black-Figure Ware.— JHS, 1940, LX.
Bogaert R. Banques et banquiers dans les cités grecques. Leyde, 1968.
Bolkestein H. Economic Life in Greece's Golden Age. Leiden, 1958.
Ehrenberg V. The People of Aristophanes: A Sociology of Old Attic Comedy. Cambridge (Mass.), 1951.
Ehrenberg V. The Greek State. L., 1969.
European Economic History. Vol. 1. The Ancient World/By W. I. Davison, J. E. Harper. N. Y., 1972.
Finley M. I. Early Greece. The Bronze and Archaic Ages. L., 1970.
Forrest W. G. La naissance de la démocratie grecque de 800 à 400 av. J. C. P., 1966.
Hopper R. I. The Attic Silver Mines in the Fourth Century B. C.— ABSA, 1953, XLVIII, p. 200—254.
Lauffer S. Die Bergwerksklaven von Laureion. Wiesbaden, 1955, T. I, II.
Thomlinson R. Urban Structure: The Social and Spatial Character of Cities. N. Y. 1965.
Vallet G., Villard F. Céramique grecque et histoire économique. Etudes Archéologiques: Recueil de travaux/Publ. sous la direction de P. Courbin. P., 1963.
Will E. Archéologie et histoire économique: Problèmes et méthodes. Etudes de quelques cas particuliers. Etudes d'archéologie classique. P., 1958, I (1955—1956).
Will E. La Grèce archaïque.— In: Deuxième conférence internationale d'histoire économique, Aix-en-Provence, 1962. Paris; La Haye, 1965, vol. 1. Trade and politics in the Ancient World.
Will E. La Grand Grèce, milieu d'échange. Reflexions méthodologique.— In: Economie e Societa nella Magna Grecia: Atti del dodecesimo Convegno di Studi sulla Magna Grecia, Taranto, 8—14 Ottobre 1972. Napoli, 1975.

ГЛАВА 6

Андреев В. Н. Вопрос о концентрации земли и обезземеливании крестьянства в Аттике IV в. до н. э.— Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1958, т. 164, ч. III.
Андреев В. Н. Размеры земельных участков в Аттике в IV в. до н. э.— ВДИ, 1959, № 2.
Андреев В. Н. Цена земли в Аттике IV в. до н. э.— ВДИ, 1960, № 2.
Андреев В. Н. Аттическое общественное землевладение V—III вв. до н. э.— ВДИ, 1967, № 2.
Андреев В. Н. Аттическое общественное землевладение. II.— ВДИ, 1972, № 4.
Глускина Л. М. Афинские метеки в борьбе за восстановление демократии в конце V в. до н. э.— ВДИ, 1958, № 2.
Глускина Л. М. Имущественные отношения и рабство в Аттике IV в. до н. э. по речам Исея.— В кн.: Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.; Л., 1963.
Глускина Л. М. Аренда земли в Аттике IV в. до н. э.— ВДИ, 1968, № 2.
Глускина Л. М. Вольноотпущенники в экономике Афин в IV в. до н. э.— Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1968, т. 307. Проблемы всеобщей истории.
Глускина Л. М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975.
Зельин К. К. Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э. М., 1964.

Казакевич Э. Л. Рабы как форма богатства в Афинах IV в. до н. э.— ВДИ, 1958, № 2.
Andreyev V. N. Some Aspects of Agrarian Conditions in Attica in the Fifth to Third Centuries B. C.— Eirene, 1974, XII.
Audring G. Über Grundeigentum und Landwirtschaft in der Krise der athenischen Polis.— In: Hellenische Poleis. B., 1973. Bd. 1.
Audring G. Über den Gutsverwalter (epitropos) in der attischen Landwirtschaft des V. und des IV. Jh. v. u. Z.— Klio, 1973, 55.
Audring G. Grenzen der Konzentration von Grundeigentum in Attika während des IV. Jh. v. u. Z.— Klio, 1974, 56.
Audring G. Zur wirtschaftlichen und sozialen Lage der attischen Bauern im ausgehenden V. und IV. Jahrhundert v. u. Z.— In: Studien zur athenischen Sozialstruktur und römischen Wirtschaftspolitik in Kleinasien. Sonderband des Jahrbuches für Wirtschaftsgeschichte, 1977. B., 1977.
Bolkestein H. Economic Life in Greece s Golden Age. Leiden, 1958.
Ehrenberg V. The People of Aristophanes: A Sociology of Old Attic Comedy. Cambridge (Mass.), 1951.
Fine J. V. A. Horoi. Studies in Mortgage, Real Security and Land Tenure in Ancient Athens. Hesperia, 1951, Suppl. IX.
Finley M. I. Studies in Land and Credit in Ancient Athens. 500—200 B. C. New Brunswick; New Jersey, 1952.
Finley M. I. Land, Debt and the man of Property in Classical Athens.— Political Science Quarterly, 1953, LXVIII, N 2.
Gomme A. W. The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B. C. Oxford, 1933.
Guirand P. La propriété foncière en Grèce jusqu'à la conquête romaine. P., 1893.
Heitland W. E. Agricola. Cambridge, 1921.
Jardé A. Les céréales dans l'antiquité grecque. P., 1925.
Lewis D. M. The Athenian rationes centesimarum.— In: Problèmes de la terre en Grèce ancienne. P., 1973.
Mossé Cl. La fin de la démocratie athénienne. P., 1962.
Pečirka J. Homestead farms in classical and Hellenistic Hellas.— In: Problèmes de la terre en Grèce ancienne. P., 1973.
Sainte Croix G. E. M. de. The Estate of Phaenippus.— In: Ancient Society and Institutions. Studies presented to V. Ehrenberg. Oxford, 1966.
Young J. H. Studies in South Attica, Country Estates at Sounion.— Hesperia, 1956, XXV, N 2.

ГЛАВА 7

Паршиков А. Е. О статусе афинских колоний в V в. до н. э.— ВДИ, 1969, № 2.
Паршиков А. Е. Исследования по истории афинской морской державы. М., 1976.
Amit A. Athens and the Sea. Brussels, 1965.
Austin M., Vidal-Naquet P. Economic and Social History of Ancient Greece. Berkeley; Los Angeles, 1977.
Balcer J. M. Imperial Magistrates in the Athenian Empire.— Historia, 1976, XXV.
Barron J. P. Milesian Politics and Athenian Propaganda. 460—440 B. C.— JHS, 1962, LXXXII.
Ste Croix G. E. M. de. The Character of the Athenian Empire.— Historia, 1954, III.
Erxleben E. Das Münzgesetz des delisch-attischen Bundes.— Archiv für Papyrusforschung, 1969, 19; 1970, 20; 1971, 21.
Finley M. I. The Fifth Century Athenian Empire: A Balance-Sheet.— In: Imperialism in the Ancient World. Cambridge, 1978.
Finley M. I. The Empire in the Greco-Roman World.— Greece and Rome, 1978, XXV, 1.
Lepper F. A. Some Rubrics on the Athenian Quota-Lists.— JHS, 1962, LXXXII.
Mattingly H. B. The Athenian Imperialism and the Foundation of Brea.— CQ, 1966, XVI.
Meyer H. D. Vorgeschichte und Begründung des delisch-attischen Seebundes.— Historia, 1963, XII.
Meiggs R. The Athenian Empire. Oxford, 1972.
Schuller W. Die Herrschaft der Athener im erstren attischen Seebund. B.; N. Y., 1974.

ГЛАВА 8

Блаватский В. Д. Пантикапей. М., 1964.
Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации.— В кн.: Материалы II Цхалтубского симпозиума. Тбилиси, 1980.
Копейкина Л. В. Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период.— СА, 1975, № 2.

Крижицький С. Д., Русяєва А. С. Найдавніші житла Ольвії.— Археологія, 1978, 28.

Крыжицкий С. Д. и др. К истории ольвийской сельской округи.— В кн.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980.

Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966.

Марченко К. К. Модель греческой колонизации Нижнего Побужья.— ВДИ, 1980, № 1.

Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья, Цхалтубо, 1977. Тбилиси, 1979.

Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.

Balcer J. M. The Date of Herodotus IV, 1 Darius' Scythian Expedition.—Harvard Studies in Classical Philology, 1972, 76.

Bengtson H. Griechische Geschichte. 5. Aufl. München, 1977.

Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. München, 1967.

Boardman J. The Greeks Overseas. 3rd ed. L., 1980.

La cittá e il suo territorio. Atti del VII° Convegno di studi sulla Magna Grecia. Napoli, 1968 (1970).

IIe Conférence internationale d'histoire économique, 1962. Paris; La Haye, 1965.

Gajdukevič V. F. Das Bosporanische Reich. Berlin; Amsterdam, 1971.

Graham A. J. Patterns in Early Greek Colonization.— JHS, 1971, 91.

Mossé C. La colonisation dans l'antiquité. P., 1970.

Vinogradov Yu. G. Griechische Epigraphik und Geschichte des nördlichen Pontosgebietes.— In: Actes du VIIe Congrès international d'épigraphie grecque et latine. Bucureşti; Paris, 1979.

Vinogradov Yu. G. Die historische Entwicklung der Poleis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jh. v. Chr.— Chiron, 1980, 10.

Vinogradov Yu. G. Olbia. Geschichte einer altgriechischen Stadt am Schwarzen Meer im Lichte neuester Forschung.— In: XENIA. Konstanzer althistorische Vorträge und Forschungen. Konstanz, 1981, 1.

Wąsowicz A. Olbia Pontique et son territoire. P., 1975.

ТОМ II

ГЛАВА 1

Глускина Л. М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975.

Глускина Л. М. О специфике греческого классического полиса в связи с проблемой его кризиса.— ВДИ, 1973, № 2, с. 27—42.

Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975.

Фролов Э. Д. Греческие тираны (IV в. до н. э.). Л., 1972.

Andreyev V. N. Some Aspects of Agrarian Conditions in Attica in the Fifth to Third Centuries B. C.— Eirene, 1974, XII, p. 5—46.

Asheri D. Leggi greche sul problema dei debiti.— Studi classici e orientali, 1969, XVIII.

Bogaert R. Banques et banquiers dans les cités grecques. Leyde, 1968.

Clochê P. Démosthène et la fin de la démocratie Athénienne. P., 1937.

Davies J. K. Athenian Propertied Families (600—300 B. C.). Oxford, 1971.

Fine J. V. Horoi. Studies in Mortgage, Real Security and Land Tenure in Ancient Athens.— Hesperia, 1951, Suppl. IX.

Finley M. I. Studies in Land and Credit in Ancient Athens. 500—200 B. C. New Brunswick; New Jersey, 1952.

Gauthier Ph. Symbola. Nancy, 1972.

Hansen M. H. The Sovereignty of the People Court in Athens IV B. C. and the Public Action against Unconstitutional Proposals.— Odense Univ. Press, 1974.

Hansen M. H. The Sovereignty of the People Court in Athens in the Fourth Century and the Impeachment of Generals and Politicians.— Odense Univ. Press, 1975.

Hellenische Poleis. Krise — Wandlung — Wirkung/Hrsg. von E. Welskopf. B., 1974.

Jones A. H.M. The Athens of Demosthenes. Cambridge, 1952.

Jones A. H. M. Athenian Democracy. Oxford, 1960.

Mossé C. La fin de la démocratie athénienne. Aspects sociaux et politiques du déclin de la cité grecque au IVe siècle avant J.-C. P., 1962.

Pečirka J. The Formula for the Grant of Enktesis in Attic Inscriptions. Pr., 1966.

Pečirka J. The Crisis of the Athenian Po-

lic in the Fourth Century B. C.— Eirene, 1976, XIV, p. 5—29.
Romilly J. de. Problèmes de la démocratie grecque. P., 1975.
Thomsen R. Eisphora. København, 1964.

ГЛАВА 2

Глускина Л. М. Дельфы как экономический центр древней Греции.— Учен. зап. ЛГПИ им. М. Н. Покровского, 1956, XIII, вып. 2, с. 146—165.
Зельин К. К. Дельфийские манумиссии как источник по истории рабства в древней Греции.— В кн.: Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период. М., 1969, с. 119—187.
Маринович Л. П. Рабство в провинции Ахайе.— В кн.: Маринович Л. П. и др. Рабство в восточных провинциях Римской империи в I—III вв. н. э. М., 1977, с. 7—57.
Никитский А. В. Дельфийские эпиграфические этюды. Одесса, 1894—1895.
Никитский А. В. Исследования в области греческих надписей. Юрьев, 1901.
Amandry P. La mantique apollonienne à Delphes: Essai sur le fonctionnement de loracle. P., 1950.
Bourguet E. L'administration financière du sanctuaire Pythique. P., 1905.
Bürgel H. Die pylaeisch-delphische Amphiktyonie. München, 1877.
Daux G. Delphes au IIe et I^e^ siècle, depuis l'abaissement de l'Etolie jusqu'à la paix romaine, 191—31 av. J. C. P., 1936.
Dunant C., Pouilloux J. Comptes delphiques à ἀπουσίαι.— BCH, 1952, LXXVI, p. 32—60.
Etudes delphiques: A la mémoire de P. de la Coste Messelière. Athens, 1977.
Felsmann H. Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte von Delphi. Hamburg, 1937.
Flacelière. Les Aitoliens à Delphes. P., 1937.
Guarducci M. L'Istituzione della fratria nell' Greca antica e nelle colonie greche d'Italia.— Memorie della R. Acad. Naz. d. Lincei, Classe di Scienze morali, storiche e filologiche. Roma, 1938, Serie VI, vol. VIII, f. 2, p. 64—82.
Homolle Th. La loi de Cadys sur le prêt à interét. Une crise sociale et politique à Delphes au IVe siècle.— BCH, 1926, L, p. 3—106.
Kahrstedt U. v. Delphoi und das heilige Land des Apollo.— In: Studies presented to D. M. Robinson. Washington Univ. Press, 1953, vol. II, p. 749—757.
Pomtow H. Eine delphische στάσις im Jahre 363 v. Chr.— Klio, 1906, S. 89—126.
Pomtow H. Neues zum delphischen στάσις vom Jahre 363 v. Chr.— Klio, 1906, S. 400—420.
Rougemont G. L'inscription archaique de Delphes relative à la phratrie les Labyades.— BCH, 1974, XCVIII, p. 147—158.
Roux G. Les prytanes de Delphes.— BCH, 1970, XCIV, p. 117—132.
Roux G. La consultation solennelle des Labyades à Delphes.— Revue Archéologique, 1973, p. 59—78.
Sordi M. La fondation de naopes et le renouvelement politique de l'amphictionie au IVe siècle.— BCH, 1957, LXXI, p. 38—75.

ГЛАВА 3

Бергер А. К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1966.
Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975.
Adcock F., Mosley D. Diplomacy in Ancient Greek. L., 1975.
Bickerman E. J. AUTONOMIA. Sur un passage de Thucydide (I, 144, 2).— RIDA, 1958, V.
Bikerman E. Remarques sur le droit des gens dans la Grèce classique.— RIDA, 1950, IV.
Garlan Y. La guerre dans l'antiquité. P., 1972.
Guazzoni F. V. La liberta nel mondo Greco. Geneva, 1972—1974. T. 1, 2.
Ryder T. T. B. Koire eirene. General Peace and Local Independence in ancient Greece. Oxford, 1965.
Ste Croix G. E. M. de. Notes of Jurisdiction on the Athenian Empire.— CQ, 1961, XI.
Ste Croix G. E. M. de. The Origins of the Peloponnesian War. L., 1972.
Will E., Mossé Cl., Guokowski P. Le monde grec et l'Orient. P., 1972—1975. T. 1, 2.
Ilari V. Guerra e diritto nel mondo antico. Parte primo. Milano, 1980.
Imperialism in the ancient World. Cambridge, 1978.
Meiggs R. The Athenian Empire. Oxford, 1972.
Momigliano A. Some observations on causes of War in Ancient Historiography.— In: Secondo contributo alla storia degli studi classici. Roma, 1960.

Payrau S. EIRHNIKA. Considérations sur l'éches de quelques tentatives panhelléniques au IVe siècle avant J. C.— REA, 1971, LXXIII.
Pohlenz M. Freedom in Greek Life and Thought. Dodrecht, 1960.
Pritchett W. K. The Greek State at War. Berkeley, 1974.
Pritchett W. K. Ancient Greek Military Practices. Berkeley, 1971.

ГЛАВА 4

Фролов Э. Д. Монархическая идея у Исократа.— В кн.: Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1969, вып. 1.
Фролов Э. Д. Ксенофонт и поздняя тирания.— ВДИ, 1969, № 1.
Фролов Э. Д. Греческие тираны (IV в. до н. э.). Л., 1972.
Bengtson H. Griechische Geschichte. 4. Aufl. München, 1969.
Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. München, 1967. Bd. I, II.
Burstein S. Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley, 1976.
Flach D. Der oligarchische Staatsstreich in Athen vom Jahr 411.— Chiron, VII, 1977.
Hackl U. Die oligarchische Bewegung in Athens am Ausgang des V. Jahrhunderts v. Chr. München, 1960.
Hellenische Poleis. Krise—Wandlung—Wirkung/Hrsg. von E. Welskopf. B., 1974.
Lang M. Revolution of 400: Chronology and Constitutions.— AJPh, 1967, LXXXVII, N 2.
Luria S. Alkibiades.— Meander, 1960, XV, N 4.
Mossé Cl. La fin de la démocratie athénienne. P., 1962.
Mossé Cl. Un aspect de la crise de la cité grecque au IVe siècle: la recrudescence de la tyrannie.— RPh, 1962, CLII, N 1.
Mossé Cl. La tyrannie dans la Grèce antique. P., 1969.
Pohlenz M. Nomos und Physis.— In: Pohlenz M. Kleine Schriften. Hildesheim, 1965, Bd. II.
Sinclair T. A. A History of Greek Political Thought. L., 1951.
Spurte J. Dions syrakusanische Politik und die politischen Ideale Platons.— Hermes, 1972, 100, N 3.
Stroheker K. F. Dionysios I. Gestalt und Geschichte des Tyrannen von Syrakus. Wiesbaden, 1958.

ГЛАВА 5

Кудрявцев О. В. Эллинские провинции Балканского полуострова во II в. н. э. М., 1954.
Фролов Э. Д. Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э. и объединение Эллады.— ВДИ, 1974, № 1.
Фролов Э. Д. Ксенофонт и его Киропедия.— В кн.: Ксенофонт. Киропедия. М., 1976.
Bengtson H. Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 700 bis 338 v. Chr.— In: Bengtson H. Die Staatsverträge des Altertums. München; Berlin, 1962, Bd. II.
Bringmann K. Studien zu den politischen Ideen des Isokrates. Göttingen, 1965.
Cloché P. Histoire de la Macédoine jusc u'à l'avénement d'Alexandre le Grand (331 av. J. C.). P., 1960.
Diels H., Kranz W. Die Fragmente der Vorsokratiker. 9. Aufl. B., 1959. Bd. II.
Dobesch G. Der panhellenische Gedanke in IV. Jahrhundert v. Chr. und der «Philippos» des Isokrates. Wien, 1968.
Ellis J. Philip II and Macedonian Imperialism. L.; N. Y., 1976.
Hammond N. G. L. The Victory of Macedon at Chaeronea.— In: Hammond N. G. L. Studies in Greek History. Oxford, 1973.
Hampl F. Die griechischen Staatsverträge des IV. Jahrhunderts v. Chr. Leipzig, 1938.
Kagan D. The Great Dialogue: History of Greek Political Thought from Homer to Polybius. N. Y.; L., 1965.
Kehl H. Die Monarchie im politischen Denken des Isokrates. Bonn, 1962.
Kessler J. Isokrates und die panhellenische Idee.— In: Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums. Paderborne, 1911, Bd. IV, H. 3.
Kienast D. Philipp II. von Makedonien und das Reich der Achaimeniden.— Abhandlungen der Marburger gelehrten Gesellschaft, Jg. 1971, N 6. München, 1973.
Ryder T. B. Koine Eirene. General Peace and Local Independence in Ancient Greece. London; Oxford, 1965.
Schachermeyr F. Alexander der Grosse: Das Problem seiner Persönlichkeit und seines Wirkens. Wien, 1973.
Schmitt M. Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 338. bis 200. v. Chr.—

In: Die Staatsverträge des Altertums. München, 1969, Bd. III.
Seibert J. Alexander der Grosse. Darmstadt, 1972.
Taeger F. Der Friede von 362. Einer Beiträge zur Geschichte der panhellenischen Bewegung in IV. Jahrhundert. Stuttgart, 1930.
Wendland P. Beiträge zu athenischer Politik und Publizistik des vierten Jahrhunderts.— NGG, 1910, H. 2, 4.
Wilcken U. Philipp II. von Makedonien und die panhellenische Idee.— SB Berlin, 1929, XVIII.
Will E. Mossé Cl., Goukowsky P. Le monde grec et l'Orient. P., 1972—1975. T. 1, 2.

ГЛАВА 6

Берger А. К. Политичская мысль древнегреческой демократии М., 1966.
Глускина Л. М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975.
Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. Л.; М., 1950.
Blass F. Die attische Beredsamkeit. 2. Aufl. Leipzig, 1893. Abt. 3, 1. Abschn.
Cloché P. Démosthènes et la fin de la démocratie athénienne. P., 1957.
Davies J. K. Athenian Propertied Families. 600—300 B. C. Oxford, 1971.
Ehrenberg V. Alexander and the Liberated Greek Cities. Alexander and the Greeks. Oxford, 1938.
Gehrke H.-J. Phokion: Studien zur Erfassung seiner historischen Gestalt. München, 1976.
Glotz G., Cohen R. Alexandre et hellénisation du monde antique.— In: Histoire grecque. 2e éd. P., 1945, t. IV, pt. 1.
Jaeger W. Demosthenes: The Origin and Growth of His Policy. Berkeley, 1938.
Kaerst J. Geschichte des Hellenismus. 3. Aufl. Leipzig; Berlin, 1927, Bd. 1.
Mitchel F. Athens in the Age of Alexander.—Greece and Rome, 1965, XII, N 2, p. 189—204.
Mossé C. Athens in Decline. 404—86 B. C. London; Boston, 1973.
Pečirka J. The Crisis of the Athenian Polis in the Fourth Century B. C.— Eirene, 1976, XIV, p. 5—29.
Pecorella Longo Ch. «Eterie» e gruppi politici nell'Atene del IV sec. a. C. Firenze, 1971.
Perlman S. The Politicians in the Athenian Democracy of the Fourth Century B. C.— Athenaeum, 1963, N. S., XLI, fasc. III/IV, p. 327—355.
Schaefer A. Demosthenes und seine Zeit. 2. Aufl., Leipzig, 1885—1887. Bd. I—III.
Seibert J. Alexander der Grosse. Darmstadt, 1972.
Tarn W. W. Alexander the Great. Cambridge, 1948. Vol. I, II.
Will E., Mossé Cl., Goukowsky P. Le monde grec et l'Orient. P., 1975. T. 2.

ГЛАВА 7

Кондратюк М. А. Коринфская Лига и ее роль в политической истории Греции 30—20-х гг. IV в. до н. э.— ВДИ, 1977, № 2, с. 25—42.
Фролов Э. Д. Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э. и объединение Эллады.— ВДИ, 1974, № 1, с. 45—63.
Шофман А. С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976.
Badian E. Agis III.— Hermes, 1967, 95, H. 2, p. 170—192.
Bosworth A. B. The Mission of Amphoterus and the Outbreak of Agis' War.— Phoenix, 1975, XXIX, N 1, p. 27—43.
Borza E. N. The End of Agis' Revolt.— ClPh, 1971, LXVI, N 4, p. 230—235.
Forrest W. G. A History of Sparta. 950—192 B. C. L., 1968.
Lock R. A. The Date of Agis III's War in Greece.— Antichton, 1972, 6, p. 10—27.
Oliva P. Sparta and Her Social Problems. Pr., 1971.
Roebuck C. The Settlements of Philip II with the Greek States in 338 B. C.— ClPh, 1948, XLIII, N 2, p. 73—92.

ГЛАВА 8

Блаватский В. Д. Греческая скульптура. М.; Л., 1939.
Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. М., 1953.
Виппер Б. Р. Искусство Древней Греции. М., 1972.
Кобылина М. М. Аттическая скульптура. М., 1953.
Колпинский Ю. Д. Великое наследие античной Эллады и его значение для современности. М., 1977.
Сидорова Н. А. Искусство Эгейского мира. М., 1972.
Чубова А. П., Иванова А. П. Античная живопись. М., 1966.

Alscher L. Griechische Plastik. B., 1954—1957. Bd. I—IV.
Charbonneaux J., Martin R., Villard F. Grèce archaïque (L'univers des formes)/ Ed. Gallimard. P., 1971.
Charbonneaux J., Martin R., Villard F. Grèce classique (L'univers des formes)/Ed. Gallimard. P., 1969.
Demargne P. Naissance de l'art grec. (L'univers des formes)/Ed. Gallimard. P., 1964.
Cook R. M. Greek Painted Pottery. L., 1960.
Lullies R. Griechische Plastik von den Anfangen bis zum Ausgang des Hellenismus. München, 1960.
Marinatos S. Kreta und das mykenische Hellas. München, 1959.
Matz F. Kreta und das frühes Griechenland. Baden-Baden, 1959.
Robertson M. Greek painting. Geneva: Skira, 1959.
Robertson M. A History of Greek Art. Cambridge, 1975. Vol. I—II.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	— Вестник древней истории
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ЛГПИ	— Ленинградский государственный педагогический институт
ABSA	— Annual of the British School at Athens
AC	— Antiquité Classique
AJA	— American Journal of Archeology
AJAH	— American Journal of Ancient History
AJPh	— American Journal of Philology
ATL	— *Meritt B. D., Wade-Gary H. T., McGregor M. F.* The Athenian Tribute Lists. Cambridge, 1939
BCH	— Bulletin de la correspondance hellénique
BICS	— Bulletin of the Institute of Classical Studies of the University of London
BJRL	— Bulletin of the John Rylands Library
CAH	— The Cambridge Ancient History
CHJ	— The Cambridge Historical Journal
ClPh	— Classical Philology
CQ	— Classical Quarterly
FD	— Fouilles de Delphes
HP	— Hellenische Poleis/Hrsg. von E. Welskopf. B., 1974
IG	— Inscriptiones Graeci
JHS	— Journal of Hellenic Studies
MH	— Museum Helveticum
PP	— Parola del Passato
RA	— Revue Archéologique
RE	— *Pauly — Wissowa — Kroll.* Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
REA	— Revue des Etudes Anciennes
RF	— Rivista di filologia e di istruzione classica
RH	— Revue historique
REG	— Revue des Etudes Greques
RIDA	— Revue internationale des droits de l'antiquité
RPh	— Revue Philosophique
SB Berlin	— Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin
Schwyzer. DGE	— *Schwyzer E.* Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora. Leipzig, 1923
SEG	— Supplementum Epigraphicum Graecum
SGDI	— Sammlung der griechischen Dialektinschriften. Göttingen, 1884—1915
Syll.	— Sylloge Inscriptionum Graecarum/Ed. W. Dittenberger
Tod	— *Tod.* Greek Historical Inscriptions
WM	— Mitteilungen des Vereines Klassischer Philologien in Wien
ZPE	— Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

АВТОРЫ И ДЕЯТЕЛИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Автофрадат *II* 266
Агафокл *II* 16, 180
Агафон *II* 181
Агаэт *I* 372
Агелад *II* 332
Агесилай *II* 87, 172, 173, 178, 179, 205, 266
Агис II *II* 86
Агис III *II* 107, 202, 208, 209, 214, 224, 226, 229, 259—279
Агис IV *I* 205; *II* 16, 54
Айет *I* 372, 373
Алев Рыжий *II* 127, 128
Алевады *II* 128, 130, 132
Александр I *II* 180
Александр III Македонский *I* 366; *II* 12, 16, 52, 66, 152, 153, 180, 186, 188—190, 200, 203, 204, 208—260, 262, 264—269, 271—278, 355, 356
Александр Ферский *II* 65, 68, 69, 124, 131
Алиатт *I* 167
Алкамен *II* 39, 334, 348
Алкей *I* 158, 172, 177, 182, 183, 395
Алкивиад *I* 268, 274—276, 297, 340—342, 354; *II* 82, 126, 129, 350
Алкимах *II* 186
Алкифрон *I* 248, 264, 311
Алкман *I* 168, 212
Амасис *II* 325
Амастрида *II* 153
Аммиан Марцеллин *I* 373, 405
Амфотер *II* 268, 271, 272
Анакреонт *I* 382
Анаксагор, ольвиополит *I* 147
Андокид, гончар *I* 233; *II* 326
Андокид, оратор *I* 339; *II* 41, 120
Андродамант I 174, 176
Андроник *II* 67
Андротион *II* 30
Аноним *I* 368, 373, 374, 418
Антенор *II* 331
Антигон Одноглазый *II* 153, 192
Антилеонт *I* 184
Антипатр *I* 19; *II* 186, 200, 202, 209, 230, 243, 244, 259, 271, 276—278
Антисфен *I* 276; *II* 123
Антифем *I* 152
Антифонт *II* 224
Апеллес *II* 354
Аполлодор, сын Пасиона *I* 271, 274, 312; *II* 14, 26, 30
Аполлократ *II* 148
Аполлоний *I* 409
Аполлоний Тианский *I* 14
Ариапиф *I* 400, 403, 417
Аридзел *I* 272, 312, 322
Ариобарзан *II* 150
Аристагор, дельфиец *II* 71
Аристарх, друг Демосфена *II* 253
Аристид *I* 268, 328, 339, 343, 354, 356; *II* 244
Аристион *II* 253
Аристогитон, противник Демосфена *II* 31, 222, 229
Аристогитон, тираноубийца *II* 330, 331
Аристоксен *II* 66, 71
Аристомаха *II* 146
Аристотель *I* 11—15, 18, 19, 24, 27, 29, 30, 134, 150, 156, 160—164, 167, 170, 171, 173, 174, 176—178, 180, 182—185, 188, 189, 192, 193, 195, 201, 203—209, 216, 225, 232, 240—242, 248, 265, 281, 284, 295, 296, 328, 329, 356—359, 392; 393; *II* 12, 15—17, 26—29, 31, 32, 34, 36, 37, 40, 48, 55, 58, 64, 65, 123, 127, 128, 138, 149, 151, 158, 220, 222—224
Аристофан, драматург *I* 18, 224—232, 235, 247, 273, 274, 284, 289, 294, 306, 313—316, 336, 348, 354, 360, 362, 363; *II* 19, 23, 33, 35, 48, 158
Аристофан, землевладелец *I* 320—322; *II* 20
Арриан *I* 368, 369; *II* 188, 189, 191, 192, 198, 200, 202, 203, 212, 264, 265, 268, 269, 271, 272, 275—277
Арсиноя *II* 153
Артабаз *II* 70
Артаксеркс I *I* 418
Артаксеркс II *II* 159, 163
Артаксеркс III *II* 70
Археанакт I 395
Археанактиды *I* 394—398, 406, 407, 410—413, 415—418
Архелай, дельфиец *II* 67
Архелай I *II* 181
Археманид *II* 70
Архерм *I* 207; *II* 322, 323
Архидам *II* 68, 70, 80, 110, 120, 264
Архий *I* 134
Архилох *I* 133, 134, 155, 162—164, 172, 180
Архит Тарентский *I* 208
Асандр *II* 203
Аспург *I* 410
Астикрат *II* 31, 65—70
Астил *II* 274
Аттал II *II* 46
Афинагор *II* 138
Афиней *I* 134, 150, 168, 177, 205, 206, 230, 352, 408; *II* 40, 273
Ахеменид *II* 203
Ахиллодор *I* 147—149, 152, 375, 383, 387, 388, 392

Батт I *I* 177
Батт II Счастливый *I* 178
Биант *I* 138
Битон *II* 314, 315
Бранхиды *II* 203
Брасид *I* 338, 339, 348, 349; *II* 82, 105, 114
Бриаксид *II* 351, 352
Бриг *II* 335

Вакхилид *I* 157
Варрон, Марк Теренций *I* 48

Гармодий *II* 330, 331
Гарпаг *I* 369
Гарпал *II* 31, 208—211, 225, 228, 230, 232, 247
Гарпократион *I* 248, 358, 360
Гегесарх *II* 66
Гегесипп *II* 227
Гегесо *II* 145, 350

Гекатей *I* 141, 368
Гелланик *I* 116
Гелон *I* 408, 413, 415—417
Гераклид *II* 153
Гераклий *II* 57
Гераклит, мифограф *I* 182
Гераклит Понтийский *I* 203, 204
Гермий *II* 183
Гермократ *II* 82, 91, 138, 139
Гермон *I* 369
Герод *I* 176
Геродот *I* 11, 101, 102, 113, 116, 124, 129, 133, 137, 138, 140, 141, 146, 154—156, 162, 166—168, 177, 178, 185, 205, 208, 209, 211, 240, 248, 328, 329, 342, 344, 370, 371, 373, 382, 391, 399, 402—405, 413, 415; *II* 17, 22, 47, 58, 100, 102
Гесиод *I* 30, 48, 156—158, 160, 177, 180, 190, 226, 252
Гесихий *I* 164, 186; *II* 62
Гиг *I* 156, 157
Гиерон I *I* 409, 415
Гиерон II *II* 180
Гиеронд *II* 58
Гиероним из Кардии *II* 188
Гиперид *I* 260; *II* 31, 40, 42, 211, 214, 216, 218, 225, 227—232, 236, 240, 247, 251, 252, 254, 256, 258
Гиппарин *II* 139
Гиппарх *II* 331
Гиппий, брат Агесилая *II* 266
Гипподам *II* 353
Гиппонакт *I* 157, 158
Гистасп *I* 346
Гистиэй *I* 137
Гобрия *I* 134
Гомер *I* 11, 37, 45, 108, 109, 111, 113, 114, 116, 162, 168, 177, 244, 252, 253, 265; *III* 305, 329
Горгий *II* 161—163

Дамотим *II* 67
Дарий I *I* 399
Дарий III *II* 203, 266, 271
Дафней *II* 139
Демад *II* 186, 211, 234, 241, 242, 247, 255
Деметрий Полиоркет *II* 192
Деметрий Скепсийский *I* 134
Демонакт *I* 178
Демосфен *I* 185, 240, 248, 253, 258, 261, 263, 264, 269—271, 289, 312, 320, 357, 408, 410, 413; *II* 11, 14, 15, 17—20, 22—24, 26—31, 33, 36, 38, 40, 41, 52, 61, 62, 64, 68, 71, 83, 88, 89, 92—95, 97, 99, 102, 116, 119, 188, 195, 204, 209—212, 217—232, 234—237, 240, 242, 246, 247, 249, 253, 254, 256, 257, 260, 263, 264
Демофил *II* 69
Диагор *I* 183
Диил *II* 69
Диитреф *I* 341, 350
Динарх *I* 18, 408; *II* 31, 41, 214, 224, 225, 269, 270, 274
Диоген Лаэртский *I* 183, 193, 215, 248, 272
Диодор Сицилийский *I* 19, 315, 328, 334, 344, 354, 394, 396, 405, 406, 408, 410, 415—418; *II* 16, 31, 58, 62, 68—70, 121, 122, 132, 134, 137—139, 141—143, 146, 150, 152, 153, 178, 182, 183, 188, 191, 195—198, 200, 202, 212, 255, 266, 268—270, 272, 275—277, 279
Диодот *I* 348, 350, 354; *II* 117
Диокл *II* 138, 139
Дион *II* 148
Дион Кассий *II* 46
Дион Хрисостом *I* 14, 407; *II* 346
Дионисий Галикарнасский *I* 192, 266, 267, 307; *II* 171
Дионисий Младший *II* 16, 124, 140, 141, 147, 148, 180
Дионисий Периэгет *I* 369
Дионисий Старший *I* 412—417; *II* 71, 124, 139, 141—143, 146—148, 151, 155, 156, 159, 168, 178—180, 197
Дионисий, сын Клеарха *II* 152, 153
Диотим *II* 216
Диофант *II* 34
Дифил *II* 215
Домициан, Тит Флавий *II* 152
Дорида *II* 148
Драконт *I* 171, 174, 185
Дурис *II* 335

Евангел *I* 278
Евагор *II* 124, 153, 168
Евбул *II* 249, 253
Евксенипп *II* 230, 232
Евмел *I* 407, 410, 414
Евполид *I* 362
Еврипид *I* 18, 248, 289, 290; *II* 158, 181
Евсевий *I* 136, 140, 176, 185, 367
Евстафий *I* 369
Евтидика *II* 330
Евтин *I* 332
Евфилет *I* 272, 275
Евфимид *II* 327, 335
Евфрон *II* 124, 136, 137, 155
Евфроний *II* 326, 327

Залевк *I* 174—177, 191
Зевксис *II* 181, 354
Зопирион *II* 16, 54

Иданфирс *I* 407, 408
Иероним *I* 136, 140, 185, 388
Иктин *II* 339, 349
Иол *II* 230
Иордан *I* 373
Исей *I* 248, 312; *II* 14, 18—20, 22, 23, 30, 32, 38, 40, 61
Исократ *I* 12, 208, 264, 409, 418; *II* 14, 16, 17, 23, 26, 30, 31, 36, 88, 89—95, 97, 99, 101, 102, 108, 110, 117, 119—121, 123, 134, 146, 152, 163, 164, 166—172, 174, 179, 211, 243

Кадис *II* 16, 52, 53, 56—59, 62, 64, 71
Каламис *II* 332
Калас *II* 203
Каллий *I* 332; *II* 184
Калликрат *II* 340, 342
Каллимах, скульптор *II* 39, 348, 350
Каллин *I* 161, 162
Каллип *II* 148
Каллисфен, историк *II* 69, 203, 277
Каллисфен, сын Каллисфена *I* 147
Катон Старший, Марк Порций *II* 241
Кефал *II* 162
Кефисодор *II* 32
Килон *I* 185, 188
Кимон *I* 274, 275, 297, 329, 330, 332, 333, 344, 355, 358
Кипсел *I* 158, 162, 182
Кипселиды *I* 409
Кир Младший *II* 127, 159, 173, 179
Кир Старший *I* 137, 138, 140, 407; *II* 172—174

Клеарх *I* 26, 334; *II* 16, 124, 126, 127, 150—152, 155, 156
Клеарх II *II* 153
Клеобис *II* 314, 315
Клеомен *II* 16, 54
Клеон *I* 289, 336, 337, 339, 348, 350, 355; *II* 82, 103, 117
Клеоним *I* 354, 364
Клеотим *I* 393
Клеофонт *II* 237
Клеофрад *II* 335
Клиний *I* 334, 360, 364
Клинтон *II* 35
Клисфен *I* 184, 193, 215, 261, 262, 355; *II* 62
Клитарх *II* 277
Клитий *I* 196; 320
Конон, полководец *II* 20, 107
Конон, трапезит *II* 41
Корраг *II* 271, 272, 275
Кратер *II* 153
Кратин *II* 65, 68
Крез *I* 139, 168; *II* 58
Кресилай *I* 325; *II* 348
Критий, олигарх *I* 195; *II* 129
Критий, скульптор *I* 279; *II* 330, 331
Критобул *I* 28
Кройс *I* 181; *II* 321
Ксенократ *II* 243
Ксенофан *I* 167, 168
Ксенофонт *I* 18, 26—28, 195, 204—207, 212, 232, 236, 240, 241, 248, 274, 275, 278, 280, 282, 287, 289, 290, 306, 309, 314, 316, 318, 328, 341, 354, 390, 402; *II* 10, 14, 16, 18, 20, 23, 24, 26, 28, 29, 31, 34, 40, 71, 84, 86—88, 91, 95, 96, 101, 102, 105—107, 115, 119—121, 123, 129—131, 134, 139, 142, 171—174, 178, 179, 228
Ксеркс *II* 197
Ктесикл *I* 260
Ктесифонт *II* 208, 224, 235, 240, 270
Курций Руф, Квинт *II* 266, 268—271, 276, 277

Ламах *I* 403
Левкон *I* 407—411, 413, 414, 418, 419
Левкониды *I* 409
Леократ *II* 50, 212, 215, 217
Леосфен *II* 242
Леофил *I* 180
Леохар *II* 193, 351, 353
Лептин *I* 410; *II* 223
Либаний *II* 227
Либон *II* 333
Лигдамид *I* 404
Ликофрон *II* 124, 129, 130, 132, 231, 232
Ликург (афинский) *II* 21, 50, 94, 96, 209, 211, 212, 214—218, 222, 226, 227, 229, 231, 232, 236, 241, 247, 254, 256, 258
Ликург, спартанский законодатель *I* 174, 177, 194, 195, 197, 205, 208, 210—212, 215, 354
Лисандр *I* 342, 353; *II* 126, 127, 129
Лисий *I* 18, 248, 253, 265, 266, 268, 275, 276, 304, 314, 320; *II* 10, 15, 18, 20, 22, 23, 26, 36, 38, 40, 42, 58, 92, 116, 146, 161—163
Лисикрат *II* 354
Лисимах, полководец *II* 153
Лисимах, сын Аристида *I* 268
Лисипп *II* 233, 251, 355, 356
Лонг *I* 285
Лукиан *II* 48

Мавсол *II* 165, 351, 352
Макартат *I* 312
Макробий *II* 16
Мардоний *I* 343
Матасий *I* 147, 152, 393
Мегакл *I* 185
Меланоп *II* 57
Меланхр *I* 182
Мемнон *II* 150, 152, 153, 265, 272, 275
Менандр *I* 247, 248, 264, 274, 281, 284, 286, 313—315
Менекл *I* 312
Менесихм *II* 218
Менет *II* 276
Менон, дельфиец *II* 67
Мидий, противник Демосфена *II* 29, 223, 249, 253
Мидий, художник *II* 225, 354
Мильтиад *I* 397; *II* 340
Мимнерм *I* 128, 168
Мирон Приенский *I* 202
Мирон, скульптор *I* 319; *II* 338, 339, 347, 348
Мирсил *I* 182, 183
Митридат VI Евпатор *I* 409, 410
Митридат, сын Ариобарзана *II* 501, 151
Мнесикл *II* 340, 342

Несиот *I* 279; *II* 330, 331
Никий *I* 11; *II* 83, 114
Никокл *II* 124, 167, 168, 243
Николай Дамасский *I* 182
Никофем *II* 20
Нимфид *II* 152
Нимфодор *I* 360

Оксатр *II* 153
Оксил *I* 174, 191
Олимпиада *II* 230
Онат *II* 332
Ономакрит *I* 174, 177
Ономарх *II* 66, 70, 124, 132—134, 182

Павсаний, писатель *I* 10, 19, 93, 104, 124, 133, 152, 161, 201, 203; *II* 48, 58, 62, 183, 184, 216, 273, 274, 334, 339, 346, 348
Павсаний, спартанский царь *I* 342
Памбис *I* 168
Паммен *II* 70
Панетий *I* 182, 183
Паррасий *II* 354
Пасион *I* 271, 274, 312, 320; *II* 20, 26, 41
Пелопид *II* 160
Пеоний *II* 149, 350
Пердикка *I* 336
Периандр *I* 182—184
Перикл *I* 29, 30, 193, 226, 274, 278, 288, 297, 325, 330, 332—336, 338, 353, 356—358, 403; *II* 12, 104, 113, 114, 177, 206, 212, 219, 220, 244, 258, 340, 346
Перисад *I* 407—409, 414, 419
Перс *I* 160
Пиндар *I* 156—158, 163, 180, 287
Пирр *II* 180
Писандр *I* 356
Писистрат *I* 173, 182, 184, 186, 190—193, 296, 308; *II* 17, 319
Писистратиды *II* 328, 331
Писсутн *I* 346
Питтак *I* 174, 175, 182—184, 191
Пифагор *I* 180
Пифагор Регийский *II* 332
Пифий *I* 361
Пифолай *II* 132
Плавт *I* 248
Платон *I* 12—14, 26, 28, 29, 195, 207, 208, 216, 225, 242,

265, 268, 272, 280, 281, 286, 289, 292, 316, 357; *II* 17, 31, 32, 37, 58, 59, 64, 121, 123, 138, 143, 146, 151, 175, 176, 220
Плиний Старший *I* 140, 148, 368, 370; *II* 332, 348, 352
Плутарх *I* 14, 29, 30, 133, 162, 164, 168, 170, 172, 177, 182, 185, 190, 192, 193, 202—206, 209, 211, 212, 226, 248, 269, 287, 288, 295, 315, 328—330, 333, 335, 336, 338, 343, 346, 347, 352—358, 363, 393; *II* 16, 17, 28, 49, 64, 65, 121, 142, 146, 177, 186, 188, 195, 202, 203, 224, 225, 229, 232, 241—245, 260, 271
Полибий *I* 170, 175, 203, 208, 341; *II* 187, 192, 195, 263, 273
Полигнот *II* 342
Полидор *II* 131
Полиевкт *II* 241, 257
Полиен *I* 167, 240, 405, 407, 408, 417; *II* 143, 150, 151, 182
Полизал *I* 408, 415
Поликлет *II* 9, 25, 338, 346—348, 355
Поликлет Младший *II* 353
Полимед *II* 314, 315
Полимнест *I* 168
Полисперхонт *II* 188, 189
Полистрат *I* 314
Полифрон *II* 131
Поллукс *I* 248
Помпей Трог *II* 16, 188, 189, 269

Помпоний Мела *I* 373, 405
Пракситель *II* 175, 185, 351—353

Притан *I* 408
Прометей *II* 129
Псевдо-Аристотель *I* 13, 15, 16, 20, 27, 30, 158, 182, 289, 315, 408; *II* 11, 15, 27, 30, 143
Псевдо-Арриан *I* 390
Псевдо-Демосфен *II* 17, 26, 30, 186, 189—192, 195, 200, 228, 246
Псевдо-Ксенофонт *I* 25, 230, 239, 315, 327, 346, 350, 352—354, 356, 357, 363, 365; *II* 12, 41
Псевдо-Плутарх *II* 171, 211, 212, 214—216, 227, 229, 230, 232, 235, 236, 243
Псевдо-Скимн *I* 137, 367, 368, 370, 374, 408
Птоломей Фригийский *II* 153

Рампин *II* 322, 324
Родопис *I* 155
Ромб (Комб) *II* 321

Сатир, боспорский тиран *I* 408, 409, 411, 414, 418, 419
Сатир, этолиец *II* 152
Сатир, брат Клеарха *II* 150
Свида *I* 168, 207; *II* 150, 229
Семандр *I* 395
Септимий Север *I* 147
Ситалк *I* 360
Скил *I* 403, 404
Скилак *II* 269
Скимн *I* 138
Скопады *II* 128
Скопас *II* 135, 351, 352
Сокл *I* 311
Сократ *I* 28, 241, 278, 316, 318; *II* 20, 123, 129, 173, 176, 181
Солон *I* 20, 33, 157, 158, 172, 174, 175, 177, 182, 183, 185, 186, 188—193, 215, 287, 295—297, 299, 308; *II* 15, 29, 54, 222, 244, 246, 248, 249, 319
Сострат *I* 275
Софокл *I* 248; *II* 201
Спарток *II* 395, 406, 409, 411, 418
Спартокиды *I* 394, 396, 406—416, 418, 419; *II* 124, 125, 147, 150, 153, 154
Стефан Византийский *I* 367, 372, 373
Стобей *I* 16, 208
Страбон *I* 140, 141, 150, 162, 168, 171, 176, 183, 203—205, 236, 334, 335, 346, 365, 368, 370, 371, 373, 395, 405, 408, 409; *II* 142, 269
Стратокл *II* 211

Тавросфен *II* 184
Теопроп *I* 403
Теренций Афр, Публий *I* 248
Терес *I* 400, 417
Тимарх *I* 30, 298, 312, 322; *II* 240, 253
Тимей *I* 416
Тимесилей *I* 403
Тимн *I* 403
Тимократ *II* 15, 31, 223
Тимолеонт *II* 137, 148, 149
Тимофан *II* 136, 137, 148, 155
Тимофей, афинский стратег *I* 274; *II* 14, 38
Тимофей, скульптор *II* 351
Тимофей Керавн, сын Клеарха *II* 16, 152
Тиргатао *I* 408, 419
Тиртей *I* 161—163, 165, 173, 201
Тисифон *II* 131
Тиссаферн *I* 340; *II* 88
Тлесон *II* 326

Фаилл *II* 124, 133, 134
Фаларид *I* 180, 184
Фалей *II* 34
Фалек *II* 124, 133, 134, 182
Фалес *I* 174
Фанагор *II* 369
Фарнабаз *I* 266
Фарсал *I* 330
Феаген *I* 184, 185
Феба *II* 131
Фейдон *I* 170, 171, 174, 180
Фемистокл *I* 221, 343, 418; *II* 325, 327
Фенипп *I* 270, 272, 288, 290; *II* 29, 228, 246
Феогнид *I* 156, 157, 172, 183
Феодор *I* 168
Феопомп *I* 150, 168, 346, 365; *II* 70
Феофраст *I* 16, 182, 204, 247; *II* 20, 41
Ферамен *I* 18
Фидий *I* 375, 381; *II* 9, 334, 338—341, 343, 345, 346, 348, 353
Филарх *I* 206
Филемон *I* 289
Филипп *II* Македонский *I* 320, 321; *II* 12, 17, 94, 95, 97, 99, 112, 116, 132—134, 146, 152, 160, 161, 169—171, 180—184, 186—192, 194—200, 204, 208, 209, 219—221, 223, 226, 228, 229, 232, 235, 236, 242, 246, 254, 256, 263—265, 272—274
Филипп, сын Александра Македонского *II* 273
Филиппид *II* 231
Филиск *II* 211
Филист *I* 414, 416; *II* 139, 148
Филит *II* 57
Филократ *I* 320—322; *II* 237
Филолай *I* 174

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Филомел *II* 58, 66, 68—70, 124, 132, 133
Филон *II* 214
Филострат *I* 14; *II* 162
Филохор *II* 346
Фокион *II* 211, 241—247, 249, 253, 256, 258
Фокс *I* 184
Формион *II* 41
Формисий *I* 266, 267
Фрадмон *II* 348
Фракиды *II* 66, 69, 70
Фрасибул *I* 180, 341
Фрина *II* 352
Фриних *I* 314, 354
Фудипп *I* 337, 364
Фукидид, историк *I* 10, 11, 100, 108, 141, 150, 170, 185, 186, 194, 199, 204, 205, 211, 212, 248, 262, 264, 304, 306, 327—330, 333—344, 346—350, 352—354, 356, 357, 360, 361, 363, 365; *II* 11, 12, 22, 79—84, 86—91, 96, 101—107, 113, 114, 117, 118, 138, 177, 178
Фукидид, противник Перикла *I* 332, 333, 355

Хаммурапи *I* 46—48, 50
Харес *I* 413
Харидем *II* 244
Хариклид *II* 67
Харилай *I* 180
Харонд *I* 174, 176, 177
Херил *II* 181
Херон *II* 273
Хилон *I* 215
Хион *II* 152
Хрисипп *I* 408

Цецилий *II* 211
Цицерон Марк Туллий *II* 64

Эзоп *II* 48
Эксекий *I* 231; *II* 325
Элиан *I* 30, 248, 346, 408, 409; *II* 65, 272
Эминак *I* 403
Эней Тактик *I* 408, 414; *II* 143, 149, 150
Эпаминонд *II* 160, 273
Эпиген *II* 41
Эпименид *I* 174, 177
Эпитадей *I* 204
Эрготим *I* 196; *II* 320
Эрита *I* 55, 85, 86
Эсхил *I* 113, 248; *II* 100, 119, 157
Эсхин *I* 30, 170, 272, 298, 322; *II* 14, 18, 22, 38, 41, 48, 51, 211, 214, 224, 225, 231, 232, 234—238, 240, 241, 253—256
Эфиальт *I* 330, 355
Эфикл *II* 266
Эфиоп *I* 134, 169
Эфор *I* 206, 371, 372; *II* 69
Эхекратиды *II* 128

Юстин *II* 16, 47, 149—151, 182, 183, 188, 189, 191, 192, 194, 197, 202, 269, 277, 279

Ямвлих *I* 192
Ясон Ферский *I* 413; *II* 52, 68, 91, 124, 130—132, 147, 155, 156, 159, 160, 172, 179, 180, 197
Ясониды *II* 132, 155, 160, 181

АВТОРЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Абамелек-Лазарев С. *II* 125, 129, 130
Агбунов М. В. *I* 367, 374
Александреску П. *I* 374, 382, 384
Алексеева Е. М. *I* 143
Амандри П. *II* 44, 45
Андреев В. Н. *I* 8, 15, 266, 271, 272, 303; *II* 13, 19, 245
Андреев Ю. В. *I* 6, 8, 11, 16, 32, 101, 206, 207, 210; *II* 201
Анненский И. Ф. *II* 158
Артамонов М. И. *I* 396, 397, 402
Аудринг Г. *I* 284, 289; *II* 19
Ахиезер А. С. *I* 220
Ашери *Д. I* 15, 16, 133, 134, 169, 187, 189, 193, 392; *II* 15—18, 52

Бабков Л. И. *I* 405
Бак Р. *I* 99, 100, 103, 104, 106, 112
Балсер Дж. М. *I* 360, 399
Бёк А. *I* 253, 300, 301, 395, 396
Белова Н. С. *I* 406, 414
Белох К. Ю. *I* 113, 197, 211, 301, 303, 329, 412; *II* 146, 150, 152, 160, 162, 163, 184, 186—188, 217, 218, 234, 247
Бенгтсон Г. *I* 99, 197, 198, 203, 369, 394, 412; *II* 74, 178, 183, 198, 200, 259
Берве Х. *I* 395—397, 409, 412—415, 417; *II* 125—127, 129, 132, 133, 136, 138, 142, 146, 147, 150, 152, 179, 194, 198
Бергер А. К. *II* 33, 78, 104, 111, 118, 219, 223
Бергк Т. *I* 155
Берзин Э. О. *I* 201
Бикерман Э. *II* 53, 76, 77, 100—104, 117
Билабель Ф. *I* 377, 411
Блаватская Т. В. *I* 37, 64, 128, 374, 397, 398, 406; *II* 125
Блаватский В. Д. *I* 23, 217, 358, 366, 368, 369, 371—373, 380, 384, 385, 395—398, 402, 416
Блеген К. *I* 93, 108
Богарт Р. *I* 28, 229, 240; *II* 38, 40, 41, 55
Болтенко М. Ф. *I* 367
Болькестейн Х. *I* 17, 23, 34, 218, 219, 222, 240, 301; *II* 40
Боннар А. *I* 377, 379
Борза Э. Н. *II* 260, 271, 276
Борухович В. Г. *II* 163, 186
Босворт А. Б. *II* 260, 266, 268, 269, 271, 272, 276, 277
Браво Б. *I* 148, 388
Брашинский И. Б. *I* 338, 376, 378, 379, 382, 385, 389, 390, 408
Бриан П. *II* 259, 266, 272
Бузольт Г. *I* 178, 206, 207; *II* 12, 20, 29, 36, 58, 128, 182
Бурге Э. *II* 17, 46, 49, 52, 58
Бэдиан Э. *II* 260, 264—269, 271, 275—277
Бюхер К. *I* 234, 301

Вайман А. А. *I* 266
Ваксмут В. *II* 121

Валле *Ж.* *I* 136, 150, 219, 227, 385
Валлон А. *I* 253
Вальмэн М. *I* 89
Ватен К. *II* 49
Вебер М. *I* 199, 222, 234
Вентрис М. *I* 37, 38; *II* 304
Вермель Э. *I* 89, 98, 105, 107, 109, 110
Вернер Р. *I* 396, 398, 412
Вестлейк Г. *II* 130, 132, 139, 148, 182
Вийяр Ф. *I* 219, 227
Виллетс Р. *I* 21, 96, 101, 114, 203; *II* 268
Виль Э. *I* 10, 11, 15, 17, 22, 23, 26, 27, 29—31, 134, 174, 193, 196, 218, 219, 234, 237, 376, 377, 380; *II* 7, 160, 161, 178, 183, 223, 259, 271
Вилькен У. *I* 213, 214, 402; *II* 161, 169, 179, 188, 189, 192, 194—198, 200, 202
Виноградов Ю. Г. *I* 7, 137, 368, 372, 373, 383, 387, 388, 391, 394, 395, 404
Виппер Р. Ю. *I* 185
Вирт Г. *II* 271
Вонсович *А.* *I* 137, 141, 379, 380, 387—389, 392
Вюст Ф. Р. *II* 181, 183, 184

Гайдукевич В. Ф. *I* 366, 369, 372, 373, 384, 396, 397, 402, 410; *II* 125, 150
Гарсиа-и-Белидо А. *I* 23
Герлак Ю. *I* 162
Гиро П. *I* 301
Глотц Г. *I* 129, 182, 196, 198, 213; *II* 58, 67, 183, 217, 218, 247
Глускина Л. М. *I* 8, 15, 20, 228, 240, 242, 245, 276, 286; *II* 11—13, 23, 24, 30, 32, 33, 40—42, 45, 47, 48, 56, 126, 215, 218, 228, 245, 262
Голубцова Е. С. *I* 13; *II* 44
Гольм А. *II* 121, 138, 140
Гомм А. *I* 260—262, 294, 296, 332, 336, 344; *II* 209
Горбунова К. Г. *I* 367
Гордезиани Р. *I* 100, 109
Граков Б. Н. *I* 382, 386
Грацианская Л. И. *I* 409
Грацианский Н. П. *I* 48
Гребенский Н. Н. *II* 77, 110
Грейс Э. Л. см. Казакевич Э. Л.
Гриневич К. Э. *I* 371
Гринхол П. *I* 24, 171—173
Грот Дж. *I* 196
Грэйэм Дж. *I* 136, 378, 391
Гуковский П. *II* 160, 161, 183, 259, 271
Гюницер Ф. *I* 412, 413

Дау С. *I* 90, 92, 109
Даукинс Р. *I* 211
Дашевская О. Д. *I* 368
Де-Боз *I* 315
Дёрпфельд В. *I* 89
Деруа Л. *I* 54
Десборо В. *I* 93, 94, 97, 98, 102, 103, 105—107, 116—120
Детьян М. *I* 24, 171, 172
Джеймсон М. *I* 284, 285
Джеффери Л. *I* 123, 137, 185, 187, 413
Джонс А. *I* 25, 197, 224, 244, 358; *II* 26, 30, 221, 248, 259, 270
Диамант Э. И. *I* 390
Диккинс Г. *I* 210, 212, 213
Диль Э. *I* 155, 161
До Ж. *II* 44, 46, 49—51, 58
Доватур А. И. *I* 11, 12, 208, 244, 413; *II* 33, 34, 37, 47
Доманский Я. В. *I* 128, 139, 150, 378, 382—384, 391
Донлан У. *I* 187, 188
Друп *I* 212
Душанич С. *II* 273, 274
Дьяконов И. М. *I* 46, 204, 221; *II* 250
Дэвис *II* 211, 225, 227, 236
Дюкре П. *II* 249

Жарде А. *I* 255
Жебелев С. А. *I* 11, 129, 138, 139, 369, 373, 384, 390, 395—397, 406, 409, 410, 412, 414; *II* 27, 125, 126, 150
Жерар М. *I* 54
Жерне Л. *I* 242
Жуковский В. А. *I* 101

Зеест И. Б. *I* 370
Зельин К. К. *I* 6, 189, 295; *II* 18, 44, 246, 248—250
Златковская Т. Д. *I* 367
Зограф А. Н. *I* 219, 387, 406
Зуц В. Л. *I* 388, 390

Иессен А. А. *I* 371, 373
Исаева В. И. *I* 8; *II* 163

Кавельяк Э. *II* 259
Каган М. И. *I* 220
Казакевич Э. Л. *I* 286; *II* 41
Казаманова Л. Н. *I* 240, 245
Калеч Х. *I* 167
Каллистов Д. П. *I* 198, 394, 396, 397, 405, 410, 417; *II* 150
Капошина С. И. *I* 143
Карасев А. Н. *I* 372, 399
Кардара Х. *I* 97
Карпентер Р. *I* 98
Карышковский П. О. *I* 136, 146, 367, 387
Карштедт В. *I* 199, 201, 203, 216; *II* 45, 46, 127, 129
Каски Дж. *I* 100
Келли Т. *I* 99, 106, 107, 112, 113, 116, 122—124
Керст Ю. *I* 199, 216; *II* 189, 193, 196, 197
Киллен Дж. *I* 75, 82, 83
Кирк Дж. *I* 100
Кирхнер И. *I* 263
Клермон Хр. *I* 120
Клячко Н. Б. *II* 33
Книпович Т. Н. *I* 381
Кобылина М. М. *I* 369, 374
Ковалев С. И. *I* 302
Колобова К. М. *I* 16, 116, 199, 200, 333, 410, 414; *II* 126
Кондратюк М. А. *I* 8; *II* 111, 112, 199, 260, 262—264, 270, 274, 276
Копейкина Л. В. *I* 136, 137, 140, 141, 146, 367, 384, 386, 387, 389, 391, 392
Корнфорд Ф. *II* 84
Корпусова В. Н. *I* 382
Кошеленко Г. А. *I* 6, 8, 11, 12, 217, 220, 232
Коэн Р. *I* 196, 198; *II* 217, 218, 247
Кругликова И. Т. *I* 217, 404, 405
Крушкол Ю. С. *I* 405
Крыжицкий С. Д. *I* 142, 144, 146, 148, 379, 387, 392
Кудрявцев О. В. *I* 199, 302
Кузищин В. И. *I* 13
Кук Дж. *I* 158
Курбэн П. *I* 120, 122

Лапин В. В. *I* 133, 136, 141, 143, 146—148, 150, 154, 368, 370, 371, 374, 378, 379, 385—387
Ларсен Дж. *I* 178; *II* 77, 194, 273

Латышев В. В. *I* 367, 390, 395, 397, 403, 407; *II* 125, 150
Лауффер З. *I* 29, 227, 244; *II* 26—28, 228
Леви Е. И. *I* 393
Леви Э. *II* 222
Лежен М. *I* 40, 42, 65, 66, 80, 86
Лейн *I* 212
Ленин В. И. *I* 34, 36, 223, 236, 377
Ленцман Я. А. *I* 37, 56, 71, 114—116, 120, 122, 234, 244
Леншау Т. *I* 213; *II* 124, 126, 127, 139, 150
Лок Р. А. *II* 260, 271, 272, 276
Лурье С. Я. *I* 37, 44, 45, 48, 54, 56, 63—66, 68, 70, 71, 180, 196, 198, 201, 205, 213, 360; *II* 22, 127
Льюис Д. *I* 266, 327, 363; *II* 215

Маковельский А. О. *II* 162
Максимова М. И. *I* 390, 393
Маринович Л. П. *I* 6, 8, 11, 13, 24, 25, 32; *II* 31, 36, 44, 51, 211, 221, 268
Маркс К. *I* 13—15, 19, 24, 26—30, 199, 200, 221—223, 236, 237, 241—243, 377, 379
Марченко К. К. *I* 142, 143, 149, 154, 379, 391, 392, 400
Массон В. М. *I* 218, 220
Маяк И. Л. *I* 9
Межевич М. Н. *I* 220
Мейгз Р. *I* 19, 240, 327, 330, 332, 335, 337, 338, 341, 345, 346, 352, 354, 362
Мейер Эд. *I* 89, 134, 196, 197, 203, 211, 215, 234, 301, 303; *II* 129, 278
Мелюкова А. И. *I* 400
Милонас Г. *I* 62, 94, 97, 98, 100, 103, 104
Мичел Ф. *II* 214, 217, 218
Мичелл Х. *I* 213; *II* 259
Момильяно А. *II* 161, 181, 192, 198
Моммзен А. *II* 44
Моруженко А. А. *I* 399
Мосли Д. *II* 75—78, 183
Моссе К. *I* 12, 16, 18, 23, 180, 204, 205, 213, 224, 241, 242, 244, 245, 366, 383; *II* 6, 7, 18, 19, 33, 34, 36, 37, 40, 124, 125, 151, 160, 161, 183, 211, 212, 217, 226, 233, 243, 245, 246, 252—254, 256, 259, 271
Мюллер К. О. *I* 195, 197
Мюнцер К. *II* 169, 171

Невская В. П. *II* 127
Нибур Г. *I* 241
Никитина И. П. *II* 76
Никитский А. В. *II* 43—46, 49—51, 55, 59, 60, 63, 64
Николаева Э. Я. *I* 370
Нильссон М. *I* 124, 197, 205
Нунен Г. *I* 368
Нуссбаум Дж. *I* 13

Олива *P.* *I* 16, 21, 164, 196, 197, 203, 215, 237, 245; *II* 259, 261, 262, 274, 278
Оливье Ж.-П. *I* 64, 77
Олье Фр. *I* 194—196, 213, 216
Омолль Т. *II* 17, 52, 54—56, 59, 61, 69
Онайко Н. А. *I* 141, 143, 378, 381
Орландини П. *I* 134, 135, 152, 153
Островерхов А. С. *I* 142, 144, 384
Отрешко В. М. *I* 142, 150, 154

Павловская А. И. *II* 44
Палмер Л. *I* 38, 42—44, 48, 50, 61, 66, 69—71, 76, 78, 80, 82, 84, 91
Папазоглу Ф. *I* 114
Парк Г. *II* 134, 266—268, 270, 276
Паршиков А. Е. *I* 327, 332, 333, 335, 337, 338, 345—349, 353, 355, 358, 362; *II* 76, 77
Пейдж Д. *I* 100, 101
Пейро С. *II* 77, 78, 101, 111
Пекорелла Лонго К. *II* 252, 253
Пёльман Р. *I* 198, 301, 303; *II* 137, 195
Периханян А. Г. *II* 48
Перлман С. *II* 76, 106, 218, 219, 221, 224, 244, 248—254
Петерс Б. Г. *I* 417
Петрушевский М. *I* 62
Печирка Я. *I* 12, 15, 16, 31, 242, 245, 264, 265; *II* 6, 12, 21, 22, 250, 254, 262
Пирсон Х. *I* 234
Пласс Г. Г. *II* 121, 124, 127, 129, 134, 138, 142, 146, 149, 151
Полякова Г. Ф. *I* 8
Помптов Г. *II* 44, 65—67, 69, 70
Попам М. *I* 99
Пранди Л. *II* 114, 118
Путилов Б. Н. *I* 111
Пэрри М. *I* 109

Радциг С. И. *I* 359; *II* 233
Райдер Т. *II* 77, 104, 110, 263
Ребак К. *I* 123, 219, 367, 376, 378, 380, 384; *II* 186, 187, 263, 272, 278
Рожицын В. С. *II* 222
Ростовцев М. И. *I* 394, 407, 412
Рубан В. В. *I* 137, 142—144, 390
Ружемон Ж. *II* 43, 49, 59, 61
Руссель Д. *I* 9, 22, 23
Русяева А. С. *I* 137, 150, 154, 387, 389, 390, 392

Савеля О. Я. *I* 371
Сайко Э. В. *I* 222
Сахненко Л. А. *I* 224, 360
Свенцицкая И. С. *I* 404; *II* 21
Секерская Н. М. *I* 367
Сент Круа Ж. де *I* 34, 235, 270, 349, 362, 363; *II* 26, 76, 101, 103, 113, 261
Сергеев В. С. *I* 205, 302; *II* 126
Сидорова Н. А. *I* 8, 138, 368
Сили Р. *II* 210, 248, 252, 253, 255
Скафтымов А. *I* 111, 112
Скржинская М. В. *I* 150
Снелл Б. *I* 172
Снодграсс А. *I* 98, 99, 105, 116—119, 122, 171, 172
Соболевский С. И. *II* 162
Сокольский Н. И. *I* 370
Сомлинсон Р. *I* 221, 222
Старр Ч. *I* 10, 33, 34, 97—99, 116, 119, 122, 123, 155, 162, 217, 219, 234, 235
Строгецкий В. М. *II* 103, 104
Струве В. В. *I* 167, 396
Сьоберг Г. *I* 222
Сьоквист Э. *I* 153

Таламо К. *I* 167, 168
Тарадаш А. М. *I* 143
Тарн В. *II* 217, 247, 264, 270, 278
Таронян Г. А. *II* 27
Толстиков В. П. *I* 372
Томас К. *I* 93, 110, 113, 114
Томсен Р. *II* 111
Торвальдсен Б. *II* 329

Трофимова М. К. *II* 44
Тюменев А. И. *I* 48, 198, 302, 368

Утченко С. Л. *I* 6, 9, 10, 30, 199, 200; *II* 247, 249, 250

Файн Дж. *I* 299, 300; *II* 13, 14, 17, 18, 22, 40
Фармаковский Б. В. *I* 367
Фергюсон В. *II* 217, 218, 247
Финли М. *I* 10, 19, 21, 26, 29, 35, 98, 100, 109, 110, 204, 205, 209, 210, 213, 214, 217, 218, 222, 234—236, 244, 302, 303, 310—312, 327, 329, 334, 335, 337, 354—359, 364, 365; *II* 13, 14, 18, 19, 38, 245, 250, 261
Фол А. *I* 400
Форрест У. Г. *I* 150, 209, 214, 224, 391; *II* 259, 264
Фролов Э. Д. *I* 8, 235, 413, 414, 416; *II* 10, 28, 31, 37, 53, 67, 111, 112, 130, 163, 166, 173, 180, 183, 229, 262—264
Фюстель де Куланж Н. Д. *I* 196

Хазанов А. М. *I* 371
Хайхельхайм Ф. *I* 10, 219, 232; *II* 40
Хаксли Дж. *I* 164
Хампль Ф. *I* 13; *II* 161, 192, 198
Хойбек А. *I* 50, 64
Худяк М. М. *I* 369
Хютль В. *I* 412

Цветаева Г. А. *I* 372
Циглер К. *I* 164
Цинзерлинг Г. Д. *II* 77, 108

Чадвик Дж. *I* 37—39, 63, 71, 75, 82
Чраймз К. М. Т. *I* 201, 203—205, 213; *II* 259

Шарль Р. *I* 99
Шван В. *II* 192, 193, 195, 198
Шелов Д. Б. *I* 378, 379, 405, 410, 411
Шель Ф. *II* 192
Шефер А. *II* 184, 186
Шифман И. Ш. *II* 44
Шишова И. А. *I* 20, 150, 228, 244, 245; *II* 86, 128
Шкорпил В. В. *I* 396, 397, 406, 411
Шлиман Г. *II* 294
Шмидт Р. В. *II* 128
Шнайдевирт Г. *I* 368
Шофман А. С. *II* 260, 267, 269—272, 276
Шрамко Б. А. *I* 399
Штаерман Е. М. *I* 13, 14, 16, 22, 23, 199, 200
Штейн В. Ф. *I* 141
Штерн Э. Р. *I* 378, 385, 393, 412

Щеглов А. Н. *I* 370, 374, 376, 378, 382, 385

Эванс А. *I* 37; *II* 287, 289
Эдкок Ф. *I* 199; *II* 75—78
Эмар А. *I*, 11; *II* 262—264, 270
Энгельс Ф. *I* 14, 15, 19, 24, 26—30, 33—35, 200, 222, 223, 236, 237, 241—243, 377
Эндрюс А. *I* 180, 182, 209, 213—215
Эрб О. *I* 219
Эренберг В. *I* 10, 11, 15—17, 19, 21, 22, 30, 35, 196, 199, 203, 210, 213, 214, 218, 224, 230, 237, 242, 245, 301, 315, 335; *II* 77, 102, 196, 254, 261, 267, 278
Эрслебен Э. *II* 40

Юнг *I* 264

Яйленко В. П. *I* 8, 133, 137, 147, 148, 168, 177, 391, 399
Якоби Ф. *I* 371
Яценко *I*

Abel O. *II* 180
Amit M. *I* 25, 228, 238, 242, 357
Andreades A. *II* 40
Apel H. *II* 149, 152
Ardaillion E. *I* 227
Austin M. *I* 16, 18, 334, 358; *II* 18, 31

Bailey B. L. *I* 219, 227
Barker E. *I* 195
Barron J. P. *I* 332, 340, 346
Beazley J. D. *I* 290
Bender D. R. *I* 19
Bennett E. *I* 39, 44
Bérard J. *I* 129
Bisinger J. *I* 195
Blass F. *II* 210
Bloch H. *I* 16
Blümner H. *I* 227
Boardman J. *I* 118, 128—130, 135, 153, 180, 187, 212, 367, 376, 400
Bockisch G. *II* 204
Borecky B. *I* 195
Bousquet J. *II* 59
Bouvier H. *II* 47
Brelich A. *I* 205
Bringmann K. *II* 163
Broneer O. *I* 97
Brulé P. *I* 21, 245
Brunt P. A. *I* 360
Burckhardt J. *I* 216; *II* 157
Burford A. *I* 18, 26
Burr V. *I* 113
Burstein S. M. *I* 17; *II* 150—152

Cartledge P. *I* 237
Cawkwell G. L. *II* 245
Chantraine P. *I* 43
Clerc M. *I* 240
Clinton K. *II* 34
Cloché P. *I* 25; *II* 181, 221, 263, 275
Colonna G. *I* 383
Connor W. R. *I* 20, 238
Cook R. M. *I* 213, 228
Craay C. M. *I* 230
Daniel G. *I* 200
Delebecque E. *II* 172
Deubner L. *II* 60
Diels H. *II* 162
Dienelt K. *II* 178
Dobesch G. *II* 161
Dover K. J. *I* 31
Drerup H. *I* 135
Drew J. *I* 83
Drews R. *I* 383
Dunant C. *II* 55
Dunbabin T. J. *I* 175, 176, 417
Dunkel H. B. *II* 204, 219
Düring J. *II* 152
Dürrbach F. *II* 211, 214, 215

Eddy S. K. *I* 335
Effenterre H. van *I* 21, 65; *II* 267, 268
Ellis J. R. *II* 181, 264

Ferckel F. *II* 162
Ferrara G. *I* 162
Flacelière R. *II* 50

Forbes R. J. *I* 147, 227
Frazer J. *I* 197
French A. *I* 27, 238; *II* 18
French E. *I* 106
Frost F. J. *I* 239
Fuks A. *II* 222
Furumark A. *I* 48, 106, 116

Garlan Y. *I* 24
Gauthier Ph. *II* 40, 76
Gawantka W. *I* 391
Gehrke H.-J. *II* 241, 243, 245
Gernet L. *II* 40
Geyer F. *II* 135, 180
Gigante M. *II* 162
Greenidge A. H. J. *I* 237
Griffith G. T. *II* 268
Grundy G. B. *II* 261
Gruppe O. *I* 369
Guarducci M. *I* 386; *II* 49, 56, 58, 60, 63
Guazzoni F. *II* 100
Guzzo P. G. *I* 154, 155

Hägg F. *I* 119
Hamilton J. R. *II* 267, 269—272, 274, 278
Hammond M. *I* 10, 12, 18, 237, 240
Hammond N. G. L. *I* 99, 100, 102, 199, 213; *II* 183
Hansen M. H. *II* 19, 36, 226
Hatzfeld J. *I* 198
Hauben H. *II* 269
Haussoulier B. *II* 40
Head B. V. *II* 131, 133
Herrscher R. *II* 152
Highby L. *I* 328, 332, 363
Hofstetter J. *II* 259
Holladay A. J. *I* 213, 215
Hood S. *I* 119
Hope Simpson R. *I* 94, 104, 105
Hopper R. J. *I* 15, 227; *II* 103
How W. W. *I* 403
Huxley S. L. *I* 213

Isager S. *II* 19

Jaeger W. *I* 12; *II* 205
Jamerson M. H. *II* 100
Janni P. *I* 212
Jaschinski S. *II* 276
Jeanmaire H. *I* 197, 205, 210
Jordan B. *I* 228

Kagan D. *II* 175
Kehl H. *II* 167
Kessler J. *II* 161
Kiechle F. *I* 201, 204, 210, 213, 214
Kienast D. *II* 182
Kirsten E. *I* 199; *II* 131
Kraiker W. *I* 120
Kranz W. *II* 162
Kroll J. H. *II* 36

Labarb J. *I* 209
Lacey W. K. *I* 19, 20, 23; *II* 59
Laix R. A. de *I* 22
Lang M. *I* 93
Langdon M. K. *I* 278
Launey M. *II* 268
Lengauer W. *I* 25
Lenk B. *II* 151, 152
Lepore E. *I* 392
Lepper F. A. *I* 352
Lerat L. *II* 56
Levi M. A. *II* 163, 178
Lifshitz B. *I* 393
Lindgren M. *I* 63
Lipsius J. H. *II* 10
Lotze D. *I* 202, 203, 245; *II* 127, 128
Luccioni J. *II* 36, 172, 205, 219
Luce J. *I* 11

MacKendrick P. *II* 212, 215, 254
Manessy-Guitton J. *I* 45
Marchett P. *II* 44, 71
Martin V. *II* 101, 112, 177
Mathieu G. *II* 163
Mattingly H. B. *I* 334
McDonald W. *I* 104, 105, 109
McGregor M. F. *II* 103, 178
Meier F. *II* 214
Meloni P. *II* 135
Meritt B. D. *I* 333, 397, 341; *II* 103, 178
Meyer H. D. *I* 328
Miltner F. *I* 100; *II* 177
Mühlestein H. *I* 82

Nadel B. *I* 396
Nesselhauf H. *I* 332, 352
Niese B. *II* 267, 270
Noonan Th. S. *I* 385
North A. *II* 78

Ota H. *I* 84

Padgug R. *I* 245
Paoli U. E. *II* 12, 21
Paribeni R. *II* 181
Perpillou J.-L. *I* 65
Phillipson C. *II* 77
Piérart M. *I* 242
Pohlenz M. *II* 100, 175
Popper K. R. *I* 198
Pouilloux J. *II* 43, 55, 70, 71
Pringsheim F. *I* 16
Pritchett W. K. *I* 272, 356

Randal R. H. *I* 227; *II* 54
Raubitschek A. E. *I* 238; *II* 178
Rawson E. *I* 195
Reinach Th. *II* 55
Romilly J. de *II* 28, 36, 37, 58, 78, 223
Rougé J. *II* 214
Roux G. *II* 43, 50, 59
Roy F. *I* 10
Ruschenbusch E. *I* 176; *II* 222
Russel P. *I* 213, 214
Rutter J. *I* 106

Samuel A. *I* 369
Saunders T. J. *I* 280
Scala R. v. *II* 163
Schachermeyr Fr. *I* 106, 199
Scheele M. *II* 124, 139, 198
Schmitt H. H. *II* 200
Schuller W. *I* 329, 360
Schurtz H. *I* 210
Schweigert E. *II* 216
Schwyzer E. *II* 49, 50, 59, 63
Seibert J. *II* 200, 265
Seltman Ch. *I* 340
Sinclair T. A. *I* 12; *II* 175
Sordi M. *II* 71, 132, 149, 182
Sprute J. *II* 147
Stähelin F. *II* 130, 179
Stanter R. S. *I* 352
Stier H. E. *II* 135, 148
Stroheker K. F. *II* 139, 142, 146, 179
Styrenius C. *I* 118
Swoboda H. *I* 206, 207; *II* 29, 36, 58, 128, 135, 182
Szanto *I* 170

Tegyey I. *I* 89, 94, 105, 112
Thalheim E. *II* 20, 227
Thirly J.-P. *I* 222
Thompson H. A. *II* 215
Tigerstedt E. N. *I* 194, 195, 197, 201, 208, 209, 211, 213, 215
Tod M. *I* 337, 347, 353; *II* 100, 102, 120, 188, 216
Toutain J. *I* 20
Toynbee A. *I* 197, 199, 201, 204, 206, 210, 213—215; *II* 263
Treves P. *II* 263
Tropea G. *II* 130

Vanderpool E. *II* 237
Velissaropulos J. *I* 219, 228
Verdelis N. *I* 122
Vidal-Naquet P. *I* 16, 18, 25, 34, 334, 358; *II* 18, 31
Vischer W. *II* 127, 160
Vogt J. *I* 224

Yong R. *I* 120

Wade-Gery H. T. *I* 198, 201, 214, 215, 334, 337, 362; *II* 103, 178
Walbank F. W. *II* 263, 273
Warhli F. *II* 113
Watrous L. V. *I* 278
Weil A. *II* 172
Weil R. *I* 12, 208
Weiler I. *I* 152
Welles Ch. B. *I* 10
Welles J. *I* 403
Wendland P. *II* 161
West A. B. *I* 337
Westerwann W. L. *I* 150
Whibley L. M. A. *I* 170, 209
Whitehead D. *I* 15, 245
Wilamowitz-Möllendorf U. *I* 197
Winter F. E. *I* 376

Ziegler W. *II* 76
Ziehen L. *I* 204
Ziomecki J. *I* 226

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абдера *I* 138, 328, 329, 352, 360, 369
Абидос *I* 356; *II* 15
Абу-Симбел *I* 168
Авлида *II* 178
Агиа Ирини *II* 301, 302
Агиа Триада *I* 89, 94, 99, 105; *II* 288—290, 295
Адриатика, Адриатическое море *I* 107, 184, 415; *II* 142
Адрия *I* 383, 386
Аканф *I* 349, 351; *II* 114
Аккосов вал *I* 405
Акра *I* 135, 369
Акрагант *I* 135, 170, 180; *II* 139, 140, 148
Акрокоринф *II* 184
Акротири *II* 291, 292, 297
Алалах *I* 98
Албания *I* 119
Алфей *I* 104, 105; *II* 334
Аль-Мина *I* 122, 123, 130, 132, 187, 386
Амбракия *II* 184
Амиклы *I* 103; *II* 313
Амнисос *II* 289
Аморгос *II* 13
Амфиполь *I* 329, 336, 337, 339, 348, 362, 363, 376, 393; *II* 181
Анависсос *II* 321, 330
Анатолия *I* 119, 128
Андрос *I* 360
Ано Эглианос *I* 93
Антикит *I* 374
Антикифера *II* 239, 355
Аполлония Иллирийская *I* 132, 141, 169, 170, 374
Аполлония Понтийская *I* 392, 393
Апулия *I* 153
Арбелы *II* 268, 271
(А)рбина, (А)рбинаты *I* 136
Аргивская долина *I* 94, 105, 106, 108, 110, 116, 119, 120, 122, 124, 126
Арголида *I* 94, 103, 106, 110, 117, 118; *II* 281
Арголидский залив *II* 298
Аргос *I* 15, 99, 103, 104, 106—108, 110, 112, 113, 116—119, 122, 124, 126, 127, 130, 170, 180, 182, 187, 330; *II* 31, 81, 87, 88, 90, 104, 107, 122, 159, 187, 262, 308, 311, 346
Ардил *I* 348
Аркадия *I* 10; *II* 187, 262, 240—272, 274
Аркесина *II* 16
Арсак *I* 340
Артемисион *I* 305; *II* 332, 338, 340
Асина *I* 94, 104, 110, 112, 116, 119, 124; *II* 308
Аспенд *I* 330
Ассирия *I* 122
Атария *I* 166
Атарней *II* 183
Аттика *I* 6, 10, 94, 103, 106, 117, 128, 131, 182, 185, 187, 188, 190, 191, 227, 228, 231, 241, 245, 247—326, 332, 366; *II* 10, 12, 14, 17—19, 22, 24, 54, 80, 186, 245, 249, 307, 319, 321, 324, 331
Атопа *I* 112
Афины *I* 6, 7, 10, 16—20, 22, 25, 28, 29, 33, 35, 97, 99, 104, 106, 116—120, 122, 124, 126, 127, 130, 161, 172, 174, 175, 177, 182—192, 198, 215, 216, 221, 224, 227—230, 232, 235, 237—240, 244, 245, 247, 250, 255, 258, 260, 262—264, 267, 275, 276, 278, 281, 287, 288, 293, 297, 298, 300, 303, 304, 307, 309, 314—316, 320—322, 327—330, 332—344, 346—358, 360, 363—365, 412, 418; *II* 5—7, 10—13, 15—18, 20—22, 26—28, 30, 31, 33—36, 38—43, 45, 47, 48, 52, 55, 58, 62, 65, 66, 38, 69, 73—75, 80—83, 86, 88—96, 98, 103—108, 110, 113—117, 119, 126, 129, 133, 134, 137, 138, 158, 159, 162, 163, 166, 167, 177, 179, 181, 183, 184, 186, 202, 204, 208—258, 260, 265, 272, 275, 305—308, 313, 314, 321, 325, 326, 336, 339, 342, 346, 353, 354
Афитас *I* 358
Ахайя *II* 187, 272, 279; см. также Ахея
Ахарны *I* 333
Ахея *I* 94, 105—107

Ахийява *I* 37
Ахиллий *I* 370

Балканский полуостров *I* 33; *II* 16, 263
Бассы *II* 57, 348
Бейкуш *I* 142, 154
Беотия *I* 94, 102, 103, 106, 130, 162, 185, 187, 230, 258, 330, 339, 348, 363; *II* 88, 106, 129, 133, 134, 179, 183, 355
Бербати *I* 110, 123
Березанский лиман *I* 142, 149, 379, 380, 400
Березань, Березанское поселение *I* 136, 137, 141—149, 152, 367, 370, 371, 374, 376, 379, 380, 382—384, 386—389, 391—393
Большая Черноморка II *I*, 142, 154, 379
Борисфен см. Ольвия
Боспор, Боспорское царство *I* 135, 140, 141, 258, 293, 370—372, 374, 393, 396—398, 400, 402, 404—411, 414—419; *II* 124, 150, 153, 196
Боспор Киммерийский *I* 369, 394—396, 404, 414, 416, 417; *II* 151
Брея *I* 333, 358, 363
Буг *I* 378, 380, 388
Бугский (Днепро-Бугский) лиман *I* 142, 144, 146, 379
Буджакская степь *I* 399
Бутера *I* 152
Бутея *I* 332

Варваровка *I* 144
Василики *II* 284
Вафио *I* 115; *II* 290
Великая Греция *II* 316
Византий *I* 341, 358, 362; *II* 15, 74, 126, 127, 186, 226, 243
Викторовка I *I* 142
Врулия *I* 135

Гавгамелы *II* 205
Галик *II* 149
Галикарнас *I* 404; *II* 351
Гела *I* 135, 152, 408, 415, 418; *II* 140, 148
Галлеспонт *I* 328, 340—342, 352, 371; *II* 196, 202
Гераклейский полуостров *I* 371, 373
Гераклея Минойская *II* 141, 149
Гераклея Понтийская *I* 17, 26, 150, 174, 368, 370, 418; *II* 16, 27, 124, 149—154
Гермиона *I* 112
Гермонасса *I* 140, 369, 370, 395, 406, 416
Гестиея *I* 15, 334, 362
Гефестия *I* 256
Гидасп *II* 203
Гиерапитна *I* 15
Гилея *I* 384
Гимера *I* 133, 135, 408, 413; *II* 138, 140, 141, 149
Гиметт *I* 258
Гипанис *I* 374
Гиппониум *I* 153
Гиссарлык *II* 282
Гла *I* 94
Граммикеле *I* 153
Гурия *I* 104
Гурния *I* 99; *II* 288

Дафны *I* 132
Декелея *I* 265, 304, 306; *II* 61
Делос *I* 122, 126, 328, 332; *II* 55, 313, 322
Дельфы *I* 7, 15, 23, 249; *II* 16, 31, 43—72, 132, 181, 182, 197, 314—316, 324, 327, 328, 331, 339
Денталиатида *II* 187, 263
Дидимы *II* 203
Дизуэри *I* 152
Димини *II* 281
Дипилон *I* 151; *II* 306, 313, 314
Днепр *I* 348, 380, 388
Днепровское *I* 142
Дон *I* 140
Дор *I* 330
Дорида *II* 45, 47
Дорион *II* 294
Дориск *I* 328
Дрерос *I* 183; *II* 308
Дримос *I* 256, 258
Дунай *I* 400

Евесперид *I* 135, 180
Евпатория см. Керкинитида
Евримедонт *I* 330
Еврот *I* 211; *II* 187, 263
Египет *I* 98, 132, 293, 330, 332, 346, 352; *II* 27, 296, 297, 304, 325
Епископия *I* 99

Закисова балка *I* 142, 400
Занкла *I* 132; см. также Мессана
Западное Причерноморье *I* 140, 146, 374

Иас *I* 353
Имброс *I* 256, 333, 360; *II* 186
Инд *II* 203
Индия *II* 203
Иония *I* 128, 137—140, 158, 164, 189, 333, 340, 370, 397; *II* 203, 317, 324
Иран *II* 203
Исс *II* 203, 265
Исса *I* 170; *II* 146
Истм *II* 269, 274
Истрия *I* 140, 141, 174, 374, 376, 384, 390, 400, 406, 410
Италия *I* 107, 122, 129, 282, 352, 414; *II* 141, 143
Иялис *I* 101

Каборга *I* 379
Кадмея *II* 200
Каковатос *I* 89
Калик *I* 101
Камарина *I* 135; *II* 140, 148
Камир *I* 101
Каппадокия *I* 176
Карийский округ *I* 354
Карист *I* 329, 360
Кария I 330, 336, 357; *II* 351
Карпато-Дунайский бассейн *I* 154
Карфаген *I* 352, 414; *II* 121, 141, 149, 159, 178, 180
Касмена *I* 135
Кастальский источник *II* 327
Кастри *I* 94
Катана *I* 132, 176; *II* 140
Като Закро *II* 286, 288
Кафирис *I* 104
Келендерис *I* 330
Кеос *II* 301
Кепы *I* 140, 370
Керамик *I* 118; *II* 115, 350
Керамический залив *I* 354
Керасунт *I* 390
Керкинитида *I* 140, 368, 370, 374
Керкира (Коркира) *I* 193, 361; *II* 74, 82, 84, 317, 318
Керос *II* 283
Керченский полуостров *I* 372, 404
Керченский пролив *I* 396, 402, 404
Керчь *I* 409; см. также Пантикапей

Кефалления *I* 94, 105, 107
Киев *I* 111
Кизик *I* 341, 360, 362, 411; *II* 30
Кикладские острова *I* 332; *II* 281, 283, 284
Киликия *I* 330;. II 169, 276
Кима *I* 170, 171
Киммерида *I* 370
Киммерик *I* 141
Кинбурнский полуостров *I* 142, 143
Кинурия *II* 187, 262
Кипариссия I 104
Кипр *I* 94, 105—107, 117, 118, 122, 126, 258, 321, 330, 352; *II* 124, 153, 168
Кирена *I* 132—135, 141, 158, 170, 177, 178, 180, 188, 352, 381
Китей *I* 369
Китий (Китион] *I* 94; *II* 21
Кифера *I* 338
Кладей *II* 334
Клазомены *I* 341, 370; *II* 27
Книд *I* 340; *II* 352
Кносс *I* 6, 37—42, 51, 58, 61, 62, 64—66, 68, 71, 72, 75—80, 83, 86, 89—92, 94—97, 99, 112, 114, 118; *II* 281, 286—290, 292, 293, 297, 300
Козырка (V, VI, IX, XXII) *I* 144
Колофон *I* 128, 132, 156, 167, 168, 170, 171, 333, 363
Коринф *I* 104, 126—130, 150, 156, 158, 164, 170, 171, 182—187, 219, 239, 244, 330, 338, 409; *II* 10, 31, 82, 86, 87, 107, 127, 133, 136, 137, 148, 158, 187—189, 194, 197—199, 236, 277, 308, 312, 327
Коркира см. Керкира
Корокондама *I* 141, 370
Коронея *I* 334
Кос *I* 119, 176, 288
Котиора *I* 390
Краннон *II* 128
Криворожский бассейн *I* 143
Кримисса *I* 153
Криса *I* 94; *II* 45
Крит *I* 6, 21, 37, 65, 66, 82, 89, 90, 94, 100—102, 105—107, 118, 119, 122, 126, 130, 170, 172, 177, 203, 205, 216, 232, 237, 245, 312, 352; *II* 266—269, 271, 280, 281, 284, 286, 288—292, 295, 296, 299, 300, 302, 304, 308
Крокусово поле *II* 134, 182
Кротон *I* 153, 170; *II* 142
Крым *I* 133, 140, 370, 382, 404, 415
Кубань *I* 416
Кумы *I* 132, 376
Кунакса *I* 13
Купуруб (Коцуруб) *I* 142, 379

Лаврион, Лаврионские рудники *I* 227, 228, 240, 287; *II* 28 33, 34, 40, 215, 227—229, 232, 245, 254, 258
Лакония *I* 102—104, 201, 203; 210, 214; *II* 263, 323
Лампсак *I* 328; *II* 30
Ларисса *I* 122; *II* 128
Лебедос *II* 16
Левктры *II* 65, 74, 75, 180, 261, 262, 264, 278
Лемнос *I* 256, 333, 360; *II* 13, 22, 186, 282, 340
Лерос *I* 330
Лесбос *I* 129, 166, 335, 336, 338, 340, 341, 343, 346, 347, 349, 362; *II* 282
Леонтины *I* 153, 182, 183; *II* 140, 146, 162
Лерна *I* 119, 123; *II* 281, 285, 292, 294
Лесостепь *I* 141, 143, 144, 146, 391, 399, 400
Лефканди *I* 105, 118
Ливия *I* 177, 352
Лидия, Лидийское царство *I* 129, 137, 138, 140, 167, 352, 369, 384, 404; *II* 203
Ликия *I* 336, 357; *II* 327
Лиманы *I* 144
Линд *I* 101
Локрида *I* 198; *II* 50
Локры Эпизефирские *I* 132, 153, 170, 175, 176; *II* 141, 146, 148,
Лупарево *I* 144

Магнезия *I* 171
Мазака *I* 176
Македония *I* 7, 335, 352; *II* 6, 31, 94, 95, 99, 111—113, 116—120, 131, 132, 150, 156, 169, 171, 179—184, 187, 191, 194, 196, 198—200, 202, 206, 208—212, 214, 216—219, 226, 228—230, 232, 234, 236, 240—242, 246, 247, 251, 254—256, 259—267, 270—275, 279, 354
Малая Азия *I* 33, 117, 128, 138, 141, 340, 366, 372, 377; *II* 48, 70, 126, 127, 139, 153, 159, 170, 172, 177, 178, 198, 203, 265, 267, 281, 319
Малая Черноморка *I* 379
Маллия *I* 99; *II* 286, 288
Мальти-Дорион *I* 89, 90, 104
Мантинея *I* 178; *II* 69, 74, 87, 264, 273, 274, 278
Марафонская равнина *I* 256
Мармария *I* 316
Маронея *I* 166, 328, 329, 352
Массалия (Массилия) *I* 132, 135, 171, 174, 386
Мегалополь *II* 187, 260, 263, 270—275, 277, 279
Мегара (Мегары) *I* 182, 185, 187, 188, 334, 336, 339; *II* 35, 50, 149, 187
Мегара Гиблея *I* 135
Мелос *I* 338; *II* 81, 291, 308, 309, 312
Менда *I* 288, 348; *II* 27
Менелайон *I* 94
Месембрия *I* 141, 374
Месогея *I* 255; 256
Мессана *II* 140
Мессанский пролив *II* 141
Мессары *II* 284
Мессения *I* 94, 102—104, 110, 201, 203, 214; *II* 187, 261—265, 278, 294, 298
Мессенский залив *I* 104, 105
Метапиккола *I* 153
Метапонт *I* 135
Метимна *I* 336, 341, 347
Метона (Мефона) *I* 358; *II* 81
Мидея *I* 94, 110
Мидия *I* 138
Микены *I* 15, 37, 62, 64, 87, 89, 93, 94, 97, 99, 103, 104, 106, 108—112, 116, 117, 119—124, 131; *II* 280, 294—296, 298—305, 312
Милет *I* 94, 128, 135, 136—140, 149, 156, 166, 180, 332, 335, 340, 341, 345, 346, 350, 359, 360, 362, 363, 366, 367, 370, 371, 382—384, 388, 390, 391, 402, 411, 412
Мирина *I* 129, 256
Мирмекий *I* 135, 140, 368—370
Мирсинохори *II* 295, 296
Митилена *I* 175, 182, 183, 191, 336, 341, 343, 347, 348, 361, 370, 395, 409; *II* 22, 103, 104, 117
Миунт *I* 328
Монте-Буббониа *I* 152

Москва *II* 326
Мотия *II* 179
Муриатида *I* 89, 110
Мюнхен *II* 321, 326

Навкратис *I* 132, 135, 166, 384, 386
Навпакт *I* 134, 150; *II* 272, 273
Навплия *I* 104, 116, 119, 124
Наксос *I* 156, 286, 329, 330, 344, 360; *II* 13, 140
Неаполитанский залив *I* 376, 383
Неаполь *I* 135
Немировское городище *I* 382, 383
Нижнее Побужье *I* 136, 137, 140, 141, 143—150, 154, 370, 378—380, 383, 384, 389
Нижнее Поднестровье *I* 140, 374
Николаев *I* 379, 400
Никоний *I* 140, 367, 370
Нимфей *I* 140, 368—370, 410
Нихория *I* 104

Одесс *I* 374, 411
Одрисское царство *I* 352
Олимпия *I* 307, 313; *II* 158, 160, 162, 316, 333, 335, 346, 350, 352
Олинф *II* 87, 160
Ольвия *I* 132, 136—140, 142—149, 152, 171, 367, 370, 374, 379, 380, 383, 386—389, 391—395, 398, 400, 402, 406, 411, 419; *II* 54
Омфака *I* 152
Опунт *I* 170
Опунтская Локрида *I* 176
Орей *I* 341
Ороп *I* 356
Ортигия 148
Орхомен *I* 93, 99; *II* 133, 184
Офиусса *I* 374
Очаков *I* 142, 379, 400

Пагасейский залив *II* 134, 182
Пагасы *II* 129
Паданская долина *I* 383
Пакии *I* 48, 55, 61, 63, 78
Палекастро *I* 59, 99
Палестина *I* 98
Палленида *I* 193
Памисская долина *I* 104
Памфилия *I* 330
Пангея *II* 232
Панопей *I* 10
Панталика *I* 150
Пантикапей *I* 138—140, 258, 369, 370, 372, 373, 384, 395, 396, 398, 408, 411, 412, 416—418
Парнасские горы *II* 327
Парос *I* 163, 164, 329; *II* 351
Парфений *I* 369
Патрасий *I* 141
Патрей *I* 135, 370
Пафлагония *I* 352
Педион *I* 255, 256
Пелла *II* 354
Пеллена *II* 273
Пелопоннес *I* 6, 94, 99, 100, 102, 201, 334, 347; *II* 31, 45, 47, 110, 133, 136, 137, 154, 184, 187, 262, 263, 265, 266, 268, 269, 271—273, 276, 278, 279, 294, 312, 351
Пепареф *I* 288
Перати *I* 94, 105
Пергам *II* 251, 356
Передняя Азия *I* 201; *II* 304
Передний Восток *I* 221; *II* 48
Перея *I* 376
Перинф *II* 186, 196, 226, 243
Персеполь *II* 202
Персия, Персидское царство *I* 328, 332, 335, 340, 342, 343, 363, 404; *II* 73, 91, 92, 94, 99, 116, 120, 122, 153, 159, 166, 172, 178, 179, 196, 197, 199, 202, 203, 205, 206, 234
Пестум *I* 157; *II* 316, 318, 333, 334; см. также Посидония
Пидна *II* 181
Пилос *I* 6, 37—40, 42, 45, 55, 58, 61—68, 71, 72, 75—78, 80—83, 86, 89—97, 105, 108, 110, 112—114, 117, 125; *II* 295, 298, 300
Пирей *I* 10, 241, 255, 258, 260, 288, 352, 353; *II* 214, 224, 228, 254, 353
Питана *I* 129
Питекусса (Питекуссы) *I* 136, 376, 383
Пифо *II* 158
Платея *II* 82, 91, 110, 184, 339
Пникс *II* 216
Побужье *I* 371, 389
Поднестровье *I* 371, 389, 400
Полиохни *II* 282
Полиэйон *II* 168
Понт Евксинский *I* 33, 129, 156, 218, 288, 336, 338, 341, 352, 362, 366, 367, 371, 374, 376, 383, 387, 390, 393, 402, 411, 415, 420; *II* 226
Порфмий *I* 141, 369
Посидония *I* 135
Потидея *I* 184, 336, 348, 358; *II* 219
Приазовье *I* 133, 140
Приена *II* 16
Причерноморье *I* 288, 406, 419; *II* 125
Пропонтида *I* 328, 336, 362, 376; *II* 182, 196
Просимна *I* 110
Псоя *I* 415

Рамнунт *I* 333
Рас-Шамра *I* 128
Регий *I* 132, 170, 176; *II* 141
Риачче *II* 340
Рим, Римское государство *I* 6, 9, 23, 234, 280, 316, 359; *II* 5, 6, 247—249, 353
Родос *I* 101, 102, 126, 129, 135, 352, 368; *II* 27, 291

Саламин, остров *I* 254, 256, 258; *II* 217
Саламин Кипрский *I* 116—118; *II* 167
Салмидесс *I* 376
Самос *I* 122, 128, 156, 328, 335, 337, 340, 342, 343, 346, 347, 352, 354, 360, 362, 363; *II* 12, 186, 310, 318
Сан-Мауро *I* 152, 153
Санторин *II* 291, 292, 304
Сарды *I* 138, 346
Северное Приазовье *I* 143
Северное Причерноморье *I* 6, 140, 142, 143, 152, 154, 366—420; *II* 154, 354
Селимбрия *I* 353, 356
Селинунт *I* 135; *II* 138, 140, 141, 316, 318
Семибратнее городище *I* 141
Сескло *II* 280
Сибарис *I* 136, 153, 156, 171
Сива *II* 203
Сигей *I* 395
Сикион *I* 104, 159, 170, 182—184, 229; *II* 31, 124, 136, 137
Силарис *II* 318
Синд *I* 94
Синдика *I* 409, 419
Синдская гавань *I* 370
Синопа *I* 366, 383, 390, 403; *II* 169
Сиракузы *I* 134, 135, 141, 148, 150, 169, 170, 183, 187, 188, 349, 354, 412—414, 417, 418;

II 6, 27, 124, 138—140, 143, 146—154, 159, 163
Сирис *I* 156, 163
Сирия *I* 98, 123, 132, 352; *II* 276
Сифнос *I* 329; *II* 266, 268
Сицилия *I* 101, 122, 129, 134, 140, 153, 154, 158, 218, 258, 321, 351, 352, 409, 414—416, 420; *II* 54, 81—83, 112, 114, 121, 138—141, 145—149, 159, 178, 180, 316
Скиллетийский перешеек *II* 141, 142
Скиона *I* 348
Скиритида *II* 186, 263
Скирос *I* 256, 329, 354; *II* 13, 186
Скифия, Скифское царство *I* 144, 154, 380—383, 398—400, 402, 416, 419
Спарта (Лакедемон) *I* 6, 7, 15—17, 21, 33, 35, 36, 159, 160, 164, 168, 170, 180, 194—216, 232, 237, 282, 309, 327, 330, 337, 339—342, 346, 348—350, 352; *II* 6, 16, 17, 31, 47, 52, 59, 68, 71, 73—75, 80—83, 86—96, 98, 104—108, 110, 114, 116—119, 126, 129, 130, 133, 136, 137, 139, 149, 158—160, 166—168, 173, 174, 177—179, 183, 187, 188, 196, 202, 206, 208, 217, 259—279, 290, 313
Спина *I* 336
Средиземное море (Средиземноморье) *I* 33, 88, 97—99, 102, 104, 105, 107, 122, 156, 218, 330, 383, 402, 419; *II* 141, 260, 280, 283, 302, 311
Станислав *I* 144
Старая Богдановка II, *I* 149, 154
Старая Смирна *I* 128, 129, 156
Стримон *I* 352
Сузы *II* 73, 276
Сукас (Тель-Сукас) *I* 132, 386
Суний (Сунион) *I* 265, 278, 333; *II* 314

Таврика *I* 371, 376
Таганрог *I* 140
Тайгет *I* 201; *II* 187
Таманский архипелаг *I* 371, 405
Таманский полуостров *I* 370, 410, 419
Тамань *I* 370, 373
Танагра *I* 106, 330, 355
Тарент *I* 136, 153
Тарсос *I* 94, 105
Тегея *II* 16, 52, 187, 262, 270, 273, 274, 351
Тейхиусса *I* 332, 413
Тенар *II* 266
Тенея *I* 162; *II* 321
Теос *I* 140, 341, 369
Тиндарида *II* 146
Тир I 236; II 268
Тира *I* 140, 367, 370, 374, 411
Тирамба *I* 141, 370
Тирас *I* 374
Тиринф *I* 37, 89, 94, 97, 103, 104, 106, 108, 110, 112, 116—119, 122—124; *II* 298—300, 302, 305, 310
Тиритака *I* 135, 140, 369, 370, 372, 402
Тиритакский вал *I* 405
Токра *I* 180
Томы *I* 411
Торик *I* 140, 265, 306
Торона *I* 339, 348
Торре Галли *I* 153
Торре Мордилло *I* 154
Траган *I* 104
Трапезунт *I* 366, 390
Трезена *I* 112
Триасийская равнина *I* 255, 256
Троада *I* 356; *II* 281, 282
Троя *I* 100, 107, 108; *II* 178, 202, 281, 282, 329

Угарит *I* 98, 128
Украина *I* 383

Фанагория *I* 138—140, 370, 374, 416
Фаны *I* 129
Фарсал *II* 128
Фаселида *I* 329, 330, 357
Фасос *I* 163, 164, 288, 329, 341, 344, 350, 354, 356, 376
Феодосия *I* 140, 368, 370, 408, 409, 411, 414, 415, 417—419; *II* 150, 354
Фера *I* 67, 73, 155, 169, 170, 177, 178, 291, 292, 297, 314
Фермопилы *II* 158, 260
Фермос *II* 310, 316
Феры *II* 129, 130, 182
Феспии *I* 159
Фессалия *I* 103, 104, 107, 170, 330; *II* 52, 65, 69, 124, 127—134, 147, 149, 154, 155, 172, 181, 182, 187, 280, 281
Фест *I* 89, 94, 99, 105; *II* 286—288, 290
Фивы *I* 37, 89, 92, 93, 99, 229; *II* 10, 53, 65, 66, 68, 74, 87, 90, 94, 106, 107, 110, 132, 133, 136, 137, 159, 183, 200, 212, 218, 236, 242, 265, 273—275, 278, 300
Фигалия *II* 349
Фила *I* 265
Финикия *I* 132, 352, 357; *II* 276
Финокитто *I* 150
Флиунт *II* 86
Фокея *I* 129, 138
Фокида *I* 94, 330; *II* 31, 48, 50, 53, 65, 67—69, 124, 127, 133, 134, 136, 154, 182, 183
Фракийское побережье *II* 182
Фракия *I* 168, 329, 332, 333, 342, 344, 400; *II* 27, 183, 272, 275
Фригия, Фригийское царство *I* 129, 352
Фригия Геллеспонтская *II* 151
Фригия Малая *II* 203
Фурии *I* 134, 335

Халкедон *II* 27
Халкида *I* 129, 170, 171, 334, 346, 360, 363, 364; *II* 22
Халкидика *I* 174, 184, 336, 339, 348, 362; *II* 182, 184
Херонея *I* 10; *II* 171, 183, 186, 187, 200, 208, 209, 212, 214, 215, 229, 230, 232, 243, 244, 246, 248, 262, 264, 272—275
Херсонес *I* 368, 370
Херсонес Фракийский *I* 332, 360, 363, 397, 400; *II* 186, 219, 226
Хеттское царство *I* 84, 98, 118
Хиос *I* 94, 105, 129, 132, 150, 156, 166, 167, 192, 328, 335, 337, 338, 340, 341, 343, 346, 349—351, 391; *II* 16, 108, 322
Христополь *I* 341

Черное море см. Понт Евксинский
Чертоватое (II, VII) *I* 144, 379

Широкая балка *I* 142

Эвбея *I* 94, 105, 118, 130, 258, 332, 334, 335, 346, 350, 352, 356, 365; *II* 45, 47, 243
Эгеида, Эгейский бассейн *I*

107, 120, 122, 129, 328, 333, 334, 340, 343, 352, 355, 364, 380, 403; *II* 266, 282, 286
Эгейское море *I* 33, 89, 104, 129, 328; *II* 162, 281, 291, 292, 308
Эги *II* 198
Эгина *I* 112, 130, 244, 255, 259, 263, 330, 333; *II* 329
Эгоспотамы *I* 342, 347, 352
Эйон *I* 327, 329, 354
Экбатаны *I* 230; *II* 203
Элевсин *I* 122, 265; *II* 312
Элида *I* 103, 198, 339; *II* 86, 107, 187, 262, 275, 333, 346
Эллепор *II* 141
Эмпорион *I* 129, 141
Эн *I* 329, 352
Эниады *II* 271
Энкоми *I* 94
Энофиты *I* 330
Эолида *I* 128, 140; *II* 183
Эпидавр *I* 104, 112, 170, 182; *II* 207, 353
Эпир *I* 99, 100, 119, 120; *II* 131, 183
Эретрия *I* 15, 129, 170, 171, 183, 334, 350, 360
Эритры *I* 332, 341, 345, 359, 360, 362, 363
Этолия *I* 198; *II* 271, 272, 310
Эфес *I* 135, 180, 340; *II* 318, 348
Южная Италия *I* 153, 158, 168; *II* 54, 142, 340
Южное Причерноморье *II* 27
Ягорлыцкий комплекс (район) *I* 142, 143, 383, 389

Agios Andreas *I* 104
Agios Georgios *I* 104
Agios Ilias *I* 105
Akerewa *I* 65
Diasela *I* 105
Kizzuwatha *I* 118
Kladheos *I* 105
Krebeni *I* 104
Metapa *I* 84
Petono *I* 84
Rijo *I* 65
Roowa *I* 65
Tino *I* 61
Tombrino *I* 105

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

автаркия *I* 23, 232, 290, 417
агора *I* 135, 148, 167, 187, 386, 387; *II* 49, 137, 225
агатурги *I* 206
агела *I* 205, 206, 210
агройки *I* 251
алия *II* 61
амфиктиония *II* 159
амфиктионы *II* 132, 181—183, 197
аномия *I* 211
апелла *I* 209
апойки *I* 358
апойкия *I* 146, 218, 219, 333, 358, 363, 366, 368—370, 373, 374, 377, 378, 383, 384, 386, 388, 390—392, 395, 402, 406, 412, 416, 419
апофора *I* 202; *II* 41
ареопаг *II* 209, 217, 224, 244
архагет *I* 164, 177
архонт *I* 148, 334, 360, 396, 407, 410—413; *II* 17, 66, 144, 200
архонт-эпоним *II* 50, 52
астином *I* 387
атимия *II* 62, 65, 68
басилей *I* 160, 163, 166, 244
басилейя (qasirewija) *I* 62, 65—68, 70—72, 75
буле *I* 334, 359; *II* 30, 50, 209
булевт *I* 261, 364; *II* 50, 57, 67, 70
гаморы *I* 162, 170, 187
гармост *I* 341; *II* 73, 109, 116
гектеморы *I* 190, 191
гелиаст *I* 357; *II* 15
гелиея *I* 22, 363—365; *II* 222
генос *I* 20, 23
геоморы *I* 187—190, 192
гергиты *I* 150
героист *II* 56
геронты *I* 70, 160, 162, 164, 165, 208
герусия (γερουσία, kerosija) *I* 68—71, 74, 75, 210
гетерия *II* 252
гетеры *II* 253
гиеромнемон *II* 66, 67
гимнеты *I* 150
гиппоботы *I* 170, 184, 346, 362
гоплит *I* 19, 25, 171, 172, 214, 240, 290, 294, 295, 338, 339; *II* 131
гоплитская полития *I* 209, 215
дамиург *II* 60, 63
дамос (damos) *I* 43, 44, 64, 84, 86—88
дамухи *I* 160, 162
декарх *II* 173, 116
декархия *II* 107
дем *I* 15, 20, 230, 261—265, 272, 281, 289. 298, 308, 311, 315, 322; *II* 10, 14, 20, 21, 38, 62
демагог *I* 180, 289
демарх *I* 166, 254; *II* 10
демоты *I* 262—264
диакрии *II* 146
дикастерий *II* 29, 30
дикасты *I* 404
династы *I* 404, 407—409
докимасия *II* 58
евергесия *I* 391
евергет *I* 408
евномия *I* 211
евпатриды *I* 20, 162, 185, 187, 189, 295, 297
епископ *I* 334, 359, 360
зевгиты *I* 172, 358
илотия *I* 159, 201, 202, 245; *II* 261
илоты *I* 21, 35, 150, 202—204,

210, 214, 216, 237, 244, 355; *II* 127, 174, 261, 278
исополития *I* 390, 391; *II* 76
исотелия *II* 65, 68
какономия *I* 211
каллипиды *I* 150
камаевс *I* 45, 48, 51, 52, 54, 55, 57, 61
киллирии *I* 150
кларос *I* 17
клароты *I* 250, 244
клер *I* 133, 134, 170, 202, 268, 280, 281, 292, 346, 392; *II* 127
клерухи *I* 267, 296, 332, 337, 365; *II* 22
клерухия *I* 19, 240, 296, 332, 353, 354, 358, 360, 362; *II* 22
коретер *I* 67, 86
косм *I* 183, 184
криптии *I* 210
ксен *I* 147; *II* 40, 53, 56
ктист *I* 395
лавагет *I* 45, 50, 62, 64—66
манумиссия *I* 391
манумиссор *II* 51
метеки *I*, 15, 16, 28, 31, 35, 238, 240, 242, 245, 250, 260, 274, 276, 277, 281, 282, 353; *II* 12, 15, 16, 20—24, 29, 30, 32—35, 40—42, 50, 51, 53, 56, 230
мисахеи *I* 150, 159
мнемоны *I* 404
мноиты *I* 150, 244
мофаки *I* 206
паварх *II* 143
навклер *I* 219
наопей *II* 66, 71
неодамоды *I* 204
неопои *I* 404
неополиты *II* 142, 143
номос *I* 29, 155; *II* 101, 123, 223
обы *I* 164, 205
ойкет *I* 286
ойкист *I* 148, 177, 395
олимпионик *I* 185
паноплия *I* 171—173
паралии *II* 246
патрия *II* 56, 59—61
педавойки *I* 15
педиеи *II* 246
пенестия *I* 245
пенесты *I* 150, 244; *II* 127, 129, 131
пентакосиомедимны *I* 270
пентамарит *II* 63
периэки *I* 15, 21, 150, 159, 178; *II* 127, 129, 166
перфокарии *I* 150, 159
полемарх *I* 362, 398
полианом *II* 143
притан *I* 404, 411; *II* 67
проксен *I* 334, 347; 360—362
проксения *I* 360; *II* 186
промантия *II* 47
простат *I* 182, 193, 362
проэйсфора *II* 30
псефисма *I* 29; *II* 220, 223, 224, 252
сикофант *II* 222
симмахия *I* 365, 397, 417; *II* 77, 159, 160, 192, 199, 206, 263
симмория *I* 356, 357; *II* 30, 210
симполития *I* 389
синегор *II* 63
синедрион *II* 194, 195, 198, 200, 217
синедры *I* 11
синойки *I* 15, 392
синойкизм, синойкия *I* 282, 388; *II* 16
синтриерархия *II* 29
сисситии *I* 17, 176, 197, 205, 206, 210, 212, 214; *II* 261
сотер *I* 408
спартиаты *I* 15, 35, 160, 162, 202—204, 212, 214, 216; *II* 16, 174
стасис *I* 191, 392; *II* 53, 65, 66, 176
стратег-автократор *I* 412, 417; *II* 126, 132—134, 140, 143, 146, 151, 155, 156, 181, 182, 194, 198, 200, 208, 265
таг *II* 59—64, 128, 130, 131, 147, 155
темен, теменос *I* 42, 44, 45, 50, 66, 148, 387, 393
терет *I* 45, 48—52, 55, 61
тетрады *II* 128
тимухи *I* 171
трапезит *I* 28, 228, 240, 311; *II* 26, 38, 41, 225
триба *I* 104
триерарх *II* 143
триерархия *II* 29
триттия *I* 254, 256—258
фесмофет *I* 362, 364
феты *I* 19, 172, 190—192, 240, 286, 294, 296, 332, 358, 365
фиас *II* 56, 61
фила *I* 15, 20, 23, 159, 161, 164, 165, 178, 184, 192, 204, 254—258; *II* 10, 20, 21, 28
форос *I* 329, 333, 335, 337—339, 344, 354—357, 364, 365; *II* 103
фратриарх *II* 10, 63
фратрия *I* 15, 20, 23; *II* 10, 14, 20, 21, 38, 59—64
фрурарх *I* 359, 360; *II* 143
хора *I* 132, 134—136, 140, 142, 150, 182, 218, 235, 252, 379, 380, 389—391, 404, 405; *II* 10
хорион *I* 252, 272
эйсфора *II* 11, 29, 30
экклесия *I* 357, 408; *II* 29, 30, 209, 216, 223, 224, 229, 249
эмпорий *I* 146, 154, 374, 378, 385, 389
эмпоры *I* 229
энойки *I* 15
эпарх *II* 143
эпимелет *II* 10, 50
эпистат *I* 254
эпитроп *I* 280, 403
эпифора *I* 335
эпойки *I* 15, 132, 168, 169, 173, 392, 393
эпоним *I* 411
эргастерий *II* 33
эсимнеты, эсимнетия *I* 174, 175, 177, 190, 191, 393, 395, 411
эфоры, эфорат *I* 196, 206—208, 210, 215; *II* 126

akotono *I* 53, 54, 67
anono *I* 43, 44
aroura *I* 42
dama/duma *I* 86
damokoro *I* 64
eranoi *II* 42
eremo *I* 50
etonijo *I* 42, 54—56, 59, 85
horoi *I* 270, 310, 311; *II* 13, 14, 17
ijerowoko *I* 55
kama *I* 42, 44—46, 50, 55—60, 84, 86
koro *I* 42, 49
kotona *I* 42, 46, 52—54, 56—60, 67
kotona kekemena *I* 42—44, 52, 54, 55, 60, 84—88
kotona kitimena *I* 42—44, 48, 49, 52—58, 66
kotonooko *I* 52—54, 61, 85
nidûtum I 50
onato *I* 42, 49, 53—55, 57, 60, 84, 85, 88
onater *I* 49, 52—54, 57
padeweu *I* 55
rawakeja *I* 62, 65, 66, 68, 70, 72
wanaka-Fanax *I* 45, 62—64
worokijoneio *I* 50

ἀγατός *I* 162, 163, 189
ἀγρός *I* 251, 265, 270
ἀγωγή *I* 205, 206
ἀδουλία *I* 284
ἀδυναμία *I* 317
αἰδώς *I* 163
ἀντίδοσις *II* 29
ἀρετή *I* 160, 162, 163, 187, 189
ἄριστος *I* 162, 193
ἀρχαί *II* 49, 174
ἀρχή *II* 114
ἀστοί *I* 163, 164, 188
ἄστυ *I* 11, 167
ἀτέλεια παντῶν *II* 51
ἄτη *I* 186
αὐτονομία «автономия» *I* 339, 340, 343, 348, 349, 363, 386, 404, 415, 417; *II* 67, 69, 77, 99—108, 110—113, 117—120, 128, 131, 190, 263, 279
αὐτονόμοι ξύμμαχοι *II* 104, 105, 112, 117
αὐτοπώλης *I* 289
αὐτουργός *I* 285
βουλή δημοσίη *I* 166
γενναῖος *I* 163
γεωργός *I* 251, 276; *II* 23, 24
γῆ ἀδέσποτος *I* 392
γῆ ἀδιαίρητος *I* 392
δάμιοι *I* 184
δαμόσια, δημόσια *I* 168; *II* 35
δειλοί *I* 154, 159, 160
δεσποτεία *II* 77
δημόται *I* 162
δίκη, δίκαιον *I* 155, 163; *II* 78
δίκη βιαίων *I* 189
δουλοσύνη *I* 191
ἔγγειος οὐσία *I* 271
ἔγκτησις *II* 15, 16, 20—22, 45, 51
ἔγκτησις γῆς καὶ οἰκίας *I* 251
ἔδαφος (ἐδάφη) *I* 253
ἔθνος *I* 12
ἔθος *I* 12
ἐλευθερία, элевтерия «свобода» *I* 417; *II* 77, 78, 90, 99—102, 108, 111, 113, 114, 116—120, 151, 170, 190, 263, 279
ἐλευθερία — δουλεία *II* 100, 113, 114, 116
ἐπιμαχία *II* 76
ἐπιμελεία *II* 77
ἐσθλός *I* 154, 159, 160, 162, 163
ἐσχατιά *I* 252, 253, 270, 392
εὐγενής *I* 162
εὔνοια *II* 77
εὐποροι καὶ γνώριμοι *I* 393
ἔκοντες δύναμιν καὶ κρῆματα *I* 191
θέμα, θέματα *II* 63
κακή *I* 191
καλοι κ'αγαθοί *I* 163
καλός *I* 162
κάπηλος *I* 289
κατασκευή *I* 280
κῆπος *I* 253
κοινὴ εἰρήνη *II* 77, 161, 183, 189, 190
κοινοὶ νόμοι *II* 77, 100
κοινόν *II* 112, 161
κοινωνία *I* 11, 12
κοσμόπολις *I* 175
κράτος *II* 77
κτήματα *II* 55
κτηματικοί *II* 255
κῦδος *I* 162, 163
κώμη *I* 12
μισθωτοί *I* 286
οἰκία *I* 12
οἰκονομική, ойкономика *I* 242; *II* 27
οἰκόπεδον *I* 253, 387
οἶκος, ойкос *I* 17, 19—21, 23, 25, 30, 133, 144, 170, 234
οἰκόσιτος *II* 35
ὄλβος *I* 186
ὅμοιοι *I* 162
ὁμόνοια *II* 78
οὐσία *II* 55
ὄχλος *I* 161
παλαιὸς (πρῶτος) κλῆρος *I* 173
πάτριος πολιτεία *I* 29
πενιχροί *I* 190
οἱ πεντεκαίδεκα *II* 60
πλέθα *I* 169
πόλισμα *I* 11
πολῖται *I* 163, 164
πολιτεία, полития *I* 31, 160
συμβολαί *II* 76
ὕβρις *II* 77
ὑπήκοοι *I* 344; *II* 102
φίλοι, совет «друзей» *I* 414; *II* 140, 143
φύσις *II* 101, 123
χρήματα *I*, 133; *II* 55, 63
χρηματιστική, хрематистика *I* 242; *II* 27, 38
χώρα ἱερά *II* 45
χώρα πολιτική *I* 15, 203
χωρίδιον *I* 274
χῶρος *I* 252

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1 ПРОБЛЕМЫ КРИЗИСА ПОЛИСА 5
Л. М. Глускина

ГЛАВА 2 ДЕЛЬФИЙСКИЙ ПОЛИС В IV В. ДО Н. Э. . . . 43
Л. М. Глускина

ГЛАВА 3 ПРИНЦИПЫ МЕЖПОЛИСНЫХ ОТНОШЕНИЙ КОНЦА V — СЕРЕДИНЫ IV В. ДО Н. Э. 73
В. И. Исаева

ГЛАВА 4 МЛАДШАЯ ТИРАНИЯ 121
Э. Д. Фролов

ГЛАВА 5 ПАНЭЛЛИНИЗМ В ПОЛИТИКЕ IV В. ДО Н. Э. 157
Э. Д. Фролов

ГЛАВА 6 АФИНЫ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ МАКЕДОНСКОМ. . 208
Л. П. Маринович

ГЛАВА 7 СПАРТА ВРЕМЕНИ АГИСА III 259
Л. П. Маринович

ГЛАВА 8 ГРЕЧЕСКОЕ ИСКУССТВО 280
Н. А. Сидорова

БИБЛИОГРАФИЯ 357

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 365

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 366

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ 375

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ 380

АНТИЧНАЯ ГРЕЦИЯ

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИСА

Том 2

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор издательства
Ф. Н. АРСКИЙ

Художник
Г. В. ДМИТРИЕВ

Художественный редактор
Н. Н. ВЛАСИК

Художественно-технический редактор
Т. А. ПРУСАКОВА

Корректоры
Л. И. КИРИЛЛОВА, Е. В. ШЕВЧЕНКО

ИБ № 25441

Сдано в набор 10.02.83.
Подписано к печати 2.08.83.
Т-15827. Формат 70×90¹/₁₆
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 28.08 Уч.-изд. л. 32,2. Усл. кр. отт. 29,94
Тираж 15000 экз. Тип. зак. 2656 Цена 2 р. 40 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10